

А. Р. КЫЗЛАСОВ

ТАШТЫКСКАЯ ЭПОХА

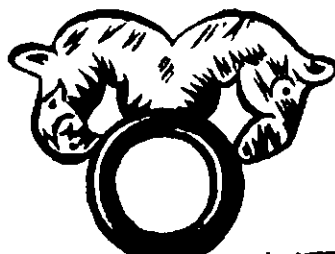
ЗАМЕЧЕННЫЕ ОПЕЧАТКИ

Страница	Колонка	Строка	Напечатано	Следует читать
25	лев.	7 снизу	края	района
39	прав.	2 снизу	Trouvalles tombales siberinnes	Trouvailles tombales sibériennes
50	прав.	10 сверху	рис. 29—2	рис. 29—9
84	прав.	26 сверху	гривы	гривны
109	лев.	5 снизу	стр. 70	рис. 70
112	лев.	13 снизу	G. Laslo	G. László
132	лев.	1 сверху	графов	грифов

Л.Р. КЫЗЛАСОВ

ТАШТЫКСКАЯ ЭПОХА В ИСТОРИИ ХАКАССКО-МИНУСИНСКОЙ КОТЛОВИНЫ

К. А. ОБЛ.
* МОСКВА

ИЗДАТЕЛЬСТВО
МОСКОВСКОГО УНИВЕРСИТЕТА

1 9 6 0

*Печатается по постановлению
Редакционно-издательского совета
Московского университета*

ОТВЕТСТВЕННЫЙ РЕДАКТОР
ЧЛЕН-КОРРЕСПОНДЕНТ АКАДЕМИИ НАУК СССР
ПРОФЕССОР С. В. КИСЕЛЕВ

ВВЕДЕНИЕ

*

Перед советскими археологами открыты широкие горизонты для исследований, посвященных изучению вещественных источников, помогающих осветить древнейшие периоды истории народов нашего многонационального государства. В связи с этим встает задача выявления тех древних племен, которые, благодаря особенностям их исторического развития, наиболее активно участвовали в процессе сложения народностей.

Такая задача и определила выбор темы настоящей работы, в которой автор делает попытку раскрыть основное содержание сложного этногенетического процесса, протекавшего на Алтае-Саянском нагорье в конкретно-исторических условиях так называемого «таштыкского времени» (I в. до н. э. — V в. н. э.). В таштыкскую эпоху в этой местности произошли не только важнейшие экономические и социальные сдвиги, приведшие в конце ее к образованию классового общества и сложению первых государственных образований алтайских тюрок и древних хакасов, но и интереснейшие этнические перемены. Автор принимает термин «таштыкская эпоха», выдвинутый С. В. Киселевым, как характеризующий «развитие действительно существовавших сообществ людей в определенных социально-экономических условиях и обстановке, сложившейся в данное время и в данном месте»¹.

Буржуазные ученые дореволюционного прошлого не могли ставить и разрешать вопросы этногенеза, оставив нам в наследство лишь самые пессими-

стические прогнозы на будущее. Так, крупнейший исследователь алтае-саянских древностей, этнограф и тюрколог академик В. В. Радлов писал: «К сожалению, едва ли окажется когда-либо возможность разрешить вопрос о происхождении древнейших обитателей Сибири»².

Только советские ученые, последовательно применяющие в своих исследованиях положения диалектического и исторического материализма, сумели правильно ставить и разрешать сложнейшие вопросы этногенеза древних племен и народов. Для районов Южной Сибири наибольшее значение в этом отношении имеет капитальная монография С. В. Киселева «Древняя история Южной Сибири»³. Обобщив большой фактический материал и опираясь на собственные двадцатилетние плодотворные исследования памятников далекого прошлого Южной Сибири, С. В. Киселев воссоздал ее неписаную историю, разрешил основные загадки происхождения древних обитателей этой области. Вместе с тем С. В. Киселев в этой работе поставил целый ряд проблем, требующих специального изучения, на которые прежде всего должно быть обращено внимание при дальнейшей исследовательской работе в области южносибирской археологии.

Одной из таких задач является хронологическая систематизация, по мере поступления новых мате-

² В. В. Радлов. Сибирские древности. Из путевых записок по Сибири. СПб., 1896, стр. 70 (отд. оттиск из VII тома ЗРАО).

³ 1 изд. опубликовано в серии МИА СССР № 9. М., 1949; 2 изд., пересмотренное и дополненное, вышло отдельной книгой в Издательстве АН СССР в 1951 г.

¹ С. В. Киселев. Древняя история Южной Сибири, 2 изд. М., 1951, стр. 4.

риалов, памятников внутри тех эпох, которым до настоящего времени давалась лишь общая характеристика. Общеизвестно, что чем точнее и уже датировка памятников, тем точнее и полноценнее исторические исследования, построенные на археологических вещественных источниках. В связи с этим автор в первой части предлагаемой работы поставил задачу: расклассифицировать все известные ныне памятники таштыкской эпохи, установить хронологические этапы ее развития и их датировку. По мнению автора, рассмотрение памятников в хронологическом порядке, по этапам, позволяет, как увидим, значительно уточнить весь ход исторического процесса, протекавшего в Хакаско-Минусинской котловине в исследуемый период времени. При этом, естественно, вскрываются новые обстоятельства и факты, которые невозможно было выявить и оценить без предварительной источниковедческой проработки материалов. Наиболее значительные изменения происходят в прежних представлениях о путях этногенетического процесса, ибо вскрываются новые связи ряда современных народов Сибири с их отдаленными предшественниками и предками. Выявление этих связей, вероятно, будет способствовать и разрешению проблемы происхождения некоторых языковых групп и отдельных языков сибирских народов. Само собой разумеется, что попытки подобного рода могут оказаться успешными при комплексной оценке имеющихся мнений в смежных научных дисциплинах и прежде всего в лингвистике, антропологии и этнографии. Совокупность выводов этих наук, в том числе и археологии как неотъемлемой части исторической науки, при их совпадении, определяет правильность решения вопросов происхождения народов и их языков.

Задачей второй части работы является создание исторического очерка исследуемого периода и обоснование нового решения проблемы этногенеза хантов, северных алтайцев и хакасов.

Первыми сведениями о памятниках таштыкской эпохи наука обязана русскому академику П. С. Палласу, совершившему в конце XVIII в. (1768—1773 гг.) свое знаменитое путешествие по России и оставившему энциклопедический труд «Путешествие по разным провинциям Российского государства», вышедший на русском языке в 5 томах в 1773—1788 гг. Паллас очень интересовался древней историей тех мест, в которых ему удалось побывать, и для этого специально изучал и описывал археологические памятники. Посетив дважды территорию Хакаско-Минусинской котловины, в 1770 и 1772 гг., Паллас не только подробно изучал и описывал памятники старины, но также производил и раскопки древних погребений¹, стремясь составить научное представление об их возрасте. Он скупал у местного населения древние предметы, происходящие из могил или найденные случайно, изучал и подробно описывал встретившиеся

ему древние рудники, городища, формы курганных или иных могильных сооружений, а также каменные изваяния и, не удовлетворяясь виденным лично, опросным путем «у искусившихся в гробокопании мужиков» (кладоискателей, которых в Сибири называли «бугровщиками») собирал данные о различиях внутреннего устройства разновременных могил и их инвентарей.

В трудах Палласа уже упоминаются таштыкские каменные изваяния, известные в науке под хакасскими наименованиями «Хыс-тас» (Девушка-камень) и «Кизи-тас» (Человек-камень). Эти изваяния, впоследствии уничтоженные, Паллас видел поваленными неподалеку от р. Аскиз². Первым же сообщает он со слов кладоискателей деревни Каптыревой и о таштыкских гипсовидных погребальных масках: «Один старик гробокопатель меня уверял, что ему дважды случалось находить сделанные из на фарфор похожей материи тощие человеческие головы обыкновенной величины, раскрашенные зелеными и красными прикрасами»³.

Лишь через 100 лет после Палласа начинаются регулярные обследования археологических памятников Хакаско-Минусинской котловины, еще очень далекие от совершенства в научном отношении. Большие раскопки древних могил были произведены в 1863 г. учителем немецкого языка Барнаульского училища, впоследствии академиком-тюркологом, В. В. Радловым. О том, что Радлов где-то на р. Абакане раскопал среди прочих и таштыкское погребение, известно лишь по тому, что им в общем отчете опубликован один типично таштыкский сосуд с ушками для подвешивания⁴.

Наконец, в 1883 г. был раскопан на Тагарском острове, против г. Минусинска, первый таштыкский склеп акцизным чиновником А. В. Адриановым, который приступил тогда к многолетним раскопкам археологических памятников Хакаско-Минусинской котловины⁵. Второй склеп там же раскопан в 1888 г. сотрудником Минусинского музея, ссыльным народовольцем, Д. А. Клеменцом, впоследствии известным этнографом и археологом⁶. Все дальнейшее дореволюционное изучение таштыкских памятников ограничивается работами Адрианова. Им были раскопаны в 1894 г. в долине р. Тубы (лог Джесос) два склепа (к. № 5 и № 6)⁷, в 1895 г. — два склепа и погребение под каменной выкладкой на

¹ П. С. Паллас. Путешествие по разным провинциям Российского государства, ч. III, половина I, 1772 и 1773 гг. Перевел В. Зуев. СПб., 1788, стр. 501.

² Там же, стр. 540.

³ В. В. Радлов. Сибирские древности. Из путевых записок по Сибири. СПб., 1896 (отд. оттиск из VII тома ЗРАО), табл. VIII, рис. 3.

⁴ А. В. Адрианов. Путешествие на Алтай и за Саяны, совершенное летом 1883 г. Зап. ЗСОРГО, кн. VIII, вып. 2. Омск, 1886, стр. 34—47; его же. Доисторические могилы в окрестностях Минусинска. ИРГО, т. XIX, вып. 3, СПб., 1883, стр. 249—251.

⁵ Отчета нет. Вещи хранятся в ГИМ, инв. № 44848, хран. 85/96.

⁷ ОАК за 1894 г. СПб., 1896, стр. 107—108. Ср. А. В. Адрианов. Выборки из дневников курганных раскопок в Минусинском крае. Минусинск, 1902—1924, стр. 42.

¹ Им впервые, например, раскопан позднетагарский курган с коллективным погребением (левый берег р. Абакана, 6.IX 1772 г.).

граве «Малый Камешек» кряжа Думной горы¹. В 1898 и 1899 гг. в могильнике у Абаканской управы (Абаканский могильник) при раскопках тагарских курганов Адрианов вскрыл семнадцать впускных грунтовых могил таштыцкого времени (13 — в 1898 г. и 4 — в 1899 г.)². И, наконец, в 1903 г. им изучены семнадцать грунтовых погребений в двух группах Оглахтинского могильника, который своими находками и их сохранностью приобрел мировую известность³.

Только после Великой Октябрьской революции началось подлинно историческое изучение таштыцких памятников. Советские археологи впервые применили действительно научную методику раскопок и их документальную фиксацию и, накопив материалы, выделили таштыцкие древности, определив их хронологическое место.

Уже с 1920 по 1928 г. велись планомерные исследования археологической экспедицией С. А. Теплоухова, которой удалось охватить раскопками памятники почти всех эпох древней истории Хакасско-Минусинской котловины. Эти работы выявили и большое количество таштыцких погребений. В особенности хорошо изученным оказался район с. Батени на левобережье р. Енисей⁴. В 1923 г. Теплоуховым раскопан склеп у д. Сарагаш, на увале между Мельничным (р. Карасук) и Барсуциным логами. В 1924 г. были исследованы самый ранний из таштыцких склепов — «одиночная могила № 14» — и три грунтовых погребения в могильнике у Горького озера. В 1925 г. раскопаны четыре грунтовых могилы в устье рч. Таштык и пять на урочище «Копи» у Горького озера. Им же в 1928 г. вскрыты пять грунтовых погребений в могильнике «Копи» у Горького озера и одна могила около улуса Окунева. Кроме того, три грунтовых погребения раскопаны Теплоуховым в 1928 г. на р. Бее в Уйбатском чаа-тасе⁵.

Из эпизодических раскопок других археологов следует отметить, что Г. П. Сосновский в 1929 г. вскрыл одно грунтовое погребение в самом северном таштыцком могильнике у д. Черной на Ени-

сее⁶, а В. Г. Карцов в 1930 г. раскопал склеп «на увале» у с. Лугавского и два склепа у Сапогова улуса⁷. Эти погребения, ввиду их сильной разграбленности, дали очень мало дополнительных материалов. То же надо сказать и о склепе у Котожекова улуса, раскопанном В. П. Левашевой.

Особенно большое количество различных памятников таштыцкой эпохи, давших исключительно ценные и разнообразные материалы для ее характеристики, удалось изучить в результате многолетних (с 1927 г.) работ Саяно-Алтайской археологической экспедиции ИИМК и ГИМ под руководством С. В. Киселева и Л. А. Евтюховой. Ими за этот период времени исследованы следующие таштыцские памятники: в 1928 г. — одно грунтовое погребение (№ 7), впускное в тагарскую оградку «С»⁸, и склеп № 1 у заимки Усть-Тесь⁹, а также четыре склепа (№ 1, 3, 4, 5) у с. Кривинского¹⁰; в 1929 г. — десять грунтовых могил у с. Быстрая¹¹, один склеп (№ 1) у с. Усть-Сыда, два склепа (№ 1 и 3) у с. Сыда¹² и единственное до сих пор таштыцкое поселение на Лугавской улице г. Минусинска¹³; в 1931 г. — пять грунтовых могил под Ильинской горой у с. Тесь, на р. Тубе¹⁴; в 1932 г. — один склеп (№ 2) у с. Усть-Тесь¹⁵; в 1936 г. — семь грунтовых погребений и пять склепов (№ 1—5) на Уйбатском чаа-тасе и шесть позднеташтыцских могил под каменными выкладками на расположенном в 1,5 км к востоку от чаа-таса могильнике Уйбат II¹⁶; в 1938 г. — четыре грунтовых могилы и семь склепов (з. к. № 1, 2, 7—11) на Уйбатском чаа-тасе, пять позднеташтыцских погребений под каменными выкладками, а также один склеп (№ 1) на могильнике Уйбат II¹⁷; в 1940 г. на таштыцком могильнике Копёнского чаа-таса С. В. Киселевым и Л. А. Евтюховой была раскопа-

⁶ Г. П. Сосновский. О находках Оглахтинского могильника, стр. 38.

⁷ Отчетов нет. Вещи хранятся в Гос. Эрмитаже, инв. № 1256.

⁸ С. В. Киселев. Материалы археологической экспедиции в Минусинский край в 1928 г. Ежегодник Гос. музея им. Н. М. Мартыанова, т. VI, вып. 2, Минусинск, 1929, стр. 118.

⁹ Там же, стр. 144—146.

¹⁰ Там же, стр. 147—148 и 150—153.

¹¹ С. В. Киселев. Древняя история Южной Сибири. 2 изд., М., 1951, стр. 400 и 401, прим. 3.

¹² С. В. Киселев. Маски из древнейших чаа-тас. Изв. Гос. музея им. Н. М. Мартыанова, № 1 (12). Минусинск, 1935, стр. 1—8.

¹³ С. В. Киселев. Лугавская стоянка. КСИИМК, вып. XXV, 1949, стр. 87—90.

¹⁴ С. В. Киселев. Древняя история Южной Сибири. 2 изд., 1951, стр. 400 и 401, прим. 3.

¹⁵ Отчета нет. Вещи хранятся в ГИМ, 46/3.

¹⁶ С. В. Киселев. Некоторые результаты Саяно-Алтайской экспедиции 1936 года. ВДИ, № 1, 1937, стр. 247—250. См. также С. В. Киселев. Хакасская автономная область. 1936, Сб. «Археологические исследования в РСФСР 1934—1936 гг.». Изд. АН СССР, М.—Л., 1941, стр. 306—307.

¹⁷ С. В. Киселев. Саяно-Алтайская археологическая экспедиция в 1938 г. ВДИ, 1939, № 1, стр. 252—256; Л. А. Евтюхова и С. В. Киселев. Десятый сезон раскопок Саяно-Алтайской археологической экспедиции ИИМК и ГИМ. КСИИМК, вып. III, 1940, стр. 39—42; Ср. ДИЮС, стр. 409—472.

¹ ОАК за 1895 г. СПб., 1897, стр. 149—151. Ср. А. В. Адрианов. Выборки из дневников курганных раскопок, стр. 52.

² А. В. Адрианов. Выборки из дневников курганных раскопок, стр. 69—75; в 1898 г. — к. № 1, могилы А, Б, В, Г, З, К; к. № 3, могилы В, Д, Н; к. № 4, могила II; к. № 5, могилы I—III; в 1898 г. — к. № 1, могила III; к. № 2, могилы II и V; к. № 5, могила I.

³ А. В. Адрианов. Оглахтинский могильник, XXIX и XXX иллюстрированные приложения к газете «Сибирская жизнь» к № 249 и 254 от 16 и 23 ноября 1903 г.; ОАК за 1903 г. СПб., 1906, стр. 128—131; Г. П. Сосновский. О находках Оглахтинского могильника. ПИМК, 1933, № 7—8, стр. 34—41. См. также А. М. Тальгрэн. The South Siberian cemetery of Oglakty from the Han period, ESA, XI, Helsinki, 1937, стр. 69—90.

⁴ См. карту раскопок у с. Батени в работе С. А. Теплоухова «Древние погребения в Минусинском крае». МЭ, т. III, вып. 2, Л., 1927, стр. 59.

⁵ Сведения о раскопках С. А. Теплоухова, ввиду отсутствия отчетов, заимствованы из описей коллекций (хранятся в Гос. Эрмитаже, в отделе истории первобытной культуры) и его полевых дневников (хран. в МЭН СССР).

на одна сильно разграбленная грунтовая могила¹ и несколько грунтовых могил исследовано ими в урочище Салбык в 1955 и 1956 гг.

Кроме работ Саяно-Алтайской экспедиции следует отметить и многолетние регулярные исследования, проводившиеся местным Минусинским музеем им. Н. М. Мартянова под руководством В. П. Левашевой. В 1936 г. ею раскопаны на Уйбатском чаа-тасе один склеп (№ 6) и грунтовая могила «А»²; в 1938 г. на Абаканском могильнике (территория г. Абакана) две впускные грунтовые могилы (№ 1 и 6) в тагарском кургане № 1³ и самый поздний из таштыкских склепов у с. Быстрая⁴; в 1939 г. — три склепа на Думной горе у с. Лугавского⁵ и в 1940 г. — две грунтовые могилы, впущенные в холм, под которым скрывались развалины китайского дома, относящегося к тагарско-таштыкскому переходному этапу (близ г. Абакана). Следует упомянуть также, что в 1936 г. на могильнике Уйбат II М. М. Герасимовым, работавшим по поручению Гос. Эрмитажа, раскопаны четыре позднеташтыкских погребения под каменными выкладками⁶.

После Великой Отечественной войны исследования таштыкских памятников возобновились. На территории г. Абакана (Абаканский могильник) в связи с разрушением памятников строительными работами сотрудниками Хакасского областного музея в 1946 г. была вскрыта часть склепа, откуда извлечены шесть сосудов и бронзовая пряжка⁷; в 1948 г. близ нефтебазы раскопаны три позднеташтыкских погребения (№ 1, 3, 4) и две грунтовых могилы (№ 2 и 5), а в 1951 г. раскопано еще одно грунтовое погребение, впущенное в тагарский курган, находившийся у городской больницы.

В 1950 г. Хакасской экспедицией МГУ под руководством Л. Р. Кызласова на Сырском чаа-тасе исследован большой склеп и одно грунтовое погребение⁸. Той же экспедицией в 1951 г. на Изыском чаа-тасе раскопаны два склепа (№ 1 и 2), два грунтовых погребения и четырнадцать погребений под каменными выкладками. В 1955 г. автором раскопан на Сырском чаа-тасе второй склеп.

Этим исчерпываются все имеющиеся у нас данные о полевых исследованиях таштыкских памятников. Таким образом, в настоящее время наука располагает для таштыкской культуры материа-

лами, происходящими из одного поселения, двадцати четырех левобережных склепов, двадцати склепов правого берега Енисея, тридцати трех позднеташтыкских погребений под каменными выкладками и из грунтовых погребений, количество которых близко к сотне. Все эти материалы положены в основу настоящей работы в качестве первостепенных источников. При изучении их автор не ограничился имеющимися публикациями и рукописными отчетами, хранящимися в архивах ГИМ и ИИМК (Ленинград и Москва), но старался непосредственно ознакомиться с самими вещами, хранящимися ныне в собраниях различных музеев. В результате были изучены таштыкские коллекции ГИМ, Музея антропологии МГУ, Гос. Эрмитажа, Музея этнографии народов СССР (ныне переданные в Гос. Эрмитаж), Минусинского музея им. Н. М. Мартянова, Хакасского областного музея краеведения и Красноярского краевого музея⁹.

Вторую группу источников составили материалы по этнографии народов Сибири и данные китайских хроник, проливающие некоторый свет на историю племен Южной Сибири этого времени. Из последних важнейшие сведения содержат «Шицзи» («Исторические записки») историографа II—I вв. до н. э. Сы-ма Цяня, «Цянь Ханьшу» («История старших Хань»), написанная в 58—75 гг. н. э. историками Бань Бяо и его сыном Бань Гу, и «Хоу Ханьшу» («История младших Хань»), составленная Фань-хуа в V в.

Некоторые интересные для нас подробности содержит и «Тун цзянь ган-му» («Китайская летопись»), а также «Таншу». Все эти китайские исторические сочинения использовались нами в переводах главным образом Иакинфа Бичурина¹⁰.

* * *

При написании монографии учтены все опубликованные работы, в той или иной степени касающиеся таштыкских древностей и их исторической интерпретации.

Впервые памятники таштыкской эпохи выделены С. А. Теплоуховым в его первой классификации археологических памятников Хакасско-Минусинской котловины, в настоящее время значительно устаревшей. В основной работе, вышедшей в 1929 г., он отмечает «таштыкский переходный этап», названный так условно по речке Таштык у с. Батени, где им были раскопаны таштыкские грунтовые могилы¹¹. В другой своей одновременно

⁹ Выражаю благодарность С. В. Зотовой за содействие в ознакомлении с материалами Красноярского музея.

¹⁰ Н. Я. Бичурин (Иакинф). Собрание сведений о народах, обитавших в Средней Азии в древние времена, ч. I, изд. АН СССР. М., 1950; См. также E. Chavannes. Les memoires historiques de Se-ma Ts'ien, 5 vols. Paris, 1895—1905; J. J. M. de Groot. Chinesische Urkunden zur Geschichte Asiens. I. T. Die Hunnen d. vorchristlichen Zeit, Berlin — Leipzig, 1921; M. Mailla. Histoire generale de la Chine. 13 vols., Paris, 1773—1785.

¹¹ С. А. Теплоухов. Опыт классификации древних металлических культур Минусинского края. МЭ, т. IV, вып. 2, Л., 1929, стр. 50—54.

¹ Архив ГИМ, II археолог. отдел, № 126—5, 1940, стр. 115.

² Сб. «Археологические исследования в РСФСР 1934—1936 гг.». М.—Л., 1941, стр. 308—316.

³ В. П. Левашева. Варианты таштыкских погребений в Минусинском районе и в Хакасской автономн. обл. КСИИМК, XXV, стр. 91.

⁴ Там же, стр. 91—94.

⁵ Там же, стр. 94—102.

⁶ Сб. «Археологические исследования в РСФСР 1934—1936 гг.». М.—Л., 1941, стр. 317—318.

⁷ А. Н. Липский. Раскопки древних погребений в Хакасии в 1946 году. КСИИМК, вып. XXV, стр. 81 и рис. 30. Указанные в этой статье как таштыкские еще два погребения на деле таштыкскими не являются.

⁸ Л. Р. Кызласов, Сырский чаа-тас. СА, XXIV, М., 1955.

вышедшей статье, где та же классификация дается в более сжатом изложении, таштыкский раздел имеет несколько иное наименование: «Таштыкская культура» или даже, в тексте, «таштыкская эпоха»¹. Эти колебания в определении доказывают, что у Теплоухова не было определенного представления о значении и содержании этого исторического периода. Да его и быть не могло, ибо, имея полное представление о грунтовых могилах на основании раскопок Адрианова и своих собственных, он в то же время не имел достаточных материалов для оценки склепов и хронологического взаимоотношения склепов и грунтовых погребений. Это отразилось в ошибочном распределении таштыкских памятников. По схеме Теплоухова, грунтовые таштыкские могилы появляются и сосуществуют еще с курганами последнего этапа тагарской культуры и затем сооружаются вплоть до III в. н. э., когда им на смену приходят склепы (III—IV вв.). Дальнейшее изложение покажет всю ошибочность подобного представления.

Впоследствии в 1933 г. вышла из печати работа Г. П. Сосновского, посвященная публикации результатов раскопок Оглахтинского могильника (Адрианов, 1903)². В этой статье, где подведены итоги всему имевшемуся в то время количеству грунтовых могил, автор, принимая данное Теплоуховым этой группе памятников название — «таштыкский переходный этап», предпринял попытку исторической интерпретации материалов. Сосновский принял хронологическую схему распределения памятников таштыкского времени, данную Теплоуховым, но он уже указывает на «возможность объяснить разницу в наружных признаках и некоторых деталях внутреннего устройства погребальных сооружений и отчасти способа захоронения в могилах этих двух таштыкских типов не только хронологическими отличиями, но и социально-экономическими»³. Он предполагает, без всяких оснований, что грунтовые могилы — это рядовые погребения оседлых пастухов и земледельцев, а большие курганы тагарско-таштыкского переходного этапа и таштыкские склепы — погребальные сооружения людей, «присваивавших себе труд других». Но вместе с тем Сосновский уже правильно подметил, что внутри населения, оставившего грунтовые могилы, существовала социальная дифференциация, так как можно выделить бедные и богатые погребения. В заключение в статье, исходя из существовавшей в тот период времени неверной трактовки раннегуннского общества как уже феодального, памятники таштыкского типа относятся автором к эпохе становления феодального общества в Хакасско-Минусинской котловине.

Перу Г. П. Сосновского принадлежит и краткий (всего 1 страница печатного текста) очерк

¹ С. А. Теплоухов. Древнеметаллические культуры Минусинского края. «Природа», 1929, № 6, стр. 547—548.

² Г. П. Сосновский. О находках Оглахтинского могильника, стр. 34—41.

³ Там же, стр. 40.

таштыкской эпохи в макете «Истории СССР», выпущенном в 1939 г. Институтом истории материальной культуры АН СССР⁴. В нем все таштыкские памятники отнесены ко времени «около начала нашей эры» и определены: грунтовые могилы — как погребения оседлых скотоводов и земледельцев, а склепы — как могилы скотоводов-полукочевников. При этом подчеркнута их одновременность, но совершенно не указана причина такого сосуществования на одной территории двух различных типов погребальных сооружений. Нет также и характеристики социального строя.

Наиболее полным и детальным общим очерком эпохи является глава уже упоминавшейся монографии С. В. Киселева, называемая «Таштыкская эпоха на Енисее»⁵.

Автором обоснована датировка эпохи в пределах от I в. до н. э. по IV в. н. э. Наиболее важны вполне доказанные положения о генетическом происхождении культуры кыргызов-хакасов VI—X вв. из таштыкской и сложении этнического типа кыргызов⁶ в таштыкское время, а также определение «таштыкского» общества как общества, стоявшего на последней ступени разложения первобытнообщинного строя, подготовившего переход к классовому обществу и образованию государства у древних хакасов. Что касается хронологического определения отдельных типов таштыкских памятников, то точка зрения С. В. Киселева такова. Прежде всего, как показали раскопки нескольких грунтовых погребений на Уйбатском чаа-тасе (Г. Ф. Дебеч, 1938), грунтовые могилы впервые появляются еще в предташтыкское время и действительно на тагарско-таштыкском переходном этапе (III переходная стадия тагарской эпохи) сосуществуют с большими земляными курганами. Собственно же таштыкские памятники распадаются на древнейшие и поздне-таштыкские. Точная датировка для этих групп не устанавливается. Известно только, что древнейшие существуют с I в. до н. э. на протяжении почти всей эпохи, когда в конце ее появляются поздне-таштыкские, пришедшие им на смену и являющиеся уже переходными к кыргызским⁷. Они датированы временем до V в. В группу древнейших, или классических, таштыкских памятников входят грунтовые могилы таштыкского времени, склепы и единственное известное ныне таштыкское Лугавское поселение. На основании материалов Лугавского поселения и находок сходных предметов в грунтовых могилах и в некоторых склепах делается вывод, что грунтовые могилы и склепы сосуществовали на всем протяжении эпохи вплоть до поздне-таштык-

⁴ История СССР с древнейших времен до образования древнерусского государства (макет), изд. ИИМК АН СССР, ч. I—II. М.—Л., 1939, стр. 422—423.

⁵ С. В. Киселев. Древняя история Южной Сибири, 2 изд. М., 1951, стр. 393—484.

⁶ О взаимоотношении терминов «кыргызы» и «хакасы» см. мою рецензию на книгу Л. П. Потапова «Очерки по истории алтайцев», М.—Л., 1953, в ВИ, 1954, № 7, стр. 149—153.

⁷ С. В. Киселев. Древняя история Южной Сибири, стр. 468—472.

ского времени, когда появляется новый тип памятников — могилы под каменными выкладками. Такое ошибочное представление о двойственности погребального обряда и сосуществовании почти на протяжении всей эпохи погребальных памятников двух различных типов привело к выводу о сильнейшем социальном расслоении общества. В грунтовых могилах, по С. В. Киселеву, хоронились рядовые общинники, занимавшиеся главным образом сельским хозяйством (земледельцы и скотоводы, но не воины), а в больших склепах — обособившаяся военная знать, военно-аристократический слой общества (богатые воины-всадники)¹. Это как будто подтверждается и всем характером погребального инвентаря, обнаруженного в указанных двух типах погребальных сооружений. Такое понимание сложилось в результате того, что перед С. В. Киселевым

¹ С. В. Киселев. Древняя история Южной Сибири, стр. 474—476. (В дальнейшем сокращенно ДИЮС).

в данной работе стояла задача суммарного освещения эпохи, без детального расклассифицирования таштыкских памятников, что еще предстояло проделать при условии накопления новых, способствующих этому, материалов.

Таким образом, нами рассмотрены проблемы настоящего исследования и пути их решения, источники, на основании которых построена настоящая работа, и основные представления о таштыкской эпохе, нашедшие отражение в существующей литературе².

² Нет возможности касаться здесь совершенно необоснованного представления, высказанного недавно А. Н. Бернштамом об Оглахтинском могильнике (в книге «Очерк истории гуннов». Л., 1951), тем более, что мы имели уже случай писать об этом в нашей (совместно с Н. Я. Мерпертом) рецензии на эту книгу — см. ВДИ, 1952, № 1, стр. 101—109. Следует еще отметить опубликованный популярный очерк Л. А. Евтюховой «Южная Сибирь в древности» в сб. «По следам древних культур». (От Волги до Тихого океана), М., 1954, где таштыкской эпохе отведены стр. 197—206.

ГЛАВА ПЕРВАЯ

ТИПЫ ПОГРЕБАЛЬНЫХ СООРУЖЕНИЙ

*

В таштыкскую эпоху мы встречаемся в Минусинской котловине с гораздо большим разнообразием типов погребальных сооружений, нежели в предшествующее тагарское время. Таких основных типов было четыре: грунтовые могилы, иногда внешне отмеченные небольшими углублениями (ямками), склепы под земляными усеченно-пирамидальными курганами с квадратным основанием (ныне представляющие собой плоские еле замет-

ные подквадратные насыпи), склепы под округло-верхими земляными курганами на высоком кольцевом каменном цоколе с отвесными стенками (ныне отмеченные на поверхности земли каменными кольцами) и, наконец, могилы под небольшими подквадратными каменными выкладками. Рассмотрим в отдельности все эти четыре типа погребальных сооружений и отдельные варианты их.

ГРУНТОВЫЕ МОГИЛЫ

Впервые были раскопаны Адриановым в двух верстах к северо-западу от Абаканской Управы (т. е. на территории современного г. Абакана) в 1898 г. 13 погребений и в 1899 г. 4 погребения¹. Однако все эти могилы были впускными в курганы предшествующей тагарской эпохи и поэтому не могут служить примером чисто грунтового могильника. Могилы наилучшей сохранности были раскопаны тем же Адриановым в 1903 г. в двух группах Оглахтинского могильника (Оглахты I—9 могил и Оглахты II—8 могил)², получившие

го мировую известность своими замечательными находками.

На основании раскопок этого могильника выяснено, что обычно грунтовые могилы как будто бы никаких внешних признаков не имеют. «Главнейшим приемом при отыскивании могил было выстукивание, обнаруживавшее заложенную на небольшой глубине камеру»³. По снятии верхнего покрова земли толщиной около 70 см открывались прямоугольные ямы, в которых находились деревянные срубы из толстых бревен лиственницы или сосны, поло-

¹ А. В. Адрианов. Выборки из дневников курганных раскопок в Минусинском крае. Минусинск, 1902—1924 гг., стр. 69—75.

² Находится на левом берегу р. Енисей в 60 км ниже г. Минусинска на склоне горы Оглахты. См. Г. П. Соснов-

ский. О находках Оглахтинского могильника. ПИМК, 1933, № 7—8, стр. 34—41.

³ А. В. Адрианов. Оглахтинский могильник. XXIX иллюстрированное приложение к газете «Сибирская жизнь» № 249 от 16 ноября 1903 г., стр. 4.

женных в 2—3 венца и на углах зарубленных в лапу. «...Размеры погребальных камер: длина 170—240 см, ширина 97—165 см, глубина 57—160 см. Сверху накат из толстых лиственничных бревен с округлыми концами, положенных поперек могилы. В большей части могил внутренняя сторона бревен сруба и накатника гладко обтесана. Каждая могила — как сверху, так и со всех сторон извне — была тщательно обложена берестой в 10—13 слоев, толщиной около 18 см. Кроме того, каждый шов в углах, щели между бревнами, если они не были плотно пригнаны, забивались мелкими плитками и кусочками песчаника. Точно так же и под каждое бревно подкладывались плитки в тех местах, где бревна неплотно лежали на земляном дне могильной ямы. На длинных сторонах сруба, в пазах было забито по два-три длинных деревянных колышка (длиною 35 см), заостренных на обоих концах, назначенных, по-видимому, для развешивания...»¹. Пол в камерах был земляной, покрытый сверху широкими пластинами бересты, на которых и лежали костяки погребенных. К приведенной выше характеристике устройства погребальных камер небезынтересно добавить следующее замечание Адрианова: «Могильный сруб изготовлялся может быть в ближайшем лесу и там предварительно собирался; я заключаю так по меткам на бревнах, сделанных для некоторых срубов, совершенно таких, какие делают и теперь»².

Таково внутреннее устройство лучше всего сохранившихся грунтовых могил. Несомненно такими же были после сооружения все грунтовые могилы, за исключением редких отклонений, о которых будет сказано ниже. Однако, кроме погребений Оглахтинского могильника (и то далеко не всех), такой хорошей сохранности могил мы больше не знаем. Обычно грунтовые могилы отмечены на поверхности небольшими ямками (глубиной до 1 м), образовавшимися или в результате обрушивания подгнившего деревянного наката потолка, или же, чаще всего, в результате ограбления могил, когда к ямке, оставленной старым грабительским ходом, прибавляются с одной или двух сторон небольшие оплывшие холмики — отвалы земли, выброшенной грабителями. Таким образом, внешне большинство таштыкских могильников с грунтовыми захоронениями отмечено на общей поверхности степи лишь большим или меньшим количеством ямок, обычно покрытых более зеленой растительностью.

Однако сплошное ограбление грунтовых могил вызывает вопрос: каким образом, при отсутствии внешних признаков, грабители находили эти погребения? Это тем более удивительно, что многие могилы имеют сравнительно свежие следы разграбленности. Вопрос этот, очевидно, правильно решается С. В. Киселевым, который указывает на «опыт» бугровщиков XVIII в., записанный академиками Миллером и Гмелиным³. Последние, в целях ознакомления с памятниками древности долины среднего Енисея, расспрашивали грабителей-профессионалов о типах могильных сооружений, их внутреннем устройстве и находках, сделанных в них. Особенно много рассказал им бугровщик по прозвищу Селенга, живший в землянке на Копённом чаа-тасе и кормившийся свыше 20 лет продажей находимых им в могилах древних золотых и серебряных вещей. Селенга указал на могилы, называемые «сланцами», которые «сплошь покрыты горизонтально лежащими плитами, по бокам же не видно ни одного вертикально стоящего камня. Под плитами слой земли не толще ладони, а под этим слоем местами встречаются могилы, обставленные вертикальными плитами, которые вышиною около 1,5 локтя. В таких могилах обыкновенно находят жженные кости; иногда, однако же, попадались и цельные остоны. Вышеупомянутый Селенга держался более этого рода могил, чем других, как потому, что находил в них много золота и серебра, притом большею частью в слитках, так и потому, что ему приходилось гораздо меньше трудиться над раскопкою»⁴.

Это описание «сланцев» очень напоминает именно грунтовые таштыкские могилы. Имеются в нем, правда, детали, нехарактерные для грунтовых могил, например упомянутая обстановка ям вертикальными плитами, а также находки в них, о чем говорится ниже, железных стремян. Однако такое несоответствие в записях Миллера и Гмелина объясняется, очевидно, тем, что сведения о «сланцах» записывались не только от одного Селенги, но со слов и других «людей (курганщиков)», которые, очевидно, рассказывали и о других могилах.

Археологические наблюдения подтверждают наличие в прошлом надмогильных вымосток из песчаниковых плиток. Их обычно находят внутри могильной ямы, куда они попадали, осыпаясь в грабительский ход⁵.

Чаще всего грунтовые таштыкские могильники довольно обширны. Например, на Уйбатском чаа-

¹ Г. П. Сосновский. Уж. соч., стр. 35—36. Эти колышки, вероятно все деревянные гвозди, служили, очевидно, для укрепления на стенах камеры ковров или войлоков, как это делалось в Ноин-Улиинских или Пазырыкских камерах, где найдены такие же деревянные заостренные гвоздики. — М. П. Грязнов. Первый Пазырыкский курган. Гос. Эрмитаж, Л., 1950, стр. 22. Первоначальное положение оглахтинских колышков-гвоздей в стенках сруба могилы № 7, а также их форму см. А. М. Tallgren. The South Siberian cemetery of Oglakhty from the Han period. ESA, XI, Helsinki, 1937, стр. 70, fig. 1 и стр. 83, fig. 15 — хран. в ГИМ.

² А. В. Адрианов. Оглахтинский могильник, стр. 4.

³ ДИЮС, стр. 400—401.

⁴ МАР, № 15, СПб., 1894, стр. 103 приложений.

⁵ Нами плитки встречены в заполнении ямы могилы № 3 на Изыхоком чаа-тасе (1951). Аналогичные случаи отмечает С. А. Теплоухов. Например, в могиле № 17 (с. Батени, Горькое озеро, урочище «Копи», 1925) «в районе воронки на глубине 50 см среди каменных плиток найдены кости собаки, зубы лошади, обломок носовой части лошади, бараньи кости, черепки горшка. Площадь, занятая плитками, 1 арш. × 3/4 арш.». — «Дневник археологических работ 1925 г.», хранящийся в МЭН СССР.

тасе оказалось около 200 таких могил, а в могильнике под Ильинской горой — 132¹. Однако картина внешнего вида могильников окажется неполной, если не добавить к этому, что часто с северной или западной стороны вдоль границы могильного поля вкапывался ряд вертикально установленных камней. Впервые это отмечено С. А. Теплоуховым² и затем подтверждено С. В. Киселевым³.

Однако не все грунтовые могилы имели вышеописанное устройство. Имеются и некоторые небольшие отклонения. Так, например, С. А. Теплоухов в своей характеристике грунтовых могил указывает: «Могильные камеры со стенками из бревен, скрепленных в лапу, с покрывкой, а иногда и дном из деревянных плах или бересты, устраивались в грунтовых ямах глубиной 1,5—4 м»⁴. Итак, сруб иногда мог не иметь наката из бревен и покрывался плахами или просто берестой⁵. Иногда вместо земляного пола, застеленного берестяными пластинами, имелся деревянный пол из плах, что могло быть и при берестяном и при деревянном толчке-накате⁶.

Из других, более резких отклонений в кон-

струкции внутреннего устройства могил, встреченных Теплоуховым, отметим два случая. В первом случае (с. Батени, устье рч. Таштык, 1925, могила № 6) была вскрыта четырехугольная яма 2×1,70 м. На дне ее, в углах, лежали четыре каменные плитки и на них остатки сгнивших столбиков⁷.

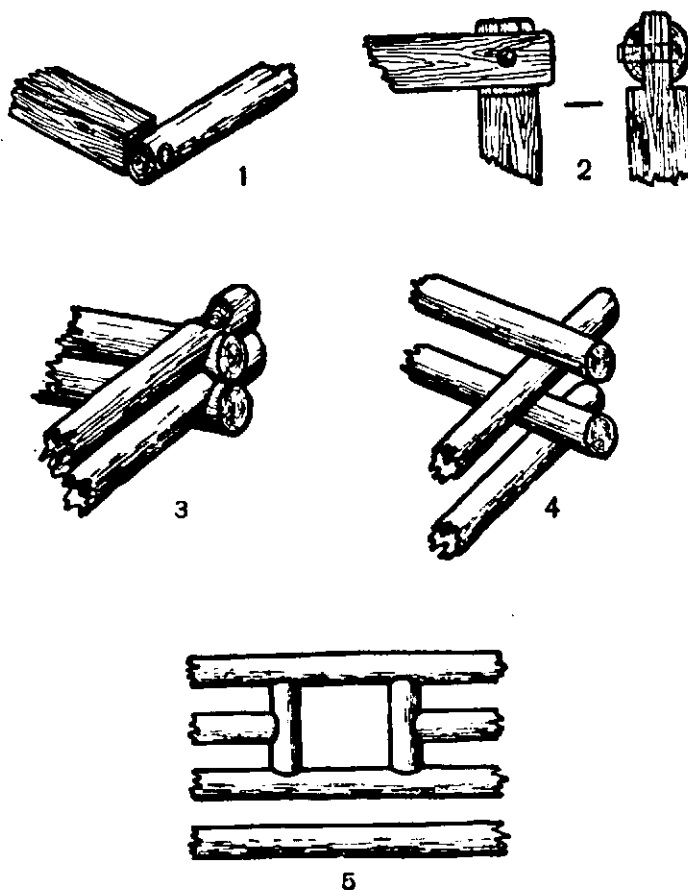

Рис. 1. Детали устройства погребальных сооружений

Таким образом, имелась столбовая конструкция, которая скрепляла деревянную обкладку ямы. Других подобных случаев неизвестно. Интересная особенность подкладывания каменных плиток под столбы встречена в древнекитайском здании, рас-

в м. № 34 пол состоял из 5 досок, положенных вдоль ямы. Берестяной пол обнаружен в первом могильнике в могиле № 11, во втором — в могиле № 32, а также в могиле № 14 (с. Батени, Горькое озеро, урочище «Копи», 1925). С. В. Киселев обнаружил пол из лиственничных бревешек в могиле № 12 на Уйбатском чаа-тасе (ДИЮС, стр. 402). «Берестяная застилка пола встречена в 15 (из 18) могилах близ Абаканской управы, в 1 (из 10) могиле близ с. Быстрая, в 2 (из 5) под Ильинской горой» — ДИЮС, стр. 402, прим. 1 (остальные из этих погребений имели земляной пол, как и в раскопанных нами могилах № 1 и 3 Изыхского чаа-таса).

⁷ Из полевого дневника С. А. Теплоухова, хранящегося в МЭН СССР (без шифра) — блокнот с надписью «Дневник археологических работ 1925 г.». В дневнике имеется схема этого устройства.

¹ ДИЮС, стр. 400.

² С. А. Теплоухов. Опыт классификации древних металлических культур Минусинского края. МЭ, изд. Гос. Русск. музея, т. IV, в. II. Л., 1929, стр. 50; «Копи» у Горького озера — ряд из восьми камней, идущий с ССВ на ЮОВ; рч. Таштык (на склоне горы Челпан) ряд из 6 плит, идущий с 3 на В; ребра плит ориентированы с С на Ю; длина ряда 10,3 м; промежутки между отдельными плитами от 1,6 до 2,2 м; к Ю от ряда камней — на расстоянии 21 м — вкопана отдельная высокая плита, ориентированная также с С на Ю ребрами. — «Дневник археологических работ 1925 г.» С. А. Теплоухова.

³ ДИЮС, стр. 400: «При раскопках могильника под Ильинской горой был обнаружен с северной стороны ряд вертикально врытых плит девонского песчаника, идущий правильно с 3 на В. Сохранилось 12 плит, стоящих в 6—7 м одна от другой. Узкими торцами плиты обращены на С и Ю». На Уйбатском чаа-тасе находился огромный ряд высоких плит, идущий с ССЗ на ЮОВ. Плиты поставлены узкими гранями на В и 3. Всего их к 1936 г. сохранилось в целом виде 34, но многие были отбиты или повалились. Промежутки между отдельными плитами имеют 1,5—2 м (ДИЮС, стр. 414—415). Такой ряд из вертикально врытых четырех плит (остальные не сохранились) обнаружен нами на Изыхском чаа-тасе в 1951 г. Ряд этот идет с СЗ на ЮВ, причем узкие грани плит ориентированы на В и 3. Высота плит до 1,5 м.

⁴ Проф. С. А. Теплоухов. Древнеметаллические культуры Минусинского края. «Природа», 1929, № 6, стр. 547.

⁵ ДИЮС, стр. 401, прим. 3: «Покрывшие из 18 могил близ Абаканской управы в 12 — бревенчатое и в 6 — бревенчатое с берестой. Из 10 могил близ с. Быстрая 6 покрытий бревенчатых продольных и 1 бревенчатое поперечное. Из 5 могил у Ильинской горы в 2 — бревенчатые с берестой и в 1 — из горбылей. Из могил Уйбатского чаа-таса в 3 — бревна или жерди и береста. Из раскопок С. А. Теплоухова известно лишь, что в могиле № 13 (с. Батени, Горькое озеро, 1924) сруб был покрыт берестой и что в могилах № 31 и 34 (с. Батени, «Копи» у Горького озера, 1928) были деревянные потолки, причем бревна наката в могиле № 34 были положены поперек сруба; в наших раскопках (Изыхский чаа-тас, 1951) в могилах № 1 и 3 было первоначально перекрытие из горбылей.

⁶ В раскопках С. А. Теплоухова полы из плах имели: могила № 13 (с. Батени, Горькое озеро, 1924) и могилы № 31 и 34 (с. Батени, «Копи» у Горького озера, 1928), причем

подтверждением переходного характера этих погребений поздне-таштыкского времени является то, что и в последующую эпоху VI—X вв. могилы сохраняют те же особенности. Им тоже присущи квадратные ямы близкого размера, такой же частокол у стенок и берестяные полы¹. Появляющиеся под каменными выкладками удлиненные четырехугольные ямы продолжают сохраняться и позднее наряду с квадратными. Таким образом, не остается сомнений в выделении погребений под каменными выкладками в IV переходный этап, таштыкский потому, что, как увидим ниже, в этих погребениях сох-

¹ Все эти особенности оказались в погребальных ямах трех каменных «кыргызских» курганов, раскопанных нами в 1950 г. на Сырском чаа-тасе. Ср. Л. А. Евтюхова. Археологические памятники енисейских кыргызов (хакасов), стр. 6—20.

храняется типично таштыкская еще глиняная посуда.

* * *

На этом закончим изучение типов погребальных сооружений, в связи с чем нами затрагивались и хронологические вопросы о четырех этапах развития таштыкской культуры.

Выявленное различие этих типов для разных этапов определяется прежде всего различием в их инвентаре, что создает прочные основы для предлагаемой нами внутриташтыкской классификации. Обратимся теперь к обоснованию ее на материалах памятников материальной культуры, характеризующих хронологию выделяемых этапов с большей полнотой и определенностью.

некоторые могилы представляют собой обыкновенные четырехугольные ничем не укрепленные ямы (рис. 2 б) ¹.

Замечательным своеобразием в устройстве отличается грунтовая могила «А» Уйбатского чаа-таса, раскопанная в 1936 г. В. П. Левашевой рядом со склепом № 6 (детское погребение с парой таштыкских сосудов). Короткие стенки ее ямы были внизу укреплены листовыми плахами, положенными попарно, одна над другой. Продольные же стенки были обставлены 7—8 вертикальными плахами ².

Близко к этому устройство могилы, раскопанной в 1940 г. С. В. Киселевым на таштыкском могильнике Копёнского чаа-таса. Стенки ее ямы оказались обставленными вертикальными столбиками. В обоих этих случаях в устройстве налицо несомненное подражание конструкции левобережных склепов, которые будут рассмотрены ниже.

Как указывает С. В. Киселев, ориентировка могильных ям по длине более всего «с северо-востока на юго-запад (51%) или с ВСВ на ЗЮЗ (35%)». Гораздо реже встречаются ориентировки с запада на восток (9%) и с юго-востока на северо-запад (всего 4,5%). Нельзя, однако, заметить, чтобы могильники различались по ориентировкам. Все приведенные здесь направления встречаются вместе, в одних и тех же могильниках ³.

Таким образом, нами рассмотрены все известные варианты устройства грунтовых могил, которые лишь незначительно отклоняются от основного их

типа, представленного хорошо сохранившимися могилами Оглахтов. Изучение погребального инвентаря, как увидим ниже, доказывает, что все грунтовые таштыкские могилы относятся к одному определенному культурно-историческому этапу, самому раннему этапу эпохи. С этой точки зрения интересно, что впервые индивидуальные грунтовые могилы появляются еще на тагарско-таштыкском переходном этапе во II в. до н. э. Такие переходные предташтыкские погребения в ямах, уже без курганной насыпи, изучены в 1938 г. в могильнике Уйбат II участником Саяно-Алтайской археологической экспедиции Г. Ф. Дебеч ⁴. Раскопанные четыре могилы (А, Б, В, Г) сверху были отмечены прямоугольными каменными вымостками из плит, такими же, какие предполагаются и для таштыкских грунтовых. Могильные ямы четырехугольные, вытянутые с севера на юг, глубиной до 1,1 м. Характерной особенностью всех четырех могил являются врытые на ребро каменные плиты в засыпке, поставленные по средней длинной оси ям ⁵. На дне ям сохранились остатки деревянных гробов (может быть, срубов) и берестяных оберток покойников. Такая картина, за исключением обычая установки плит, очень близка таштыкским грунтовым. Инвентарь этих погребений, о чем ниже будет сказано подробнее, является поздне-тагарским, переходным уже к таштыкскому.

Примером самого раннего переходного тагарско-таштыкского одиночного погребения может служить курган № 1, раскопанный в 1938 г. В. П. Левашевой у улуса Мохова ⁶.

СКЛЕПЫ ПОД ЮРТООБРАЗНЫМИ ЗЕМЛЯНЫМИ КУРГАНАМИ С КАМЕННЫМИ ОТВЕСНЫМИ СТЕНКАМИ

Следующим видом таштыкских погребальных сооружений будут склепы (коллективные погребения), ныне обозначенные на поверхности земли «каменными кольцами» или, вернее, кольцевыми валами из беспорядочно насыпанных обломков девонского песчаника. Диаметр колец-валов от 10 до

20 м ⁷. Впервые этот тип погребальных сооружений

¹ Там же, стр. 283 сл.

² Быть может, такое же погребение раскопал в 1894 г. и А. В. Адрианов в логе Джесос (курган № 7), где, по его указанию, в могильной яме «над костяком и горшками внутри насыпи стояла на ребре плита». См. А. В. Адрианов. Выборки из дневников курганных раскопок в Минусинском крае, стр. 44.

³ Архив ИИМК (Ленинград), ф. 35, д. 42.

⁴ Приведем известные нам размеры кольцевых валов: Раскопки С. В. Киселева, 1928, с. Кривинское, № 1 — диаметр 10 м, ширина кладки 1,3 м, высота 0,6 м, глубина залегания фундамента 0,9 м. Ко № 3 — диаметр 10 м, ширина кладки 1,2 м, высота 0,7 м, глубина залегания фундамента 0,8 м. Ко № 4 — диаметр 9,5 м, ширина кладки 1,2 м, высота 0,6 м, глубина залегания фундамента 0,65 м. Ко № 5 — диаметр 12 м, ширина кладки 2 м, высота 0,7 м, глубина залегания фундамента 0,7 м. Усть-Тесь, 1928, ко № 1 — диаметр 9 м, ширина кладки 1,4 м, высота 0,75 м, глубина залегания фундамента 0,8 м. Раскопки В. П. Левашевой, 1939, Думная гора у с. Лугавского, ко № 1 — диаметр 13—14 м, ширина вала 4 м, высота 0,4 м; ко № 2 — диаметр 11,5 м, ширина 3 м, высота 0,5 м; ко № 3 — диаметр 10—11 м, ширина около 6 м, высота 0,35 м. Раскопки А. В. Адрианова, Думная гора, «Малый Камешек», 1895, курган (ко) № 5 — диаметр 14,5 м, ширина около 2 м, высота 0,54 м.

¹ Из 18 могил близ Абаканской управы все 18 имели срубы, то же можно сказать и об Оглахтинском могильнике. Из 10 могил, исследованных близ с. Быстрая, в 8 были открыты срубы. Из 5 могил у Ильинской горы — 3 со срубами. Из 11 погребений на Уйбатском чаа-тасе всего 2 имели срубы (С. В. Киселев, ДИЮС, стр. 401, прим. 2). Раскопки С. А. Теплоухова у с. Батени: Горькое озеро, 1924, м. № 11 — обкладка из березовых жердей, мог. № 13 — сруб высотой 0,5 м; рч. Таштык, мог. № 5 — сруб в 3 венца высотой 0,3 м, мог. № 6 — деревянная обкладка со столбами в четырех углах, стоящих на плитках; «Копи» у Горького оз., 1928, в мог. № 30 и 32 — срубы в 1 венец (рамы), в мог. № 31, 33, 34 — срубы. Все остальные погребения в простых ямах, как и раскопанные нами мог. № 1 Изыхского чаа-таса (1951) и могила на Сырском чаа-тасе (1950).

² ДИЮС, стр. 401.

³ Там же.

выявлен раскопками А. В. Адрианова в 1894 г. на правом берегу р. Тубы в логу Джесос (курганы №№ 5 и 6)¹ и в 1895 г. на правом берегу Енисея, на конечной к реке вершине кряжа Думной горы, известной под названием «Малого Камешка» (курган № 5 и кольцо без номера в 8,5 м к северо-востоку от этого «кургана»)².

Склепы под «каменными кольцами» лучше всего изучены С. В. Киселевым, который приводит на основе этого описание первоначальной их конструкции³. Сооружались они следующим образом. По окружности в земле выкапывалась канава с отвесными стенками глубиной от 0,5 до 0,8 м при ширине 0,8—1,25 м. Далее эту кольцевую канаву наполняли обломками девонского песчаника и таким образом получался фундамент, на котором выше возводилась стенка из плиток высотой до 1 м.

Внутри кольцевой стенки вырывалась квадратная яма, ориентированная по странам света сторонами, иногда с небольшими отклонениями. Размеры ям 4×4 — 6×6 м, при глубине в 1—1,5 м⁴. В яме устанавливался сруб из лиственничных бревен, рубленных в лапу. Пол такой камеры обычно был земляной, редко он устилался сшитыми пластами бересты, иногда корой лиственницы или хвоей кедра. Потолка, по С. В. Киселеву, не было. Могила засыпалась землей, вынутой при копке ямы. Очевидно, некоторое время эти камеры оставались открытыми и лишь когда они заполнялись останками погребенных, то их окончательно засыпали, предварительно поджигая бревенчатый сруб камеры. После засыпки вдоль верхнего края стенок могилы врывались стоймя плиты, образующие квадратную невысокую оградку.

Однако некоторые данные вносят дополнения к описанному выше устройству. В. П. Левашева в 1939 г. раскопала на Думной горе у с. Лугавского три склепа под «каменными кольцами», внешне обычного вида. Особенности двух из них являются, во-первых, то, что они оказались впущенными в обычные тагарские курганы с оградками из плит, так что специальных оградок вокруг погребальных ям не сооружалось, их заменяли старые, тагарские. Во-вторых, ею обнаружено, что камеры-срубы с земляным полом имели сверху накат-потолок из бревен, покрытых слоем бересты⁵.

¹ А. В. Адрианов. Выборки из дневников..., стр. 42.

² Там же, стр. 52. Необходимо отметить, что, кроме этих четырех «каменных колец», Адрианов никаких других нигде и никогда не копал. С. В. Киселев ошибочно указывает на раскопки Адриановым «каменных колец» по левому берегу Енисея, см. ДИЮС, стр. 410.

³ ДИЮС, стр. 410—412.

⁴ Размеры ям раскопок С. В. Киселева в 1928 г. с. Кривинское, ко № 1 — $6,5 \times 6,5 \times 1,3$ м, ко № 3 — $6,5 \times 6,5 \times 1,35$ м, ко № 4 — $6 \times 6 \times 1,2$ м, ко № 5 — $6 \times 6 \times 0,8$ м. Усть-Тесь, 1928, ко № 1 — $5,6 \times 5,6 \times 1,5$ м.

Раскопки В. П. Левашевой, 1939, Думная гора у с. Лугавского, ко № 1 — $5 \times 4,7 \times 0,8$ м, ко № 2 — $4 \times 4,4 \times 0,8$ м (яма вытянута с С на Ю), ко № 3 — $3,6 \times 3,6 \times 0,8$ м.

Раскопки А. В. Адрианова, 1895, Думная гора — «Малый Камешек», курган № 5 — $5,25 \times 5,1 \times 1,5$ м.

⁵ В. П. Левашева. Варианты таштыжских погребений в Минусинском районе и в Хакасской автономной об-

Последнее наблюдение заставляет предполагать наличие бревенчатых потолков и у остальных склепов под «каменными кольцами», раскопанных другими исследователями. Не обнаружены же они, очевидно, потому, что не сохранились. Таким образом, первоначально это были юртообразные земляные курганы с отвесными каменными стенками, круглые в основании. Впоследствии, когда обрушивался деревянный потолок, вся земляная верхушка осыпалась и заполняла собой погребальную яму целиком, ибо, очевидно, на верх кургана внутри кольцевой стенки насыпалась только та земля, которая была вынута при вырывании самой ямы. Отвесные каменные стенки со временем также разваливались, и от них оставались лишь кольцевые валы, в самом основании которых все же удается проследить остатки правильной кладки. Подобные наземные надмогильные сооружения неизвестны ранее на Енисее. Ближе всего к ним по устройству будет Пазырыкский курган Алтая. Судя по наблюдениям М. П. Грязнова, первый Пазырыкский курган первоначально также имел аналогичную юртообразную форму с отвесными стенками по краям, с той лишь разницей, что он весь насыпался из обломков скалы⁶. Может ли это совпадение форм свидетельствовать о каких-то связях населения Хакасско-Минусинской котловины той поры с Алтаем, в настоящее время сказать невозможно.

Итак, этот тип погребальных таштыжских сооружений, помимо юртообразной постройки сверху, характеризуется еще наличием:

- а) сруба, установленного в квадратной яме,
- б) земляного пола (изредка покрытого берестой),
- в) верхнего наката-потолка из бревен, покрытого к тому же слоем бересты.

Заслуживает особого внимания тот факт, что описанный тип склепов под юртообразными курганами распространен только по правому берегу р. Енисея, так же как склепы под усеченно-пирамидальными земляными насыпями, с особым устройством внутренних камер (о чем ниже), имеются лишь на левобережье Енисея. Впоследствии мы подробно остановимся на наблюдаемом факте. Сейчас же необходимо отметить другое, а именно, что в конце таштыжской эпохи, ко времени около III в. н. э., насыпи склепов правого берега Енисея несколько видоизменяются. Вместо юртообразных появляются те же усеченно-пирамидальные курганы, что несомненно связывается с распространением и на правом берегу обычаев левобережного населения.

Примером этого могут служить «курганы» №№ 5 и 6, раскопанные в 1894 г. Адриановым в логу Джесос по правому берегу р. Тубы. Таких однотипных склепов в этой группе было четыре. Приведем описание Адрианова: «4 парных по внешнему

ласти. КСИИМК, вып. XXV, 1949, стр. 91—102.

⁶ М. П. Грязнов. Первый Пазырыкский курган. Л., 1950, стр. 13—14.

виду кургана, без насыпи, отмеченных широкой каймой из плоско уложенных плит; кайма представляет четырехугольник с отлого округленными углами, ширина каймы 210 см, диаметр ее 35—37 футов (т. е. это подквадратные насыпи размерами около 11×11 м. — Л. К.). Срединка, лежащая внутри каймы, во всех курганах сильно осела¹. К сожалению, автор раскопок, указывая наличие берестяной застилки дна могильной ямы в раскопанных им «курганах», ничего не сообщает более ни о внутреннем устройстве камер этих склепов, ни о срубках, ни даже о размерах могильных ям. Очевидно, все же, усвоив внешнее оформление насыпи, правобережное население ничего не изменило в деталях самобитной внутренней конструкции камер склепов, иначе это было бы отмечено. Вероятнее всего, здесь речь может идти лишь о том, что к концу таштыкской эпохи мы встречаемся с фактом неглубокого, хотя и очень любопытного, влияния левобережного населения на правобережное. Однако для этого времени нельзя еще говорить о его консолидации.

Кроме указанного, имеются и другие хронологические изменения в устройстве правобережных склепов. Изменения эти небольшие, но весьма существенные, ибо они совпадают в точности с изменениями такого же характера и в левобережных склепах под усеченно-пирамидальными насыпями.

Мы имеем в виду устройство пола камеры склепа. Замечена следующая закономерность. Для склепов раннего и среднего из выделяемых нами ниже этапов характерно, при описанном уже основном устройстве, наличие обычного земляного дна камеры. Впрочем, относящимися только к раннему этапу надо считать склепы с деревянными полами из досок².

К позднему этапу относятся склепы с берестяным полом, когда земляное дно могильной ямы обязательно покрывалось сплошными пластами берес-

ты. Причем отличие для позднего этапа заключается также в появлении усеченно-пирамидальных курганов сверху³.

Итак, среди правобережных склепов имеются два основных типа: I тип, кроме юртообразного кургана сверху, характеризуется наличием сруба с земляным полом (только в одном случае пока нам известен деревянный пол); II тип, кроме подчетырехугольной насыпи (первоначально усеченно-пирамидального земляного кургана), имеет камеру-сруб с берестяным полом. Остается рассмотреть еще один вопрос: имеют ли склепы под юртообразными курганами что-либо общее в конструкции с погребальными сооружениями предшествующей тагарской эпохи? Пожалуй, только одна деталь может говорить о таком сближении: наличие квадратной оградки из плит, которая здесь огораживает могильную яму сверху. Эта деталь интересна в связи с еще одним любопытным фактом.

В 1929 г. С. В. Киселев исследовал у с. Сыда интересный каменный курган (№ 2), очевидно (по конструкции) переходный как раз от тагарских к таштыкским⁴. Это каменный курган, а не кольцо, хотя, по обнаруженным в нем предметам, керамике и погребальным маскам, он ничем не отличается от склепов под «каменными кольцами». Но в нем выявились пережитки ранних тагарских традиций: во-первых, под ним оказались две погребальные камеры, вместо одной; во-вторых, на насыпи этого кургана имелась четырехугольная оградка из плит, у которой «по-тагарски» на каждом углу стояли высокие камни.

Учитывая все особенности правобережных склепов, следует считать, что они сооружались совместно и потомками тагарцев и каким-то пришлым населением, внесшим новые черты в конструкцию погребальных сооружений, которых не было в тагарское время.

СКЛЕПЫ ПОД УСЕЧЕННО-ПИРАМИДАЛЬНЫМИ ЗЕМЛЯНЫМИ КУРГАНАМИ

Этот тип погребальных сооружений широко распространен, как уже указывалось выше, на левом берегу р. Енисея. На правобережье нет ни одного сооружения такого рода. Границей, таким образом, являлась р. Енисей. Крайним пунктом распростра-

нения был Тагарский остров, где нет склепов под юртообразными курганами, зато есть склепы с усеченно-пирамидальными насыпями. Там впервые и был раскопан такой склеп в 1883 г. А. В. Адриановым, известный как «курган № 6», или «курган

¹ ОАК за 1894 г. СПб., 1896, стр. 107. Размеры подчетырехугольных валов следующие: «курган» № 5 — 11×11 м, ширина 2,1 м, высота не указана; «курган» № 6 — 13×10,5 м, ширина и высота не указаны; «курган» № 8 — «такого же типа».

² Такой склеп раскопал Адрианов в 1895 г. на правом берегу Енисея, Думная гора, грива «Малый Камешек», склеп «к северо-востоку от кургана» № 5. см. ОАК за 1895 г.,

СПб., 1897, стр. 151: «Хотя дно могилы сплошь и не было выстлано деревом, но местами попадались остатки плах». В другой его работе об этом прямо сказано «А дно выстлано плахами» (см. Выборки из дневников курганных раскопок в Минусинском крае, стр. 52).

³ Позднейшим из правобережных склепов является склеп очень своеобразной конструкции, раскопанный В. П. Левашевой в 1938 г. у с. Быстрая.

⁴ ДИЮС, стр. 412.

Е»¹. С. В. Киселев ошибочно относит его к группе склепов под «каменными кольцами»². Это не так, ибо квадратность его плана и такие подробности, как наличие стенок из частокола, клетки из бревен, а не сруба, входа и т. д., характерны только левобережным склепам с «подквадратными насыпями».

Второй склеп на Тагарском острове раскопан в 1888 г. Д. А. Клеменцом. К сожалению, никаких материалов о нем не сохранилось, кроме вещей³. Но вероятнее всего, он относился также к склепам с «подквадратными насыпями», тем более, что датируется он средним этапом, т. е. сооружен позднее, чем склеп Адрианова 1883 г., который относится к раннему этапу таштыкской эпохи.

Для того чтобы яснее представить себе внешний вид такого рода склепов, приведем описание склепа № 1, раскопанного нами в 1950 г. на Сырском чаа-тасе⁴. Этот склеп на поверхности был обозначен плоской подквадратной насыпью со сторонами 14×14 м. Насыпь обрамлена со всех сторон валиком шириной около 2 м, при высоте в 10—15 см. Насыпан валик из земли с щебнем и подостлан вымосткой из обломков плитняка. Внутри четырехугольного вала имелась впадина неправильной формы размерами 7×7 м, при глубине до 0,5 м. Впадина образовалась при оседании земли, когда потолок склепа обрушился. С юго-западной стороны, посредине валика, находились две вертикально вкопанные толстые (до 30 см) плиты девонского песчаника, образуя собой своеобразный «вход» шириной в 1,1 м. Эти вертикальные плиты-столбы обиты сверху. Наибольшая высота плит в современном состоянии — 30 см. Далее, в 1,1 м к юго-западу от них, вкопана на боку, преграждая собою вход, третья плита, еле заметная на поверхности земли (длина ее 1,05 м, при толщине до 15 см). Таков внешний вид одного из левобережных склепов (рис. 3а). Однако не все они имели такие низкие насыпи, но максимальная высота их всего лишь 50 см⁵.

¹ А. В. Адрианов. Доисторические могилы в окрестностях Минусинска. ИРГО, т. XIX, вып. 3. СПб., 1883, стр. 246—251 — здесь склеп описан как курган № 6 и приведен схематичный план его устройства. См. также А. В. Адрианов. Путешествие на Алтай и за Саяны, совершенное летом 1883 г. Зап. ЗСОРГО, кн. VIII, вып. 2, Омск, 1886, стр. 34—47 — здесь этот же склеп описан под названием «курган Е» и приведена схема его плана, не совпадающая в некоторых деталях с предыдущим. О раскопках этого же склепа повествует письмо А. В. Адрианова к Д. А. Клеменцу, опубликованное последним — см. Д. Клеменц. Древности Минусинского музея. Томск, 1886, стр. 27—28. Три предмета из этого склепа опубликованы С. А. Теплоуховым в «Опыте классификации...», МЭ, т. IV, вып. 2. Л., 1929, стр. 57, табл. II, рис. 14—16.

² ДИЮС, стр. 410.

³ Хранятся в ГИМ, инв. № 44848.

⁴ Находится на рч. Малый Сыр, у с. Малые Сыры Аскизского района Хакасской автономной области.

⁵ Размеры и ориентировка подквадратных насыпей: раскопки С. В. Киселева и Л. А. Евтюховой на Уйбатском чаа-тасе в 1936 и 1938 гг.:

№ 1 — 14×14×0,35 м, сторонами на ЗЮЗ, ВСВ, ССЗ, ЮЮВ.

№ 2 — 13×13×0,35 м, сторонами на ЗЮЗ, ВСВ, ССЗ, ЮЮВ.

Выяснилось при раскопках, что валик, окаймляющий насыпи с подостланным настилом из плитняка, располагается по краям могильных ям, иногда заходя на их перекрытие. Настил этот, из плашмя положенных и хорошо пригнанных небольших плиток девонского песчаника, в одном случае образовал даже четырехугольную каменную кладку в виде ограды. Эта ограда, встреченная С. А. Теплоуховым в 1924 г. в «Одиной могиле» (по отчету № 14) могильника у Горького озера (с. Батени), была заключена в округлой земляной насыпи высотой в 1 м, так что она почти не выдавалась из-под поверхности почвы. При раскопках выяснилось, что кладка в виде четырехугольной стенки-ограды размером 9×8 м имела высоту в 1 м, при ширине в 1—1,6 м⁶.

С юго-западной стороны насыпи кургана посредине его полы стояла вертикально вкопанная плита.

Это первый по времени раскопок из трех известных ныне земляных курганов таштыкской эпохи, под которыми оказались типичные склепы. Два таких же овальных земляных невысоких кургана (№ 1 и № 2) раскопаны Саяно-Алтайской экспедицией на Уйбатском чаа-тасе в 1938 г. Земляной курган № 1 имел овальную форму размерами 28 м (с ВСВ на ЗЮЗ) на 24 м (с ЮЮВ на ССВ). На насыпи имелись две вертикально установленные плиты. Одна из них, стоящая у середины юго-западной полы, имела высоту в 0,5 м, другая находилась в 3,5 м от северной полы. Под насыпью вокруг

№ 3 — 13,75×13,75×0,2 м, сторонами на ЮЗ, СЗ, СВ, ЮВ.

№ 4 — 7,75×7,75×0,25 м, сторонами на ЗЮЗ, ВСВ, ССЗ, ЮЮВ.

№ 5 — 12,75×12,75×0,25 м, сторонами на ЗЮЗ, ВСВ, ССЗ, ЮЮВ.

№ 6 — 12×12×0,5 м, сторонами на З, В, С, Ю (раскопан В. П. Левашевой, 1936).

№ 7 — 11×11×0,4 м, сторонами на ЗСЗ, ВЮВ, ССВ, ЮЮЗ.

№ 8 — 14×14×0,2 м, сторонами на ЗЮЗ, ВСВ, ССЗ, ЮЮВ.

№ 9 — 11×11×0,3 м, сторонами на З, В, С, Ю.

№ 10 — 12×12×0,4 м, сторонами на ЗСЗ, ВЮВ, ССВ, ЮЮЗ.

№ 11 — 15,2×15,2×0,4 м, сторонами на ЗЮЗ, ВСВ, ССЗ, ЮЮВ.

Раскопки С. А. Теплоухова: с. Батени, Сарагаш, 1923, «на увале», «могила № 52» — 8×8×0,7 м, сторонами (примерно) на ЮЗ, СЗ, СВ, ЮВ.

Раскопки Л. Р. Кызласова: Сырский чаа-тас, 1950, склеп № 1 — 14×14×0,15 м, сторонами на ЮЗ, СЗ, СВ, ЮВ, Изыхский чаа-тас, 1951, склеп № 1 — 5,6×5,6 м, сторонами на ЮЗ, СЗ, СВ, ЮВ. Особенностью изыхских склепов является общая сильная задернованность склона горы, на котором они расположены. В силу этого они внешне отмечены не плоскими подквадратными насыпями, а подквадратными впадинами с сильно распылившимися валиками, которые выявляются лишь после снятия дернового слоя.

⁶ «Дневник археологических работ 1924 г. С. А. Теплоухова», хран. в МЭН СССР. В дневнике имеется схема плана кургана и ограды в нем. Ограда ориентирована сторонами (примерно) на ЮЗ, СЗ, СВ, ЮВ. С. В. Киселев ошибочно отнес этот земляной курган к концу тагарской эпохи. См. ДИЮС, стр. 223, VI.

четырехугольной ямы обнаружен подквадратный валик из земли с выстилкой плитняком в три слоя. Такое же устройство имел и земляной курган № 2 Уйбата.

Как предполагает С. В. Киселев, первоначально над всеми склепами с подквадратными насыпями имелись пирамидальные земляные курганы высотой около 1,5 м¹. В самом деле, в настоящее

нее опустилась, вновь заполнив собою всю яму. А так как насыпи все подквадратны в плане, то первоначальный вид кургана был пирамидальным. Высота его в среднем должна равняться глубине скрывавшейся под ним ямы.

Любопытно отметить, что при разведке 1950 г. мною на озере Баланкуль осмотрены два больших земляных кургана, имеющих форму усеченной пи-

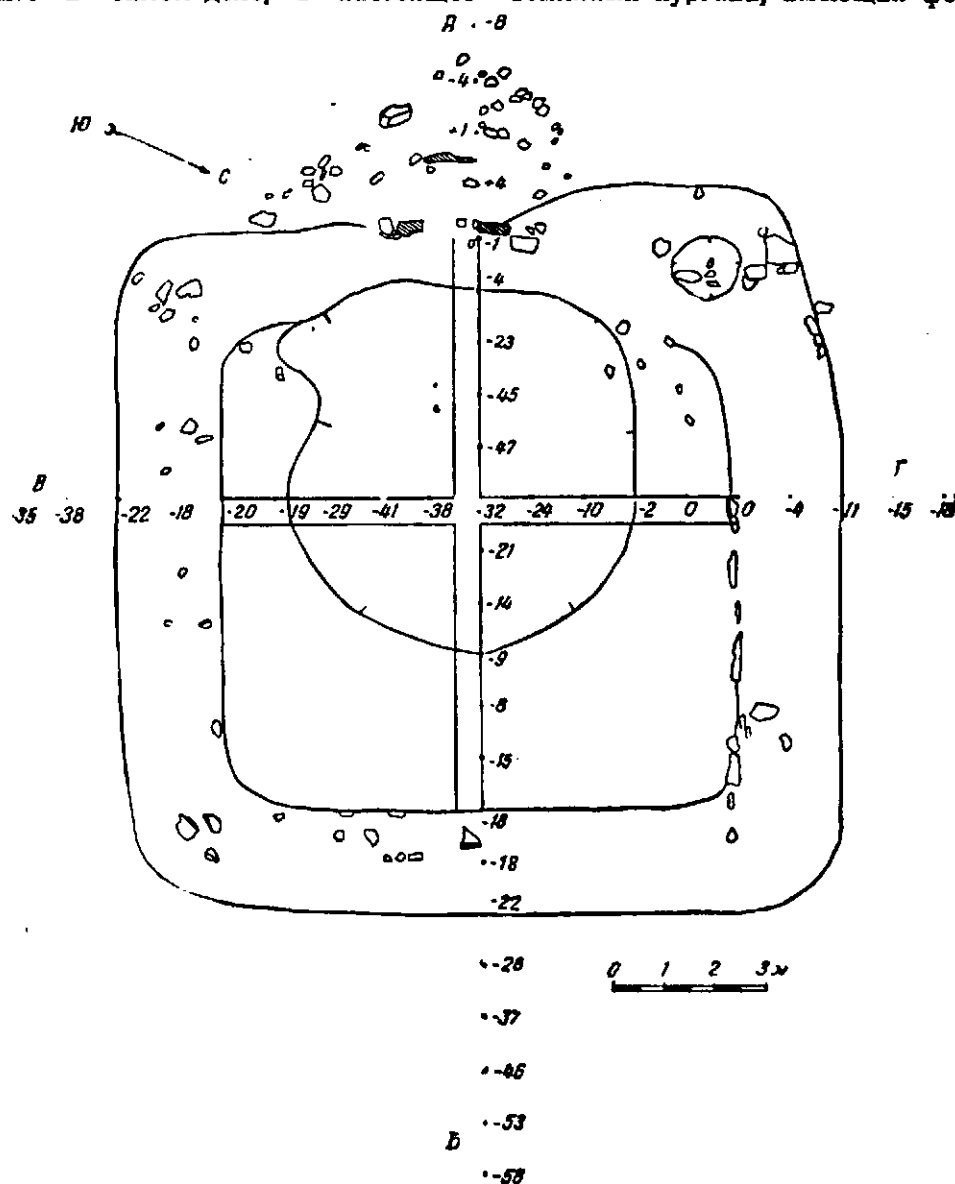

Рис. 3а. Нивелировочный план склепа № 1 Сырского чаа-таса

время центры подквадратных насыпей почти заровнены или же имеют небольшие углубления, в то время как при раскопках выясняется, что вся внутренняя камера заполнилась землей лишь после того, как сгнили перекрытия склепа. Это могло произойти лишь в том случае, если вся земля, полученная при выкапывании ямы, затем насыпалась сверху на потолок склепа в виде кургана, а позд-

рамиды. Размеры их: 25×25 м в основании, при высоте в 2 м. Отсутствие на них оградок из плит, установленных по четырехугольнику, как это обычно имеет место на тагарских курганах, заставляет предполагать, что под ними скрываются таштыкские склепы с непровалившимися потолками.

Таким образом, нецелесообразно выделять склепы под земляными курганами в особый вид погребальных сооружений, тем более что внутреннее устройство камер совершенно сходно с таковым у

¹ ДИЮС, стр. 418.

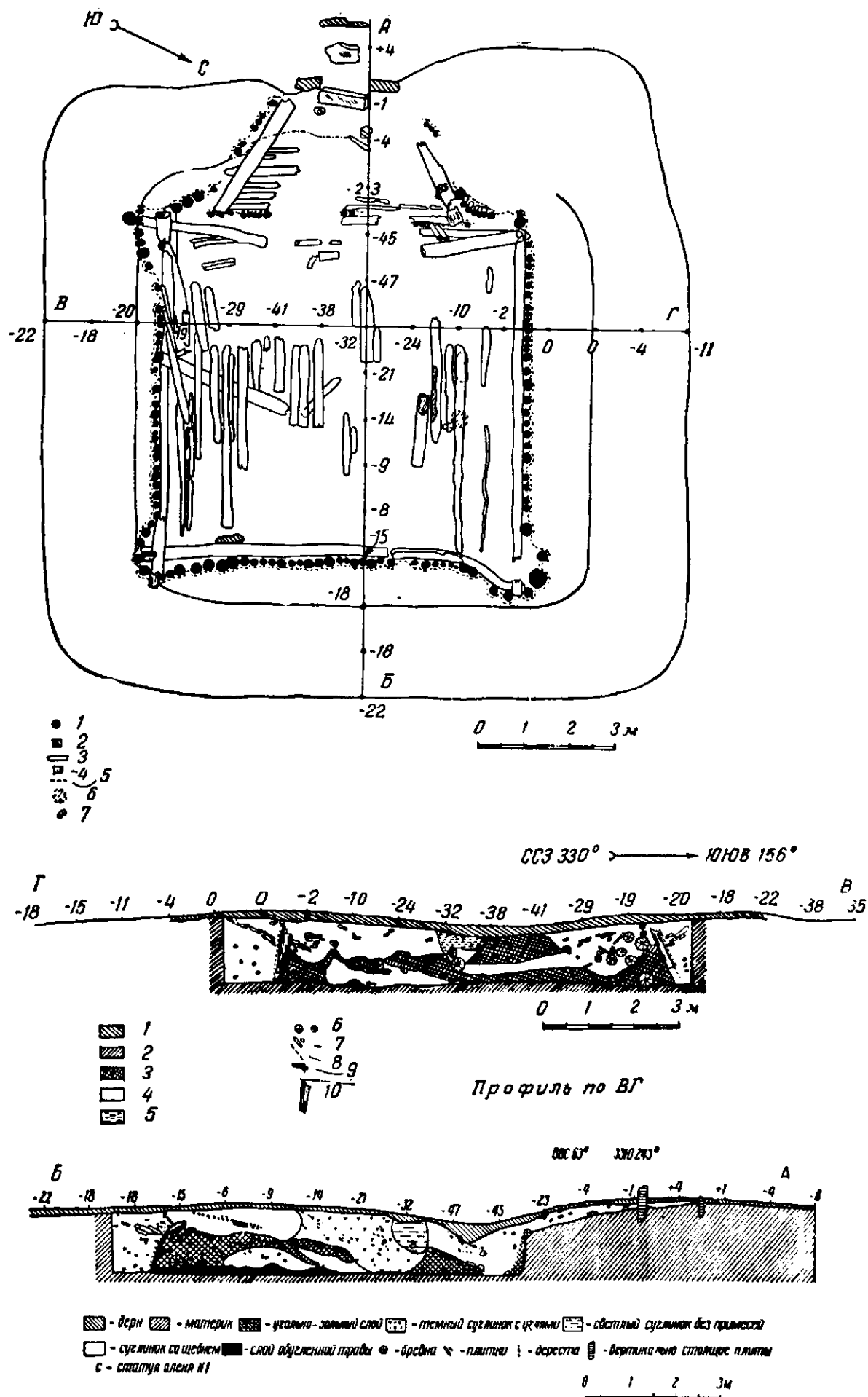

Рис. 36. Устройство камеры склепа № 1 Сырского чаа-гаса (IV тип): 1 — дерн, 2 — материк, 3 — угольно-золистый слой, 4 — суглинок с щебнем, 5 — светлый суглинок без примесей, 6 — бревна, 7 — плитки, 8 — береста, 9 — слой обугленной травы, 10 — столбы частокола

склепов под плоскими подквадратными насыпями.

В качестве единственного отклонения укажем, что в склепе № 6 Уйбатского чаа-таса (раскопала В. П. Левашева, 1936) настил из плиток, окружавший могильную яму, имел не подквадратную, а кольцообразную форму, что заставляет нас вспомнить правобережные склепы¹.

Теперь обратимся к устройству внутренних камер. Ввиду того что характеристика всех 14 раскопанных на Уйбатском чаа-тасе и могильнике Уйбат II склепов дана С. В. Киселевым², а нами описано устройство склепа № 1 Сырского чаа-таса³, здесь нужно лишь в сжатой форме напомнить основные особенности.

Под курганами находились квадратные ямы (от 4,5×4,5 м до 9×9 м)⁴, огражденные сверху, по борту, квадратным валом из плитняка, лежащим в основании кургана. В яму ведет трапезиевидный вход-дромос (рис. 3 б). Деревянные стенки камер двойные: частокол из столбов, одетый с внешней стороны снизу доверху широкими пластинами вываренной бересты, затем сруб или клетка, сложенная из бревен. Все бревна и столбы камер обычно сильно обожжены. Особенно страдали накаты потолков камер и дромосов.

Происходило это потому, что после заполнения склепов останками покойных, перед окончательным их закрытием, они поджигались. Сильный огонь охватывал внутри всю камеру, но очень скоро вход заваливался землей и то, что сразу не было уничтожено огнем, обугливалось без доступа воздуха. Вскоре за недостатком кислорода все угасало. Этот обычай был распространен широко и зафиксирован во всех склепах, за редким исключением⁵.

¹ Сб. «Археологические исследования в РСФСР 1934—1936 гг.». М.—Л., 1941, стр. 310, рис. 87.

² ДИЮС, стр. 419—421.

³ Л. Р. Кызласов. Сырский чаа-тас. СА, XXIV.

⁴ Размеры погребальных ям: Уйбатский чаа-тас, 1936 и 1938 гг. С. В. Киселев, Л. А. Евтюхова и В. П. Левашева (п. н. № 6), п. н. № 1—9×9×2 м, № 2—7,4×7,4×1,4 м, № 3—7,6×7,6×0,8 м, № 4—4,5×4,5×0,35 м, № 5—7,2×7,2×2 м, № 6—5,75×5,75×1,75 м, № 7—7,6×7,6×1,85 м, № 8—8,2×8×1,8 м, № 9—6,5×5,7×1,7 м, № 10—6,5×6,5×1,75 м, № 11—7,1×7,1×1,9 м. Земляной курган № 1—10,6×9,5 м (яма вытянута с ЗЮЗ на ВСВ). По п. н. № 1 Уйбата II и земл. кургану № 2 данных нет.

Раскопки С. А. Теплоухова—с. Батени, Сарагаш, 1923, склеп «на увале» (могила № 52)—6×6×1,5 м, с. Батени, Горькое озеро, 1924, «Одиночная могила» № 14—размеры ямы неизвестны. Известны лишь размеры погребальной камеры—4×4×0,8 м. Раскопки Л. Р. Кызласова. Сырский чаа-тас, 1950, № 1—10,25×9,15×1,5 м (вытянута с ССЗ на ЮЮВ). Изыхский чаа-тас, 1951, склеп № 1—5×4,7×1,5 м, склеп № 2—6×5,5×1,2—1,5 м. (Глубины ям даны от современного уровня почвы).

⁵ Совершенно необожженными оказались разновременные склепы № 1 и 2, раскопанные мною на Изыхском чаа-тасе в 1951 г. Поэтому их деревянные камеры оказались сильно сгнившими. Очевидно, население Койбальской степи не имело обычной окончательного сожжения склепов, чем оно резко отличалось от обитателей остального левобережья (Изыхский чаа-тас расположен на горе Изых-тах по правому берегу р. Абакана, от которой начинается, заключенная между Енисеем и его левым притоком Абаганом, Койбальская степь).

Таково устройство типичных левобережных склепов. Как видим, особенности их конструкции имеют существенные отличия от таковых же у правобережных склепов. У последних камеру создает только сруб и там нет ни стенок из частокола, ни входов-дромосов, ни герметической и всесторонней закупорки камеры берестяными пластинами. Различное территориальное расположение этих двух основных видов таштыкских погребальных сооружений—одних на правом берегу, других на левом берегу Енисея—при одновременности их существования позволяет предполагать наличие двух групп населения, имеющих при значительной общности обряда захоронения (в основном, трупосожжения с погребальными масками) и форм материальной культуры различные все же конструктивные виды погребальных сооружений.

Левобережные склепы также позволяют выделить несколько типов по их внутреннему устройству. Два таких типа уже наметил С. В. Киселев при изучении склепов Уйбатского чаа-таса⁶. Однако новые материалы, полученные при наших раскопках на Изыхском и Сырском чаа-тасах, позволяют дополнить и уточнить представление о типах погребальных камер левобережья. Как уже говорилось выше, на правобережье нами выделены два типа склепов—I и II. На левобережье же обнаружено три других типа склепов—III, IV и V. К III типу будут относиться склепы со следующими особенностями.

В четырехугольной яме помещался лишь сруб из толстых лиственничных бревен. Камера имела бревенчатые пол и потолок. Бревна крыши, стенок сруба и пола с внутренней стороны отесаны. Бревна потолка сверху покрыты берестой.

Как видим, склепы этого типа отличались большой конструктивной простотой. Здесь нет второго ряда стен из частокола, входы короткие с деревянными ступеньками, а не длинные дромосы со стенками из частоколов и бревен, нет также и бересты, обтягивающей стенки камер снаружи. К этому типу относятся раскопанный нами склеп № 2 Изыхского чаа-таса и склеп под земляным курганом, раскопанный в 1924 г. С. А. Теплоуховым у с. Батени в могильнике у Горького озера («Одиночная могила» № 14)⁷.

Для более ясного представления о конструктивных особенностях склепов этого типа опишем вкратце устройство склепа № 2 Изыхского чаа-таса (рис. 4а и 4б).

В выявленной раскопками четырехугольной яме оказалась бревенчатая камера размером 5,2×5,2 м. Она состояла из двойного ряда стен. Основу составлял сруб со стенками из трех бревен, ле-

⁶ ДИЮС, стр. 419—420. Они соответствуют нашим IV и V типам.

⁷ Гос. Эрмитаж, коллекция 4320 и «Дневник археологических работ 1924 г. С. А. Теплоухова», хран. в МЭН СССР; сруб ориентирован сторонами (так же как и яма этого склепа)—на ЮЗ, СЗ, СВ и ЮВ. Размеры его 4×4 м, при высоте 0,8 м. Способ крепления углов сруба неизвестен, так как Теплоухов нигде этого не отметил. О входе ничего не сказано.

жаших друг над другом. Только юго-восточная стенка сруба состояла из двух бревен. Бревна в углах зарублены в обло, т. е. каждое нижнее бревно имело вырубку, в которую ложилось верхнее бревно (рис. 1—3). Если вырубка оказывалась более

там, где он неплотно прилегал к полу. С трех сторон сруба (с ЮВ, СВ и СЗ) имелся второй, внешний ряд стен, вплотную прилегающий к внутренним стенкам и состоящий только из двух бревен — одно над другим, концы которых, в углах, зарублены тем

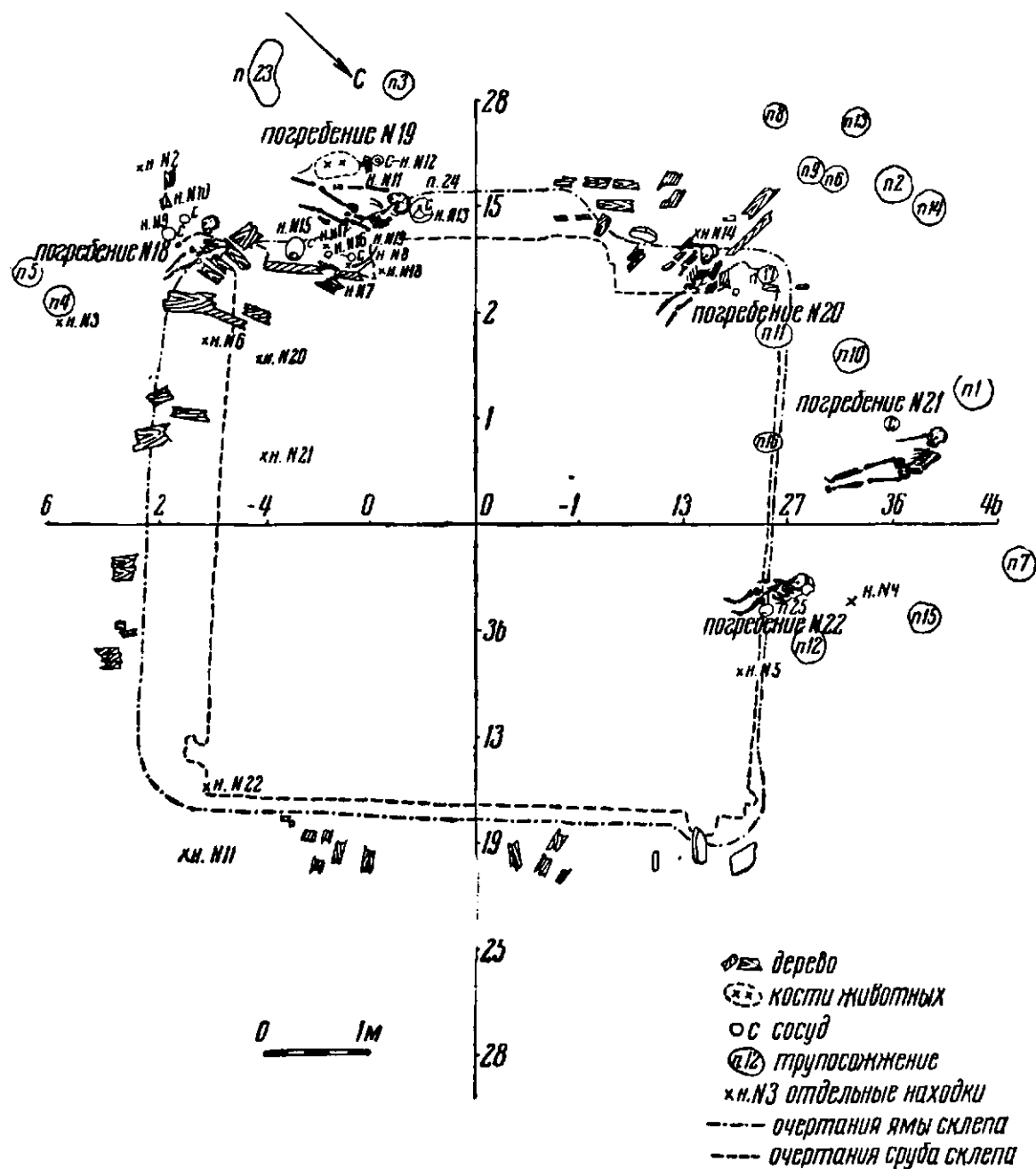

Рис. 4а. План на уровне потолка склепа № 2 Изыхского чаа-таса с впускными погребениями

широкой, чем укладываемое в нее бревно, то для более плотного его закрепления в зазоры забивались небольшие каменные плитки. Этот способ дополнительного закрепления углов сруба отмечен уже нами выше для грунтовых могил. Здесь, так же как и там, обнаружено, что плитки песчаника, помимо забивки имеющих в срубе щелей, подкладывались и под сам сруб (под его нижние бревна).

же способом. При этом внешние стенки были, таким образом, ниже внутренних на одно бревно. Все бревна сруба достаточно толстые — до 30 см, в современном состоянии, причем надо учесть, что камеры Изыхских склепов не подвергались окончательному сожжению, и бревна оказались полусгнившими. Однако сохранность их довольно хорошая для двухтысячелетней давности, что, по-видимому, определя-

ется благоприятным почвенным режимом горной местности.

Юго-западная стенка склепа № 2 была одинарной. Посредине ее имелся вход, сооруженный следующим образом. Нижнее бревно стенки сруба

ное в земле, подсыпанной для этого в яму. Между этим бревном и стенкой сруба были положены по краям два обрубка бревна, приходившиеся над концами средней ступени и препятствующие сползанию верхней ступени. В бревне, служившем верхней

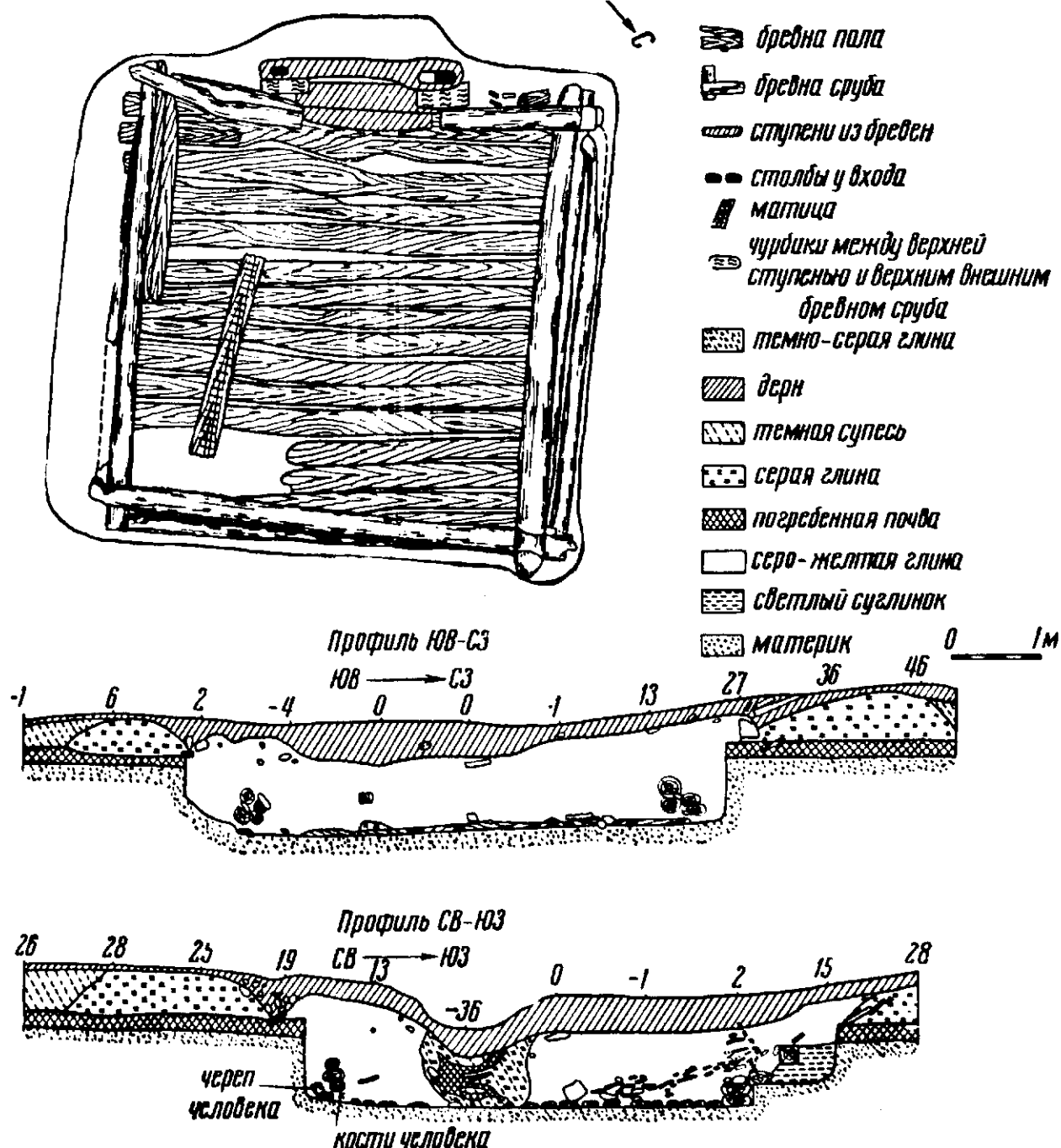

Рис. 46. Устройство камеры склепа № 2 Изыхского чаа-таса (III тип)

было целым. В двух верхних бревнах имелся проруб, образовавший проход шириной 1,2 м. Нижнее бревно, таким образом, являлось нижней ступенью. Средней ступенью служило короткое бревно (длиной около 1,6 м), положенное вплотную к стенке сруба с внешней его стороны. Верхней и последней ступенью служило бревно длиной 2,25 м, укреплен-

ступенью, по краям были пробиты прямоугольные пазы, в которых укреплялись два деревянных столба, образующих дверь (от них сохранились лишь нижние концы). Сверху столбов, очевидно, была дверная притолока.

Таким образом был получен короткий вход (шириною в 1,2 м и длиной 0,8 м), длина которого

была в первоначальном состоянии, видимо, несколько больше, если учесть небольшое смещение бревен сруба и входа, происшедшее при обрушивании потолка.

Пол склепа сооружен из бревен, отесанных сверху и положенных не совсем плотно одно к другому, поперек направлению входа так, что концы их уходили под противоположные стенки сруба. Потолок почти не сохранился. В верхних слоях, в центре склепа, встречалось довольно много мелких кусочков гнилого дерева. Однако в окружении ямы сохранились концы бревен от перекрытий потолка. После расчистки выяснилось, что большинство из них сохранило первоначальную ориентацию и направлено к центру ямы. Это обстоятельство заставляет считать, что склеп № 2 не имел обычного перекрытия в виде потолка-наката (рис 4а).

Если продолжить к центру линии сохранившихся кусков бревен, то выясняется, что они не сойдутся в одной точке, а соберутся к четырехугольнику, который, очевидно, находился в центре крыши. В таком случае следует признать, что крыша склепа, при четко выраженном общем четырехугольном плане, в первоначальном состоянии имела вид деревянной усеченной пирамиды, засыпанной сверху землей. В этом случае мы получаем хорошее подтверждение предположению С. В. Киселева о том, что над склепами с подквадратными насыпями сооружались первоначально земляные курганы пирамидальной формы, с той, однако, поправкой, что форма их была усеченно-пирамидальной¹.

Склеп № 2 Изыхского чаа-таса важен еще и тем, что он твердо доказывает наличие первоначального земляного кургана. Дело в том, что в VI—X вв. этот курган еще благополучно стоял, ибо вскрытые в верхних слоях «кыргызские» детские погребения (и погребения трупосожжений), с ЮЗ и СЗ сторон склепа, все расположены сразу же за границами склепа, а не поверх его (рис. 4а). Если бы кургана в то время не было, то они неизбежно встретились бы в верхних слоях засыпки склепа по всей его площади, так как «кыргызы» не могли бы догадаться, что за 500 лет до них здесь был сооружен ранне-таштыкский склеп.

Итак, основной особенностью склепов III типа является наличие камеры-сруба с бревенчатым полом и потолком [накатом, как в склепе под земляным курганом № 14 на Горьком озере (С. А. Теплоухов, 1924 г.) или же крышей в виде усеченной пирамиды, как в склепе № 2 Изыха]. Вход короткий.

К IV типу склепов относятся камеры с иным устройством. Место сруба здесь занимает простая клетка, т. е. бревна в углах просто накладывались одно на другое без каких бы то ни было зарубок, при этом в стенках между каждыми двумя находящимися друг над другом бревнами оказывались промежутки (рис. 1—4). Часто, чтобы бревна не про-

висали, в эти промежутки вставлялись чурбаки-распорки. Под нижними бревнами в некоторых случаях обнаружены опорные каменные базы-брусья, подложенные по углам и посередине — всего восемь. Северные и южные стенки клетки имели всегда на одно бревно меньше (3 бревна) и поэтому на них укладывались переводины потолка, настилавшегося, таким образом, на одном уровне, опираясь на западные и восточные стенки, состоящие из 4 бревен, и на переводины. Для входа в западной стенке прорубалось лишь среднее бревно на ширину до 1 м, а два нижних и одно верхнее бревно оставались целыми. В проруб среднего бревна вставлялись «косяки» — вертикальные чурбаки, зажатые вторым нижним и самым верхним бревнами, в которых делались вырубki, куда входили торцы «косяка» на 2—3 см. Средние бревна в отрубленных торцах также вырубались полукругами, в которые входили цилиндрические поверхности косяков. Это придавало им устойчивость и закрепляло всю конструкцию дверей склепа (рис. 1—5). К этой внутренней двери примыкал дромос, трапециевидный в плане, сужающийся к наружной двери входа, т. е. к западу. Его стенками являлись короткие бревна, концы которых вставлялись в промежутки между бревнами камеры сбоку «косяков» внутренней двери и далее, сближаясь, они шли к наружной двери входа.

Таким образом, получалась основная конструкция склепов этого типа — клетка и каркас дромоса. Вторые стенки этих склепов создавал частокол, прилегающий снаружи к внутренним стенкам. Вертикально установленные, вплотную друг к другу, и равные по высоте стенкам клетки, бревешки частокола создавали сплошную вторую стенку дромоса и клетки, препятствуя тем самым осыпанию земли внутрь погребальной камеры. Но, кроме этого, снаружи частокол одевался плотными заходящими друг за друга пластинами бересты, которая целиком уже изолировала камеру. Пол склепов этого типа бревенчатый, стесанный сверху, настланный поперек к линии входа так, что концы его уходили под нижние бревна северной и южной стенок клетки. Потолок также бревенчатый из положенных вплотную друг к другу толстых бревен по направлению линии входа (т. е. с В на З). Он плотно накрыт сверху пластинами бересты. Дромос имел отдельный потолок и пол из мелких бревешек и горбылей, положенных поперек его. Вход снаружи закладывался каменными брусками или массивной плитой.

К этому типу, по С. В. Киселеву, относятся следующие склепы, изученные на Уйбатском чаа-тасе: № 1, 5, 7, 8, 11 и № 1 Уйбата II². Однако к этому же типу относятся склепы № 6 и 10, земляные курганы № 1 и 2³ Уйбата I, а также курган № 6 (Е) Тагарского острова⁴. Склеп № 1 Сырского чаа-таса

¹ ДИЮС, стр. 419—420.

² В ДИЮС (стр. 420) земляной курган № 2 отнесен ошибочно к другому типу склепов.

³ Нет данных о склепе, раскопанном Д. А. Клеменцом на том же Тагарском острове в 1888 г., но возможно, что и он относился к IV типу. Это оправдывается хронологически.

¹ Это подтверждают, как уже отмечалось выше, земляные курганы усеченно-пирамидальной формы, открытые нами при разведках 1950 г. на берегу горного озера Баланкуль.

является поздней вариацией этого же типа, судя по устройству пола, занимая промежуточное положение между типами IV и V. Совершенно то же самое надо сказать и о склепе, раскопанном С. А. Теплоуховым «на увале» у д. Сарагаш в 1923 г. (могила № 52) ¹.

Склепы IV типа имеют еще некоторые особенности в отдельных деталях. Так, например, в склепах № 1 и 8 Уйбатского чаа-таса бревенчатый пол в центре камеры имел специальный выруб, в котором прямо на грунте был установлен квадратный камень, со следами сильного обжига. По С. В. Киселеву, это «своеобразный очаг дома мертвых», но скорее всего это каменная база столба, поддерживающего матицу потолка, тем более, что на этом же месте в склепе № 5 действительно оказался толстый столб, предназначенный для указанной цели ².

Склеп № 7 отличается тем, что в нем пол дромоса был заменен лестницей из каменных брусьев ³.

Особенно интересным вариантом склепов IV типа является конструкция погребальной камеры в земляном кургане № 1 Уйбатского чаа-таса. «Ее основу так же, как и у всех предыдущих, составляла клетка из незарубленных бревен ⁴. Снаружи стенки клетки были закрыты слоем бересты, но не были обставлены вертикальными бревешками. Последние стояли отдельно прислоненными к земляной стенке ямы, таким образом, что между ними и стенкой клетки всюду имелся проход шириной до 0,5—0,7 м. Потолок из бревен закрывал и центральную камеру и коридоры вокруг нее. Вход в камеру был также более сложным. Обычного типа дромос, устроенный с западной стороны, вел от поверхности вниз к коридору. Вход в него снаружи загораживала массивная и высокая плита, врытая вертикально. В коридор из дромоса можно было проникнуть через проход, оставленный незагороженным вертикальными столбиками. Так как пол коридора был значительно ниже уровня внутренней части дромоса, то здесь лежали толстые обрубки. Против дромоса в западной стенке камеры было сделано отверстие. Для этого была вырублена средняя часть, но не одного, как в подквадратных насыпях, а двух средних бревен клетки, упиравшихся в массивные

вертикальные «косяки». Внутри камеры были обнаружены остатки нескольких деревянных массивных колонн, поддерживавших две толстые переводины, служившие опорой для потолка. Вообще, сравнительно с другими, камера земляного кургана № 1 выглядела гораздо более массивной. Однако самым интересным является двойное членение всего сооружения, состоявшего из центрального помещения и внешних коридоров. В этом отношении конструкция Уйбатского земляного кургана № 1 полностью воспроизводит план погребальных сооружений соседних областей и, в первую очередь, алтайских больших курганов пазырыкского типа, а также курганов Северной Монголии с усыпальницами хуннских шаньюев и высшей знати. Очевидно, этот тип подкурганых конструкций был достаточно широко распространен во всех областях Южной Сибири и Центральной Азии в хунно-сарматское время» ⁵.

Итак, склепы IV типа имеют следующие характерные черты в конструкции своих камер: это, во-первых, наличие клетки, а не сруба; во-вторых, двойных стенок в виде частокола из вертикально установленных вплотную друг к другу бревешек; в-третьих, при бревенчатом потолке, они всегда имеют бревенчатый же стесанный пол и длинный вход — дромос.

V тип склепов по всем особенностям конструкции очень близок к IV типу, ибо он продолжает традиции конструкции IV типа на новом хронологическом этапе, что будет показано ниже. Но он отличается большей конструктивной простотой. Основу сооружения составляет та же клетка из незарубленных бревен, но всего лишь из 1—2 рядов их, т. е. клетки в склепах V типа имеют меньшую высоту. Существенным отличием от склепов IV типа является то обстоятельство, что вторые стенки в виде частокола в склепах V типа или вовсе отсутствуют, и тогда их заменяет только берестяная обкладка, или же они являются неполными в виде далеко отстоящих друг от друга столбиков, причем имеющих не со всех сторон центральной клетки. Самым важным изменением в склепах V типа будет устройство пола. Деревянных полов нет совсем — все полы земляные, крытые сплошным слоем бересты. Прочие детали сходны с вышеописанными. Входы — типа дромосов.

К V типу относятся склепы № 2, 3, 4 и 9 Уйбатского чаа-таса ⁶ и склеп № 1 Изыхского чаа-таса (рис. 4 в).

Забегая вперед, укажем, что раннему этапу существования таштыкских склепов свойственны правобережные склепы I типа и левобережные III и IV

¹ С. А. Теплоухов. Опыт классификации древних металлических культур Минусинского края, М. Э., т. IV, вып. 2. Л., 1929, стр. 51 и табл. II (V, 2). Вообще устройство этого склепа совпадает с конструкцией камеры склепа № 1 Сырско-го чаа-таса. Сарагашинский склеп также имеет клетку, сплошной частокол из вертикально установленных бревешек, диаметром 12—15 см. и высотой в 1,5 м. Неясно только, каким был вход. В этом склепе берестяной пол был настелен не на земляное дно, а на толстые деревянные балки. Подробное описание содержится в полевом дневнике Теплоухова «Дневник раскопок в районе Сарагаш (и Новоселово) 1923 г.» — хран. в МЭН СССР.

² ДИЮС, стр. 419. Такую же базу из толстой широкой каменной плиты имел центральный столб, поддерживающий матицу потолка, в склепе «Е» на Тагарском острове, см. ЗЗСОРГО, кн. VIII, вып. 2, Омск, 1886, стр. 45.

³ ВДИ, 1939, № 1, стр. 253, рис. 1.

⁴ В предварительном сообщении автор раскопок указывал «обширный сруб», а не клетку (?) — см. С. В. Киселев. Саяно-Алтайская археологическая экспедиция в 1938 г. ВДИ, 1939, № 1, стр. 252.

⁵ ДИЮС, стр. 420—421. В описании автора исследования опущена одна важная деталь о том, что склеп под земляным курганом № 1 имел бревенчатый пол. Это установлено по полевому дневнику, любезно предоставленному мне С. В. Киселевым.

⁶ ДИЮС, стр. 420. Как указывает С. В. Киселев, склеп № 4 совсем не имел частокола, а склеп № 2 имел 3 кола посредине ССВ стенки, 9 — в разных местах ЮЮВ стенки: ВСВ и ЗЮЗ стенки кольев не имели. В склепе № 1 Изыха по СЗ стенке — 9 кольев, по ЮЗ — 25, в Ю углу ЮВ стенки — 1, а СВ стенка кольев совсем не имела.

типов. Для среднего этапа характерны склепы I типа правобережных и IV типа левобережных. Для позднего этапа это будут уже II тип правобережных и V тип левобережных склепов. Выделение этапов, основанное на анализе погребального инвентаря, подтверждается, таким образом, наличием осо-

погребальных сооружений? При этом, с нашей точки зрения, следует четко различать собственно тагарские памятники (VII—III вв. до н. э.) и памятники уже не тагарские и еще не таштыкские, памятники переходного тагарско-таштыкского этапа (II—I вв. до н. э.). Самая существенная разница в этих

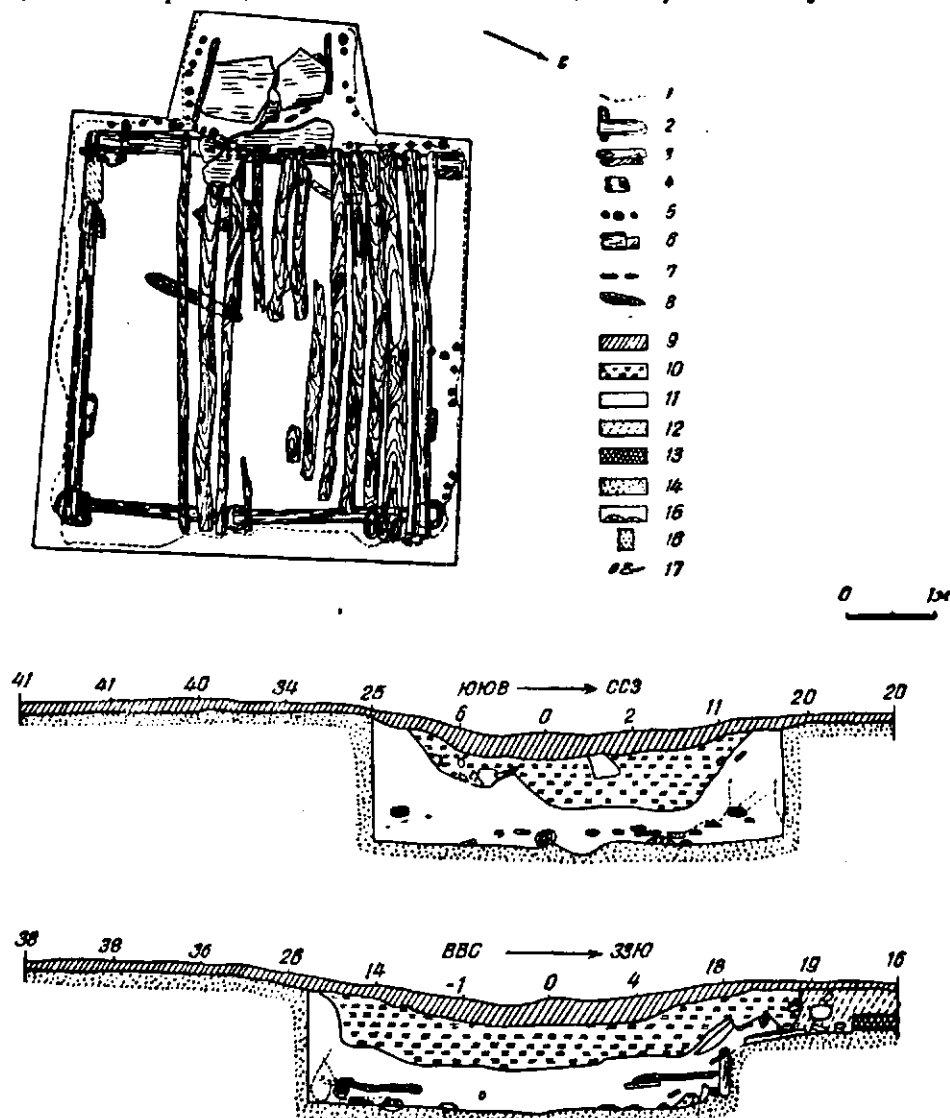

Рис. 4а. Устройство камеры склепа № 1 Изыхского чаа-таса (V тип): 1—береста, 2—бревна клетки склепа, 3—бревна наката потолка, 4—каменные базы, 5—деревянные колья, 6—каменные плиты, 7—вертикально установленные плиты, 8—матица, 9—дверь, 10—темно-серый суглинок, 11—светло-серый суглинок, 12—желтый суглинок, 13—погребенная почва, 14—материк, 15—пережженные кости людей, 16—берестяная урна под бревном, 17—камни

бых типов погребальных камер, что особенно четко выявляется при сравнении ранних и поздних склепов. Склепы среднего этапа, естественно, занимают промежуточное положение.

* * *

Рассмотрим вопрос: связаны ли таштыкские левобережные склепы по особенностям своей конструкции с предшествующими тагарскими формами

периодах заключается в том, что в тагарское время (VII—III вв. до н. э.) в Хакасско-Минусинской котловине жило единое в этническом отношении европеоидное население, в то время как переходный тагарско-таштыкский этап ознаменован появлением на рубеже III—II вв. до н. э. нового, монголоидного и смешанного населения из степей Центральной Азии, которое вытеснило часть европеоидных аборигенов на север и северо-запад за пределы котлови-

ны. Таким образом, во II—I вв. до н. э. в Хакасско-Минусинской котловине жили и оставшиеся аборигены и пришельцы. Хорошим археологическим свидетельством пребывания последних является дом китайской архитектуры, датируемый первой половиной I в. до н. э., т. е. относящийся еще к тагарско-таштыкскому переходному этапу. Это и определило специфичность памятников переходного этапа, конец тагарской эпохи и сложение новой эпохи — таштыкской.

Позднетагарскими памятниками я называю те курганы с коллективными погребениями, которые во II—I вв. до н. э. сооружались за пределами котловины, к северу и северо-западу от нее, в лесных районах по линии Красноярск — Мариинск¹, появляясь там неожиданно в начале II в. до н. э.² Это могилы той вытесненной, как указано выше, части тагарского населения, которая была вынуждена оставить родные степи и продвигаться в чужие и непривычные леса. Таким образом, позднетагарские курганы (в них встречаются типично тагарский еще инвентарь, но уже миниатюрный) одновременны памятникам тагарско-таштыкского переходного этапа (в последних встречаются центрально-азиатские глиняные вазы, нефритовые поделки и т. д.), но расположены на другой территории. К таким выводам привело нас изучение материалов этого времени. Обосновать эти выводы в настоящей работе невозможно, ибо это тема самостоятельного исследования. Но при дальнейшем изложении мною всегда будут употребляться эти наименования только в высказанном выше смысле, что следует иметь в виду во избежание путаницы.

Вернемся теперь к поставленному выше вопросу. Итак, над левобережными склепами первоначально сооружены были земляные курганы в форме усеченной пирамиды, но над некоторыми, может быть, насыпались и пирамидальные курганы. Это может связываться с пирамидальной формой курганов типа гигантских пирамид урочища Салбык³. Отличием между таштыкскими и тагарскими курганами является отсутствие обычных для тагарских курганов оградок из плит и вертикально установленных камней. Камни эти, впрочем, в одиночку или по два, оказались и на полусохранившихся таштыкских земляных курганах, что отмечалось выше. Совершенно то же самое оказывается характерным и для некоторых предшествующих курганов, уже с погребальными масками, относящихся к переходному тагарско-таштыкскому этапу. Мы имеем в виду Большой земляной курган Уйбатского чаа-таса, раскопанный Д. А. Клеменцом в 1889—1890 гг. (на

его насыпи стояли две вертикально вкопанные плиты)⁴, и такой же курган, исследованный И. Р. Аспелиным в 1889 г. у с. Тесь на р. Тубе (два каменных столба, с восточной и западной сторон насыпи)⁵. То же отличает и северные позднетагарские курганы.

Впрочем, некоторые левобережные склепы имеют иногда подобие неполных оградок из небольших плит по краям могильных ям, с внутренней стороны подквадратных валиков. Такая неполная оградка, с отсутствием западной стенки, была обнаружена при раскопках склепа на Тагарском острове (Адрианов, 1883, курган № 6 или «Е»)⁶. Мелкие на ребро поставленные плитки оказались и в Сырском склепе № 1 по внутренним краям СЗ и ЮВ сторон подквадратного валика. Нами также обнаружены две низких вертикально установленных плиты вдоль СВ стороны валика склепа № 1 Изыхского чаа-таса.

Надо отметить, что еще в тагарское время появляются четырехугольные оградки со «входом» из плит, т. е. сооружения, план которых так характерен для левобережных склепов⁷. Но если при устройстве собственно тагарских курганов «входы» из плит пристраивались посредине восточных сторон оградок, то для погребений переходного тагарско-таштыкского времени, с погребальными масками, мы наблюдаем дальнейшую эволюцию, уже значительно приближающуюся к плану таштыкских склепов. С этой точки зрения интересно, что переходный курган № 8, раскопанный А. В. Адриановым в 1895 и 1897 гг. на чаа-тасе у оз. Кызыл-куль, тоже имел оградку со «входом» из четырех плит, но «вход» этот был сооружен посредине западной стороны⁸. Как известно, таштыкские левобережные склепы всегда имеют входы именно с западной (чаще, при обычном отклонении их от ориентировки сторон по странам света, с юго-западной) стороны. И, наконец, теперь это становится несомненным, именно на переходном тагарско-таштыкском этапе появляются на левом берегу Енисея курганы с устройством склепов, близким к последующим таштыкским⁹. Это стало известно после раскопок в 1951 г. кургана на рч. Туим сотрудником Хакасского областного музея

⁴ ОАК за 1889 г. СПб., 1892, стр. 80—83 и ОАК за 1890 г. СПб., 1893, стр. 70—72. О плитах, установленных на курганной насыпи, см. последний отчет, стр. 71.

⁵ J. R. Aspelin. Die Steppengräber im Kreise Minusinsk am Jenissei. Finnisch-Ugrische Forschungen, Bd. XII, Heft. 1—2, Helsingfors — Leipzig, 1912, стр. 1—18; A. M. Tallgren. Trouvailles tombales siberiennes en 1889. SMYA, XXIX, Helsingfors, 1921.

⁶ А. В. Адрианов. Путешествие на Алтай и за Саяны, совершенное летом 1883 г., ЗСОРГО, кн. VIII, вып. 2. Омск, 1886, стр. 34.

⁷ А. В. Адрианов. Выборки из дневников курганных раскопок в Минусинском крае. Минусинск, 1902—1924, стр. 46 — к. № 35 на Тагарском острове (1894); стр. 56 — группа «Узун-Оба», к. № 1—2 и 4 (стр. 57).

⁸ А. В. Адрианов. Там же, стр. 60. Ср. ОАК за 1897 г. СПб., 1900, стр. 55.

⁹ Наиболее ранним склепом со входом, как теперь выяснилось, является склеп в кургане Салбык (III в. до н. э.).

¹ G. Merhardt. Bronzezeit am Jenissei. Wien, 1926, см. карту-табл. I.

² В. Г. Карцов. Материалы к археологии Красноярского края. Красноярск, 1929, стр. 21, 40—42.

³ Нельзя не заметить, что пирамидальность курганов типа Салбык может иметь истоки и в особенностях конструкции позднетагарских домов, известных нам по изображению поселка на Боярской писанице. Все они имеют четырехкатную пирамидальную крышу. См. М. П. Грязнов. Боярская писаница. ПИМК, 1933, № 7—8, стр. 41—45.

А. Н. Липским. Это земляной курган высотой 2,8 м, при диаметре в 30 м. В полах насыпи — массивная четырехугольная ограда из плит с вертикально установленными плитами по ее углам (высотой до 1 м). В СВ поле кургана ограда имела «вход» из двух вертикально установленных плит (до 2 м шириной). К ЮЗ от входа, в 9 м перед курганом, стоял каменный столб высотой 2,3 м. Под насыпью открылась квадратная яма (размерами 7×7×1,7 м). Яму, по верху стенок, окружал четырехугольный вал из гальки с глиной. Затем шел по четырехугольнику ров, заполненный камнями, образующими каменную стенку-ограду около 4 м ширины и 0,5 м высоты. Вокруг этой стенки, вплотную к ней, с внешней стороны и шла ограда кургана из толстых врытых на ребро плит. С СВ стороны, как раз против плит «входа», в каменной стенке имелся проход к погребальной яме. Стенки ямы укреплял сруб в 4 венца из толстых зарубленных в обло листовенных бревен. В середине СВ стенки сруба — проход с косяками шириной 1 м. Таким образом, *это уже был склеп со входом* в погребальную камеру. В центре пола стоял столб, сохранившийся на 0,5 м в нижней части, так как он был опущен в особую ямку 0,5 м глубиной и стоял на подложенной каменной плитке. Столб этот поддерживал четырехскатную пирамидальную¹ деревянную крышу камеры, каждый скат которой состоял из 14—16 жердей. Поверх жердей была настлана в 3 слоя листовенная кора, затем 3 слоя бересты, поверх которой насыпан слой земли до 1 м толщиной. Сверху снова лежала листовенная кора, прижатая сверху «расколотыми листовенными стволами». У основания насыпи кора была прижата лежащими вдоль каменной стенки бревнами и только затем все было покрыто насыпью, имевшей первоначально пирамидальную форму².

Раскопки Туимского кургана, таким образом, наглядно доказывают, что особенности конструкции и плана таштыкских левобережных склепов зарождаются на переходном тагарско-таштыкском этапе. Особенно близок к Туимскому раннеташтыкский склеп № 2 Изыхского чаа-таса, который также имел сруб, зарубленный в обло, и сходное устройство усеченно-пирамидальной крыши с четырьмя скатами (рис. 4 а и 4 б).

В деталях внутреннего устройства левобережных склепов найдется достаточно разных фактов, подтверждающих мысль о генетической связи тагар-

ских и таштыкских погребальных сооружений, несмотря на существенную их разницу.

Так, например, устройство погребальных камер склепов нашего III типа целиком возникает еще в тагарское время в курганах с коллективными погребениями. Они имеют почти такие же большие квадратные камеры-срубы с бревенчатыми полами и потолком³. С нашими склепами их соединяет уже почти по-таштыкски устроенный склеп упомянутого переходного кургана № 8 Кызыл-кульского чаа-таса⁴ и склеп кургана на р. Туим. Вообще, как известно, большинству тагарских погребений характерен именно сруб из бревен, зарубленных в лапу или в обло. Такими же, судя по Боярской писанице, были и бревенчатые рубленные жилища «тагарцев». С. В. Киселев, изучавший изображение этого поселка непосредственно на скале хребта Бояры, указывает, что срубы трех из его домов рублены в обло⁵. Эта строительная техника, развившаяся в тагарскую эпоху, сохраняется, как видим, только на раннем этапе существования таштыкских склепов, в выделенном нами III типе. Позднее она исчезает, будучи вытеснена камерой из бревен, сложенных клеткой. Однако, как говорилось выше, пока еще без доказательств, на раннем этапе III тип склепов сосуществует с IV, для которого характерна уже именно клетка. Но камеры, сложенные клеткой из бревен, также известны среди тагарских погребальных сооружений⁶ и поэтому не удивительно, что этот строительный прием, столь широко распространенный в таштыкское время, появляется уже на раннем этапе. Не было в тагарскую эпоху и на переходном этапе только второго ряда стен в виде частокола и некоторых других деталей, которые являются специфично таштыкскими.

Важным обстоятельством является также и тот факт, что позднетагарские северные курганы имеют под земляными насыпями, вокруг ям, такие же подквадратные валики из камней, как у таштыкских земляных курганов⁷. Таковы факты, подтверждаю-

¹ Примером может служить курган № 2, раскопанный Адриановым в 1895 г. на Думной горе под Минусинском. Он имел две погребальные камеры-срубы с бревенчатыми полами и потолками. I могила — 3,1×3,1×1,3 м (11 полусожженных скелетов); II могила — 3,5×3,1×1,1 м (15 скелетов) — см. «Выборки из дневников курганных раскопок...».

² А. В. Адрианов. Выборки из дневников курганных раскопок..., стр. 60; яма 7,5×7,5×4 м.

³ ДИЮС, стр. 252, ср. ПИМК, 1933, № 7—8, стр. 41—45.

⁴ Тагарский остров, раскопки А. Адрианова, 1895, курган № 3 — имел две могильные ямы, в которых, по описанию автора раскопок, «сложена в 6 рядов клетка (бревешки на углах не врублены, а уложены концами одно поверх другого)». — Выборки из дневников курганных раскопок в Минусинском крае, стр. 50.

⁵ Например, в кургане, раскопанном П. С. Проскуряковым под Красноярском, в долине р. Качи у д. Солонечной, яма была окаймлена каменной стенкой размерами 7,4×6,8 м, шириной в 0,6 м и высотой около 0,46 м. — см. ОАК за 1896 г. СПб., 1898, стр. 103; то же наблюдал А. В. Адрианов, раскопав в 1902 г. у с. Частоостровского Красноярского уезда два позднетагарских кургана с коллективными погребениями — см. ОАК за 1902 г. СПб., 1904, стр. 117: «Яма ограждена была плотным кольцом овальной формы из беспорядочно сложенных песчаниковых плит; кладка имела ширину до 1 м, а в высоту до 0,5 м». Размеры ямы 4,44×4,44×1,33 м.

¹ Сам центр крыши не сохранился и, видимо, она была усеченно-пирамидальной. Такая же пирамидальная бревенчатая крыша над погребальной камерой была и у позднетагарского кургана близ Военного городка (г. Красноярск), раскопанного В. Г. Карцовым в 1928 г. — см. его отчет, д. 129, № 183 за 1929 г. в Архиве ИИМК.

² Архив ИИМК (Москва), д. 573, стр. 94—105. В камере этого склепа (сожженной перед закрытием) оказались остатки 18 обгорелых скелетов людей и собаки, а также типичный для переходных тагарско-таштыкских курганов II—I вв. до н. э. инвентарь: железный кольчатый нож, нефритовая котельная подвеска, обломки центральноазиатских ваз и кусок кургана зернотерки.

щие наличие тагарско-таштыкских связей в строительной технике погребальных сооружений. Такого же рода тесные связи имеются и в обряде, и в материальной культуре, как будет показано ниже.

Таким образом, несмотря на внешне резкое различие тагарских и таштыкских погребальных сооружений, необходимо признать наличие генетической связи в их развитии¹.

Однако неправильно было бы думать, что таштыкские погребальные сооружения развились целиком на тагарской основе. Не подлежит сомнению, что в их конструкции имеется новый элемент, чуждый тагарскому, борющийся с ним, но несомненно и то, что тагарские традиции достаточно сильны для того, чтобы сохраняться в некоторых деталях строительной техники.

Новым, ни в коей мере не свойственным тагарскому населению является обычай насыпания над склепами земляного кургана в виде усеченной пирамиды. В этом надо видеть новые веяния, идущие с юга, как и в ряде других деталей.

В самом деле, в эпоху, синхронную таштыкской, курганы такого типа известны нам и в Центральной Азии, и в Китае. В ханьское время в Китае над погребениями обычно насыпался квадратный в основании земляной холм усеченно-пирамидальной формы². Особенно величественны усеченные, иногда ступенчатые, пирамиды над могилами ханьских императоров³.

Знать некоторых народов Центральной Азии того времени, во всем старавшаяся подражать китайской знати, также воспринимала эти формы надмогильных сооружений и распространяла их на территориях к северу от Китая⁴. Этим в особенности отличались гуннская знать и владыки гуннов — шаньюи, что доказано всемирно известными раскопками курганов гуннской знати в Монголии, в горах Ноин-Ула, произведенными в связи с Монголо-Тибетской экспедицией П. К. Козлова в 1924—1925 гг. Лучшее всего исследован курган № 24, раскопанный С. А. Теплоуховым. Выяснилось, что его земляная, подквадратная (16×14 м) в плане, насыпь имела форму усеченной пирамиды. С юга к ней примыкала узкая длинная насыпь, которая, как оказалось, покрывала вход-дромос, ведущий внутрь погребальной камеры. Весьма любопытным и полностью совпадающим с устройством таштыкских «подквадратных насыпей» является также и то, что «основание квадратной насыпи кургана так же как и боковые части примыкающей с

юга длинной узкой насыпи были обложены каменными глыбами, местами, выступающими на поверхности. Камни располагались в несколько рядов и, как впоследствии выяснилось, были положены по краю ямы на грунте»⁵.

Под насыпью была выявлена почти квадратная глубокая яма (13×12×9 м), в которую вел с юга наклонный вход-дромос. Как видим, все устройство гуннских погребальных сооружений особенно близко таштыкским левобережным склепам. В этой связи привнесенными извне в Хакасско-Минусинскую котловину представляются и такие особенности в конструкции левобережных склепов, как наличие двойных стенок погребальных камер, в особенности, что уже отмечалось выше, двойное членение в виде центральной камеры и обходящих кругом нее коридоров в земляном кургане № 1 Уйбатского чаа-таса. Такой именно план (наличие двойных, вставленных одна в другую, камер) характерен, как известно, для гуннских курганов Ноин-Улы. То же надо сказать и о квадратных ямах с выходами-дромосами у предташтыкских и таштыкских склепов, которых не было в тагарское время. Разработанная и устойчиво существовавшая архитектура таштыкских склепов под усеченно-пирамидальными насыпями дает все основания предполагать наличие жилищ-землянок аналогичной конструкции для левобережья р. Енисея в таштыкское время. К сожалению, до сих пор ни одно из таких жилищ не найдено и не исследовано археологами, но, как нам представляется, поиски должны быть направлены именно в этом направлении. Это подтверждается, как увидим, и в значительной мере оседлым образом жизни части «таштыкцев». Любопытно, что совершенно аналогичные таштыкским склепам по устройству жилище землянки до недавнего времени сооружались обскими уграми. Внешне хантские землянки имели вид усеченной пирамиды, так как крыша их была четырехскатной⁶. Интересно, что сама крыша нередко покрывалась сначала тисками, т. е. вываренными пластами бересты и лишь затем землею. Землянки васюганских остяков и селькупов имеют особенно близкую конструкцию. Стенки их четырехугольных ям укреплялись частоколом из вертикально установленных расколотых стволов деревьев, а крыши, выглядевшие изнутри как низкие усеченные пирамиды, сооружались из балок, укладываемых клеткой друг на друга, на эти стропила накладывались колотые стволы деревьев, которые засыпались землей⁷. Все эти хантские землянки имели длинные коридорообразные входы, иногда трапециевидные в

¹ Оставляем в стороне пока вопрос о грунтовых могилах, появляющихся в самом конце тагарской эпохи.

² O. Sirén. Histoire des arts anciens de la Chine, II. L'époque Han et les six dynasties, Paris et Bruxelles, 1929, стр. 10—11, fig. I, а также Pl. I, фото А и С.

³ V. Segalen, G. de Voisins et J. Lartigue. Mission Archéologique en Chine (1914). I, L'art funéraire à l'époque des Han, Paris, 1935, стр. 19, рис. 1; стр. 21, рис. 2—8 и стр. 30, рис. 11; ср. Journal Asiatique, II Série, t. V, N 3, mai—juin 1915, Paris, стр. 467—486 и fig. 2 на стр. 473 (пирамида II в. до н. э.).

⁴ На р. Толе (МНР) усеченно-пирамидальные курганы обнаружены Г. И. Боровкой (см. сб. «Северная Монголия», вып. 2. Л., 1927, стр. 64).

⁵ С. А. Теплоухов. Раскопка кургана в горах Ноин-Ула. Краткие отчеты экспедиций по исследованию Северной Монголии в связи с Монголо-Тибетской экспедицией П. К. Козлова. Л., 1925, стр. 14.

⁶ А. А. Дунин-Горкавич. Тобольский север, т. III. Тобольск, 1911, стр. 73; ср. Г. Старцев. Остяки. Л., 1928, рис. на стр. 27.

⁷ U. T. Sirelius. Über die primitiven Wohnungen der finnischen und ob-ugrischen Völker. Finnisch-Ugrische Forschungen, Bd. VII (1907), стр. 106—107 и рис. 74.

плане, т. е. сужающиеся к выходу, совершенно такие же, как и входы левобережных таштыкских склепов. Землянки других народов Сибири такой близости, в форме и конструктивных деталях, к таштыкским склепам не имеют. Это обстоятельство,

во-первых, заставляет видеть неслучайность подобного совпадения, во-вторых, позволяет утвердиться в предположении, что в таштыкское время существовали аналогичные по конструкции жилые землянки, которые необходимо искать.

ПОГРЕБЕНИЯ ПОД КАМЕННЫМИ ВЫКЛАДКАМИ

Рассмотрим, наконец, последний вид таштыкских погребальных сооружений, достаточно резко отличающийся от вышеописанных. На поверхности земли они отмечены подквадратными выкладками из горизонтально уложенных друг на друга облом-

ков плитняка в виде невысоких стенок до 40 см высотой. Реже эти выкладки вытянуты и тогда имеют четырехугольную форму¹. Средины их обычно ничем не заполнены, но встречаются выкладки, засыпанные в центре более мелким плитняком (рис. 5а).

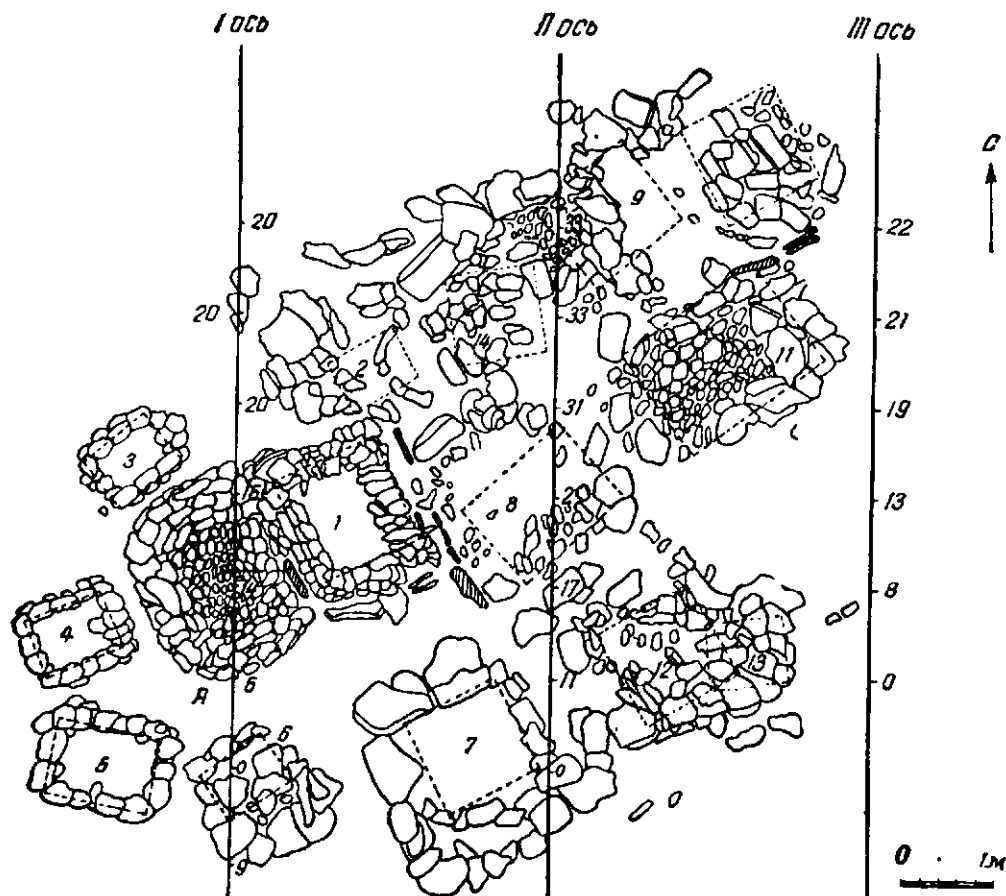

Рис. 5а. План каменных выкладок Изыхского чаа-таса

¹ Размеры выкладок: Раскопки С. В. Киселева и Л. А. Евтюховой на Уйбате II в 1936 и 1938 гг. — № 9, 10, 12, 13, 19 — 3×3 м; № 14 — 3,5×3,5 м; № 11, 15, 17 — 2,5×2,5 м; № 16 и 18 — 2×2 м. Все они ориентированы сторонами по странам света. Раскопки М. М. Герасимовой на Уйбате II в 1936 г. — 4 могилы под каменными выкладками. Размеры их неизвестны. Сб. «Археологические исследования в РСФСР 1934—1936 гг.». М.—Л., 1941, стр. 317—318. Раскопки Л. Р. Кызласова на Изыхском чаа-тасе в 1951 г. Выкладка «А» — 2,2×1,6 м при высоте в 40 см, сторонами на СЗ, СВ, ЮВ, ЮЗ; № 1 — 1,8×1,45 м (высота 20 см) ориентирована сторонами на СЗ, СВ, ЮВ, ЮЗ; № 2 — 1,6×1,4 м сторонами на С, Ю, З, В; № 3 — 1,1×0,9 м сторонами на СЗ, СВ, ЮВ, ЮЗ; № 4 — 1,26×1 м сторонами на СЗ, СВ, ЮВ, ЮЗ; № 5 — 1,6×1,1 м сторонами на ССВ, ВВЮ, ЮЮЗ, ЗЗС; № 6 — 1,5×1,5 м сторонами на СЗ, СВ, ЮВ, ЮЗ; № 7 — 2,2×2 м сторонами на СЗ, СВ, ЮВ, ЮЗ; № 8 — 2×2 м сторонами на СЗ, СВ, ЮВ, ЮЗ; № 9 — 1,3×1,3 м сторонами на СЗ, СВ, ЮВ, ЮЗ; № 10 — 1,5×1,5 м сторонами на СЗ, СВ, ЮВ, ЮЗ; № 11 — 2,3×2 м сторонами на СЗ, СВ, ЮВ, ЮЗ; № 12 — 1,8×1,8 м сторонами на СЗ, СВ, ЮВ, ЮЗ; № 13 — 1,2×1,2 м сторонами на С, В, Ю, З; № 14 — 1,6×1,6 м сторонами на СЗ, СВ, ЮВ, ЮЗ. По поводу изыхских выкладок надо иметь в виду, что из-за сильной задернованности склона горы все они на современной поверхности почвы ничем не выделялись и были выявлены лишь после снятия дернового слоя. И самое главное, что они, за редким исключением, оказались деформированными, в силу чего их размеры и ориентировка в первоначальном состоянии, очевидно, несколько отличались от зафиксированных нами в существующем положении. На это указывают и случаи неполного совпадения их с погребальными ямами (рис. 5 а).

нами на СЗ, СВ, ЮВ, ЮЗ; № 8 — 2×2 м сторонами на СЗ, СВ, ЮВ, ЮЗ; № 9 — 1,3×1,3 м сторонами на СЗ, СВ, ЮВ, ЮЗ; № 10 — 1,5×1,5 м сторонами на СЗ, СВ, ЮВ, ЮЗ; № 11 — 2,3×2 м сторонами на СЗ, СВ, ЮВ, ЮЗ; № 12 — 1,8×1,8 м сторонами на СЗ, СВ, ЮВ, ЮЗ; № 13 — 1,2×1,2 м сторонами на С, В, Ю, З; № 14 — 1,6×1,6 м сторонами на СЗ, СВ, ЮВ, ЮЗ. По поводу изыхских выкладок надо иметь в виду, что из-за сильной задернованности склона горы все они на современной поверхности почвы ничем не выделялись и были выявлены лишь после снятия дернового слоя. И самое главное, что они, за редким исключением, оказались деформированными, в силу чего их размеры и ориентировка в первоначальном состоянии, очевидно, несколько отличались от зафиксированных нами в существующем положении. На это указывают и случаи неполного совпадения их с погребальными ямами (рис. 5 а).

Последние имеют вид уже каменных подчетыреугольных курганчиков. Этой особенностью отличалась каменная выкладка № 11 Уйбата II¹ и каменные выкладки № 9, 11 и «А» Изыхского чаа-таса (рис. 5 а).

Каменная выкладка «А» представляла собой подчетыреугольную замкнутую стенку размерами 2,2×1,6 м, вытянутую с СЗ на ЮВ. Ширина ее 0,55 м. Стенка была аккуратно выложена из семи рядов плит и имела высоту в 0,4 м. Средины плит каждого верхнего ряда приходились над стыками двух плит нижнего ряда, подобно современному приему кирпичной кладки. Этим обеспечивалась прочная связь и устойчивость всего сооружения. Возможно, что первоначально плиты кладки были связаны обычным раствором глины. Верхняя часть стенки была несколько скошена внутрь, и самая середина ее была заполнена доверху мелкими обломками плитняка вперемешку с землей. Таким образом, была получена подчетыреугольная каменная площадка, уже очень схожая с позднейшими каменными курганами VI—VIII вв. н. э., среди которых многие имеют совершенно такую же подчетыреугольную форму².

Возможно, что такого рода каменные курганчики появляются в позднее время существования таштыкских каменных выкладок. Во всяком случае, выкладка «А» сооружена позднее, чем находящаяся рядом с ней к северо-востоку выкладка № 1, интересная, кроме всего прочего, тем, что она заключена в каменный ящик или оградку. Это доказывает тем, что у выкладки «А», при округлости всех остальных стенок, северо-восточная стенка неожиданно прямая, вплотную примыкающая к закономерной прямой стенке из плит (установленных на ребро) каменного ящика выкладки № 1. Изменение общей формы каменной площадки с этой стороны, с сохранением стенки из плит, зависело от того, что подчетыреугольная выкладка «А» была пристроена к каменному ящику выкладки № 1 (рис. 5 а). А если это так, то выкладка «А» относится ко времени V в. н. э., ибо выкладка № 1, что будет развернуто показано ниже, датируется IV—V вв. по найденному в ней железному трехлопастному наконечнику стрелы. Таким образом, хронологически выкладка «А» является прямой предшественницей подчетыреугольных каменных курганов VI—VIII вв., что хорошо согласуется совпадением их форм и является лишним доказательством происхождения древнехакасской культуры от таштыкской.

Среди всех известных сооружений этого вида только выкладка № 1 имеет каменный ящик³.

Этот каменный ящик, или оградка, имеет пра-

вильную четырехугольную форму 2×1,8 м (вытянут с СЗ на ЮВ) и состоит из крупных плит, вкопанных на ребро (толщиной до 14 см). Высота плит над некогда существовавшим уровнем древней почвы около 20 см и столько же было скрыто в земле. Внутри ящика выложена четырехугольная выкладка-стенка размерами 1,8×1,45 м из двух-трех рядов плиток, лежащих несколько наклонно к центру. Центр ее представляет собой свободное пространство около 1,04×0,71 м. Очевидно, каменный ящик сооружался для предохранения стенок выкладки от рассыпания. Понятна поэтому и лучшая сохранность ее по сравнению с другими.

Как видим, внешний вид каменных выкладок, их подквадратный в большинстве своем план свидетельствует о сохранении старых таштыкских традиций (подквадратных валов вокруг ям левобережных склепов), но уже на новом этапе. Как убедимся далее, погребения под каменными выкладками являются уже переходными к древнехакасским (что, однако, наглядно доказывает и рассмотренный нами внешний вид их) и характерны для четвертого, последнего этапа таштыкской эпохи.

До сих пор, при малом количестве раскопанных памятников этого типа, они хорошо известны на левобережье. Однако есть факты, говорящие о том, что они имеются и на правом берегу Енисея. Так, например, первую каменную выкладку открыл еще Адрианов в 1895 г. именно на правобережье, на конечном кряже Думной горы, известном под названием «Малого Камешка»⁴. В связи с особым интересом изучения древнехакасской культуры одной из очередных задач археологического обследования Хакасско-Минусинской котловины должна стать задача выявления и детального исследования новых правобережных погребений под каменными выкладками.

Еще один факт подтверждает распространение их по правому берегу Енисея. В 1938 г. В. П. Левашевой исследован у с. Быстрая на увале Вшивая горка интереснейший «Большой таштыкский курган»⁵. Он имел вид овальной каменной насыпи размерами 18×16×0,9—1,6 м. В центре его оказалась слегка присыпанная камнями каменная прямоугольная выкладка из горизонтально уложенных плит, связанных сырой красной глиной размерами 11,6×9 м, при высоте стенки в 0,8 м. Кладка очень плотная и аккуратная, с подтеской плитняка при скруглении углов. Внешний вид этой выкладки целиком и полностью напоминает нам левобережные выкладки, правда, при несвойственных последним больших ее размерах. Но под нею в четырехугольной яме (8×6,6×1,1 м) оказался таштыкский склеп очень своеобразного типа. Камера его имела

¹ ДИЮС, стр. 468—469.

² ДИЮС, стр. 600; ср. Л. А. Евтюхова. Археологические памятники енисейских кыргызов (хакасов). Абакан, 1948, стр. 14.

³ Очевидно, что и у некоторых других выкладок были такого рода каменные ящики, так как кое-где вокруг них встречаются отдельные вкопанные на ребро плитки, например у изыхской выкладки № 10.

⁴ А. В. Адрианов. Выборки из дневников..., стр. 52. Более подробные данные с приложением рисунков см. в его рукописном отчете, хранящемся в архиве ИИМК (Ленинград), д. 72, 1895, л. 90 — Выкладка «в 2 сажнях к ЮЗ от кургана» № 5.

⁵ В. П. Левашева. Варианты таштыкских погребений в Минусинском районе и Хакасской автономной области. КСИИМК, вып. XXV. М.—Л., 1949, стр. 91—94.

лишь одинарные стенки из вертикально установленных бревешек в виде сплошного частокола, которые были обтянуты берестой внутри, берестяной пол и потолок из двойного наката толстых бревен, опирающийся на вертикальные столбы¹. Склепов с таким устройством внутренней камеры, кроме этого случая, нет.

Несомненно, что мы имеем здесь дело с памятником поздне-таштыкским. Но можно ли уточнить его датировку? Нам представляется, что это вполне возможно. Во-первых, это склеп, в котором обнаружено тридцать четыре трупосожжения с остатками двадцати двух погребальных масок. Все самые поздние склепы левобережья и правого берега Енисея относятся к III этапу таштыкской эпохи по предлагаемой нами хронологии. На IV, последнем этапе нам известен лишь один вид таштыкских погребений — это переходные погребения, отмеченные на поверхности каменными выкладками. Последние очень резко уже обособляются от склепов не только особенностями конструкции, но и еще одним весьма важным обстоятельством, которое никак нельзя оставлять без внимания. Как известно, для таштыкских погребений присуща одна очень характерная черта обряда — наличие лицевых погребальных масок, сделанных из гипсовидной терракоты. Появляются эти маски еще в памятниках переходного тагарско-таштыкского этапа и исчезают лишь вместе с исчезновением склепов, т. е. в конце III этапа. В погребениях IV таштыкского этапа масок уже нет. Они не встречены ни в одной могиле под каменными выкладками. Нет их в последующих погребениях VI—X вв.

Это обстоятельство, весьма показательное во всех отношениях, не позволяет нам следовать за В. П. Левашевой, предлагающей «считать курган у с. Быстрая позднейшим памятником таштыкской культуры»². Не дает оснований к этому, как увидим ниже, и погребальный инвентарь, обнаруженный в этом склепе.

Скорее всего Быстрианский курган относится к концу III этапа, точнее к переходному времени между III и IV этапами, ко времени выработки новых форм погребальных сооружений, каковыми являются каменные выкладки. Таким образом, в этом кургане мы встречаемся не с последней, а с первой по времени возникновения каменной выкладкой, с переходом от склепов к каменным выкладкам. Наличие округлого каменного кургана, в который включена выкладка, не должно нас смущать, так как встречаются ведь спорадически каменные курганы, насыпанные над погребениями гораздо более раннего времени. Приведем пример из раскопок самой же В. П. Левашевой. Мы имеем в виду очень интересное одиночное женское погребение с маской в каменном ящике, находящемся в центре совершенно тагарской еще оградки, поверх

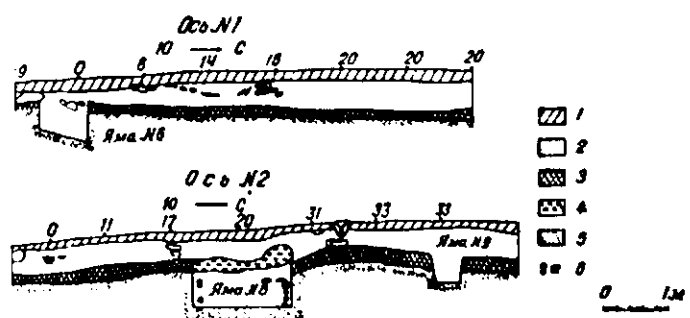
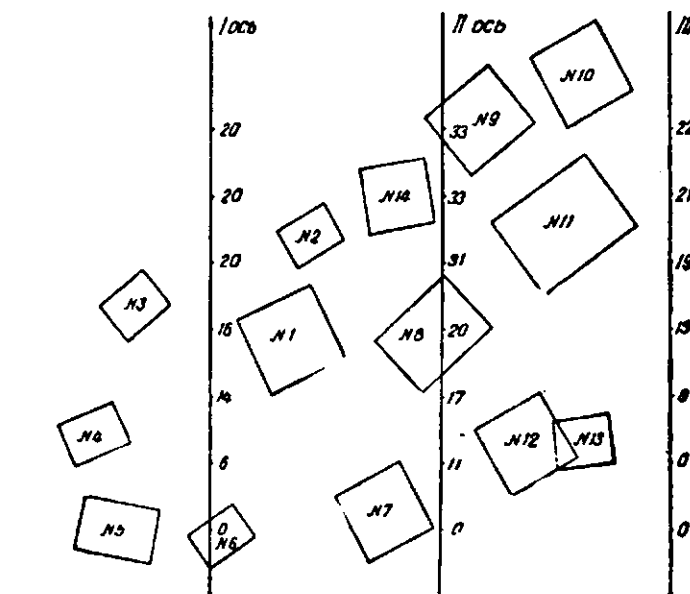
которой был насыпан овальный плоский каменный курган (7×6×0,2 м), исследованное ею в 1938 г. на левом берегу Енисея близ улуса Мохова³. Это погребальное сооружение, как по приведенным нами данным, так и по обнаруженному в могиле инвентарю, датируется переходным тагарско-таштыкским временем. Между тем внешне оно выглядит как обычный каменный курган VI—X вв. Склеп под Быстрианским курганом имеет берестяной пол. Эта особенность как раз характерна для поздних правобережных (II тип) и левобережных (V тип) склепов, относящихся к III этапу, а ранее не встречается. Понятным становится и своеобразие конструкции Быстрианского склепа, если вспомнить, что выше при описании типов правобережных склепов нами подмечено определенное влияние левобережного населения на правобережное. Так, на правом берегу только лишь на III этапе, самом позднем для склепов, появляется замена юртообразных курганов усеченно-пирамидальными, что выражено II типом правобережных склепов. Камера Быстрианского склепа подтверждает и дополняет наше соображение. Она дает яркий пример того, что к концу III таштыкского этапа влияние левобережного населения еще более усиливается. В этом склепе впервые появляется такая специфичная для левобережных склепов деталь, как стенки из частокола, что никогда не было характерно для правобережных склепов. Этот же склеп доказывает, что влияние оставалось только влиянием, чем бы оно ни было вызвано, а не переселением левобережного населения на правый берег. Ибо, в самом деле, для левобережья характерна довольно выработанная и устойчивая конструктивная форма, которая появляется уже на раннем (I) этапе и в основном сохраняется до конца существования склепов, т. е. до конца III этапа, видоизменяясь в деталях (мы имеем в виду IV и V типы склепов). С этой точки зрения нельзя допустить мысли, что в сооружении Быстрианского склепа принимали участие люди из левобережного населения, следующие в такого рода делах одной четкой и устойчивой традиции. Наоборот, только внешним копированием без понимания назначения некоторых деталей, в частности берестяной изоляции стенок склепа, можно объяснить все своеобразие его устройства. Для правобережных склепов, как мы уже видели, характерны одинарные (а не двойные, как на левобережье) стенки. Мы находим их и в этом склепе, но они заменены заимствованным частоколом. Частокол этот в Быстрианском склепе одет берестой изнутри камеры, чего никогда не было ни в одном из левобережных склепов, где стенки из частокола покрываются наглухо берестой только снаружи, отделяя его от стенок ямы.

Таково наше объяснение Быстрианского склепа и решение вопроса о его хронологическом месте среди памятников таштыкской эпохи. Он же, являясь переходной формой между поздними склепами и ка-

¹ В. П. Левашева. Ук. соч., стр. 92—93 и рис. 34 «а» и «б».

² В. П. Левашева. Ук. соч., стр. 102.

³ Архив ИИМЖ (Ленинград), ф. 35, д. 42.

менными выкладками, заставляет предполагать, что дальнейший процесс перерастания таштыкской культуры в древнеахасскую протекал на обоих берегах Енисея в одинаковых обрядовых формах. И там и здесь распространяются погребения под каменными выкладками.

Вернемся снова к выкладкам и рассмотрим их внутреннее устройство. Отличие их погребальных ям от остальных предшествующих видов таштыкских погребальных сооружений очень существенно. Вместо удлиненных четырехугольных ям грунтовых погребений или больших ям склепов здесь оказываются небольшие квадратные (или почти квадратные) ямы (рис 5 б) ¹, покрытые бревенчатым накла-

¹ Размеры могильных ям: Могильник Уйбат II (1936 и 1938) № 9—1,6×1,38×0,68 м; № 10—1,75×1,5 м; № 11—1,45×1,45×0,7 м; № 12—2,3×2,1×1 м; № 13—1,75×1,75×0,8 м; № 14—2,9×2,3×1,3 м; № 15—2,1×1,4×1,5 м; № 16—1,1×0,8×0,55 м; № 17—1,8×1,8×0,8 м; № 18—0,7×0,55 м; № 19—2×1,7×1,3 м; ямы № 9, 10, 12, 14 длиной с 3 наВ, № 15, 16, 18, 19 длиной с 3ЮЗ на ВСВ. Квадратные ямы № 11, 13, 17 сторонами по странам света—см. ДИЮС, стр. 469, прим. 1. Изыхский чаа-тас, 1951, № 1—1,25×1,25×0,58 м сторонами на ССЗ, ВВС, ЮЮВ, ЗЗЮ; № 2—0,84×0,67×0,55 м сторонами на ССЗ, ВВС, ЮЮВ, ЗЗЮ; № 3—0,88×0,68×0,41 м сторонами на СВ, ЮВ, ЮЗ, СЗ; № 4—0,92×0,68×0,22 м сторонами на ССЗ, ВВС, ЮЮВ, ЗЗЮ;

Рис. 5б. План расположения могильных ям под каменными выкладками Изыхского чаа-таса и разрезы: 1 — дерн, 2 — серый суглинок, 3 — погребенная почва, 4 — светло-серый суглинок, 5 — материк, 6 — торцы бревен и плах

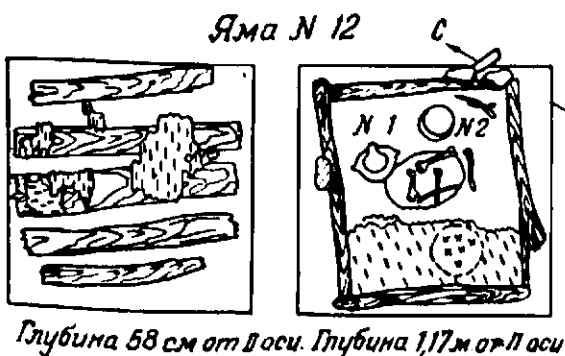
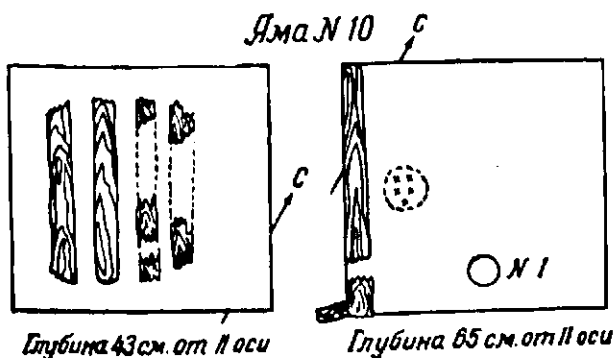
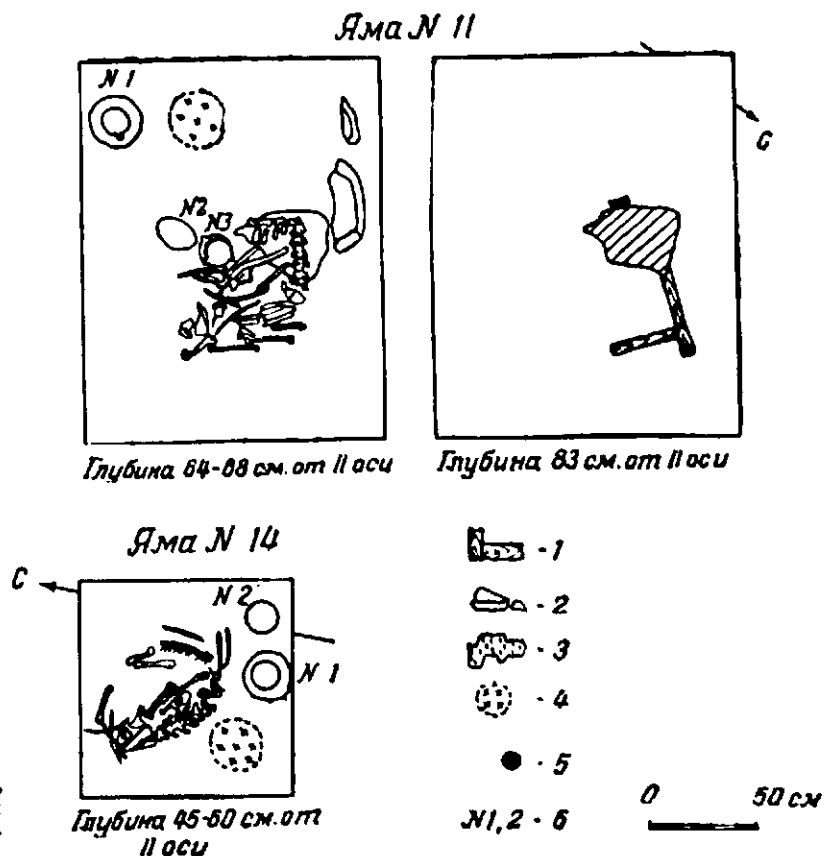

Рис. 5в. Планы погребальных сооружений № 10, 11, 12, 14 под каменными выкладками Изыхского чаа-таса: 1—дерево, 2—камни, 3—береста, 4—кучки пережженных костей человека, 5—деревянные кольца (№ 1, 2—сосуды и вещи)

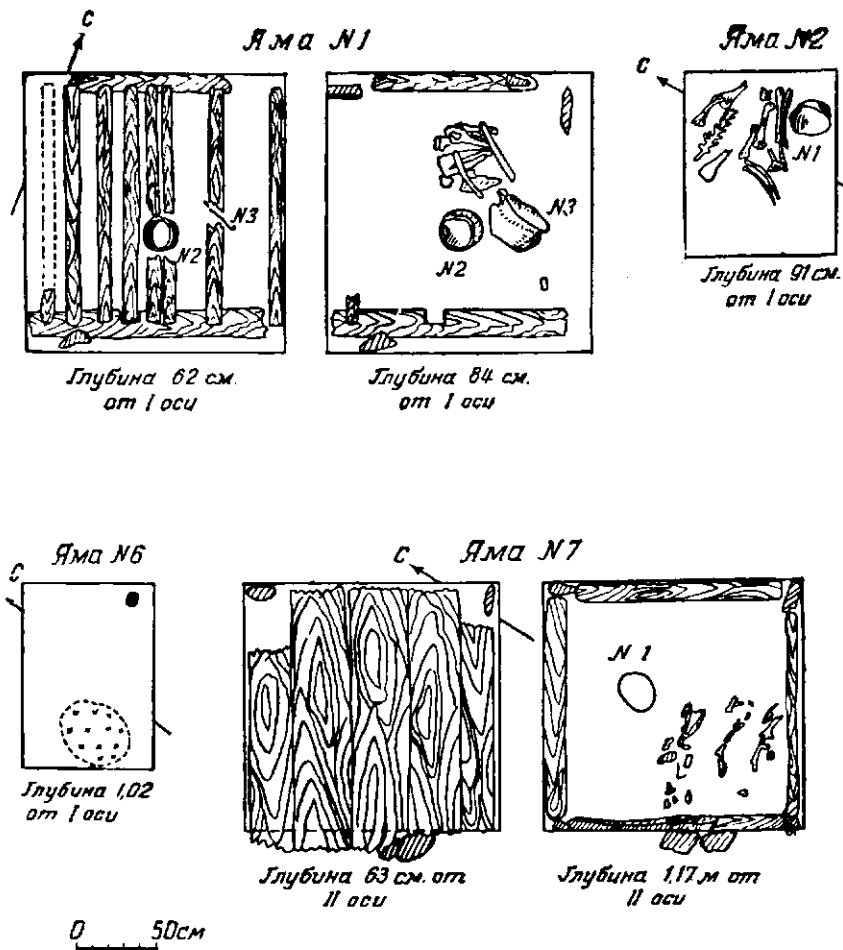

Рис. 5г. Планы погребальных сооружений № 1, 2, 6, 7 под каменными выкладками Изыхского чаа-таса (условные обозначения см. рис. 5в)

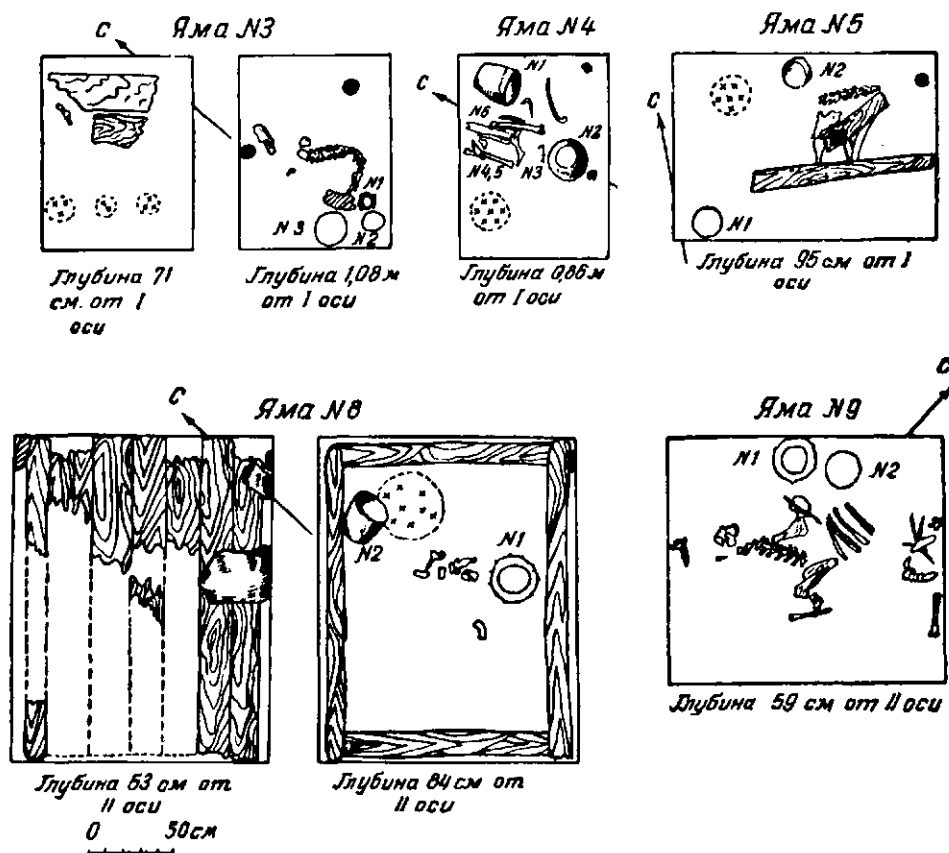

Рис. 5д. Планы погребальных сооружений № 3, 4, 5, 8, 9 под каменными выкладками Изыхского чаа-таса (условные обозначения см. рис. 5в)

том (нередко жердями) или перекрытием из листовенных горбылей, поверх которых настился слой бересты¹. Стенки ям в большинстве своем ничем не укреплены (рис. 5 в, 5 г и 5 д). В четырех (из десяти) ямах Уйбата II оказалась обкладка в 2—3 венца листовенных бревешек и в одном случае у стенок ямы сохранился частокол из вертикально установленных бревешек². Обкладка стенок ям из горизонтально уложенных бревешек обнаружена и в пяти (из 14) ямах Изыхского чаа-таса. Она состоит из 2—3 венцов тонких бревешек, уложенных клеткой³. Причем пространство между клетками и стенками ямы заполнялось землей и заклинивалось небольшими плитками. Каменные плитки также использовались для подкладывания под нижние бревешки клеток, неплотно прилегавшие ко дну ямы (яма № 1), и для затыкания щелей в углах (яма № 7).

звали выше, еще в предшествующее время, на III этапе, уже появляются склепы, не имеющие частокола (V тип склепов).

Отмеченное укрепление стенок ямы частоколом в одном из Уйбатских погребений имело место и на Изыхском чаа-тасе. К сожалению, ввиду очень плохой сохранности дерева, при отсутствии для погребений под каменными выкладками обряда сжигания камеры перед ее окончательной засыпкой, что было так характерно для склепов, частокол не сохранился в целом виде ни в одной из изыхских ям. Однако удалось обнаружить отдельные вертикально установленные вдоль стен бревешки как раз в тех ямах, в которых не было сбкладок⁴. Может быть, частокол в этих погребениях был и неполным, как неполным был частокол в ряде предшествующих склепов V типа.

В погребении № 5, кроме того, оказался столб.

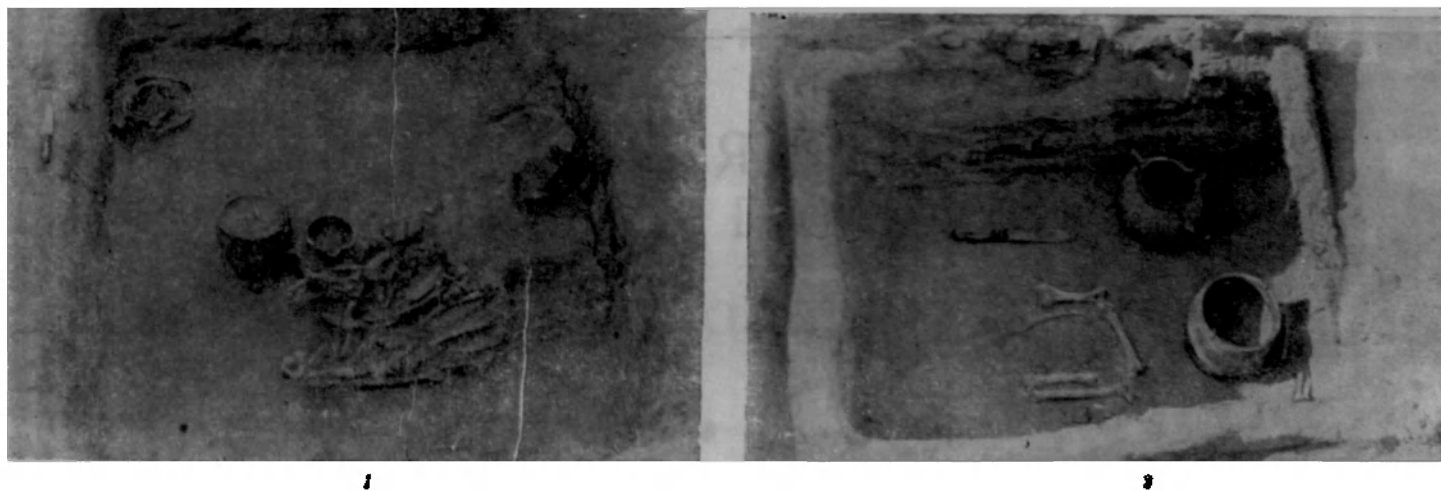

Рис. 6. Изыхский чаа-тас, погребения под каменными выкладками: 1—яма № 11, 2—яма № 12

Появление одинарных стенок в виде клеток без частокола может объясниться тем, что, как мы ука-

который в отличие от остальных имел квадратное, а не круглое сечение и стоял не у стенок ямы, а в центре. На нем лежали остатки деревянного перекрытия ямы, для поддержки которого этот столб и предназначался (рис. 5 д). Земляное дно ям в большинстве случаев застелено берестой⁵.

Таково внутреннее устройство погребальных сооружений под каменными выкладками (рис. 6—1, 2).

Несмотря на существенную разницу, все же ряд деталей доказывает прямую связь с предшествующими склепами. К ним относятся квадратность могильных ям, укрепление их стенок частоколом и берестяные полы. Последние, как мы видим, появляются в склепах как раз только на предшествующем, III этапе (V тип склепов), а здесь на IV этапе эта традиция продолжается. Но самым хорошим

№ 5—1,2×0,85×0,3 м сторонами на ССВ, ВВЮ, ЮЮЗ, ЗЗС; № 6—0,84×0,6×0,4—0,6 м сторонами на СВ, ЮВ, ЮЗ, СЗ; № 7—1,15×1,12×0,6 м сторонами на ССЗ, ВВС, ЮЮВ, ЗЗЮ; № 8—1,46×1,15×0,68 м сторонами на СВ, ЮВ, ЮЗ, СЗ; № 9—1,23×1,12×0,4 м сторонами на СВ, ЮВ, ЮЗ, СЗ; № 10—1,19×1,14×0,4 м сторонами на ССЗ, ВВС, ЮЮВ, ЗЗЮ; № 11—1,78×1,37×0,42 м сторонами на СВ, ЮВ, ЮЗ, СЗ; № 12—1,15×1,15×0,6 м сторонами на ССЗ, ВВС, ЮЮВ, ЗЗЮ; № 13—0,86×0,8×0,65 м сторонами на ССЗ, ВВС, ЮЮВ, ЗЗЮ; № 14—1×1×0,42 м сторонами на ССЗ, ВВС, ЮЮВ, ЗЗЮ. Ямы № 2, 4, 10, 13 вытянуты с ВВС на ЗЗЮ, № 3, 6, 8, 9, 11—с СВ на ЮЗ, № 5—с ЗЗС на ВВЮ и № 7—с ССЗ на ЮЮВ. Погребения в г. Абакане у нефтебазы, 1948, № 1—0,85×0,65×1,65 м; № 3—1,25×1,15×0,82 м; № 4—0,85×0,65×0,5 м.

¹ Над ямой № 12 Изыхского чаа-таса берестяной настил имел два слоя, положенных крестообразно.

² ДИЮС, стр. 469. Указание на срубы не подтвердилось.

³ При плохой сохранности дерева и бересты беспреступно утверждать, что это клетка—невозможно, так как хуже всего сохранились углы обкладок. В одном случае, правда, стенки этой обкладки имели промежутки, что напоминает клетку (яма № 12), в других ямах (№ 1, 7 и 8) стенки были сплошными.

⁴ Ямы: № 3—2 кола, № 4—3 кола, № 5—2 кола, № 6—1 кол. (рис. 5—г, д.).

⁵ ДИЮС, стр. 469. На Изыхе остатки берестяных полов обнаружены в погребениях № 5 и 12. В других случаях береста просто не сохранилась, но она была, что подтверждается наличием темно-коричневого слоя на дне ям, впрочем, не во всех.

подтверждением переходного характера этих погребений поздне-таштыкского времени является то, что и в последующую эпоху VI—X вв. могилы сохраняют те же особенности. Им тоже присущи квадратные ямы близкого размера, такой же частокол у стенок и берестяные полы¹. Появляющиеся под каменными выкладками удлиненные четырехугольные ямы продолжают сохраняться и позднее наряду с квадратными. Таким образом, не остается сомнений в выделении погребений под каменными выкладками в IV переходный этап, таштыкский потому, что, как увидим ниже, в этих погребениях сох-

¹ Все эти особенности оказались в погребальных ямах трех каменных «кыргызских» курганов, раскопанных нами в 1950 г. на Сырском чаа-тасе. Ср. Л. А. Евтюхова. Археологические памятники енисейских кыргызов (хакасов), стр. 6—20.

храняется типично таштыкская еще глиняная посуда.

* * *

На этом закончим изучение типов погребальных сооружений, в связи с чем нами затрагивались и хронологические вопросы о четырех этапах развития таштыкской культуры.

Выявленное различие этих типов для разных этапов определяется прежде всего различием в их инвентаре, что создает прочные основы для предлагаемой нами внутриташтыкской классификации. Обратимся теперь к обоснованию ее на материалах памятников материальной культуры, характеризующих хронологию выделяемых этапов с большей полнотой и определенностью.

ГЛАВА ВТОРАЯ

ХРОНОЛОГИЧЕСКАЯ ПЕРИОДИЗАЦИЯ ТАШТЫКСКИХ ПАМЯТНИКОВ

О ХРОНОЛОГИИ

*

Новые материалы, полученные в самое последнее время, наряду с детальным изучением всех ранее накопленных данных, позволяют ныне поставить вопрос о расклассифицировании таштыкских памятников и предложить первый опыт их периодизации, который соответствует настоятельным потребностям дальнейшего развития южносибирской археологии и уже сейчас позволяет во многом поинному оценивать памятники таштыкской эпохи и те этногенетические процессы, начало которым было положено в исследуемое время в Хакасско-Минусинской котловине. Несомненную пользу периодизация принесет и при разработке вновь поступающих материалов, которые в дальнейшем уточнят ее и дополнят.

В основу периодизации нами положено изучение взаимовстречаемости в погребениях четко выраженных определенных типов вещей, всякий раз сопровождаемых определенным комплексом погребального инвентаря и глиняной посуды, отличающейся своеобразием форм. При этом, несомненно, учитывается и изменение с течением времени типов погребальных сооружений. Костяк периодизации создало изучение склепов, которые, как выяснилось, сооружались на всем протяжении таштык-

ской эпохи, исключая последний переходный ее этап. Этому во многом способствовало то обстоятельство, что раскопанные во время наших экспедиций 1950—1951 гг. три склепа¹ оказались относящимися к трем различным этапам, и, самое важное, в отличие от всех ранее исследованных склепов, они не были разграблены², в силу чего дали четко различающийся хронологически массовый материал. Многие типы вещей, находимые в исследованных нашими предшественниками склепах лишь единицами, здесь оказались в достаточном количестве, для того чтобы говорить о закономерности изменения их форм во времени. Причем, конечно, подтверждение и надлежащее представление о выявленных нами этапах таштыкской эпохи оказалось возможным получить лишь благодаря большому материалу, накопленному многолетними работами в основном советских и частично дореволюционных археологов.

Выделяемые нами три этапа существования

¹ Склеп № 1 Сырского чаа-таса (1950), склепы № 1 и 2 Изыхского чаа-таса (1951).

² Только изыхский склеп № 2 имел небольшой поздний грабительский шурф, охвативший очень малую площадь и не нарушивший общей картины.

склепов не могут быть обособленными, а наоборот, отражая в какой-то мере поступательное историческое развитие таштыкского общества, доказывают единое генетическое развитие культуры. В силу этого довольно резкая разница существует между ранним (I) и поздним (III) этапами, а средний (II) этап, являясь промежуточным, отражает переход от раннего этапа к позднему и в конструкции погребальных сооружений и в формах предметов материальной культуры. Поэтому-то на среднем этапе наряду с формами вещей, характерными для раннего этапа, встречаются и такие, которые станут преобладающими только на последующем этапе.

Не может не учитываться при работе такого рода и своеобразие погребального обряда, единого в основном для всех склепов: правобережных и левобережных, ранних и поздних. Все они содержат погребения, совершенные в большинстве своем по обряду трупосожжения, в виде кучек пережженных костей человека, сопровождаемых погребальными портретными масками и необходимым инвентарем, представленным, однако, не самими вещами, а их миниатюрными моделями — заменителями, сделанными,

правда, по точному образцу и подобию настоящих предметов. Это единство, а также единая в своей основе материальная и, очевидно, духовная культура при общих закономерностях их развития позволяют нам совместно рассмотреть как правобережные, так и левобережные памятники. Однако между этими группами памятников имеются также и существенные различия как в устройстве погребальных сооружений, что уже было отмечено выше, так и в некоторых особенностях материальной культуры. Эти различия будут рассмотрены отдельно.

Необходимо отметить, что наряду с миниатюрными моделями вещей в таштыкских склепах находятся некоторые нормальные предметы. Естественно, что при классифицировании им уделяется большее внимание. К такого рода вещам в первую очередь относятся поясные пряжки, являющиеся постоянной находкой в склепах, видоизменение форм которых наиболее четко отражает хронологическую разницу отдельных погребений. Другие же вещи нормальных размеров представляют лишь единичные находки, и поэтому они, как и весь остальной материал, состоящий из миниатюрных предметов, рассматриваются по этапам и, как увидим, хорошо подтверждают их датировки.

ПРЯЖКИ

Пряжки поясов на всем протяжении таштыкской эпохи делались из бронзы и из железа, причем бронзовые всегда преобладали. Все они распадаются на два основных больших вида: пряжки с неподвижным шпеньком, выступающим вперед, за который крепился ремень, и пряжки с подвижным язычком типа современных. И те и другие известны уже с самого начала эпохи, причем первые всегда преобладали над вторыми и только лишь на III, последнем этапе в склепах резко преобладают уже пряжки с подвижным язычком, которые затем, на IV этапе и в последующее время, становятся единственно известными.

Наиболее распространены следующие типы пряжек:¹

1 тип. Округлые или остроконечные (с выступающим острым носиком) бронзовые, с неподвижным шпеньком и прямоугольным плоским щитком, с обратной стороны которого имеется петелька для прикрепления ремня. Это наиболее широко распространенный и наиболее известный тип пряжек, называющийся в литературе «типично таштыкским». Он имеет свои вариации. Так, например, эти пряжки бывают маленькими и короткими, а иногда сравнительно большими и длинными. По большей части боковые грани щитка таких пряжек несколько скошены и несут на себе парные ряды углублений, как бы «насечек». При увеличении длины этих

щитков увеличивается и число пар «насечек», которое колеблется от 3 до 14. Иногда щитки этих пряжек гладкие, а скошенные боковые грани их вогнуты внутрь. Все видоизменения этого типа встречаются одновременно, примером чему могут служить пряжки Изыхского склепа № 2 (рис. 7 — 4, 7, 8, 11, 12, 14).

2 тип. Имеет одинаковый вид с вышеописанным. Отличием является гладкий щиток с вогнутыми боковыми гранями и парные волюты внутри рамки (рис. 7—3). Бронзовые, с неподвижным шпеньком.

3 тип. Пряжки с двумя плоскими кольцами, в которые вписаны парные волюты, и с двумя, чередующимися с ними, прямоугольными щитками, боковые стороны которых имеют по три пары «насечек». С обратной стороны каждого щитка имеются обоймы (их две) для продевания ремня. Эти пряжки употреблялись для раннеташтыкских наборных поясов, что доказано находкой такого пояса в склепе № 5 Уйбатского чаа-таса². Им соответствуют там бляшки такой же формы, но уже с тремя щитками. Пряжки эти бронзовые, с неподвижным шпеньком (рис. 7—6).

4 тип. Остроконечные с маленькими головками и большим округлым щитком с пятью прорезями, которые образуют в центральной части щитка как бы фигурку птицы с раздвоенным хвостиком (ласточка?). С другого конца они имеют прямоугольный

¹ Единично известные типы пряжек опущены при типизации и будут описаны по этапам. Исключение сделано для некоторых железных пряжек, важных для хронологии.

² ДИЮС, табл. XXXVII, рис. 32.

гладкий щиток. В одном случае этот последний имеет по бокам три пары «насечек». Бронзовые, с неподвижным шпеньком (рис. 7—1, 2, 5).

5 тип. Пряжки, имеющие вид четырехугольных рамок с вогнутыми внутрь сторонами и цельноотлитым прямоугольным щитком, на конце которого

Иногда же это пряжки строго четырехугольные или же они имеют округленную переднюю сторону. Бронзовые, с неподвижным шпеньком (рис. 8—3, 7 и типа рис. 9—7).

7 тип. С подвижным язычком без щитков. Передний конец их или округлый, или же вогнутый

Рис. 7. Пряжки и поясные подвески из склена № 2 Изыхского чаа-таса (бронза). I этап

имеется четырехугольное отверстие для прикрепления ремня. Чаще этого отверстия нет и тогда с обратной стороны щитка обязательно имеется обойма того же назначения. Щитки или гладкие или же с «насечками». Некоторые пряжки при вогнутости сторон рамки имеют под неподвижным шпеньком острый, выступающий вперед носик. Бронзовые (рис. 8—4, 8, 9).

6 тип. Трапециевидные, в виде простых рамок, без щитков, с выступающими передними углами по той же стороне, где укреплен неподвижный шпенец.

внутри. По бокам стерженька, на котором вращается подвижной язычок, на рамке имеются две плоскости, покрытые «насечками» в виде косых линий или ромбов. Есть пряжки сердцевидные, с выступающим вперед носиком. Все эти пряжки бронзовые (рис. 8—5, 6).

8 тип. Простые, круглые или овальные, без щитков, железные пряжки с подвижным язычком (рис. 28—24).

9 тип. Лировидные, железные, с подвижным язычком (рис. 8—1).

10 тип. Трапецевидные, с выступающими вперед передними углами, с подвижным пластинчатым щитком, имеющим скошенные грани, с заклепками для укрепления ремня. Бронзовые, с неподвижным шпеньком (рис. 9—6, 7).

найденные в погребениях наиболее широко распространенные типы пряжек этой эпохи и при изучении их взаимовстречаемости в погребальных комплексах выявляют четкую картину наличия трех групп склепов, представляющих собой группы, от-

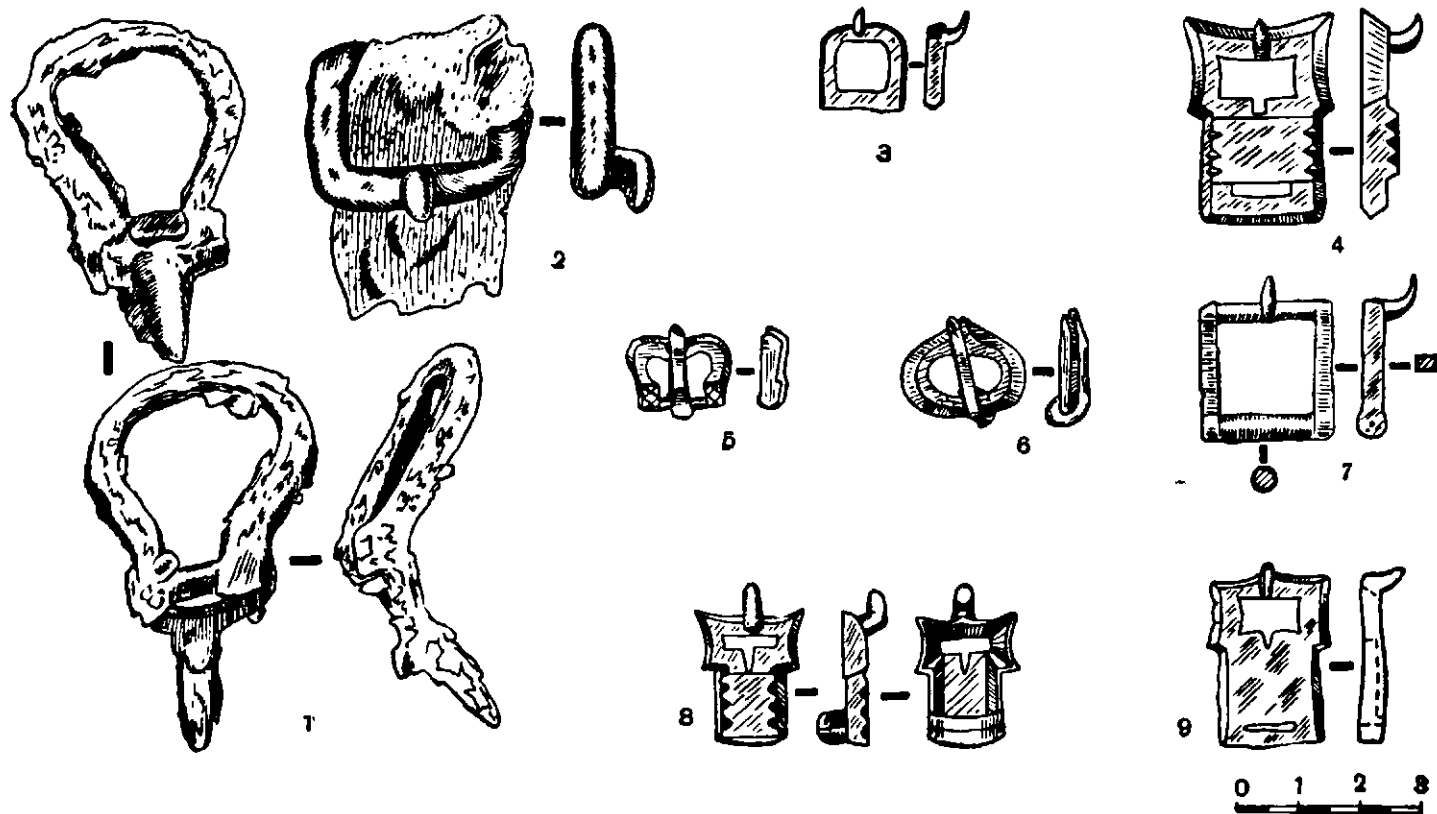

Рис. 8. Пряжки из склепа № 1 Сырского чаа-таса (1, 2 — железо, 3—9 — бронза). II этап

11 тип. Трапецевидные, с выступающими передними углами, с неподвижным сердцевидным щитком, бронзовые. С обратной стороны щитка — железная пластинка, которой укреплялся ремень с помощью заклепки. С неподвижным шпеньком (рис. 9—3).

12 тип. С подвижным язычком и длинным подвижным же щитком, имеющим скошенные грани. Ремень прикреплялся заклепками. Иногда заклепки щитка оформлены в виде высоких конусов. Передний конец рамки или округлый, или вогнутый внутрь. Бронзовые (рис. 9—1).

13 тип. Бронзовые пряжки с цельноотлитым сердцевидным выпуклым щитком и железным подвижным язычком. С обратной стороны щитка железная пластинка, укрепляющая конец ремня на заклепке (рис. 9—2).

14 тип. Железные, четырехугольные в виде простой рамки, с подвижным язычком (рис. 9—5).

Описанные 14 типов таштыкских бронзовых и железных пряжек не охватывают всего разнообразия их форм¹. Однако они включают в себя все

¹ Естественно, что нами изучались лишь пряжки, найденные в погребениях, в потому остались неописанными другие типы таштыкских пряжек, известные по случайным находкам. Судя по статистике находок, эти последние пред-

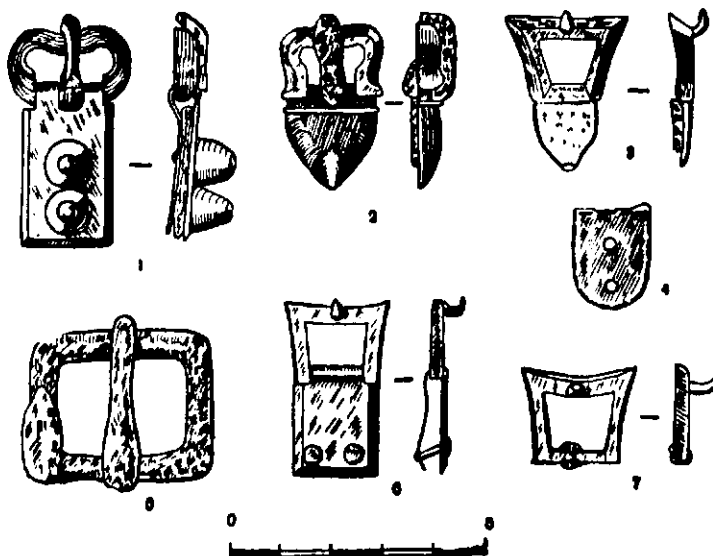

Рис. 9. Пряжки из склепа № 1 Изыкского чаа-таса (1, 4, 6, 7 — бронза, 5 — железо, 2, 3 — бронза и железо). III этап

ставляют собой скорее индивидуальные и случайные формы, чем массовые и широко распространенные.

ТАБЛИЦА 1¹

Этапы	№ п/п	Погребения (склепы)	Типы пряжек														Типы устройств склепов	Соответствие типов склепов по этапам
			бронзовых							железных		бронзовых и с железными частями				железных		
			1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11	12	13			
I	1	Изых, № 2	15	1	1	3	—	—	—	2	—	—	—	—	—	—	III IV IV IV IV	I, III, IV
	2	Уйбат I, № 5	8	—	1+7	—	—	—	—	1	—	—	—	—	—	—		
	3	» з.к. № 1	1	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—		
	4	» з.к. № 2	2	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—		
	5	Уйбат II, № 1	7	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	I I I I I I I I	
	6	Лугавское, 1930, Кардов, ко. «на увале»	2	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—		
	7	Кривая ко № 3	3	2	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—		
	8	» ко № 4	2	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—		
	9	Усть-Тесь, 1932, № 2	—	—	—	1	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—		
	10	М. Камешек, к. № 5	3	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—		
	11	Лугавское, 1939, к. № 1	2	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—		
	12	Лугавское № 2	3	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—		
II	13	Сыры, № 1	—	—	—	—	3	2	2	—	1	—	—	—	—	—	IV IV IV IV IV I I IV	I, IV
	14	Уйбат I, № 1	2	—	—	—	1	1	1	1	—	—	—	—	—	—		
	15	» № 6	1	—	—	—	1	—	—	—	—	—	—	—	—	—		
	16	» № 8	7	—	—	—	2	1	1	—	—	—	—	—	—	—		
	17	» № 11	3	—	—	—	—	1	—	2	—	—	—	—	—	—		
	18	Кривая, ко № 1	1	—	—	—	—	1	—	—	—	—	—	—	—	—		
	19	Усть-Тесь, 1928, ко № 1	3	—	—	—	1	—	—	2	—	—	—	—	—	—		
	20	Тагарский о-в, Клеменец, 1888, № 1	1	—	—	—	—	—	1	—	—	—	—	—	—	—		
III	21	Изых, № 1	—	—	—	—	—	—	—	—	—	2	1	1	1	1	V V V V V II	II, V
	22	Уйбат I, № 2	—	—	—	—	—	—	—	—	—	1	—	2	—	—		
	23	» № 3	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	1	—	—		
	24	» № 9	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	1	—	—		
	25	Джесос, 1894, к. № 5	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	1	—		
	Итого			66	3	9	4	8	6	5	8	1	3	1	5	2		
Итого по этапам в %			I	72,7	100	100	—	—	—	37,5	—	—	—	—	—	—		
			II	27,3	—	—	—	100	100	62,5	100	—	—	—	—	—		
			III	—	—	—	—	—	—	—	—	100	100	100	100	100		

¹ Цифры обозначают количество пряжек, найденных в данном склепе. Что касается приводимого внизу таблицы процентного соотношения отдельных типов пряжек для разных этапов, то, если для I-го типа падение количества до 27,3% на II этапе, по отношению к 72,7% на I этапе, отражает в какой-то мере действительное исчезновение этой формы пряжек; для 8 типа железных пряжек соотношение 37,5% (I этап) к 62,5% (II этап) не доказывает более широкого распространения этого типа, ибо надо иметь в виду очень плохую сохранность железа, к тому же побывавшего в сильном огне. Пряжки эти, при их малом размере, попросту не сохранились.

носящиеся к трем хронологически разновременным этапам. В этом убеждает составленная нами таблица I, основанная на изучении всех форм пряжек, происходящих из известных нам правобережных и левобережных склепов. Естественно, что склепы, в которых пряжки не были обнаружены, датируются по другим признакам.

Как показывает таблица I, для I этапа характерны бронзовые пряжки типов 1—4 и 8 тип железных овальных пряжек с подвижным язычком.

Все это наиболее ранние типы таштыкских пряжек. Бронзовые все объединяются округлостью своей передней части и наличием неподвижного шпенька. Ранняя их датировка подтверждается зарождением близких, но не тождественных форм в

предшествующее предташтыкское время, когда появляются округлые бронзовые пряжки со шпеньками¹ и маленькие овальные железные пряжки с подвижным язычком, совершенно аналогичные пряжкам 8 типа². Что касается пряжек 2 и 3 типов, то украшающий их орнамент в виде парных волот

¹ Найдена Оссовским в позднеатагарском «кургане за поскутиной» у с. Барандат близ г. Мариинска — хран. в ГИМе, инв. № 35174, ср. ДИЮС, стр. 438. Ср. также тагарские округлоконечные пряжки из случайных находок — В. П. Левашева. Из далекого прошлого южной части Красноярского края. Красноярск, 1939, табл. X, рис. 7 и 17; С. А. Теплов. Опыт классификации..., табл. I, рис. 103.

² Найдены Аспелиным в Большом кургане у с. Тесь — А. М. Tallgren. Trouvalles tombales siberiennes en 1889, SMYA, XXIX, Helsingfors, 1921, fig. 4, рис. 6.

тесно связан в своем развитии с волютовым орнаментом кольчатых тагарских ножей, где он изображает в стилизованной форме древний мотив парных головок хищных птиц (орлов, грифов и др.)¹.

Все эти типы пряжек, как видно из таблицы, существуют одновременно, что доказывает случай их совместного нахождения в Изыхском склепе № 2. Впрочем, типы 2—4 встречаются в погребениях сравнительно редко; преобладает I тип, который обнаружен в большинстве склепов I этапа.

На II этапе картина сильно меняется. Продолжают существовать I тип бронзовых и 8 тип железных пряжек, но зато появляются совершенно новые типы — 5—7 бронзовых и 9 железных. Если раньше все типы пряжек характеризовались скругленностью передней части, то здесь появляются четырехугольные формы (иногда с вогнутыми сторонами) бронзовых пряжек с неподвижным шпеньком (типы 5—6) и, что самое главное, впервые появляются бронзовые пряжки с вращающимися язычками (7) тип. Лировидные железные пряжки с подвижным язычком 9 типа, появляющиеся в погребениях II этапа, аналогичны по форме лировидным бронзовым пряжкам с подвижным язычком, происходя-

щим из гуннских погребений I в. н. э.² III этапу свойственны совершенно новые формы пряжек. К концу II этапа исчезают отслужившие свою службу типы 1, 5 и 8. Типы 6 и 7 переоформляются в 10 и 12, которые отличаются уже таким нововведением, как подвижной прямоугольный щиток с заклепками, что появляется, вероятно, в самом конце II этапа, но целиком соответствует только III этапу. Появляются также бронзовые пряжки с цельноотлитым щитком сердцевидной формы (типа 11 и 13). Зарождаются впервые железные пряжки в виде четырехугольной рамки с подвижным язычком (14 тип) — форма, которая станет характерной для времени VI—X вв. н. э. Это же надо сказать, впрочем, почти про все типы пряжек III этапа, в первую очередь про типы 12 и 13.

Исчезают позднее только бронзовые пряжки с неподвижным шпеньком, совершенно не встречаясь более ни в погребениях переходного (IV) этапа, ни в период VI—X вв.

Таким образом, таблица I дает первое представление, на основании изучения пряжек, о трех хронологических этапах таштыкской эпохи, на протяжении которых сооружались погребальные склепы.

КЕРАМИКА. ФОРМЫ

Глиняная посуда таштыкского времени поражает разнообразием своих форм и их вариаций. Можно смело сказать, что никогда, ни в одну археологическую эпоху в Хакаско-Минусинской котловине не существовало одновременно такого богатства типов сосудов. Все они сделаны от руки, без применения гончарного круга. Во всех склепах глиняная посуда встречается в очень большом количестве, но, к сожалению, в большинстве случаев сосуды оказываются разбитыми на мелкие части и далеко не все могут быть реставрированы. Во многих случаях приходится изучать их по фрагментам, что затрудняет типологическое определение. Несмотря на значительную устойчивость форм и орнаментики таштыкской посуды, опираясь на три группы склепов, выделенные при изучении пряжек, удается проследить эволюцию форм сосудов, которая также подтверждает наличие четырех хронологических этапов. В этом разделе мы не касаемся посуды грунтовых погребений, которую в целом рассмотрим особо. Сейчас речь идет о керамике, происходящей из склепов и поздних погребений под каменными выкладами (IV этап).

Составленная нами таблица II, передающая эволюцию форм сосудов для всех четырех этапов

таштыкской эпохи, четко отражает одну общую тенденцию — резкое уменьшение количества типовых форм во второй половине и особенно к концу эпохи. Наиболее разнообразными по форме оказываются сосуды раннеташтыкские. В последующее время некоторые формы исчезают, появляются новые (II этап), затем на III и особенно IV этапах количество типов посуды резко сокращается. Совершенно аналогичная картина наблюдается и при изучении типов орнаментов, украшающих сосуды.

Всего нами зафиксировано 28 типов таштыкских сосудов, выделенных на основании различия их форм.

1) **Котловидный.** К этому этапу отнесены сосуды, в точности воспроизводящие в глине общевосточную форму бронзовых «скифских» (в том числе и тагарских) котлов. Они имеют такие же конические, полые внутри, поддоны и ручки с отверстиями, наклепанные вертикально (по две) на верхнем обрезе венчика (табл. IV—37, 140, 184). Ручки эти имеют разнообразные формы: округлые, округлые с выступом сверху посередине (причем иногда этот цилиндрический выступ имеет головку), остроугольные, ручки с тремя остроугольными выступами³, с двумя выступами-рожками и т. д. Разноо-

¹ ДИЮС, стр. 239, табл. XXIII, рис. 13; ср. G. v. Merhart. *Bronzezeit am Jenissei*. Wien, 1926, табл. IV—V, рис. 7. Такие же точно бронзовые пряжки с неподвижным шпеньком и парными волютами известны, впрочем, среди синхронных древностей Северного Китая — см. «Inner Mongolia and the region of the Great Wall». *Archaeologia Orientalis*, B series, vol. I, Tokyo-Kyoto, 1935, табл. XIII, рис. 14.

² Найдены в к. № 6 Нонн-Улы, раскопанном Кондратьевым — 4 экз. Хранятся в Гос. Эрмитаже, отдел Востока, инв. МР-2380-2384. Совершенно аналогичные железные пряжки известны в I—II вв. н. э. у сармат — см. СА, VIII, М.—Л., 1946, стр. 74, рис. 25, 2.

³ ДИЮС, табл. XXXIX, рис. 6.

разны и отверстия их: круглые, овальные, полу-круглые и четырехугольные (рис. 10). Сосуды эти по большей части украшены наклепными гладкими валиками, а иногда нарезным или штампованным орнаментом. Появляются эти глиняные котлы еще в переходных тагарско-таштыкских погребениях¹ и широко известными становятся в таштыкское время, исчезая только лишь в конце III этапа. В переходный период и в последующую эпоху их уже нет совсем (табл. IV).

Этапы	Ручки котловидных сосудов
Уйбат III	
Сыры II	
Изых I	
Переходный тагарско- таштык.	

Рис. 10. Типы ручек котловидных сосудов по выделяемым этапам эпохи

2) Кубковидный I. К этому типу отнесены сосуды на коническом полове поддоне, напоминающие по форме современные кубки, отличающиеся от котловидных только отсутствием ручек. Формы их

¹ ДИЮС, стр. 219, табл. «Ж» — с. Барандат и Частоостровское, к. № 1 — ср. табл. XXVII, рис. 32; с. Тесь, Большой курган Аспелина — см. А. М. Tallgren. Уж. соч., fig. 3, рис. 2, 10. Котловидный сосуд с округлыми ручками найден и в Туве (с. Уюк, могилы по Могою, № 66 — раскопки С. А. Теплоухова). Хран. в Гос. Эрмитаже, кол. 5132—7.

варьируют: имеются простые широкогорлые кубки, «закрытые» с выпуклыми боками и кубки с суженным горлом и отогнутым наружу венчиком (табл. IV—40, 137, 186). Большинство этих сосудов не имеет орнамента, иногда лишь их плечико украшено пояском из валика, разомкнутого в одном месте и загибающегося книзу в виде «усиков», копирующих «усики» рельефных тяг бронзовых котлов «скифского» времени. Лишь в одном случае кубок был сплошь орнаментирован, исключая поддон, штриховыми вдавлениями, нанесенными острой палочкой².

Этот тип сосудов появляется в конце тагарского времени, существует в переходное время³ и затем бытует на протяжении всей таштыкской эпохи. Правда, в могилах под каменными выкладками (IV этап) ни одного целого кубка найдено не было. Но надо принять во внимание некоторые факты, указывающие на возможность сохранения этой формы и на IV этапе. Это, во-первых, наличие кубков в Большом кургане, раскопанном В. П. Левашевой в 1938 г. у с. Быстрая⁴. Как нами доказано выше, курган этот является переходной формой от самых поздних склепов III этапа к погребениям под каменными выкладками IV этапа. Во-вторых, в могиле под каменной выкладкой № 10 на горе Изых найден обломок поддона кубковидного сосуда. И, в-третьих, самое главное, один кубок известен нам уже для VI—VIII вв. (рис. 26—5)⁵. Таким образом, кубки несомненно существовали и на IV этапе, однако их почему-то перестали устанавливать в могилах.

3) Кубковидный II. Этот тип отличается от кубковидного I тем, что он имеет на верхнем обрезе венчика от двух до четырех симметрично расположенных остроугольных налета. Ни ушек, ни ручек такой формы никогда не было у тагарских сосудов. Очевидно, эта форма пришедшая, явно восточного происхождения, что подтверждается наличием в ханьском Китае совершенно таких же по форме глиняных жаровен на поддоне и с точно такими же остроугольными выступами по венчику⁶, а на территории соседней Тувы в синхронное время аналогичные остроугольные малепы имеют вазообразные

² Найден в склепе № 5 Уйбатского чаа-таса. Хран. в ГИМ.

³ ДИЮС, стр. 214—219, табл. «Ж» и табл. XXVII, рис. 33; ср. А. М. Tallgren. Уж. соч., fig. 3, рис. 6—8, 12. Кубки из раскопок Адрианова (1902) у с. Частоостровского см. Архив ИИМК, д. 33, 1903, л. 9, фото; см. также С. А. Теплоухов. Палеонтологические исследования в Минусинском крае. Сб. «Этнографические экспедиции 1924 и 1925 гг.» Гос. Русский музей. Л., 1926, стр. 90, рис. 7.

⁴ КСНИМК, вып. XXV, стр. 94; аналогичные таштыкским кубки найдены в синхронном «верхнем горизонте большого дома» городища Алтын-Асар (низовые р. Сыр-Дарья, раскопки Хорезмской экспедиции; не опубликованы).

⁵ Найден в «кыргызском» каменном кургане № 3 (погребение 2) под Георгиевской горой у с. Тесь (С. В. Киселев, 1932). Хран. в ГИМ — ср. Л. А. Евтюхова. Археологические памятники, рис. 12 и стр. 95.

⁶ B. Laufer. Chinese Pottery of the Han dynasty. Leiden, 1909, pl. XX, fig. 1.

сосуды (рис. 13—2, 4) ¹. Остроугольные ушки с отверстием у котловидных таштыкских сосудов являются производными от остроугольных налепов кубков. Кубки эти или гладкие, или же украшены по венчику поясками веревочного налепного валика в

лишь для этапов I—III и совершенно не встречаются уже ни в погребениях IV этапа, ни в последующую эпоху VI—X вв. (таблица II).

4) Кубковидный III. К этому типу относятся закрытые кубки, отличающиеся от предыдущих ост-

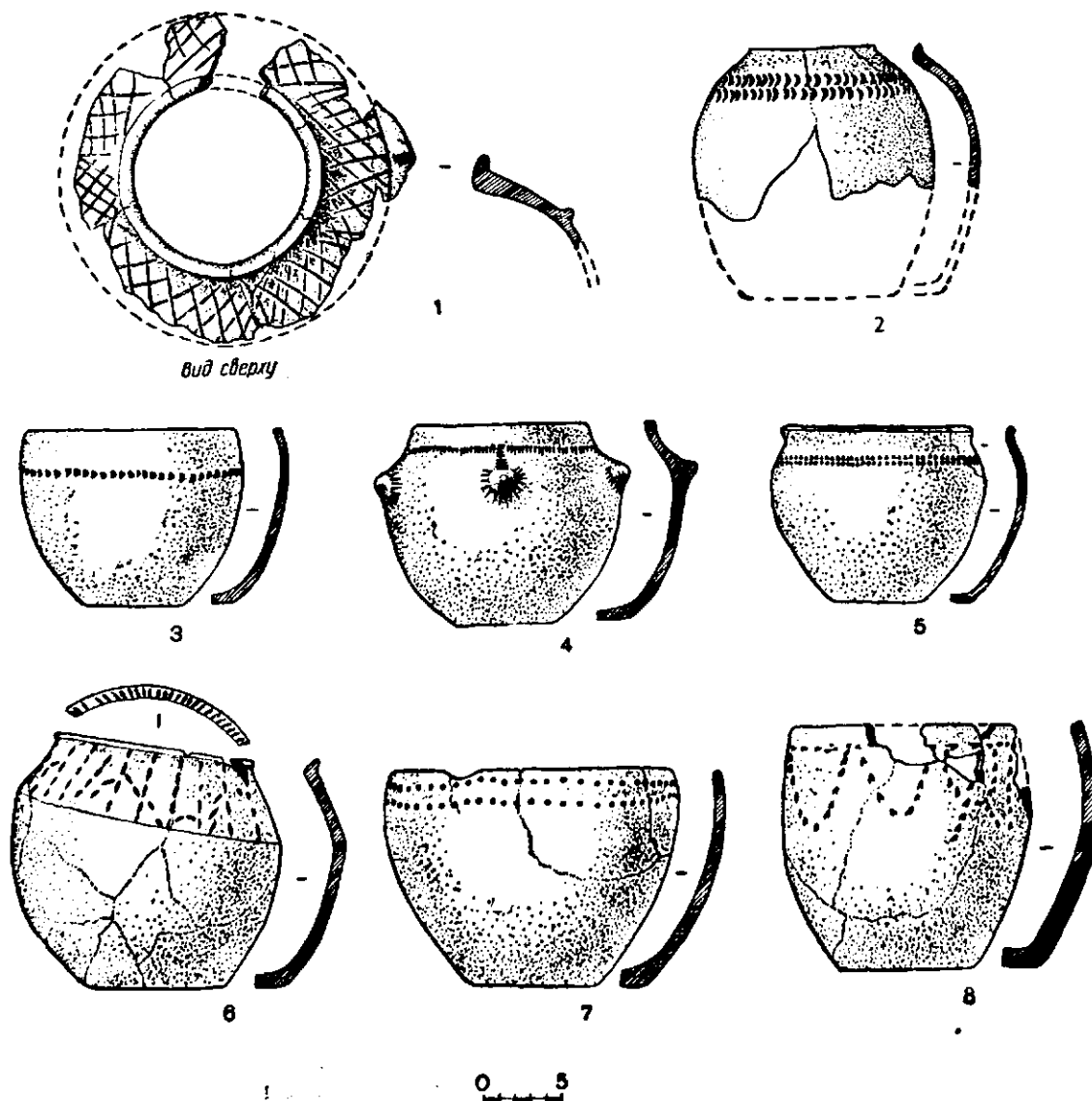

Рис. 11. Сосуды Изыского (I) этапа: 1—8 из склепа № 2 Изыского чаа-таса

сочетании с линейным орнаментом. Иногда они имеют гладкие валики, полученные зашипом (табл. IV—42, 139, 185) ². Сосуды типа кубковидный II найдены только в склепах и известны они

¹ Могилы 17, 23 и 30 у с. Туран (С. А. Теплоухов, 1929) хран. в Гос. Эрмитаже, колл. 5128—9, 18, 26; светильники и кубки с четырьмя налепами на венчиках чаш известны, кроме того, из «среднего» и «верхнего» горизонтов «большого дома» городища Алтын-Асар (низовье р. Сыр-Дарья, раскопки Хорезмской экспедиции). Имеют восточное происхождение.

² Сб. «Археологические исследования в РСФСР 1934—1936 гг.», изд. АН СССР. М.—Л., 1941, табл. 48, рис. 1.

рым плечиком (табл. IV—38, 141). Иногда они украшены тычковым остроугольным орнаментом, которым заполнено все пространство между островчато-ступающим плечиком и верхним обрезом сосуда ³. Иногда же они имеют по плечу четыре выпуклых налепа, вокруг которых выдавлены штрихи. Такой же штриховой орнамент насечен и по всему острию плечика сосуда (рис. 17—1).

Этот тип кубков в тагарское время не существовал. Однако выпуклые налепы украшали уже особую форму тагарских кубков — сферических с

³ Там же, табл. 48, рис. 7.

отогнутым венчиком на невысоком поддоне¹. Кубковидный III встречается только на I и II таштыкских этапах и не известен позднее (табл. II).

5) Рюмочный. Для сосудов рюмочного типа характерны очень низкие поддоны и широкогорлые чаши, в виде перевернутого усеченного конуса, с резко сужающимися книзу боками. Украшены они иногда вдавлениями треугольного штампа (по всей поверхности до поддона) с линейным фестоновым зигзагом, пересекающим по боку сосуда все орнаментальное поле². Иногда же это лишь поясok из треугольных вдавлений³ или же пояски линейного расщепленного орнамента (табл. IV—36, 142)⁴.

Среди тагарских кубков такого рода сосудов нет, но зато имеются совершенно такой же формы котловидные сосуды⁵. Очевидно, этот тип имеет местное происхождение. Он характерен только для I и II этапов.

6) Чарковидный. Для этого типа сосудов характерен тоже низкий поддон при низкой наклепленной на него чашечке. В отличие от всех предыдущих сосудов на поддоне (обычно коническом, полом), сосуды этого типа имеют чаще всего цельный поддон и лишь изредка встречается снизу небольшая круглая вмятина (табл. IV—39, 138). Иногда поддон этот имеет уступ сверху и лишь затем переходит в чашечку, без обычного плавного перехода, как это имеет место у всех других сосудов на поддоне⁶. Все до сих пор известные сосуды этого типа неорнаментированы. Точно такие же сосуды на низком поддоне появляются уже в позднетагарских погребениях⁷ и затем сохраняются на протяжении трех таштыкских этапов, совершенно исчезая ко времени IV, на котором их уже нет.

7) Бомбовидный. Один из наиболее типичных видов таштыкской посуды, существовавший на всем протяжении эпохи. Это сосуды с шаровидным туловом, плоским дном и высокой прямой шейкой (табл. IV—41, 44, 145, 187, 199). Нередко, что особенно характерно для их поздних форм, они имеют высокое «крутое» плечико при резкой кривизне профиля (табл. IV—199). Такая форма получалась в результате вытягивания тулова сосуда за

счет его нижней части. Иногда же переход от тулова к прямой шейке носил более плавный характер и шейка таких сосудов более низкая. Последняя форма бомбовидных более характерна для раннетащтыкского времени. В раннее время сосуды эти более приземисты (рис. 11—4). Украшены они обычно выпуклыми налестами, часто в сочетании с вертикальными и горизонтальными поясками геометрического штампованного или тычкового орнамента. Встречается и штриховой. Нередко вертикальные пояски углубленного орнамента, спускающиеся от шейки к каждому налесту, заменены налестным веревочным валиком. Иногда же налестов нет, есть только вертикальные валики или даже сосуд украшен только углубленным орнаментом (рис. 12—1 и табл. IV—44 и 187). Среди бомбовидных известны довольно большие сосуды. Так, например, в склепе № 11 Уйбата I найден сосуд высотой в 36,5 см при ширине горла в 23,5 см (целый, хранится в ГИМ). Такие сосуды, возможно, являлись тарой для хранения каких-то припасов.

Происхождение этого типа таштыкских сосудов неясно. В тагарское время таких форм не было. Близкими являются только некоторые сарматские бомбовидные сосуды⁸, среди которых есть и украшенные выпуклыми налестами по плечу⁹. Но надо иметь в виду, что эти сосуды среди прочих сарматских насчитываются единицами и появляются они уже довольно поздно — около III века н. э. Эти сосуды зарождаются в Поволжье несомненно под влиянием каких-то восточных культур, и в первую очередь, возможно, таштыкской, так как такого типа сосуды, да еще и с выпуклыми налестами, для этого времени нигде больше на Востоке не известны.

С. В. Киселев полагает, что в таштыкских бомбовидных сосудах воскрешены более древние формы карасукского времени, традиции которых, по-видимому, переживали где-то в тагарское время¹⁰. Быть может, с этим мнением следует согласиться, тем более что в таштыкское время была воскрешена и еще одна карасукская форма — коленчатый нож, правда, уже изготовленный из железа (табл. IV—165). Однако ясность в этот вопрос внесет лишь исследование древностей в Северо-западной Монголии, откуда могли быть принесены эти «карасукские», на первый взгляд, формы.

8) Баночный I. Это наиболее распространенный тип таштыкских сосудов. Достаточно сказать, что из 534 сосудов, формы которых изучены нами при составлении таблицы II, 251 относится к типу баночной I, что составляет 47%. Очевидно, эти сосуды более всего применялись в быту таштыкского населения и являлись основным видом кухонной посуды, что хорошо подтверждается наличием почти на каждом из них следов сильного на-

¹ Например, из раскопок С. И. Руденко в 1920 г. у д. Бузуновой S. Roudenko. Les Sepultures de l'époque des kourganes de Minoussinsk. L'antropologie, т. XXXIX, № 5—6. Paris, 1930, fig. 19, рис. 9. Выпуклые (конические) налесты, которые так характерны для таштыкской керамики известны также на позднетагарских сосудах, например: конический сосуд с десятью налестами из к. № 2 у с. Частоостровского (Адрианов, 1902) см. Архив ИИМК, д. 33, л. 9—2, фото.

² Кривинское, 1928, ко № 3 — С. В. Киселев. Материалы археологической экспедиции в Минусинский край в 1928 г. Ежегодник Гос. музея им. Н. М. Мартыанова, т. VI, вып. 2. Минусинск, 1929, стр. 150 и табл. V, рис. 54.

³ Там же, табл. V, рис. 52.

⁴ Сб. «Археологические исследования в РСФСР 1934—1936 гг.», табл. 48, рис. 5—6.

⁵ Сб. «Этнографические экспедиции 1924 и 1926 гг.», стр. 90, рис. 8.

⁶ Сб. «Археологические исследования в РСФСР 1934—1936 гг.», табл. 48, рис. 4.

⁷ Курган «за посекотиной» у с. Б. Барандат близ г. Мариинска Оссовский, 1886, хранятся в ГИМ, инв. № 36518, хран. П62/1а.

⁸ Например, сосуд из Суловского могильника — Уч. зап. Саратовского гос. университета, т. IV, Саратов, 1925, рис. 35.

⁹ Сосуд из Харьковки, курган С9 — P. Rau. Die Hügelgräber römischer Zeit an der unteren Wolga. Pokrowsk, 1927, abb. 79. Дата по Рау, III—IV вв. (стадия В).

¹⁰ ДИЮС, стр. 432.

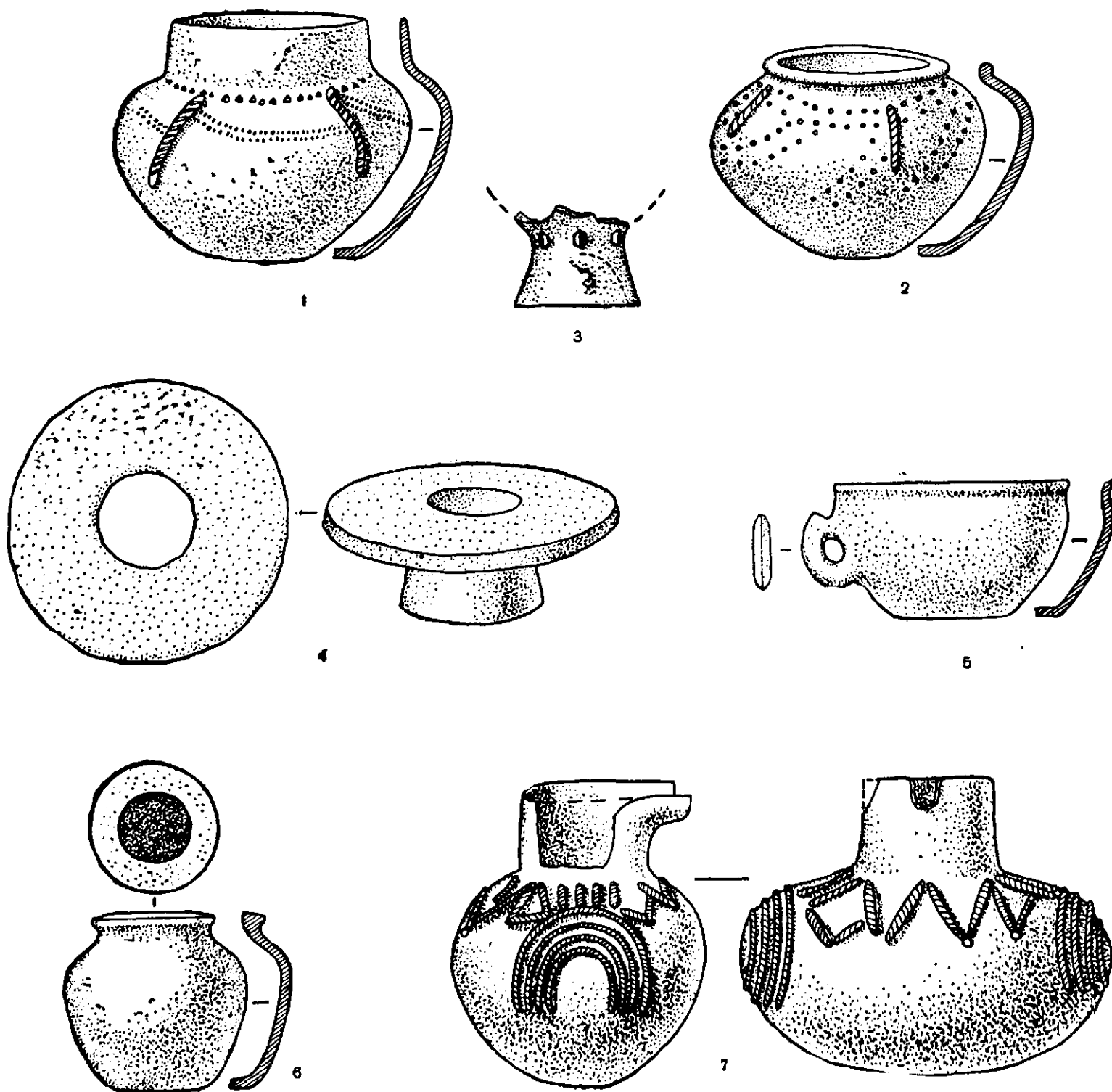

Рис. 12. Керамика из склепов Изыхского (I) этапа: 1—2 — «курган № 5» («Малый Камешек», 1895); 3 — склеп № 14 (Горькое озеро, 1924); 4 — склеп № 5 (Уйбатский чаа-тас, 1936); 5, 6 — склеп № 1 (Уйбат II, 1938); 7 — склеп в г. Минусинске (у кирпичных сараев)

гара. По форме это или почти цилиндрические, или же банки с несколько выпуклыми боками (табл. IV—48, 147, 188, 201). Все они широкогорлые и совершенно совпадают со всеми вариациями позднетагарских банок, от которых они, несомненно, и происходят¹. Раннетагаштыкские банки обычно небольшие и приземистые. Позднее появляются крупные, высокие (вытянутые) банки. Для поздних банок IV этапа характерно появление отогнутости венчика, что потом становится особенно типичным для обычных баночных сосудов в VI—X вв.

9) Баночный II. К этому типу отнесены «закрытые» банки с более сильно выпуклыми боками, приближающиеся уже к бочонковидным (рис. 11—8; 17—3, 4; 23—4). Сосуды этого типа также происходят от своих позднетагарских предшественников и существуют на всем протяжении таштыкской эпохи, подчиняясь вышеуказанной закономерности эволюции баночных. Большинство баночных сосудов или неорнаментировано совсем, или же имеет скромные пояски (от одного до трех) штампованного и чаще всего тычкового орнамента. Преобладает тычковый остроугольный. Встречается и веревочный валик.

10) Кувшины. Десятый тип таштыкской посуды составляют кувшины с носиком и без ручки. По форме это те же в основном бомбовидные сосуды, с прямой высокой шейкой, отличающиеся, однако, наличием вытянутого или прилепного носика (табл. IV—53, 154, 191, 202).

Если желобковатые носики, сделанные путем оттяжки горла, встречаются только у раннетагаштыкских кувшинов, то уже со II этапа и позднее начинают преобладать кувшины с прилепными лотковидными (прямоугольными) носиками. Кроме того, кувшины I этапа отличаются от последующих острореберностью (острым плечиком)², что вообще является характерной чертой и для других форм раннетагаштыкских сосудов в особенности I и лишь частично II этапов.

В тагарскую эпоху кувшинов не было, однако в тагарских курганах обнаружены уже сосуды с оттянутым желобковатым носиком, еще баночные по форме³. Они же встречаются и среди раннетагаштыкских I этапа⁴. Таким образом, в этом тоже проявляется связи с предшествующей эпохой.

В общем же кувшины являются типично таштыкской формой, аналогий которой мы пока не знаем. Орнаментированы они в основном, так же как и бомбовидные сосуды: выпуклыми налечами, веревочными налечными валиками, штампованным или

тычковым орнаментом и т. д. Нередки и гладкие кувшины. Кроме бомбовидных кувшинов на I этапе встречаются также бочонковидные сосуды с оттянутым носиком, украшенные свисающими налечными валиками и оттисками штампа⁵.

Другие типы таштыкских кувшинов с носиками, в связи с наличием прилепных ушков для подвешивания, будут рассмотрены особо.

Описанные кувшины без ручек существовали на всем протяжении эпохи.

11) Горшковидный I. Горшковидные сосуды с намеченными плечиками и отогнутыми венчиками имеют сравнительно небольшие размеры (табл. IV—50, 149, 190 и рис. 11—5). Обычно они украшены по плечу остроугольным тычковым орнаментом, иногда оттисками полулунного или треугольного штампа, или линейным пояском. В одном случае: широкое поле из точек и по нему резные треугольные фестоны углом вниз. Есть и гладкие сосуды. В предшествующую эпоху горшковидные сосуды неизвестны. Они найдены в склепах I—III этапов, в погребениях IV этапа их нет.

12) Горшковидный II. Так нами обозначен тип сосудов, в общем довольно отличный от типа горшковидный I. Это широкогорлые сосуды с широким плоским дном, имеющие, однако, выраженное плечико и горло с раструбом вверх (табл. IV—152, 195). Их особенностью является наличие четырех, симметрично расположенных по верхнему обрезу венчика, остроугольных налечей. Форма эта очень редкая, совершенно отсутствующая среди посуды I этапа и появляющаяся на II. Наиболее характерна, очевидно, для последнего, IV этапа и затем она исчезает. Украшены эти сосуды поясками линейного орнамента или пояском из оттисков круглоямочного штампа. Остроугольные налечи на этом типе таштыкской посуды возникают под непосредственным влиянием раннетагаштыкских кубков типа кубковидный II.

13) Бочонковидный I. Один из распространенных и часто встречающихся типов таштыкских сосудов. Имеет простую, сильно выпуклобокую форму и напоминает стоящий бочонок. Существует на всем протяжении эпохи. Сосуды эти обычно гладкие. Изредка они украшены штампованным (полулунным, овальным, ромбическим и т. д.) или тычковым (остроугольным) орнаментом (табл. IV—146, 189, 198). Встречаются и накладные рассеченные валики, а также остроугольные резные фестоны, заполненные треугольными ямками, и кресты из оттисков четырехугольного штампа, «подвешенные» между фестонами⁶. Сосуды эти бывают разных размеров — от небольших и низких до больших настоящих бочек с диаметром горла 35—40 см⁷, предназначенных

⁵ Там же, рис. 4.

⁶ Усть-Тесь, ко № 1 — С. В. Киселев. Материалы археологической экспедиции в Минусинский край в 1928 г., табл. V, рис. 76 — бочонок высотой около 50 см, при диаметрах горла и дна по 17 см. Ср. ДИЮС, табл. XXXVI, рис. 3.

⁷ Найдены в склепе № 11 Уйбатского чаа-гаса (хран. в ГИМ, инв. № 6587) и в Усть-Теси, ко № 1 (хран. в Минусинском музее).

¹ ДИЮС, стр. 214—219, табл. «Ж» и табл. XXVII, рис. 1—9 и 13, а также стр. 424. Однако эта форма имела более широкое распространение, так как такие же выпуклобокие банки найдены в гробницах эпохи Хань под Порт-Артуром (см. Nan-Shan-Li. Archaeologia Orientalis, v. III, Tokyo-Kyoto, 1933, Pl. XXIX, рис. 15).

² С. В. Киселев. Материалы археологической экспедиции в Минусинский край в 1928 г., табл. V, рис. 77 — кувшин из ко № 4 — у с. Кривинского.

³ А. В. Адрианов. М. Иня, 1896, к. № 4 — Архив ИИМК, д. 64, л. 52.

⁴ В. П. Левашева. Варианты таштыкских погребений. КСНИМК, вып. XXV, стр. 98, рис. 1.

для хранения запасов (быть может, зерна).

Бочонковидные в тагарское время распространены еще не были, но, возможно, их прототипами являются тагарские эллипсоидные сосуды¹.

14) **Бочонковидный II.** К этому очень редкому типу, известному лишь среди керамики I этапа, относятся бочонковидные сосуды с намеченной низкой шейкой, плавно выходящей из округлого тулова (табл. IV—51, 52). В одном случае шейка как бы обособлена от тулова сосуда двумя желобообраз-

Третий из сосудов этого типа имеет гладкую поверхность⁴. Близкие по форме сосуды известны в Туве в IV—III вв. до н. э.

15) **Бочонкообразный.** Это — сосуды очень оригинальной формы. Они имеют вид лежащего на боку длинного бочонка с двумя округлыми плоскостями по бокам и с узкой прямой и высокой шейкой, имеющей выступающий носик, как и у кувшинов (табл. IV—47 и рис. 12—7). Дно несколько уплощено. Сосуды этого типа (правда, происходящие из

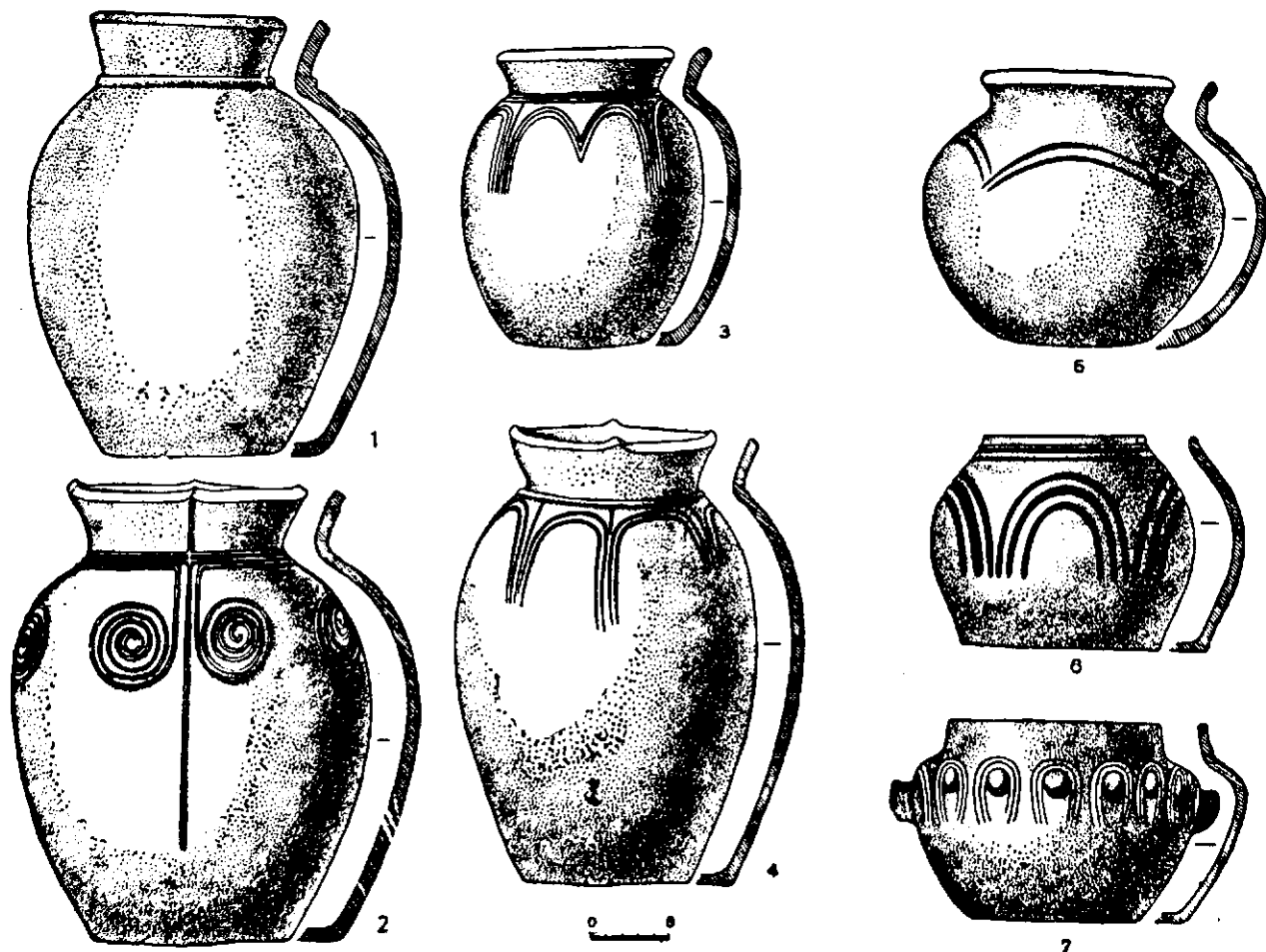

Рис. 13. 1—4 сосуды из Тувы (С. А. Теплоухов): 1, 3 — Шагонар, гора Бай-даг, м. № 12 и № 28—1; 2, 4 — с Туран, м. № 30 и 23; 5—7 — раннетагтыкские сосуды из Хакасии; 5 — Окунев улус (С. А. Теплоухов, 1928, впускное погребение в к. № 11); 6, 7 — из склепа № 10 Уйбатского чаа-таса

ными, опоясывающими ее кольцами, выдавленными нажимом пальцев по сырой глине, а бока сосуда украшены широким орнаментальным поясом, состоящим из примыкающих друг к другу «арок». Каждое звено орнамента, точнее, состоит из трех вписанных одна в другую выдавленных «арок» (рис. 13—6)². В другом случае имеется два орнаментальных пояса, состоящих из отгисков скобчатого (в виде полумесяца) штампа (рис. 11—2)³.

грунтовых могил и несколько отличные от описываемых склеповых — о чем ниже) С. А. Теплоухов назвал «почковидными»⁵. Нам кажется, что они похожи на лежащие бочонки и поэтому будем называть их бочонкообразными, тем более что на то есть более веские причины. Все они украшены накладными веревочными валиками, образующими различные узоры. Найдены они и в правобережных и в левобережных склепах, причем сосуды тех и других несколько отличаются между собой. Характерен, например, для правобережных сосудов из Усть-Теси

¹ ДИЮС, стр. 263, табл. XXVII, рис. 20—21.

² Найден в склепе № 10 Уйбатского чаа-таса (ГИМ).

³ Найден в склепе № 2 Изыхского чаа-таса, хран. при кафедре археологии МГУ.

⁴ Склеп № 1 Уйбата II, хран. в ГИМ.

⁵ С. А. Теплоухов. Опыт классификации древних металлических культур Минусинского края, стр. 50.

(1932, ко № 2). Его боковые плоскости обрамлены двумя полукольцевидными валиками и такие же веревочные валики спускаются парами вертикально от горла сосуда со всех четырех сторон¹. То же у бо-
чонкообразного сосуда из ко № 4 у с. Кривинского

(1928 г.)². Несколько отличается сосуд из склепа под «каменным кольцом» у кирпичных сараев г. Минусинска, найденный при случайных земляных работах. Он имеет вытянутую яйцевидную форму без боковых плоскостей, но там, где им полагается быть,

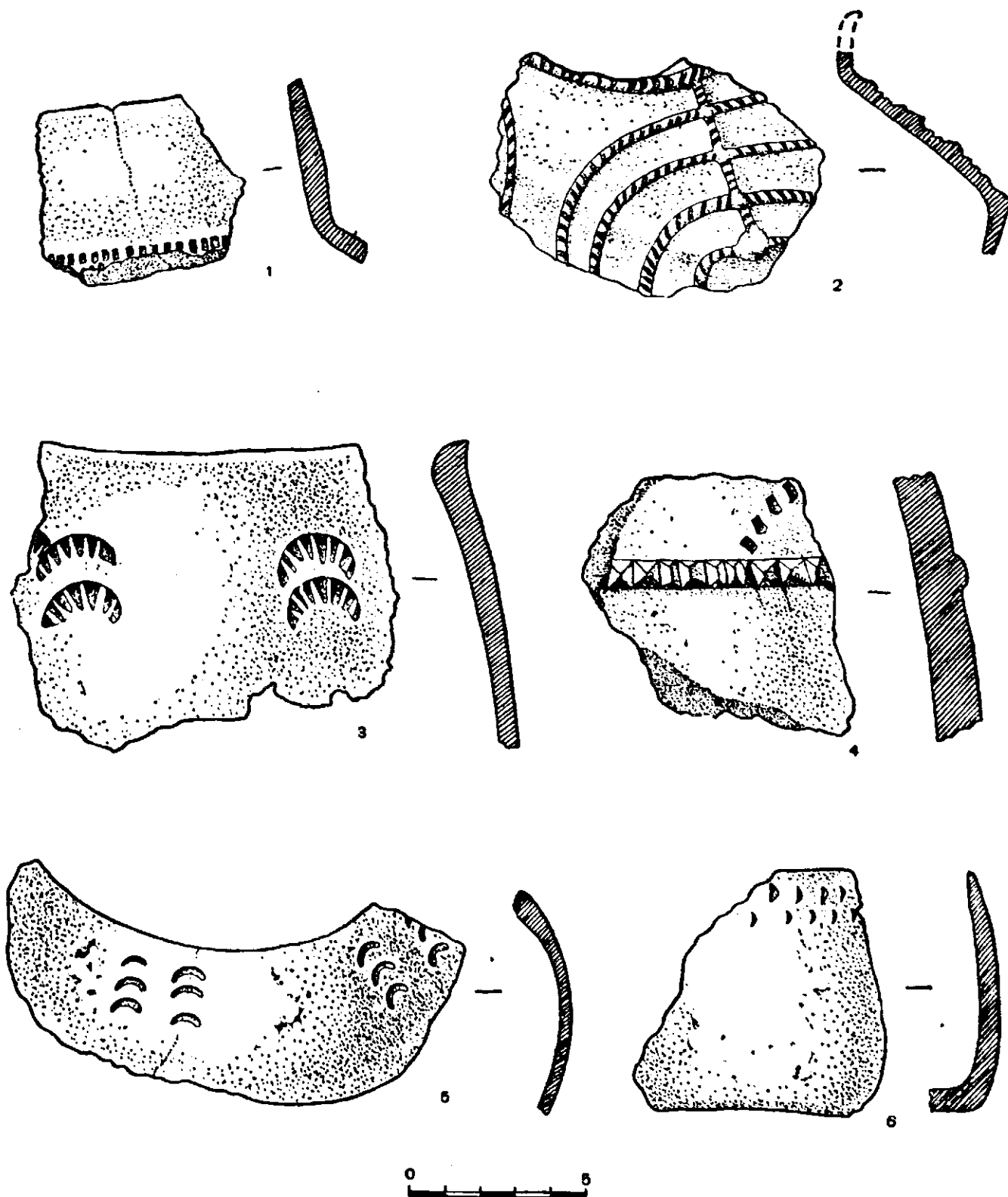

Рис. 14. Керамика Изыхского (I) этапа: 1—6 из склепа № 2 Изыхского чаа-таса

¹ ДИЮС, стр. 457, табл. 42, рис. 6 (табл. IV—47).

² Хранится в Гос. Эрмитаже (фрагментирован).

также имеется обрамление из четырех полуколец веревочного валика, а по тулову идут зигзаги, образованные таким же валиком (рис. 12—7) ¹.

У левобережных бочонкообразных выпуклые бока обрамляются не полукольцами, а завитком веревочного валика ², но встречаются и кольцевые охваты, как бы подвешенные на одном свисающем валике (рис. 14—2) ³. Сосудов этого типа не было в предшествующее тагарское время. Они встречаются только в погребениях I этапа таштыкской эпохи. Сосуды этой формы происходят от обыкновенных деревянных (раннетащтыкских же) бочонков типа, найденного в грунтовой могиле № 2 Оглахтинского могильника (I группа) ⁴. Сходство действительно очень близкое. Это долбленный, лежащий на боку, бочонок с двумя плоскостями по бокам. За то, что он употреблялся в лежащем положении, говорит наличие на нем по бокам цельновыдолбленных вместе с туловом, охватывающих его наподобие обручей, выступающих колец. На эти предохраняющие его кольца бочонок и опирался (табл. IV—72). Весьма вероятно, что при передаче этой формы в глине деревянные кольца воспроизведены полукольцами из наклепных валиков, охватывающих боковые плоскости сосудов. Затем эта новая форма, в связи с новым материалом и вытекающими из этого другими возможностями, была соответственно оформлена. Эти деревянные и глиняные сосуды служили для хранения жидкостей (быть может, вина или кумыса).

Высказанное выше мнение о происхождении бочонкообразных раннетащтыкских сосудов подтверждается и известными нам аналогиями, которые, однако, не являются полными.

1. Это прежде всего близкие по форме сосуды, появляющиеся около рубежа н. э. на западе у сарматов. Последним тип бочонкообразных сосудов не был свойствен, так как известно всего лишь три таких сосуда среди сотен экземпляров сарматской посуды обычных типов. Больше других близок таштыкским грубый неорнаментированный сосуд (с двумя плоскостями по бокам, но иным профилем) из западного Казахстана (Кара-Оба, 1950) ⁵. Из Северного Прикаспия происходит другой миниатюрный сосуд с цилиндрическим туловом, украшенным ленточкой наклепного валика с зазипами, и низким горлом ⁶. Наконец, на Кубани найден также цилиндрический сосуд, отличающийся от остальных, однако, как деталями формы, так и наличием вертикаль-

ной ручки у гофрированного горлышка и четырех ушков на верху тулова. Этот сосуд особенно интересен тем, что его боковые плоскости ограничены выступающими опорными кольцами, совершенно такими же, как у деревянного таштыкского бочонка из Оглахтов ⁷. Последнее, как и сама цилиндрическая форма двух из трех известных сарматских бочонкообразных сосудов, заставляет полагать с полной определенностью, что у сарматов глиняные сосуды такого типа появились конвергентно и несомненно в подражание собственно сарматским деревянным лежащим бочонкам с кольцами, аналогичными по форме оглахтинскому.

2. То же, очевидно, можно сказать и по поводу найденных в 1954 г. бочонкообразных сосудов в Таджикистане ⁸. Здесь в двух разных, хотя и близких могилах, относящихся к первым векам н. э., обнаружено два сосуда с боковыми плоскостями, которые отличаются от таштыкских уже тем, что они ангобированы и имеют следы нанесенных по ангобу росписей. Дно их к тому же не уплощенное, а округлое.

У одного сосуда, кроме того, горло расположено не посередине глиняного бочонка, а сбоку (у одной из боковых плоскостей), в то время как у другой расположено прилепленное к тулову ушко для подвешивания ⁹.

Другой сосуд более близок таштыкскому, так как его горло расположено в центре тулова, однако по краям он также имеет ушки для подвешивания, что совершенно нехарактерно для таштыкских бочонкообразных сосудов ¹⁰. Этот сосуд при всем том интересен наличием трех продавленных желобков, опоясывающих тулово как в центре, так и по краям у боковых плоскостей, что несомненно является такой же имитацией в глине выступающих колец деревянных бочонков, как и наклепные валики на таштыкских бочонкообразных сосудах. Следует полагать поэтому, что и в Средней Азии глиняные лежащие бочонки создавались по образцу местных деревянных.

Синхронность конвергентного возникновения глиняных сосудов бочонкообразного типа на трех приблизительно равноудаленных (по треугольнику) территориях объясняется, вероятно, широким распространением в этот период небольших деревянных лежащих бочонков с опорными кольцами типа, найденного в Оглахтинском могильнике.

16) Круглодонный. В этот тип выделены сосуды, имеющие округлое дно. Их очень мало. Собственно известна лишь одна целая гладкая полусферическая чаша из склепа № 6 Уйбата I (табл. IV—144) ¹¹, и дно, к сожалению, фрагментированного сосуда из

¹ В. П. Левашева. Из далекого прошлого..., стр. 42, рис. 19.

² Найден в обломках в склепе № 5 Уйбата I, хран. в ГИМ.

³ Склеп № 2 Изыхского чаа-таса, хран. на кафедре археологии МГУ.

⁴ A. M. Tallgren. The South Siberian cemetery of Oglakti from the Han period. ESA, XI, Helsinki, 1937, рис. 9a и 9 в. Хран. в ГИМ (табл. IV—72).

⁵ И. В. Синицын. Археологические исследования в Саратовской обл. и Зап. Казахстане. КСИИМК, вып. 45. М., 1952, стр. 71 и рис. 29—3.

⁶ Элиста, к. № 4, погреб. I, группа II (1931), хран. в Саратовском музее, инв. 1335. Длина 8 см. Указан В. П. Шиловым.

⁷ Раскопки Н. Веселовского у ст. Усть-Лабинской, к. № 32 — ОАК за 1902 г. СПб., 1904, стр. 81, рис. 174. (По мнению Б. Н. Гракова, комплекс датируется I в. до н. э. — I в. н. э.) — хран. в ГИМ.

⁸ Раскопки Б. Литвинского в Исфаринском районе у кишлака Ворух.

⁹ Могильник в кишлаке Ворух, курган № 11.

¹⁰ Могильник у Ворухского устья, курган № 11.

¹¹ Хранится в Минусинском музее.

Изыхского склепа № 1. Эти находки относятся ко II и III этапам, но они, очевидно, существовали и ранее и позднее. Круглодонные чашечки известны среди позднеатагарских сосудов¹, а также найдены и в погребениях VI—X вв.²

17) Блюдообразный. К этому типу отнесены керамические изделия, не являющиеся собственно сосудами. Они имеют поддон, на который прилеплась круглая плоская площадка (диаметром 18 или 21 см) с небольшим округлым отверстием по середине, переходящим ниже в отверстие полого поддона (табл. IV—55 и 155; рис. 12—4)³. Таким образом, отверстие было сквозным при верхнем диаметре его в одном случае 6 см, в другом — 11 см. Ширина получающегося сверху кольца, соответственно, 6 и 5 см. Вряд ли это подставки под сосуды или какие-либо другие предметы — очень уж они неустойчивы, если учесть, что нижний диаметр поддона имеет всего 8,5 см (поддон у второго «блюда» из склепа № 7 Уйбата I не сохранился), а общая высота «блюда» — 6 см. На такое «блюдо» можно было класть что-либо плоское и легкое, а сам предмет, сделанный из обожженной глины, при этом, очевидно, ставился в огонь. Может быть, такие «блюда» служили для выпечки небольших лепешек на раскаленных углях⁴.

Предметы эти, вероятнее всего, «пришлые», так как в атагарское время их не было, а в таштыкскую эпоху они встречаются на I и II этапах и позднее неизвестны.

18) Кружковидный. Известны пока лишь две кружки⁵, но, быть может, они были распространены в быту, что косвенно подтверждается находкой этих кружек (по одной) в погребениях I и II этапа (позднее их нет). Это обстоятельство доказывает существование кружек в течение сравнительно длительного времени.

Кружки эти имеют горшковидную форму с наметанным плечиком и слабо отогнутым венчиком. Они гладкие, низкие и широкие (табл. IV—49, 148 и рис. 12—5). Резким отличием их от всех остальных типов таштыкских сосудов является наличие одной округлой ручки, прилепленной сбоку. Ручка имеет

овальное отверстие для продевания пальца. За исключением кружек ни один из таштыкских сосудов таких ручек не имеет. Значит ли, что это чужеродная форма? Да, в том смысле, что в атагарское время таких сосудов нет. Но для собственно таштыкского периода это вряд ли будет правильно, так как могли существовать такие же деревянные кружки с ручками, какие найдены, например, в синхронных памятниках Киргизии⁶. Южнее Хакаско-Минусинской котловины аналогичные глиняные кружки с подобными ручками известны в Туве⁷, где, кстати, подобные ручки, правда, на сосудах иного типа, появились еще раньше, в IV—III вв. до н. э.⁸

Впрочем глиняные кружки такого типа были вообще широко распространены в гунно-сарматское время (Тува, Средняя Азия, Нижнее Поволжье и Кавказ).

19) Сферический. Как показывает таблица II, 19-й, «сферический» тип таштыкских сосудов встречается только в склепах I этапа. Это, как увидим позднее, очень важное обстоятельство для датировки грунтовых погребений. Сосуды этого типа имеют сферическую форму с небольшим плоским дном и низкой шейкой при слабо отогнутом утолщенном венчике (табл. IV—43 и рис. 12—2). Они, в общем, довольно близки по форме раннетааштыкским бомбовидным, у которых, однако, более высокая и прямая шейка. Украшены они разнообразно. Встречается резной орнамент в виде остроугольных фестонов, состоящих из заключенных друг в друга треугольников, или же, в одном случае, это резные спирали, подвешенные к пояску из трех линий, а между ними — круглоямочные вдавления (табл. IV—43). Чаше встречается веревочный налепной валик, охватывающий шейку или же спускающийся отвесно, а в промежутках круглоямочные вдавления. Иногда веревочный валик образует остроугольные фестоны.

Близкая форма сосуда только однажды встречена в позднеатагарских, «северных», курганах⁹. Зато она, очевидно, имела большое распространение в Центральной Азии и в Китае. Такие сферические сосуды с низкой шейкой известны из ханьских погребений в Нан-шан-ли¹⁰ и в синхронных могилах Киргизии¹¹. В последнем случае эта форма возможно занесена из Центральной Азии. Приведенные факты позволяют, очевидно, считать таштыкские сферические сосуды «пришлыми» с юга, т. е. близкие им формы встречаются и в Туве в памятниках III в. до н. э.

⁶ А. Бернштам. Кенкольский могильник. Л., 1941, табл. XVI.

⁷ Гора Бай-даг, могила II (С. А. Теплоухов). Хран. в Гос. Эрмитаже, кол. 4692—48.

⁸ Левый берег р. Турана (С. А. Теплоухов, 1929), к. № 34 — хран. в Гос. Эрмитаже, кол. 5131—61.

⁹ Архив ИИМК, д. 33, 1903, л. 9—2, фото — сосуд из к. № 2 у с. Частоостровского (Красноярский уезд, Адрианов, 1902).

¹⁰ Nan-Shan-Li. Archaeologia Orientalis, t. III, Tokyo-Kyoto, 1933, Pl. XXVIII, рис. 2.

¹¹ А. Н. Бернштам. Кенкольский могильник, табл. XIII, внизу справа.

¹ 2 такие чашечки найдены в к. № 2 у с. Частоостровского (Адрианов, 1902), см. Архив ИИМК, д. 33, л. 9—2, фото.

² Тесь, Георгиевская гора, к. № 3, погр. 3 (С. В. Киселев, 1932) и лог Джесос (Адрианов, 1894), к. № 15 — хран. в ГИМ, инв. 34529.

³ ДИЮС, табл. XXXVI, рис. 6 — из склепа № 5 Уйбата I.

⁴ Тогда становится понятным и сквозное отверстие, ибо снизу в поддон также попадали угли, благодаря чему достигалось равномерное пропекание теста при переворачивании. А если бы отверстия не было, середина лепешки оставалась бы сырой. Поддон же нужен был именно для того, чтобы само блюдо находилось над жаром углей и тесто на нем не пригорало.

⁵ Найдены в склепах № 6 Уйбата I и № 1 Уйбата II. Первая хранится в Минусинском музее (см. сб. «Археологические исследования в РСФСР 1934—1936 гг.», табл. 48, рис. 11), вторая — в ГИМ, инв. 79956, № 10926. С. В. Киселев сообщает, что такая же кружка в обломках найдена и в склепе 7 Уйбата I (см. ДИЮС, стр. 426, прим. 6). К сожалению, в ГИМ нам обнаружить ее обломки не удалось.

20) **Вазообразный.** В этот тип нами объединены узкие вытянутые сосуды в виде вазы, а также напоминающие собой по форме кринку, однако большего размера. Собственно вазообразных сосудов известно два. Происходят они из правобережных склепов у с. Кривинского. Один из них имеет узкое высокое горло с венчиком, край которого срезан наружу, и двумя наклепными, положенными один на другой, гладкими валиками, опоясывающими горло (табл. IV—46)¹. Другой — с широким низким горлом и крутыми плечиками. По шейке идет орнамент, нанесенный треугольным штампом².

Оба сосуда относятся к I этапу и позднее таких сосудов нет. Формы эти явно чуждые, неизвестные в тагарское время и быстро исчезающие. Поэтому вряд ли возможно считать их прототипами «кыргызских» vaz³. Оформлены они по-таштыцки, за что свидетельствует орнамент в виде треугольных штампованных вдавлений и наклепных валиков вокруг горла. Последнее, как увидим ниже, очень характерно как раз сосудам I этапа. Здесь мы имеем дело с подражанием вытянутым и узкогорлым сосудам, известным в Центральной Азии и Китае. В частности, обломки такой, явно привозной, серой лощеной узкогорлой вазы, хорошо обожженной и сделанной из аморфной глины (что совершенно несвойственно таштыцким сосудам), найдены в китайском доме близ г. Абакана⁴. Ближайшей аналогией раннеташтыцким вазам будут вазообразные сосуды шурмакской культуры из Тувы, которые имеют такие же срезанные наружу венчики и валики вокруг горла (рис. 13—1)⁵.

Другие кринкообразные сосуды найдены, к сожалению, в обломках и точно форму их изучить невозможно. Лучшее всего сохранились части горла. Самый поздний из них — это гладкий нелощеный сосуд из склепа № 8 Уйбатского чаа-таса, относящегося ко II этапу. К I этапу относится другой гладкий нелощеный кринкообразный сосуд (склеп № 5 Уйбата I), имеющий большие размеры⁶. Судя по сохранившимся частям, диаметр его горла достигал 35 см, а ширина сосуда в средней части около 50 см.

21) **Четырехгранный.** Четырехгранный сосудик только один (табл. IV—131). Обнаружен он в склепе № 6 Уйбатского чаа-таса (II этап)⁷. Дно его уже горла, все четыре угла которого несколько вытянуты вверх при прогибе сторон. Орнамент типич-

¹ С. В. Киселев. Материалы археологической экспедиции в Минусинский край в 1928 г., табл. V, рис. 73 — рисунок не точен, ср. наше описание. Установлено при сверке с оригиналом, хран. в Гос. Эрмитаже.

² Там же, табл. V, рис. 59.

³ Ср. ДИЮС, стр. 424.

⁴ Хранятся в ГИМ, инв. 82170/822—71. Обломки таких же ваз найдены в курганах переходного тагарско-таштыцкого времени: в Большом кургане Уйбатского чаа-таса, раскопанном Д. А. Клеменцом (хран. в ГИМ, 85/326) и в кургане на р. Туиме (1951), ср. синхронную им вазу из Монголии. Сб. «Северная Монголия», вып. II. Л., 1927, табл. II, рис. 5.

⁵ Особенно — Гос. Эрмитаж, кол. 4692—54.

⁶ Хран. в ГИМ.

⁷ Сб. «Археологические исследования в РСФСР 1934—1936 гг.», табл. 48, рис. 10.

но таштыцкий — вдавлены треугольного штампа с обрамлением острых ребер по вертикали остроугольным тычковым узором.

Четырехгранные сосуды восходят, несомненно, еще к позднеатагарскому времени. Они известны среди находок в курганах переходного тагарско-таштыцкого этапа. Мы имеем в виду не только миниатюрный четырехгранный сосудик, найденный Адриановым в кургане № 8 на Кызыл-кульском чаа-тасе (рис. 29—2)⁸. Имеется еще один глиняный гладкий четырехгранный сосуд, происходящий из переходного предташтыцкого кургана, раскопанного в 1910 г. казаком Терсковым у д. Алтайской (рис. 15—3)⁹. С другой стороны, такой же гладкий сосуд найден в грунтовой таштыцкой могиле № 18, раскопанной С. В. Киселевым в 1938 г. на Уйбатском чаа-тасе (рис. 25—5)¹⁰. Итак, известны два предташтыцких и два таштыцких четырехгранных сосуда I (из грунтовой) и II этапов. Позднее эта форма неизвестна¹¹.

22) **Подвесной I.** В этот тип нами объединены сосуды, имеющие один общий признак — наличие одинаковых цилиндрических прилепных ушков для подвешивания. Ушки эти имеют небольшие круглые или четырехугольные вертикально расположенные отверстия, т. е. похожи на трубочки с вырезанным верхним краем, прилепленные с двух сторон сосуда (табл. IV—54, 150, 196).

Сосуды с такими характерными ушками распространены на всем протяжении эпохи и не имеют своих предшественников в тагарское время. С другой стороны, им нет и аналогий. Присхождение их, таким образом, неясно, но, вероятнее всего, это также форма, не вытекающая из развития местной тагарской посуды.

По форме — это все закрытые сосуды в виде низких широких бочонков. Лишь один из них при сохранении общей приземистой бочонковидной формы имеет невысокую, но достаточно выраженную шейку¹². Орнаментированы они выпуклыми наклепами, идущими вокруг шейки¹³. Иногда эти накле-

⁸ ДИЮС, табл. XXVII, рис. 31. С легкой руки Адрианова он почему-то считается каменным. Таким же описывает его и С. В. Киселев (см. стр. 215 и 282). Наше обследование этого сосуда, ныне хранящегося в ГИМ, показало, что на самом деле он глиняный; имеет желто-серый цвет и хорошо залощенные стенки.

⁹ Бывш. Шушенская волость, Минусинского уезда. Вещи и сосуды поступили в ГИМ, инв. № 47172, хран. 24/1.

¹⁰ Отчет С. В. Киселева в Архиве ИИМК (Ленинград), ф. 35, д. 39, л. 7; сосуд хран. в ГИМ, инв. 79956, № 8758.

¹¹ У сармат небольшие четырехгранные сосуды-курильницы появляются позднее — в I—II и особенно широко в III—IV вв. н. э. — см. МИА СССР № 1. М.—Л., 1940, стр. 131, табл. III, рис. 1; СА, VIII, 1946, стр. 79, рис. 2—1; P. Ra u. Die Hügelgräber römischer Zeit an der unteren Wolga, Pokrowsk, 1927, abb. 1, рис. B, а также abb. 62. Почти полную аналогию (по форме и размерам) сосуда из склепа № 6 Уйбата дают четырехгранные сосуды первых веков н. э. из «верхнего горизонта большого дома» городища Алтын-Асар (низовье р. Сыр-Дарья, раскопки Хорезмской экспедиции).

¹² Сосуд из склепа № 10 Уйбатского чаа-таса, хран. в ГИМ.

¹³ Например, сосуд из склепа № 5 Уйбата I — ДИЮС, табл. XXXIX, рис. 4.

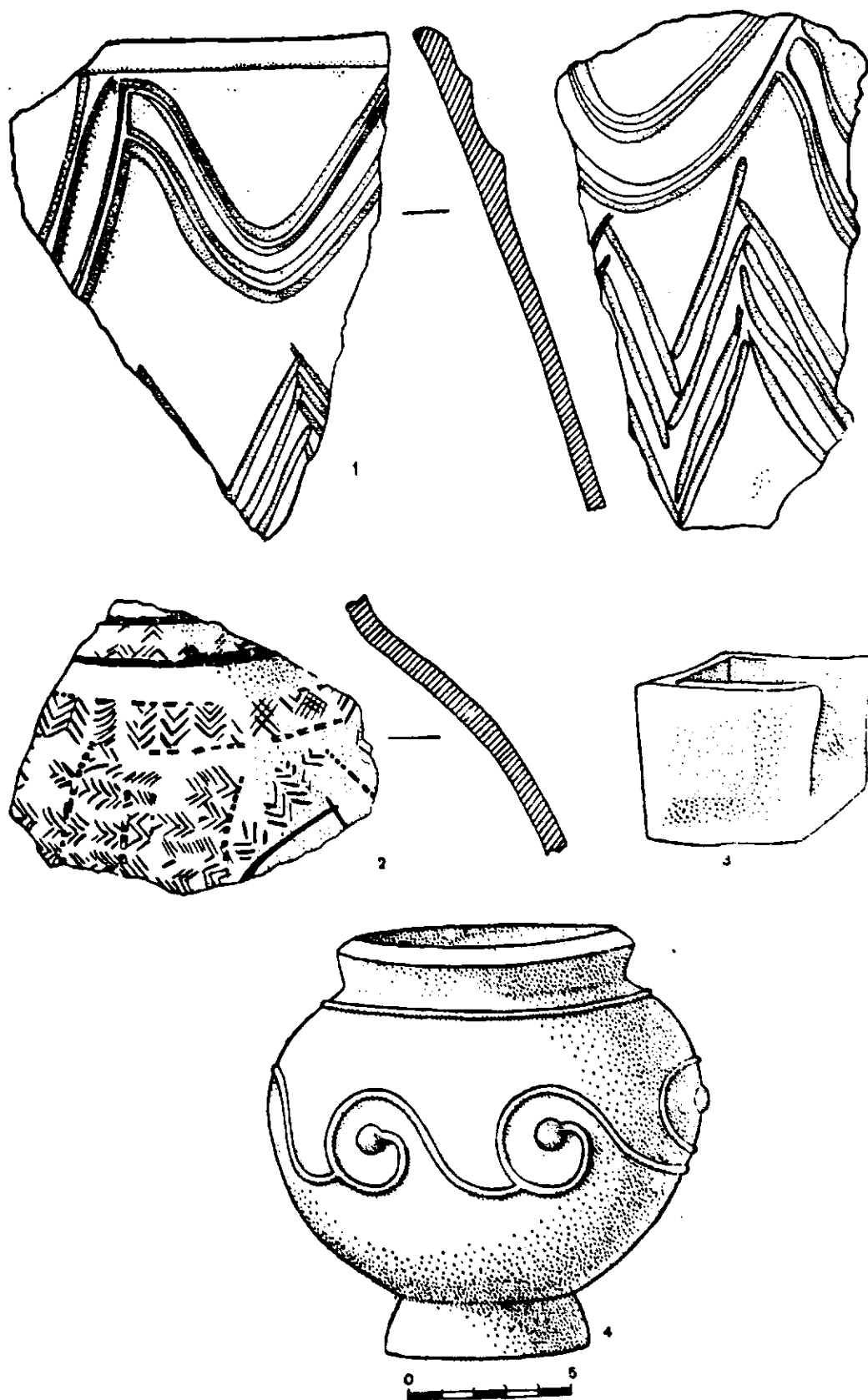

Рис. 15 Керамика тагарских и тагарско-таштыкских переходных (II—I вв. до н. э.) курганов: 1, 2 — обломки сосудов из Большого кургана Д. Клеменца (Уйбатский чаа-тас, 1889—1890), 3 — сосуд из кургана у д. Алтайской (Терсков, 1910), 4 — сосуд из кургана «В» на Тагарском острове (Адрианов, 1883)

пы заключены в три резные, вписанные друг в друга, дуги, обращенные вершинами вверх¹, причем

¹ Сосуды (2) из склепов № 10 Уйбата I и № 1 Уйбата II, Хран. в ГИМ, инв. № 79956.

налепы, в таком случае, имеют посредине круглые вдавлины — ямки. Реже эти сосуды ничем не украшены или же имеют вокруг горла два кольцевых

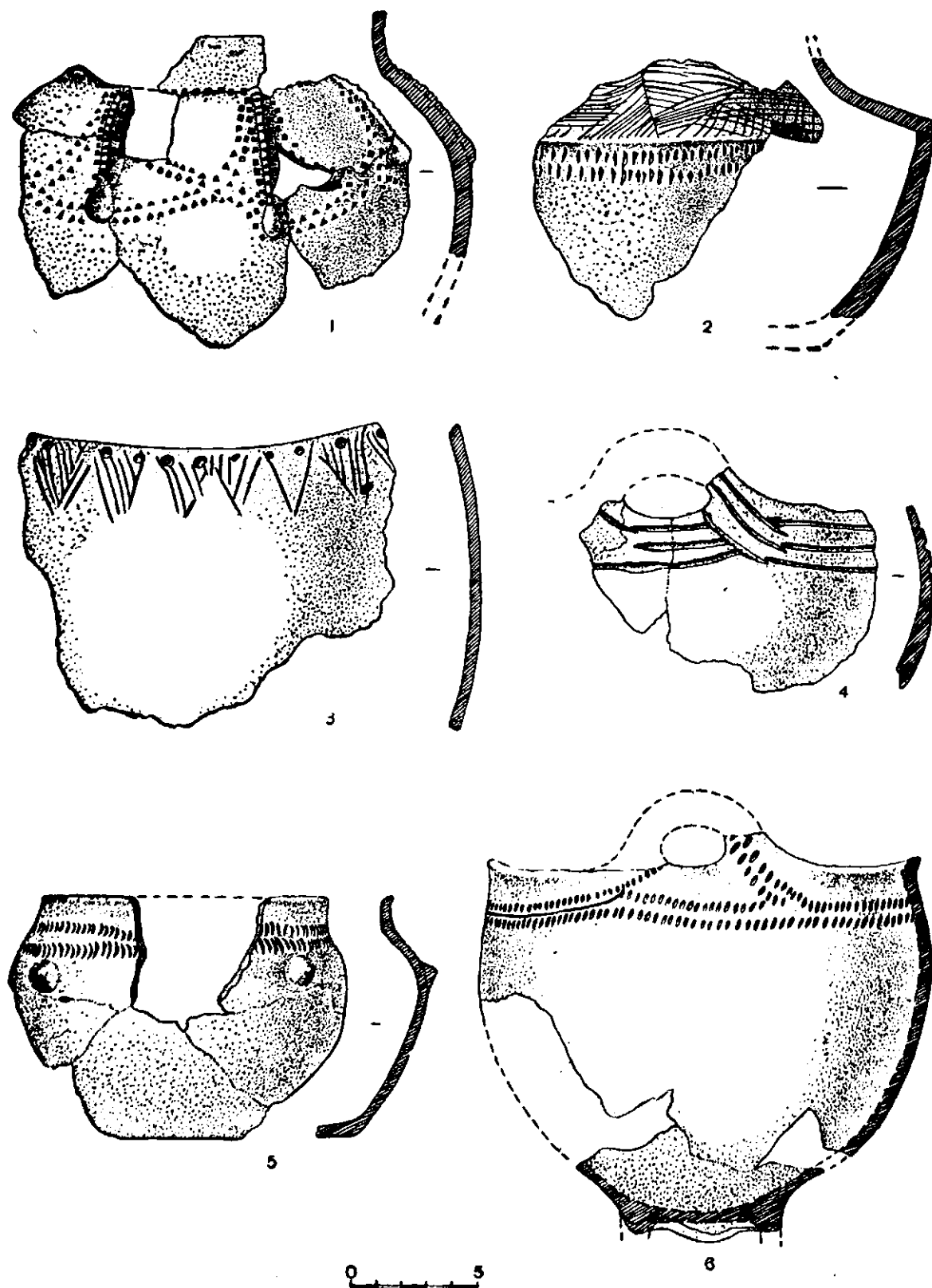

Рис. 16 Керамика Изыхского (I) этапа: 1—6 — из склепа № 2 Изыхского чаа-таса

желобка, нанесенные пальцем¹. На последнем, IV этапе они приобретают вытянутую баночную форму, сохраняющую, однако, прежнее сужение закрытого горла. Появляется у них и носик (рис. 60—2). Орнамент уже тычковый, остроугольный.

23) Подвесной II. К этому типу относятся также бочонковидные сосуды с ушками, имеющими, однако, иную форму. Это округлые глиняные пластинки с приподнятым верхним краем, прилепленные ребром к стенкам сосуда. Они имеют круглые или овальные небольшие отверстия, расположенные горизонтально (табл. IV—151, 197). Сосуды эти украшены орнаментом из вдавлений круглоямочного штампа, иногда в соединении со скобчатыми². На IV этапе у этих сосудов появляется носик, как у кувшинов³, причем впервые и у кувшинов появляются такие же ушки (рис. 58—1 и 60—1)⁴. Поздние бочонковидные сосуды с носиком и такими ушками имеют «парадный» вид. Они изготовлялись из тонкоотмученной глины, имеют хороший обжиг, поверхность их заложена до блеска и роскошно украшена пересекающимися полосами ромбического штампа со свисающими от горла накладными валиками, рассеченными на пирамидки (рис. 60—1)⁵. Валики эти по технике изготовления напоминают искусную резьбу по дереву и, быть может, перенесены на глину с деревянных резных сосудов, которые несомненно существовали.

Сосудов с такими ушками не знало предшествующее тагарское население, хотя они появляются уже в раннеташтыкское время и бытуют на протяжении всей эпохи. Аналогий им нет и о происхождении их может быть сказано то же, что и в предыдущем случае⁶.

24) Биконический. Это остросереберные сосуды с сильной кривизной профиля, перелом которого отмечен острым плечиком, после чего идет плавный переход к прямому горлу. Дно широкое и плоское. Сосудов этой формы известно два, и оба они относятся к I этапу. Один из них украшен по плечу пояском вдавлений скобчатого штампа, от которого к горлу отходят парные изогнутые ряды такого же орнамента на некотором расстоянии друг от

друга⁷. Другой сосуд имеет два ряда длинных остроугольных вдавлений ниже острого плеча, а горло его покрыто орнаментом в виде резных небрежно и разнообразно заштрихованных треугольников (табл. IV—45 и рис. 16—2)⁸. К I же этапу относится еще один близкий к описанным сосуд, но форма его из-за неправильной и грубой формовки искажена. Он кривобокий, имеет остросереберное плечо, отличающееся чуть отогнутым венчиком (рис. 11—6). Сосуд этот орнаментирован удлиненным зерновидным штампом и насечками сверху по краю венчика⁹. Он послужил, очевидно, грубым прототипом формы единственного биконического сосуда, найденного в склепах II этапа. Последний, однако, отличается тем, что его острое ребро находится ниже половины высоты сосуда, ближе ко дну. Но и у него такое же широкое горло с чуть отогнутым венчиком (табл. IV—143)¹⁰. Позднее II этапа такие сосуды неизвестны и, как видим, наиболее характерны они только раннему, I этапу эпохи.

Ни с какими тагарскими прототипами эта форма связываться не может. Аналогией могут послужить лишь биконические сосуды ханьских погребений¹¹.

Следующие три типа представлены одиночными сосудами, но их нельзя не выделить обособленно, так как формы их очень индивидуальны и не могут быть сближены ни с одним из вышеописанных типов. Все они не связаны с тагарской керамикой.

25) Мискообразный. Этот тип представлен низкой гладкой миской с округлыми боками и пятнистой черно-красной лощеной поверхностью. Ее широкая горловина имеет диаметр 22 см, при плоском дне диаметром 16 см и высоте в 7 см (табл. IV—153). Миска найдена в склепе № 11 Уйбата I, относящемся ко II этапу.

26) Чашкообразный. К этому типу относится невысокая чашечка с широким горлом и узким дном. Она имеет слабо выступающее, но острое плечико, выше которого идет в два ряда остроугольный тычковый орнамент. Найдена в Изыхском склепе № 2, относящемся к I этапу (рис. 17—2).

27) Плошкovidный. Низкая плошка из склепа № 2 Изыха (I этап). Она приближается к усеченноконической форме, так как дно ее несколько шире горла. Украшена сверху двумя рядами скобчатого штампа (рис. 14—6).

28) Бутылкообразный. К последнему типу таштыкской керамики относятся небольшие узкогорлые глиняные бутылочки с округлым туловом, переходящим в невысокую шейку при резко отогнутом венчике. Найдены они в склепах I этапа и

¹ Из склепа № 6 Уйбата I. Один из двух найденных там сосудов этого типа издан: сб. «Археологические исследования в РСФСР 1934—1936 гг.», табл. 48, рис. 8.

² Сосуд из к. № 1 у с. Кривинского — С. В. Киселев. Материалы археологической экспедиции в Минусинский край в 1928 г., табл. V, рис. 67.

³ Сосуды из к. в. № 2 Уйбата II (Герасимов, 1936, хран. в Гос. Эрмитаже, № 1664) и из к. в. 12 Изыхского чаа-таса.

⁴ К. в. № 11 Изыхского чаа-таса.

⁵ К. в. № 12 Изыхского чаа-таса.

⁶ Следует указать, что подобные ушки имеют сосуды совершенно иной формы (в виде кувшинов с 3 сливами) из «среднего горизонта большого дома» городища Алтын-Асар (низовые р. Сыр-Дарья, раскопки Хорезмской экспедиции). Подобные ушки в более раннее время широко известны на сосудах эпохи бронзы (например, Элиста, ур. «Три брата» к. № 7, погреб. 6 — хран. в Саратовском музее, № 1428) и раннескифского времени (Ц. Казахстан — см. Л. Р. Кызласов и А. Х. Маргулан. Плиточные ограды могильника Бегазы. КСИИМК, вып. XXXII. М., 1950, стр. 131, рис. 41—1; перевернут по вине издательства).

⁷ Происходит из таштыкского склепа, впущенного в тагарский курган (к. № 2), раскопанного в 1939 г. В. П. Левашевой у с. Лугавского. Хран. в Минусинском музее. инв. № 12768.

⁸ Из Изыхского склепа № 2.

⁹ Там же.

¹⁰ Из склепа 11 Уйбаток. чаа-таса, хран. в ГИМ. инв. 79956 № 10638.

¹¹ Dr. F. Buckens. Les Antiquités funéraires du Honan Central. Bulletin de la Société d'anthropologie de Bruxelles, t. XXXVI, 1921, Bruxelles, 1923, табл. III на стр. 68.

позднее неизвестны. Одна из них гладкая, отличается тем, что при равномерной толщине стенок она имеет сильно утолщенный, за счет внутренней час-

особенности. Ее резко отогнутый венчик сохраняет нормальную толщину. Вся поверхность этой «бутылочки» покрыта оттисками кружкового штампа,

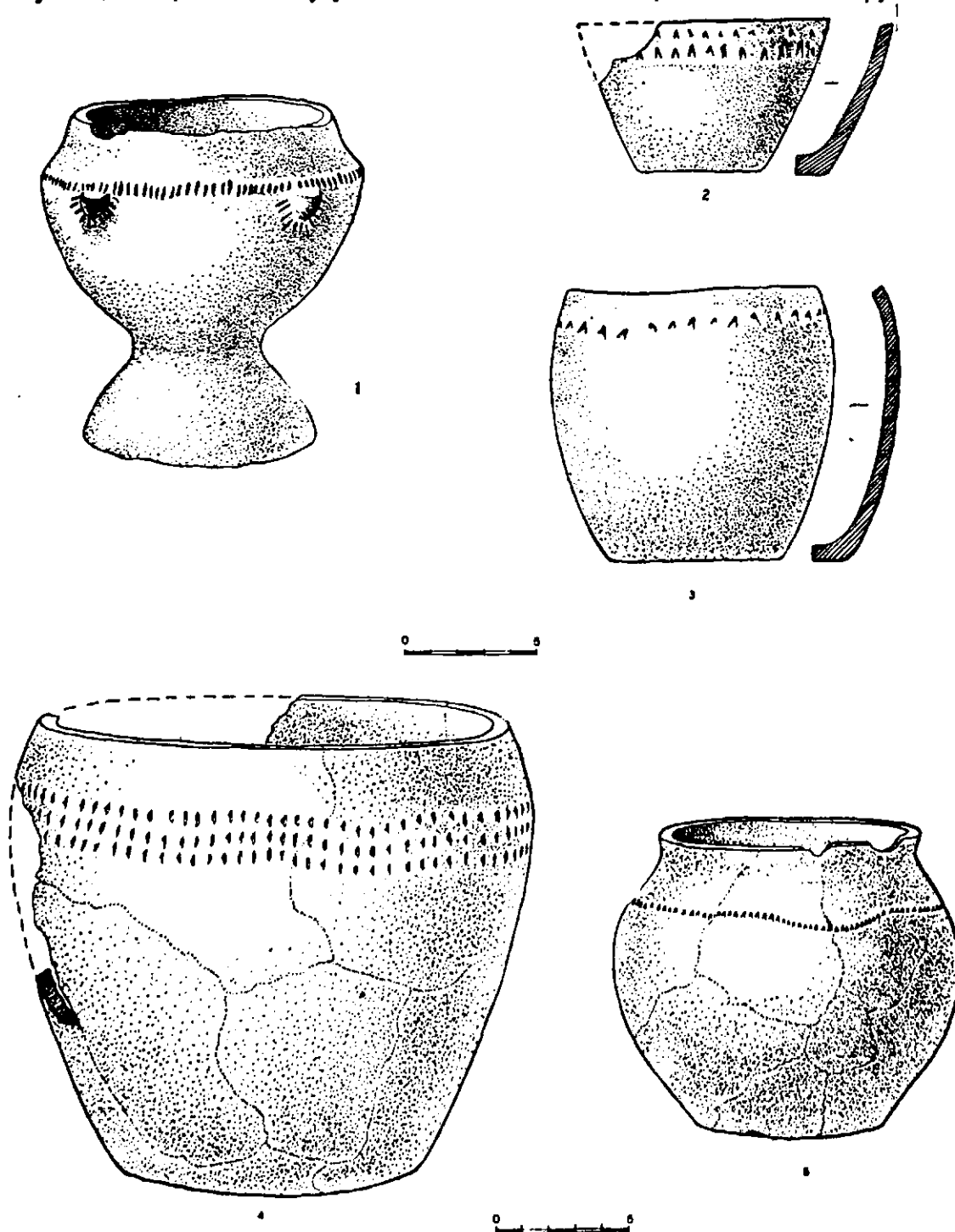

Рис. 17. Сосуды Изыхского (1—3) и Сырского (4—5) этапов: 1, 2, 3 — из склепа № 2 Изыхского чаа-гаса, 4, 5 — из склепа № 1 Сырского чаа-гаса

ти, венчик. Сверху она имеет круглое небольшое отверстие и получается, что внутренний ее профиль отличается от наружного, принимая вид узкогорлой бутылочки (рис. 12—6) ¹. Вторая не имеет этой

нанесенного трубочкой (рис. 18—12) ². Аналогий этим сосудам нет, как нет и связей их с тагарскими формами.

¹ Склеп № 1, Уйбата II, храм. в ГИМ.

² Изыхский склеп № 2.

Итак, выше описанные типы представляют все разнообразие таштыкских керамических форм. Своеобразие сочетания этих типов сосудов для отдельных выделяемых нами этапов, при таком раз-

нообразии их, не могут считаться случайным. Наряду с исчезновением или появлением некоторых типов сосудов, глиняная посуда каждого этапа отличается еще и тем, что те типы сосудов, которые существуют на протяжении всей эпохи, не являются застывшими формами. Сохраняя свои основные

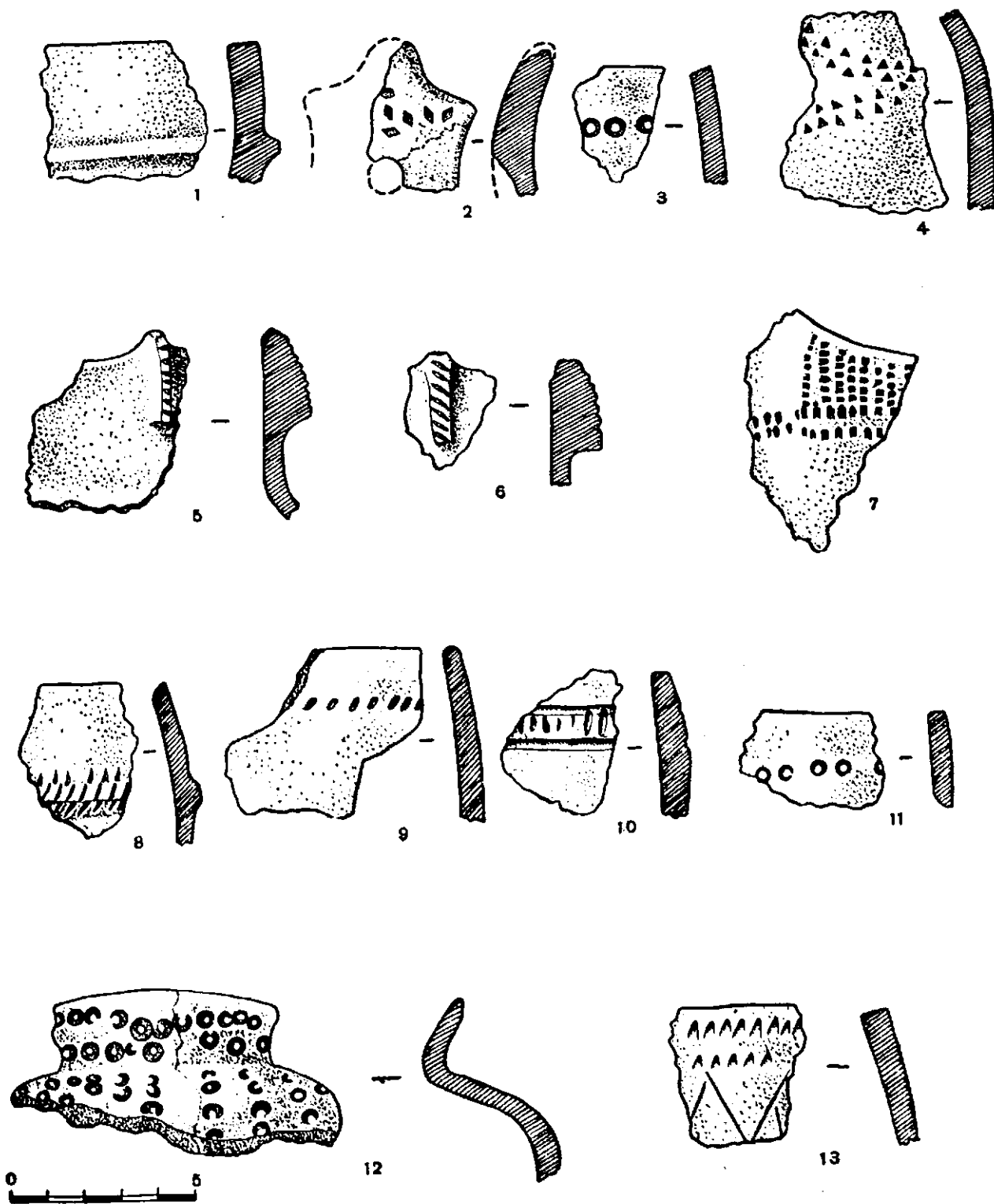

Рис. 18. Керамика Изыхского (I) этапа: 1—13 — из склепа № 2 Изыхского чаа-таса

признаки, эти типы меняются от этапа к этапу (табл. IV). То же покажет и изучение орнаментации сосудов.

Следует отметить также немаловажное значение проделанной нами типологии для понимания погребений под каменными выкладками. При всем довольно резком отличии этих новых погребальных сооружений по своему устройству от предшествующих, изучение происходящих из них сосудов с несомненностью доказывает нам не только правильность отнесения их к таштыкской эпохе, но и правильность выделения их в особый последний IV этап. Все формы сосудов из этих поздних погребений связаны с предшествующим развитием таштыкской керамики и являются закономерным итогом этого развития. Вместе с тем, по ряду признаков уже намечается переход к сосудам следующей эпохи древнехакасского государства. Это четко проявляется в «кыргызских» лепных сосудах и незаметно в сосудах, сделанных уже на гончарном круге, — замечательных «кыргызских» вазах. Однако новая техника гончарства, в связи с появлением к VI веку гончарного круга, означает ведь перерыв эволюционной постепенности развития таштыкской посуды. И поэтому не удивительно, что «кыргызские» сосуды, сделанные на гончарном круге, не похожи на своих таштыкских предшественников.

Обратимся к таблице II. Как она наглядно показывает, наибольшее количество типов сосудов падает на I этап, положивший начало всей эпохе. Из 28 типов таштыкской глиняной посуды 24 уже встречаются в погребениях I этапа. Из них 8 имеют явно местное происхождение и представляют собой все формы позднеатагарских сосудов. Это обстоятельство, как и многие другие факты, заставляет полагать, что культура таштыкской эпохи закладывалась на атагарской основе. Но кроме этого среди раннетааштыкской глиняной посуды имеются 16 новых типов сосудов. Если считать, что некоторые из этих форм появились в результате развития атагарской керамики, то все равно окажется достаточное количество типов чуждого происхождения, которые имеют аналоги в более ранних и синхронных формах Центральной Азии и ханьского Китая. К сожалению, огромные пространства сердца Азии, в особенности Северо-западная Монголия, почти совсем еще не изучены археологически. Однако то, что известно, пусть косвенно, но ясно уже сейчас указывает на центрально-азиатское происхождение части типов раннетааштыкских сосудов и не исключена возможность, что будущее археологическое обследование этих районов выявит там центры зарождения многих из форм сосудов, появившихся в раннетааштыкское время у населения среднего течения р. Енисея. Эти новые формы в таком большом количестве могли появиться здесь только вместе с людьми—творцами и распространителями их. Отсюда, уже на этом одном примере, мы должны с необходимостью сделать вывод о том, что наряду с местным атагарским населением в сложении мате-

риальной культуры таштыкской эпохи принимало активное участие какое-то новое пришедшее население.

Но вернемся к нашей таблице. Итак, в погребениях I этапа ни разу не встречены типы 12, 16, 21 и 25. Что касается 21 типа (четырехгранного), то, как мы уже показали выше, он существовал в позднеатагарской керамике и встречен в грунтовых погребениях I этапа. Остальные три типа появляются на II этапе эпохи и служат показателем того нового развития керамических форм, что дает этот последующий этап. Но гораздо важнее другое обстоятельство. На втором этапе уже совершенно исчезают и неизвестны позже такие характерные для I этапа типы сосудов, как 14, 15, 19, 26, 27, 28. Особенно характерными из них были типы 15 — бочонкообразный и 19 — сферический. Доказанность существования этих двух типов сосудов только на I, раннем этапе эпохи чрезвычайно важна, ибо они в этот период времени имели очень широкое распространение и известны, в частности, не только в склепах, но очень характерны для преобладающего большинства грунтовых могил. Это, как увидим в дальнейшем, заставит нас пересмотреть имеющиеся точки зрения по вопросу о датировке грунтовых могил и их хронологическом соотношении со склепами.

Итак, на II этапе эпохи появляются три новых типа сосудов и исчезают сразу 6 форм, характерных для предшествующего времени. На III этапе происходит новое сокращение. Уже совершенно не встречаются, и неизвестны позднее, еще 8 типов сосудов (4, 5, 17, 18, 20, 21, 24—25). Не встретились, правда, в погребениях III этапа и сосуды типов 12, 22 и 23, но наличие их как в предшествующее, так и в последующее время заставляет полагать, что они были и в этот период и будут открыты при раскопках новых склепов, относящихся к III этапу.

На IV этапе (погребения под каменными выкладками) из 28 типов остается только 9.

Итак, наиболее характерными для таштыкской эпохи формами сосудов будут следующие 8 их типов, просуществовавшие на всем ее протяжении: кубковидный I (2), бомбовидный (7), баночный I (8), баночный II (9), кувшины (10), бочонковидный I (13), подвесной I (22) и подвесной II (23). Тип 12 (горшковидный II) доживает до конца, но появляется он только на II этапе. По количеству типов, встречающихся на каждом этапе, распределение следующее: на I этапе — 24, на II — 22, на III — 14, на IV — 9.

Таково видоизменение типов таштыкских сосудов во времени. Как видим, оно подтвердило наличие четырех этапов поступательного развития материальной культуры таштыкского населения, которое впервые установлено на основе эволюции форм поясных пряжек. Эти доказательства дополняются анализом орнаментации сосудов и техники их изготовления.

ТАБЛИЦА II

№ п/п	ПОГРЕБЕНИЯ	ТИПЫ СОСУДОВ¹																												Кол-во сосудов установ- ленных форм	ЭТАПЫ
		1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11	12	13	14	15	16	17	18	19	20	21	22	23	24	25	26	27	28		
1	Изых, № 2	6	—	—	1	—	—	6	18	1	1	2	×	3	1	1	×	—	—	2	—	×	—	—	2	×	1	1	1	47	I
2	Уйбат I, № 5	6	3	1	—	—	—	6	14	—	—	—	×	—	—	—	×	—	—	—	—	×	—	—	2	×	—	—	—	31	
3	„ № 10	2	—	—	—	—	1	—	8	—	—	—	×	—	—	1	×	—	—	1	—	×	—	—	—	×	—	—	—	14	
4	„ з. к. № 1	1	—	—	—	—	—	—	6	—	—	—	×	—	—	—	×	—	—	—	—	×	—	—	—	×	—	—	—	10	
5	Уйбат II, № 1	8	1	—	—	—	—	2	27	1	—	—	×	2	1	—	×	—	—	1	4	×	—	—	—	×	—	—	—	52	
6	Кривая, ко № 3	—	—	—	—	2	—	1	3	—	—	1	×	2	—	—	×	—	—	—	—	×	—	—	—	×	—	—	1	10	
7	„ ко № 4	—	2	—	—	—	—	3	4	1	1	—	×	2	—	—	×	—	—	—	—	×	—	—	—	×	—	—	—	15	
8	Усть-Тесь, 1932, ко № 2	—	—	—	—	—	—	—	1	—	—	—	×	1	—	—	×	—	—	—	—	×	—	—	—	×	—	—	—	3	
9	Сыда, 1929, ко № 3	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	×	—	—	—	×	—	—	—	—	×	—	—	—	×	—	—	—	2	
10	Малый Камешек, 1895, № 5	—	—	—	—	—	—	—	1	—	—	—	×	1	—	—	×	—	—	—	—	×	—	1	—	×	—	—	—	5	
11	Лугавское 1939, № 1	—	—	—	—	—	—	—	1	1	—	—	×	1	—	—	×	—	—	—	—	×	—	—	—	×	—	—	—	4	
12	„ 1939, № 2	—	—	—	—	—	—	—	—	—	1	—	×	2	—	—	×	—	—	—	—	×	—	—	—	×	—	—	—	5	
13	Батени, Горькое озеро, № 14 («Оди- ночная»)	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	×	—	—	—	×	—	—	—	—	×	—	—	—	×	—	—	—	4	
14	Гагарское озеро 1885, № 6 (Е)	2	—	—	—	—	—	—	2	—	—	—	×	—	—	—	×	—	—	—	—	×	—	—	—	×	—	—	—	2	
15	Сыры, № 1	2	3	—	—	—	—	2	34	6	—	4	—	—	×	×	—	—	—	×	—	—	—	—	—	—	×	×	×	51	II
16	Уйбат I, № 1	5	—	—	—	—	—	2	11	1	—	—	—	2	×	×	—	—	—	×	—	—	—	—	—	—	×	×	×	22	
17	„ № 6	2	2	1	1	2	1	2	32	2	—	1	1	1	×	×	1	—	1	×	—	1	2	—	—	—	×	×	×	51	
18	„ № 7	4	—	—	—	—	1	2	5	2	1	—	—	1	×	×	—	—	—	×	—	—	—	—	—	—	×	×	×	17	
19	„ № 8	6	—	2	—	—	—	4	12	4	1	—	—	2	×	×	—	—	—	×	1	—	1	—	—	—	×	×	×	34	
20	„ № 11	3	—	—	—	—	2	4	7	2	—	2	—	2	×	×	—	—	—	×	—	—	—	—	1	1	×	×	×	24	
21	Кривая, ко № 1	1	—	—	—	—	—	—	10	—	—	3	—	1	×	×	—	—	—	×	—	—	—	—	—	—	×	×	×	16	
22	Усть-Тесь 1928, ко № 1	—	—	—	—	—	—	—	3	1	—	—	—	5	×	×	—	—	—	×	—	—	—	—	—	—	×	×	×	10	
23	Изых, № 1	4	—	1	×	×	—	—	20	4	—	5	—	—	×	×	1	×	×	×	×	×	—	—	×	×	×	×	×	35	III
24	Уйбат I, № 2	2	—	—	×	×	3	1	11	—	—	—	—	—	×	×	—	×	×	×	×	×	—	—	×	×	×	×	×	18	
25	„ № 3	1	—	—	×	×	—	—	2	—	—	—	—	—	×	×	—	×	×	×	×	×	—	—	×	×	×	×	×	3	
26	„ № 4	1	1	—	×	×	—	—	—	—	—	—	—	—	×	×	—	×	×	×	×	×	—	—	×	×	×	×	×	2	
27	„ № 9	—	—	—	×	×	—	—	5	1	—	—	—	—	×	×	—	×	×	×	×	×	—	—	×	×	×	×	×	7	
28	Джесос, 1894, № 5	—	—	—	×	×	—	—	1	—	1	—	—	—	×	×	—	×	×	×	×	×	—	—	×	×	×	×	×	2	
29	Быстрая, 1938, Большой курган	—	2	—	×	×	—	—	1	—	—	—	—	—	×	×	—	×	×	×	×	×	—	—	×	×	×	×	×	3	
30	Изых, каменная выкладка № 1	×	—	×	×	×	×	—	—	1	1	×	—	—	×	×	×	×	×	×	×	×	—	—	×	×	×	×	×	2	IV
31	„ „ „ № 2	×	—	×	×	×	×	—	1	—	—	×	—	—	×	×	×	×	×	×	×	×	—	—	×	×	×	×	×	1	
32	„ „ „ № 3	×	—	×	×	×	×	—	—	2	—	×	—	—	×	×	×	×	×	×	×	×	1	—	×	×	×	×	×	3	
33	„ „ „ № 4	×	—	×	×	×	×	—	—	1	—	×	—	—	×	×	×	×	×	×	×	×	—	—	×	×	×	×	×	2	
34	„ „ „ № 5	×	—	×	×	×	×	—	1	1	—	×	—	—	×	×	×	×	×	×	×	×	—	—	×	×	×	×	×	2	
35	„ „ „ № 7	×	—	×	×	×	×	1	—	—	—	×	—	—	×	×	×	×	×	×	×	×	—	—	×	×	×	×	×	1	
36	„ „ „ № 8	×	—	×	×	×	×	—	1	1	—	×	—	—	×	×	×	×	×	×	×	×	—	—	×	×	×	×	×	2	
37	„ „ „ № 9	×	—	×	×	×	×	1	1	—	—	×	—	—	×	×	×	×	×	×	×	×	—	—	×	×	×	×	×	2	
38	„ „ „ № 10	×	1	×	×	×	×	—	1	1	—	×	—	—	×	×	×	×	×	×	×	×	—	—	×	×	×	×	×	2	
39	„ „ „ № 11	×	—	×	×	×	×	—	1	1	—	×	—	—	×	×	×	×	×	×	×	×	1	1	×	×	×	×	×	3	
40	„ „ „ № 12	×	—	×	×	×	×	—	1	—	—	×	—	—	×	×	×	×	×	×	×	×	—	—	×	×	×	×	×	2	
41	„ „ „ № 14	×	—	×	×	×	×	1	—	—	—	×	1	—	×	×	×	×	×	×	×	×	—	—	×	×	×	×	×	2	
42	Уйбат II Герасимов, 1936, № 1	×	—	×	×	×	×	—	3	—	—	×	—	1	×	×	×	×	×	×	×	×	—	—	×	×	×	×	×	4	
43	„ „ „ № 2	×	—	×	×	×	×	—	—	1	—	×	—	—	×	×	×	×	×	×	×	×	—	—	×	×	×	×	×	2	
44	„ „ „ № 3	×	—	×	×	×	×	1	—	—	—	×	—	—	×	×	×	×	×	×	×	×	—	—	×	×	×	×	×	1	
45	„ „ „ № 4	×	—	×	×	×	×	—	3	—	—	×	—	—	×	×	×	×	×	×	×	×	—	—	×	×	×	×	×	3	
46	Малый Камешек, 1895, каменная вы- кладка «в 4,30 м к ЮЗ от к № 5»	×	—	×	×	×	×	—	—	—	—	×	1	—	×	×	×	×	×	×	×	×	—	—	×	×	×	×	×	1	
ИТОГО . . .		56	15	5	2	4	10	36	251	33	13	24	3	31	3	4	2	2	2	12	4	1	7	5	4	1	1	1	2	534	

¹ Знаки «X», составляющие колонки, означают, что соответствующий тип сосудов не встречен в памятниках данных этапов (аналогичные обозначения в таблице III)

КЕРАМИКА. ОРНАМЕНТЫ И ТЕХНИКА ИЗГОТОВЛЕНИЯ СОСУДОВ.

На основании изучения всех орнаментальных форм, украшающих таштыкские сосуды, при учете техники их нанесения, нами составлена таблица III, показывающая хронологическое распределение и видоизменение типов орнаментов¹. Согласно технике их нанесения таштыкские орнаменты распадаются на два больших отдела: I налепной и II углубленный, которые в свою очередь распадаются на подотделы. I «налепной» имеет 2 подотдела: а) валиковый и б) выпукло-налепной. II «углубленный» отдел включает в себе три подотдела: в) штампованный, г) тычковый и д) резной. Все пять подотделов охватывают в свою очередь двадцать три различных типа орнаментов.

а) Валиковый. Этот подотдел состоит из трех типов орнаментов.

1) Гладко-валиковый, появившийся еще на сосудах переходного предташтыкского этапа, главным образом на глиняных котлах. Он имитирует рельефные яги бронзовых котлов, которые послужили прототипом котловидных сосудов. К этому же типу отнесены редкие случаи неналепного валика, сделанного зажимом. Гладкие валики имеются на керамике гуинов и на сосудах из Тувы.

2) Веревочно-валиковый с налепным округлым валиком, по которому сделаны неглубокие косые насечки, придающие ему вид веревочки. В тагарскую эпоху этот тип орнамента на глиняных сосудах неизвестен (рис. 12—2, 7; 14—2; 16—1 и др.), но быть может он происходит от совершенно подобных веревочным валикам, украшавших бронзовые тагарские котлы на поддонах². Однако надо отметить, что в Центральной Азии веревочные валики украшали собой сосуды уже в эпоху плиточных могил³, а в Туве сосуды уюкского времени.

3) Рассеченно-валиковый. Валик этого типа всегда уплощенный, покрытый частыми насечками. Иногда же он рассечен до основания и каждый

отрезок его оформлен в виде пирамидок (рис. 14—4; 18—8).

б) Выпукло-налепной. Этот подотдел представляет собой самостоятельный тип и других в себя не включает. Так названы выпуклые (чаще конические) налепные шишечки, или сосочки, которые очень часто украшают собой боковые поверхности сосудов, следуя на некотором расстоянии друг за другом (рис. 11—4, 16—5, 17—1 и др.). Этот тип орнамента, как мы уже указывали, появился еще в тагарское время, а в таштыкское время он известен на сосудах из Тувы⁴. Сюда же отнесены налепы на венчиках сосудов, введенные самими таштыкскими гончарами⁵ (рис. 18—5, 6), сохранившиеся и на позднейших «кыргызских» сосудах⁶. Кроме того, включены также остроугольные налепы (их обычно 4 или 6 с разных сторон), имеющиеся на поддонах котловидных сосудов⁷. Эти налепы появились первоначально, очевидно, как имитация таких же «перехватов» поддонов бронзовых котлов. Они появляются на котловидных сосудах переходного предташтыкского этапа⁸ и сохраняются на поддонах некоторых глиняных котлов на I и II этапах таштыкского времени (рис. 12—3). Позднее их уже нет.

в) Штампованный. В этот подотдел входят 10 типов (4—13).

4) Полулунный, или подковообразный. Встречаются на сосудах I—III этапов, на IV этапе его уже нет. Нет и в предшествующее время (рис. 14—5; 19—1, 6 и др.).

5) Полулунно-зубчатый. Отличается от типа 4 тем, что вместо полной полулунной вдавленности имеется полулунная по форме, в которую вписаны несколько зубчатых (остроугольных) вдавлений (рис. 14—3). Этот орнамент встречен только на сосудах I этапа и позднее он неизвестен, так же как не было его и ранее на тагарской посуде.

¹ С. Туран, могила 26 (С. А. Теплоухов) — хран. в Гос. Эрмитаже, кол. 5128—21.

² Изыхский склеп № 2 — обломки бамбовидного сосуда и в склепе № 2 Уйбата 1 — обломки двух сосудов.

³ Сосудик с округлым чуть уплощенным дном и четырьмя налепами по венчику из «кыргызского» кургана № 15 лога Джесос (Адрианов, 1894, см. ОАК за 1894 г., стр. 110) — хран. в ГИМ, инв. № 34529; баночный сосуд из того же Джесоса — к. № 27 (ОАК за 1894 г., стр. 113). Этот сосуд имеет три налепа по венчику — хран. в ГИМ, инв. 34529. Имеется еще один баночный сосуд с двумя налепами по венчику из Капчальского могильника, раскопок В. П. Левашовой. См. ее книгу «Из далекого прошлого южной части Красноярского края», табл. XIV, рис. 1 (ошибочно напечатано 3).

⁴ 1 поддон из охлепа № 14 Горького озера у с. Батени (Теплоухов, 1924) с шестью такими «перехватами», скрепляющими поддон с чашей котла, хран. в Гос. Эрмитаже, кол. 4320—3. Второй поддон (обломок) из охлепа № 8 Уйбата 1 хран. в ГИМ, инв. № 79956.

⁵ Курган у с. Тесь (Аспелин, 1889) — см. СМЯ, XXIX, фиг. 3, рис. 10.

¹ Пояснения к таблице: цифры показывают количество сосудов с орнаментом данного типа, найденных в данном погребальном сооружении. Если же цифру сопровождает дробь с буквой в числителе и цифрой в знаменателе, то это означает, что на сосуде оказалось два (или больше) разных типа орнаментов. При этом дробь показывает, какой второй тип орнамента, и числитель определяет подотдел, а знаменатель — новый тип. Например, Кривая ко № 3 — в графе типа 2 (веревочно-валикового) значится 1 в/10, т. е. в этом охлепе встречен сосуд с налепным веревочным валиком и штампованным (в) четырехугольным (10) орнаментом 10 типа. Если перед дробью стоит цифра 2 или 3, то это означает, что в данном охлепе оказалось 2 или 3 сосуда с одинаковыми орнаментами двух типов. Если же после цифры стоят две дроби, то это указывает на три типа орнаментов одного и того же сосуда. При этом такого рода случаи отмечаются только один раз.

² Например, котел, найденный у с. Сабинского: ОАК за 1890 г. СПб., 1893, стр. 114, рис. 63.

³ ТОИПК, т. I. Л., 1941, стр. 299, рис. 12 и стр. 302, рис. 14, 5, 6.

6) Скобочный. Действительно напоминает формой графическую скобку или же оттиск полудунного штампа, но поставленный вертикально, а не горизонтально. Этот орнамент распространен на

и напоминает циркульный, известный на костяных и металлических изделиях. Распространен на I—III этапах. В переходное предташтыкское время также известен¹.

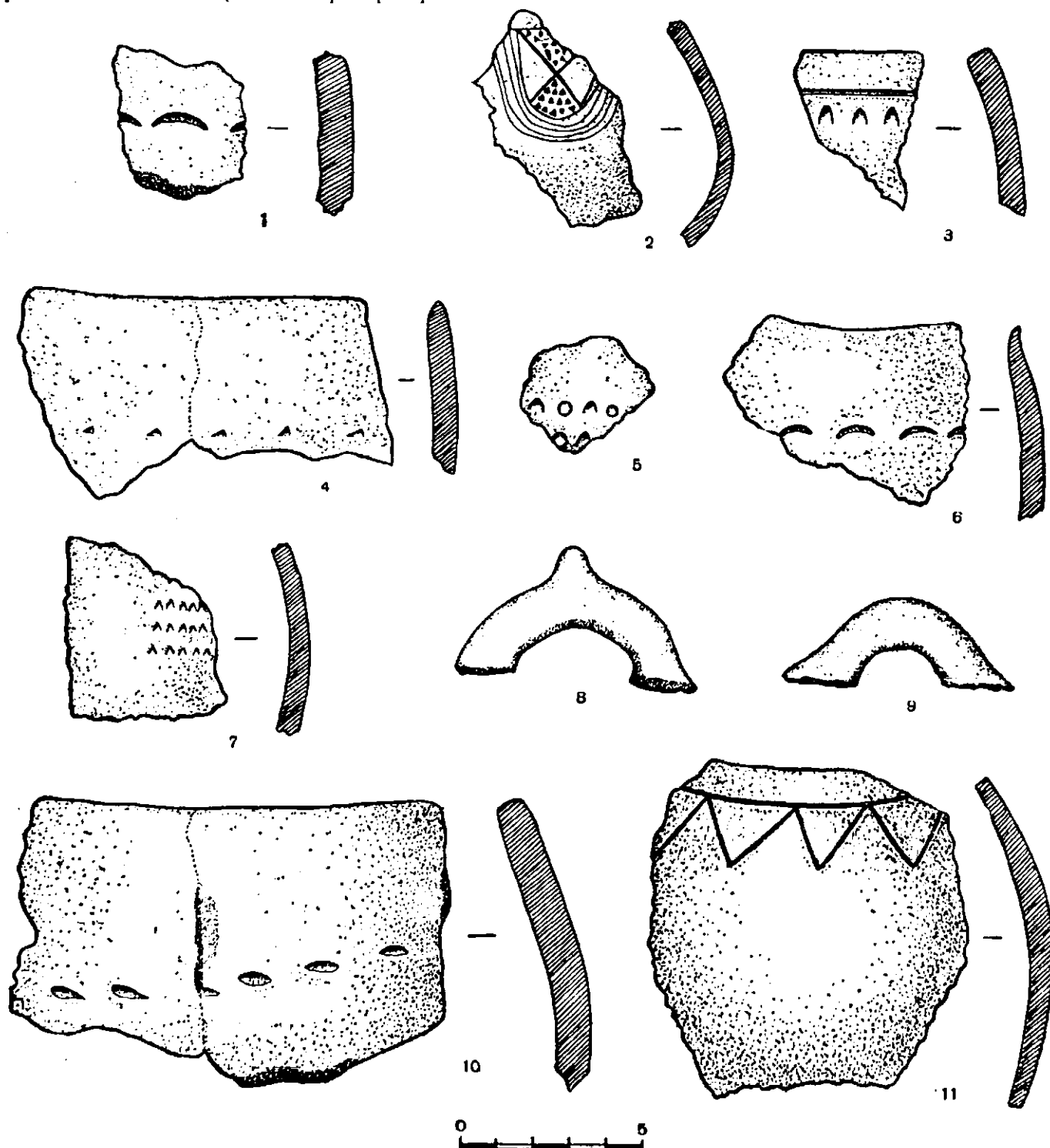

Рис. 19. Керамика Сырогого (II) этапа: 1—11 — обломки сосудов из склепа № 1 Сырогого чаа-таса, 8, 9 — ручки котловидных сосудов

всем протяжении эпохи, а ранее он неизвестен (рис. 11—2, 3; 14—6; 16—5).

7) Крестовый. Узор выдавлен полой трубкой

8) Треугольный. Узор из оттисков треугольного штампа, распространен на сосудах I—III этапов, но

¹ SMYA, XXIX, фиг. 3, рис. 4, 11, 15.

ТИПЫ ОРНАМЕНТОВ СОСУДОВ

№ п/п		Погребения	II углубленный																				Этапы				
			а) валиковый			б) выпукло наливной	в) штампованный										г) тыч ковый				д) резной						
			1	2	3		1	5	6	7	8	9	10	11	12	13	14	15	16	17	18	19		20	21	22	
1	Изых, № 2	1	1	$3,1 \frac{a}{10}$	$2,2 \frac{a}{20}, 1 \frac{b}{6}, 1 \frac{1}{14}$	1	1	3	2	2	1	$3,1 \frac{r}{14}$	3	1	—	6	1	$2 \frac{r}{14}, 1 \frac{a}{9}$	2	—	(см 6)	—	1/6	I			
2	Уйбат I, № 5	4	1	1	2	1	—	—	—	—	2	1	1	$1 \frac{a}{18}$	1	3	2	1	5	—	2	—	—				
3	» № 10	1	—	—	—	1	—	1	1	—	—	—	—	—	—	2	1	—	$1 \frac{r}{14}, 1$	1	—	1,1/6	—				
4	» э. к № 1	$1 \frac{a}{19}$	—	—	—	1	—	—	—	—	—	—	—	—	—	2	1	—	1	$1 \frac{r}{16}$	—	—	—				
5	Уйбат II, № 1	1	—	—	4	2	—	—	—	1	—	2	1	—	—	1	4	—	6	—	3	1/6	—				
6	Кривая, ко № 3	1	$1 \frac{b}{10}$	—	—	1	—	—	1	1	—	—	2	—	—	1	—	—	$1 \frac{b}{8}$	—	—	—	—				
7	» ко № 4	1	$3,2 \frac{r}{14}$	—	$1 \frac{b}{8}$	1	1	—	—	1	—	1	2	—	—	1	1	—	$1 \frac{r}{14}$	—	—	—	—				
8	Усть-Тесь, 1932, ко № 2	—	2	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	1	—	—	—	—	—	—	—				
9	Сыда, 1919, ко № 3	—	1/6	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	$1 \frac{a}{18}, \frac{r}{16}$	—	—	—	—				
10	Малый Кам шек, 1895, № 5	—	$1 \frac{b}{9}, 1 \frac{b}{8}, \frac{r}{16}$	—	—	—	—	—	—	—	1	—	—	—	—	—	—	—	$1 \frac{r}{16}$	—	—	—	—				
11	Лугавское, 1939, № 1	—	2/6	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	1	—	—	—	—	—	—				
12	» № 2	—	$1/6 \frac{a}{20}, 3$	—	—	—	—	2	—	—	1	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—				
13	Батени, Горькое озеро, № 14 («Одиночная»)	1	—	—	1	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—				
14	Тагарское озеро, 1883, № 6 (Е)	—	$1/6 \frac{a}{20}$	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—				
15	Сыры, № 1	—	—	—	—	7	×	—	$1 \frac{1}{14}$	1	—	2	2	—	$1 \frac{a}{18}$	18	3	1	1	$5,1 \frac{r}{14}, 1 \frac{b}{8}, \frac{a}{17}$	×	—	×	—			
16	Уйбат I, № 1	3	1	$1 \frac{a}{21}$	—	1	×	—	—	$1 \frac{r}{14}, 1$	—	1	—	—	—	5	1	—	$1,1 \frac{r}{14}$	3	×	1	×	1			
17	» № 6	2	—	—	—	—	×	—	—	$1 \frac{r}{14}$	—	—	—	—	—	25	—	—	—	5	×	1	×	—			
18	» № 7	2	1	1	—	—	×	—	—	—	2	—	—	—	—	2	2	1	—	2	×	—	×	—			
19	» № 8	3	2	2	1	$2,1 \frac{r}{14}$	×	—	2	1	—	—	$1,1 \frac{a}{18}$	—	—	7	—	—	6	×	1	×	×	1			
20	» № 11	—	—	—	$1 \frac{b}{9}, 1 \frac{r}{16}, 1 \frac{r}{14}, 2$	$2,1 \frac{a}{18}$	×	—	—	—	—	$1,1 \frac{b}{9}$	—	—	—	5	1	1	1	9	×	—	×	—			
21	Кривая, ко № 1	—	1	—	—	2	×	—	—	—	$1 \frac{r}{14}$	—	1	—	—	1	—	—	—	×	—	×	—				
22	Усть-Тесь, 1928, ко № 1	—	2	—	—	—	×	—	—	—	—	—	1	—	—	2	—	—	$1 \frac{b}{8}, 1 \frac{b}{8}, \frac{a}{10}$	—	×	—	×	—			
23	Изых, № 1	—	—	—	—	2	×	1	1	2	—	×	—	—	—	5	—	—	—	2	×	—	×	×			
24	Уйбат I, № 2	2	—	—	2	1	×	—	—	—	1	×	—	—	—	6	1	—	3	×	—	×	×	×			
25	» № 3	1	—	—	—	—	×	—	—	—	—	×	—	—	—	—	—	—	—	×	—	×	×	×			
26	» № 4	—	—	—	—	—	×	—	—	—	—	×	—	—	—	—	—	—	—	×	—	×	×	×			
27	» № 9	1	—	$1 \frac{r}{14}$	—	1	×	—	1	—	—	×	—	—	1	1	—	—	—	×	—	×	×	×			
28	Джесос, 1894, № 5	—	1	—	—	—	—	—	—	—	—	×	—	—	—	—	—	—	—	×	—	×	×	×			
29	Быстрая, 1938, Большой курган	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	×	—	—	—	1	—	—	—	—	×	—	×	×			
30	Изых, каменная выкладка № 1	×	—	—	—	×	×	—	×	×	—	×	—	×	—	1	1	×	—	—	×	—	×	×			
31	» » » № 2	×	—	—	—	×	×	—	×	×	—	×	—	×	—	1	1	×	—	—	×	—	×	×			
32	» » » № 3	×	—	—	—	×	×	2	×	×	—	×	—	×	—	1	1	×	—	—	×	—	×	×			
33	» » » № 4	×	—	—	—	×	×	1	×	×	—	×	—	×	—	1	1	×	—	—	×	—	×	×			
34	» » » № 5	×	—	—	—	×	×	—	×	×	—	×	1	×	—	1	1	×	—	—	×	—	×	×			
35	» » » № 7	×	—	—	$1 \frac{r}{14}$	×	×	—	×	×	—	×	—	×	—	—	—	×	—	—	×	—	×	×			
36	» » » № 8	×	—	—	—	×	×	1	×	×	—	×	1	×	—	—	—	×	—	—	×	—	×	×			
37	» » » № 9	×	—	—	$1 \frac{r}{14}$	×	×	—	×	×	—	×	—	×	—	—	1	×	—	—	×	—	×	×			
38	» » » № 10	×	1	—	—	×	×	—	×	×	—	×	—	×	—	—	—	×	—	—	×	—	×	×			
39	» » » № 11	×	—	—	$1 \frac{b}{12}$	×	×	—	×	×	—	×	—	×	—	1	—	×	—	—	×	1	×	×			
40	» » » № 12	×	—	$1 \frac{b}{12}$	—	×	×	—	×	×	—	×	—	×	—	1	—	×	—	—	×	—	×	×			
41	» » » № 14	×	—	—	$1 \frac{a}{21}$	×	×	—	×	×	—	×	—	×	—	—	—	×	1	—	×	—	×	×			
42	Уйбат II, Герасимов, 1936, № 1	×	—	—	—	×	×	—	×	×	—	×	—	×	—	—	—	$1 \frac{r}{14}$	—	—	×	—	×	×			
43	» » » № 2	×	—	—	—	×	×	—	×	×	—	×	—	×	—	1	—	×	—	—	×	—	×	×			
44	» » » № 3	×	—	—	—	×	×	—	×	×	—	$1 \frac{b}{11}$	×	—	—	—	—	×	—	—	×	—	×	×			
45	» » » № 4	×	—	—	—	×	×	—	×	×	—	×	—	×	—	1	—	×	—	—	×	—	×	×			
46	Малый Камешек, 1895, к. в. в 430 м к ЮЗ от к. № 5	×	—	—	—	×	×	—	×	×	1	×	—	×	—	—	—	×	—	—	×	—	×	×			

его же мы находим еще на тагарских сосудах¹.

9) Круглоямочный. Известен на всем протяжении таштыкской эпохи (рис. 11—7; 12—2; 16—3 и др.). Появляется в тагарское время². Имеется и на сосудах из Тувы, происходящих из погребений синхронных таштыкским³.

12) Ромбический. Ромбические оттиски — очень редкий орнамент, но обнаружен на сосудах, относящихся почти ко всем этапам таштыкской эпохи, за исключением II, где он также, вероятно, существовал (рис. 18—2). На сосудах IV этапа он встречается лишь в соединении с другим типом (рис. 60—1). Известен он и на тагарских сосудах⁴.

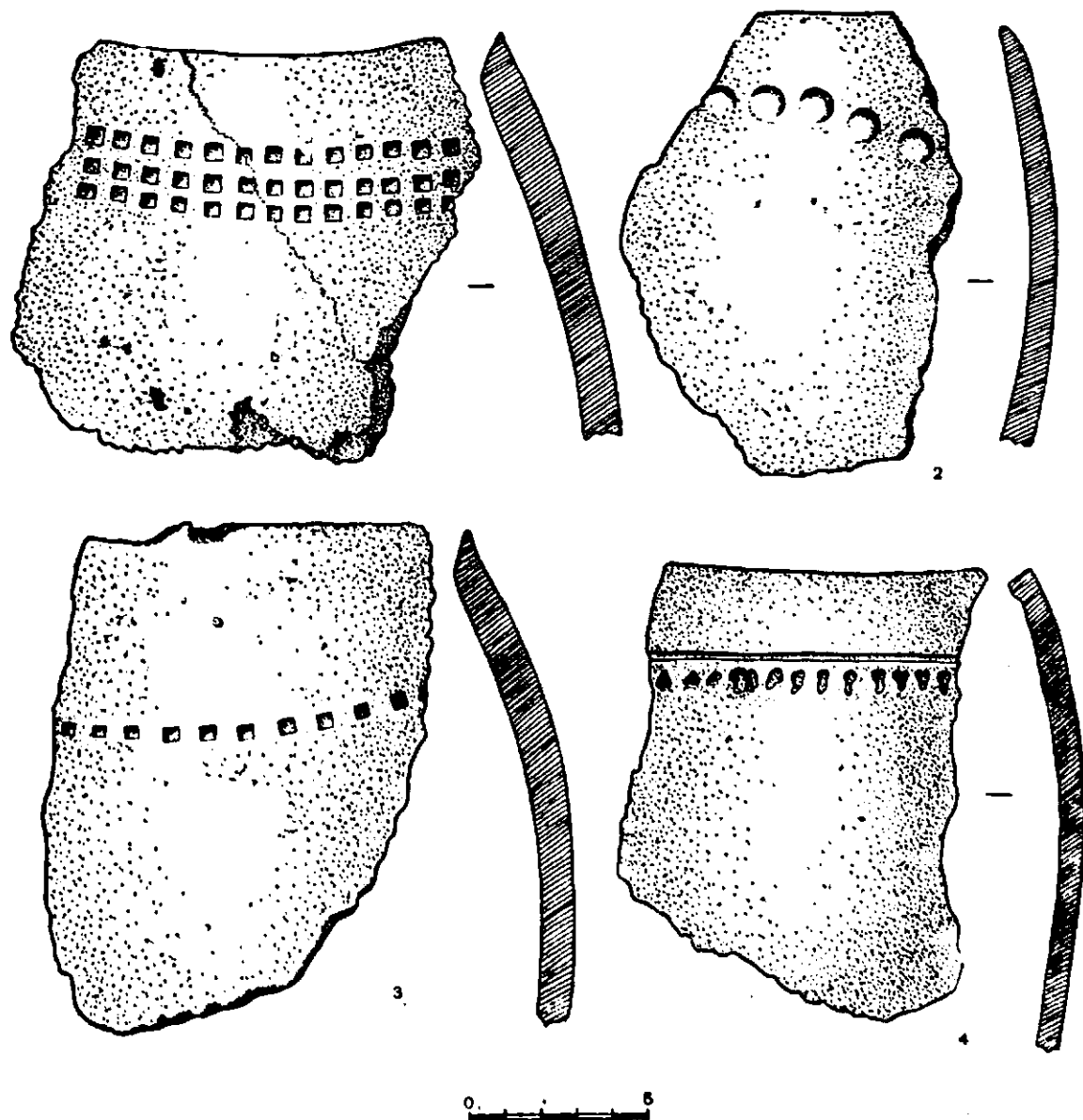

Рис. 20. Керамика Сырского (II) этапа: 1—4 — из склепа № 1 Сырского чаа-таса

10) Четырехугольный. Встречается лишь на сосудах I и II этапов (рис. 14—1, 4 и 20—1, 3).

11) Овально-ямочный — I и II этапы (рис. 11—6; 16—6; 18—9; 19—10 и др.).

¹ ДИЮС, табл. XXVII, рис. 18 и сосуд из к. № 5, погребение 11, с. Сыда (Киселев, 1929) — хран. в Минусинском музее, инв. 11633.

² ДИЮС, табл. XXVII, рис. 33.

³ Джерджарик, правый берег р. Кемчик, к. № 52 (С. А. Теплоухов — хран. в Гос. Эрмитаже, кол. 4576—19).

13) Фигурный. Вдавляниями этого штампа украшены сосуды и ранних и поздних этапов (рис. 16—2; 20—4; 58—2). Не найден пока лишь на сосудах III этапа, но, конечно, он применялся и в то время. В тагарскую эпоху не встречался. Сюда же отнесен единственный случай орнамента, нанесенный штампом, напоминающим знак вопроса. Он оказался на сосуде IV этапа (рис. 59—6).

⁴ ДИЮС, табл. XXVII, рис. 17.

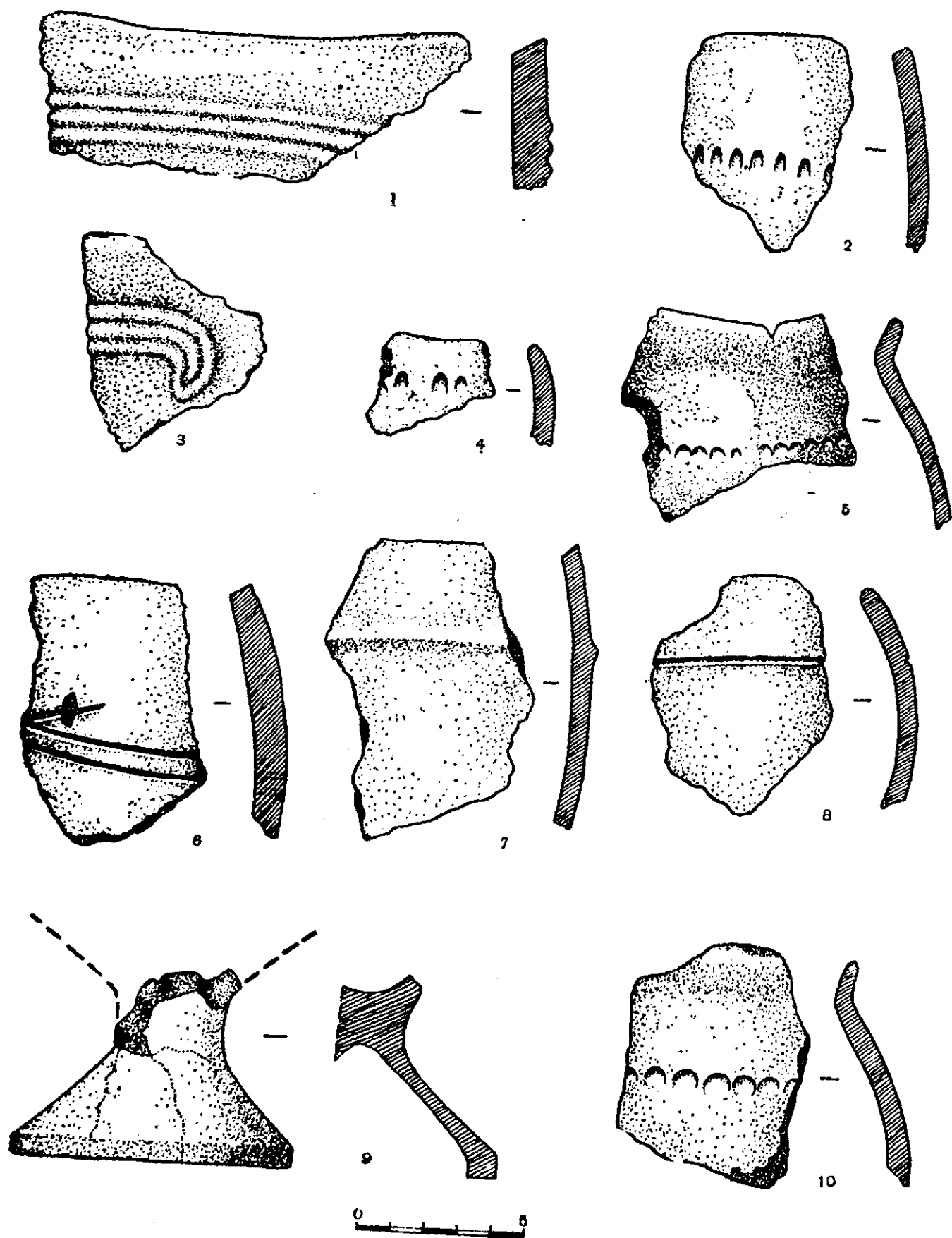

Рис. 21. Керамика Сырского (II) этапа: 1—10 — из склепа № 1 Сырского чаа-таса

г) Тычковый. Этот подотдел составляют типы орнаментов, объединенные единством особой техники нанесения на сосуд. Техника эта от штампованной отличается тем, что если там орнамент на сырую глину накладывался «печатанием», получением оттисков штампа определенной четкой формы, то здесь он наносился тычком. Рассмотрим это на примерах трех типов орнаментов, входящих в этот подотдел.

14) Остроугольный. Наносился остроугольно заточенной палочкой-тычком снизу вверх так, что на глине оставались оттиски очень характерного вида — углубленные углы, сходящие книзу на нет (рис. 17—2, 3, 5; 19—3, 4, 5, 7; 21—2, 4).

Этот тип орнамента самый распространенный в таштыкское время. Он встречается на всем протяжении эпохи и украшает, в одиночку и в сочетаниях с другими орнаментальными типами, самые разнообразные по форме сосуды. Это, так сказать, «типично таштыкский» орнамент, образующий обычно от одного до трех поясков, идущих по венчику сосуда или же сплетающийся в причудливые гирлянды (рис. 11—8). Он же иногда до половины покрывает сосуды сплошным орнаментальным полем. В тагарскую эпоху еще неизвестен. Встречается уже на сосудах наиболее ранних грунтовых погребений, относимых С. В. Киселевым к предташтыкскому времени¹. Отметим, что ко времени II в. н. э. этот остроугольный орнамент появляется неожиданно на сосудах из погребений района Верхней Оби (Одинцовский этап)², где найдены также таштыкские вещи. Причины последнего факта будут нами разъяснены ниже.

Не менее важен и другой факт, что в «ранне-кыргызское» время продолжали существовать типичные для позднеташтыкских по форме баночные с отогнутым венчиком, еще лошенные сосуды, украшенные остроугольно-тычковым орнаментом, оформленным в таштыкской «лопастной» композиции³. Это пока единственный случай полного воспроизведения и формы сосуда и орнамента предшествующей эпохи — прекрасный пример для доказательства генетического происхождения культуры VI—X вв. от таштыкской, к сожалению, до сих пор почему-то не привлекавшийся авторами, исследовавшими данную тему.

15) Прямоугольный. Тычок снизу вверх производился на этот раз палочкой с прямоугольным заострением конца так, что в глине оказывались затем прямоугольные вдавления, углубленные только в верхнем конце, книзу сходящие на нет (рис. 18—7; 22—2).

Такой орнамент также существовал на протяжении всей эпохи, но не ранее.

16) Точечный. Наносился тычками тонкого конусовидного острия. Он исчезает совсем к IV этапу.

д) Резной. Подотдел включает в себя шесть типов орнаментики таштыкских сосудов, объединенных резной техникой нанесения, которая имела место и в тагарское время⁴.

17) Треугольно-фестоновый. Орнамент в виде свисающих вниз треугольных фестонов, иногда заключающих в себе другие вписанные друг в друга резные треугольники или же составляющий пояс из треугольников, расположенных вершинами вверх и вниз, вплотную один возле другого (рис. 16—2, 3; 18—13; 19—2, 11).

Такой орнамент существует на всем протяжении эпохи и известен на сосудах из погребений переходного тагарско-таштыкского этапа, в частности на одном происходящем из Большого кургана Уйбатского чаа-таса, раскопанного Д. А. Клеменцом в 1889—1890 гг. (рис. 15—1)⁵, интересного сочетанием резного (точнее «выдавленного») орнамента, в виде остроугольных фестонов с дугами гладкого налепного валика.

18) Линейный. Тип этот общезвестен, поэтому отметим только, что на таштыкских сосудах он чаще всего образует горизонтальные пояски вокруг горла или же по боку сосуда (рис. 16—4; 18—10; 21—6, 8; 22—5, 9; 23—1). Известен с предташтыкского времени⁶ и существует на всем протяжении таштыкской эпохи.

19) Спиральный. Очень редкий вид орнамента. Характерен только для I этапа. Это спирали, подвешенные к горизонтальным линейным пояскам, охватывающим горло сферического сосуда. В тагарское время не существовал (табл. IV—43), но совершенно подобные подвесные спирали известны на сосудах из Тувы, относящихся к таштыкскому времени⁷ и уюкской культуре.

20) Штриховой. Известен на протяжении всей эпохи. Имеет вид коротких нарезок, образующих пояски вокруг горла и бока главным образом бомбовидных сосудов (рис. 11—4; 17—1 и др.).

21) Арочный. В этот тип отнесены орнаменты в виде нанесенных резьбой заключенных одна в другую трех арок, охватывающих обычно круглые налепы, иногда с ямочкой посредине⁸. Арочный орнамент известен только на сосудах I этапа и позднее не встречается (рис. 13—5, 6, 7). Неизвестен он и в предшествующее время, зато это излюбленный тип орнаментации сосудов из погребений шурмакской культуры Тувы (рис. 13—3, 4)⁹.

22) Сетчатый — последний тип орнаментов

¹ ДИЮС, табл. XXVII, рис. 15, 16 и др.

² ГИМ, хран. 85/326.

³ СМУА, XXIX, фиг. 3, рис. 2 и 8.

⁴ С. Туран, могила № 30 (С. А. Теплоухов) — хран. в Гос. Эрмитаже, кол. 5128—26.

⁵ Точно такой же орнамент имеет один баночный сосуд, происходящий из грунтовой могилы № 5 Уйбата I — ГИМ, № 3808.

⁶ Гос. Эрмитаж из раскопок С. А. Теплоухова, например, кол. 5128—18 и 4729—70.

¹ ДИЮС, стр. 284 — см. сосуды из могилы «А», хранящиеся в ГИМ, инв. 79956, № 3012.

² М. П. Грязнов. Археологическое исследование территории одного древнего поселка. КСИИМК, вып. 40, рис. 30, 100 и 102.

³ ОАК за 1894 г. СПб., 1896, стр. 114, рис. 188 (Адрианов, 1894, Джесос, курган 7а).

таштыкской посуды. Известен он на сосудах только I и II этапов. Раньше и позже не существовал. Обычно это неширокий пояс из двух линий, пространство между которыми покрыто сеткой из линий, пересекающихся друг друга крестом, образуя правильный ромбический узор. В склепе № 2 Изых-

ского чаа-таса найден оригинальный сферический сосуд, по плечу которого вокруг горла был очерчен круг. Пространство между кругом и горлом сосуда оказалось сплошь покрытым сетчато-ромбическим узором (рис. 11—1).

Такой сетчатый узор на керамике широко из-

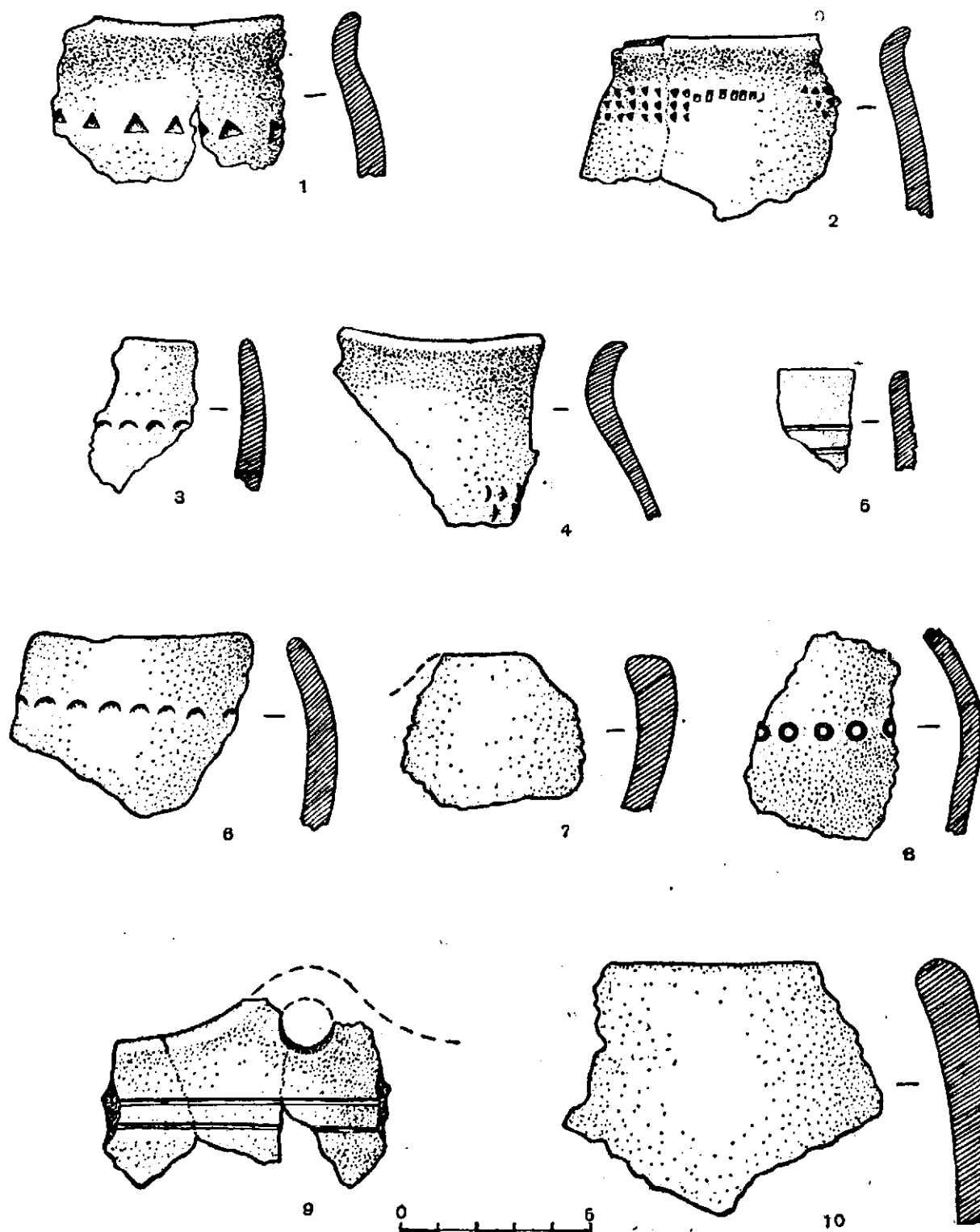

Рис. 22. Керамика Уйбатокского (III) этапа: 1—10 — обломки сосудов из склепа № 1 Изыхского чаа-таса

вестен в Центральной Азии около рубежа н. э.¹. Распространен он и на китайских сосудах ханьского

времени². И, наконец, совершенно аналогичный ромбический поясной орнамент имеют «гуннские» со-

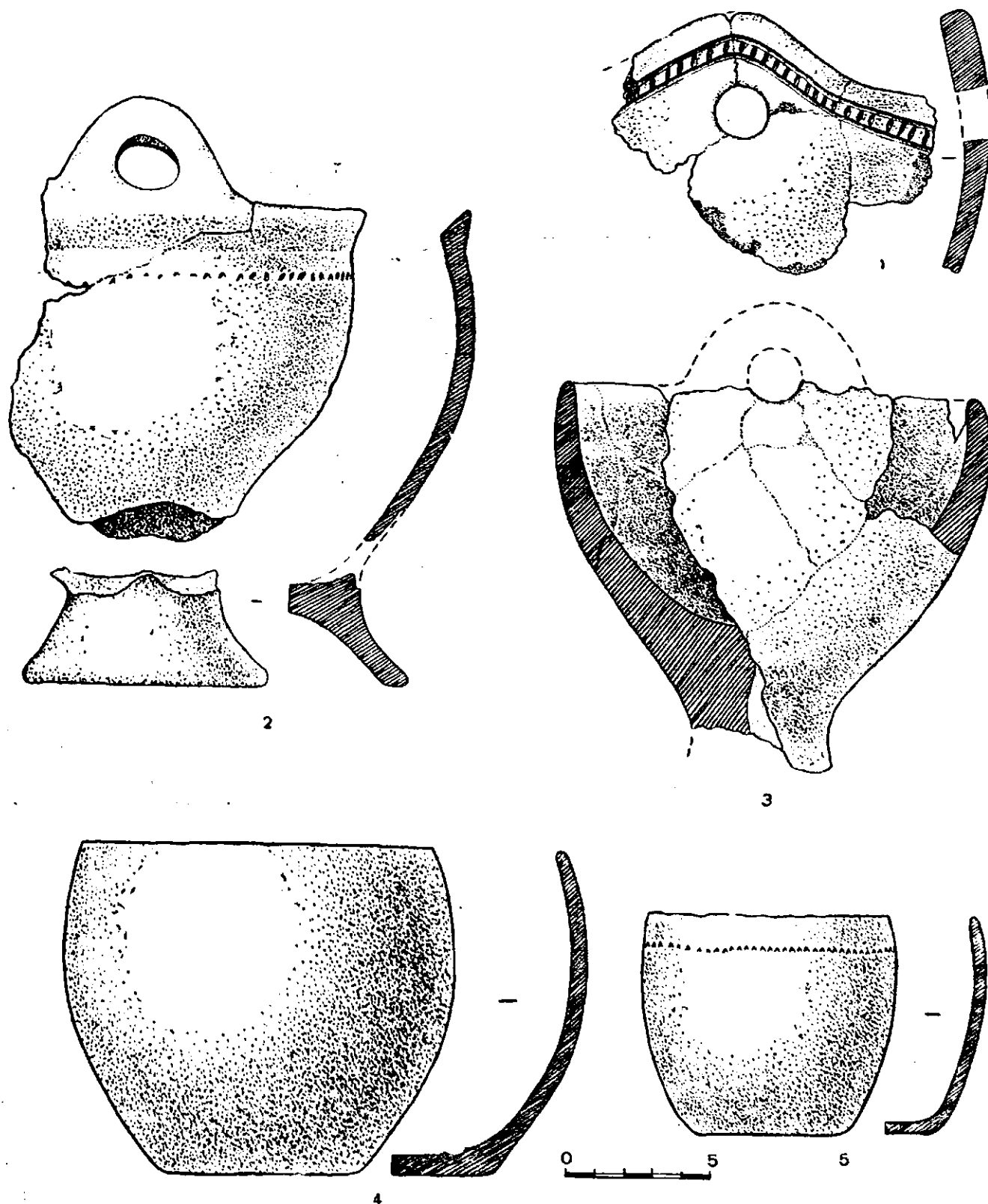

Рис. 23. Сосуды Уйбатского (III) этапа: 1—5 — из охлепа № 1 Изыхожского чаа-тася

¹ A. Stein. Serindia. Detailed Report of explorations in Central Asia and westernmost China, v. IV, Oxford, 1921 pl. XXXVI.

² Mu-Yang-Ch'eng. Han and pre-Han sites at the Foot of Mount Lao-T'ieh in South Manchuria. Archaeologia Orientalis, v. II, Tokyo-Kyoto, 1931, pl. XXIII, figs. 3-6.

суды, найденные в землянках Нижне-Иволгинского городища у г. Улан-Удэ¹.

На этом мы закончим описание типов орнаментов, но надо указать также еще один редкий тип — расписной. Нам известны два случая нанесения узоров краской. Во-первых, маленький бочонковидный, желтый, нелощеный сосудик с темно-коричневыми узкими фестонами, спускающимися от горла до нижней трети высоты². Во-вторых, нами в верхних слоях засыпки погребальной ямы каменной выкладки № 1 Изыхского чаа-таса обнаружен обломок бока таштыкского сосуда, поверхность которого с обеих сторон (наружной и внутренней) была покрыта коричневой краской.

* * *

Как показывает таблица III, общая тенденция хронологического развития таштыкских орнаментов на сосудах целиком совпадает с закономерностями хронологических изменений, выявленных нами при изучении форм самих сосудов (ср. табл. II). Как и там, на I этапе представлены все известные типы орнаментов, а затем, этап за этапом, количество их все сокращается и особенно резкое сокращение падает на вторую половину эпохи.

I этапу свойственны все двадцать три типа, на II их остается 20³, на III—18⁴ и на IV—только 12 типов, т. е. около половины первоначального количества.

Совпадение тенденции сокращения типов форм сосудов и типов украшающих их орнаментов — явно не случайно.

Появление огромного количества керамических форм, сопровождаемых большим разнообразием типов орнаментики, на самом рубеже сложения материальной культуры таштыкской эпохи, в сравнении с незначительными количествами того и другого в предшествующее тагарское время, может объясняться, на наш взгляд, не стадийным «взрывом» и «трансформацией» в духе учения Н. Я. Марра, а искусственным привнесением многих форм и свойственных им орнаментальных типов извне. Очевидно, к этому времени наблюдается приток большого количества какого-то нового населения, которое принесло с собой свои формы сосудов, свою манеру и технику их орнаментации. Важно, что типы орнаментов выявляют и тагарские и центральноазиатские связи. Включив в свое число значительное количество аборигенного тагарского населения, часть которого в результате сильнейшего вытеснения была

вынуждена бежать из степей на лесной север⁵, новые поселенцы Хакасско-Минусинской котловины положили начало новой таштыкской эпохе ее истории. Дальнейший процесс развития, сопровождаемый уходом части населения на запад (об этом ниже), шел по линии выработки устойчивых типичных для таштыкской эпохи форм материальной культуры. Это проявляется в резком сокращении на II этапе, и особенно позднее, форм глиняной посуды и типов украшающих ее орнаментов.

Вернемся к таблице III. Как видим, уже ко II этапу целиком исчезли типы 5 (полулунно-зубчатый), 19 (спиральный) и 21 (арочный). Это очень важный факт для датировки грунтовых погребений, так как все три указанных типа орнаментов особенно характерны для сосудов, найденных в грунтовых. На III этапе исчезают еще два типа: 10 (четыреугольный штампованный) и 22 (сетчато-нарезной). На сосудах IV этапа совершенно уже не встречаются еще шесть типов: 1 (гладко-валиковый), 4 (полулунный), 7 (кружковый), 8 (треугольный), 12 (ромбический), 16 (точечный). Остается на IV этапе 12 орнаментальных типов, переживших всю эпоху. Это типы: веревочно-валиковый (2), рассечено-валиковый (3), выпукло-налепной (6), скобчатый штампованный (6), круглоямочный (9), овальноямочный (11), фигурный (13), остроугольный тычковый (14), прямоугольный тычковый (15), треугольно-фестоновый нарезной (17), линейный (18) и штриховой (20).

Таким образом типологическое и хронологическое изучение орнаментов таштыкских сосудов подтверждает наличие четырех этапов развития материальной культуры исследуемой эпохи.

Остается сказать несколько слов о технике изготовления сосудов. Таштыкская керамика довольно грубо изготовлена. В большинстве случаев тесто глины неоднородно и плохо промешано, хотя встречаются сосуды, изготовленные почти из амфорной глины. Обломки сосудов обычно слоятся или рассыпаются. Состав примесей различен для разных мест; так, например, сосуды из таштыкских погребений Изыхского чаа-таса отличаются примесью большого количества кварцевого песка и слюды, а сосуды из склепов Уйбатского чаа-таса — горного серого графика (дресвы). Но примесь песка, и довольно крупного, есть характерная особенность большинства сосудов, откуда бы они ни происходили. Больше количество песка обычно оказывается в дне. В стенках сосудов песка меньше и он мельче. Техника изготовления сосудов — ленточная спиральная, причем лента довольно узкая. Это доказывают как случаи отслаивания отдельных кусков ленты, так и ясно

¹ Г. П. Сосновский. Нижне-Иволгинское городище. ПИДО, № 7—8, 1934, стр. 154, рис. 4.

² Склеп № 11 Уйбата I — хран. в ГИМ, инв. 79956, № 10633.

³ Не встречены, правда, еще и типы 6 и 12, но они есть на следующем, III этапе.

⁴ Типы 11, 13, 15, 17, 20 на ныне известных сосудах из погребений III этапа также не обнаружены, но то, что на IV этапе все они имеются, заставляет допускать их наличие и на сосудах III этапа, пока не обнаруженных.

⁵ Так мы понимаем появление типично позднетагарских «северных» курганных погребений с традиционным инвентарем в районе Красноярск — Мариинск и последующее их исчезновение. Только сильные враги и угроза уничтожения могли загнать в леса часть тагарских земледельцев и охотников. См. карту распространения северных позднетагарских курганов, в сравнении с областью их южного предшествующего расселения, составленную Г. Мерхардтом G. v. Merhards. Bronzezeit am J-nissei. Wien 1926, tafel I.

различные черты спайки на внутренней поверхности сосудов¹. Многие части формовались отдельно и затем прилеплялись (валики, налепы, ушки, ручки и поддоны котлов, поддоны кубков, носики кувшинов, высокие шейки бомбовидных сосудов и т. д.).

После формовки тулова сосуда ленточным способом, вся поверхность его более или менее тщательно пробивалась деревянной плоской лопаточкой снаружи, а внутри, очевидно, гончар передвигал вслед за лопаточкой камень². Таким образом достигалось выравнивание стенок сосуда и спайки лент. Следы лопаточки заметны на многих сосудах. После такого разравнивания внутреннюю и внешнюю поверхность сосуда смачивали водой и заглаживали. Заглаживание, судя по отпечаткам, производилось комком травы, или же, изредка, острым ребром той же лопаточки. Обычно обе поверхности сглаживались поперек высоты сосуда. Реже внешняя поверхность его заглаживалась наискось. Затем большая часть сосудов орнаментировалась, подсушивалась и обжигалась открытым способом, очевидно, на костре, так как обжиг очень неравномерен, отчего многие таштыкские сосуды имеют пятнистую поверхность. Обжигалась посуда при этом плохо. Поэтому цвет глины в изломе в большинстве своем черный или серый и лишь изредка желтый. Очень часто излом сосуда имеет как бы два слоя: наружный — серый и внутренний — черный, реже, соответственно бурый (до красного) и серый. После обжига готовая посуда поступала в обиход. Однако не всегда ограничивались только этими процессами. Некоторую часть сосудов, после просушки, подвергали лошению, которое применялось на всем протяжении эпохи. Залащивались сосуды всегда сверху вниз, редко — поперек. Лошिल्ки были узкими, так как на поверхности сосудов оставались узкие полосы. Видимо, лошили ребром речных галек. На всех этапах эпохи известны и хорошо лощенные и слабо-лощенные сосуды, но лучше всего и по совершенству форм, и по технике изготовления, и по лошению сосуда последнего, IV этапа. В этой связи небезынтересна следующая статистика (без керамики грунтовых могил):

Этапы	Лощенные сосуды	Нелощенные (заглаженные) сосуды
I	8%	92%
II	12%	88%
III	59%	41%
IV	90%	10%

Как видим, количество лощенных сосудов резко возрастает во второй половине эпохи, что не может не связываться с такими же резкими изменениями, происшедшими в то же время с формами сосудов и их орнаментацией, в чем мы убедились уже выше при изучении таблиц II и III.

Дополним приведенные факты и вытекающие из них выводы еще некоторыми данными о формовке сосудов. Как уже говорилось, формовка сосудов производилась вручную, очевидно, и на руках и на какой-то подставке. Поэтому многие сосуды сформованы плохо. Часто они косые — один бок выше, другой ниже, или же один бок выдается более другого и т. д. Плоские донца формовались, очевидно, на плоской твердой подставке, возможно доске, и затем также заглаживались травой. В одном случае дно одного из баночных сосудов даже сплошь орнаментировано тычковым узором³. И лишь впервые на сосудах IV этапа появляется одна особенность. Посредине дна некоторых из них оказались подквадратные вмятины⁴. Изредка эти вмятины имеют следы позднейшего сглаживания, отчего, быть может, далеко не на всех сосудах подобные вмятины сохранились. Несомненно, мы имеем здесь дело уже с появлением специальных деревянных подставок с шипом, на котором крепился формируемый глиняный сосуд. И если это сопоставить с доказанным уже фактом появления в следующую эпоху, во всяком случае к VI в., гончарного круга, то следует признать, что в конце таштыкского времени происходит его зарождение. Тем самым следует полагать, что гончарный круг явился изобретением местного населения, ибо потребности в подобном усовершенствовании гончарного производства, очевидно, уже назрели.

РАЗЛИЧИЯ КЕРАМИКИ ПРАВОБЕРЕЖНЫХ И ЛЕВОБЕРЕЖНЫХ СКЛЕПОВ

Несмотря на единство направленности развития керамических форм и их орнаментальных типов,

между сосудами правобережных и левобережных склепов существует значительное различие. В этом легко помогут убедиться те же таблицы II и III.

Как выясняется при рассмотрении таблицы II,

¹ Применялась ли другая техника, например вытягивание тела сосуда из комка глины, — установить не удалось.

² Ср. употребление таких лопаточек в примитивном гончарстве шорцев на Северном Алтае (Л. П. Потапов. Очерки по истории Шории. М.-Л., 1936, стр. 98-99, рис. Ю и 17).

³ Найдено в склепе № 1 Уйбата 1 — хран. в ГИМ, инв. № 78558.

⁴ Лучше всего они сохранились у сосудов № 1 и 2 из к. в. № 5 Изыхского чаа-таса — хран. в кабинете археологии МГУ.

наряду с общими ведущими формами, правобережные склепы гораздо беднее левобережных по другим типам сосудов. Так, оказывается, что из 28 типов известных нам таштыкских сосудов, на правобережье в период существования склепов (I—III этапы) их известно только 15. Нет целых 13 типов. Назовем их: 3 (кубковидный II), 4 (кубковидный III), 6 (чашковидный), 12 (горшковидный II), 14 (бочонковидный II), 17 (блюдообразный), 18 (кружковидный), 21 (четырёхгранный), 22 (подвесной I), 25 (мискообразный), 26 (чашкообразный) 27 (плошковидный), 28 (бутылкообразный). Правда, некоторые из этих типов представляют собой вообще редкие формы, но все же это не случайно. Да и почему бы этим 13 типам сосудов попасть именно в левобережные склепы, тем более, что правобережных склепов исследовано совсем немало? Только в нашей таблице II их изучено 11 против 18 левобережных. Это соотношение не дает нам права объяснять наблюдаемый факт слабой изученностью правобережных склепов, тем более, что керамика остальных раскопанных по правому берегу Енисея склепов, не приведенных в таблице II из-за неполноты известного из них материала, подтверждает указанное явление. Не может это объясняться и большей разграбленностью склепов правого берега, так как грабители охотились, конечно, не за горшками.

Выясняется также, что для правобережных склепов совсем не характерны такие формы, как глиняные котлы (тип 1 — котловидный), которые представлены только одним экземпляром¹. И, наконец, оказывается, что 23 тип (подвесной II) характерен, наоборот, только правобережным склепам и ни разу не найден среди огромного количества сосудов левобережных. На левом берегу этот тип появляется только позднее, на IV этапе, представленном уже погребениями под каменными выкладками, общими для обоих берегов Енисея.

Такова разница между склепами правого и левого берега, вытекающая из изучения форм найденных в них сосудов.

При рассмотрении таблицы III аналогичная картина выясняется и для распространения типов орнаментов сосудов. Керамике, происходящей из правобережных склепов, оказываются совершенно не свойственными такие орнаменты, как штампованные ромбический и фигурный (типы 12 и 13), тычковый прямоугольный (15 тип) и в особенности орнаменты, нанесенные резной техникой. Из 6 типов резных орнаментов только один треугольно-фестоновый (тип 17) встречается на сосудах из правобережных склепов. Зато совершенно отсутствуют резные орнаменты: линейный (18 тип), спиральный (19 тип), штриховой (20 тип), арочный (21 тип) и сетчатый (22 тип). Совершенно нехарактерны для правобережных сосудов украшения из выпуклых налепов (тип 6), которые известны здесь только в одном случае против двадцати одного случая в

склепах левого берега. То же самое надо сказать и про штампованные орнаменты типов полудунно-зубчатый (5), кружковый (7), круглоямочный (9) и четырехугольный (10), которые встречены лишь единично. Иная картина выявляется при изучении пространства, наlepных валиковых орнаментов. Правда, два типа из этого отдела нехарактерны для правобережных сосудов. На них ни разу не оказалось рассечено-валикового типа (3) и лишь в двух случаях, против двадцати шести для левобережья, обнаружен гладкий валик (тип 1). Зато наиболее типичным украшением только для сосудов правобережных склепов будет являться наlepной веревочный валик (тип 2), в то время как на левобережье особенно распространенным был гладкий валик. Соотношение по количеству случаев следующее:

Типы наlepных валиковых орнаментов	Склепы	
	правобережные	левобережные
1. Гладко-валиковый	2 (7%)	26 (93%)
2. Веревочно-валиковый	22 (78,5%)	6 (21,5%)
3. Рассечено-валиковый	—	10 (100%)

В то же время следует иметь в виду, что, например, такие характерные формы сосудов, как кувшины и бомбовидные, происходящие из правобережных склепов, почти всегда красиво орнаментированы веревочным валиком, без которого они просто немыслимы. Эти же формы на левобережье, наоборот, чаще всего не имеют валиков и покрыты углубленным штампованным или штриховым узором. Кроме того, среди правобережных сосудов I этапа некоторые имеют насечки, сделанные по верху венчика. Нам известно пять таких правобережных сосудов², в то время как на левом берегу, где эта особенность совершенно не типична, оказался только один сосуд с насеченным венчиком, да и тот происходит из склепа № 2 Изыхского чаа-таса, т. е. из района, территориально очень близкого к правобережью (рис. 11—б). Надо сказать также, что позже I этапа насечек на венчиках сосудов уже не наблюдается, и эту деталь следует считать ранним признаком³.

Таким образом, необходимо сделать вывод, что различия, выявленные при изучении керамики левобережных и правобережных склепов как нельзя лучше подтверждают высказанную уже выше мысль о наличии в это время двух групп населения, которые, имея много общего, в то же время отличались друг от друга. Различия в керамике, являющейся наиболее чувствительной в этом отношении категорией предметов, конечно, наиболее показательны.

И в самом деле, чем еще можно объяснить, что в одно и то же время в разных географических рай-

¹ С. Кривинское, ко № 3—1, ко № 4—2; Сыда, 1929, ко № 3—1. И один из Лугавской стоянки в г. Минусинске — см. С. В. Киселев. Лугавская стоянка. КСИИМК, вып. XXV, М.-Л., 1949, стр. 88, рис. 33—3.

² Выше, нами при описании типа, указана также разница, существующая между правобережными и левобережными бочонкообразными сосудами.

¹ Найден в ко № 1 у с. Кривинского — С. В. Киселев. Материалы археологической экспедиции в Минусинский край в 1928 г., таб. V, рис. 53.

онах (левобережье и правобережье Енисея) существуют *разные* по своим конструктивным особенностям типы погребальных сооружений (склепы под юртообразными курганами и склепы под усеченно-пирамидальными курганами), в которых к тому же найдены сосуды с существенным различием форм и орнаментации?

Сколько бы общего ни было во всем остальном (в погребальном обряде, в других предметах материальной культуры и т. д.), приведенных различий совершенно достаточно, чтобы отстаивать тезис о неоднородности населения Хакасско-Минусинской котловины в таштыкскую эпоху. Впрочем, различия имеются и в других категориях вещей погребального инвентаря, о чем речь пойдет ниже.

СОСУДЫ ИЗ ГРУНТОВЫХ ПОГРЕБЕНИЙ

Осталось рассмотреть сосуды, происходящие из грунтовых погребений, которые, как известно, распространены на обоих берегах Енисея. При этом оказывается, что в основном все эти сосуды типично таштыкские, правда, с некоторыми особенностями отдельных форм, не позволяющими их целиком отождествлять с аналогичными из склепов. Отличие также состоит в том, что в грунтовых могилах сосуды не имеют того разнообразия типов, которое выявилось в склепах. Из 28 типов сосудов таштыкской эпохи в грунтовых могилах оказалось только 9: кубковидный I (2), баночный I и II (8 и 9), кувшины (10), горшковидный I (11), бочонковидный I (13), бочонкообразный (15), сферический (19), четырехгранный (21) и в одном случае — пятигранный. Как видим, в подборе форм сосудов грунтовые могилы находятся ближе всего к правобережным склепам, но и в левобережных почти все эти типы также имеются.

Наибольшее распространение в этой категории погребений имеют кубковидные, баночные и сферические сосуды. Чаще всего, почти в каждой грунтовой могиле, встречаются кубковидные сосуды (тип 2 — кубковидный I). Все они имеют довольно раннюю форму, сближающуюся с формой еще тагарских кубков. Они имеют небольшие размеры, «закрытые» чаши и низкие конические полые поддоны (рис. 24—1.5) ¹. Такие кубковидные сосуды найдены и в склепах I этапа. Баночные сосуды тоже имеют ранний облик. Все они небольшие по размерам, чаще «закрытые» и более всего близки аналогичным сосудам склепов I этапа и банкам из «северных» позднетагарских курганов I в до н. э. ² (рис. 25—3;

Гораздо труднее выяснить, почему правобережное население отличалось во всем этом от левобережного. Нам представляется, что здесь мы имеем дело с двумя разнородными группами населения, может быть с разноразличными племенами. К сожалению, наука, которая могла бы сказать решающее слово в этом вопросе, а именно палеоантропология, бессильна помочь, так как в эту эпоху господствовал обычай сжигать покойных и предавать земле лишь прах их в виде мелких пережженных костей. Как увидим позднее, в раннетащтыкское время существовала еще одна, третья группа населения, также этнически отличная от этих двух выявленных нами групп, что доказывается более четко.

26—4). Характернейшей формой сосудов грунтовых погребений являются сферические сосуды (19 тип), которые, как выяснено выше (таблица II), встречаются только в склепах I этапа и позднее уже не употреблялись (рис. 24-8, 9; и табл. IV—84, 86). В большинстве своем шейки этих сосудов обособлены от плечиков узким пояском из двух горизонтальных резных линий, пространство между которыми заполнено косыми насечками, реже сеткой. К этим узким поясам как бы подвешен второй широкий орнаментальный пояс, охватывающий плечики. Он состоит обычно из резного треугольно-фестонового орнамента, чаще слагающегося из примыкающих друг к другу зачерченных треугольников, обращенных вершинами поочередно то вверх, то вниз ³. Такая двухъярусная композиция орнамента особенно свойственна сосудам из грунтовых погребений и очень редко встречается на сосудах из склепов. Реже сферические сосуды украшены оттисками штампа (рис. 24-9) или наlepным веревочным валиком, идущим вокруг шейки сосуда ⁴. Среди них встречаются также сосуды и с 5—6 выпуклыми налeпами вокруг тулова (табл. IV—87) ⁵. Аналогичные есть и в склепах. Но зато в склепах нет полностью сферических, выпуклодонных, сосудов, которые изредка встречаются в грунтовых (рис. 24—6) ⁶ и, как уже указывалось выше, сферический выпуклодонный сосуд найден в одном из «северных» позднетагарских курганов ⁷.

Очень важны для выяснения датировки грунтовых могил также бочонкообразные сосуды (тип 15). Как мы выяснили выше (табл. II), такая весьма

¹ ДИЮС, табл. 44, рис. 2—5. Совершенно аналогичные позднетагарские кубки обнаружены Адриановым (1896) в к. № 1 и к. № 3 (м. № 1) у д. Малая Иня — хран. в Минусинском музее, № 10621 и 10660.

² ДИЮС, табл. 44, рис. 9—10; ср. баночный сосудик из кургана «за посекотиной» у с. Б. Барандат (Оссовский, 1886) — хран. в ГИМ, № 36518, П62/1а.

³ ДИЮС, табл. 44, рис. 6—8.

⁴ Оглахты I, м. № 4 и Оглахты II, м. № 8 — хран. в Красноярском музее, кол. № 24—99, 113, 125.

⁵ ДИЮС, табл. 44, рис. 7 (с. Быстрая) и Оглахты — хран. в Красноярском музее, кол. № 24—99.

⁶ Оглахты II, м. № 8 — хран. в Красноярском музее, кол. 24—113.

⁷ С. Частоостровское, к. № 2 (Адрианов, 1902) — Архив ИИМК, д. 33, 1903, л. 9—2 (фото).

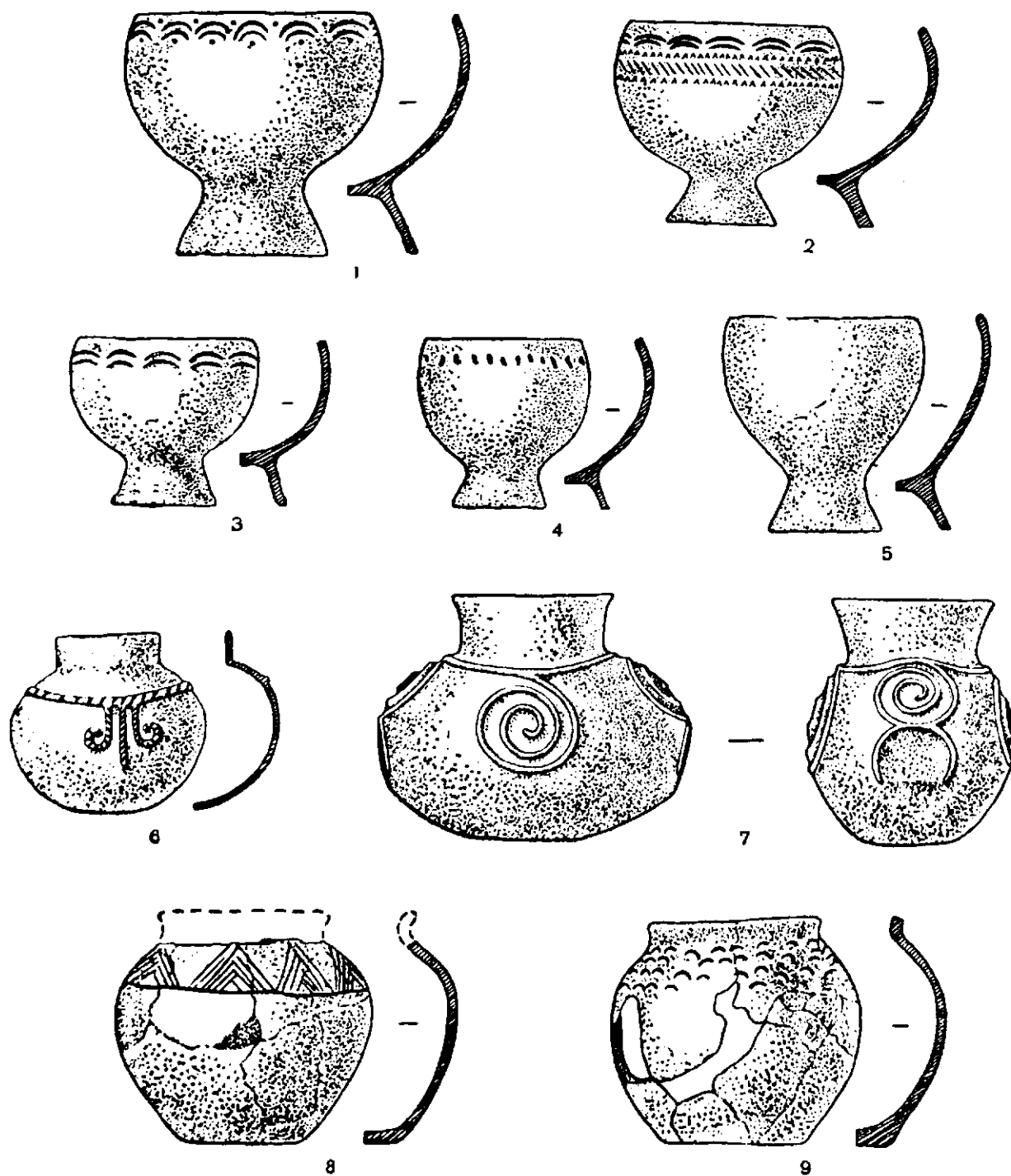

Рис. 24. Сосуды из грунтовых могил: 1 — из м. № 33 (Копи у Горького озера, 1928), 2 — из м. № 6 (рч. Таштык, 1925), 3—5 — из м. № 31 (Копи у Горького озера 1928), 6 — из м. № 8 (Оглахты II, 1903), 7 — из м. № 13 (Горькое озеро), 1924, 8—9 — из м. № 3 (Изыхский чаа-тас, 1951)

своеобразная форма глиняной посуды встречается только в склепах I этапа и не позже. Это небольшие сосуды, напоминающие по форме лежащий на боку

бочонок с уплощенным дном и двумя плоскостями по бокам¹. Плоскости эти окаймлены полукольцами из

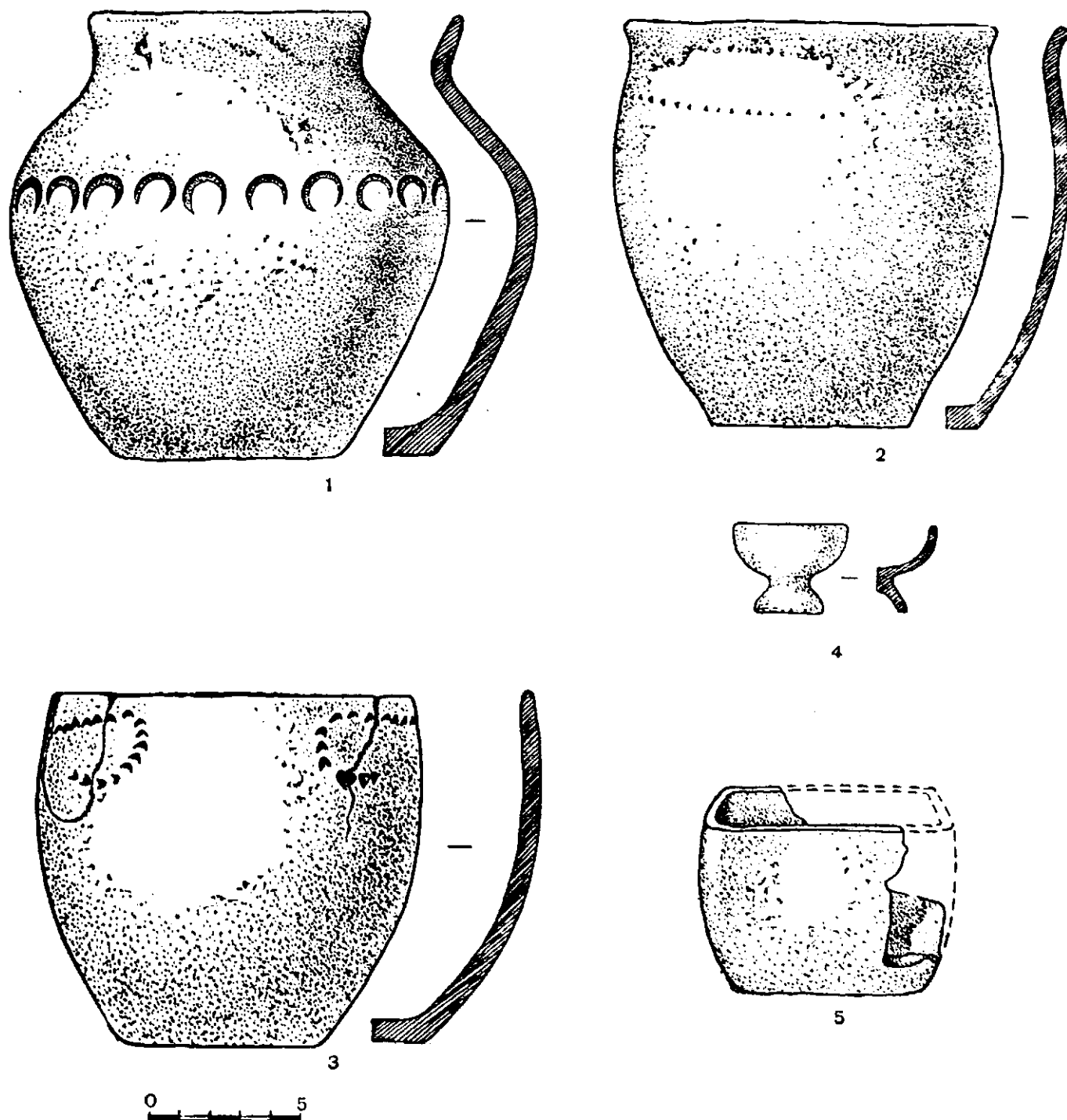

Рис. 25. Сосуды из грунтовых могил: 1—4 — из м. № 1 Изыхского чаа-таса, 5 — из могилы № 18 Уйбатского чаа-таса

¹ Найдены С. А. Теплоуховым: один — в мог. № 13 на Горьком озере у с. Батени (1924) — хран. в Гос. Эрмитаже, № 4319—3 (см. МЭ, т. IV, вып. II, стр. 57, табл. II, рис. 1 — рисунок не дает точного представления о форме сосуда из-за неверно взятого ракурса, ср. фото в сб. «Этнографические экспедиции 1924—1925 гг.», Гос. Русский музей, Л., 1926, стр. 90, рис. 9) и другой — в могильнике у Окунева улуса

(1928) — хранился в МЭН СССР, инв. 4880, ныне утрачен. В описи коллекции № 4880 рукой Теплоухова сделана запись: «Глинян. сосуд удлиненной почковидной формы с уплощенным дном и высокой стоячей шейкой. На суживающихся боковых стенках — круглые плоскости, ограниченные кольцевидным валиком. Таким же валиком ограничена шейка сосуда от плечиков. По плечикам вокруг сосуда идет волнообразный накладной валик».

гладкого налепного валика, который составляет и весь остальной орнамент (рис. 24—7). Сосуд имеет широкое прямое горло с раструбом. Основное отличие бочонкообразных сосудов из грунтовых могил в сравнении с бочонкообразными из склепов состоит в том, что:

а) они не имеют совсем носиков, обязательных для сосудов, извлеченных из склепов,

б) горло их охватывает гладкий налепной валик, к которому как бы подвешены со всех четырех сторон спирали, образованные таким же валиком, в то время как сосуды из склепов не имеют ни кольца на

ди которых есть совершенно подобные ему сосуды с резными же, подвешенными к двум горизонтальным линейным поясам, спиралями¹. Совершенно такую же композицию имеют и вышеописанные бочонкообразные сосуды, с той, однако, разницей, что здесь этот орнамент передан гладким валиком. Других случаев спирального орнамента на тагтыкских сосудах пока нет, зато совершенно аналогичными будут гладко-валиковые подвешенные спирали на сосудах из Тувы (рис. 13—2)². Среди тагарских сосудов есть близкие примеры. Мы имеем в виду оригинальный небольшой сосудик из

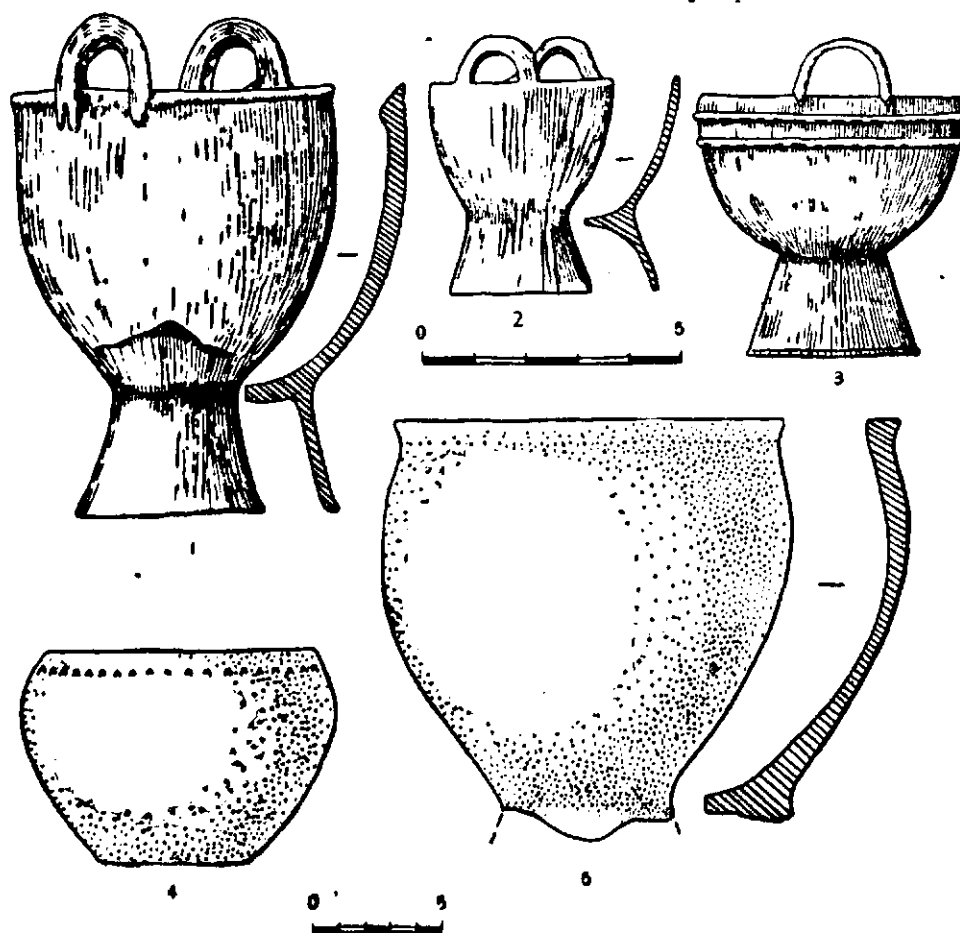

Рис. 26. 1—3 миниатюрные бронзовые котелки: 1 — из Барабинской степи, 2 — из грунтовой могилы (Горькое озеро, урочище «Копи», м. № 14), 3 — из Красноярского района; 4 — баночный сосуд из грунтовой могилы (Оглахты 1, м. № 9); 5 — кубковидный сосуд VI—VIII вв. (каменный курган № 3, погребение 2 у с. Тесь); 4—5 — глина

шейке, ни спирального узора, да и валики их всегда веревочные, а не гладкие. Вообще надо сказать, что спиральный орнамент наиболее характерен именно для сосудов из грунтовых. В склепах найден только один сферический сосуд с резными спиралями, подвешенными к горизонтальным линейным поясам, охватывающим шейку сосуда (табл. IV—43). Он оказался в склепе I этапа (з. к. №1 Уйбатского чаа-таса). И по форме и по спиральному орнаменту, выполненному в совершенно аналогичной композиции («подвешенные» спирали), сосуд этот ничем не отличается от грунтовых сферических сосудов, сре-

кургана «В» на Тагарском острове близ Минусинска (Адрианов, 1883)³. Это буквально сферический сосуд с невысокой шейкой при отогнутом венчике, но на низком поддоне. Форма его двудеина: с одной стороны, это как бы еще сильно «закрытый» кубок на поддоне, с другой — уже сферический сосуд (рис. 15—4). Не имеем ли мы в нем переходную

¹ С. А. Теплоухов, 1928, Батени, Копи у Горького озера, могила № 33 — хран. в Гос. Эрмитаже, № 4887—46.

² С. Туран, могила № 30 (С. А. Теплоухов) — хран. в Гос. Эрмитаже, кол. 5128—26 (сосуд шурмакского времени).

³ Хран. в Минусинском музее, № 10582.

форму от кубковидных к сферическим? Не дает ли он нам ключ к разгадке происхождения раннеташтыкских сферических сосудов? Такие предположения не содержат в себе ничего невероятного, тем более, что этот сосуд среди тагарской керамики не одинок. Мы знаем и другие, совершенно аналогичные по форме и найденные к тому же в других районах¹. Более того, почти такой же сосуд на низком поддоне, только с более узким горлом, найден и в таштыкской грунтовой могиле № 2 у нефтебазы в г. Абакане (Липский, 1948)².

Но вернемся к сосуду с Тагарского острова, так как нас интересует также и его орнамент. Прежде всего, шейку его от плечиков отделяет гладкий налпной валик и, во-вторых, бока его украшены волнообразным узором из вытекающих одна из другой спиралей, образованном таким же валиком. Каждая спираль в центре оканчивается выпуклым налпом (рис. 15—4). Нельзя не признать в этой орнаментальной манере большой близости к композиции вышеописанных бочонкообразных и сферических сосудов из грунтовых погребений.

Среди керамики грунтовых есть и кувшины (тип 10); к сожалению, видеть их нам не пришлось. Собственно найден был только один: в могиле № 2 Первого Оглахтинского могильника; в настоящее время он утрачен, не будучи изданным³. Вообще он почему-то совершенно не упоминается ни издателями оглахтинских материалов, ни другими археологами, исследовавшими эту эпоху. Между тем о нем можно получить представление хотя бы на основании сохранившихся описаний. Прежде всего, кувшин упоминает в своем рукописном отчете А. В. Адрианов, когда он скупно сообщает, что в могиле № 2, среди прочих вещей, был найден «шарообразный глиняный горшок с узким горлом и носком»⁴. Но имеется и более подробное его описание в регистрационном списке музея, составленном М. В. Воеводским: «Сосуд глиняный, круглодонный, с шаровидным телом, невысокой шейкой, слегка отведенной наружу, и небольшим носком. Наружная поверхность ложенная, на плечах линейный орнамент из горизонтальных и дуговых фестонов. Пятнистого темного цвета»⁵.

Таким образом, кувшин этот отличался от кувшинов из склепов прежде всего своей выпуклодонностью, т. е. он действительно был «шарообразным»,

как указывал в своем отчете Адрианов. Кроме того, он отличался и орнаментом, в особенности уже отмеченным нами характерным для сосудов из грунтовых обособлений шейки от плечиков горизонтальным линейным пояском.

Горшковидные сосуды встречаются редко и имеют обычные формы, совершенно сходные с таковыми же из склепов. Они небольшие с намеченными плечиками и венчиком (табл. IV—85)⁶. О бочонковидных (тип 13) можно только сказать, что такие же известны нам и из склепов. Одна особенность: все известные бочонковидные сосуды из грунтовых неорнаментированы (рис. 27)⁷. И, наконец, последний тип сосудов грунтовых погребений — четырехгранный (21), представлен лишь одним сосудом⁸. Это небольшой гладкий сосудик, дно которого несколько уже горла (рис. 25—5). Хотя единственный четырехгранный сосуд из склепов относится ко II этапу, но, как мы уже отмечали выше, описывая 21 тип, четырехгранные сосуды, несомненно, существовали и на I этапе, так как они известны еще из переходных тагарско-таштыкских курганов (рис. 29—9). С последними сосудик из грунтовой могилы сближает как техника изготовления, так и то, что он неорнаментирован.

Можно еще указать, что в одной из грунтовых могил найдена миниатюрная рюмочка на поддоне, вряд ли типичная. Скорее это индивидуальная форма, тем более, что найдена она в детском погребении (рис. 25—4)⁹.

Таким образом, рассмотрены все типы сосудов, встречающиеся в грунтовых могилах.

Обратимся к орнаментам. На сосудах из грунтовых погребений встречаются только 13 типов орнаментов: гладко-валиковый налпной (1), полулунный (4), полулунно-зубчатый (5), скобчатый (6), треугольный (8) — штампованные; остроугольный (14), прямоугольный (15), точечный (16) — тычковые; треугольно-фестоновый (17), спиральный (19), арочный (21) и сетчатый (22) — резные. При этом надо заметить, что много и гладких сосудов, в особенности среди кубковидных. Очень редко встречается налпной веревочный валик (тип 2 — три сосуда из Оглахтов).

Таким образом, отличие керамики грунтовых от сосудов, происходящих из склепов, подтверждается и рассмотрением их орнаментов. Это, во-первых, применение только половины известных в ранне-

¹ Один найден в 1920 г. С. И. Руденко в кургане у д. Бузуловой — *L'Anthropologie*, т. XXXIX, № 5—6, Paris, 1930, fig. 19,9; другой — С. В. Киселевым в 1931 г. в кургане у с. Усть-Ерба, хран. в ГИМ, 46/2. Оба эти сосуда имеют абсолютно одинаковую форму и одинаковый орнамент — конические налпы вокруг тулова.

² Хран. в Абаканском музее.

³ Хранился в Музее антропологии МГУ кол. № 31. Утрачен при эвакуации коллекции в начале Отечественной войны.

⁴ А. В. Адрианов. Предварительный отчет о раскопках Оглахтинского могильника. Архив ИИМК, д. 33. 1903, д. 22.

⁵ Музей антропологии МГУ, коллекция № 31, регистрационный список, подписанный М. В. Воеводским 20 февраля 1928 г.

⁶ Найдены: один — в грунтовой у с. Быстрая (ДИЮС, табл. 44, рис. 11) и один, вместе с бочонковидным сосудом, в могиле «А» Уйбатского чаа-таса (В. П. Левашева, 1936) — хран. в Минусинском музее.

⁷ Один из могилы «А» (В. П. Левашева, 1936); три найдены нами (1950) в грунтовой могиле Сырого чаа-таса — хран. в Абаканском музее; 1 сосуд найден в могиле № 5 у нефтебазы в г. Абакане (А. Н. Липский, 1948).

⁸ Могила № 18 Уйбатского чаа-таса (С. В. Киселев и Л. А. Евтюхова, 1938) — хран. в ГИМ, инв. 79956, № 8758. См. также отчет С. В. Киселева — Архив ИИМК (Ленинград) ф. 35, д. 39, л. 7.

⁹ Найдена нами в грунтовой могиле № 1, отмеченной каменным кольцом на поверхности, в 1951 г. на Изыхском чаа-тасе.

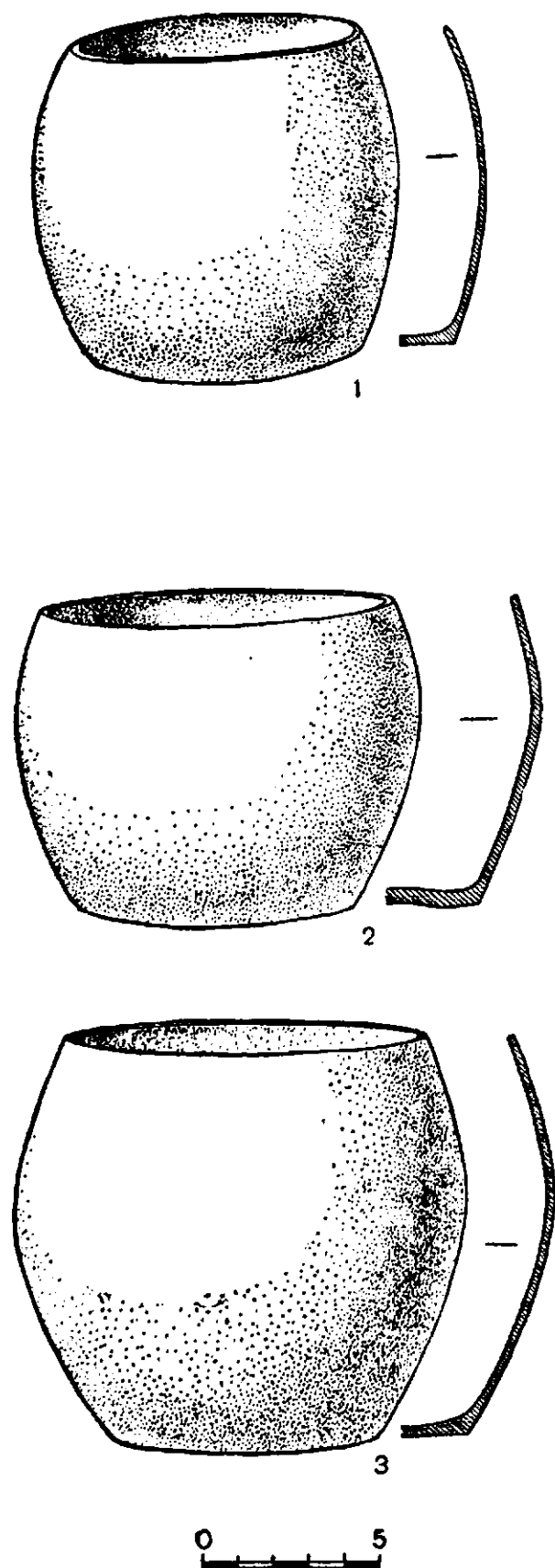

Рис. 27. Сосуды из грунтовой могилы № 1 Сырского чаа-таса

таштыкское время орнаментов; во-вторых, уже отмечавшееся различие орнаментальных композиций, в-третьих, применение гладко-валиковых спиральных украшений и т. д. Особого внимания заслуживает тот факт, что среди орнаментов сосудов из грунтовых имеются все три типа (5, 19 и 21), свойственные только сосудам I этапа (таблица III).

Очень важное отличие сосудов из грунтовых могил от керамики склепов заключается в технике изготовления. Дело в том, что подавляющее большинство сосудов из грунтовых могил имеет пятнистую розовато-желтую, хорошо лошеную поверхность с темными пятнами, что связывает их прежде всего с тагарской керамикой, тем более, что сосуды нередко формовались из комка глины. Сосуды из склепов, наоборот, очень редко лошены и почти совершенно не имеют такого цвета поверхности.

Итак, изучение форм сосудов, их орнаментации и технических приемов изготовления показывает, во-первых, значительные различия между грунтовыми могилами и склепами, во-вторых, дает возможность правильной датировки грунтовых погребений. В самом деле, как будет показано, все типы сосудов, происходящие из них, а также все типы орнаментов уже известны на I этапе таштыкской эпохи. Но самый важный факт состоит в том, что для грунтовых особо характерны типы сосудов и типы орнаментов, свойственные только I этапу и позже уже не встречающиеся совершенно. Это, как уже отмечалось, бочонкообразные и сферические сосуды (типы 15 и 19), а также орнаменты: полулунно-зубчатый (тип 5), спиральный (тип 19) и арочный (тип 21). Ранний облик, как показано выше, имеют и остальные типы сосудов.

Совокупность этих данных заставляет полагать, что грунтовые погребения существуют на территории Хакасско-Минусинской котловины на протяжении лишь I этапа таштыкской эпохи, не позднее. А появились они, очевидно, лишь в переходное тагарско-таштыкское время, т. е. на III стадии тагарской эпохи, по С. В. Киселеву, который раскопал на Уйбатском чаа-тасе древнейшие грунтовые могилы¹. Такую датировку, как увидим ниже, подтверждает и остальной материал грунтовых могил.

Почему исчезает этот тип погребальных сооружений и кто оставил эти могилы в степях Хакасии? Рассмотрим эти вопросы позднее. Сейчас же только заметим, что грунтовые погребения оставлены третьей, для таштыкской эпохи, группой населения, этнически более сильно отличавшейся от двух первых групп, соорудивших для своих покойных склепы. Это, конечно, применимо лишь для I и единственного этапа, когда только сосуществовали левобережные и правобережные склепы совместно с грунтовыми могилами. Со II этапа в изучаемой нами области сооружались лишь только склепы, которые на последнем этапе эпохи повсеместно заменены погребениями под каменными выкладками.

¹ ДИОС, стр. 284.

О ЛУГАВСКОМ ПОСЕЛЕНИИ

В связи с поднятыми вопросами хронологии, в особенности в связи с изучением хронологического соотношения склепов и грунтовых погребений, необходимо рассмотреть хотя и немногочисленные, но весьма показательные материалы единственного до сих пор известного таштыкского поселения на Лугавской улице г. Минусинска. Оно было открыто в 1929 году и тогда же обследовано путем шурфовки С. В. Киселевым, который впоследствии опубликовал собранные материалы¹.

Находки с Лугавского поселения делятся на две группы: фрагменты сосудов и предметы, изготовленные из кости. Все обнаруженные там находки залегали в одном «весьма тонком прослое» (последнее надо особенно подчеркнуть, ибо это является доказательством кратковременного существования поселения), т. е. являлись одновременно существовавшими, что убедительно доказано С. В. Киселевым. Там оказались, что также доказано С. В. Киселевым, фрагменты сосудов, характерных для двух типов таштыкских погребальных сооружений: для грунтовых могил и для правобережных склепов. Совершенно аналогичны сосудам из правобережных склепов обломки венчиков трех сосудов: баночного, украшенного вдоль шейки наlepным веревочным валиком², баночного с насечками по верху венчика³ и обломок верхней части бочонковидного сосуда с ушкообразным налепом, перпендикулярным к венчику⁴. Для нас нет никакого сомнения в том, что все описанные фрагменты типичны для сосудов правобережных склепов, но только лишь для I этапа эпохи.

Как показал сделанный выше анализ, все сосуды с насечками по верху венчика существовали только на I этапе. Бочонковидные сосуды с ушками, расположенными перпендикулярно к венчику (тип 23 — подвесной II), также появились в правобережных склепах I этапа. Отличие фрагмента бочонковидного сосуда с ушком из Лугавского поселения, состоящее в том, что его ушко еще не имеет обычного отверстия, вероятно является свидетельством того времени, когда эти ушки только зарождались (очевидно, начало I этапа). На I же этапе известны уже и веревочные наlepные валики (таблица III).

Для грунтовых типичны следующие фрагменты сосудов стоянки: два обломка поддонов кубковидных сосудов, по С. В. Киселеву, близкие по технике изготовления сосудам из грунтовых⁵, и

фрагмент сферического сосуда с треугольно-фестоновым сплошным орнаментом при двухъярусной композиции⁶. Как видим, и эти обломки относятся только лишь к I этапу, что подчеркивает фрагмент сферического сосуда. Но самой важной находкой для датировки стоянки будет являться находка обломка венчика банки с очень своеобразным орнаментом.

На 3 см ниже края она была украшена горизонтальным рядом выпуклостей, выдавленных изнутри сосуда, между которыми располагались треугольники из мелких округлых ямок⁷. Это единственный известный мне случай, когда на таштыкском сосуде встречается типичный и распространенный орнамент еще тагарской керамики — выдавленные изнутри выпуклости, украшающие венчик⁸. Однако треугольники из точек совсем не свойственны тагарским орнаментальным композициям и являются уже таштыкскими. Такое «сосуществование» могло появиться только в раннеташтыкское время, когда еще очень сильны были тагарские традиции, т. е. в самом начале I этапа таштыкской эпохи. Несвойственность первого орнаментального приема таштыкскому времени определяется единичностью подобной находки.

Из костяных изделий, найденных на стоянке, только в грунтовых могилах встречаются своеобразные костяные булавки с головкой⁹ и только в правобережных склепах костяные резак (рис. 31—8—13)¹⁰. Причем должно заметить, что они найдены в склепах совсем не «в значительном количестве», как указывает автор раскопок¹¹, а лишь в одном экземпляре (рис. 31—8)¹². Кроме этого резак из склепа и резак, а также их заготовок, найденных на Лугавском поселении, других пока еще в памятниках не найдено¹³. Показательно, что этот резак (рис. 31—8) был найден в склепе «Е» (или № 6) на Тагарском острове, который также относится к I этапу. Кроме того, на стоянке найдены костяные наконечники стрел, к сожалению, оставшиеся не изданными и поэтому о них сказать ниче-

⁶ Там же, рис. 33—6.

⁷ Там же, рис. 33—2.

⁸ ДИЮС, стр. 274 и табл. XXVII.

⁹ С. В. Киселев. Лугавская стоянка, стр. 89.

¹⁰ Там же, рис. 33—7.

¹¹ Там же, стр. 89.

¹² Найден в склепе «Е» (он же к. № 6) на Тагарском острове (Адрианов, 1883) — см. А. В. Адрианов. Путешествие на Алтай и за Саяны, совершенное летом 1883 г. ЗСОРГО, кн. VIII, вып. 2. Омск, 1886, стр. 39; резак издан С. А. Теплоуховым, который сам никогда никаких резак не находил — см. МЭ, т. IV, вып. 2. Л., 1929, стр. 57, табл. II, рис. 15. Хранится в Минусинском музее, № 9820.

¹³ В Минусинском музее вместе с резаками из Лугавского поселения хранятся еще случайно найденные резаки с правобережья Енисея и Абакана — всего 21 экз. (№ 367—372, 375—376, 378, 380—381, 11857—11860 и 11862).

¹ С. В. Киселев. Лугавская стоянка. КСИИМК, вып. XXV, М.—Л., 1949, стр. 87—90; Ср. ДИЮС, стр. 396—399.

² С. В. Киселев. Лугавская стоянка, стр. 88, рис. 33—1.

³ Там же, рис. 33—3.

⁴ Там же, рис. 33—4.

⁵ Там же, рис. 33—5 и текст стр. 89.

го нельзя, кроме того, что таковые также встречаются в склепах I этапа¹.

Таким образом, подводя итоги, необходимо со всей определенностью подчеркнуть, что Лугавское поселение датируется I этапом таштыкской эпохи,

¹ В том же склепе «Е» (к. № 6) — МЭ, т. IV, вып. 2, Л., 1929, стр. 57, табл. II, рис. 16. Происхождение установлено по дневникам Теплоухова. Вещи хранятся в Минусинском музее.

или, точнее, первой его половиной. Как это будет выражаться в абсолютной хронологии — определится ниже.

Итак, материалы этой стоянки только лишний раз подтверждают правильность отнесения грунтовых погребений к I этапу и никак не могут служить для доказательства сосуществования грунтовых могил и склепов в более позднее время.

ГЛАВА ТРЕТЬЯ

РАННЕТАШТЫКСКОЕ ВРЕМЯ (ИЗЫХСКИЙ ЭТАП) ПАМЯТНИКИ ИЗЫХСКОГО ЭТАПА

*

Перейдем теперь непосредственно к рассмотрению материалов, характеризующих каждый из уже выявленных этапов. Если до сих пор, при источниковедческом анализе, мы их называли просто этапами I, II, III и IV, то теперь при изучении каждого этапа в целом считаем необходимым дать им условные наименования. Раннеташтыкский I этап называем Изыхским по имени местности (горы Изых-тах), где был исследован один из древнейших склепов, давший наиболее полный комплекс предметов материальной культуры раннеташтыкского времени¹.

К Изыхскому этапу относятся следующие памятники:

а) левобережные склепы: № 2 Изыхского чаа-таса (III тип камеры), «Одиночная могила» (№ 14) Горького озера у с. Батени (III тип камеры), № 5 и 10 Уйбата I (IV тип камеры), склепы под земляными курганами № 1 и 2 Уйбата I (IV тип), № 1

Уйбата II (IV тип) и «пограничный» (находящийся на острове посреди Енисея) склеп «Е» (он же к. № 6) Тагарского острова (IV тип);

б) правобережные склепы: № 5 (к. № 5) и склеп «к СВ от кургана № 5 сажень в четырех»² на гриве «Малый Камешек» кряжа Думной горы, склепы № 3, 4, 5 у с. Кривинского, № 2 у заимки Усть-Тесь (1932), склеп «на увале» у с. Лугавского (1930), № 1 и 2 у с. Лугавского «на увале Думной горы» и № 1, здесь же, в 30 м «на пашне» (1939) — все это склепы I типа правобережных. К этому же этапу относится и правобережный «каменный курган» № 3 у с. Сыда (1929) с двумя погребальными ямами;

в) грунтовые могилы;

г) Лугавское поселение, находки которого уже разобраны выше.

Обратимся прежде всего к разбору материалов из склепов.

¹ Склеп № 2 Изыхского чаа-таса.

² ОАК за 1895 г. СПб., 1897, стр. 150.

ПОГРЕБАЛЬНЫЙ ОБРЯД

В отношении обряда между правобережными и левобережными склепами нет разницы. И там и здесь преобладающий вид погребений — трупосожжения, причем трупы умерших сжигались где-то на стороне и в склепы вносился только прах их в виде кучки мелких пережженных костей, часто вместе с обугленными обрывками одежды, обуви и другими вещами, бывшими при покойном. При этом кучки праха размещались хотя и прямо на полу камеры склепа, но в специальных «гнездах», свитых из травы¹, впрочем, иногда просто в общем слое травы, расстеленном на полу. Поверх такого «гнезда» и вокруг него укладывались портретные погребальные маски и различные сопровождающие вещи, сосуды с жидкой пищей и мясо животных. Такими погребениями и заполнялся сплошь весь пол камеры.

В одном случае (з. к. № 1 Уйбатского чаа-таса) прах сожженного покойника был помещен не в «гнезде» из травы, а в деревянном ящичке из тонких досок². В этом же з. к. № 1 обнаружены остатки деревянных «полатей», возвышавшихся над полом у стены камеры. Настил «полатей» покоился на устойчивых опорах из нижних концов лиственницы, отесанных таким образом, что корневище создавало многолопастное расширение, которое было тщательно плоско отесано снизу³. Такая форма опоры совершенно аналогична форме подставок погребального ложа, обнаруженного Адриановым в одной из грунтовых могил Оглахтинского могильника. И там ножки этого ложа сделаны из корневищ деревьев⁴. Эта аналогия также подтверждает правильность отнесения грунтовых могил к Изыхскому этапу.

«Полати» склепа под з. к. № 1 были сооружены для увеличения площади камеры. На них тоже были уложены погребения, как и на полу под ними. Надо отметить, что в склепе «Е» (к. № 6) на Тагарском острове, по сообщению Адрианова, оказалось несколько сосудов-урн, наполненных пережженными косточками людей⁵. Этот случай использования сосудов в качестве урн — единственный для таштыкского времени.

Следует добавить, что после сплошного заполнения склепа погребениями, перед окончательной его засыпкой, камера изнутри поджигалась. Вскоре засыпался вход и доступ воздуха внутрь

прекращался. Благодаря этому, деревянные конструкции и вещи, трава и береста обугливались и хорошо сохранялись на протяжении веков. Только склепы Изыхского чаа-таса оказались не обожженными, в чем, очевидно, надо видеть местные особенности в обряде у «таштыкцев», населявших некогда современную Койбальскую степь.

Очень большого внимания заслуживает факт, что в склепах Изыхского этапа встречаются целые костяки несожженных людей или даже коллективные трупоположения. Таким образом, в одном и том же склепе находятся и кучки пережженных костей и целые скелеты. Это, за редким исключением, обнаружено как в правобережных, так и в левобережных склепах. Приведем перечень таких случаев:

1. Склеп № 2 Изыхского чаа-таса. Череп и кости полного скелета взрослой женщины (около 30 лет)⁶ найдены разбросанными в хаотическом беспорядке вдоль задней северо-восточной стенки сруба и за срубом, на полу и иногда под бревнами пола, что возможно было лишь при сооружении сруба до внесения трупосожжений, совершенных на стороне. Это не скелет из раннего погребения, нарушенного ямой склепа, ибо он был бы в таком случае либо выброшен, либо перехоронен в другом месте, да и вряд ли кости его сохранились бы целыми. Это, видимо, жертвенное погребение какой-то рабыни, на насильственную смерть которой указывает пробитое в затылочной кости черепа правильное четырехугольное отверстие 1,3 × 0,4 см. Предположение о трепанации неприемлемо, так как при посмертной трепанации отверстие обычно выпиливалось и притом оно было больше по размерам и не имело такую правильную форму. Здесь налицо применение четырехгранного ударного орудия типа чекана. И только грубый сильный удар сверху мог привести к тому, что кусок затылочной кости был выбит внутрь черепа (где и сохранился), образовав с внутренней стороны большой раковистый излом вокруг нижнего края отверстия. Очевидно, женщина была умерщвлена и затем после распада связок, что можно было ускорить искусственным путем, кости ее скелета были разбросаны в сооружавшемся склепе, где она и оказалась первым «погребенным».

В том же склепе в западном углу обнаружен в сидячем положении костяк ребенка лет шести, а по всей площади пола и на ступеньках входа вскрыто свыше 70 трупосожжений и несколько кучек косточек снаружи входа под дерновым слоем.

2. Склеп № 10 Уйбатского чаа-таса. Наряду с большим количеством трупосожжений, в камере

¹ ДИЮС, стр. 411 и 421. Изыхский склеп № 2 оказался не сожженным перед окончательным его закрытием и трава не сохранилась, но отдельные былинки ее обнаружены под некоторыми кучками костей, что, впрочем, не дает нам возможности подтвердить обычай свивания «гнезд».

² ДИЮС, стр. 421.

³ ДИЮС, стр. 422 и табл. XXXIX, рис. 7.

⁴ Г. П. Сосновский. О находках Оглахтинского могильника, стр. 36. Само ложе хранится в Красноярском музее.

⁵ Зад. ЗСОРГО, кн. VIII, вып. 2. Омск, 1886, стр. 42.

⁶ «Расовый тип в общем скорее европеоидный, но с рядом монголоидных признаков» — см. статью В. П. Алексеева в КС Ин-та этнографии, вып. XX, М., 1954, стр. 54.

склепа, вдоль ее южной стенки, лежал на боку скелет мужчины с маской на лице¹. Это погребение интересно тем, что совпадает с обрядом трупоположений с масками, распространенным в это же время в грунтовых могилах.

3. Склеп под з. к. № 1 Уйбатского чаа-таса. Среди кучек трупосожжений оказались остатки одного обожженного «костяка», сложенного из уже распавшихся костей. Кости черепа разбросаны. Вместо бедра положены обломки плечевой кости².

4. Склеп № 5 на гриве «Малый Камешек» кряжа Думной горы. Среди кучек обычных трупосожжений, вдоль восточной стенки камеры, лежал детский костяк, занимавший в длину около 65 см. У его черепа стоял глиняный сосуд и у рук лежали косточки мелкого млекопитающего³.

5. Склеп № 3 у с. Кривинского. Наряду с трупосожжениями, в камере склепа оказались два скопления необожженных костей двух скелетов, лежавших беспорядочными грудями в центре камеры и у середины ее южной стенки⁴.

6. Склеп № 4 у с. Кривинского. По всему полу камеры сплошной прослойкой лежали пережженные останки людей, а у южной стенки сруба, вытянуто на спине, головой на восток, лежал несколько обожженный костяк мужчины, с руками, согнутыми в локтях, кистями перед лицом⁵.

7. Склеп № 5 у с. Кривинского. Кроме трупосожжений, на дне ямы обнаружены сильно истлевшие необожженные скелеты 9 человек, лежавшие на спине головами на запад с руками, вытянутыми вдоль тела. Скелеты лежали в два ряда: в западном первом ряду — 4 костяка, во втором — 5. У головы одного из них стоял бочонковидный сосуд, подле другого — обломки бочонковидного⁶.

8. Склеп № 2 у с. Лугавского «на увале» Думной горы (1939). В склепе обнаружено 11 кучек трупосожжений и 4 трупоположения, вытянутых на спине головами в разные стороны. Три из них — детские неполные скелеты с ориентацией: 2 на юго-запад и 1 на юг. Четвертый скелет взрослого человека, ориентированный плечами на юг. Череп его лежал в ногах. Возле двух из скелетов найдены бронзовые пряжки, разбитый сосуд и кости барана⁷.

9. Склеп № 1 у с. Лугавского в 30 м от склепа № 2 «на пашне» (1939). Три кучки трупосожжений и три скелета в виде беспорядочных куч необожженных костей⁸.

10. Склеп «Е» (к. № 6) на Тагарском острове. Трупосожжения в виде кучек на полу, трупосожжения в сосудах-урнах и, кроме того, большое количество лежащих скелетов. При сопоставлении данных, приводимых Адриановым в разных печатных отчетах, выясняется, что среди этих последних были скелеты необожженные, целые, разбросанные, и скелеты, сожженные наполовину здесь же в склепе. На лицевых костях черепа одного из скелетов оказалась погребальная маска. Скелеты в основном взрослых людей, но среди них обнаружены и детские. У южной стенки камеры в довершение всего лежали вплотную друг к другу 86 человеческих черепов без скелетов⁹.

Таким образом, из 19 известных нам ранне-таштыкских склепов в 10 оказались погребения разные по обряду¹⁰. Это доказывает закономерность подобного явления для Изыхского этапа. Вместе с тем это явление чрезвычайно важно для нас и по целому ряду других причин. Во-первых, оно прекрасно подтверждает правильность отнесения и обособления в ранний, Изыхский этап 19 указанных выше склепов, так как во *всех склепах более поздних этапов имеется лишь один обряд — трупосожжение и ни разу не оказалось ни одного трупоположения*. Начиная со II, Сырского этапа, на всем дальнейшем протяжении таштыкской эпохи безраздельно господствует только обряд трупосожжений, в склепах встречаются уже только кучки пережженных костей, причем сжигаются трупы и взрослых и детей.

Во-вторых, мы получаем хорошее доказательство тому, что таштыкская эпоха служит непосредственным продолжением тагарской, ибо тагарское население активно участвует не только в сложении новой культуры, но и смешиваясь с пришлыми элементами, кладет начало новому этногенетическому процессу, который в дальнейшем будет иметь большие последствия для населения Хакасско-Минусинской котловины. Для тагарской эпохи всегда основным видом погребений было трупоположение. Первоначально, на I тагарской стадии трупоположения были только индивидуальными, но уже на II стадии появляются коллективные трупоположения, которые на переходном тагарско-таштыкском этапе (или на III стадии по С. В. Киселеву) дополняются впер-

¹ ДИЮС, стр. 422 — в книге опечатка: указан склеп № 9, на самом же деле это погребение было обнаружено в склепе № 10, что установлено по рукописному отчету С. В. Киселева, хран. в Архиве ИИМК (Ленинград), ф. 35, д. 39, л. 7. Количество трупосожжений в раскопанных им склепах С. В. Киселев нигде не указывает.

² Установлено по полевому дневнику Саяно-Алтайской археологической экспедиции, любезно предоставленному мне С. В. Киселевым.

³ А. В. Адрианов. Выборки из дневников курганных раскопок, стр. 52.

⁴ С. В. Киселев. Материалы археологической экспедиции в Минусинский край в 1928 г., стр. 150.

⁵ Там же, стр. 151.

⁶ Там же, стр. 152; ср. ДИЮС, стр. 412.

⁷ В. П. Левашева, Варианты таштыкских погребений. КСИИМК, вып. XXV, М.—Л., 1949, стр. 98—99 и рис. 376.

⁸ Там же, стр. 99.

⁹ А. В. Адрианов. Доисторические могилы в окрестностях Минусинска. ИРГО, т. XIX, вып. 3, СПб., 1883, стр. 249—251; Е го же. Путешествие на Алтай и за Саяны, совершенное летом 1883 г. Зап. ЗСОРГО, кн. VIII, вып. 2, Омск, 1886, стр. 34—47. Ср. его письмо к Д. А. Клеменцу — Д. Клеменцу. Древности Минусинского музея. Томск, 1887, стр. 27—28.

¹⁰ Необходимо оговориться, что для 3 склепов из этих 19-ти мы не имеем сведений о погребальном обряде (№ 2, Усть-Тесь, 1932; № 3. Сыда, 1929 и склеп «на увале» у с. Лугавского, раскопанный В. Г. Карцовым в 1930 г.).

вые появляющимся обрядом трупосожжений¹. Этот новый погребальный обряд был принесен новым пришлым населением, которое, вытеснив часть тагарцев в северные лесные районы, вступило во взаимодействие со значительной частью оставшегося аборигенного населения. Борьба двух обрядов, начало которой хорошо отражено в больших погребальных склепах переходного тагарско-таштыкского времени, продолжалась, как выясняется, и на раннем, Изыхском этапе таштыкской эпохи, заканчиваясь ко времени Сырского этапа окончательной победой нового обряда трупосожжений. Последний надолго становится господствующим погребальным обрядом населения Хакасско-Минусинской котловины, во всяком случае, в течение всей эпохи древнехакасского государства, вплоть до XIII в.²

В таштыкское время, на Изыхском этапе, борьба двух погребальных обрядов выражается в сохранении в склепах не только одиночно встречаемых скелетов, но и коллективных трупоположений, хорошие примеры которых дают нам склепы № 5 у с. Кривинского, № 2 у с. Лугавского (1939) и, в особенности, склеп «Е» на Тагарском острове. Борьба эта отражена также и в появлении грунтовых погребений с преобладанием трупоположений с масками. Возникая еще в тагарско-таштыкское переходное время, грунтовые могилы становятся особенно характерными именно для Изыхского этапа и позднее уже неизвестны.

Борьба обрядов, засвидетельствованная при изучении погребальных памятников, является, на наш взгляд, отражением реальной борьбы двух основных разнородных по происхождению, по культурным традициям и тенденциям компонентов раннеташтыкского общества. И конец этой борьбы приносит весьма существенные для истории Сибири последствия. Прямые потомки древнего тагарского населения, главным образом те, кто оставил после себя раннеташтыкские грунтовые могилы, не желая покориться новым порядкам, оказались вынужденными так же покинуть свою родину, как и часть их тагарских предков, ушедших в начале тагарско-

таштыкского переходного этапа на север, очевидно, в результате военного поражения. Только так объясняется, непонятное иначе, исчезновение грунтовых могил на рубеже следующего, Сырского этапа. Это останется непонятным иначе еще и потому, что ведь надо принять в расчет широкое распространение грунтовых могил Изыхского этапа по территории Хакасско-Минусинской котловины. К тому же они образуют иногда большие кладбища — до 200 могил сразу, как это имело место на Уйбатском чаа-тасе³.

Самое же замечательное состоит в том, что намечается возможность археологически проследить путь этих переселенцев и этнографически подтвердить вхождение их как основного компонента в один из современных народов Сибири, на раннем этапе его истории. Подробности этого рассмотрим ниже.

Здесь следует решительно подчеркнуть, что из нашего понимания этих исторических сдвигов и этногенетического процесса, протекавшего в таштыкскую эпоху, отнюдь не следует, что все прямые потомки древнего тагарского населения покинули территорию Хакасско-Минусинской котловины. Как будет показано далее, значительная часть их осталась на месте и совместно с пришельцами положила начало новой культуре, передав по наследству все важнейшие достижения хозяйственного и социального порядка, к которым привело развитие исторического процесса еще в тагарскую эпоху. Следует полагать, что «таштыкцы» тагарского происхождения сыграли в этом даже основную роль, будучи хранителями и продолжателями более прогрессивной, земледельческой в основном, культуры, нежели пришельцы с их скотоводческим бытом.

Итак, вернемся к выводу, что изучение погребального обряда подтвердило известную преемственность таштыкской культуры от тагарской, закономерность выделения Изыхского этапа и его относительную дату как самого раннего этапа эпохи. Совершенно к такому же выводу приведет нас, как увидим ниже, и анализ погребального инвентаря, происходящего из ранних склепов.

ИНВЕНТАРЬ ИЗЫХСКОГО ЭТАПА

В разнообразном инвентаре не наблюдается больших расхождений между правобережными и левобережными склепами, что, очевидно, свидетельствует о культурном единстве и равном обществен-

ном положении тех, для кого укладывался в могилы более или менее одинаковый инвентарь. Имеющиеся различия объясняются, как мы наблюдали выше при сопоставлении керамики, вероятнее всего, неко-

¹ ДИЮС, стр. 221—223. Наилучший пример появления нового обряда трупосожжений дает предташтыкский курган № 8 Кызыл-кульского чаа-таса, в котором обнаружено свыше 100 необожженных скелетов. И несмотря на то, что камера его не подверглась окончательному сожжению перед насыпкой кургана, несмотря на то, что «ни угля, ни золы, ни следов кострищ в яме не было найдено», в нем оказались и трупосожжения, явно совершенные на стороне и затем внесенные в склеп — см. ОАК за 1897 г., стр. 54. В это же предташтыкское время вместе с трупосожжениями появился и таштыкский обычай укладывать пережженный прах в траву.

Это доказано находками в том же кургане № 8, на полу камеры, вместе с трупосожжениями, следов «кучек какого-то растения» — см. Труды Х АС, т. I, М., 1899, стр. 174. Кучки трупосожжений встречены совместно с целыми костяками и Аспелиным в Большом кургане у с. Тесь, где оказались останки около 100 погребенных — СМЯ, XXIX, Гельсингфорс, 1921.

² Начиная с XIII в. вплоть до XVII в. в археологическом изучении котловины существует до сих пор ничем не заполненный пробел. Погребальные памятники малоизвестны.

³ ДИЮС, стр. 400.

торой этнической обособленностью населения правого берега, при общем несомненном культурном родстве. В силу этого рассмотрим инвентарь тех и других совместно, обособив при этом только грунтовые могилы.

Посуда. Выше была уже подробно рассмотрена глиняная посуда Изыхского этапа, ее формы и орнаменты, проанализировано, по возможности, происхождение разных типов сосудов. Напомним только, что для раннего этапа характерно огромное разнообразие типов сосудов, среди которых представлены как почти все предташтыкские формы, так и формы, несвойственные не только тагарскому, но и переходному тагарско-таштыкскому времени, в чем, видимо, сказался приток нового населения. Напомним еще, что сходство форм некоторых сосудов и типов орнаментов, свойственных только керамике ранних склепов и грунтовых могил, помогает нам датировать последние, как и Лугавское поселение, Изыхским этапом. Здесь необходимо подчеркнуть еще одну важную особенность, присущую только керамике раннего этапа, не отмеченную нами выше. Дело в том, что многие раннеташтыкские сосуды, относящиеся к самым разнообразным типам, объединяются одним общим признаком — острореберностью, наличием острых плечиков (см. табл. IV). Этой особенности не было у предшествующих тагарских сосудов, нет ее и у посуды последующих таштыкских этапов. Только на II, Сырском этапе, что и понятно, оказались два острореберных сосуда — биконический и сосуд типа кубковидный III (табл. IV—141, 143). Но раннеташтыкская посуда была не только глиняной. Существовала и деревянная, которой, к сожалению, дошло до нас очень мало. Однако, С. В. Киселев указывает находки деревянных чаш или плошек в склепах № 5 и под з. к. № 1¹. Несомненно, были и другие формы. Подтверждение этому принесли находки склепа № 2 Изыхского чаа-таса, среди которых оказались две бронзовые обкладки горловины деревянного сосуда, соединенные узкой пластинкой. Внутри обкладок сохранились кусочки дерева от округленного венчика. Очевидно, некогда с помощью этих бронзовых частей была стянута трещина, которую дало горло сосуда.

В том же склепе оказались два железных ушка с частицами дерева в них (рис. 28—23). Эта находка позволяет считать, что употреблялись деревянные ведра с дужками для переноски воды и других жидкостей (молоко, кумыс и т. д.). Бронзовая оковка с парой заклепок, в которой также сохранился кусок горла деревянного сосуда, найдена и в склепе № 10 Уйбата.

Здесь же, очевидно, следует рассмотреть интересные миниатюрные воспроизведения сосудов, сделанные из бронзы, которые появляются только в раннеташтыкское время и становятся характерными предметами, находимыми и в более поздних склепах. Однако на Изыхском этапе формы их от-

личаются некоторым разнообразием, чего нет позже.

Так, например, найден маленький неглубокий округлый черпачок с прямой ручкой, имеющей на конце отверстие (рис. 28—15)². Другой — ковшик в виде круглодонного горшочка с ручкой, загнутой книзу (высота его 1 см). Конец ручки заострен в виде плоскости с отверстием для подвешивания (рис. 28—17)³. Ковшик своей формой точно воспроизводит круглодонные деревянные ковши с ручкой-сучком, найденные в грунтовой могиле Оглахтинского могильника⁴, во 2 Пазырыкском кургане Алтая⁵ и известные среди ханьских древностей⁶. Особенно важно сходство формы этого ковшика с деревянным из грунтовой могилы Оглахтов, ибо это еще одно доказательство правильности отнесения грунтовых к Изыхскому этапу. На последующих этапах таких ковшей уже нет.

Третьей формой миниатюрных «сосудов» из ранних склепов являются точные воспроизведения бронзовых котлов на коническом поддоне с двумя вертикальными ручками сверху, украшенными тремя гвоздевидными выступами (высота их 2,5—3 см). Среди них имеются гладкие «котелки» с гладким поддоном (рис. 28—9)⁷, «котелки» с двумя веревочными рельефными валиками и граненым поддоном (рис. 28—10)⁸ и «котелки» гладкие при граненом поддоне (рис. 28—11)⁹.

Только эта форма миниатюрных бронзовых «сосудов» продолжает существовать и на следующих этапах таштыкской эпохи. По назначению это подвески. Все они имеют отверстия в полых поддончиках, которые выходят внутрь самих «котелков». В одном случае сохранился ремешок, продетый в такое отверстие (склеп № 1 Уйбата II). Судя по тому, что ремешок закреплялся узелком, находящимся внутри «сосудика», такие котелки подвешивались ножкой вверх.

Все найденные в склепах подвески этого типа происходят из погребений Уйбатского чаа-таса и за более широкое их распространение свидетельствуют, быть может, лишь случайные находки анало-

¹ ДИЮС, табл. XXXVII, рис. 6; из склепа № 5 Уйбатского чаа-таса; о распространенности этой формы миниатюрных черпаков говорят факты случайных находок — ср. аналогичный бронзовый черпачок-подвеску, хран. в ГИМ, инв. № 64145, хранение 85/18а (рис. 28—16 — покупка в д. Тукай, Ужурского района, Красноярского края). Аналогичные по форме деревянные черпаки нормальной величины найдены в грунтовых могилах Оглахтов.

² Склеп № 5 Уйбатского чаа-таса — ДИЮС, табл. XXXVII, рис. 7.

³ Г. П. Сосновский. О находках Оглахтинского могильника. ПИМК, № 7—8, 1933, рис. на стр. 38; ср. ESA, XI, Хельсинки, 1937, фиг. 13 на стр. 81 (табл. IV—77).

⁴ С. И. Руденко. Второй Пазырыкский курган. Л., 1948, табл. X, рис. 2.

⁵ По С. В. Киселеву, такой ханьский сосуд хранится в музее Университета в Сяни (Китай).

⁶ Один из склепа № 5 Уйбата I и два из склепа № 1 Уйбата II — хран. в ГИМ.

⁷ Один из склепа з. к. № 1 Уйбата I и один из № 1 Уйбата II — хран. в ГИМ.

⁸ Один из склепа № 1 Уйбата II (всего для Изыхского этапа известно 6 штук).

¹ ДИЮС, стр. 428, прим. 7.

гичных миниатюрных «котелков»¹. Для чего были нужны подвески в форме котелков, черпаков и ковшей с изогнутой ручкой — пока неясно. Если бы они предназначались в качестве моделей — заме-

эпохи, то вряд ли нужно было бы их подвешивать. Обычно эти миниатюрные «сосудики»-подвески считаются амулетами², но возможно предположить и другое их назначение по аналогии с некоторыми

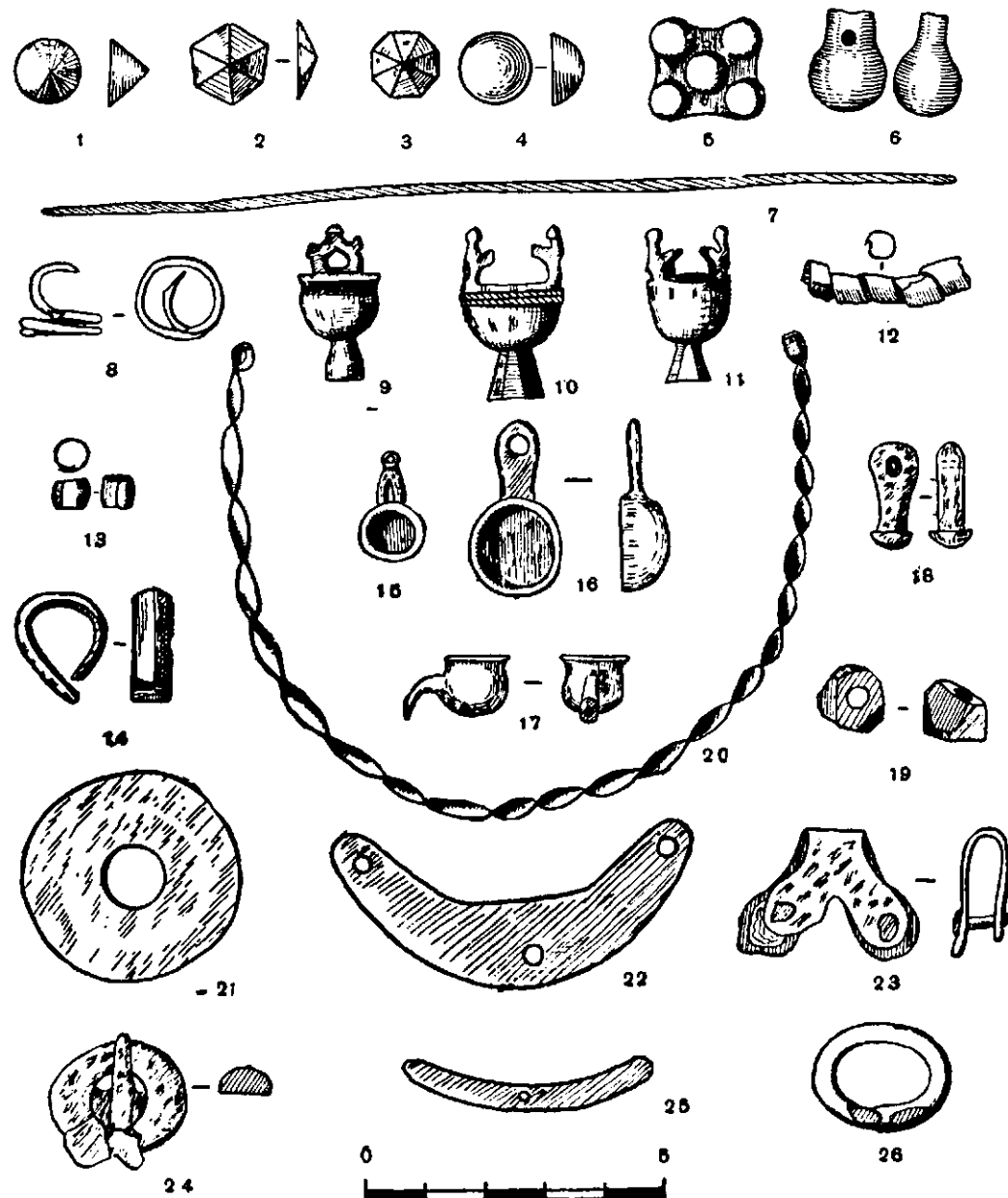

Рис. 28. Предметы Изыского этапа: 1—5 — деревянные бляшки, 6 — черный камень, 7 — белый сплав, 8—17 — бронза, 18 — железо, 19 — камень, 20 — шейная гривна из белого сплава, 21 — камень, 22, 25, 26 — бронза, 23—24 — железо. 7, 8, 12, 13, 14, 18—20, 23, 26 — из склепа № 2 Изыского чаа-таса; 16 — из д. Тукай Красноярского края (ГИМ); 4, 5, 9, 15, 17, 24 — из склепа № 5 Уйбатского чаа-таса; 1, 2, 3, 6, 10, 11, 21 из склепа № 1 Уйбата II.

нителей настоящих сосудов в погребальном обряде, что, вообще говоря, характерно для таштыкской

этнографическими фактами. Так, например, известно, что северные алтайцы еще в XVIII веке, находясь в зависимости от Джунгарского ханства, платили джунгарам дань котлами и таганами, изготовляемыми ими. Любопытно, что «сборщики дани в

¹ 1 из коллекции Лопатина (найден у с. Батени) — хран. в Гос. Эрмитаже, инв. 5531/1551, и 2 из коллекции Товостина (без указания мест находок) — хран. там же, инв. 3975/314 и 924; 14 штук хран. в Минусинском музее, № 10016—10017, 10019, 10020, 10022—10029 и 10031.

² ДИЮС, стр. 430.

то время носили в правом ухе особый знак власти, наподобие серьги. Знак этот тубалары называли «ойротон осадь» (ойротский таган), и представлял он собой *миниатюрный железный трехногий таган для котла*¹. Этот пример позволяет нам по-иному оценивать таштыкские миниатюрные котлы-подвески и видеть в них также своеобразный знак власти. В этой связи факт находок таких подвесок только в склепах Уйбатского чаа-таса, тем более что найдены они там в склепах трех этапов эпохи, приобретает особый смысл. В самом деле, Уйбатский чаа-тас сосредоточивает наибольшее количество склепов (там их раскопано 14) и других погребений таштыкской эпохи. Он служил кладбищем на всем протяжении этого времени, начиная с предташтыкского этапа (Большой курган Клеменца) и кончая огромным скоплением каменных курганов VI—X вв., образовавших позднее тот могильник, который и является собственно чаа-тасом. Другого такого огромного древнего кладбища в Хакасии нет, в особенности нет нигде такого скопления таштыкских склепов. Это обстоятельство заставляет полагать, что Уйбатский чаа-тас получил уже с начала таштыкского времени значение центрального некрополя, где прежде всего совершались погребения самых верхних слоев таштыкского общества, а позднее, явно не случайно, сооружались большие погребальные памятники знати древних хакасов, подчеркивающей этим свое происхождение от «благородных» таштыкских правителей.

В свете этих фактов мы полагаем, что где-то здесь в долине р. Уйбата в таштыкское время был расположен и политический центр, который, возможно, продолжал сохраняться и в эпоху древнехакасского государства. Укажем, что аналогичные таштыкским бронзовые миниатюрные привески в форме «скифских» котлов появляются позднее и в сарматских погребениях Нижней Волги². Возможно видеть в этом таштыкское влияние, тем более что теперь выявлены и пути его, а именно через Верхнюю Обь, где найдены таштыкские котелки-привески, также носившиеся в перевернутом виде³.

Несомненным остается первоначальное зарождение этих подвесок в Хакасско-Минусинской котловине в раннеташтыкское время. Здесь они появляются раньше, чем на западе. Здесь их много, а в сарматских погребениях найдена лишь одна. Наконец, миниатюрность их формы здесь закономерна, ибо обычай укладывать в погребения не сами вещи, а их миниатюрные воспроизведения зарождается еще в позднетагарское время и становится особен-

но характерным для таштыкского погребального обряда.

Одежда и украшения. Покрой одежды до сих пор не выяснен. Укажем лишь, что шилась она преимущественно из шерстяных тканей, обугленные остатки которых часто встречаются в склепах. Ткани эти ничем не отличаются от известных шерстяных тканей тагарской эпохи. Упомянем кстати единственную для погребений всей таштыкской эпохи находку — пряслице от веретена. Пряслице это совершенно круглое и гладкое, бывшее в работе (рис. 28—21). Сделано оно из серого песчаника и оказалось в склепе № 1 Уйбата II. Ввиду того что в склепах Изыхского этапа остатков одежды найдено мало, рассмотрим этот вопрос подробнее при изучении следующего, Сырского этапа⁴. Здесь же остановимся лишь на одной из принадлежностей костюма — на поясах и их пряжках.

Прежде всего в склепе № 5 Уйбатского чаа-таса найден цельный наборный пояс, уже описанный и изданный С. В. Киселевым⁵. Наременные бляшки и пряжка его с неподвижным шпеньком выделены нами выше в 3 тип пряжек. Кроме того, он имел еще шесть пряжек-подвесок для оружия, мешочков и других предметов (отнесены к 1 типу). На известную распространенность наборных поясов, носить которые было, очевидно, уделом знати, указывают находки в склепе № 2 Изыхского чаа-таса аналогичной пряжки 3 типа (рис. 7—б) и двух наременных бляшек, сделанных из бронзы. Одна из них — поясная привеска в виде кольца с вписанной в него парной воллутой (рис. 7—10), другая — просто наременная бляшка, украшавшая некогда несомненно наборный пояс. Последняя имеет шиток — обойму для продевания ремня, от которого с одной стороны отходят два отростка, образующие как бы дугу и два изогнутых отростка с другой стороны, причем между ними посредине тоже расположена парная воллута (рис. 7—13). Такие формы наременных бляшек встречены в таштыкских древностях впервые, но, как видим, они также хорошо подтверждают характерность орнаментального мотива в виде парной воллуты не только для пряжек, но и для поясных бляшек в раннеташтыкское время. Позже Изыхского этапа этот мотив уже более не встречается. Для этого же времени известна и еще одна округлоконечная удлинённая поясная привеска с круглым отверстием⁶. Как показывает приведенная выше таблица I, пряжки 2—4 типов, характерные для Изыхского этапа, позднее уже неизвестны, в том числе и пряжки с парными воллутами от наборных поясов. В погребениях следующих этапов эпохи наборные пояса не найдены. Но есть их части: наременные бляшки и поясные привески. Находки одиночных поясных пряжек все же более

¹ Л. П. Потапов. Разложение родового строя у племен Северного Алтая. ИГАИМК, вып. 128. М.—Л., 1935, стр. 105. Такой таганчик приобретен у тубаларов Гос. этнографическим музеем.

² P. Rau. Die Hügelgräber römischer Zeit an der unteren Wolga. Pskrowsk, 1927, abb. 49, рис. А. Высота 3 см, найден в к. В4 (Торгун, 1924). Дата II в.

³ М. П. Грязнов. Археологическое исследование территории одного древнего поселка. КСИИМК, вып. 40, 1951, стр. 109, рис. 30—138. Датировка — V—VI вв. (по М. П. Грязнову) нам представляется сильно завышенной.

⁴ Обрывки шерстяных тканей найдены, по указанию С. В. Киселева, в з. к. № 1 Уйбата I — см. ДИЮС, стр. 436, прим. I.

⁵ ДИЮС, стр. 438 и табл. XXXVII, рис. 32.

⁶ Найдена в склепе № 1 Уйбата II — хран. в ГИМ, инв. № 79956.

многочисленны. Очевидно, позже наборными поясами очень дорожили и не клали в погребения, да и для Изыхского этапа цельный наборный пояс найден лишь в одном случае. В склепе № 2 Изыхского чаа-таса оказалась еще одна уникальная бронзовая ременная привеска, имеющая антропоморфные очертания. Она напоминает застилизованное удлиненное лицо с глазами, переданными волотовыми завитками, намечены нос, рот и опускающиеся книзу зубы. Голова увенчана тремя расходящимися в разные стороны острыми зубцами

завоя пряхка из коллекции Лу. Она оформлена в виде личины того же усатого духа с тремя зубцами на голове. Отверстие в пряхке заменяет рот, а на подбородке расположен неподвижный крючок для укрепления ремня².

Наша привеска интересна еще и тем, что она имеет необычное устройство для закрепления ремня. С одной стороны у нее есть обойма для продевания ремешка, кусок которого в ней и сохранился. С другой стороны расположен своеобразный приемник — пластинка с маленьким круглым отвер-

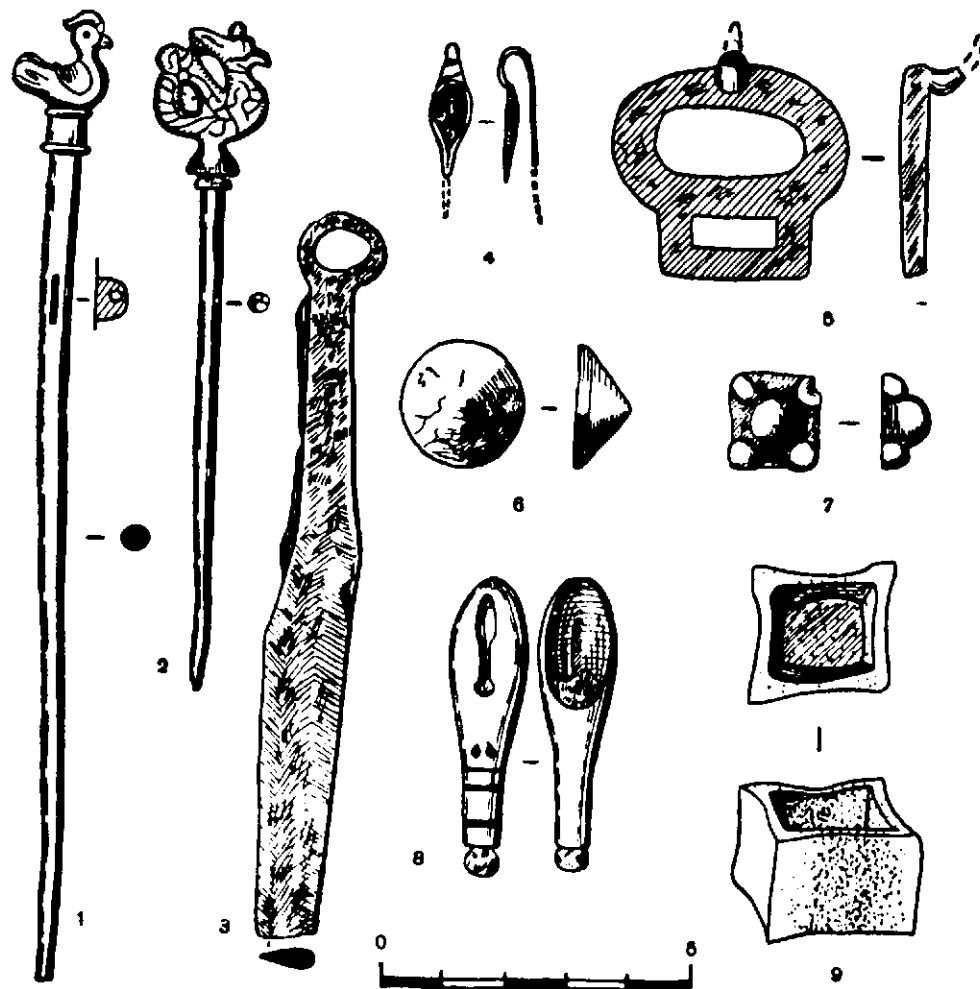

Рис. 29. Предметы тагарско-таштыкского переходного этапа (II—I вв. до н. э.): 1, 2, 4, 5, 8 — бронза, 3 — железо, 6, 7, 9 — глина. 1, 2 — случайные находки; 4, 6, 7 — из Большого кургана Уйбатского чаа-таса (Д. Клементи, 1889—1890); 5 — из кургана у с. Б. Барандат (Оссовский, 1896), 3, 8, 9 — из кургана № 8 Кызылкульского чаа-таса (Адрианов, 1897)

(рис. 7—9). Все это условное изображение напоминает личины дверных ручек китайского здания, раскопанного близ гор. Абакана, изображающие гения — хранителя дверей китайской мифологии. В особенности близки головные украшения из трех острых зубцов¹. Итак, сюжет этот был известен на Енисее, однако, несомненно, более близка нашей привеске, и по своему назначению, китайская брон-

стием, в которое продевался скрученный конец ремешка и затем, очевидно, завязывался. Входила ли эта фигурная привеска в состав наборного пояса — сказать трудно.

Как уже известно, наиболее распространенным типом пряхек для этого этапа и следующего будет тип I бронзовых пряхек с неподвижным

¹ ДИЮС, стр. 483, табл. 46, рис. 1—2.

² A. Salmony. Sino-Siberian art in the collection of C. T. Loo, Paris, 1933, Pl. XVI, рис. 4.

шпеньком и узким щитком с «насечками». Эта типичная для раннеташтыкского времени (первая половина эпохи) форма поясных пряжек появляется сразу в уже сложившемся виде в погребениях Изыхского этапа. Такой формы пряжек не было в предшествующее время, где до самого конца бытовали пряжки со шпеньком старых тагарских форм (рис. 29—5) ¹. Возможно, что пряжки I типа были принесены новым пришлым населением из Центральной Азии. Это как будто бы подтверждается находкой аналогичной пряжки I типа, сделанной С. А. Теплоуховым в 1927 году при раскопках одного из погребений в Туве, к югу от Саян ². Однако решит вопрос лишь подробное исследование синхронных памятников Тувинской автономной области.

И, наконец, в Изыхское время существовали овалы небольшие железные пряжки уже с подвижным язычком (8 тип), которые, вероятно, также были поясными (рис. 28—24). Они появляются впервые еще в курганах переходного тагарско-таштыкского этапа в Хакасско-Минусинской котловине ³, а на западе — в сарматских курганах начала II в. до н. э. ⁴. Затем и там и тут они существуют по II в. н. э. включительно. Необходимо отметить еще одну редкую форму железных пряжек — пряжку с неподвижными шпеньком и щитком из склепа № 1 Уйбата II (табл. IV, рис. 5). Нетрудно заметить, что это лишь подражание бронзовым пряжкам, но уже ведущее к выработке новых форм железных пряжек, которые и появляются позднее.

Итак, уже на Изыхском этапе, наряду с простыми ремennыми поясами с одной пряжкой, появились уже и наборные. Эти наборные пояса являются наиболее ранними, впрочем уже достаточно распространенными в гунно-сарматскую эпоху, правда, в каждом конкретном случае пояса из разных мест имеют разные формы бляшек и пряжек. В эту эпоху, следовательно, шел процесс поисков наиболее рациональных форм, который, как известно, привел к тому, что в VI—X вв. по всей территории Евразии, в особенности в кочевом мире, распространяются наборные пояса, имеющие уже большое сходство в формах наременных бляшек, привесок и пряжек. Следует признать, вслед за С. В. Киселевым, что древнейшие наборные пояса появляются прежде всего в Южной Сибири и Монголии, где они развиваются и совершенствуются и откуда они распространяются на запад ⁵. В самом деле, несколько более поздним, в сравнении с таштыкскими поясами Изыхского этапа, будет наборный пояс из гуннского кургана № 6 Ноин-Улы, относящийся

к I в. н. э. Он состоит из 14 овально-выпуклых удлиненных бляшек и одной пряжки в виде простого овального колечка с небольшой прямоугольной рамкой сзади. Четырехугольное отверстие рамки служило для укрепления одного конца пояса, а другой завязывался за кольцо. Все бляшки и пряжка отлиты из бронзы и позолочены сверху ⁶. Более ранним является наборный пояс из второго Пазырыкского кургана с серебряными прямоугольными бляхами с изображением сцены нападения льва на горного козла ⁷. Здесь может быть уже найдена та форма четырехугольных бляшек, которая позднее станет преобладающей почти на всех наборных поясах «кыргызских», тюркских и прочих «кочевнических» от Китая и до Венгрии.

Отметим еще некоторое количество особых украшений одежды, появившихся также в раннеташтыкское время. Это *деревянные нашивные бляшки* разных форм, всегда оклеенные золотым листочком, из-за чего, будучи нашитыми на одежду, они имели вид цельнозолотых украшений. Возможно, ими украшались только погребальные, а не обыденные одежды. Так, при малых затратах создавалась иллюзия пышного богатого костюма. Наибольшую распространенность имеют бляшки-конусики с круглым основанием (рис. 28—1) ⁸. Встречаются полушарные бляшки (рис. 28—4) ⁹, а также бляшки в виде шести- и восьмиугольных пирамидок (рис. 28—2, 3) ¹⁰. Подобные оклеенные золотом деревянные бляшки, округлые и пирамидообразные, характерны для одежд из алтайских курганов Шибэ и Катанда, относящихся ко II в. до н. э. — I в. н. э. ¹¹.

Почти все бляшки имеют по два отверстия для пришивания к одежде, которые проходили насквозь, включая и золотую оболочку. Нередко они найдены прямо на обрывках шерстяных тканей одежд. Особое значение имеют раннеташтыкские бляшки более сложной формы. Это деревянные квадратики с пятью выпуклостями — одна в центре и четыре по углам (рис. 28—5) ¹². Такая форма бляшек еще раз подтверждает преемственность таштыкской эпохи от предшествующего развития культуры, подтверждает закономерность выделения и датировки Изыхского этапа, ибо в погребениях последующего времени она уже не встречается. Бляшки с пятью выпуклостями и конусовидные появляются впер-

⁶ Пояс хранится в Отделе Востока Гос. Эрмитажа, шифр. МР.

⁷ С. И. Руденко. Второй Пазырыкский курган. Гос. Эрмитаж, Л., 1948, табл. XX, рис. 1 и 3.

⁸ Найдены в склепе № 1 Уйбата II — хран. в ГИМ, инв. 79956.

⁹ Склеп № 5 Уйбата I — хран. в ГИМ, инв. 78558.

¹⁰ Склеп № 1 Уйбата II — ГИМ, инв. 79956, и склеп № 10 Уйбата I — ГИМ, инв. 79956.

¹¹ ДИЮС, стр. 336 и 340, см. также Е. С. Видонова. Катандинский халат. Труды ГИМ, вып. VIII, М., 1939, стр. 178. Даже способ прикрепления бляшек такой же, как и у таштыкских.

¹² 46 штук таких бляшек найдено в склепе № 5 Уйбатского чаа-таса — хран. в ГИМ, инв. 78558; ср. ДИЮС, стр. 429, табл. XXXVII, рис. 13—25 и 28—31.

¹ Оссовский, 1896, с. Б. Барандат, курган «за поскотиной» — хран. в ГИМ, инв. 35174—12.

² Хран. в Гос. Эрмитаже, колл. 4692—52. Раскопки С. А. Теплоухова в Туве, в 1927 г. Шагонар, долина р. Чааты, гора Бай-даг. Пряжка эта округлоконечная с неподвижным шпеньком и узким щитком, с тремя парами «нарезок» по его бокам.

³ SMYA, XXIX, Helsingfors, 1921, fig. 4, рис. 6.

⁴ СА, XI, М.—Л., 1949, стр. 320, рис. 17 — «h» и «e».

⁵ ДИЮС, стр. 438.

вые в переходное тагарско-таштыкское время¹, правда, тогда их делали из глины, но также оклеивали золотыми листиками (рис. 29—6, 7).

Золото в виде листов, которыми оклеивались разнообразны, главным образом деревянные, предметы и украшения, часто встречается в таштыкских погребениях не только Изыхского, но и последующих этапов. С этими же целями оно применялось уже в тагарско-таштыкское переходное время. Подобное плющенное золото широко встречается в гунно-сарматскую эпоху в курганах Алтая², а также в гуннских погребениях Забайкалья и Монголии³. Интересно, что измерения таштыкских золотых листочков, произведенные в лаборатории ИИМК⁴, показали значительно лучшее искусство «таштыкцев» в его производстве, чем это было у алтайцев пазырыкского времени. Толщина листов оказалась не более 4—5 микрон, в то время как в пазырыкских курганах она составляет 15—30 микрон⁵. И если учесть, что современные золотобиты получают листки в 0,1 микрона, то все же следует признать большое совершенство таштыкской техники плющения золота, достигавшей равномерной толщины листка и придерживающейся этого стандарта. Последнее установлено измерением листочков из разновременных склепов.

* *

Личные украшения в склепах Изыхского этапа встречаются редко. Больше всего найдено бус. Особенно интересны двойная и тройная стеклянные золоченые бусины⁶ и стеклянная голубая⁷ — они встречаются, как увидим ниже, и в грунтовых погребениях, но их нет уже в склепах следующих этапов. И в этом подтверждается наша датировка грунтовых. Находятся еще цилиндрические бусины из синего стекла⁸, каменные граненые асимметричные (рис. 28—19)⁹ и каплевидные из черного камня (каменный уголь? — рис. 28—6)¹⁰. Последние интересны тем, что бусина совершенно такой же формы была найдена в составе ожерелья еще в ранней грунтовой могиле «Б» Уйбатского чаа-таса, относимой С. В. Киселевым к переходному тагарско-таштыкскому времени¹¹. Там же найдена бочон-

ковидная буса из согнутой бронзовой пластинки и совершенно такая же оказалась в одном из склепов Изыхского этапа (рис. 28—13)¹². Быть может, в качестве бусы употреблялась железная каплевидная привеска (рис. 28—18)¹³. Ни каплевидных бус, ни бус из бронзы уже нет в последующих погребениях эпохи.

Возможно, к личным украшениям относятся бронзовые кольца (рис. 28—14, 26)¹⁴ и трубочка-пронизка, свитая из бронзовой ленты (рис. 28—12)¹⁵.

Другие виды украшений представлены одиночным скромным *браслетом* из узкой бронзовой пластинки¹⁶. Возможно, что в качестве браслетов же употреблялись две совершенно подобные узкие пластинки с заостренными концами, сделанные, однако, из мягкого белого металла (рис. 28—7)¹⁷. Из пластинки такого же металла, но более широкой, изготовлена витая *шейная гривна* с колечками на концах (рис. 28—20)¹⁸. Гривна эта небольшая и она не могла целиком охватывать шею человека, а поэтому носилась на привязи совершенно так же, как носилась подобная ей гривна, найденная в одном из погребений на Верхней Оби¹⁹. Такая же вторая гривна найдена в одном правобережном склепе Изыхского этапа²⁰. Вероятно, подобные гривы существовали только на раннем этапе таштыкской эпохи. Это подтверждается как полным отсутствием гривн в погребениях последующих этапов, так и тем, что витые пластинчатые гривны в Южной Сибири зарождаются довольно рано. Такая витая гривна, изготовленная из золотой пластинки, происходит из кургана у с. Вавилонки, который С. В. Киселев относит еще к V—IV вв. до н. э.²¹

Серьги в таштыкских склепах не встречаются. Поэтому важна находка части такой серьги в склепе № 2 Изыхского чаа-таса. Здесь оказалась спиралька в 2,5 оборота из бронзовой проволоки. Один конец ее заострен для лучшего продевания в мочку уха (рис. 28—8). Не хватает только привесок, которые утрачены или нарочно сняты перед сожжением трупа ввиду своей ценности, чтобы получить хорошо знакомую форму серьги предшествующего тагарско-таштыкского времени. Еще в Большом кургане у с. Тесь Аспелиным было найдено четыре серьги, состоящие из золотых проволочных спиралей с подвешенными к ним золотыми миндалевидными листочками и стерженьками, на которые нани-

¹ Найдены Д. А. Клеменцом в Большом кургане Уйбатского чаа-таса, ГИМ, хран. 85/326.

² М. П. Грязнов. Первый Пазырыкский курган. Изд. Гос. Эрмитажа, Л., 1950, стр. 45, а также ДИЮС, стр. 236 сл.

³ Г. П. Сосновский. Дзэсгуйский могильник. ПИДО, 1935, № 1—2, стр. 171 и рис. 5 на стр. 173. Его же. Раскопки Ильмовой падь. СА, VIII, 1946, стр. 62; ср. Труды ТКОПОРГО, т. 1, вып. 2. М., 1899, стр. 10 и табл. XII, рис. 3а; а также Я. Н. Ходукин. Первые раскопки в горах Ноин-Ула. Иркутск, 1926 (отд. оттиск), стр. 4.

⁴ Измерения произвел Б. А. Колчин.

⁵ М. П. Грязнов. Первый Пазырыкский курган, стр. 45.

⁶ Склеп № 5 Уйбата I (2 экз.) — хран. в ГИМ, инв. № 78558.

⁷ Склеп № 5 Уйбата I (1 экз.) — хран. в ГИМ, инв. № 78558.

⁸ Там же (1 экз.).

⁹ Склеп № 2 Изыхского чаа-таса.

¹⁰ Склеп № 1 Уйбата II — ГИМ, инв. 79956.

¹¹ Хран. в ГИМ, инв. 79956; ср. ДИЮС, стр. 284 — в книге ожерелье указано в могиле В. Это, очевидно, опечатка.

¹² Склеп № 2 Изыхского чаа-таса.

¹³ Найдена там же.

¹⁴ Там же.

¹⁵ Там же.

¹⁶ Склеп № 5 Уйбата I, хран. в ГИМ, инв. 78558 ср. ДИЮС, стр. 439.

¹⁷ Склеп № 2 Изыхского чаа-таса. Найдены смятыми.

¹⁸ Найдена там же.

¹⁹ М. П. Грязнов. Археологическое исследование территории одного древнего поселка. КСИИМК, вып. 40. М., 1951, стр. 109, рис. 30—132.

²⁰ Склеп «к СВ от кургана № 5», на гриве «Малый Камешек» (Адрианов, 1895) — см. ОАК за 1895 г., стр. 151: «Бронзовая проволока, скрученная и изогнутая в форме дужки».

²¹ ДИЮС, табл. XXIX, рис. 8.

заны бисерины и кусочки кораллов¹. Вряд ли можно согласиться с их издателем Тальгреном, который считает этот тип серег эллинистическим, заимствованным с запада. Скорее следует подчеркнуть их несомненное восточное происхождение, ибо совершенно такие же серьги встречаются в гуннских погребениях II — начала I века до н. э. в Забайкалье². Близкие по типу серьги с подвесками найдены на Алтае во втором Пазырыкском кургане³ и в погребении у с. Каракол⁴, относящемся к тому же времени.

В Хакасско-Минусинской котловине такая же серьга обнаружена и в кургане № 8 Кызыл-кульского чаа-таса, одновременном Тесинскому⁵. Как видим, подобные серьги еще употреблялись в раннеташтыкское время.

Здесь же следует упомянуть находку в склепе под з. к. № 1 Уйбатского чаа-таса наголовного украшения в виде особым образом оформленной «косы» из волос, пряди которой обвивают по спирали волосяную же основу⁶. Такие уложенные овально на макушке «косы» носили мужчины, что доказывается найденной в этом же склепе великолепно вырезанной из дерева головки усатого мужчины⁷. Такая овальная «коса», свитая из рыжих волос и прекрасно сохранившаяся, найдена в грунтовой могиле № 1 Оглахтинского могильника⁸. Примечательно, что такие «косы»-украшения в натуре и в скульптурном воспроизведении встречены в склепе Изыхского этапа и в синхронном ему грунтовом погребении, а позднее неизвестны.

Станным кажется, что такой распространенный не только в тагарское, но и в переходное к таштыкскому время обычай, как укладывание с прахом покойного среди прочих туалетных принадлежностей *зеркал*, совсем исчезает в таштыкскую эпоху. Поэтому таштыкские зеркала неизвестны. Этот факт, с одной стороны, свидетельствует лишний раз об изменении погребальной обрядности, с другой — заставляет предполагать, что в быту таштыкского населения стали употребляться какие-то новые несравненно более дорогие зеркала, чем тонкие бронзовые тагарские диски, и поэтому живые предпочитали оставлять их у себя. Такие зеркала должны были быть более совершенными, во-первых, и дорогостоящими, привезенными издалека, во-вторых. Эти соображения действительно подтвердились, когда в 1951 г. нам впервые удалось найти обломок такого зеркала в склепе № 2 Изыхского

чаа-таса. Он является частью великолепного китайского зеркала, первоначально круглой формы, отлитого из совершенно неокисляющегося белого сплава. Достаточно сказать, что после того как он пролежал около 2000 лет в земле и был вынут нами, без всякой предварительной очистки можно было смотреться в его прекрасно заполированную, буквально зеркальную поверхность с таким же успехом, как в новое зеркало. Обратная сторона зеркала имела по краю гладкий бортик и несколько углубленную центральную часть, покрытую рельефными украшениями (рис. 30—1). Переход от бортика к углублению середины выполнен скошенным внутрь рубчатым пояском. Некогда острые выступы излома значительно притуплены от длительного употребления этого обломка в быту, благодаря чему можно заключить, насколько дорогими для

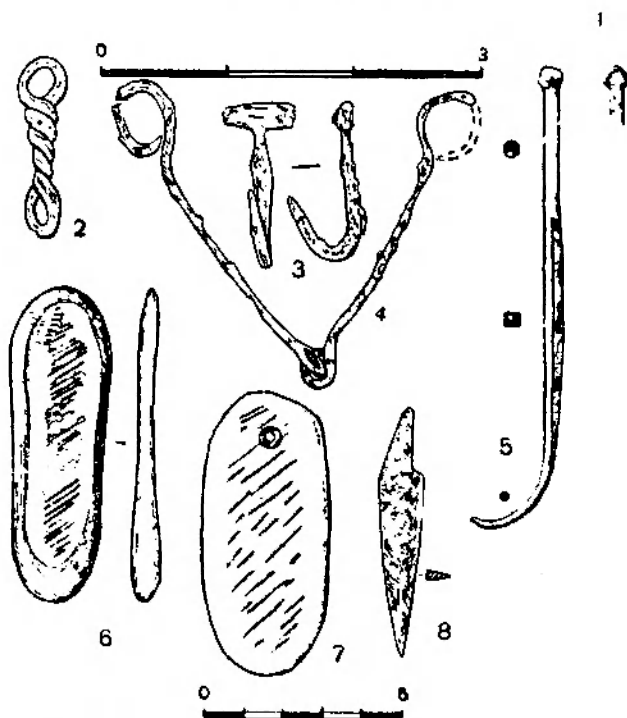

Рис. 30. Предметы Изыхского этапа: 1 — белый сплав (сильно увеличено), 2—5 и 8 — железо, 6—7 — камень. 1—6 и 8 — из склепа № 2 Изыхского чаа-таса, 7 — из склепа № 3 у с. Кривинского

¹ ДИЮС, стр. 280; ср. SMYA, XXIX. Гельсингфорс, 1921, фиг. 5, рис. 1—4.

² Найдены вместе с китайскими монетами «У шу», выпущенными со 118 г. до н. э. Труды ТКОПОРГО, т. III, вып. 2—3. Иркутск, 1902, стр. 27 и табл. III, к; ср. т. IV, вып. 3.

³ С. И. Руденко. Горноалтайские находки и скифы. М.-Л., 1952, стр. 111, рис 51-в.

⁴ ДИЮС, стр. 349, табл. XXXII, рис. 4 и 9.

⁵ Там же, стр. 280, хран. в ГИМ.

⁶ Там же, стр. 440.

⁷ Там же, стр. 435, табл. XXXVIII, рис. 2.

⁸ Г. П. Сосновский. О находках Оглахтинского могильника. ПИМК, № 7—8, 1933, фото на стр. 35; ср. ESA, XI, Хельсинки, 1937, стр. 73, фиг. 4, хран. в ГИМ.

«таштыкцев» были такие зеркала. Рассмотрение орнамента приводит к выводу, что мы имеем дело с обломком зеркала, относящегося к широко известной группе ханьских зеркал так называемого типа «TLV»¹, известного как по большой серии беспаспортных предметов, так и по непосредственным находкам в ханьских погребальных комплексах².

Хронология типов ханьских зеркал еще не разработана, однако ряд авторов относит группу «TLV» ко времени старшей династии Хань (206—25 гг. до н. э.).

М. П. Лаврова, анализируя эту группу зеркал по ее стилистическим особенностям, считает стиль «TLV» «строго классическим» и древнейшим среди прочих ханьских зеркал³. Значительно точнее определяет дату «TLV» О. Сирен, который разделяет их на два вида и считает зеркала с гладким бортиком древнейшими (сюда относится и наш обломок), а зеркала «TLV» с бортиком, покрытым богатым орнаментальным узором, — появляющимся к рубежу н. э.⁴ Таким образом, наиболее вероятной датой выпуска таких зеркал, как найденное нами в склепе № 2 Изыхского чаа-таса, будет II—I вв. до н. э. Это хорошо подтверждается и фактами, известными в археологии Сибири. Так, например, абсолютно схожее во всех деталях орнаментики и в размерах зеркало с гладким бортиком (вернее, его обломки), сделанное из белого сплава, найдено в одной из гуннских могил Забайкалья, в Бурдуе, с комплексом вещей I в. до н. э.⁵

Эта аналогия важна, во-первых, потому, что она подтверждает наличие таких зеркал у господствовавших в это время над Центральной Азией гуннов, которые, располагаясь в непосредственной близости от границ Китая, получали там зеркала и путем торговли, и грабительски захватывая их во время своих набегов; во-вторых же, потому, что тем самым мы получаем основание и склеп № 2 Изыха относить к I в. до н. э. При учете длительного бытования нашего обломка более вероятной является вторая половина I в. до н. э.

Это же время подтверждается находкой зеркала «TLV» из белого сплава в комплексе вещей с жертвенного места у д. Ишимки (на острове р. Чулыма, в 50 км к северу от г. Ачинска), древнейшие вещи которого датируются временем до рубежа н. э.⁶

Очевидность такой датировки становится осо-

бенно доказательной, если учесть, что в более поздних гуннских памятниках I в. н. э. найдены обломки не зеркал «TLV», а ханьских зеркал уже другого, более позднего типа⁷.

Упомянем, наконец, еще один вид украшений, гораздо более известный по погребениям следующего этапа, но встречающийся и в раннеташтыкское время — *деревянные резные нашивные плакетки*. Сохранилось только несколько обломков одной тонкой дощечки, покрытой с одной стороны нарезным ромбовидным орнаментом из пересекающихся линий⁸.

Оружие и сбруя представлены в склепах очень бедно. Очевидно, как правильно предполагает С. В. Киселев, оружие класть в могилы опасались⁹. Найдены только *древки стрел*, причем с них заранее сняты были втульчатые наконечники, что доказываются находками заточенных на конус концов их, подготовленных для надевания таких наконечников¹⁰. В нижней части древка имеется обычный арочный выем для тетивы.

И все-таки в склепах найдены *наконечники стрел*, но не металлические, а костяные. Еще Адрианов сообщал о находке в склепе «Е» на Тагарском острове «6 костяных наконечников стрел и копий; одни насаживались прямо заостренным концом, другие имели высверленное отверстие и, наоборот, надевались на древко»¹¹. Таким образом, в этом склепе оказались как втульчатые, так и черешковые наконечники стрел (рис. 31—2—5)¹². Один из костяных наконечников, происходящих из этого склепа, был опубликован С. А. Теплоуховым¹³. Он имеет трехгранную башневидную головку с выпущенными шипиками и выходящий из-под нее длинный черешок. По форме он напоминает еще архаичные «скифские» бронзовые наконечники стрел и, во всяком случае, несомненно связан с тагарскими, как и другой — того же типа (табл. IV—8). Три костяных наконечника найдены С. В. Киселевым в правобережном склепе у с. Усть-Сыды (ко № 1, 1929). Они плоские, четырехгранные, вытянуто-листовидные, с черешком¹⁴. И, наконец, один такой же наконечник, также вырезанный из кости (четы-

⁷ В. Ноин-Уле: С. Trever. Excavations in Northern Mongolia. Leningrad, 1932, табл. 26, рис. 3; в Ильмовой пади: Г. П. Сосновский. Раскопки в Ильмовой пади. СА, VIII. М.—Л., 1946, стр. 62, рис. 12; ТТКОРГО, т. I, вып. 2. М., 1899, табл. XII.

⁸ Найдены в склепе № 1 Уйбата II (ГИМ).

⁹ ДИЮС, стр. 432.

¹⁰ Найдены в склепе № 5 Уйбатского чаа-таса — хран. в ГИМ, инв. 78558. Вероятно, на Изыхском этапе еще употреблялись бронзовые наконечники (типа «ярусных», втульчатых наконечников «Ишимскогоклада» — А. Ермолаев. Ишимская коллекция, табл. II, рис. 2—3).

¹¹ А. В. Адрианов. Доисторические могилы в окрестностях Минусинска. ИРГО, т. XIX, 1883, вып. 3. СПб., 1883, стр. 250.

¹² Под наконечниками «копий» следует понимать длинные наконечники стрел. Хранятся в Минусинском музее.

¹³ С. А. Теплоухов. Опыт классификации древних металлических культур Минусинского края. МЭ, т. IV, вып. 2, Л., 1929, стр. 57, табл. II, рис. 16.

¹⁴ ДИЮС, стр. 433, хран. в Минусинском музее.

¹ O. Sirén. Histoire des arts anciens de la Chine, II, L'époque Han et les six dynasties. Paris et Bruxelles, 1929, стр. 56—57, Pl. 66, рис. A, B.

² Bulletin de la Société d'anthropologie de Bruxelles, t. XXXVI, 1921, Bruxelles, 1923, pl. V, на стр. 75. В Минусинском музее хранится одно, случайно найденное у д. Монок, зеркало этого типа — № 5183.

³ М. П. Лаврова. Китайские зеркала Ханьского времени. МЭ, т. IV, вып. I. Л., 1927, стр. 1—14 и рис. 1—5.

⁴ O. Sirén. Ук. соч., стр. 57.

⁵ Ю. Талько-Грынецвич. Материалы к палеоэтнологии Забайкалья, VI. Труды ТКОПОРГО, IV, вып. 2. М., 1902, стр. 50 и табл. 2-п.

⁶ А. Ермолаев. Ишимская коллекция. Красноярск, 1914, табл. III, рис. 8.

рехгранный, вытянутый), оказался в склепе № 1 Уйбата II (рис. 31—1) ¹. Все эти находки по своим типам еще очень близки к тагарским костяным наконечникам и характерно, что они встречаются только в памятниках Изыхского этапа. В более поздних склепах их нет. Отсутствие в склепах металлических наконечников и вместе с тем наличие, хотя и небольшого количества, костяных объясняется весьма правдоподобным мнением С. В. Киселева о том, что стрелы с костяными наконечниками были, очевидно, охотничьими, а не военными и поэтому они не считались оружием, способным вредить человеку ².

тельствующей о колчанах, остаются только эти крючки ⁴.

Несомненно существовало и защитное оружие, хотя в этом отношении погребальные инвентари очень бедны. Особо замечательна найденная в з. к. № 1 Уйбага очень прочная пластинка из китайского папье-маше, покрытая красным лаком. Она имеет трапециевидную форму и отверстие в верхней части. По предположению С. В. Киселева, это *пластинка от китайского чешуйчатого панциря* ⁵. Однако такая находка имеет значение для установления даты, ибо китайские изделия, покрытые лаком, совсем не встречаются в склепах последую-

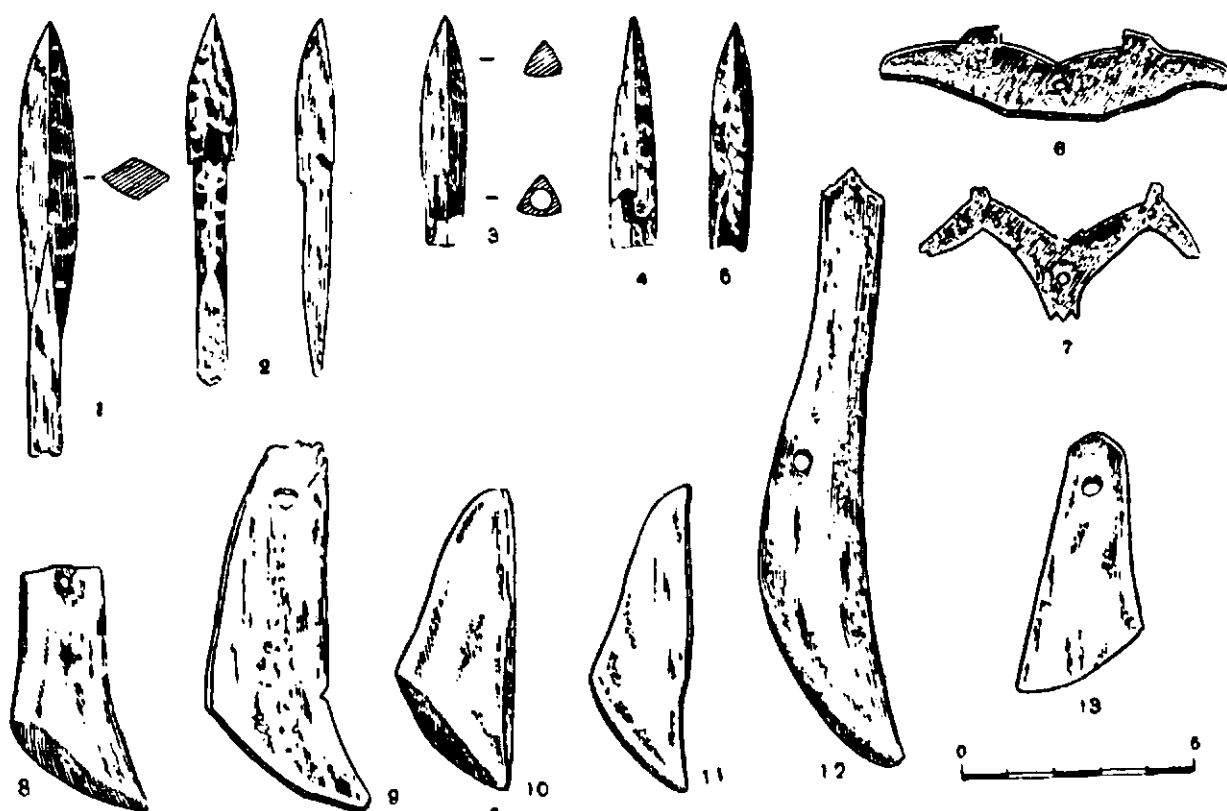

Рис. 31. Предметы Изыхского этапа: 1 — из склепа № 1 Уйбата II; 2—8 — из склепа № 6 (Е) на Тагарском острове (Адрианов, 1883); 9—13 — случайные находки (9 — д. Лепешкина; 10, 12, 13 — с. Лугавское; 11 — с. Восточное — Минусинский музей). 1—5 и 8—13 — кость; 6—7 — бронза

Но все же с погребениями в могилу укладывались, как сказано, древки настоящих стрел. Хотя последние имели нормальные размеры, однако в погребальный инвентарь входили миниатюрные берестяные колчаны типа горитов ³. Все колчаны имели железные крючки для подвешивания одной устойчивой формы, появляющейся только в раннеташтыкское время. Крючок этот имеет не округлую петлю сверху, как это было еще у позднетагарских колчанов, а поперечную перекладинку (рис. 30—3). Ввиду сгорания бересты, обычной находкой, свиде-

ших более поздних этапов, зато известны в ряде случаев в грунтовых могилах и вообще распространяются у гуннов и в Южной Сибири в I в. до н. э. — I в. н. э.

Ножи в погребениях встречаются редко. Это небольшие (5—6 см длиной) железные ножички с выпуклой спинкой и коротким черешком, расположенным несколько под углом к лезвию (рис. 30—8) ⁶. Здесь же следует упомянуть и находки *осел-*

⁴ Найденны: Кривинское, ко № 3 (3 экз.); Уйбат I, склеп № 5 (3 экз.); з. к. № 2 (1 экз.); «Малый Камешек», к. № 5 (2 экз.); оклеп «Е» на Тагарском острове (2 экз.) и оклеп № 2 Изыха (1 экз.).

⁵ ДИЮС, стр. 433.

⁶ Склеп № 2 Изыхского чаа-таса (2 экз.) и склеп № 2 у з. Усть-Тесь, 1932 (1 экз.) — хран. в ГИМ, 46/3.

¹ Хран. в ГИМ, инв. № 79956.

² ДИЮС, стр. 433.

³ Там же.

ков для точки ножей, которые обычно носились у пояса. Для изготовления их часто использовали речные гальки, которые иногда имеют просверленные отверстия (рис. 30—7), а иногда и без них (рис. 30—6)¹. Все они хорошо зашлифованы и сохраняют следы сношенности от употребления, а также характерные царапинки. Отметим обрывки железных цепочек, состоящих из восьмеркообразных крученых звеньев (рис. 30—2)². На такие железные цепочки подвешивались ножны ножей, как это выяснено при раскопках более поздних Одиновских погребений на Верхней Оби³. В склепе № 2. Изыхского чаа-таса найдено железное *шило*. Само острое и ручка этого шила круглые в сечении, а середина — четырехгранная. Ручка имеет сверху небольшую головку (рис. 30—5). Эта находка также подтверждает раннюю датировку этапа и его связь с предшествующими тагарскими древностями, ибо шило, несомненно, выполнено по образцу подобных тагарских шильев.

* * *

В отличие от предшествующих тагарских погребений, в таштыкских склепах к числу наиболее многочисленных находок уже с самого раннего времени относятся части конского снаряжения. Очевидно, значение коня в жизни схороненных в склепах «таштыкцев» несравненно выросло по отношению к его значению в быту тагарских динлин. Можно прямо сказать, что большинство погребенных в раннеташтыкских склепах были всадниками, для которых конь был постоянным спутником их жизни. Это особенно наглядно выражают постоянные находки в склепах *миниатюрных железных уди*л или их обломков (рис. 30—4)⁴. Все они двуставные кольчатые, совершенно аналогичные по форме удилам из гуннских погребений Ноин-Улы⁵ и алтайских курганов типа Пазырык⁶ и Шибэ⁷. Изготавливались они из двух выкованных

тонких железных стерженьков, всегда четырехгранных в сечении. По указанию С. В. Киселева, миниатюрные удила, правда бронзовые, впервые появляются еще в курганах переходного тагарско-таштыкского времени⁸. Наши наблюдения вносят одну важную коррективу в прежние представления. Совершенно очевидно, что с прахом покойных укладывались не отдельные миниатюрные удила, а целые миниатюрные уздечки с такими удилами. Это доказывают неоднократно встреченные случаи, когда на кольцах удила сохраняются прикипевшие в огне обрывки тонких уздечных ремешков, а однажды к продольному ремешку, идущему от кольца удила, был привязан узелком поперечный, который у нормальных узд охватывает переносье коня. Окончательное подтверждение этому дают находки деревянных, иногда сохраняющихся, миниатюрных псалий от таких узд. Ввиду того что они найдены в склепах следующего, Сырского этапа, то вернемся к этому вопросу ниже.

Имеются основания считать, что железные пряжки, встречающиеся в раннеташтыкских склепах (табл. IV—5, рис. 28—24), происходят не от поясных ремней, а от конских подпруг, и в силу иного назначения они изготовлялись из железа, а не из бронзы, как преобладающее количество поясных пряжек, и имели отличные формы (например, тип 8 — пряжки с подвижным уже язычком). Тогда становится понятной и причина малого количества находок их в склепах. Подпруги, вероятно с моделями седел, сопровождали погребенных лишь в редких случаях, а пояса с бронзовыми пряжками, которые встречаются в особенно большом количестве, имелись почти у каждого погребяемого, во всяком случае у состоятельных мужчин. Особенно богатые люди, как уже сказано, опоясывались даже наборными поясами. Вероятно, именно с богатыми только и погребались модели седел с подпругами.

РАННЕТАШТЫКСКОЕ ИСКУССТВО

Склепы Изыхского этапа особенно четко обособляются от последующих и связываются с тагарской эпохой стилистическими особенностями предметов изобразительного искусства, которые в них найдены в довольно большом количестве. Для создания тех или иных изображений животных, птиц и человека с равным успехом и мастерством

применялись самые разнообразные материалы: дерево и кость, бронза и глина, железо и камень. Таштыкское искусство, как увидим, включаясь в широкий круг художественных памятников гунно-сарматской эпохи, испытал известные влияния со стороны, сохраняло при этом, однако, свои самобытные черты и особенности, создавало особые

¹ Просверленные найдены: в склепе «на увале» у с. Луговского (Карцов, 1930, 1 экз.) — хран. в Гос. Эрмитаже, инв. 1256—1, Кривинское, ко № 3 (1 экз.) — хран. в ГИМ (см. С. В. Киселев. Материалы археологической экспедиции., табл. V, рис. 25). Один непросверленный оселок оказался в склепе № 2 Изыха.

² Склеп № 2 Изыхского чаа-таса (2 звена) и склеп № 2 у с. Усть-Тесь. 1932 (1 звено с колечками присоединений) — хран. в ГИМ. 46/3.

³ КСИИМК, вып. 40. М., 1951, рис. 30 (113).

⁴ Найдены Кривинское, ко № 3 (14 обломков); Сыда, ко № 3, «Малый Камешек», к. № 5 (2 экз.); Уйбатский чаа-

тас, склеп № 5 (5 экз.), з. к. № 1 (2 экз.); з. к. № 2 (1 экз.); Уйбат II, склеп № 1 (6 экз.). В склепе № 2 Изыхского чаа-таса найдено в целом виде и в обломках около 35 экз.; Луговское (1939), ко № 1 (1 экз.), ко № 2 (1 экз.) — см. КСИИМК, вып. XXV. М.—Л., 1949, стр. 97—99 и рис. 36—8, 13.

⁵ ПИДО, 1935, № 9—10, стр. 233, рис. 9.

⁶ М. П. Грязнов. Первый Пазырыкский курган, стр. 54 и рис. 20 на стр. 55.

⁷ С. В. Киселев. Из работ Алтайской экспедиции. СЭ. 1935, № 1, рис. 9 и Труды ГИМ, вып. XVI, М., 1941, стр. 89, рис. 8.

⁸ ДИЮС, стр. 280.

только ему присущие образы, предназначенные для обслуживания конкретных потребностей своего общества. Рассмотрим несколько основных групп раннетащтыкских сюжетов.

• • •

I. Постоянно встречаются в тащтыкских скле-

ко в погребениях Изыхского этапа и позднее неизвестны¹. Огромное распространение получили бронзовые воспроизведения этого сюжета. Изготавливались они индивидуально, а не путем шаблонного производства. Все они совершенно разные и на них ярко отразились творческие возможности каждого мастера. Наряду с полностью реалистичными,

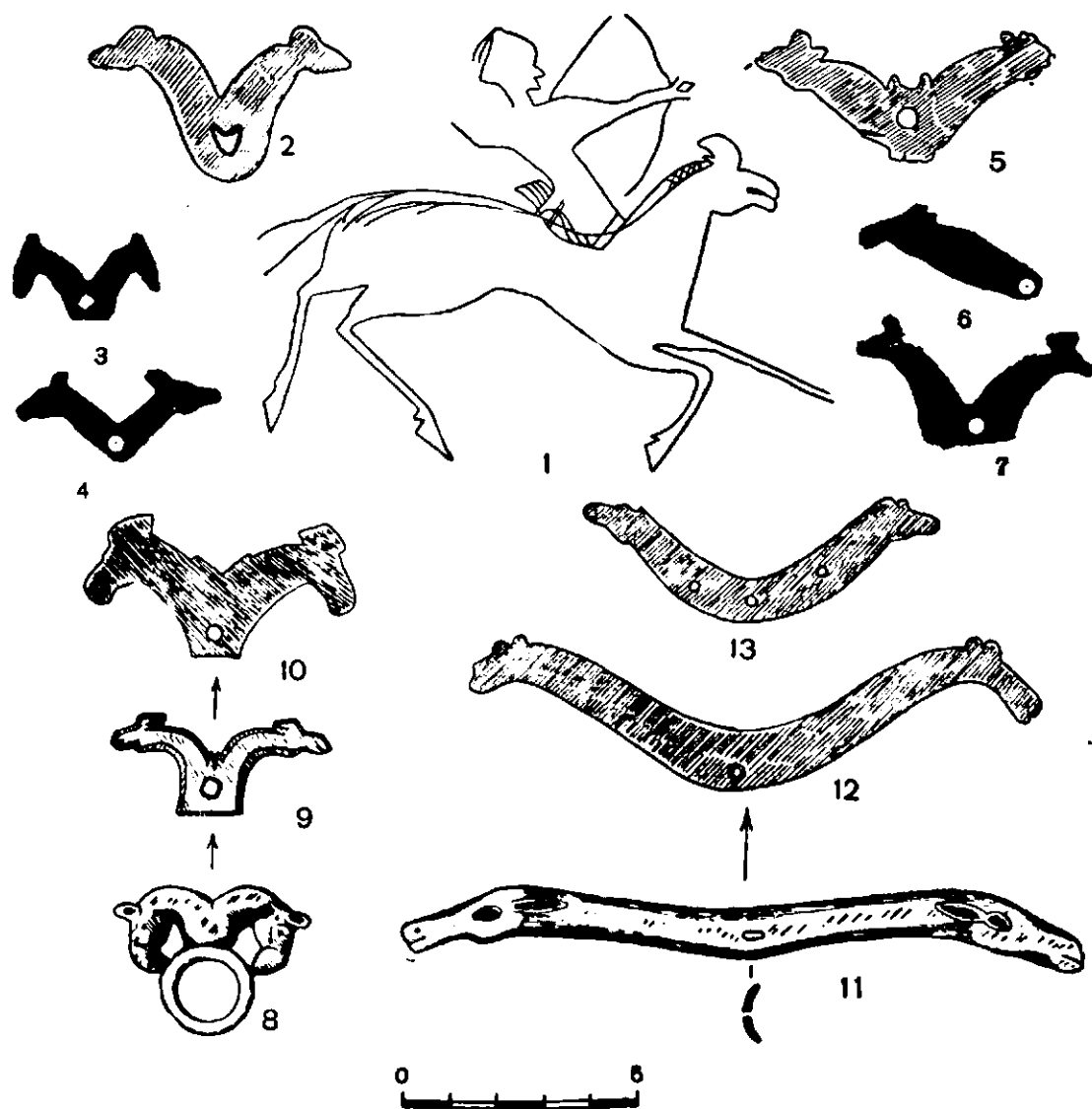

Рис. 32. 1 — наскальный рисунок, 2—13 — бронзовые амулеты: 2—7, 9, 10, 12, 13 — раннетащтыкские амулеты Изыхского этапа (2 — склеп № 3 у с. Кривинского; 10 — склеп № 1 Уйбата II; 12 — з. к. № 2 и 13 — склеп № 5 Уйбатского чаа-таса; 3—7, 9 — из склепа № 2 Изыхского чаа-таса), 11 — тагарский (к. № 1, погребение № 1 у с. М. Иня, Адрианов, 1896), 8 — из Ордоса

пах, на всем протяжении их истории, профильные изображения двух конских голов, повернутых мордами в противоположные стороны. Делались они из дерева, кости и более всего из бронзовых пластинок. Деревянные парные головки, оклеенные плющеным золотом, благодаря чему они приобретали вид массивных золотых вещей, найдены толь-

встречаются грубые, едва намеченные в условной стилизации головы коней. Их изготавливали путем вырубания легким зубильцем из тонких или довольно толстых бронзовых пластинок. По отпечаткам на них, полученным при случайных неточных

¹ 9 экз. в склепе № 5 Уйбата I — ДИЮС, стр. 437, а также в грунтовых могилах урочища Салбыж (1955).

ударах, видно, что зубильца эти имели рубящее острие шириной до 7 мм при миллиметровой толщине¹. Все они имеют отверстия в большинстве своем круглые, пробитые металлическим бородком, реже — овальные и четырехугольные. Как исключение, встречаются пластинки без отверстий.

Раннеташтыкские изображения парных конских головок значительно отличаются от изготовлявшихся на последующих этапах тем, что:

1) иногда они делались из дерева, а позднейшие все из бронзы и очень редко из кости;

2) среди бронзовых встречаются толстые (до 3 мм), как бы литые, с головками коней, выполненными в высоком рельефе (рис. 32—9). Позднее таких нет совсем;

3) среди пластинчатых силуэтных имеются парные головки, выбитые на концах узких и длинных изогнутых пластинок (рис. 32—12, 13). Таких в склепах Изыхского этапа известно довольно много², а позднее они уже не встречаются совсем;

4) и, наконец, среди уже «нормальных» бронзовых изображений парных конских головок встречаются пластинки с полулунным отверстием (рис. 32—2). Это тоже ранний признак³, как и то, что встречаются изображения с двумя и даже тремя отверстиями вместо одного (рис. 32—13).

Парные головки птиц и животных украшали, как известно, многие предметы тагарской эпохи: ножи, кинжалы, пряжки, зеркала и т. д.⁴. Среди них много и конских головок. Но в особенности важно, что имеются изображения уже в той же самой композиции — повернутые в разные стороны головки коней. Это, прежде всего, длинные узкие толстые бронзовые накладки, оканчивающиеся рельефными головками коней, повернутыми в разные стороны (рис. 32—11)⁵. Они иногда имеют с оборотной стороны, посередине, петельку, но встречаются и накладки с отверстием. Назначение этих предметов не выяснено.

Нетрудно, при сопоставлении, увидеть большое сходство с раннеташтыкскими изображениями, среди которых, как указано, имеются такие же длинные и узкие пластинки с головками, отличающиеся только тем, что они плоские (рис. 32—12). Но если вспомнить, что среди таких же предметов Изыхского этапа есть и рельефные конские головы (рис. 32—9), то закономерно напрашивается вывод о генетической связи этой группы раннеташтыкских

изображений парных головок коней с предшествующими тагарскими. Однако сложение сюжета происходило сложнее, чем кажется на первый взгляд. В самом деле, ведь уже на Изыхском этапе, наряду с рассмотренными переходными формами, существуют законченные типы этих изображений, которые затем, уже не изменяясь, существуют все последующее таштыкское время и даже встречаются в ранних погребениях VI—VIII вв. Это неширокие пластинки с парными конскими головками, расположенными вплотную друг к другу, с выступом внизу, в котором пробито отверстие (рис. 32—10). Эту форму, возникшую сразу же в раннеташтыкское время, нельзя признать переходной, так как она значительно отличается от тех тагарских изображений, которые, несомненно, послужили прототипом длинных узких пластинок первой группы, не имеющих никаких выступов. Вторая группа имеет, на наш взгляд, другое происхождение. Ведь надо иметь в виду, что подобные парные головки коней имелись и в Центральной Азии. Так, например, они известны среди гунно-китайских бронз из Ордоса. Один из таких предметов, в виде двух тесно слившихся рельефных головок коней с кольцом внизу, очевидно, послужил прообразом для второй группы раннеташтыкских изображений парных головок лошадей (рис. 32—8)⁶. Приобретена была лишь плоскостная силуэтность, а кольцо превратилось в круглое отверстие в выступе. Но этот процесс мог протекать еще в степях самой Центральной Азии, а в Хакасско-Минусинскую котловину новым пришлым оттуда населением были, вероятно, занесены уже готовые пластинчатые изображения, которые продолжали бытовать здесь в течение очень длительного времени. Первую же группу изображений создали потомки старого тагарского населения, которое активно участвовало в создании новой таштыкской культуры вместе с пришельцами. Восприняв пришлый сюжет, они на первых порах создавали для себя эти предметы по-старому, хорошо им знакомому образцу, который, возможно, имел некогда совершенно иное назначение, но важно было, очевидно, лишь внешнее сходство формы и композиционное решение⁷.

Следует упомянуть, что в то же самое раннеташтыкское время изображения парных головок проникают и далее на север за пределы Хакасско-Минусинской котловины, несколько видоизменяясь там в связи с местными требованиями. Так, на жертвенном месте горы Кулайки (Нарым) найдено пластинчатое узкое и длинное профильное изобра-

¹ Установлено мной при обследовании 30 таких изображений, происходящих из склепа № 1 Сырского чаа-таса, и подтверждено затем на обширных материалах из Уйбатского и Изыхского чаа-тасов.

² Склеп № 2 Изыха (1 экз.); Уйбат I, склеп 5 (1 экз.), в. к. № 1 (5 экз.), з. к. № 2 (2 экз.); Батени, Горькое озеро, склеп № 14 (1 экз.); «Малый Камешек», к. № 5 (3 экз.).

³ Уйбат I, в. к. № 1 (1 экз.); Уйбат II, склеп № 1 (1 экз.); Кривинское, ко № 3, (1 экз.); «Малый Камешек», к. № 5 (1 экз.).

⁴ В. П. Левашева. Из далекого прошлого южной части Красноярского края. Красноярск, 1939, табл. VIII, рис. 4, 5, 14; табл. IX, рис. 1; табл. X, рис. 7, 17, 25.

⁵ Например: А. Адрианов, М. Иня, к. № 1, п. 1 (1896) и к. № 2 (п. 9) у Абаканской управы — ГИМ, хран. 32/1 и 85/4а.

⁶ A. Salmony. Sino-Siberian art in the collection of C. T. Loo. Paris, 1933, Pl. XVII, рис. 10.

⁷ Всего пластинок с парными головками коней найдено: Уйбат I № 5 (1 экз.), в. к. № 1 (6 экз.), з. к. № 2 (3 экз.); Уйбат II № 1 (7 экз.); Кривинское, ко № 3 (6 экз.), ко № 4 (3 экз.); Батени, Горькое озеро, № 14 (1 экз.); Усть-Тесь, 1932, ко № 2 (2 экз.); «Малый Камешек», к. № 5 (6 экз.); Лугавское, 1939, ко № 1 (1 экз.) и в склепе «Е» на Тагарском острове, 1883 — 2 экз., причем один из них издан С. А. Теплоуховым — см. МЭ, т. IV, вып. 2. Л., 1929, табл. II, рис. 14, на стр. 57. В склепе № 2 Изыха оказалось 11 экз.

жение двух головок животных, обращенных в разные стороны, но уже с добавленным силуэтом птицы, сидящей посередине¹. И уж совершенно аналогичны раннеташтыкским изображения парных конских головок, повернутых в разные стороны, на 4 деревянных подвесных бляхах к седлу из Пятого Пазырыкского кургана². Они также имеют круглое отверстие посередине³. К сожалению, все эти аналогии не помогают решению вопроса о назначении таштыкских бронзовых пластинок с головками коней. Мы везде указываем, что это головки коней, хотя имеется большое количество пластинок, на которых головки изображены настолько схематично, что совершенно невозможно определить, конские ли это или какие-либо другие головы. Однако трудно было бы требовать от каждого «таштыкца», который сам для себя создавал подобные предметы, художественного мастерства—кто как умел, тот так и делал. Но во всех тех случаях, когда эти вещи делались людьми более или менее художественно одаренными, когда головки более или менее реалистично переданы—всегда можно различить именно конские головы. Смысл, следовательно, при разных решениях оставался одним и тем же. Нужен был один всем понятный сюжет, как бы схематизированно он ни передавался. Некоторые исследователи затрудняются так решительно определять породу изображенного животного на том основании, что многие головки имеют сверху вместо пары ушей один, иногда широкий, оттянутый назад султанчик. Некоторые видят в нем гребень петуха или просто птицы, иные усматривают застилизованный рог лося (рис. 32—4, 7, 10). Но ведь и при наличии гребневидного султанчика очертание морды обычно конское (рис. 32—10), а если рассмотреть некоторые пластинчатые уже полные, несомненные изображения коней, на которых остановимся позднее, то нередко увидим на их головках тот же самый султанчик (рис. 33—7 и 57—2). Окончательно решает вопрос, на наш взгляд, то обстоятельство, что имеются наскальные рисунки великолепно выполненных скачущих воинов, головы коней которых украшены такими же оттянутыми назад султанами (рис. 32—1)⁴. Мы считаем такие наскальные изображения таштыкскими, ибо в Хакасско-Минусинской котловине никогда, ни в какую другую эпоху кони подобными султанами не украшались. Достаточно сравнить для этого всадников с тагарских писаниц или с хорошо датированных рисунков VI—X вв., например со скалы Сулек⁵. Таким образом, появляется еще один новый очень богатый источник для изучения искус-

ства таштыкской эпохи—наскальные изображения.

Лишним подтверждением нашей точки зрения являются встречающиеся иногда изображения седла, заключенного между головками (рис. 32—5). На вопрос о назначении этих небольших фигурных пластинок с двумя головками коней ответить довольно трудно. Преобладание сильно схематизированных изображений говорит о том, что их использовали в ритуальных целях. Для чего-то обязательно нужна была схема именно двух головок. В одном из правобережных склепов найдена была такая пластинка, побывавшая в ремонте. Одна из первоначально вырезанных головок почему-то отломилась и затерялась. Тогда вместо нее вырезали маленькую, еле намеченную головку и с помощью бронзовой заклепки присоединили ее к оставшейся длинной и большой голове. Затем пробili новое общее для них отверстие⁶. Ремонтирующих, очевидно, не смущала получившаяся диспропорция. Быть может, это сделано специально только для погребения, но все равно это было нужно сделать, ибо, очевидно, одну головку в погребение класть было нельзя. Обрывки шерстяных витых шнурков, сохраняющиеся изредка в отверстиях пластинок, заставляют считать, что они носились подвешенными, причем, быть может, вверх ногами⁷. Возможно, они нашивались на одежду или головные уборы, но подтверждений этому пока нет. Археология знает большое количество примеров находок парных головок животных, в особенности коней, для многих эпох и территорий⁸. Известно, что с парой бюстов коней, повернутых в разные стороны, изображался бог солнца Гелиос⁹. Возможно, и таштыкские изображения относились к солярному культу. Но, судя по этнографическим аналогиям, это скорее всего амулеты. Например, В. Г. Богораз отмечал, что у чукчей «часто встречаются изображения в виде маленького кусочка дерева или кости с двумя головками, по одной на каждом конце. Считается, что две головы защищают одновременно спереди и сзади»¹⁰. Исходя из такого рода примеров, будет более правильным считать таштыкские пластинки амулетами типа оберегов. Тогда понятно, зачем обязательно нужно было две головы коней (случай с ремонтом), ибо если одна из них отломилась, то человек уже не «охранялся» более с одной из сторон.

Встречающиеся же в склепах пластинки с явно отломанной одной головой, как правило, сломаны уже в самом склепе, когда рушились пере-

¹ И. М. Мягков. Древности Нарымского края. Труды Томского краевого музея, т. II. Томск, 1929, табл. 1, рис. 2 и стр. 53.

² С. И. Руденко. Горноалтайские находки и скифы. М.—Л., 1952, стр. 127, рис. 57.

³ Там же, стр. 177, рис. 91 сверху.

⁴ H. Appelgren-Kivalo. Altaltaische Kunstdenkmäler. Helsingfors, 1931, Abb. 308.

⁵ Там же. Лошади, хотя и имели султаны, но другой, отличной формы.

⁶ Кривинское, ко № 3—см. С. В. Киселев. Материалы археологической экспедиции в Минусинский край в 1928 г. Ежегодник Гос. музея им. Н. М. Мартынова, т. VI, вып. 2. Минусинск, 1929, табл. V, рис. 42—хран. в ГИМ.

⁷ Мне известно только два случая, причем в обоих пластинки подвешивались вниз головами.

⁸ См., например, «Древности камской чуды». МАР, № 26. СПб., 1902, табл. VI, рис. 13 и т. д.

⁹ ОАК за 1904 г. СПб., 1907, стр. 125, рис. 218.

¹⁰ В. Г. Богораз-Тан. Чукчи, т. II. Л., 1939, стр. 68 и рис. 60; «Амулет в виде двухголовой собаки».

крытия потолка. Часто эти отломанные головки находятся здесь же. Иногда этому способствует коррозия после пребывания тонкой пластинки в сильном огне, при окончательном сожжении склепа.

ушей и рот, но и ноздри и даже глаза (рис. 32—6)¹. Другая одиночная головка — это изображение головы хищной птицы с сильно загнутым клювом, небольшим хохолком и морщинистой собранной в складки шеей, что хорошо подчеркнуто особыми

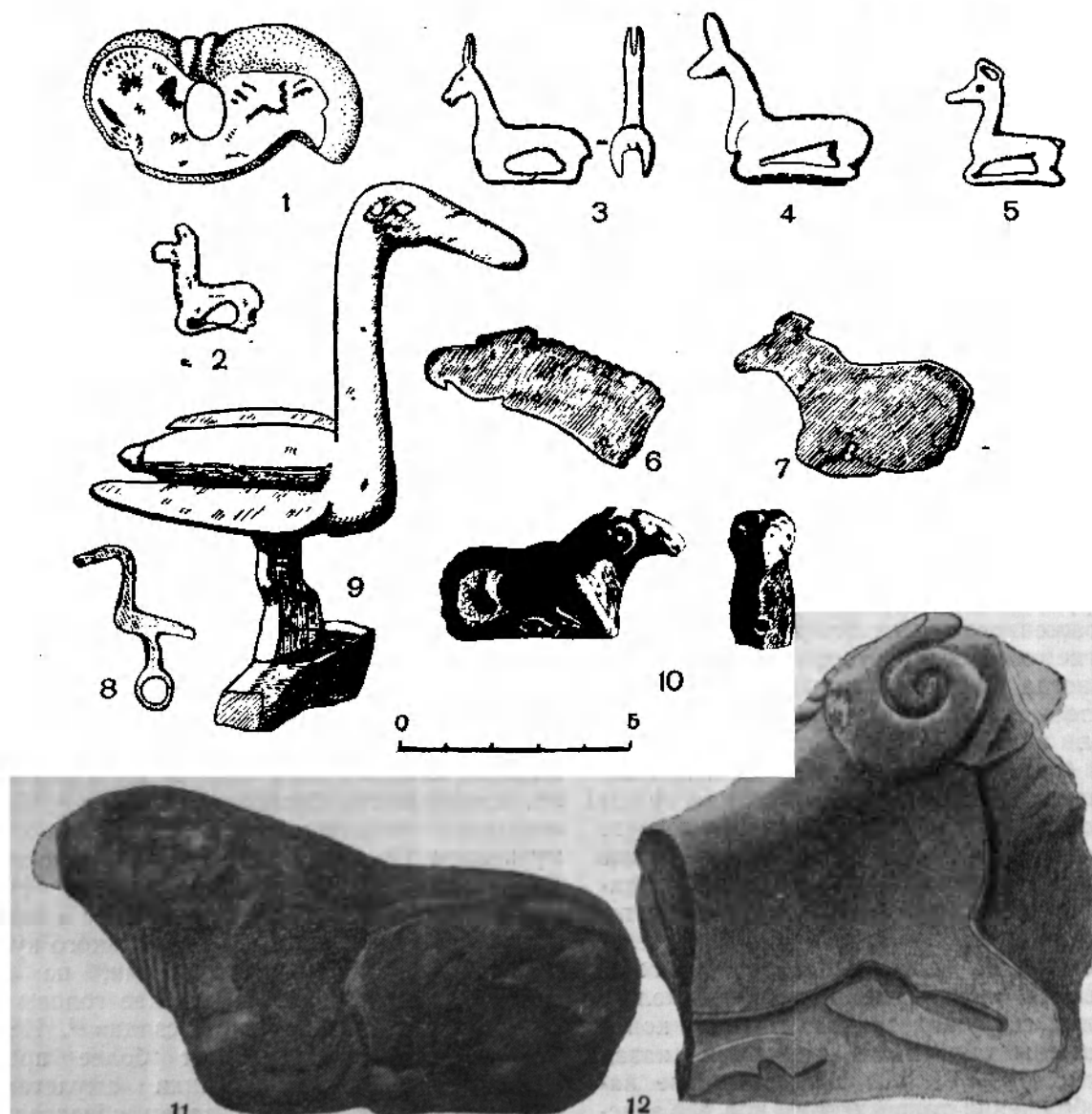

Рис. 33. Памятники искусства Изыкского этапа: 1—кость; 2—9—бронза; 10—каменный уголь; 11 и 12—девонский песчаник 1—2 и 8—из склепа № 2 Изыкского чаа-таса; 6—7—из склепа № 1 Уйбата II; остальные — случайные находки (4, 9, 10, 12—Минусинский музей; 3 и 5—Гос. Эрмитаж; 11—Барнаульский музей). 11—длина 1,06 м, высота 0,5 м, ширина 0,46 м; 12—длина 0,9 м, высота 0,92 м, ширина 0,43 м

• • •

II. Имеются, однако, и не отломанные, а специально высеченные одиночные головки, встречающиеся крайне редко. Они имели, видимо, иное назначение и замечательно, что это уже не головы коней. В одном случае пластинка имеет головку какого-то неопределимого животного. Показаны на ней, что совершенно необычно, не только пара

насечками (рис. 33—6)². Это, несомненно, гриф — излюбленное изображение тагарского искусства, сохраняющееся и в таштыкское время. Так, например, в склепе № 2 Изыкского чаа-таса оказалась костяная головка характерного ушастого грифа. Самым замечательным является то, что резчику

¹ Склеп № 2 Изыкского чаа-таса — хран. в МГУ.

² Склеп № 1 Уйбата II — хран. в ГИМ, инв. № 79956.

не пришлось много трудиться, ибо головка сделана из отпиленной боковинки астрагала коровы, которая в своих естественных очертаниях довольно точно передает профиль головы хищной птицы. Оставалось только просверлить отверстие глаза, подправить восковицу на клюве и заровнять несколько поверхность шлифовкой, чтобы получить головку грифа (рис. 33—1)¹. Таким же образом делались подобные изображения и во время следующего, Сырского этапа, с той, однако, разницей, что для этого использовались уже бараньи астрагалы. Следует указать, что не только таштыкские мастера так умело могли пользоваться подручным материалом, подмечая в нем нужные черты. Аналогичные головки грифов, сделанные из обрезанных боковинок бараньих астрагалов с просверленными глазами, встречаются в древностях Камы² и Средней Азии³. Одиночные головки грифов, отлитые из бронзы, широко распространены также в синхронных древностях Ордоса⁴.

* * *

III. Рассмотрим теперь выполненные той же техникой силуэтные бронзовые пластинки в виде целой фигурки коня⁵. Они встречаются в склепах начиная с Изыхского этапа. Однако раннетащтыкские отличаются большей реалистичностью изображения конской фигуры и несомненно сохраняют еще традиции тагарского искусства. В большинстве своем это стоящие или медленно идущие лошади. Лучшие образцы их найдены в склепе № 5 Уйбатского чаа-таса⁶, где оказался выбитый из толстой пластинки большоголовый плотный конек, очень близкий еще тагарским литым фигуркам куланов (табл. IV—20)⁷. Замечательно, что среди этих пластинчатых фигурок есть и лежащие лошади, выполненные еще в той характерной манере, которой отличались тагарские и вообще «скифские» изображения оленей. Это не «галопирующие», а лежащие, «отдыхающие» животные. В отличие от предыдущей эпохи, в раннетащтыкское время в этой позе изображались уже не олени, а другие и притом разнообразные животные: лошади, косули, бараны и т. д. Используются также уже другие приемы и, соответственно, более разнообразный материал для таких изделий.

¹ Совершенно аналогичная головка грифа из отпиленной боковинки астрагала коровы (с отверстием — глазом) была случайно найдена у с. Лугавского и хранится в Минусинском музее, № 329.

² «Древности камской чуды». МАР, № 26, СПб., 1902, табл. XXI, рис. 2.

³ Тамдинокский могильник, хран. в Гос. Эрмитаже.

⁴ A. Salmony. Sino-Siberian art in the collection of C. T. Loo. Paris, 1933, Pl. XI, рис. 12, 13, 15.

⁵ Найдены: Уйбат I склеп № 5 (3 экз.), з. к. № 2 (1 экз.); Уйбат II склеп № 1 (4 экз.); Кривинское, ко № 3 (1 экз.); Изых, склеп № 2 (2 экз.).

⁶ ДИЮС, стр. 429, табл. XXXVII, рис. 8, 9 и 12.

⁷ Там же, рис. 12. Куланов см. Д. Н. Эдинг. Резная скульптура Урала. Труды ГИМ, вып. X. М., 1940, стр. 83, рис. 81 (хран. в ГИМ) и В. П. Левашева. Из далекого прошлого южной части Красноярского края, стр. 40, табл. X, рис. 1 (хран. в Минусинском музее) и ср. ДИЮС, стр. 234, табл. XXI, рис. 8.

Лучшим изображением отдыхающей лошади является бронзовая пластинчатая фигурка из склепа № 1 Уйбата II (рис. 33—7)⁸, с характерным султанчиком на голове, возле которого намечено ухо. Фигурка набросана скупыми чертами, но достаточно четко передающими замысел. Выразительно, одним только восьмеркообразным отверстием, подчеркнуты поджатые ноги.

* * *

IV. Большой удачей надо считать сделанную нами находку бронзовой литой рельефной фигурки лежащего животного в склепе № 2 Изыхского чаа-таса. Это фигурка, найденная непосредственно в склепе, ценна тем, что датирует большое количество аналогичных случайных находок, происходящих с территории Хакасско-Минусинской котловины⁹. Хотя детали не даны, но экстерьер животного передан живо и верно. Прямо направленная вперед головка на длинной шее, схематично изображенные уши с наклоном вперед и общие очертания небольшого бесхвостого туловища — все это верно найденные черты для изображения косули — одного из характернейших животных лесостепных пространств Южной Сибири (рис. 33—2). Ниже будет выяснено большое значение косули в охотничьем промысле «тащтыкцев», причем ее мясо часто укладывалось и в могилы. Поэтому не удивительно, что образ косули воссоздавался художественными средствами и был распространен в раннетащтыкском искусстве. О широком распространении его свидетельствуют многие случайно найденные фигурки. Их можно разделить на две группы:

а) цельнолитые рельефные, но несколько улощенные, типа фигурки из склепа № 2 Изыха¹⁰.

б) фигурки полые внутри, с широкой прорезью, разделяющей снизу каждую пару правых и левых ног (рис. 33—3, 4)¹¹. Среди последних име-

⁸ Хран. в ГИМ, инв. № 79956.

⁹ Такая же фигурка косули найдена Адриановым в 1898 г. в грунтовой могиле № 2 к № 5 Абаканского могильника — см. его «Выборки из дневников курганных раскопок», стр. 71.

¹⁰ Минусинский музей — 7 фигурок, найденных на р. Оя (№ 9170) и у деревень Ключи (№ 9204), Пота (№ 9276), Березовка (№ 9277), Лугавское (№ 9278—9279).

Гос. Эрмитаж — 4 фигурки: 1 — из собрания Адрианова, № 1126 — 218; 1 — из собрания Лопатина (с. Чухачево), № 5531—1405, 2 — из собрания Товостина, № 3975—310 и 311. Музей в г. Хельсинки — 2 фигурки из собрания Товостина (с. Сарайское и д. Колмаково) изданы А. М. Тальгреном в «Collection Tovostine», Гельсингфорс, 1917, табл. IX, рис. 5 и 6.

¹¹ Минусинский музей — 7 фигурок, найденных на р. Оя (№ 9163) и у деревень Знаменка (№ 9195), Иудино (№ 9229), М. Иня (№ 9273), Улазы (№ 9274), Б. Иня (№ 9275), Березовка (№ 9277). Фигурка из Березовки издана Д. А. Клеменом. Древности Минусинского музея, Томск, 1886, табл. VIII, рис. 19. Эту же фигурку, а также из Улазы издал F. R. Martin L'âge du bronze au Musée de Minoussinsk. Stockholm, 1893, Pl. 29, рис. 5, 6. Гос. Эрмитаж — 3 экз. в собрании Лопатина, № 5531—1402 (Минусинский округ), 5531—1403 (р. Сыда) и 5531—1404 (с. Аскот).

ГИМ — 2 экз., см. Отчет Исторического музея за 1915 г., М., 1916, стр. 17, рис. 47 и 48.

ются экземпляры из двух цельнолитых плоских фигурок, соединенных шпеньками так, что пространство между ними осталось свободным.

Все эти изображения ближайшим образом напоминают тагарские фигурки лежащих оленей и несомненно генетически связаны с последними, что подтверждается следующим наблюдением. Все фигурки изображают самок косуль, так как отсутствуют рога. Однако нам известны две фигурки с гребневидными явно выражающимися рогами¹, а у третьей от них осталась только петелька (рис. 33—5)². Очевидно, в этих фигурках отражается переход от тагарских оленей с роскошными ветвистыми рогами³ к таштыкским изображениям безрогих косуль. Но и здесь не обошлось без синкретизма, подобного установленному выше для сюжета парных конских головок. С одной стороны, цельнолитые фигурки косуль явно связаны в своем происхождении с тагарскими изображениями оленя, с другой — полые фигурки имеют южное, во всяком случае центральноазиатское, происхождение. Они также, по всей вероятности, принесены пришельцами. В самом деле, совершенно аналогичные, полые внутри бронзовые фигурки лежащих безрогих косуль, с прорезями, разделяющими ноги снизу, известны в древностях Суйюани и Ордоса, близких к раннеташтыкскому времени⁴. Подобные же «отдыхающие лани» встречаются и среди бронз ханьского Китая в период II—I вв. до н. э.⁵ И если учесть, что тагарские динлины в своем художественном литье из бронзы не имели прорезных фигурок животных, то тем самым их возникновение надо искать на степных просторах Центральной Азии вплоть до Северного Китая, где они встречаются нередко. При этом мы еще раз убеждаемся в том, что таштыкская культура создавалась в тесном взаимодействии потомков аборигенного населения с какими-то пришельцами с юга.

Примечательно, что около рубежа н. э. подобные фигурки лежащих косуль распространяются дальше на север. Несколько штук их найдено на жертвенном месте у д. Ишимки⁶, причем некоторые из них также прорезные и насажены на длинные медные пластинки⁷. Несомненно, что и таштыкские прорезные фигурки также на что-то насаживались. Назначение их продолжает оставаться неясным.

¹ Из с. Сагайского — А. М. Tallgren. Ук. соч., табл. IX, рис. 5, и из Бен — Минусинский музей, № 9280.

² Хран. в Гос. Эрмитаже, собрание Товостина, колл. 3975—310.

³ Наиболее позднее изображение происходит из кургана «за поскотиной» у с. Б. Барандат (Оссовский, 1886) — хран. в ГИМ, инв. № 36518.

⁴ Inner Mongolia and the region of the Great Wall, Archaeologia Orientalis, B. Series, vol. 1, Tokyo-Kyoto, 1935, табл. 45, рис. 8—9. См. также A. Salmony. Sino-Siberian art, Pl. XXXIII, рис. 2—6, Pl. XXXIV, рис. 1—2.

⁵ O. Siren. Histoire des arts anciens de la Chine, II, Pl. 21, рис. С.

⁶ А. Ермолаев. Ишимская коллекция. Красноярск, 1914, табл. IV, рис. 1—3, 9, 12.

⁷ Там же, рис. 1—3.

• • •
V. Рассмотрим еще одну группу изображений «отдыхающих» животных, известную по находкам в склепах Изыхского этапа. Это небольшие *деревянные статуэтки*, объемно и реалистично передающие фигуру спокойно лежащего барана с круто изогнутыми рогами и подогнутыми под себя ногами (табл. IV—21)⁸. Они были оклеены плющевым золотом, отчего имели вид массивных золотых статуэток. Эти замечательные находки открывают собой эпоху деревянных резных скульптур животных, характерных не только для таштыкского времени, но продолжающихся и в искусстве последующего периода (VI—X вв.).

В тагарскую эпоху деревянных статуэток нет. Нет также и изображений лежащего барана. Зато в начале гунно-сарматского времени во II—I вв. до н. э. изображения лежащих баранов широко распространены. В ханьском Китае⁹ и в степях Ордоса¹⁰ — это бронзовые статуэтки и рельефные реалистичные фигурки, в Сарматии — объемные украшения золотых фибул¹¹.

Принимая во внимание эти факты, нам представляется возможным теперь определить хронологическое место тех высоко художественных каменных скульптур лежащих с подогнутыми ногами круторогих баранов, которые известны в Хакасско-Минусинской котловине уже с начала XVIII в. по сообщениям Д. Г. Мессершмидта и рисунку Ф. И. Страленберга¹². Сводку сведений об этих каменных изваяниях баранов дали М. П. Грязнов и Е. Р. Шнейдер, которые воспроизвели рисунки баранов Страленберга, Г. И. Спасского и барана, хранящегося ныне в Барнаульском музее (рис. 33—11). При этом авторы воздержались от датировки¹³. Позднее, также без установления времени, опубликована хранящаяся в Минусинском музее скульптура барана с р. Уйбата (рис. 33—12)¹⁴. Там же хранится, не изданная до сих пор, маленькая скульптура баранчика из каменного угля (рис. 33—10).

В недавнее время С. В. Киселев опубликовал фото того же барана с р. Уйбата, причем по неиз-

⁸ Найдены: в склепе № 5 Уйбатского чаа-таса (см. ДИЮС, стр. 425, табл. XXXVI, рис. 5) и в склепе № 1 Уйбата II (см. ДИЮС, стр. 435, табл. XXXVIII, рис. 1) — хран. в ГИМ.

⁹ O. Siren. Histoire des arts anciens de la Chine, II, Pl. 33, рис. А.

¹⁰ A. Salmony. Sino-Siberian art, Pl. IX, рис. 10, Pl. XXXIV, рис. 4—5.

¹¹ К. М. Скалон. Изображение животных на керамике сарматского периода. ТОИПК Гос. Эрмитажа, т. I. Л., 1941, стр. 173—217; табл. II, рис. 1 и табл. XII, рис. 3.

¹² F. I. Strahlenberg. Das Nord- und Ostliche Theil von Europa und Asia. Stockholm, 1730, табл. XXI.

¹³ М. П. Грязнов и Е. Р. Шнейдер. Древние изваяния Минусинских степей. МЭ, т. IV, вып. 2. Л., 1929, стр. 84—86 и табл. VII, рис. 56, 57 и 59; ср. их же статью «Каменные изваяния Минусинских степей» в журн. «Природа», 1926, № 11—12, стр. 100—105.

¹⁴ H. Appelgren-Kivalo. Alt-altaische Kunstdenkmäler. Helsingfors, 1931, рис. 286; Минусинский музей изваяние № 15.

вестным причинам отнес его к тагарской эпохе¹. Между тем простое сравнение объемных каменных скульптур лежащих баранов с аналогичными объемными деревянными статуэтками баранов раннеташтыцкого времени со всей наглядностью показывает полное сходство их во всех стилистических деталях. Если же учесть большое распространение в искусстве Изыхского этапа изображений и других лежащих животных, что находит себе прямые аналогии на широких пространствах в начале гунно-сарматского времени², то следует и эти каменные изваяния лежащих баранов относить к раннеташтыцкому этапу. В пользу этого говорят также следующие обстоятельства:

1) ни в какое другое время в Хакаско-Минусинской котловине подобные изображения лежащих баранов более неизвестны. Все деревянные статуэтки баранов последующих таштыцких этапов и в VI—VIII вв. изображают уже не лежащих, а стоящих животных;

2) в таштыцкую эпоху, как покажем ниже, высоко было развито искусство каменной скульптуры монументального характера и поэтому изваяния баранов не являются одиноким явлением, а наоборот, по технике и мастерству выражают собой одно художественное направление с другими великолепными творениями высокоодаренных таштыцких скульпторов. Таким образом, раннеташтыцкое искусство оказывается представленным еще одной группой памятников — каменной скульптурой (рис. 33—10, 11, 12).

* * *

VI. В склепе № 2 Изыхского чаа-таса оказалась еще одна уникальная находка: бронзовая литая схематизированная фигурка стоящего гуся. Ноги, переданные одним стерженьком, заканчиваются колечком. Несмотря на схематизацию, фигурка гуся воспроизведена верно и точно (рис. 33—8). Эта находка не только доказывает, что в раннеташтыцкое время существовали, наряду с художественными воспроизведениями разнообразных животных, изображения птиц, но имеет гораздо большее значение. Прежде всего, она датирует целую серию подобных изображений, известных по случайным находкам, и тем самым вводит их в научный оборот. Получаем, таким образом, доказательства неслучайности нашей находки и распространенности этого сюжета в раннеташтыцком искусстве. В Минусинском музее хранится однанадцать подобных бронзовых небольших фигурок

гуся с колечками³. Среди них несколько обособляются две фигурки, которые не имеют обычных удлинненных ног и кольца у них помещены почти непосредственно сразу под туловищами. Важна одна особенность их: туловище птицы снизу заканчивается плоскостью, а по бокам расширено, передавая короткие распушенные в стороны крылья⁴. Отмеченные особенности этих фигурок помогают нам с большей решительностью определить раннеташтыцкий возраст также случайно найденных оригинальных бронзовых статуэток гусей с распростертыми в стороны крыльями⁵. Впервые к таштыцкому времени эти замечательные статуэтки отнес С. В. Киселев, опираясь на сходство их с птичьими фигурками из Берельского кургана на Алтае, датирующегося временем около начала н. э.⁶, и на аналогии среди художественных бронз Ордоса⁷. Как видим, наш анализ целиком подтверждает эту раннеташтыцкую дату указанных статуэток гусей.

Что же представляют собой эти бронзовые статуэтки? Общие очертания и стилистический характер их, равно как и пропорции частей, очень близки фигурке гуся из склепа № 2 Изыха и всей серии аналогичных фигурок из случайных находок, которые, в сравнении со статуэтками, представляются их уменьшенными и потому более схематизированными копиями. Основой и для тех и для других послужил один и тот же образ. В самом деле, бронзовые статуэтки изображают того же длинношею гуся с длинным клювом. Ноги его также сливаются внизу, хотя выше они разъединены. Гусь стоит, расправив в стороны плоские крылья. Но, конечно, это уже более совершенная скульптура, причем гораздо больших размеров. Высота птицы 13,5 см, размах крыльев 8 см. Первоначально ноги ее были укреплены на прямоугольной бронзовой подставке. Самым интересным является то, что туловище и шея птицы полые внутри, как и клюв, причем нижняя челюсть была отлита отдельно и прикреплялась на особом шарнире, а около хвоста снизу имеется особое отверстие (рис. 33—9). Такое устройство статуэтки привело еще И. Т. Савенкова к правильному определению ее назначения. По его

Колмаково (9178 и 9186), Кривинское (9184), Верхний Суэтух (9533 и 9534), на горе Изых (9183) и три без указания местонахождения (№ 9187—9189).

⁴ Фигурки из замки Ключи (9177) и с горы Изых (9183). Последняя дважды издана: Д. А. Клеменц. Древности Минусинского музея. Томск, 1886, атлас, табл. VIII, рис. 16 и F. R. Martin. L'âge du bronze au Musée de Mino-ussink, Stockholm, 1893, Pl. 30, рис. 28.

⁵ Две такие статуэтки хранятся в Минусинском музее № 9288 (с Кузурба) и № 9289 (Ключи). Одна из них опубликована многократно (найден у замки Ключи): Д. А. Клеменц. Уж. соч., табл. IX, рис. 7; F. R. Martin. Уж. соч., табл. 33, рис. 1; В. П. Левашев. Из далекого прошлого южной части Красноярского края, табл. X, рис. 23; Д. Н. Анучин. К истории искусства и верований у приуральской чуди. М., 1899 (отд. оттиск из Материалов по археологии восточных губерний, т. III), стр. 125, рис. 83.

⁶ A. Zakharov. Materials on the Archaeologia of Siberia. ESA, III, рис. 16—17 на стр. 137.

⁷ ДИОС, стр. 444.

¹ ДИОС, стр. 191, табл. XIX, рис. 3 (стоял между Чарковым и Кобыльковым улусами).

² В гунском кургане № 23 Ноин-Улы найдено золотое изображение лежащего коня с крылышком — С. Trever. Excavations in Northern Mongolia. Leningrad, 1932, табл. 24, рис. 1. Совершенно аналогичные лежащие бронзовые коньки с крылышками найдены в Минусинской котловине (Минусинский музей, № 9102) и С. К. Кузнецовым на жертвенном месте «Лысяя гора», по р. Яе — ОАК за 1892 г. СПб., 1894, стр. 72, рис. 39.

³ Найдены у сел: Субботино (инв. 9173), Ключи (9177),

мнению, «этот предмет есть принадлежность древнего шаманства; сквозь шею, между ног, могла продеваться проволока или нитка к нижней челюсти, приводившая ее в движение, а в это время шаман-чревоушатель давал ответы на предметы гадания. Ответы давала как бы птица»¹. Опираясь на мнение Савенкова, С. В. Киселев тоже считал эти скульптурки ритуальными².

Известно, что в шаманстве ряда сибирских народов гусь имеет особое значение. Так, например, хакасские и алтайские шаманы «летают» на гусе в подземное царство мрачного Эрлик-хана и при этом «полете» подражают гусиному крику³. Существовали даже шаманские изображения гусей. В. В. Радлов сообщает, что при жертвоприношении алтайский шаман выходит из юрты, садится на особое чучело, которое представляет собой подобие гуся, и имитирует полет, быстро махая обеими руками. Причем он постоянно выкрикивает «Гак!», «Гак!», подражая крику этой птицы⁴.

Но самые близкие сопоставления дают некоторые факты из этнографии обских угров (хантов).

Обратимся к первому этнографическому описанию хантов, составленному Г. Новицким в 1715 г. Автор, сопровождая ярого христианизатора сибирских народов митрополита Тобольского Филофея Лешинского в его поездках для крещения хантов и манси, был хорошо осведомлен и о шаманских верованиях этих народов. Он сообщает об идолопоклонстве остяков, которые «в подобие птиц, гадов, различных утворяху боги: иныи покланяхуся кумиру по подобию звериному, наипаче медведя, иныи же в подобие птиц: лебедя, гуся и всяк по своему пристрастию, до чего вяще пристрастен есть»⁵. Итак, у хантов были индивидуальные идолы, среди которых некоторые изображали собой птиц, а именно лебедя или гуся. Но далее сообщается, что были и общеостяцкие главные божества: «Их же во всей Остяцкой стране почитахуся три первоначальные: нарыцаху же ся Старык Обский, Гусь и Кондийский»⁶. Таким образом, среди трех верховных божеств остяков было божество, называвшееся Гусь. О нем Г. Новицкий сообщает довольно подробно: «Гусь боготворимый идол их бяше изваян от меди в подобие гуся; име скверное жилище в юртах Белогорских при великой рыке Обе. По их зловерию, почитается бог птиц водных: лебедей, гусей и всякого рода птиц, иже водному обычны плаванью... В кумирнице седалище его бе от различных суков, холста, кож, сплетено в подобие гнезда»⁷. И далее расска-

зывается о том, что этот «бог птиц водных» пользуется особым почитанием, что даже из «далечайших селений» приходили к нему остяки и совершали пред ним жертвоприношения, убивая лошадей, надеясь, что Гусь «сей есть скорейший многих благ датель, а наипаче изобилие подает получать птиц водных»⁸.

Таким образом, одно из «первоначальных», т. е. древнейших божеств хантов, имевшее особое святилище, где оно восседало в гнезде, свитом из тканей и кожи, представляло собой не что иное, как бронзовую статуэтку гуся. Очень важно для нас свидетельство И. Б. Мюллера (1716) о том, что это «был гусь, вылитый из бронзы, с распущенными крыльями»⁹. В свете приведенных фактов нельзя не признать совершенного тождества между хантским идолом и раннеташтытскими ритуальными статуэтками гусей. Весьма вероятно, что и в таштытском культе это были изображения одного из верховных божеств, являвшегося не просто богом водоплавающей птицы, но и (в связи с особенностями устройства) божеством, дававшим предсказания в разнообразных случаях жизни. И эти статуэтки, очевидно, первоначально стояли на своих подставках в особых святилищах — в каких-то гнездах. И распростертые в стороны крылья им нужны были для того, чтобы, подобно остяцкому идолу, «летая невидимо на местях веселия исполненных и видения приятных вся покараше под область свою птицы»¹⁰. Итак, наши бронзовые статуэтки гусей представляют собой не что иное, как идолов-оракулов раннеташтытского шаманства.

Однако совпадения с культовыми фигурками хантов объясняют также и другие мелкие изображения гусей типа бронзовой фигурки, найденной в склепе № 2 Изыха. Очевидно, это индивидуальные идолы, совершенно аналогичные подобным идолам остяков, которые, как выше указывалось, тоже представляли собой фигурки гусей. По свидетельству того же Мюллера, у остяков в начале XVIII в. эти фигурки гусей отливались из бронзы. Даже в конце XIX в. Гондатти у тех же угров особо отмечал «часто встречающиеся среди священных предметов изображения гусей, сделанные из золота, серебра или другого металла»¹¹. В добавление следует упомянуть находку в одном из склепов Изыхского этапа фрагмента (головки) деревянной статуэтки какой-то водоплавающей птицы, возможно утки, как считает С. В. Киселев¹².

* * *

VII. Изучение памятников раннеташтытского искусства, таким образом, выявляет в нем два ос-

¹ Д. А. Клеменц. Древности Минусинского музея, каталог, стр. 139.

² ДИЮС, стр. 444.

³ Г. Н. Потанин. Очерки северо-западной Монголии, т. IV. СПб., 1883, стр. 64—68.

⁴ W. Radloff. Aus Sibirien. Bd. II, Leipzig, 1893, стр. 37—39.

⁵ Г. Новицкий. Краткое описание о народе остяком 1715. Новосибирск, 1941, стр. 53.

⁶ Там же, стр. 59.

⁷ Там же, стр. 60.

⁸ Там же, стр. 61.

⁹ И. Б. Мюллер. Жизнь и обычаи остяков. 1716—см. В. В. Радлов. Сибирские древности, т. I, вып. 2. СПб., 1891, приложения, стр. 23.

¹⁰ Г. Новицкий. Ук. соч., стр. 61.

¹¹ Изв. Об-ва любителей естествозн., антропологии и этнографии при Моск. ун-те, т. 48, вып. 2. М., 1888, стр. 56.

¹² З. к. № 1 Уйбатского чаа-таса — хран. в ГИМ. № 79956—287; ср. ДИЮС, стр. 444.

новых направления: реалистическое и схематическое, условное. Последнее достигает такой степени схематизации, что иногда очень трудно становится проникнуть в смысл изображенного. В этом отношении особенно показательна одна четырехугольная деревянная плакетка, на которой изображены передано высоким резным рельефом, найденная в склепе № 5 Уйбатского чаа-таса¹. Изображены только отдельные части туловищ двух зверей (лапы, хвосты и гривы). Очевидно, прав С. В. Киселев, считая изображение геральдической схемой сцены борьбы двух зверей — грифона и льва². Такая высокая степень стилизации фигур животных в таштыкском искусстве — явление сравнительно редкое, но зато оно типично для Алтая эпохи Пазырык-Шибэ, где сплошь и рядом встречаются нерезные, вычурные, глубокофантастические изображения, зачастую выполненные рельефом на таких же дощечках.

В этом отношении особенно показательна деревянная плакетка из Третьего Пазырыкского кургана, на которой рельефом изображен пораженный каким-то хищником заяц, причем вместо самого хищника вырезана только одна его когтистая лапа, совершенно подобная хищным лапам таштыкской плакетки³. Подобная близость условного стиля изображений свидетельствует, очевидно, о наличии таштыкско-алтайских связей на Изыхском этапе.

Если мы коснулись сюжета борьбы зверей, то следует подчеркнуть, что большое количество рельефных бронзовых блях со сценами борьбы зверей или сценами терзания хищником травоядного животного, известные в собраниях случайных находок из Хакаско-Минусинской котловины, относятся к раннетащтыкскому Изыхскому этапу⁴. В настоящее время еще нет возможности выделить среди них собственно таштыкские бляхи, но обоснованность такой датировки подтверждается их специальным анализом, проделанным С. В. Киселевым⁵. Выявились две группы блях: а) бляхи, появившиеся в III в. до н. э. и существующие еще в I в. до н. э. Стиль реалистический с элементами орнаментализма. Особого внимания заслуживают бляхи I в. до н. э., происходящие из гуннских погребений Забайкалья⁶, синхронные началу Изыхского этапа; б) бляхи второй группы, появляю-

щиеся около начала н. э. и существующие в I в. н. э. Сильно стилизованные, фантастические изображения, преимущественно орнаментального характера. К I в. н. э. относятся также замечательные сцены борьбы животных, изображенные на войлочных и шерстяных гуннских коврах из курганов Ноин-Улы⁷.

* * *

VIII. Значительный успех раннетащтыкского искусства, достигнутый в особенности в скульптуре реалистического направления, использующей с равным мастерством весьма разнообразные материалы (камень и дерево, бронзу и золото), находит свое завершение в изображениях человека. Найденная в з. к. № 1 Уйбатского чаа-таса головка деревянной резной статуэтки мужчины является убедительным доказательством того, что наряду с реалистическими скульптурами животных уже на Изыхском этапе создавались реалистические скульптуры людей. К сожалению, небольшие деревянные статуэтки обычно целиком сгорали при сожжении склепов, но благодаря тому же огню смогла сохраниться эта, пока единственная, обугленная головка. Особенно интересна тщательная портретная передача лица, очевидно, монголоидного облика. Оно широкоскулое, уплощенное, с узким разрезом глаз (табл. IV—19)⁸. Лицо бритое, с большими усами. Обрита и вся голова⁹, прикрытая оригинальным головным убором, который начинается спереди овальной ложной двойной «косой», похожей на подлинные косоподобные украшения головных уборов из того же склепа под з. к. № 1 и из грунтовой могилы № 1 Оглахтинского могильника¹⁰.

Высокое мастерство, которого достигли таштыкские скульпторы в создании портретного образа человека, с особой реалистической силой проявляется в известных терракотовых погребальных масках — специфической культовой принадлежности таштыкских могил. Но маски появляются еще в переходное тагарско-тащтыкское время, скорее всего под влиянием новых представлений о загробной жизни, которые были вызваны смешением старого тагарского населения с пришельцами. Эту категорию памятников искусства необходимо рассмотреть позднее в целом и поэтому здесь уместно сделать лишь частные замечания. В настоящее время можно считать установленным, что уже на

¹ ДИЮС, стр. 435, табл. XXXVIII, рис. 5; ср. С. В. Киселев. Некоторые результаты Саяно-Алтайской экспедиции 1936 г. ВДИ, 1937, № 1, стр. 250, рис. 3.

² ДИЮС, стр. 443—444.

³ С. И. Руденко. Горноалтайские находки и скифы. М.—Л., 1952, стр. 175, рис. 90-а.

⁴ Хранятся в музеях Минусинска, Красноярска, в ГИМ, в Гос. Эрмитаже и т. д.: ср. ДИЮС, стр. 235 и 237, табл. XXI и XXII; Отчет Исторического музея за 1915 г., стр. 17, рис. 46; В. П. Левашева. Из далекого прошлого..., стр. 40, табл. X, рис. 3; ОАК за 1902 г. СПб., 1904, стр. 143, рис. 259; И. Толстой и Н. Кондаков. Русские древности в памятниках искусства, вып. III. СПб., 1890.

⁵ ДИЮС, стр. 270—274.

⁶ ТТ КОПОРГО, т. III, вып. 2—3. Иркутск, 1902, стр. 23 и табл. IIa, стр. 26, 27—28 и табл. IIIд (могилы 7, 9, 10). То же, т. IV, вып. 2. М., 1902, стр. 38 и табл. IIh (мог. 21).

⁷ C. Trever. Excavations in Northern Mongolia. Leningrad, 1932, табл. 8—11; см. также «Восстановление первоначальных красок ковра из Ноин-Ула», изд. АН СССР и Гос. Эрмитажа, М.—Л., 1937.

⁸ ДИЮС, стр. 446 и табл. XXXVIII, рис. 2.

⁹ Быть может, на распространение брития головы у «тащтыкцев» указывают и погребальные маски, на которых никогда не изображались волосы. Нельзя не отметить, что найденные в Пазырыкских курганах Алтая трупы людей, сохранившиеся в мерзлоте, также имели обритые головы. Бритоголовой изображена и богиня на ковре из Пятого Пазырыкского кургана (см. С. И. Руденко. Горноалтайские находки и скифы, стр. 114 и стр. 90, рис. 33).

¹⁰ ПИМК, 1933, № 7—8, стр. 35.

Изыхском этапе, наряду с простыми масками лица, имелись и маски-бюсты¹, т. е. изготавливались уже все четыре типа масок, установленных С. В. Киселевым². Этот факт, как выяснится позднее, имеет весьма существенное значение. Особую важность имеет факт наличия в склепах этого времени монголоидных масок.

Отметим еще несколько предметов, характерных только для раннетагартыкского времени и позднее не встречающихся. Это, во-первых, железная

скоба с отверстиями, в которые продеты кольца с висящими на них четырехгранными бронзовыми колокольчиками — принадлежность шаманского бубна (может быть, костюма)³. Во-вторых, в изыхских склепах иногда находятся бронзовые дугообразные плоские пластинки, нередко с тремя отверстиями, которые, вероятно, нашивались на одежду. Никаких головок животных они не имеют (рис. 28—22, 25)⁴.

ГРУНТОВЫЕ ПОГРЕБЕНИЯ. ОБРЯД И ИНВЕНТАРЬ

Выше было показано резкое отличие грунтовых могил от склепов не только в устройстве погребальных камер, но и в различии керамических форм. Теперь следует рассмотреть особенности обряда и инвентаря погребений этого типа, имея в виду проверку правильности данной выше относительно датировки их Изыхским этапом. Как сказано выше, грунтовые погребения появляются еще в предтагартыкское время. Они как бы «выходят» из-под тагарских курганов — настолько близки индивидуальные грунтовые могилы к одиночным погребениям, скрывавшимся под курганами в тагарское время. Проследить их генезис помогает курган № 1, раскопанный В. П. Левашевой в 1938 г. близ улуса Мохова⁵. Устройство погребального сооружения, за исключением плоской овальной насыпи из плашмя лежащих плиток (7×6 м) сверху, еще типично тагарское. Под насыпью оказалась квадратная, ориентированная по странам света, оградка из врытых на боку плит (3,3×3,3 м). В центре ее — яма основного погребения, вытянутая с севера на юг, размерами 2,17×1,3×1,4 м. Стенки ее укреплены двумя рядами каменных плит, один над другим. Перекрытие состояло из трех толстых продольных бревен, поддерживающих плашмя положенные плиты. На дне лежала большая плита, на которой обнаружен костяк женщины на спине, головою на север. На лицевых костях черепа находилась погребальная маска, окрашенная в красный цвет, сделанная из белой необожженной терракоты. С погребенной положено было три предмета: крупная костяная игла с просверленным

ушком, железное шило с головкой и железный нож, ручка которого заканчивается большим кольцом⁶. Это погребение является самым ранним, переходным от тагарских курганов к грунтовым могилам. Относится оно ко II в. до н. э., т. е. к началу тагарско-таштыкского переходного этапа. Такую датировку подтверждают: а) типично тагарское еще устройство погребального сооружения (оградка, укрепление стенок ямы плитами, плиты на дне и покрытие ямы); б) наличие погребальной маски, железного кольчатого ножа — характерного только для этого времени⁷, и костяной иглы, также типичной для переходного этапа⁸. Следует прибавить еще, что внутри оградки, вокруг центральной ямы, были размещены три детских погребения, обставленных плитками, при которых найдено по сосуду. Два из них баночные, а третий — архаичной формы закрытый кубок на низком поддоне с пояском остроугольно-тычкового орнамента вокруг горловины. Это древнейший случай применения подобного орнамента, получившего затем, в таштыкскую эпоху, очень широкое распространение. Формы сосудов также переходные, очень близкие еще к тагарским.

Позднее, но в то же самое тагарско-таштыкское переходное время, появляются грунтовые могилы уже без оградок, под подобными же прямо-

⁵ Найдены в склепе № 2 Изыхского чаа-таса (1 экз.); Уйбатский чаа-тас з. к. № 1 (1 экз.), з. к. № 2 (2 экз.); Усть-Тесь, 1932, ко № 2 (2 экз.); склеп «Е» на Тагарском острове, 1883 (2 экз.).

⁶ СА, 1958, № 1, стр. 173, рис. 2—9—13.

¹ По имеющимся данным встречены: в склепе № 5 Уйбата I и в склепе «Е» на Тагарском острове (Зап. З—СОРГО, кн. VIII, вып. 2, Омск, 1886, стр. 42). Вообще же маски найдены в следующих склепах Изыхского этапа: Уйбат I № 5 (14 экз.), № 10 (2 экз.), з. к. № 1 (18 экз.); Уйбат II № 1 (1 экз.); Изых № 2 (свыше 10 экз.); Кривинокое, ко № 4 (1 экз.); Усть-Тесь, 1932, ко № 2 (16 экз.); Сыда № 3 (14 экз.); Лутавское, 1939, ко № 1 (6 экз.), ко № 2 (7 экз.), ко № 1 «на пашнях» (3 экз.); склеп «Е» на Тагарском острове, 1883 (около 20 экз.) и склеп «к СВ от к. № 5» на гриве «Малый Камешек», 1895 (1 экз.) — ОАК за 1895 г., стр. 151.

² ДИЮС, стр. 450.

³ Архив ИИМК (Ленинград), ф. 35, д. 42, л. 49—52.

⁴ ДИЮС, табл. XXXVI, рис. 2.

⁷ Кольчатые железные ножи найдены во всех ныне известных памятниках переходного тагарско-таштыкского этапа: а) в к. № 8 Кызыл-кульского чаа-таса (ОАК за 1897 г., стр. 54 — хран. в ГИМ), б) в Большом кургане Клеменца на Уйбатском чаа-тасе (ОАК за 1889 г., стр. 82), в) в кургане на р. Туим в 1951 г. (Архив ИИМК, д. 573, стр. 104), г) в кургане Аспелина у с. Тесь (СМУА, XXIX, Гельсингфорс, 1921, стр. 6, табл. 4, рис. 10), д) в китайском здании у г. Абакана (КСИИМК, вып. XII, 1946, стр. 81, рис. 41а), е) в позднетагарском кургане у Военного городка (г. Красноярск. В. Г. Карцов, 1928 — см. Архив ИИМК, д. 129, № 183, 1928—1929 гг.).

⁸ Совершенно аналогичная костяная игла найдена в к. № 8 Кызыл-кульского чаа-таса (Архив ИИМК, д. 43, 1897, л. 29 — фото).

угольными плоскими вымостками из каменных плит. Это четырехугольные ямы глубиной до 1,1 м, также вытянутые с севера на юг, как и яма в к. № 1 у улуса Мохова. Их отличает наличие в засыпке каменных плит, врытых на ребро по длинной средней оси ям¹. На дне — остатки деревянных срубов и берестяных оберток покойников. Костяки лежали на спине, тоже головами на север. При них всегда имеются небольшие черные, еще по-тагарски залощенные баночные сосуды, гладкие² или украшенные остроугольно-тычковым и кружковым³, иногда же штампованным прямоугольным орнаментом с выпуклыми налечами⁴. Среди других предметов инвентаря в них оказались округлые железные поясные пряжки, характерные как для переходных, так и таштыкских склепов. В одном погребении на шее скелета обнаружено ожерелье из бус⁵. Любопытно, что среди них в большинстве оказались типично тагарские еще бусы — цилиндрические пастовые, шаровидные хрустальные и биконические деревянные, обернутые с двух сторон бронзовыми спиральками. Но вместе с тем найдены бочонковидные бусы из загнутой бронзовой пластинки, которые, как сказано выше, встречаются в тагарских и, редко, в раннеташтыкских склепах. Здесь же найдена каменная каплевидная буса, аналогичная по форме бусе из склепа № 1 Уйбата II (рис. 28—б). Это уже грунтовые могилы очень близкие к таштыкским, но определенно более ранние, предташтыкские по возрасту. К сожалению, подобных могил раскопано еще очень мало и поэтому такой факт, как отсутствие погребальных масок, еще ничего не говорит, тем более что имеются ведь и таштыкские грунтовые погребения также без масок. Дальнейшие раскопки дополнят и уточнят в будущем наши представления о грунтовых могилах переходного тагарско-таштыкского времени. Но их появление уже на этом этапе несомненно и сейчас.

Перейдем теперь к последующим таштыкским грунтовым погребениям.

В отличие от предыдущих переходных грунтовых могил, два этапа развития которых намечены выше, на третьем этапе, уже в Изыхское время таштыкской эпохи, погребальный обряд значительно усложняется. Если в тагарских и переходных грунтовых могилах хоронили только по обряду трупоположения, то в таштыкских грунтовых появляются уже и трупосожжения. Преобладающим остается обряд трупоположения. Мне известны 36 могил только с трупоположениями⁶, 35 — со сме-

шанным обрядом, когда в одной могиле встречаются вместе несожженные скелеты и кучки пережженных косточек людей⁷, и только в 16 могилах оказался обряд трупосожжения в чистом виде⁸. Как показали наблюдения, при наличии двух разных обрядов в одной могиле разница по полу роли не играла. С кучками пережженных костей находили и женские и мужские скелеты, а иногда и те и другие вместе. Нельзя объяснить такую двойственность обряда и социальными различиями — состав погребального инвентаря довольно однороден.

При изучении погребального обряда Изыхских склепов выявилась борьба этих двух обрядов: старого тагарского обряда трупоположений с новым, занесенным пришельцами, обрядом полных трупосожжений. Начало этого процесса и отразилось в появлении тагарско-таштыкского переходного этапа, когда оставшаяся часть тагарского населения была вынуждена, при новых политических условиях, изменить старые формы погребальных сооружений. Не имея уже прежних объединенных сил, оно перестало сооружать курганы, но старалось как-то сохранить свой обряд, что и отразилось в появлении грунтовых могил. Пришельцы же, начав с военного вторжения и отбросив на север часть тагарцев, все же в первое время, очевидно, были вынуждены считаться с оставшейся частью, главным образом со старой тагарской знатью, что отразилось в устройстве больших курганов переходного времени еще не таштыкских, но уже и не тагарских, хотя с сильными еще пережитками тагарских традиций и в конструкции и в обряде.

Если на переходном тагарско-таштыкском этапе фиксируется начало этого процесса, то в раннеташтыкское время он усилился и дошел до кульминации, а с началом Сырского этапа в склепах встречаются уже только трупосожжения. То же выявляется и при изучении грунтовых могил. На переходном этапе в них еще нет ни одного трупосожжения — господствует тагарский обряд трупоположений. В раннеташтыкское время, когда, в связи с новой волной переселенцев с юга, усиливается всякое, в том числе и идеологическое, воз-

¹ Могила А, Б, В, Г Уйбата II (ДИЮС, стр. 284) и к. № 7 Джесоса (А. В. Адрианов. Выборы из дневников курганных раскопок. Минусинск, 1902—1924, стр. 44).
² 2 сосуда из могилы Б Уйбата II, хран. в ГИМ.
³ Могила А Уйбата II (ГИМ).
⁴ Могила В Уйбата II (ГИМ).
⁵ Могила Б Уйбата II (ГИМ).
⁶ Абаканская управа, 1898, к. № 1—А, Г, к. № 3—Н, к. № 4—II, к. № 5—II; 1899, к. № 2—V, к. № 5—I; Копены, 1940, м. I; Усть-Тесь, 1928, ограда С м. № 7 (впускная); Изых, 1951, м. I; Сыры, 1950, м. I; Горькое озеро, 1925, уро-

чанье «Копи», м. 12 и м. 14—15; р. Таштык, 1925, м. 5; «Копи» у Горького озера, 1928, м. 32; Уйбат I, 1936, м. А. (В. П. Левашева), м. 3, 4, 6, 7, 8а и 8б, 12 (С. В. Киселев); Уйбат I, 1938, м. 18; Ильинская гора, 1931, № 5; с. Быстрая, 1929, м. № 5—9, 12; г. Абакан, 1951, м. у гор. больницы и м. № 5 у нефтебазы (А. Н. Липский, 1948); Окунева улус, 1928, к. № 11; Горькое озеро, 1924, м. № 11.
⁷ Абаканская управа, 1898, к. № 1 м. 3 и К. к. № 5—I и III; 1899, к. № 2—II; Абакан, 1938 (Левашева), к. № 1 м. № 6; Горькое озеро, 1924, м. 12 и 13, «Копи» у Горького озера, 1928, м. 30 и 31, а также все 17 могил из двух групп Оглахтинского могильника по Адрианову (см. XXX иллюстрированное приложение к газете «Сибирская жизнь» № 254 от 23. XI 1903 г., стр. 2); Ильинская гора, 1931, м. № 3—4; с. Быстрая, 1929, м. № 10—11 и Изых, 1951, м. № 3; Уйбатский чаа-тас, 1928, м. № 20, 27, 28.
⁸ Абаканская управа, 1898, к. № 1—Б и В, к. № 3—В и Д; 1899, к. № 1 м. III; г. Абакан, 1938 (В. П. Левашева), к. № 1, м. № 1; р. Таштык, 1925, м. № 6 и 11; «Копи» у Горького озера, 1928, м. 33 и 34; д. Черная, 1929, м. 1 (см. ПРИМК, 1933, № 7—8, стр. 38); Уйбатский чаа-тас, 1936, м. № 1, 2, 5; Ильинская гора, 1931, м. № 1, 2.

действие пришельцев, некоторые потомки тагарских аборигенов изменяют старому погребальному обряду и поэтому в тех же самых грунтовых могилах, и даже чаще совместно с трупоположениями, появляются трупосожжения, причем и те и другие имеют погребальные маски. Поэтому нам представляется вероятным этническое единство всех погребенных в грунтовых, независимо от разницы обрядов. Таково наше объяснение наблюдаемых археологических фактов, если брать их не в отрыве, а при учете всей совокупности явлений сложного и запутанного процесса. Чаще всего в грунтовых могилах погребено по два (24 случая) или по одному (23 случая) костяку, редко встречаются три скелета сразу (6 случаев), причем третий костяк обычно детский¹. И только однажды, в одной из могил II группы Оглахтинского могильника, оказалось сразу пять костяков, причем половозрастные различия для данного случая не указаны². При этом следует иметь в виду, что при двойном обряде в одной могиле к двум трупоположениям нередко добавляется и трупосожжение, как это имело место в Оглахтинском и Абаканском могильниках, а также в ряде других. Покойники обычно укладывались вытянуто на спине, с руками вдоль туловища, вверх лицом, иногда просто на землю или на подостланные берестяные пластины. Иногда труп весь заворачивался в бересту и завязывался гибкими прутьями тальника, как в позднетагарских погребениях³. Старая тагарская ориентация положения трупа головой на юго-запад преобладает (30 могил), распространена также северо-восточная ориентация (16 могил) и в единичных случаях погребенные лежат головами на северо-запад (2 могилы), юго-восток (1), запад (1) и восток (2). В Оглахтинском и Абаканском могильниках, где больше всего сохранилось ненарушенных погребений, многократно замечено, что головы обычно приподняты, так как под них подложены деревянные чурочки, реже камни или подсыпана кучка земли⁴.

В одной из могил Оглахтов два костяка лежали не просто на полу, а на деревянном ложе, которое было установлено на четырех высоких (в 70 см) тумбах, сделанных из обрубленных корневищ лиственниц. Тумбы-подпорки стояли парами по концам могилы и были связаны между собою продольными досками, на которых помещался настил из досок, положенных поперек. Выше уже сказано, что аналогичные по форме многолопастные опоры из корневищ лиственниц имели «полати» з. к. № 1

Уйбатского чаа-таса⁵. Однако подобные ложа известны также в близких по времени погребальных сооружениях других районов. Например, еще в 1865 г. на Алтае В. В. Радловым раскопан Большой Катандинский курган, в погребальной камере которого оказалось два деревянных ложа⁶. Погребальные ложа близкой конструкции обнаружены и в могилах на р. Кенкол (Киргизия), относящихся к первым векам н. э.⁷.

Большинство скелетов в грунтовых могилах оказались потревоженными грабителями позднего времени, так что кости их лежат в беспорядке, иногда в куче, как, например, в могиле № 3 Изыхского чаа-таса (рис. 2—а). Адрианов, наблюдая беспорядочно разбросанные кости в некоторых могилах Оглахтов, полагал даже, что это захоронение чистых костей давно умерших людей. Быть может, он и прав, когда, в одном случае, указывает искусственно уложенные кости скелета, правда, не описывая подробно, в чем заключалась эта искусственность. По наблюдениям Адрианова, в погребениях Оглахтинского могильника, где почти в каждой могиле находилось по два костяка, только однажды рядом с мужским скелетом оказался женский скелет; в других могилах это были мужские костяки, большею частью в зрелом возрасте, и костяки подростков или детей. Только в одной могиле обнаружен скелет старика. Из всех других случаев парных захоронений мне известны еще три, определенные как мужское и женское⁸. Любопытно при этом, что всегда мужчины захоронены с погребальными масками на лицах, а женщины без них, хотя в других индивидуальных погребениях неоднократно встречались маски и на женских костяках. Может быть с масками хоронились полноправные женщины, а с мужчинами без масок наложницы? На этот вопрос пока трудно ответить утвердительно, тем более что встречаются нередко также индивидуальные захоронения мужчин, женщин и детей без масок, но, быть может, это дело рук грабителей, побывавших в этих могилах и снявших маски? Так, например, в могиле № 3 Изыхского чаа-таса, явно ограбленной, сохранился лишь маленький кусочек маски, который доказывает, что в свое время была вся маска, но она исчезла, по видимому, в связи с ограблением погребения. Вряд ли белая гипсовидная терракота была нужна грабителям недавнего прошлого. Они могли вынимать ее только из любопытства. Но в таштыкскую эпоху, может быть, она имела какую-то ценность. Широкое

¹ Привлечены только точно известные данные.

² ОАК за 1903 г., СПб., 1906, стр. 129.

³ Например, в могиле № 1 Сырского чаа-таса; захитые в бересту скелеты обнаружены В. Г. Карцовым в позднетагарском кургане у Военного городка (1928 г.) — Архив ИИМК, д. 129, № 183 за 1929 г. Остатки берестяных прошитых чехлов найдены у скелетов в к. № 3 у Малой Ини (А. В. Адрианов), а также берестяные обертки покойников оказались в позднетагарских грунтовых могилах на Уйбате — ДИЮС, стр. 284.

⁴ Г. П. Сосновский. О находках Оглахтинского могильника. ПИМК, 1933, № 7—8, стр. 36 и 38.

⁵ ДИЮС, стр. 445, табл. XXXIX, рис. 7.

⁶ W. Radloff. Aus Siberien. Bd. II. Leipzig, 1893, kapitel VII; В. В. Радлов. Сибирские древности. ЗРАО, новая серия, т. VII, стр. 147—216, а также А. Захаров. Материалы по археологии Сибири. Тр. ГИМ, вып. I. М., 1926, стр. 72 сл.

⁷ А. Н. Бернштам. Кенкольский могильник. М., 1940, табл. XXII и XXIII.

⁸ Абаканская управа, 1898, к. № 4, м. II (А. Адрианов. Выборки из дневников курганных раскопок, с р. 71); г. Абакан, 1951, у гор. больницы (Архив ИИМК, д. 573, стр. 86—92); Уйбатский чаа-тас, 1928, м. 27.

распространение обычая погребальных масок доказывается еще и тем, что даже дети в грунтовых могилах хоронились в маленьких детских масках¹. Детские маски встречаются и в склепах, как увидим ниже.

Интересной особенностью погребального обряда таштыкских грунтовых могил является посмертная трепанация черепа в его затылочной части с целью извлечения мозга, причем вырезанный кусок кости после очистки черепа вкладывался внутрь его. Такая трепанация черепов в затылочной области известна и в алтайских курганах эпохи Пазырык-Шибэ², но самое интересное заключается в том, что и в Хакасско-Минусинской котловине в тагарскую эпоху широко применялась посмертная трепанация, появившаяся еще на I стадии³. Производилась она то в затылочной, то в височной областях черепа. Это заставляет полагать, что обычай трепанации в раннеташтыкских грунтовых могилах есть сохранение потомками старых традиций тагарского погребального обряда.

В трех могилах Оглахтинского могильника Адрианову встретились части мумифицированных трупов. Так, еще в могиле, случайно открытой хакасом Егором Кокашиным поздней осенью 1902 г., приехавший в феврале 1903 г. Адрианов вынул из-под снега череп, на лицевых костях которого сохранились остатки мышечных тканей, превратившиеся в пергамент⁴. Летом же 1903 г. при раскопках могильника Адрианов нашел в могиле № 7 костяки мужчины и ребенка 10—12 лет. У последнего настолько хорошо сохранилась половина ступни, что все пальцы и ногти на них отчетливо выделялись, а фаланги были связаны высохшими мышцами и кожей. Но наиболее хорошую сохранность имели части трупов в могиле № 1, где были погребены мужчина и женщина. На черепе женщины прекрасно сохранились лицевые покровы и ухо, из других частей тела — шея, половина плечевого пояса, обе руки, грудь с хорошо развитым соском и др. У мужчины сохранился лицевой покров и шея⁵. В этом и ряде других случаев хорошо сохранились и волосы, всегда заплетенные в косу, которую носили не только женщины, но и мужчины, так как косы найдены в Оглахтинском могильнике у черепов несомненно мужских скелетов. Волосы мягкие и очень тонкие, каштановые и рыжие, явно происходящие не от монголоидных субъектов. В могиле

№ 1, где были погребены мумифицированные трупы мужчины и женщины, оказалось еще наголовное украшение в виде овальной ложной двойной косы, сплетенной из таких же светло-каштановых человеческих волос⁶. Как указывалось выше, аналогичное украшение найдено в з.к. № 1 Уйбата I и оно же, в качестве составной части мужского головного убора, изображено на голове статуэтки мужчины, оказавшейся в том же склепе⁷.

Факты свидетельствуют о распространении обрядовой мумификации трупов, при которой обязательна и трепанация черепов для извлечения особенно скоропортящегося вещества — мозга, не только у племени, оставившего после себя таштыкские грунтовые могилы, но и, очевидно, у его предков, населявших Хакасско-Минусинскую котловину и предшествующую тагарскую эпоху. Мумифицированные части трупов найдены лишь в трех лучше всего сохранившихся могилах Оглахтинского могильника, в которых создан особый благоприятный почвенный режим. При других условиях, учитывая примитивность средств мумификации, а также разграбленность грунтовых могил, они сохранились бы не могли. Поэтому в большинстве грунтовых погребений находятся лишь скелеты со следами трепанации черепов, т. е. то же, что и в погребениях второй половины тагарской эпохи. В связи с этим может быть и в тагарскую эпоху мумифицировались трупы покойных. Это было необходимо, чтобы сохранить труп на какой-то срок до его погребения для совершения обрядов, связанных с почитанием мертвых и поминанием их. Такого рода обычаи были достаточно распространены в Южной Сибири в то время. Трепанация черепов, связанная с мумификацией трупов, в настоящее время открыта во многих памятниках Горного Алтая, относящихся к эпохе Пазырык-Шибэ⁸. Несомненно, однако, что не будь мерзлоты, обеспечившей в пазырыкско-шибинских курганах консервацию всего содержимого их погребальных камер, найденные в них мумифицированные трупы дошли бы также только в виде скелетов с трепанированными черепами.

В погребениях Оглахтинского могильника оказались совершенно исключительные находки — погребальные куклы и их остатки. Куклы — это сшитые из кожи подобия человеческого тела, приближающиеся к нему и по величине, набитые витушками мелкой травы. Узкие длинные кожаные мешочки вместо рук и ног, куртка из замши вместо туловища — все это набито травой и вместо головы ком травы, обшитый кожей, причем краской на нем нарисовано лицо. Первоначально куклы эти были одеты в шелковые одежды.

Конечно, вещи из таких материалов не могли сохраняться в земле при обычных условиях и поэтому в других грунтовых, к тому же почти всегда

¹ А. В. Адрианов. Выборки из дневников..., стр. 71 — Абаканская управа, 1898, к. № 5, м III.

² С. И. Руденко. Горноалтайские находки и скифы, стр. 232—234, рис. 138—139, М. П. Грязнов. Раскопка княжеской могилы на Алтае. «Человек», 1928, № 2—4, стр. 219.

³ ДИЮС, стр. 227.

⁴ Г. П. Сосновский. О находках Оглахтинского могильника, стр. 35 (Сосновский неверно при этом указывает, что находка сделана рынней весной 1902 г. и что тогда же «весною» 1902 г. приехал на Оглахты Адрианов. Сам автор раскопок указывает именно те сроки, которые приведены нами выше — см. А. В. Адрианов. Оглахтинский могильник. XXIX иллюстрированное приложение к газете «Сибирская жизнь», к № 249 от 16. XI 1903 г., стр. 3).

⁵ Г. П. Сосновский. Уж. соч., стр. 35.

⁶ Там же.

⁷ ДИЮС, стр. 435, табл. XXXVIII, рис. 2.

⁸ С. И. Руденко. Горноалтайские находки и скифы, стр. 232—236.

разграбленных, кукол нет. И в Оглахтинском могильнике эти находки встретились далеко не во всех могилах и далеко не в равной степени сохранности. В могиле, в которую случайно провалился осенью 1902 г. Егор Кокашин, оказалась одна лишь куртка из замши, набитая завитой в колечки мелкой травой¹. В другой могиле, с двумя скелетами мужчин, оказалось две куклы: вдоль рук и ног скелетов лежали, поверх их, узкие длинные кожаные мешки, туго набитые травой, а у черепов оказались два чучела голов, одно из которых изготовлено было с большой тщательностью. Ком травы сверху был обтянут кожей, на которой были выдавлены глазные впадины, рот и пришит отдельно сделанный кожаный выступающий нос. Затем «лицо» было затянуто ярко-красной шелковой тканью, стянутой ниткой под подбородком, а на лбу обшито кожей, по которой шел орнамент, сделанный из тонкого шнура. Далее на «голове», охватывая макушку и затылок, был надет чепец с завязками из узорчатой шелковой ткани. На красном шелке «лица» были нарисованы синевато-черной краской брови, рот и ноздри². В другом случае подобная голова оказалась покрыта такой же погребальной маской, как и маски на черепах людей³. В некоторых могилах от кукол, ввиду того что тонкая кожа истлела, сохранились лишь витуски травы вдоль костей скелета.

Особую ценность для выяснения назначения погребальных кукол имеет то обстоятельство, что куклы эти найдены лежащими поверх скелетов людей. Адрианов прямо указывает в своем рукописном «Предварительном отчете» после описания кукол, что «под этим подобием человека лежали кости»⁴ скелетов. Этот факт убеждает в том, что первоначально в могилу погребался труп покойного и лишь только затем, быть может, по истечении некоторого времени, укладывалась погребальная кукла. Опираясь на этот вывод, попробуем установить назначение погребальных кукол.

Если задаться вопросом, где и когда в Сибири встречаются подобные погребальные куклы, то в настоящее время возможен лишь один ответ: в погребениях таштыкской эпохи, в особенности в раннеташтыкских грунтовых могилах, и в погребальном обряде обских угров, в первую очередь у хантов⁵. Совпадения поразительны и, как увидим впоследствии, неслучайны, тем более что вплоть до недавнего времени у хантов употреблялись и своеобразные погребальные маски. Необходимо указать, что этнография зафиксировала широкое распространение у разных народов обычая

создавать подобие покойного, но только у хантов существуют погребальные куклы в собственном смысле этого слова, ибо *только ханты хоронят их в ту же могилу, где лежит сам покойник*. Другие народы этого не делают, и они, тем более, не имеют погребальных масок. Рассмотрим сначала, что представляли собой хантские куклы и каково их назначение. Первыми сведениями о них наука обязана тому же Г. Новицкому, автору начала XVIII века, который при описании обряда похорон хантов сообщает с удивлением: «Странный же, безумия и безстыдия исполненный обычай наипаче жены их по смерти мужа своего содержать. Умершу же мужу, жена прием одежду его некую, изсекше себе от древа наподобие человеческого кумира, полагает на сего одежду мужа своего и прибирает утварами в подобие умершего, поставляет же его на месте, иде же обыкн быше муж ея сидети; вся же, что ему живу бывшу угодная бяху пища некая, сия сему бездушному древу усердно уготовляет и на первом седалищи своем, иде же присядет примати пищу, и его з собою положше, объемлет, лобызает кумира сего, аки жива мужа. *Верует бо умершу вся сия ведать и душа умершего иногда в сего утворенного идола в'ходить*. Содержит же сие чрез некое время, чрез год и вящие упражняючися сим безчинием. *Последи же идола со всем во одежде скривает в землю, провождающе с плачем и жалостию*»⁶. Из приведенного подробного и точного описания довольно четко выявляется назначение погребальных кукол у хантов и, главное, — факт погребения самих кукол по истечении необходимого срока. О широкой распространенности этого древнего обряда среди хантов свидетельствуют и другие авторитетные этнографы XVIII и первой половины XIX в., дополняя отдельными деталями приведенное выше описание Новицкого (Зуев, Георги, Кастрен)⁷, причем Кастрен уже определенно указывает, что куклу хоронят в могилу покойного, которого она изображала⁸. Опираясь на более полные данные позднейших авторов, возможно установить следующее. Дело в том, что в представлении обских угров имеется три части человеческого «я»: тело, душа и тень. После смерти тело погребается в землю, освободившаяся из этого тела душа переселяется в младенца, нарождающегося в том же роде, к которому относился умерший, а тень же продолжает жизнь за гробом, в подземном царстве. Именно для того, чтобы эта тень покойного могла продолжать без особых осложнений загробную жизнь, нужно оставшимся родственникам умершего предусмотреть все необходимое для нее в потустороннем мире и соблюсти, в связи с этим, опре-

¹ Хран. в Красноярском музее.

² Хран. в ГИМ, см. А. М. Тайлгрен. The South Siberian cemetery of Oglakty from the Han period, стр. 74—75, рис. 5—7.

³ Хран. в Музее антропологии МГУ, кол. 24.

⁴ Архив ИИМК, д. 33, 1903, л. 21—22.

⁵ Значительно реже куклы фигурировали в обряде вогулов (манси) и близко живущих ненцев, которые заимствовали этот обычай у хантов. По данным всех авторов, обряд этот чисто хантский, возникший у них в глубокой древности.

⁶ Г. Новицкий. Краткое описание о народе остяцком. 1715. Новосибирск, 1941, стр. 52 (подчеркнуто мною. — Л. К.).

⁷ В. Ф. Зуев. Материалы по этнографии Сибири XVIII века (1771—1772). М.—Л., 1947, стр. 42; И. Г. Георги. Описание всех обитающих в Российском государстве народов. СПб., 1799, стр. 89.

⁸ «Этнографический сборник, изд. Русским географическим обществом», вып. IV. СПб., 1858, стр. 311.

деленные обрядовые нормы, иначе тень может причинить живым много зла вплоть до умерщвления некоторых из них. Исходя из этих представлений, ханты вместе с телом покойного, в котором тень его уходит в подземный мир, чтобы «начать новую загробную жизнь», укладывали в могилу необходимые орудия и оружие, бытовые предметы и сосуды с питьем и пищей, убивали на могиле оленей и оставляли там нарты, хоронили покойника в лодке и т. д. Таким образом, тень умершего сородича «получала все необходимое для того, чтобы на том свете обзавестись своим хозяйством и начать новую жизнь». Подобные представления и обычаи, как известно, широко были распространены в разные времена и у разных народов, с чем археологи очень хорошо знакомы. Но в верованиях хантов уже с древних времен была одна особенность, которая вызвала необходимость создания погребальных кукол, временных заменителей умерших людей, их подобий. По-хантски эти куклы называются «шонгот», что буквально значит «покойный». Оказывается считалось, что покойный, вернее тень его, «в подземном мире начинает буквально новую жизнь», т. е. там он «появляется» младенцем и должен какое-то время «расти», чтобы достигнуть зрелости. Время этого «роста» разными авторами указывается различное, однако в большинстве случаев, как указывает и выше приведенный текст одного из наиболее ранних авторов — Г. Новицкого, считалось, что необходим год. В течение этого времени покойный в потустороннем мире, будучи якобы ребенком, естественно, не только не мог вести собственное хозяйство, но и не мог даже прокормиться. Поэтому, чтобы помочь своему родственнику стать на ноги и начать самостоятельную «жизнь» в загробном мире, необходимо было год поддерживать его и тем «показать» ему свою любовь и заботу во избежание всяких неприятностей и вреда, который в противном случае может причинить обиженная тень мертвеца. Для этого и делался шонгот — кукла, изображавшая покойного. К ней в течение года проявляли очень большое внимание: кормили, пили, одевали, раздевали, умывали, укладывали спать и т. д. Одним словом, проявляли всяческую заботу, ибо верили, что обо всем этом знает тень умершего, которая входит иногда в свою куклу для принятия пищи и т. п. Первоначально куклу делали маленькой и затем увеличивали в объеме по мере «роста» покойного. По истечении года, когда умерший «достигал» в том мире зрелого возраста, кукла его принимала нормальные размеры человеческого тела. Дальше покойник уже не нуждался в опеке, ибо, по представлениям хантов, он начинал вести собственное хозяйство и вполне мог сам заботиться о себе. При этом ненужным становился и шонгот. Считая его вместилищем тени покойного, ханты устраивали импровизированные похороны куклы, причем хоронили ее в той же могиле, в которой лежал прах самого покойного. Тем самым возвращали окончательно тень к телу, из которого

она вышла, и на этом обрывалась уже всякая связь живых с мертвым¹.

Некоторые авторы сообщают о том, что подобные куклы делались как для мужчин, так и для женщин², но большинство сведений, причем самые ранние из них, упорно указывают, что такие куклы делались обычно вдовами для своих умерших мужей. И это понятно, так как ухаживая год за куклой мужа, вдова тем самым не могла до истечения этого срока выйти замуж вторично. Вероятно, именно эта моральная норма, вытекавшая в свою очередь из определенных имущественных и родовых отношений, и лежала в основе обряда погребальных кукол. Именно вдова «помогала» покойному мужу снова стать хозяином в потустороннем мире.

Куклы эти у хантов делались вдовами еще до выноса гроба с телом умершего из дома. Их одевали по сезону: летом легко, зимою в меховой наряд — ягушку. Одежда сначала шилась миниатюрная, но по образцу настоящей, причем ее старались украсить вышивками. Кукле придавали нарядный вид, украшали лентами, бусами, новой шапочкой. По указанию Гондатти, особенно старательные вдовы, если куклы делались из дерева, вырезали лицо и раскрашивали его разными красками³.

Мы остановились на этом вопросе более подробно для того, чтобы выяснить назначение кукол, находимых в таштыкских грунтовых могилах, так как этот вопрос до сих пор никем решен не был. Его отмечали как «чрезвычайно интересную подробность погребального ритуала» и оставляли без объяснений⁴. С. А. Теплоухов предполагал, что «куклы», вероятно, изображали лиц, сопровождавших покойников в загробный мир⁵. С. В. Киселев объясняет их появление стремлением «хотя бы с помощью манекена сохранить тело»⁶. И никто из исследователей не обращался при этом к этнографии современных сибирских народов, полагая, очевидно, что вряд ли возможно найти прямые аналогии, а тем более указания на непосредственную связь современности с явлениями двухтысячелетней давности. Между тем хантские погребальные куклы, по моему мнению, не только совершенно аналогичны таштыкским, но являются первым указанием на прямую связь хантской культуры и идеологии с таштыкской древностью. Представления хантов о погребальных куклах глубоко

¹ И. П. Росляков. Похоронные обряды остяков. Ежегодник Тобольского музея, вып. V. Т., 1895—1896, стр. 1—9; В. Бартенев. Погребальные обычаи обдорских остяков. Живая старина, вып. 1—4, год V. СПб., 1895, стр. 487—492; К. В. Харлампович. К вопросу о погребальных масках и куклах. ИОАНЭКУ, т. XXIII, вып. 6. Казань, 1908, стр. 472—482.

² В. Бартенев. Ук. соч., стр. 491.

³ Известия общества любителей естествознания, антропологии и этнографии, т. 48, вып. 2. М., 1888, стр. 67.

⁴ Г. П. Сосновский. О находках Оглахтинского могильника, стр. 37.

⁵ С. А. Теплоухов. Опыт классификации древних металлических культур Минусинского края. МЭ, т. IV, вып. 2. Л., 1929, стр. 50.

⁶ ДИКОС, стр. 403.

консервативны и древни. Сложились они, очевидно, еще в раннеташтыкское время и хорошо объясняют таштыкские куклы, сохранившиеся в могилах Оглахтов.

Нет сомнения, что это такие же вместилища теней умерших мужей, какие делали и хантские вдовы. Их также берегли, кормили, украшали и содержали какое-то время, возможно год, дома. Поэтому-то некоторые из них имеют черты лица, нанесенные краской, шелковые, несомненно дорогие для «таштыкцев», одежды (вспомним чепец из узорчатого шелка) и поэтому же их размеры приближаются к величине тела человека. Выше уже указывался факт нахождения кукол лежащими поверх скелетов. Вероятно, также по истечении определенного срока, когда покойный «вырастал» на том свете, могилу снова вскрывали и хоронили в нее куклу, которая оказывалась поверх скелета человека. На какой-то значительный разрыв во времени между погребением трупа и погребением куклы указывает сообщение Адрианова о том, что «под этим подобием человека лежали кости — иные в порядке, иные нет»¹. Смещение костей скелета могло произойти при сбрасывании сверху на него куклы, при условии, что к этому времени труп уже разложился. То обстоятельство, что куклы, найденные в погребениях Оглахтинского могильника, лежали на мужских костях, заставляет полагать, что этот обряд возник именно как обязанность вдов. А если это так, то совершенно отпадает возможность считать, при указанных выше случаях парных погребений, что с умершим мужем хоронилась его жена. Женские костяки без масок, захороненные в одной могиле с мужским скелетом, имеющим маску, следует понимать как сопроводительные погребения наложниц-чужеродок.

Вторым очень важным указанием на генетическую связь хантов с населением Хакасско-Минусинской котловины в таштыкскую эпоху является применение погребальных масок. Разница заключается только в том, что таштыкцы изготавливали высокохудожественные портретные маски из гипсовидной белой глины, а у хантов употреблялись лишь импровизированные маски из оленьей кожи². Однако смысл и значение тех и других были едиными. Все эти вопросы развернуто будут изложены ниже, здесь же следует обратить внимание лишь на один факт, связанный с погребальными куклами. Дело в том, что Адрианов в одной из грунтовых могил Оглахтов обнаружил на кожаной «голове» одной из кукол такую же маску, какие обычно встречаются одетыми на человеческие черепа. Объяснение этому будет дано ниже при изучении масок и выяснении их назначения, здесь же укажем на совпадение даже в этом с теми же хантскими материалами. Оказывается и у хантов встречались погребальные куклы с масками, надетыми на «лицо»³. Подобные ана-

логии и многие другие факты, которые излагаются в специальном разделе работы, не позволяют считать случайностью таштыкско-хантские параллели.

В заключение обзора погребального обряда грунтовых могил следует особо отметить, что под головами некоторых костяков оглахтинских могил оказалось в изобилии насыпанное просо, зерна которого, между прочим, встречаются и в курганах переходного тагарско-таштыкского времени⁴. Постоянно встречаются также в могилах кости лошадей, коров и овец⁵. Не все из них попадали туда с мясом в качестве пищи. В особенности это касается часто встречаемых в могилах астрагалов овец и отчасти крупного рогатого скота. Овечьи астрагалы, очевидно, относятся к игральным костям, так как они нередко оказываются сложенными в кучки в количестве от 2 до 6—10 штук сразу⁶. То же встречается и в склепах.

Несомненно существовал и обряд поминок, который совершался на могиле. Нередко над потолком сруба, в верхних слоях засыпки могильной ямы, встречаются черепа лошадей, от одного до четырех, иногда положенные вместе с нижними челюстями, чаще без них⁷. Видимо, при похоронах убивались лошади, мясо которых съедалось присутствующими, а черепа укладывались в могилу сверху. Аналогичная картина обнаружена и в одной из гуннских могил (м. № 9) Дэрестуйского могильника. Забайкалья, относящейся к I в. до н. э., где также сверху, на глубине около 1 м от поверхности, оказалось 4 черепа лошади и 4 черепа горного барана⁸. В одной из грунтовых могил обнаружены остатки поминального костра, для которого на накат сруба, покрытого сверху берестой, был насыпан песок. На этой подсыпке залегало кострище из золы и древесного угля толщиной в 5—8 см. В нем найдены только обгоревшие кости овцы и коровы⁹.

* * *

Инвентарь грунтовых погребений, ввиду их сплошной разграбленности, дошел до нас значительно обедненным. Однако и то, что известно, достаточно убеждает в существенных отличиях его от инвентаря ранних склепов, рассмотренного выше. Причем отличия заключаются не в разнице соци-

⁴ В к. № 8 Кызыл-кульского чаа-таса. Мною при изучении в ГИМ вещей из этого кургана обнаружены зерна проса в земле, пришедшей изнутри к кожаному футляру одного из круглых бронзовых зеркал.

⁵ Кости, главным образом, следующие: овечьи — лопатки, ребра, астрагалы, бедренные и лучевые; крупного рогатого скота — лопатки, ребра, астрагалы, зубы, обломки челюстей; коноски — лопатки, ребра, фаланги, зубы и обломки челюстей.

⁶ Например, рч. Таштык (1925) м. № 5—10 астрагалов. м. № 11 — 6 астрагалов и т. д.

⁷ Горькое озеро, урочище «Копи» (1925) м. № 14—1 череп коня и 4 нижние челюсти (2 из них лежали одна в другой), м. № 15—4 черепа лошади и 1 череп коровы; Копи у Горького озера (1928) м. № 33 — череп коня с половиной нижней челюсти, м. № 34—3 коноских черепа с нижними челюстями. То же и в склепах у с. Кривинокого.

⁸ Г. П. Сосновский. Дэрестуйский могильник. ПИДО, 1935, № 1—2, стр. 169.

⁹ Г. Абакан, курган у гор. больницы, 1951, Архив ИИМК. д. 573, стр. 86—92.

¹ Архив ИИМК, д. 33, 1903, л. 21—22.

² К. В. Харламович. К вопросу о погребальных масках и куклах. ИОАИЭКУ, т. XXIII, вып. 6, стр. 472—482.

³ Там же, стр. 473.

ального положения, как это представляли себе многие исследователи¹, и тем более не в хронологическом различии, как считали другие², а в несомненной этнической неоднородности людей, хоронивших в грунтовых могилах, и людей, соорудивших для своих покойных склепы. Выше такой вывод уже намечен нами при изучении сосудов, происходящих из этих погребений. Анализ керамики, как известно, показал: 1) значительные различия между грунтовыми могилами и склепами в формах сосудов, их орнаментации и технике изготовления; 2) что грунтовые могилы датируются Изыхским этапом и позднее не существуют. Необходимо теперь эти данные проверить на остальном материале их инвентарей.

Посуда, сделанная из глины без применения гончарного круга, описана и изучена выше. Напомним лишь ее основные формы, составляющие 9 типов. Наибольшее распространение имели сосуды кубковидные, баночные и сферические (типы 2, 8, 9, 19). Значительно реже встречаются в погребениях горшковидные, бочонковидные, бочонкообразные, четырехгранные и пятигранные сосуды (типы 11, 13, 15, 21), а также кувшины (10 тип.) Все типы этих сосудов несколько отличаются от аналогичных им сосудов из склепов. Многие из них еще значительно ближе тагарским, от которых они и ведут свое происхождение.

Но в грунтовых погребениях встречается не только глиняная посуда. В хорошо сохранившихся могилах Оглахтов уцелели также разнообразные деревянные сосуды, которые, несомненно, имели широкое распространение в таштыкском быту. Особенно большое количество их найдено в могилах № 1, 2 и 7. Наиболее разнообразные формы сосудов оказались в могиле № 2. Там, в юго-западном конце ямы, по снятии потолка со сруба лежала прямо на виду целая куча посуды. Тут был целнодеревянный *бочонок*, употреблявшийся лежащим на боку, для чего по концам его вырезаны из того же куска дерева два кольца — подставки. Срединка его выдолблена широким желобчатым долотом, отчего вся внутренняя поверхность имеет рифленую разделку, а отверстия на концах закрыты вставными днищами. В круглое отверстие бочонка вставлялась втулка-кран со шляпкой на узком конце, которая найдена здесь же (табл. IV—72)³. Бочонок, вероятно, предназначался для хранения вина или кумыса. Возле него стоял *цилиндрический сосуд*, похожий на ведро, со вставным изнутри дном и длинным носиком-сливом. Он был выдолблен из одного ствола дерева⁴. Далее был обнаружен искусно вырезанный из корня березы *круглодонный*

ковш с обуженным горлом и отходящей в сторону ручкой-сучком⁵, на конец которой надевалась, очевидно, такая же роговая рукоять, как у совершенно аналогичного ему деревянного сосуда, найденного во втором кургане Пазырыкской долины⁶. Для этого на ручке вырезан конический насад (табл. IV—77). Выше указывалось, что в склепах встречаются аналогичные по форме бронзовые ковши-подвески, но лишь на Изыхском этапе. Возможно, что такие деревянные ковши с целно вырезанными изогнутыми ручками, на концы которых надевались роговые наконечники, существовали еще и в тагарское время. Это можно предполагать потому, что в одном тагарском кургане найден костяной наконечник-втулка с отверстием для прикрепления его к деревянному черенку. Самый конец его оформлен в виде копыта лошади, совершенно так же, как у рогового наконечника ручки сосуда из 2 Пазырыцкого кургана⁷.

В круглодонном оглахтинском ковше лежала деревянная вороночка (рис. 34—3)⁸, с помощью которой им наливалась в бочонок какая-то жидкость. Здесь же стояло деревянное *корытце с носиком* и небольшой ручкой (табл. IV—76)⁹, аналогичное корытцу со сливом и такой же ручкой из Ноин-Улы¹⁰. В нем лежал небольшой деревянный *черпачок* (рис. 34—4)¹¹ и здесь же другой (рис. 34—2)¹². Третий такой же черпак, но большего размера, найден в могиле № 7 лежащим в кубковидном глиняном сосуде (рис. 34—5)¹³. Кроме того, в могиле № 2 оказалось еще деревянное *блюдо*, в котором, очевидно, крошилось и подавалось в свое время мясо — дно его покрыто мелкими нарезками от ножа (рис. 34—6)¹⁴. Аналогичное блюдо, с таким же отверстием сбоку для подвешивания, обнаружено и в могиле № 1 (рис. 34—7)¹⁵, вместе с круглой деревянной чашей¹⁶. В погребении № 7 найдена еще деревянная *кружка*, или ковш, с небольшой четырехугольной ручкой и отверстием для подвешивания (рис. 34—1)¹⁷.

Необходимо остановиться еще на одной группе ритуальных сосудов. По указанию Адрианова, в каждом уцелевшем погребении Оглахтинского могильника в головах скелетов, за черепом, обяза-

¹ Г. П. Сосновский. О находках Оглахтинского могильника, стр. 40; ДИЮС, стр. 474—475.

² С. А. Теплоухов. Ук. соч., стр. 50—54.

³ ОАК за 1903 г. СПб., 1906, стр. 129—130, рис. 260; ср. ESA, XI, Хельсинки, 1937, стр. 79, рис. 9 а, в; хран. в ГИМ.

⁴ Хранился в Музее антропологии МГУ, кол. № 31, по описи № 3. Утрачен при эвакуации в годы Отечественной войны.

⁵ Г. П. Сосновский. Ук. соч., рис. на стр. 38; ESA, XI, стр. 81, рис. 13; хран. в ГИМ, № 43931.

⁶ С. И. Руденко. Второй Пазырыкский курган, табл. X, рис. 2.

⁷ Из к. № 42, погр. 4, на Тагарском острове (Адрианов, 1894), см. ОАК за 1894 г., стр. 135—136, издан G. V. Merhart. Bronzezeit am Jenissei. Wien, 1926, т. IV/V, рис. 20; хран. в ГИМ, инв. № 34990, 85/13а.

⁸ ESA, XI, стр. 79, рис. 10; хран. в ГИМ, № 43931.

⁹ Хран. в Красноярском музее, инв. № 24—67.

¹⁰ Хран. в Гос. Эрмитаже, отдел Востока, шифр. МР.

¹¹ Г. П. Сосновский. Ук. соч., рис. на стр. 39; ESA, XI, стр. 83, рис. 20; хран. в ГИМ, № 43931.

¹² Хран. в Красноярском музее, № 24.

¹³ Хран. в Музее антропологии МГУ, кол. № 31—4.

¹⁴ Г. П. Сосновский. Ук. соч., рис. на стр. 39 и ESA, XI, стр. 80, рис. 11; хран. в ГИМ, № 43931.

¹⁵ ESA, XI, стр. 77, рис. 8; хран. в ГИМ, № 43931.

¹⁶ Хран. в ГИМ, № 43931.

¹⁷ ГИМ, № 43931.

тельно находился небольшой (высотой около 11 см, диаметром 8 см) цилиндрический *туесок* из *бересты*. Все *туески* имели круглые пришитые берестя-

ные доньшки, а у другого конца они были пронизаны насквозь 3—4 деревянными спицами¹. Снаружи эти «сосуды» были обтянуты китайским

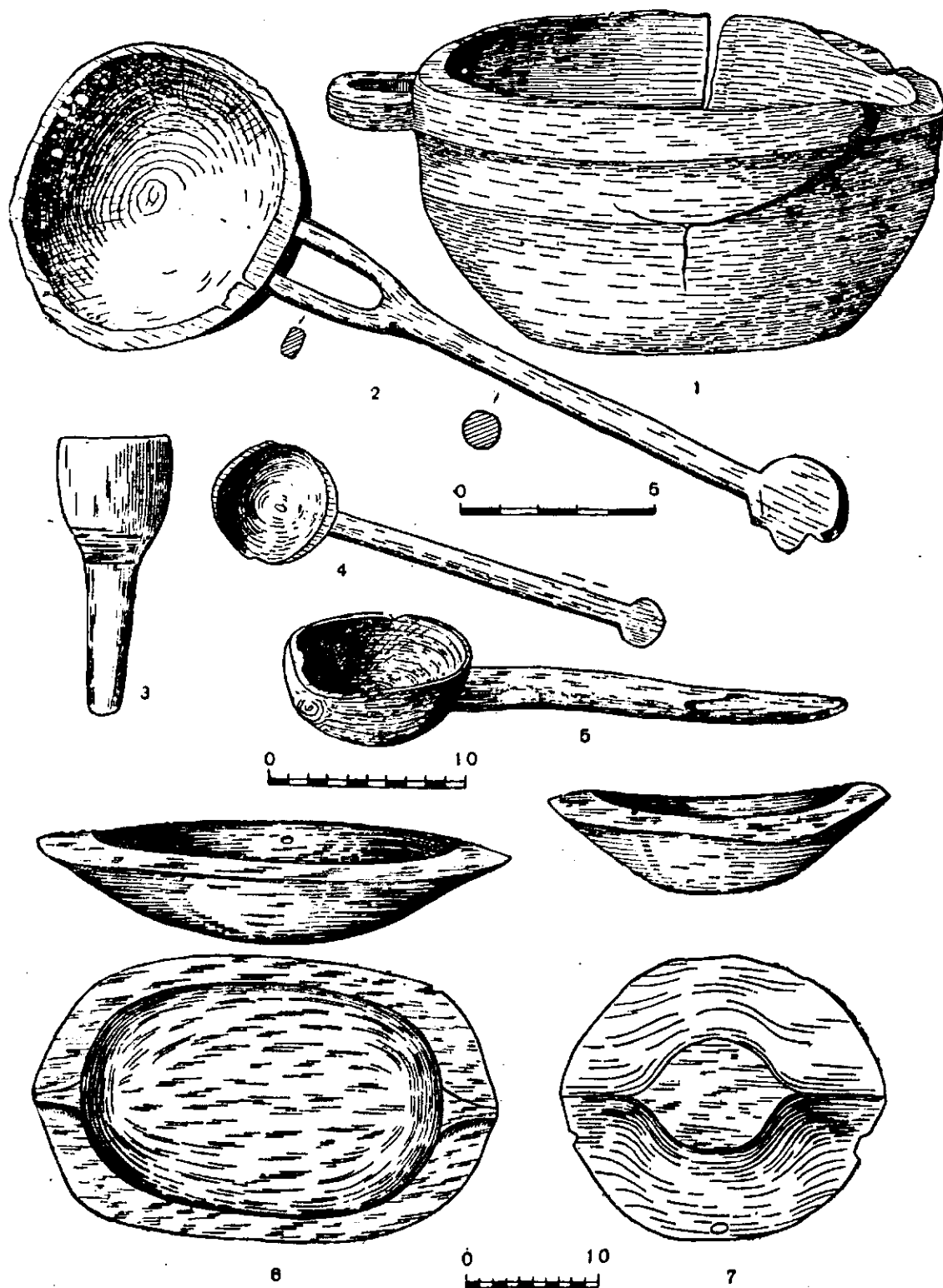

Рис. 34. Деревянные предметы из грунтовых погребений 1 Оглахтинского могильника: 1, 5 — м. № 7; 2—4 и 6 — м. № 2; 7 — м. № 1

¹ Остатки *туесков* из могил № 2, 3 и 9 Оглахтов I хранятся в Музее антропологии МГУ, кол. 31—5, 6, 7.

шелком эпохи Хань с красивыми рисунками. Эта ткань лучше всего сохранилась на туесках из могил № 1¹ и № 2². Туески найдены и в погребениях других могильников. В могиле 18 Уйбатского чаа-таса (1938 г.) оказались остатки аналогичного берестяного туеса, интересного тем, что на дне его имеется прошитый узор в виде пятиконечной звезды³. Все это лишний раз подтверждает раннюю датировку таштыкских грунтовых могил, ибо еще в переходное тагарско-таштыкское время в погребениях также устанавливались подобные туески, среди которых имеются экземпляры с аналогичным узором в виде звезды, примером чего являются находки, сделанные Аспелиным в 1889 г. в Большом кургане у с. Тесь⁴.

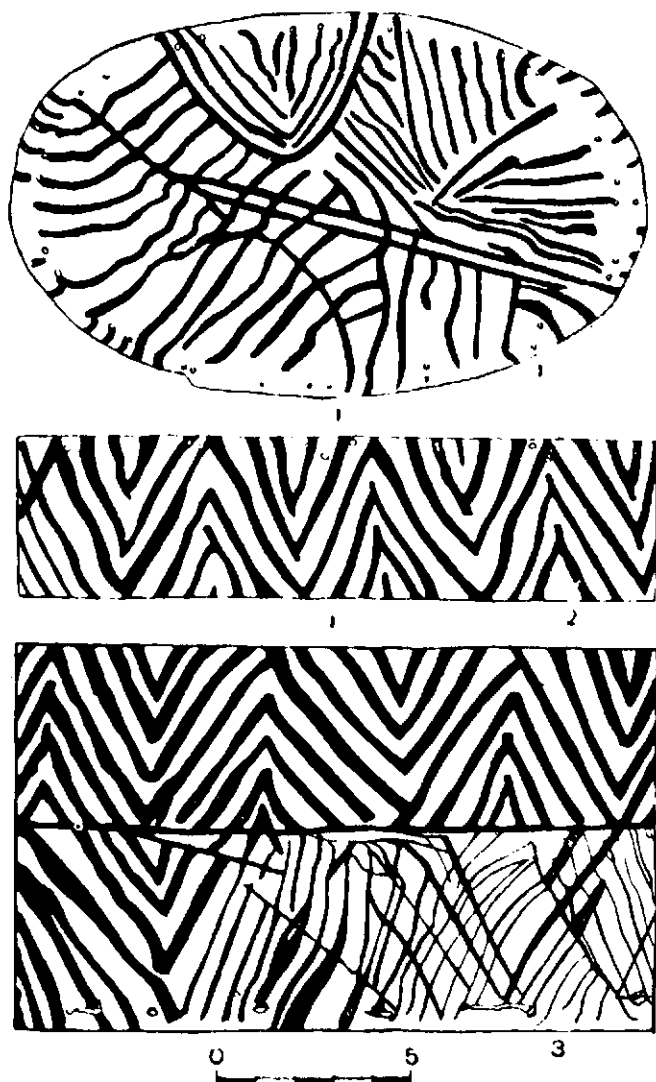

Рис. 35. Берестяная коробка из могилы № 2 I Оглахтинского могильника: 1 — крышка сверху; 2 — крышка сбоку; 3 — бок коробки

¹ Хран. в ГИМ, № 43931, 32/2.

² Г. П. Сосновский. Ук. соч., рис. на стр. 36; ESA, XI, стр. 85, рис. 22 и 23; хран. в ГИМ, № 43931.

³ ДИЮС, стр. 406 и табл. XXXVIII, рис. 20.

⁴ А. М. Tallgren. *Trouvailles tombales siberiennes en 1889*. SMYA, XXIX, Helsingfors, 1921, fig. 7.

Здесь же следует упомянуть найденную в могиле № 2 Оглахтов овальную берестяную коробку с пришитым дном и отъемной крышкой, верх которой также был пришит к берестяному кольцу⁵. Вся наружная поверхность коробки покрыта орнаментом из вдавленных линий, образующих угловой геометрический рисунок, по указанию Адрианова, «на подобие так распространенного у остяков и самоедов Нарымского края»⁶. Береста, очевидно, первоначально была подкопчена, отчего она приобрела буро-коричневый цвет. Затем выдавливанием, или выскабливанием, был получен рисунок оранжевого цвета (рис. 35). Указание Адрианова совершенно правильно. Именно у хантов и нарымских селькупов (последние заимствовали их у хантов) широко распространены такие овальные берестяные коробочки и кузовки⁷. У хантов встречается не только совершенно аналогичная техника нанесения узора на берестяные сосуды⁸, не только точно так же пришивались к ним днища, но и распространен совершенно аналогичный орнамент в виде вписанных друг в друга углов⁹. Совпадение абсолютно и ни в коей мере не случайно. Очевидно, в древности именно из Хакасско-Минусинской котловины проник этот орнамент в Западную Сибирь вместе с его творцами. В этой связи любопытно наблюдение В. Н. Чернецова о том, что у манси и северных хантов распространены прямоугольные орнаменты, «в то время как на средней Оби и дальше на восток и юг орнамент чаще носит косоугольный характер»¹⁰. Выше уже говорилось, что еще в тагарско-таштыкское время этот орнамент из вписанных друг в друга острых углов переходит с берестяных изделий на керамику (рис. 15—1) ¹¹. Но особенно широкое распространение он получил на Изыхском этапе и наиболее характерен для сферических сосудов и кубков тех же грунтовых могил, на которых преобладают аналогичные орнаментальные пояса из треугольников, вписанных друг в друга и обращенных вершинами то вверх, то вниз (рис. 24—8 и табл. IV—84, 86).

В грунтовых погребениях встречаются также, к сожалению в сильно фрагментированном состоянии, остатки китайских деревянных чашечек, покры-

⁵ Хран. в Музее антропологии МГУ, кол. 31—8.

⁶ А. В. Адрианов. Оглахтинский могильник. XXX иллюстрированное приложение к газете «Сибирская жизнь» № 254 от 23.XI 1903 г., стр. 2.

⁷ У. Т. Сирелиус. Домашние ремесла остяков и вогулов. Ежегодник Тобольского музея, вып. XV, 1906, рис. 47 и 48; Е. Д. Прокофьева. Орнамент селькупов. Краткие сообщения Ин-та этнографии, X, 1950, стр. 29—39.

⁸ В. Н. Чернецов. Орнамент ленточного типа у обских угров. СЭ, 1948, № 1, стр. 141.

⁹ СЭ, 1949, № 3, стр. 126, рис. 26; У. Т. Sirelius. Ornamente auf Birkenrinde und Fell bei den Ostiaken und Wogulen. Helsingfors, 1904, fig. 1 и табл. XV, 5; особенно табл. XXXVIII—18.

¹⁰ В. Н. Чернецов. Ук. соч., стр. 147.

¹¹ Обломки сосуда из Большого кургана Уйбатского чаа-таса, раскопанного Д. А. Клеменцом в 1889—1890 гг., — хран. в ГИМ, 85/326.

тых черным и красным лаком¹. В одном случае найдены кусочки какого-то берестяного изделия также с лакированной поверхностью². Эти находки очень важны для датировки грунтовых погребений, ибо подобные лакированные чашечки изготавливались в ханьском Китае в I в. до н. э. — первой половине I в. н. э.

Упомянем найденный в одной из грунтовых могил бронзовый миниатюрный котелок тагарского типа с двумя ручками (рис. 26—2)³. Однако в отличие от рассмотренных выше миниатюрных котелков-подвесок из склепов Изыхского этапа (высотой до 3 см), он имеет гораздо более крупные размеры (высота 5 см, диаметр дна 2,8 и горла 3,5 см) и является сосудом, а не подвеской. Второй такой котелок, только не гладкий, а украшенный рельефными тягами и с тремя шишечками на ручках, найден Л. А. Евтюховой в 1955 г. в грунтовой могиле урочища Салбык, и там же в 1956 г. найден третий котелок, совершенно подобный изображенному на рис. 26—2.

Котелки из бронзы, одинаковые по размерам, известны и по случайным находкам в Хакаско-Минусинской котловине⁴, Красноярском районе (рис. 26—3)⁵ и в Западной Сибири⁶. Последнее интересно тем, что лишний раз подтверждает появление в Западной Сибири миниатюрных предметов таштыкских форм (рис. 26—1). Вообще же эти бронзовые котелки по размерам и форме сближаются с небольшими глиняными котелками, появившимися еще в предташтыкское переходное время⁷.

Рассмотрим далее то, что сохранилось в грунтовых могилах от одежды и украшений людей. Выше неоднократно упоминались находки китайского шелка, из которого шились одежды для погребальных кукол, которым обертывались берестяные туески, четырехугольные лоскутки которого накладывались под маски на глаза, нос и рот покойника и т. д. Никаких других тканей в грунтовых погребениях до сих пор не найдено. Это, конечно, не говорит за то, что люди в быту не употребляли и не носили других материй, например шерстяных. Однако это доказывает достаточно широкое распространение шелковых тканей у населения, оставившего после себя таштыкские грунтовые могилы. Доказывает наличие прочных связей с ханьским Китаем, вероятно через торговых посредников, ко-

торым надо было хорошо платить за эти роскошные товары. Несомненно, что употреблялись шелковые одежды. Находки обрывков зеленого шелка на скелетах убеждают в этом⁸. Из шелка же шились и легкие головные уборы типа чепца, найденного на одной из кукол Оглахтов.

Однако распределение инвентаря по отдельным погребениям наглядно свидетельствует о социальной дифференциации внутри того общества людей, которые хоронили своих покойных в грунтовых могилах. Во-первых, шелковые одежды не служили повседневным одеянием, во-вторых, употреблялись далеко не всеми. Рядовые люди, очевидно, носили домотканые грубошерстные одежды, а также меховые и кожаные. На последние указывает куртка из замши, найденная в первой открытой в 1902 г. могиле на Оглахтах, где она была использована в качестве туловища погребальной куклы. Куртка эта короткая (до колен), распахная, без воротника, с узкими обшлагами на концах рукавов. Борта ее, как и «воротник», образованы отогнутой узкой полоской кожи. Она имела карманы, на одном из которых (сохранившемся) пришит набитый волосом овальный помпон. Любопытно, что вся куртка сшита из отдельных кусков кожи швом «через край» сухожильными нитками, причем швы сделаны с обратной, нелицевой стороны⁹. Умение хорошо обрабатывать кожу видно как в этом, так и в других случаях, в особенности при изучении кожаных кукол¹⁰. Остающиеся при выкраивании крупных вещей обрезки кожи также пускались в дело, что доказывается, кроме куртки, найденным в одной из оглахтинских могил мешком, который весь сшит из мелких кусочков кожи, аккуратно подобранных один к другому¹¹. Словом, употребление кожаной и меховой одежды и обуви несомненно.

Не совсем понятно почти полное отсутствие поясных пряжек. Правда, Адрианов в своем газетном отчете указывает, что в оглахтинских могилах были «кроме того» найдены «дерев. булавки, пряжки и т. п.», но тут же добавляет, что никаких «вообще металлических, костяных или каменных предметов в могилах не встречалось»¹². Таким образом, совершенно неясно, о каких пряжках идет речь; не думаем, чтобы имелись в виду деревянные. Других указаний о находках пряжек в могилах Оглахтов нет в литературе, но в Красноярском музее одна такая пряжка, происходящая из могилы № 7, хранится. Это типичная для гунно-сарматского времени застежка с двумя отверстиями и заостренным носиком, вырезанная из сравнительно толстой костяной пластинки (рис. 36—2). Железные пряжки найдены в грунтовых могилах лишь только в одном

¹ Горькое озеро, м. № 13 (Теплоухов, 1924); Горькое озеро, урочище «Копи» (Теплоухов, 1926), м. № 14; Копи у Горького озера (Теплоухов, 1928), м. № 31, 33, 34 — хран. в Гос. Эрмитаже, кол. 4319—11, 4379—9, 4887—27, 49, 60.

² Копи у Горького озера (Теплоухов, 1928), м. № 32 — хран. в Гос. Эрмитаже, кол. 4887—37, 38.

³ Горькое озеро, урочище «Копи», м. № 14 — хран. в Гос. Эрмитаже, кол. 4379—14 — см. МЭ, т. IV, вып. 2, Л., 1929, стр. 57, табл. II, рис. 4.

⁴ Минусинский музей — 6 экз. (№ 10018, 10032—10035 и 10040).

⁵ Гос. Эрмитаж — 1 экз. из собрания Лопатина, № 5531—1479 (с. Иркутское Красноярского округа).

⁶ МИА, № 35, М., 1956, стр. 147, табл. IX, рис. 7; в ГИМ хранится еще один котелок из Барабинской степи, VII, 47/15 б.

⁷ СМЯ, XXIX, стр. 4, рис. 3.

⁸ Горькое озеро, м. № 13 (Теплоухов, 1924) — хран. в Гос. Эрмитаже, кол. 4319—10.

⁹ От нее сохранилась лишь правая половина с рукавом — хран. в Красноярском музее, № 24—107.

¹⁰ Остатки их хран. в Красноярском музее, № 24—33, 45 и др.

¹¹ Хран. в ГИМ, № 43931 — из могилы № 7.

¹² XXX иллюстрированное приложение к газете «Сибирская жизнь» к № 254 от 23.XI 1903 г., стр. 2.

случае, а из бронзовых пряжек найдена лишь одна в могиле на урочище Салбык в 1956 г.

В 1928 г. С. В. Киселевым в тагарской оградке «С» у заимки Усть-Тесь было вскрыто одно таштыкское впускное погребение мужчины с двумя железными пряжками¹. Пряжки эти имеют лировид-

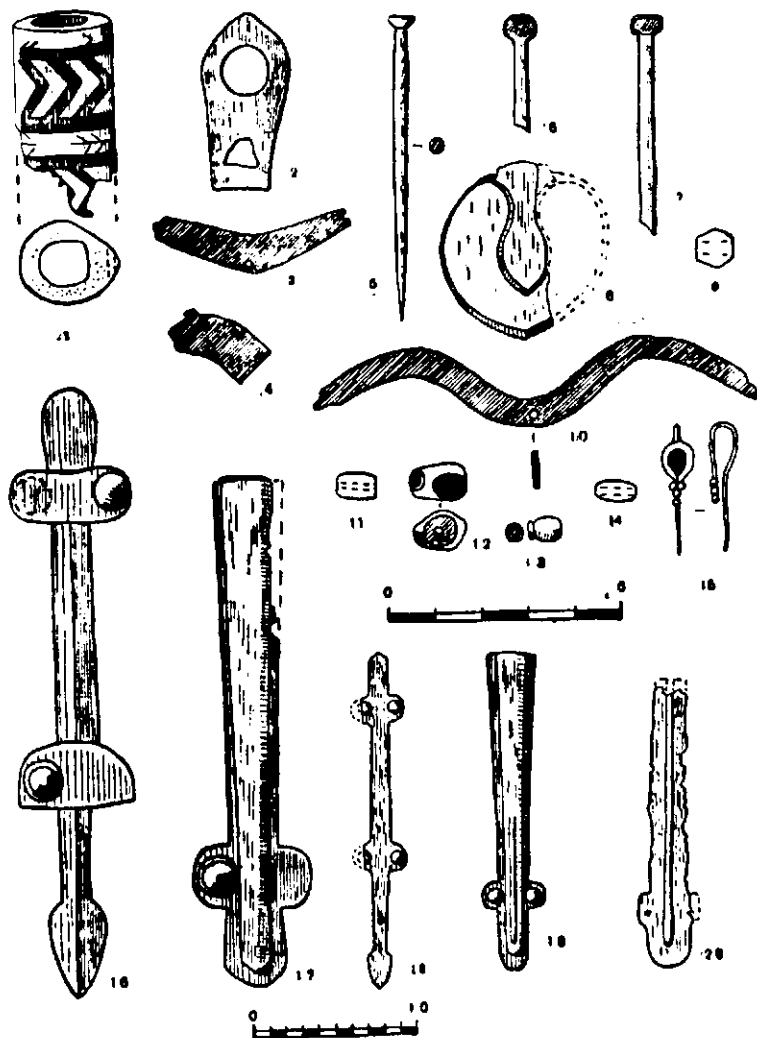

Рис. 36. Предметы из грунтовых могил: 1, 2, 5, 6, 7 — кости; 3, 4, 10 — бронза; 11, 13 — золоченое стекло; 9, 14 — синее стекло; 12 — зеленое стекло с коричневыми глазками; 15 — золото; 8, 16—19 — дерево и 20 — кость (от сарматских ножен)

ную форму, чем совершенно подобны бронзовым пряжкам из кургана № 6 гуннского могильника Ноин-Ула (табл. IV—60)². Отличаются они от гуннских, во-первых, тем, что выкованы из железа, во-вторых, неподвижными шпеньками. Всем этим они сближаются с аналогичной пряжкой из склепа № 1 Уйбата II, относящегося к Изыхскому этапу (табл. IV—5), что и определяет их датировку³.

Нередко в грунтовых погребениях находят об-

¹ С. В. Киселев. Материалы археологической экспедиции в Минусинский край в 1928 году, стр. 118, табл. V, стр. 70.

² Гос. Эрмитаж, отдел Востока, МР 2380—2384.

³ 7 экз. случайно найденных железных лировидных пряжек с неподвижными шпеньками, хранятся в Минусинском музее — № 6884, 6885, 6889, 6891, 6893—6895.

рывки золотых листов от украшений одежды и деревянных предметов, которые оклеивались плюшевым золотом⁴. Одна из таких золотых оклеек сохранила форму круглой деревянной, нашитой на одежду, бляшки с выпуклостью посередине⁵. В одной из могил сохранился обломок сердцевидной резной деревянной пластинки-украшения, также некогда оклеенной золотом (рис. 36—8)⁶. Кроме золотых употреблялись для украшений и серебряные пластинки⁷. Выше указывалось, что в склепах очень редко встречаются *личные украшения*. Напротив, в грунтовых могилах, несмотря на ограбленность, они встречаются в довольно большом количестве. Преобладают *бусы*, среди которых более всего стеклянных. Особенно распространены бочонковидные, прозрачные, вызолоченные изнутри (рис. 36—11)⁸ и такие же по форме бусы из синего стекла (рис. 36—14)⁹. Встречаются также цилиндрические голубые и желтые¹⁰, голубые бочонковидные¹¹, синие биконические (рис. 36—9)¹² и позолоченные с кольцевидным выступом на одном конце (рис. 36—13)¹³. Отличны стеклянные глазчатые, непрозрачные бусы: зеленые, с коричневыми глазками, окруженными желтыми кольцами (рис. 36—12)¹⁴, белые с синими¹⁵ или красными глазками в черных кольцах¹⁶. Найдены также бусы, изготовленные из других материалов: шаровидные из розового камня¹⁷ и сердоликовые граненые¹⁸.

Из всего этого набора бус в склепах Изыхского этапа встречаются только совершенно аналогичные, как отмечалось выше, стеклянные позолоченные, синие и голубые цилиндрической и бочонковидной формы. Такое совпадение и этих материалов свидетельствует лишний раз о одновременности грунтовых могил и ранних склепов, тем более, что в скле-

⁴ Быстрая (1929) м. № 9; Уйбатский чаа-тас (1936) м. № 2 и м. № 18 (1938); Горькое озеро (1924) м. № 13; Копи у Горького озера (1928) м. № 31, 32, 33, 34.

⁵ Горькое озеро, урочище «Копи» (1925) м. № 14 — хран. в Гос. Эрмитаже, кол. 4379—7.

⁶ Копи у Горького озера (1928) м. № 34 — хран. в Гос. Эрмитаже, кол. 4887—52.

⁷ Горькое озеро, урочище «Копи» (1925) м. № 14 — хран. в Гос. Эрмитаже, кол. 4379—8.

⁸ Горькое озеро (1924) м. № 13 (1 экз.); Копи у Горького озера (1928) м. № 31 (1 экз.), м. № 32 (1 экз.), № 34 (3 экз.) — хран. в Гос. Эрмитаже, кол. 4319—7, 4887—21, 40, 54—56.

⁹ Горькое озеро (1924) м. № 13 (3 экз.) — хран. в Гос. Эрмитаже, кол. 4319—5.

¹⁰ Там же (4 экз.) — хран. там же, кол. 4319—6, 8. Копи у Горького озера (1928) м. № 34 (1 экз.) — хран. там же, кол. 4887—57.

¹¹ Уйбатский чаа-тас (1938) м. № 18 (1 экз.) — хран. в ГИМ. Копи у Горького озера (1928) м. № 31 (1 экз.) — хран. в Гос. Эрмитаже, кол. 4887—23.

¹² Уйбатский чаа-тас (1938) м. № 18 (2 экз.) — хран. в ГИМ.

¹³ Копи у Горького озера (1928) м. № 31 (1 экз.) — хран. в Гос. Эрмитаже, кол. 4887—19. Ср. МЭ, т. IV, вып. II, Л., 1929, стр. 57, табл. II, рис. 5.

¹⁴ Там же, хран. там же, кол. 4887—18.

¹⁵ Копи у Горького озера (1928) м. № 32 (2 экз.) — хран. в Гос. Эрмитаже, кол. 4887—41.

¹⁶ Там же, м. № 33, хран. там же, кол. 4887—47.

¹⁷ Там же, м. № 31, хран. там же, кол. 4887—22.

¹⁸ Там же, м. № 31, хран. там же, кол. 4887—20.

пах более поздних этапов такие бусы уже не встречаются. Вместе с тем грунтовые погребения обособляются и от ранних склепов обилием других, только для них характерных типов бус. Следует указать, что аналогичные стеклянные позолоченные и сердоликовые граненые бусы обнаружены в погребениях Дэрестуйского могильника Забайкалья, относящихся к I в. до н. э.¹

Может быть к личным или поясным украшениям относится плоское, с одной стороны, бронзовое кольцо, найденное в могиле ребенка у пояса².

Серьги, встречаемые в грунтовых погребениях своеобразны и представлены только одной формой. Сделаны они все из золота, с большим искусством и формой своей напоминают знак вопроса. Они состоят из изогнутой золотой проволоки, один конец которой заострен, другой расплюснут в виде миндалевидного тонкого щитка. Сверху на щиток напаяна плашмя золотая пластинка так, что посредине остается гнездо миндалевидной формы для вставки. К концу щитка припаяны четыре золотых шарика (рис. 36—15)³. На одной из подобных сережек в центральном гнезде сохранилась голубая вставка⁴. Сережки подобной формы зародились еще в тагарско-таштыкское переходное время. Несомненным прототипом их является золотая серьга из Большого кургана Уйбатского чаа-таса (Клеменц, 1889—1890). Изготовлена она еще довольно грубо, но совершенно так же: один конец золотой проволоки расплюснут, затем на него напаяна золотая пластинка, на ребре, миндалевидной формы, вокруг которой загнуты оставшиеся края щитка. Так получалось гнездо для вставки цветных стекол или камней. Шариков на конце еще нет (рис. 29—4)⁵.

Серьги вышеописанной формы характерны для таштыкских грунтовых могил, но ни разу не найдены в склепах. Вместе с тем они лишний раз доказывают непосредственную связь грунтовых могил с эпохой, предшествующей таштыкской.

Из *предметов вооружения* в грунтовых могилах сохранилось немного. Прежде всего необходимо отметить находку нескольких *деревянных моделей луков* в оглахтинских могилах. Одна из них сохранилась почти на три четверти. Общая длина ее была около 88 см. Это не настоящий лук, а его модель, сделанная из тонкой палки. На конце имеется зарубка для привязывания тетивы, а посредине двухсторонние вырезы⁶. Всеми этими дета-

лями лучок копирует луки с костяными накладками, которые особенно характерны были для гуннов. В этом легко убедиться, если сравнить оглахтинский лучок с существующими китайскими изображениями — портретами гуннских всадников, едущих с луками в руках. Их луки имеют совершенно аналогичное двухстороннее утончение средней части и такие же зарубки-вырезы на концах⁷. Это обстоятельство заставляет полагать, что и у «таштыкцев», оставивших грунтовые могилы, были совершенно подобные сложные луки гуннского типа. В могилы же клали модели их, очевидно, исходя все из той же боязни «вооруженных» покойников. Такой вывод подтверждается находкой в одной из могил обломка *железного наконечника стрелы «ярусного»* типа⁸, т. е. аналогичного найденным в гуннских курганах Ноин-Улы⁹ и известного по случайным находкам в Хакасско-Минусинской котловине (табл. IV—68). В той же могиле оказался железный черешковый нож с изогнутой спинкой того же типа, что и ножи, найденные в раннеташтыкских склепах (табл. IV—61). В одной из могил Салбыка (1956 г.) найдено древко стрелы с арочным вырезом снизу.

Из предметов конского снаряжения лишь в одном погребении встретились железные *удила*¹⁰. Железных вещей вообще в грунтовых могилах найдено мало. Известны еще только железная петелька на деревянной палочке из одной оглахтинской могилы¹¹, да кружок в могиле № 1 к. № 5 у Абаканской управы (1899)¹². Бронзовых предметов также не особенно много. Среди них особенно важна найденная Адриановым в 1898 г. (м. № 2 к. № 5 могильника у Абаканской управы) *фигурка лежащей косули*, аналогичная косуле из склепа № 2 Изыхского чаа-таса, описанной выше¹³. Эта находка подтверждает: а) правильность датировки грунтовых могил Изыхским этапом, б) правильность отнесения к этому времени других аналогичных фигурок из числа случайных находок.

Интересны также бронзовая пластинка с головкой животного, вероятно, *обломок амулета* с парой головок (рис. 36—4)¹⁴ и дугообразная узкая пластинка с тремя отверстиями, аналогичная пластин-

¹ Г. П. Сосновский. Дэрестуйский могильник. ПИДО, 1935, № 1—2, стр. 170.

² Копи у Горького озера (1928) м. № 32 — хран. в Гос. Эрмитаже, кол. 4887—36.

³ Там же, м. № 34, хран. там же, кол. 4887—58.

⁴ Горькое озеро (1924) м. № 13 — хран. в Гос. Эрмитаже, кол. 4319—4; утеряна. Третья серьга была найдена в м. № 31 Копи у Горького озера (1928) — хран. в Гос. Эрмитаже, кол. 4887—25. Рисунок утерянной — см. МЭ, т. IV, вып. 2, Л., 1929, стр. 57, табл. II, рис. 10.

⁵ Хран. в ГИМ.

⁶ Хран. в ГИМ — см. А. М. Tallgren. The South Siberian cemetery of Oglakty from the Han period. ESA, XI, Helsinki, 1937, стр. 84, fig. 21 — из могилы № 1.

⁷ B. Laufer. Chinese Clay Figures, part I, Prolegomena on the History of Defensive Armor, Field Museum of Natural History, Publication 177, anthropological series, vol. XIII, № 2. Chicago, 1914, t. XXII.

⁸ Г. Абакан (В. П. Левашева, 1938), к. № 1, м. № 6 — см. Архив ИИМК, ф. 35, д. 42, л. 31—32.

⁹ Хран. в Гос. Эрмитаже, инв. МР-872, 868—870 (отдел Востока) — см. ПИДО, 1935, № 9—10, рис. 10 — изданы неверно вверх ногами. Установлено при осмотре оригиналов.

¹⁰ Копи у Горького озера (1928) м. № 34 — хран. в Гос. Эрмитаже, кол. 4887—61, ныне утрачены. Очевидно, имели нормальные размеры.

¹¹ Г. П. Сосновский. О находках Оглахтинского могильника, стр. 37.

¹² А. В. Адрианов. Выборки из дневников курганных раскопок, стр. 75.

¹³ Там же, стр. 71.

¹⁴ Батени, рч. Таштык (1925) м. № 11 — хран. в Гос. Эрмитаже, кол. 4369—13.

кам, встречаемым только в раннетащтыкских склепах (рис. 36—3) ¹. Раннетащтыкский же возраст грунтовых погребений подтверждается и узкой коромыслообразной пластинкой-амулетом с наменными условно головками животных на концах, найденной в могиле № 1 Оглахтов (рис. 36—10), о которой почему-то Адрианов нигде не сообщал ², а также деревянный, оклеенный золотом, амулет из могилы в Салбыке (1955) и бронзовый, найденный там же в 1956 г.

Из других бронзовых предметов можно упомянуть еще круглую бляшку из пластинки ³, кусочки накладок ⁴, оковку ⁵, зигзагообразно изогнутую толстую проволоку ⁶ и обломок такого же прута ⁷. Особо следует отметить найденные в 1938 году в могиле № 18 Уйбатского чаа-таса две медных *ворворки* в форме колокольчиков, с толстыми петельками и отверстием внутрь сверху (табл. IV—71) ⁸. Они оказались пришитыми толстыми, скрученными из шерстяных ниток шнурками к обрывкам меха, а внутри их сохранились остатки шерстяных кистей. Скорее всего это украшение какой-то меховой одежды. Конические подвески в виде колокольчиков найдены в нескольких гуннских погребениях Дэрестуйского могильника I в. до н. э. и, что характерно, их также оказалось по две на одну могилу ⁹.

Среди изделий из кости чаще всего встречаются характерные для грунтовых могил костяные булавы или шилья ¹⁰. Это хорошо заполированные стерженьки с острием, имеющие иногда гвоздевидную шляпку, как у булавы, найденной воткнутой в туесок, обтянутый шелковой тканью, из оглахтинской могилы № 2 (рис. 36—5) ¹¹, или же круглую уплощенную головку, как у булавы из могилы «К» к. № 1 раскопок 1898 г. у Абаканской управы (рис. 36—6) ¹². Таких булавок нет ни в одном из известных таштыкских склепов, нет и в предшествующее время. Вероятнее всего они происходят от бронзовых гвоздевидных тагарских шильев с такими же шляпками.

¹ Горькое озеро, урочище «Копи» (1925) м. № 14 — хран. в Гос. Эрмитаже, кол. 4379—11.

² Хран. в Красноярском музее, № 24—6.

³ Гос. Эрмитаж, кол. 4379—10.

⁴ Горькое озеро (1924) м. № 13 — хран. в Гос. Эрмитаже, кол. 4319—12.

⁵ А. В. Адрианов. Ук. соч., стр. 75 — м. № 1 к. № 5 раскопок 1899 г. у Абаканской управы.

⁶ В одной из могил группы Оглахты II — Г. П. Сосновский. Ук. соч., стр. 38. Не отмеченный ли выше амулет с 2 головками?

⁷ В погребении у д. Черной (1929) — см. там же, стр. 38. Несколько бронзовых бляшек найдено в могилах Салбыка в 1956 г.

⁸ Хран. в ГИМ. Аналогичный с Алтая см. ДИЮС, табл. XXXII, рис. 2.

⁹ Г. П. Сосновский. Дэрестуйский могильник. ПИДО, 1935, № 1—2, стр. 168—176.

¹⁰ Найденны по I экз. в погребениях: Оглахты I (1903) м. № 2; Абаканская управа (1898) к. № 1 в м. «А» и м. «К», (1899) м. № 2, к. № 2; Горькое озеро (1924) м. 11 — см. МЭ, т. IV, вып. 2. Л., 1929, стр. 57, табл. II, рис. 6; Копи у Горького озера (1928) м. № 30 и м. № 31.

¹¹ Г. П. Сосновский. О находках Оглахтинского могильника рис. на стр. 36, хран. в ГИМ, № 43931.

¹² Хран. в ГИМ, инв. 40211, 85/4а.

В одной из могил наряду с подобной булавкой оказался обломок толстого костяного хорошо заполированного остря, схожего по размерам и форме с теми крупными костяными иглами, которые встречаются в переходных грунтовых могилах и курганах ¹³. В другой могиле оказался обломок *костяного футляра*, возможно игольника, сделанного из трубчатой кости, украшенного с одной стороны вырезанными углами и нарезками. Сбоку просверлено отверстие для подвешивания (рис. 36—1) ¹⁴. Остается рассмотреть еще одну группу предметов из грунтовых могил. В нескольких погребениях Оглахтинского могильника около костей рук и ног скелетов были обнаружены деревянные *резные дощечки особых форм*, окрашенные ярко-красной краской. Лучше всего сохранились две пары таких предметов в могилах № 2 и 7 ¹⁵. Обе пары включают в себя дощечки двух разных типов. Дощечки первого типа представляют собой плоскую с одной стороны, сужающуюся к закругленному концу пластинку с двумя полукруглыми выступами по бокам, на которых деревянными шипиками укреплены конические выпуклости из коры. Другой конец срезан и от него вдоль всей пластинки проходит к другому концу также сужающаяся выпуклость, конец которой заострен (рис. 36—17 и 19) ¹⁶. Это несомненная деревянная модель кинжала, вложенного в ножны сарматского типа. Для такого вывода достаточно сравнить эти дощечки с костяными пластинками ножен кинжалов, находимых в сарматских погребениях I в. н. э. (рис. 36—20) ¹⁷. Дощечки второго типа в каждой паре более длинны и имеют отличную форму. Это также пластинки плоские с одной стороны и рельефно вырезанные с другой. Один конец их имеет копьевидное окончание, затем следуют выступы с такими же коническими выпуклостями по бокам, а у второго скругленного конца снова аналогичное перекрестье с выпуклостями (рис. 36—16, 18) ¹⁸. Это деревянные модели коротких, вложенных в ножны мечей того же сарматского облика. Совершенно аналогичны по форме оглахтинским деревянным моделям второго типа короткие мечи в ножнах, с двумя подобными же парами выступов у эфеса и у концов ножен, высеченные на каменной гробнице Антиоха I в Немруд-даге (Сев. Сирия), относящейся к I в. до н. э. ¹⁹.

¹³ Копи у Горького озера (1928) м. № 30 — хран. в Гос. Эрмитаже (кол. 4887—4); ср. иглы из к. № 8 Кызыл-куля (Архив ИИМК, д. 43, 1897, л. 29 — фото) и из погребения близ улуса Мохова (Архив ИИМК, ф. 35, д. 42, л. 53).

¹⁴ Копи у Горького озера (1928) м. № 31 — хран. в Гос. Эрмитаже, кол. 4887—17.

¹⁵ Хран. в ГИМ, № 43931.

¹⁶ Г. П. Сосновский. О находках Оглахтинского могильника, рис. на стр. 39; ср. ESA, XI, стр. 83, рис. 17 и 19.

¹⁷ И. В. Силицын. К материалам по сарматской культуре на территории Нижнего Поволжья. СА, VIII. М.—Л., 1946, рис. 28; ср. votivные кинжалы в золотых ножнах из Керчи. — ОАК за 1902 г., СПб., 1904, стр. 136, рис. 238.

¹⁸ ОАК за 1903 г., СПб., 1906, стр. 130, рис. 262; ср. ESA, XI, стр. 83, рис. 16 и 18.

¹⁹ W. Ginters. Das Schwert der Skythen und Sarmaten in Südrussland. Berlin, 1928, стр. 59 и табл. 25, рис. «a»; табл. 26, рис. «a» и «b».

Это совершенно справедливое толкование оглахтинских моделей второго типа дал недавно венгерский археолог Ласло, датирующий их I в. до н. э., с чем, несомненно, следует согласиться¹.

Таким образом, в грунтовых могилах № 2 и 7 Оглахтов обнаружены по две деревянные модели кинжалов и коротких мечей в каждой². Выше были рассмотрены и модели луков. Эти факты подтверждают широкое распространение в таштыкскую эпоху обычая укладывать в могилы с покойными не сами вещи, а их модели-заменители, в чем сказывается традиция позднетагарского обычая, когда в могилах появляются не сами вещи, а их миниатюрные модели, также в основном воспроизводящие оружие: чеканы, кинжалы, ножи и т. д. Как видим, модели предметов вооружения встречаются и в грунтовых могилах. Соответствующие им в быту истинные предметы можно выявить лишь из числа случайных находок музейных собраний. И действительно, имеются случайно найденные железные кинжалы, которые возможно отнести не только ко времени грунтовых могил, но и предположить, что именно эти типы кинжалов с соответствующими ножнами заменялись в инвентаре могил деревянными схематизированными моделями. Среди кинжалов, высеченных на вышеупомянутой каменной гробнице Антиоха I (I в. до н. э.), изображены в соответствующих ножнах, совпадающих с формой оглахтинских деревянных моделей, кинжалы двух типов. Ручка одного из них, при прямом перекрестье, кончается кольцом³, ручка другого — парной валютой⁴. Такие железные кинжалы с навершиями в виде кольца или парной валюты имеются, например, в собрании Адрианова в Гос. Эрмитаже (табл. IV—69, 70)⁵. Несомненно, что эти типы кинжалов употреблялись в раннетааштыкское время около рубежа н. э. и имели ножны такой же формы, какую сохранили их деревянные модели из оглахтинских могил.

Все эти факты позволяют считать неправильным распространенное мнение о том, что грунтовые могилы характеризуют безобидное сельское население, а в склепах хоронились в основном воины — представители особой общественной группы. Мы уже видели, что на деле безобидные деревянные модели заменяют военные кинжалы, а лук из прутика является не охотничьим простым луком, как считают, а моделькой сложного боевого лука. Очевидно, и в грунтовых могилах хоронились воины, но

иного этнического происхождения, чем покойники основных погребений раннетааштыкских склепов.

* * *

Закончив изучение грунтовых могил, этой своеобразной группы таштыкских погребальных сооружений, необходимо подчеркнуть несколько основных выводов, к которым привел нас их анализ и без которых невозможно ни правильное решение ряда важнейших вопросов источниковедческого порядка, ни правильное понимание сложнейших исторических, культурных, социальных и этногенетических процессов, которые происходили в Южной Сибири в изучаемую эпоху.

1) Грунтовые погребения отличаются от склепов не только другой формой погребальных сооружений, но и другим обрядом и весьма своеобразным инвентарем. Различия огромны. С одной стороны, небольшие грунтовые ямы с индивидуальными захоронениями, с другой — огромные склепы с коллективными погребениями. С одной стороны, обряд трупоположения с трепанацией черепов и мумификацией трупов, с другой — обряд полного трупосожжения на стороне и захоронения кучек мелких обломков костей. Если в грунтовых встречаются захоронения кукол, то их нет в ранних склепах. Большие различия наблюдаются и в инвентаре. В грунтовых могилах встречается иная, глиняная и деревянная, посуда, а также специфичные сосуды из бересты. В них находят миниатюрные же, но отличные по форме и размерам воспроизведения бронзовых котелков. В них нет тех пряжек от поясов, которые в большом количестве встречаются в склепах и, наоборот, встречается много разнообразных бус, не находимых в склепах. Формы сережек в виде знака вопроса, деревянные модели кинжалов и луков, медные колокольчикообразные ворворки, специфичные костяные булавы, так часто встречаемые в могилах, — ни разу не встречены в инвентаре склепов. Вместе с тем характерные для склепов миниатюрные удила, бронзовые пластинки-амулеты в виде парных конских головок, деревянные статуэтки людей и животных и т. д. — почти не встречаются в грунтовых могилах.

Все эти различия, достаточно наглядные и неоспоримые, в особенности различия в погребальном обряде, могут свидетельствовать только об этнической разнице, о наличии двух основных этнических компонентов в раннетааштыкское время на территории Хакасско-Минусинской котловины. Многочисленные по совпадениям параллели особенностей погребального обряда, материальной культуры хантов и раннетааштыкского населения, оставившего после себя грунтовые могилы, заставляют полагать, что к этому времени в Хакасско-Минусинской котловине сформировалась раннеугорская этническая общность, положившая затем начало дальнейшему этногенетическому процессу угорских народов уже за пределами котловины и прежде всего на территориях бассейна Верхней и Средней Оби.

2) В этой связи особенно важно подчеркнуть

¹ G. Laslo. The Significance of the Hun golden bow. Acta Archaeologica, t. I, f. 1—2, 1951, стр. 91—106, табл. XXIV, рис. 1—5. Однако совершенно нельзя согласиться с Ласло в том, что Оглахтинский могильник является гунноским — см. стр. 99, прим. 50.

² Аналогичная модель меча, но отлитая из бронзы, обнаружена на жертвенном месте у д. Ишимжи — см. А. Ермаков. Ишимжская коллекция. Красноярск, 1914, табл. V, рис. 5.

³ W. Ginters. Ук. соч. табл. 25, рис. «в».

⁴ Там же, табл. 26, рис. «а» и «в».

⁵ Гос. Эрмитаж, отдел истории первобытной культуры. Собрание Адрианова, инв. 1126.

тагарское происхождение населения, оставившего грунтовые могилы. Это прослеживается прежде всего по генезису грунтовых индивидуальных погребений в срубах, по сохранению обряда трупоположений с тагарской еще ориентировкой и трепанацией черепов, по обычаю погребальных масок, а также по сходству в инвентаре погребений, подробно рассмотренному выше. Однако это население следует рассматривать лишь как потомков старых тагарских аборигенов, в какой-то мере уже воспринявших в себя инородные элементы во время тагарско-таштыкского переходного этапа, но сохранивших вместе с тем земледельческо-скотоводческий тип хозяйства, старые традиции в обрядах и материальной культуре, сохранивших язык.

3) Вместе с тем, как это было уже показано выше, между грунтовыми могилами и склепами Изыхского этапа есть и общее. Это общее, являющееся доказательством синхронного существования тех и других, объясняется, во-первых, взаимным влиянием двух одновременно живших на одной территории общностей разного этнического происхождения, разных по языку, культуре, психическому складу и хозяйственному укладу; во-вторых, смешанным уже составом населения, соорудившего склепы, в котором наряду с пришлыми элементами активную роль играли все те же потомки тагарских динлинов. В силу этого в изыхских склепах наряду с преобладанием обряда трупосожжений на стороне встречаются трупоположения, а в грунтовых наряду с преобладанием трупосожжений появились и трупосожжения. Поэтому же имеется и известное сходство в инвентаре тех и других погребений, некоторое общее сходство форм отдельных предметов, общий обычай употребления погребальных масок. Материальная и духовная культура людей, погребавших прах покойных в склепах, складывалась как сложный синтез двух культур и двух идеологий — аборигенов и пришельцев.

Указанное выше «сожитительство» в раннеташтыкское время двух разнородных этнических массивов на территории Хакасско-Минусинской котловины хорошо подтверждено и материалами Лугавской стоянки, относящейся, как доказано нами, к Изыхскому этапу. С. А. Теплоухов, создавший первую классификационную схему археологических культур Хакасско-Минусинской котловины, схему, которая имела важное значение в деле дальнейшего углубленного исторического изучения древнейших периодов прошлого этой области, выявив «таштыкский переходный этап», считал грунтовые могилы переходными между позднеатагарскими курганами и таштыкскими склепами, хронологически предшествующими склепам¹. Такое неверное представление сложилось в результате того, что Теплоухов не имел в то время достаточных материалов по таштыкским склепам, основываясь лишь на одном им раскопанном, в котором к тому же, кроме

обломков масок ничего не оказалось², да на старых раскопках Адрианова, материалы которых были очень скромны и по результатам и по научной документации.

С. В. Киселев (монография «Древняя история Южной Сибири»), основываясь на материалах, добытых путем многолетних раскопок таштыкских памятников, среди которых, кроме большого числа грунтовых могил, было исследовано 23 новых склепа и Лугавская стоянка, поставил вопрос по-иному. Он впервые выявил и доказал одновременность существования грунтовых могил и склепов, что особенно наглядно подтвердили материалы Лугавской стоянки. Но им не была проделана работа по хронологическому расклассифицированию таштыкских памятников. Это привело к преувеличению значения открытого факта об одновременности грунтовых могил и склепов, привлекаемого для характеристики эпохи. Такое понимание породило неверное объяснение наблюдаемого факта крупнейшими социальными сдвигами, подготовленными всем предшествующим ходом исторического процесса в тагарское время. Появление грунтовых могил, по С. В. Киселеву, знаменует «окончательное сложение наиболее многочисленного слоя рядовых общинников», а склепы позволяют «говорить о военной знати уже обособившейся от соплеменников, отличавшейся от них богатством»³.

Прделанный нами выше анализ не позволяет согласиться с этими далеко идущими выводами, тем более что все доводы, приведенные С. В. Киселевым в пользу одновременности грунтовых могил и склепов, относятся лишь к склепам Изыхского этапа, во время которого действительно имело место такое сосуществование. Склепы более поздних этапов, которые будут рассмотрены ниже, не дают и не могут дать никаких достаточных фактов в пользу этого мнения, ибо грунтовые могилы позднее уже не сооружались. Представления С. В. Киселева имеют еще тот недостаток, что, признавая приток чужеродного монголоидного населения, коренным образом преобразившего всю до сих пор устойчивую этническую картину данной местности, он не находит археологических следов своеобразного погребального обряда и ритуала чужеземцев, а также свойственных им особенностей материальной культуры. В последнем случае некоторым объяснением может служить и, очевидно, действительно служит, большее единообразие в развитии материальной культуры племен Азии в «скифское» время, но, конечно, как показано выше, все-таки отличительные особенности существовали.

4) Нет также никаких причин считать погребения в склепах захоронением людей более богатых, чем те люди, которые оказались погребенными в грунтовых могилах. Такой вывод не может истекать из изучения инвентарей тех и других по-

¹ С. А. Теплоухов. Опыт классификации древних металлических культур Минусинского края, стр. 50—51; ср. «Природа», 1929, № 6, стр. 547—548.

² М. № 52 на увале между Мельничным и Барсучиным логами у д. Сарагаш близ с. Батени (1923).

³ ДИЮС, стр. 474—475.

гребений. Дело в том, что если взять отдельные, пусть самые богатые, погребения склепов и грунтовых могил, то трудно судить, на чьей стороне будет перевес в этом отношении. Золото встречается и там и здесь, причем следует указать, что это главным образом золото листовое, которым оклеивались те или иные предметы, преимущественно деревянные. Причем в склепах ни разу не обнаружено цельных золотых вещей, а в грунтовых они все же есть, например серьги. Обычно это объясняют тем, что склепы разграблены и все более ценные предметы оттуда похищены. Это представляется неверным, ибо раскопанные нами склепы, во всяком случае два из них, совершенно не имели никаких следов грабительских ходов, и вся обстановка их осталась ненарушенной. Но, быть может, склепы разграблялись до обрушивания их насыпей внутрь камер, когда можно было проникать через входы? Или еще раньше, когда склеп, не будучи еще целиком заполненным прахом покойных, имел открытый вход, через который проникали злонамеренные современники? Все это вряд ли полезно для решения вопроса догадки, так как инвентарь склепов показывает, что вещи «сопровождающие» покойного в потусторонний мир, являются лишь бутафорией для погребальных процессов, моделями истинных предметов, за редким исключением. Здесь только снова можно предполагать, что деревянные предметы (бляшки, плакетки, некоторые статуэтки и украшения и т. д.), оклеенные плюшевым золотом, может быть, воспроизводят собой истинные, бывшие в употреблении, массивные золотые вещи. В то же время, сплошная разграбленность грунтовых могил, совершенная в основном в сравнительно недавнем прошлом (XVIII—XIX вв.), находки в них цельных золотых (серьги) и серебряных (пластинки) предметов заставляют полагать, что грунтовые погребения содержали первоначально (конечно, не все) значительные ценности. Эти факты, а также особенности погребального ритуала и вся совокупность инвентарей, не дают никаких оснований рассматривать грунтовые могилы как погребения рядовых общинников, а склепы — как погребальные памятники аристократии одного и того же общества, не говоря уже о том, что две группы названных погребальных сооружений существовали только на Изыхском этапе. Справедливость подобного мнения подтверждается к тому же действительно имеющимися данными, наглядно доказывающими социальное расщепление, бедность одних и зажиточность других. Но эта дифференциация вскрывается *внутри* обеих рассматриваемых нами групп. Есть грунтовые неразграбленные могилы, в которых, кроме одного-двух глиняных сосудов, причем нередко на двух покойников, нет ничего более¹. И есть могилы типа оглахтинских или раскопанных С. А. Теплоуховым в районе с. Батени, где находят

вместе разнообразные и многочисленные глиняные, деревянные и берестяные сосуды, остатки дорогих по тому времени импортных китайских шелковых тканей, бус и лаковых чашечек, листовое золото и ювелирной работы золотые серьги. То же самое наблюдается и в склепах, о чем подробнее будет сказано позже. Такая дифференциация для грунтовых могил отмечена еще Г. П. Сосновским². С. В. Киселев выявил ее для обеих групп памятников, но не придавал этому особого значения, подчиняясь вышеуказанным сложившимся у него представлениям³.

5) Основой хозяйства населения, оставившего грунтовые могилы, являлось земледелие в соединении со скотоводством при оседлом образе жизни. Этим потомки тагарских динлинов закрепляли и продолжали ту комплексную систему хозяйства, которая возникла еще в тагарское время. Ведь именно к концу тагарского времени относится известное изображение оседлого поселения земледельцев и пастухов, нанесенное на скале хребта Бояры в долине р. Сухая Тесь⁴. Зерна проса, в изобилии насыпанные под головами скелетов в погребениях Оглахтинского могильника, как нельзя лучше подтверждают в ритуале ту роль земледелия, которую оно имело в действительности. Но вместе с тем в грунтовых могилах найдены многочисленные остатки костей домашних животных — все, что сохранилось до нашего времени от мясной пищи, которая укладывалась с погребенными. Среди них преобладают кости овцы, затем следуют кости крупного рогатого скота и лошадей. В одной из могил найден скелет собаки, неразлучного спутника всякого пастуха⁵, и однажды встречена лучевая кость птицы, к сожалению, оставшаяся неопределенной⁶. На большое значение коня указывают поминальные остатки — конские черепа, а также удила, найденные в одной из могил. Все это позволяет считать людей, захороненных в грунтовых могилах, земледельцами, занимавшимися в то же время скотоводством, которое носило оседлый пастушеский характер. Добротные срубы, зарубленные в лапу, крытые накатом и берестой, которые составляли погребальные камеры грунтовых могил; умение сооружать их на стороне и затем перевозить в разобранном состоянии к могиле и собирать их в ней уже окончательно, что доказывается особыми метками на бревнах срубов оглахтинских могил, — все это свидетельствует о больших навыках в сооружении постоянных деревянных рубленых жилищ, крытых бревнами и берестой, быть может, того же типа, что и постройки Боярской писаницы, а может быть, также типа полуземлянок со срубами.

¹ Г. П. Сосновский. О находках Оглахтинского могильника, стр. 41.

² ДИЮС, стр. 475.

³ М. П. Грязнов. Боярская писаница. ПИМК, 1933, № 7—8, стр. 41—45.

⁴ Горькое озеро, урочище «Копи» (1925) м. № 17.

⁵ Горькое озеро (1924) м. № 13 — хран. в Гос. Эрмитаже, кол. 4319—26.

¹ Например, м. № 1 Сырского чаа-таса, раскопанная нами в 1950 г.

ДАТА ИЗЫХСКОГО ЭТАПА

Выше, при рассмотрении материалов, были уже приведены многочисленные факты, не оставляющие сомнения в том, что памятники Изыхского этапа генетически связаны с памятниками переходного тагарско-таштыкского времени, которые непосредственно предшествуют раннеташтыкским. Теперь следует уточнить хронологические рамки этапа, опираясь на датирующие аналогии и факты, многие из которых уже указаны. Тагарская эпоха в Хакасско-Минусинской котловине окончилась в конце III в. до н. э.¹ Следующий за нею тагарско-таштыкский переходный этап датируется II — началом I в. до н. э. Эта дата довольно твердо устанавливается по тому комплексу предметов, который оказался в могилах переходного этапа. Там прежде всего обнаружены железные, округлые и восьмеркообразные, пряжки с подвижными язычками, совершенно такие же, какие появляются только во II в. до н. э., например у сарматов². Спиральные серьги с гроздевыми и листовидными привесками аналогичны серьгам из погребений Дэрестуйского могильника, относящихся к концу II—I в. до н. э. То же самое надо сказать о ложкообразных бронзовых наконечниках ремней, один из которых найден в Кызыл-кульском к. № 8 (рис. 29—8)³. Такую датировку подтверждают и все остальные вещи переходных курганов, среди которых нет ни одного предмета, датируемого позже первой половины I в. до н. э.

Таким образом, непосредственно следующий за переходным этапом Изыхский этап таштыкской эпохи начинается в середине I в. до н. э. и заканчивается в начале I в. н. э. Датировку определяют следующие факты.

а) По склепам:

- железные пряжки, округлые с подвижным язычком — I в. до н. э.;
- бляшки одежды, сходные с аналогичными из алтайских курганов Катанда и Шибэ, — I в. до н. э.;
- бусы стеклянные позолоченные, аналогичные гуннским, — I в. до н. э.;
- серьга спиральная — I в. до н. э.;
- изделия из папье-маше, покрытые лаком, — I в. до н. э. — I в. н. э.;
- зеркало типа «TLV» раннеханьское, попавшее в склеп, как показано выше, не ранее второй половины I в. до н. э.

Такую датировку подтверждают: двойной план

склепа под з. к. № 1 Уйбатского чаа-таса, сходный с планами Пазырыкско-Шибинских и гуннских курганов Ноин-Улы, наличие в керамике ромбического нарезного орнамента (сетка), характерного для сосудов Нижне-Иволгинского городища и др.

б) По грунтовым могилам:

— китайские лаковые чашечки раннеханьского времени, изготовлявшиеся в период с 86 г. до н. э. по 48 г. н. э.⁴;

— китайские шелковые ткани раннеханьского времени;

— бусы стеклянные позолоченные, аналогичные гуннским, — I в. до н. э.;

— медные колокольчиковидные ворворки, аналогичные забайкальским, — I в. до н. э.;

— деревянные модели кинжалов из огластинских могил, имеющие точную аналогию в изображениях на гробнице Антиоха I, — I в. до н. э.;

— железная ярусная черешковая стрела, аналогичная гуннским, — I в. до н. э. — I в. н. э.;

— лировидные железные пряжки, близкие по форме гуннским бронзовым, — I в. н. э.

Эту же дату косвенно подтверждает обычай трепанации черепов и мумификации трупов, встречающийся в алтайских курганах рубежа н. э. (Шибэ).

Таким образом, датировка Изыхского этапа временем от середины I в. до н. э. до середины I в. н. э. представляется достаточно обоснованной, что хорошо подтверждается сделанным выше анализом всего материала и, в частности, памятников раннеташтыкского искусства.

В настоящее время возможно даже среди погребальных сооружений Изыхского этапа выделить ранние и поздние. Наиболее ранним склепом, относящимся к самой середине I в. до н. э., будет являться склеп под з. к. у Горького озера (Теплоухов, 1924, № 14). Его резко отличает от остальных изыхских склепов отсутствие масок и камера-сруб III типа, но в инвентаре оказалась бронзовая изогнутая ушкая пластинка с двумя головками животных и двумя круглыми отверстиями. Такие пластинчатые амулеты ранних форм встречаются только в изыхских склепах и их нет еще в курганах переходного тагарско-таштыкского этапа. Ко второй половине I в. до н. э. совершенно определенно относятся и такие памятники, как склепы под з. к. № 1 и 2 Уйбатского чаа-таса и склеп № 2 Изыха. Грунтовые могилы Оглахтов тоже представляются наиболее ранними из этой группы погребений и несомненно относятся ко второй половине I в. до н. э. Наиболее поздними из грунтовых будут, очевидно, две могилы, отличающиеся от прочих большим

¹ На севере, в районе Красноярск—Марининск, позднетагарские курганы, появляясь там в начале II в., сооружались во II—I вв. до н. э. и исчезают к середине I в. до н. э., т. е. они синхронны переходному тагарско-таштыкскому этапу Хакасско-Минусинской котловины.

² СА, XI. М.—Л., 1949, стр. 305—306, рис. 17—h, e, g.

³ Хран. в ГИМ.

⁴ История СССР (макет), изд. ИИМК АН СССР, ч. I—II. М.—Л., 1939, стр. 408—датировка проф. Умехара.

своеобразием в устройстве. Это могила «А», раскопанная в 1936 г. В. П. Левашевой на Уйбатском чаа-тасе. Короткие стенки ее ямы были укреплены внизу плахами, положенными попарно одна над другой, а продольные обставлены вертикальными плахами. Вторая могила, все стенки которой были укреплены вертикально поставленными столбиками, раскопана в 1940 г. С. В. Киселевым и Л. А. Евтюховой на таштыкском могильнике Копёнского

чаа-таса¹. Эти две могилы, в которых уже прослеживается несомненное подражание конструкциям склепов, относятся, вероятнее всего, к середине I в. н. э., когда грунтовые погребения уже исчезают в основной своей массе.

¹ Рукописный отчет С. В. Киселева о раскопках Саяно-Алтайской археологической экспедиции в 1940 г. Архив ГИМ (II археологический отдел, опись № 126, № 5, стр. 115).

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ

ПОСЛЕДУЮЩИЕ ЭТАПЫ ТАШТЫКСКОЙ ЭПОХИ

СЫРСКИЙ ЭТАП

*

Название этапу дано по могильнику на Сырском чаа-тасе¹, на котором в 1950 г. был раскопан неразграбленный склеп № 1, давший наиболее полный комплекс предметов этого времени.

К Сырскому этапу относятся следующие памятники эпохи:

а) Левобережные склепы: № 1 Сырского чаа-таса, склеп «на увале» у д. Сарагаш, № 1, 6, 7, 8, 11 Уйбатского чаа-таса и «пограничный» склеп, раскопанный в 1888 г. Д. А. Клеменцом на Тагарском острове;

б) Правобережные склепы: № 1 у с. Кривинского, № 1 у заимки Усть-Тесь (1928).

Все левобережные склепы относятся по устройству их камер к IV типу склепов. Склепы Сарагашинский и № 1 Сырского чаа-таса — к позднему варианту того же типа, ибо они уже имеют не деревянные полы (как у IV типа), но еще и не берестяные (как у V типа), а из бересты и деревянных лаг, лежащих на расстоянии друг от друга. В этом, несомненно, сказывается уже переход от камер IV

¹ Расположен на рч. Малый Сыр в Аскизском районе Хакасской а. о.

типа к V. Правобережные склепы относятся по устройству погребального сооружения к тому же I типу, что и правобережные Изыхского этапа. Склепы со срубами III типа на Сырском этапе уже совершенно не сооружались.

Что касается *погребального обряда*, то, как уже говорилось, в сырских склепах совсем не встречается более трупоположений. Безраздельно господствуют трупосожжения, совершаемые на стороне и затем вносимые в камеры склепов в виде кучек костей, которые укладывались в траве на полу². Только в склепе № 11 Уйбатского чаа-таса обнаружены иные вместилища для праха сожженных покойников. Это были ящик из тонких досок и колода, выдолбленная из расколотого в длину обрубка ствола дерева длиной в 1,3 м и диаметром 0,5 м. В том же склепе оказались полати, шедшие вдоль северной, восточной и южной стенок камеры, в виде помоста из отесанных лиственничных досок, опи-

² В раскопанном нами склепе № 1 Сырского чаа-таса на полу камеры оказался сплошной слой травы, в котором были размещены кучки трупосожжений, а не «гнезда», как сообщают другие исследователи.

равшегося на горизонтальные следи, в свою очередь подпертые кольями (высотой до 60 см), вбитыми в пол склепа. На полатах, так же как и под ними, лежали трупосожжения в «гнездах» из травы. Нередко, так же как, например, в склепах № 1 Уйбата I и № 1 Сырского чаа-таса, захоронениями заполнен и пол дромоса, причем здесь хоронили прах каких-то неполноправных лиц, ибо останки их затоптаны из-за того, что в склеп все еще продолжали вносить некоторое время прах людей, достойных погребения в самой камере. Наличие таких неполноправных лиц подтверждается и наблюдениями над распределением вещей и масок. Нередко встречаются кучки костей, совершенно не имеющие ни того, ни другого. Такая обездоленность подчеркивается еще и тем, что во время Сырского этапа трупосожжению подвергали даже трупы умерших детей, причем и с их прахом укладывались маски¹. Две такие детские маски сохранились, например, в склепе № 1 Сырского чаа-таса (рис. 56—3). В этом же склепе обнаружено доказательство совершения поминок. В одном углу его дромоса, где не было никаких погребений, оказался особый костер, в то время как вся остальная часть входа почти не имела следов огня и в результате не сохранилась. На этом кострище было разбросано огромное количество черепков битых сосудов в виде сплошного завала².

Здесь, несомненно, четко выражен обряд разбивания сосудов при поминках. Очевидно, перед окончательным сожжением склепа и его закрытием, в этой части дромоса был разожжен поминальный костер, в который бросали сосуды с пищей. Поэтому фрагменты одних и тех же сосудов оказались разбросанными на значительном расстоянии друг от друга.

Погребальный инвентарь сырских склепов так же многочислен и разнообразен, как и в склепах изыхского времени. *Посуда*, как известно, претерпела некоторые изменения. Среди глиняных сосудов уже более не встречаются такие характерные для Изыхского этапа типы, как бочонковидный II, бочонкообразный, сферический, чашкообразный, плосковидный и бутылкообразный. Зато появились новые типы сосудов: горшковидный II, круглодонный, мискообразный. Вместе с тем продолжают существовать все остальные формы сосудов (типы I—II, 13, 17, 18, 20—24): котловидные, кубковидные (I—III), рюмочные, чарковидные, бомбовидные, баночные (I—II), кувшины, горшковидные I, бочонковидные I, блюдообразные, кружковидные, кринкообразные, четырехгранные, подвесные (I—II) и биконические. Нередко встречается и *деревянная посуда*. Среди нее особую группу составля-

ют небольшие ритуальные сосудики, заменяющие в погребениях настоящие. Это маленькие долбленые *корытца* с гладким, слегка вогнутым (рис. 37—2) или заостренным на конус дном, видимо, для вставления в ямку (рис. 37—1)³. Встречаются *четырёхгранные «сосуды»* с выдолбленными остроудонными углублениями, с узким вытянутым в плане основанием (рис. 37—5)⁴. Особняком стоит *чашевидный предмет* овальной формы (несколько сплюснен при обвале потолка склепа), дно которого имеет с боков вырезы, как бы для вставления в какую-то основу (рис. 37—6)⁵. Все эти «сосудики», несомненно, делались специально для погребального обряда.

Нередки также находки деревянных плошек и *чаш*, к сожалению, в обломках⁶. Судя по одному экземпляру, который удалось реставрировать, чаши были круглодонные, небольшие (верхний диаметр 10,5 см), похожие на пиалы и, быть может, предназначенные для питья⁷ (табл. IV—133). Очень интересна находка конического полого поддона от *деревянного кубка*, которая убеждает в том, что существовали не только глиняные кубковидные сосуды, но и деревянные, возможно, украшенные резьбой подобно аналогичным по форме якутским чоронам⁸. Встречаются деревянные округлые *черпаки* нормальных размеров, похожие на оглахтинские, среди которых, однако, есть уже очень глубокие (табл. IV—134, 135)⁹.

По-прежнему в склепах Уйбатского чаа-таса находятся и бронзовые миниатюрные воспроизведения *котлов «скифского» типа*, которые также употреблялись в качестве подвесок и имеют сквозные отверстия в полых поддонах (табл. IV—108)¹⁰, являясь, по нашему предположению, своеобразными знаками власти.

Следует подчеркнуть, что в сырских склепах постоянно встречается большое количество разнообразных *деревянных предметов*, начиная от остроуданных ножом палок вплоть до целых предметов, назначение которых не всегда можно определить. Много и неопределимых обломков их. Часто встречаются небольшие, вероятно женские, *шкатулки*. Лучше всего сохранилась овальная шкатулка с плоским дном, гнутой стенкой из цельной очень тонкой дощечки и выпуклой крышкой. Дно имело

¹ Оба они найдены в склепе № 1 Сырского чаа-таса. Аналогичные корытца с гладкими днищами найдены в склепах № 7, 8, 11 Уйбатского чаа-таса, хран. в ГИМ № 79956 (по 1 экз.).

² Склеп № 1 Сырского чаа-таса (2 экз.), № 11 Уйбата I (1 экз.).

³ Склеп № 1 Сырского чаа-таса (1 экз.).

⁴ Склепы № 7 (1 экз.), № 8 (2 экз.), № 11 (4 экз.) Уйбата I.

⁵ Склеп № 11 Уйбата I — хран. в ГИМ, инв. 79956, № 5648.

⁶ Склеп № 7 Уйбата I — хран. в ГИМ, инв. 79956, № 2038; высота 7 см, нижний диаметр 8 см — в ДИЮС, стр. 430 указан как «воронка».

⁷ Уйбат I, № 7 (1 экз.), № 8 (2 экз., один из них длиной 26 см), № 11 (1 экз. — глубокий).

⁸ Уйбат I, № 7 (2 экз.), № 8 (1 экз., от которого сохранилась лишь одна ножка) — хран. в ГИМ, инв. 79956.

¹ В склепе № 1 Сырского чаа-таса оказалось в целом виде и в обломках 108 экз. масок и около 120 погребений. В склепах Уйбатского чаа-таса масок оказалось: № 1—24 экз., № 6—20 экз., № 7—10 экз., № 8—10 экз., № 11—58 экз. В склепах № 1 у с. Кривинского — 15 экз., № 1 у з. Усть-Тесь — 84 экз.

² Л. Р. Кызласов. Сырский чаа-тас. СА, т. XXIV. М.—Л., 1955, рис. 4.

закрайны, в которых укреплялась стенка с помощью сохранившихся бронзовых гвоздиков. Крышка также имела закрайны, выступы которых входили внутрь коробки, за счет чего она плотно за-

крывалась (рис. 38—1) ¹. Иногда крышки таких овальных шкатулок сверху украшены резьбой из пересекающихся линий, заполняющих собой раз-

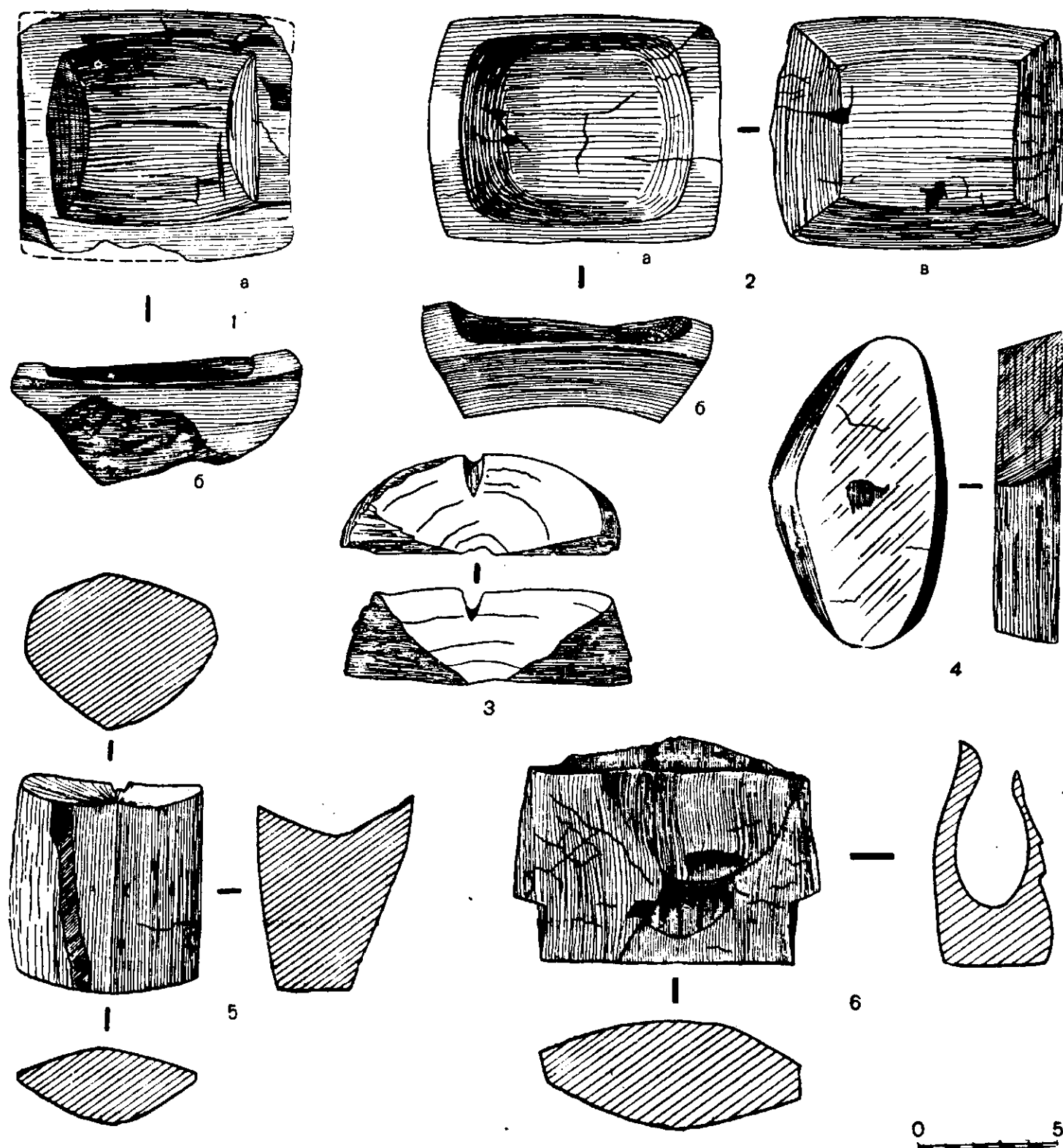

Рис. 37. Деревянные предметы Сырского этапа (из склепа № 1 Сырского чаа-таса)

¹ Склеп № 1 Сырского чаа-таса (1 экз.).

нообразные фигуры¹. В склепе № 11 Уйбата I, в ящике с пережженными костями людей, оказалась шкатулка с пирамидальной четырехскатной крышкой, украшенной резьбой в виде елочного узора. В ней лежали аккуратно завернутые в ткани, разрубленная фаланга лошади и астрагал барана со знаком². В других шкатулках, возможно, хранились туалетные предметы. Кроме маленьких шкатулок, в склепах устанавливались и большие *оваль-*

стенки со следами швов. Часто встречаются деревянные *грибообразные предметы*, назначение которых не выяснено (рис. 40—6, 7, 8; рис. 41—4)³. Размеры их разнообразны. Среди них встречаются отдельные экземпляры, вся поверхность ножки и шляпки которых украшены резными пересекающимися линиями⁴. Близки к ним граненые предметы в виде двух конусов, соединенных остриями, иногда очень грубо вырезанные (рис. 40—4, 5)⁷. Оригина-

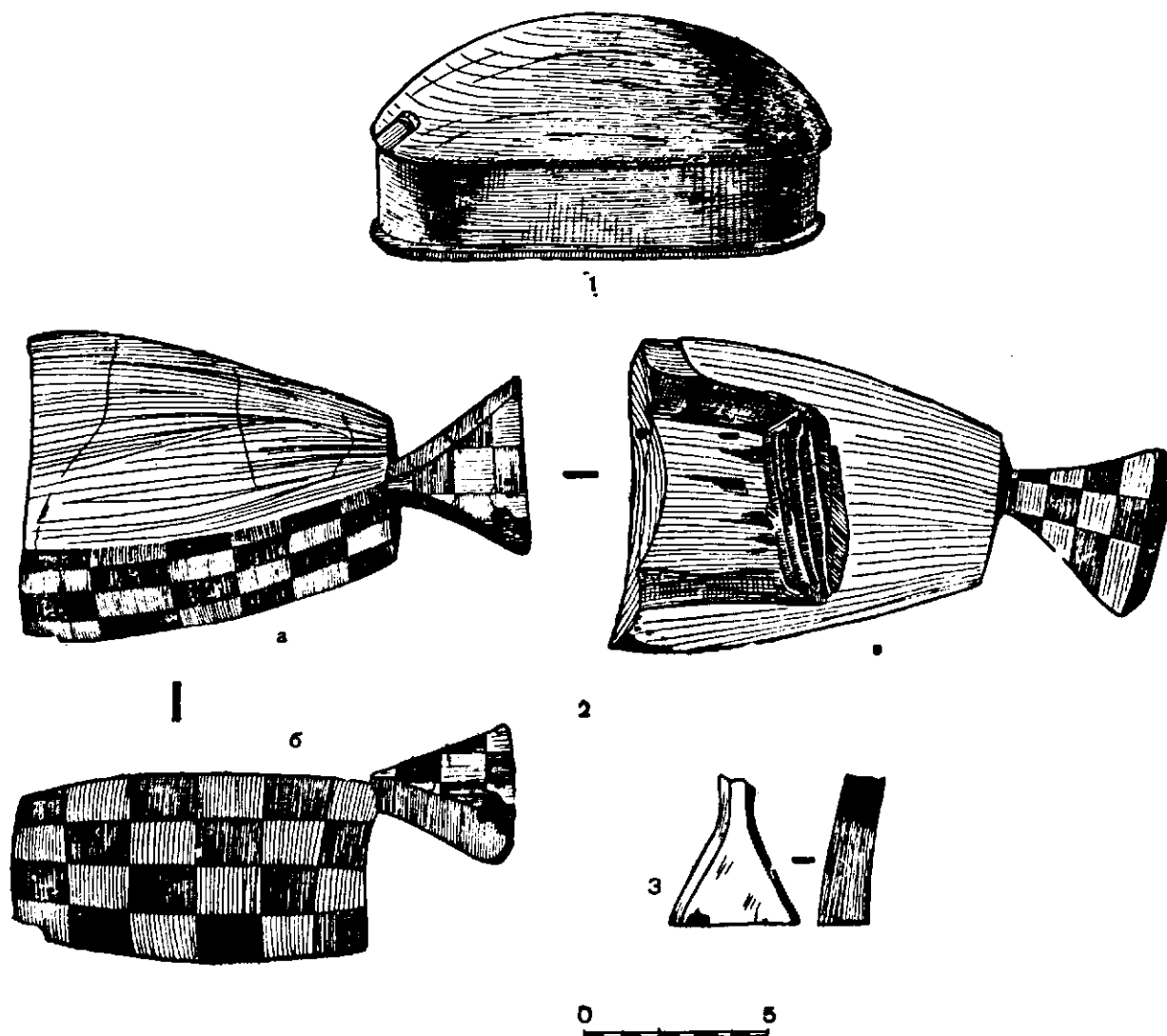

Рис. 38. Деревянные предметы Сырского этапа (из склепа № 1 Сырского чаа-таса)

ные коробки с деревянными крышками и дном и берестяными стенками. От них сохраняются крышки с закраинами и отверстиями для привязывания⁵, части днищ с кромками по краям, в которых просверлено множество отверстий для пришивания берестяных стенок (рис. 39—4)⁴, и сами берестяные

лен *полусферический предмет* с лошадей разделкой поверхности. Одна сторона его имеет неглубокий овальный вырез, обрамленный бортиком. Он как бы надевался на какое-то основание и украшал его (рис. 42—1)⁸.

Уникальна находка *булавы* в виде шара с внут-

¹ Уйбат I, № 7 (1 экз.), № 11 (2 экз.).

² ДИЮС, стр. 460.

³ Сыры, № 1 (1 экз.) и Уйбат I, № 11 (1 экз. с поверхностью, украшенной резьбой в виде пересекающихся линий) — см. СА, XXIV, стр. 211.

⁴ Сыры, склеп № 1 (1 экз.).

⁵ Сыры, склеп № 1 (8 экз.); Уйбат I, № 7 (6 экз.), № 8 (1 экз.), № 11 (2 экз.).

⁶ Уйбат I, склеп № 11 (1 экз. из двух) — хран. в ГИМ (инв. 79956).

⁷ Сыры, № 1 (4 экз.), Уйбат I, № 11 (2 экз.).

⁸ Сыры, № 1 (1 экз.).

ренной втулкой. К сожалению, сохранить ее форму не удалось и остались лишь три основных фрагмента (рис. 40—1—3)¹. Булава эта была украшена резным узором из двух примыкающих друг к другу спиралей. Иногда встречаются вырезанные из дерева *спиральки*, так же что-то украшавшие (рис. 41—3)². Дважды найдены *биконические предметы* в форме юлы, у которых один конус гладкий, другой резной, причем один из этих предметов был оклеен золотым листком, сохранившим отпечатки

мет сильно обожжен и хвостик его отломан. В склепе найдено еще три хвостика от аналогичных предметов, что свидетельствует об их распространенности (рис. 38—3)⁴.

Часто встречаются в склепах Сырского этапа деревянные *резные плакетки*, имеющие самые разнообразные размеры и форму. Это тонкие дощечки, орнаментированные с одной стороны резными разнообразными узорами. Большинство их имеет по краям мелкие отверстия, расположенные попарно.

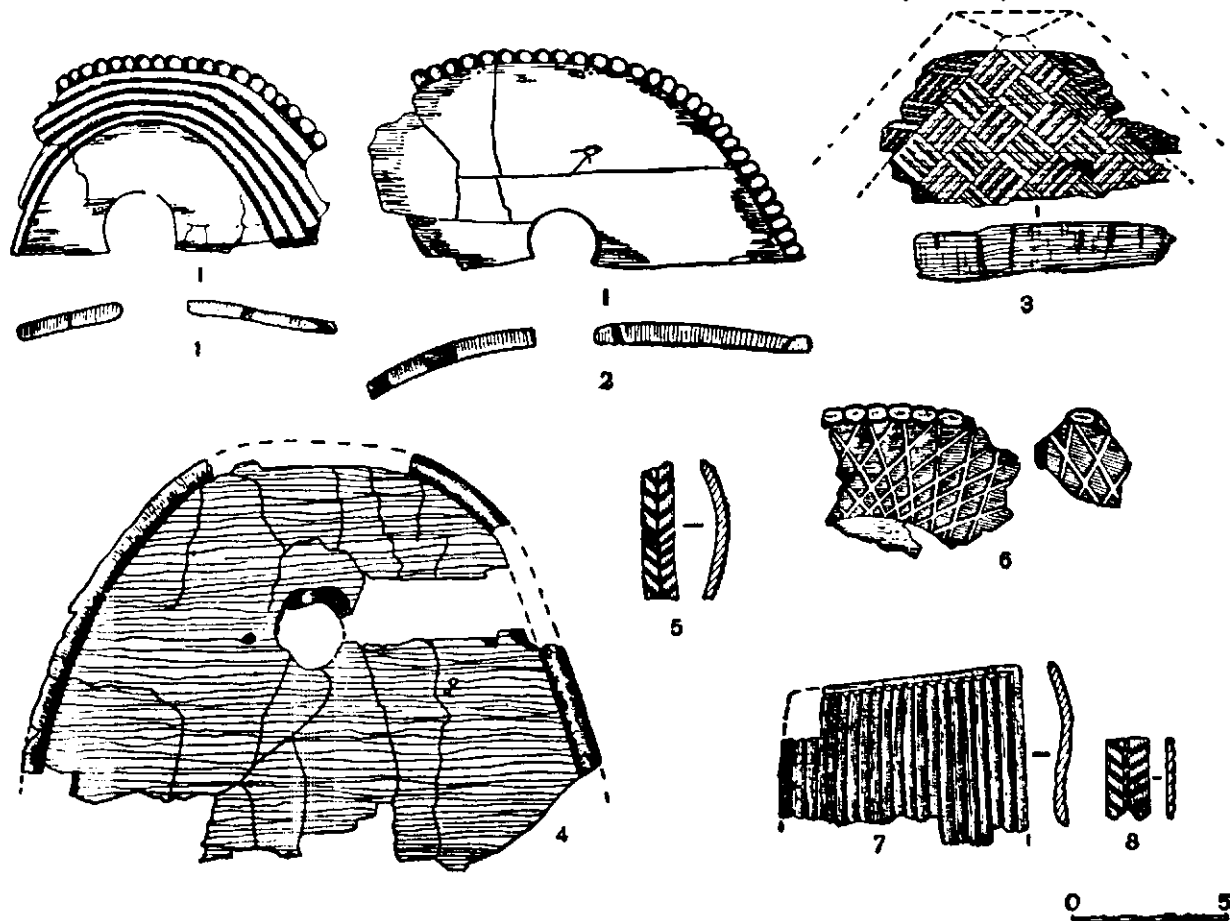

Рис. 39. Резные плакетки Сырского этапа (из склепа № 1 Сырского чаа-таса, дерево)

резьбы (рис. 41—7)³. Загадочными остаются *предметы особой формы* из склепа № 1 Сырского чаа-таса. С одной стороны они имеют гладкую выпуклость, похожую на киль у лодки, с другой (плоской) — вырез, как у совка. Один конец их аккуратно обрезан в виде полукруга, на другом вырезан треугольный хвостик (ручка?), на котором просверлены две дырочки, может быть для подвешивания. Целиком сохранившийся предмет имеет (с одного бока и на плоскостях хвоста) орнамент, полученный вырезанием отдельных кусочков дерева в шахматном порядке (рис. 38—2). Другой такой же пред-

Очевидно, они на что-то нашивались (ткани, кожа). Плющенное золото, которым они оклеивались, передавало их резные узоры, отчего плакетки имели вид красиво орнаментированных золотых пластин-украшений. Реже, в одном случае, резная поверхность окрашена ярко-красной краской (рис. 41—2)⁵. Резные орнаменты различны. То это идущие друг возле друга округлые валики (рис. 39—7)⁶, то елочные узоры (рис. 39—5 и 8)⁷, или перекрещиваю-

¹ Сыры, № 1 (1 экз.).

² Сыры, склеп № 1 (2 экз.).

³ Сыры, склеп № 1 (1 экз., оклеенный золотом) и Уйбат I, склеп № 11 — ср. ДИЮС, стр. 461 — хран. в ГИМ.

⁴ Быть может, подобный предмет нашел Адрианов в склепе «Е» (№ 6) на Тагарском острове, который он отметил, как «деревянный обгоревший ковш или какую-то лодку с ручкой» — см. его «Доисторические могилы в окрестностях Минусинска». ИРГО, т. XIX, вып. 3. СПб., 1883, стр. 250.

⁵ Сыры, склеп № 1.

⁶ Сыры, склеп № 1 (1 экз.).

⁷ Сыры, склеп № 1 (2 экз.).

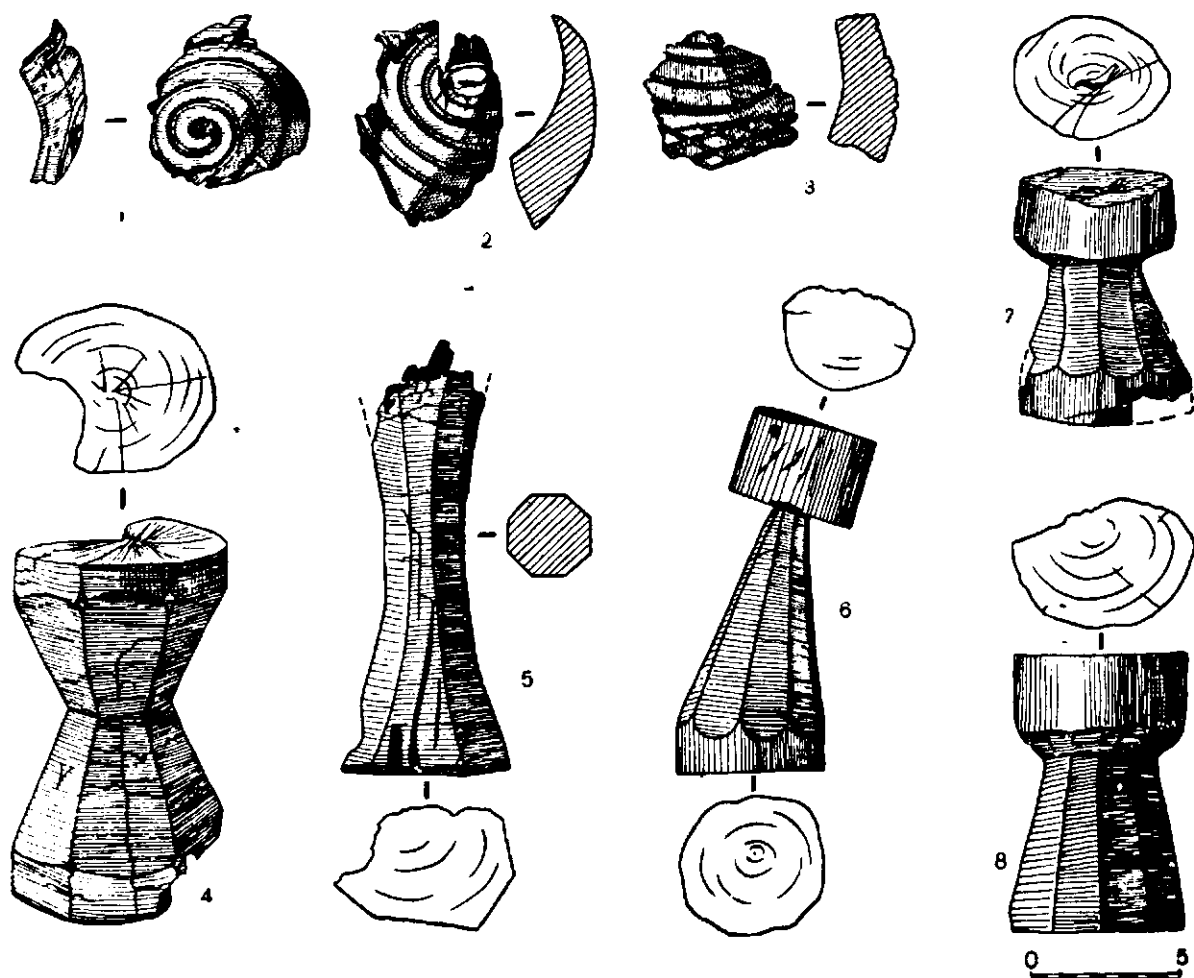

Рис. 40. Деревянные предметы Сырского этапа (из склепа № 1 Сырского чаа-таса)

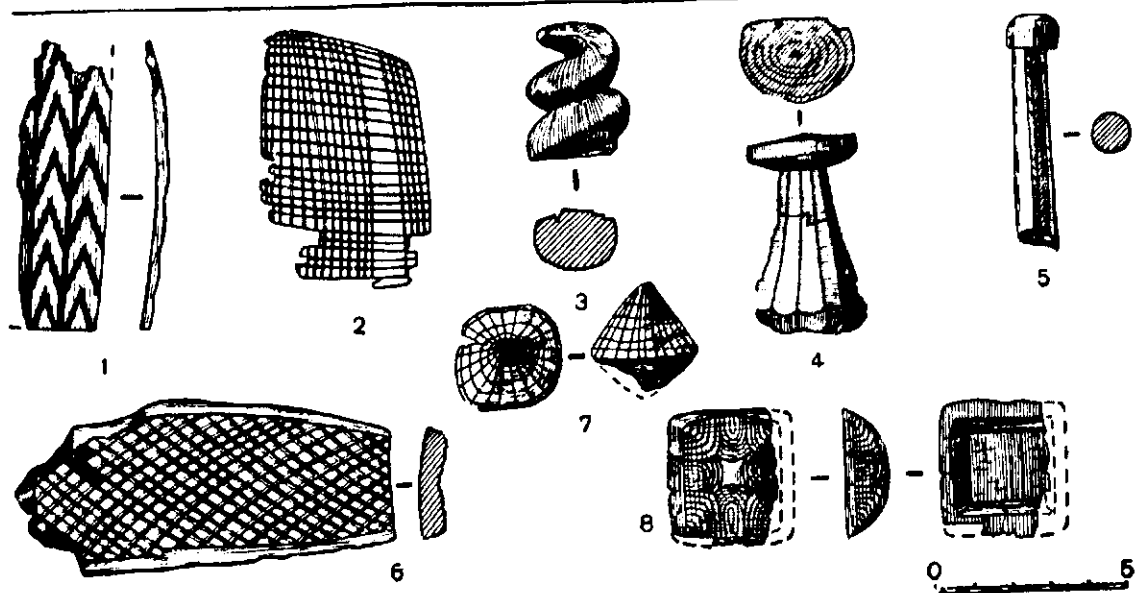

Рис. 41. Деревянные предметы Сырского этапа (из склепа № 1 Сырского чаа-таса)

шиеся нарезки, создающие прямоугольники (рис. 41—2) ¹ и ромбы (рис. 41—б) ². Нередко встречаются плакетки с полосами, в которые заключены идущие друг за другом острые углы (рис. 41—1) ³. В склепе № 6 Уйбата I оказались три дощечки с выпуклыми бортиками и с узором из парных завитков (рис. 43—13) ⁴. Интересен обломок одной плакетки со скошенными краями, сплошь покрытый шашечным орнаментом в виде квадратов с тремя прорезными линиями (рис. 39—3) ⁵. Точно таким же шашечным полем украшались каменные ворота ханьских гробниц в Китае ⁶, и вообще разрисовка шашечными полями была излюбленным орнамен-

ми (рис. 39—1) ⁹. Вдоль бортика из «горошин» парами располагаются маленькие отверстия для пришивания плакетки на мягкую основу (кожу или ткань). Наиболее интересен третий тип этих плакеток, который имеет тот же бортик из «горошин», но между ним и чистым полем у выемки расположен полукруг с косыми нарезками, образующими большие ромбы (рис. 39—б) ¹⁰. Ромбический орнамент, как известно, встречается на таштыкской керамике. Но в данном случае важнее подчеркнуть детальное сходство узора этих плакеток с орнаментикой гуннских сосудов из Забайкалья. Те же ромбы из перекрещивающихся линий и даже бор-

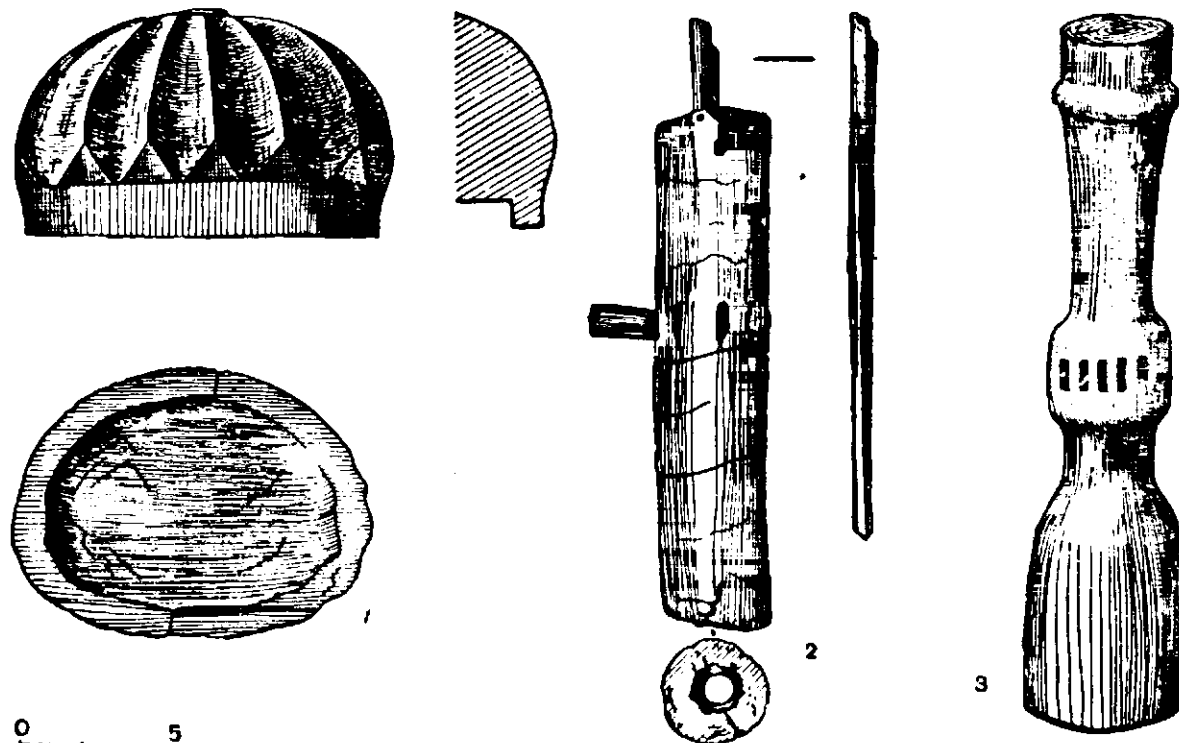

Рис. 42. Деревянные предметы Сырского этапа (из склепа № 1 Сырского чаа-таса). 2—3 — остатки зонтов

тальным мотивом каменных барельефов ханьского времени (первое века н. э.) ⁷.

Распространены также плакетки в виде полукругов с округлой выемкой посередине обрезанных сторон. Полукруглый край их всегда оформлялся бортиком из «горошин» (рис. 39—2) ⁸, иногда сопровождающимся нарезными полукруглыми валика-

тик из «горошин» переданы на них рассеченным наlepным валиком ¹¹.

Упомянем здесь же выпуклую *бляшку* с квадратным основанием (крашенную красной краской) с искусно вырезанным орнаментом из соединяющихся друг с другом овальных фестонов. Снизу у нее квадратное углубление для укрепления на какую-то основу (рис. 41—8) ¹². Близкий по форме и орнаменту предмет, но большего размера, найден в Уйбате ¹³. В склепе № 1 Сырского чаа-таса, кроме того, оказались: *колотушка* для забивания столбов частокола и *клинья* для раздирания бревен на гор-

¹ Сыры, склеп № 1 (1 экз.) и Уйбат I, № 11 (1 экз.) — ГИМ, инв. 79956, № 5527.

² Сыры, склеп № 1 (1 экз.) и Уйбат I, № 11 (1 экз.).

³ Сыры, склеп № 1 (1 экз.) и Уйбат I, № 11 (1 экз.) — ГИМ, инв. 79956, № 5612.

⁴ Сб. «Археологические исследования в РСФСР 1934—1936 гг.», М.—Л., 1941, стр. 314, рис. 91.

⁵ Сыры, склеп № 1 (1 экз.).

⁶ E. Chavannes. Mission archéologique dans la Chine Septentrionale, Planches, Deuxième Partie. Paris, 1909, Pl. VII—VIII, XV, XIX, XX.

⁷ Там же, табл. XXIX.

⁸ Сыры, склеп № 1 (1 экз.).

⁹ Сыры, склеп № 1 (1 экз.).

¹⁰ Сыры, склеп № 1 (1 экз.) и Уйбат I, № 11 (1 экз.) — хран. в ГИМ, инв. 79956, № 5597.

¹¹ Г. П. Сосновский. Нижне-Иволгинское городище. ПИДО, 1934, № 7—8, стр. 154, рис. 4.

¹² Склеп № 1 Сырского чаа-таса.

¹³ Уйбат I, № 11 — хран. в ГИМ, инв. 79956, № 5687.

были (рис. 43—14). Возможно, их употребляли и для выкапывания ямы под склеп.

Судя по обугленным обрывкам, в большом ко-

ших кусков, до сих пор не удалось выяснить по-
крой одежд. Можно лишь сказать, что сорта тка-
ней разнообразны. Это — гладкие («гарнитуровые»)
и вытканые в рубчик («диагональ») ткани. Нити

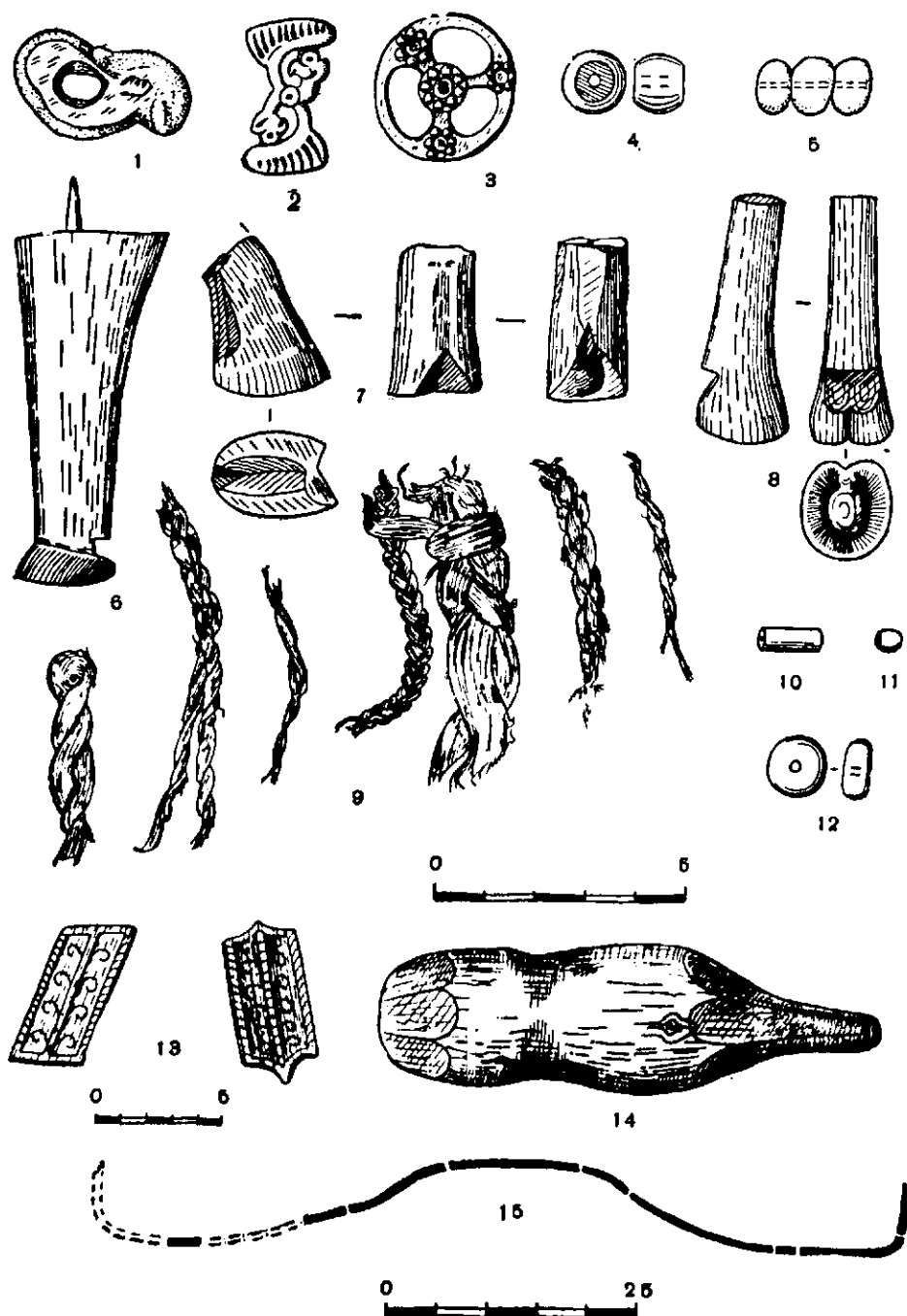

Рис. 43. Предметы Сырского этапа: 1 — кость; 2, 3 — бронза; 4, 12 — камень (синие и красные); 5 — глина; 6—8, 13—15 — дерево; 9 — человеческие ко-
сички; 10 — белая паста; 11 — розовое стекло (9, 14, 15 — из склепа № 1
Сырого чаа-таса; остальные — из Уйбатского чаа-таса: 3, 13 — склеп № 6;
10, 11 — склеп № 7; 1, 2, 5—8 — из склепа № 8; 4, 12 — склеп № 11)

личестве встречаемых в склепах Сырского этапа, одежда шилась преимущественно из шерстяных тканей¹. К сожалению, несмотря на находки боль-

¹ Сыры, № 1 и Уйбат I, № 1, 7, 8, 11.

выпрядены тщательно. Встречаются ткани из тол-
стых и из очень тонких нитей. Последние особенно
плотны. Шелковые ткани найдены в малом количе-
стве, так как тонкий шелк быстрее сгорал при жи-

гании трупа¹. Все обрывки шелковых тканей одного типа — типа кисей, из которой, вероятно, шились легкие одежды. Нередко встречаются полуобгорелые куски тонкого фетрообразного войлока — вероятнее всего, это остатки таких же чулок, какие были найдены в пазырыкских курганах Алтая². Возможно, что тонкий войлок употреблялся также для одежды и головных уборов³. Несомненно, существовали кожаные и меховые одежды, ибо обрывки прошитой кожи и меха сохранились в большом количестве благодаря обугливанию⁴. Мех неопределим, но хорошо выделан. В одном случае встречены кусочки, очень похожие на овчину⁵. В сырское время по-прежнему погребальные одежды обильно украшались *деревянными нашивками-бляшками*, оклеенными золотыми листочками. Формы их более раз-

(величиной и объемом, и формой) пистон от патрона ружейного центрального боя, с двумя отверстиями в нижней части по бокам»¹⁴. Это, конечно, не пуговицы, но, вероятно, бляшки, украшавшие одежду (рис. 44—7). Обрывки листового золота толщиной не более 4—5 микрон по-прежнему в большом количестве встречаются и в склепах Сырского этапа. Принадлежностью костюма являлись и пояса, от которых в склепах находятся обрывки ремней и пряжки.

Пряжки Сырского этапа, как показано выше, уже значительно отличаются от предшествующих изыхских. Среди бронзовых сохраняются лишь 1 тип пряжек (табл. IV—88). Он еще очень распространен (см. таблицу I), но уже исчезает к концу этапа. Пряжек 1 типа, например, уже нет в позднесыр-

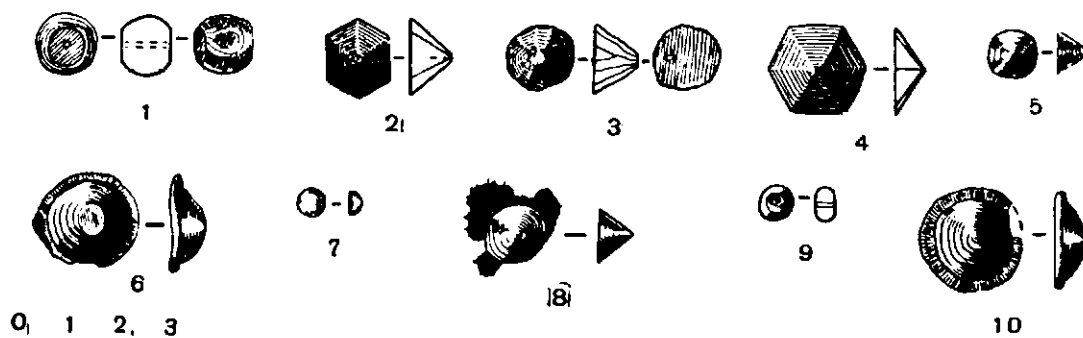

Рис. 44. Бляшки и бусы Сырского этапа: 1—6, 8, 10 — дерево, 7 — золото, 9 — голубое стекло (из оклепа № 1 Сырского чаа-таса)

нообразны, чем раньше. Это главным образом бляшки-конусики (рис. 44—5 и 8)⁶, большие полушарные бляшки с рантиком вокруг основания (рис. 44—6 и 10)⁷, бляшки в виде граненого усеченного конуса (рис. 44—3)⁸, бляшки в форме шестигранной пирамиды (рис. 44—4) и такие же, меньшие по размерам (рис. 44—2)⁹. Встречаются и пятигранные пирамидки¹⁰, небольшие полушарные бляшки (табл. IV—125)¹¹ и круглые с небольшой выпуклостью посередине¹². Кроме того, в двух склепах оказались маленькие полушарные золотые бляшки, полые внутри¹³. Точно такие же бляшки были найдены в 1912 г. в так называемом «Баллодовском» гуннском кургане в горах Ноин-Ула. Описание их соответствует и таштыкским бляшкам: «Пуговицы своей формой представляют из себя

ском склепе № 1, раскопанном на Сырском чаа-тасе. Совсем нет распространенных в изыхское время пряжек типов 2—4, но зато встречаются новые, ранее не употреблявшиеся, бронзовые пряжки типов 5—7 и 9 тип железных, 8 тип железных пряжек существует по-прежнему, но у этих округлых железных пряжек иногда уже имеются сердцевидные щитки¹⁵ и размеры их становятся в два раза большими (табл. IV—99). Если бронзовые пряжки с неподвижными шпеньками 5 и 6 типов являются специфично таштыкскими и не имеют себе аналогий, то впервые появляющиеся бронзовые пряжки с подвижными язычками и еще без щитков (7 тип) могут сопоставляться с некоторыми западными формами. У сармат бронзовые пряжки с подвижными язычками, так же еще без щитков, распространяются впервые в I—II вв. н. э.¹⁶

Датировку этапа определяет также железная лривидная пряжка 9 типа с подвижным язычком (рис. 8—1)¹⁷. Такие железные пряжки у сармат

¹ Сыры, № 1 (см. Л. Р. Кызласов, Сырский чаа-тас, стр. 219, рис. 21).

² С. И. Руденко. Второй Пазырыкский курган, Л., 1948, стр. 40.

³ Сыры, склеп № 1; Уйбат I, № 8 и № 11.

⁴ Сыры, № 1 и Уйбат I, № 8.

⁵ Сыры, склеп № 1.

⁶ Там же.

⁷ Там же.

⁸ Там же.

⁹ Сыры, оклеп № 1; Уйбат I, склеп № 8.

¹⁰ Уйбат I, склеп № 6 — хран. в Минусинском музее.

¹¹ Уйбат I, склеп № 1.

¹² Уйбат I, оклеп № 6 — хран. в Минусинском музее.

¹³ Сыры, оклеп № 1 и Уйбат I, склеп № 6.

¹⁴ Я. Н. Ходужин. Первые раскопки в горах Ноин-Ула. Иркутск, 1926, стр. 4.

¹⁵ Уйбат I, склеп № 11 — хран. в ГИМ, инв. 79956, № 5472 (1 экз.) и Усть-Тесь, № 1 (1928) — см. С. В. Киселев. Материалы археологической экспедиции в Минусинский край в 1928 г., табл. V, рис. 8 и стр. 146.

¹⁶ P. R a u. Die Hügelgräber römischer Zeit an der unteren Wolga. Pokrowsk, 1927, стр. 102 рис. 35; ср. МИА СССР, № 23. М.—Л., 1951, стр. 199, рис. 18, 16, стр. 203.

¹⁷ Сыры, оклеп № 1.

Нижнего Поволжья существуют в I—II вв. н. э.¹. Аналогичные лировидные бронзовые пряжки с подвижными язычками найдены и в гуннском кургане № 6 Ноин-Улы, который твердо датируется I в. н. э. найденной в нем китайской лаковой чашечкой с надписанной датой изготовления — 2 г. до н. э.². В склепах Сырского этапа встречаются и другие железные пряжки в виде прямоугольной рамки с неподвижным крючком (рис. 8—2)³, не имеющие себе аналогий. Как исключение отметим бронзовую пряжку 5 типа, имеющую длинный прямоугольный щиток с боковыми колечками⁴. Нововведением являются бронзовые наременные бляшки прямоугольной формы с четырьмя скошенными наружу гранями и пятью заклепочками посередине (табл. IV—98)⁵. Они штамповались из пластинок и, очевидно, украшали наборные пояса.

* * *

Личные украшения Сырского этапа представлены *бусами*. Широкое распространение имели деревянные бусы бочонкообразной формы, оклеивавшиеся золотыми листиками (рис. 44—1)⁶, округлые небольшие бусины из голубого стекла (рис. 44—9)⁷, удлинённо-цилиндрические из белой пасты (рис. 43—10)⁸. Гораздо реже встречаются каменные бусины: бочонковидные, окрашенные в синий цвет (рис. 43—4)⁹, и плоские округлые из красного камня (рис. 43—12)¹⁰. Есть и мелкие бочонкообразные стеклянные бусы, розовые или красные (рис. 43—11)¹¹.

Распространенность ношения бус подчеркнута тем, что на шеях погребальных масок из сырских склепов изображались целые ожерелья. Иногда это объемные круглые или овальные бусы, сделанные из той же гипсовидной массы и затем наклепанные на маску. Эти бусы имеют даже отверстия для продевания нити (рис. 43—5)¹². Чаше ожерелья на масках нанесены красками¹³. Так, например, на шее одной маски (склеп № 1 Сырского чаа-таса) оранжевой краской изображены два ряда круглых бу-

син. В верхнем ряду их 15, в нижнем — 12. Интересно, что в нижнем ряду изображены еще и треугольные (вероятно, золотые) привески, подвешенные через каждые две бусины (рис. 45). Такие привески не найдены в таштыкских погребениях, но они, несомненно, существовали.

Может быть, к украшениям надо относить и бронзовые *колесики* с тремя спицами, на стыках которых помещены многолепестковые розетки (рис. 43—3)¹⁴. Здесь же следует отметить вещи личного обихода и *туалетные принадлежности*. Это прежде всего *щетки*, от которых сохранились костяные ручки с отверстиями, украшенные нарезным геометрическим узором (табл. IV—117)¹⁵. В одном из склепов оказался обломок костяной *лопаточки* такого же типа, как и костяные лопаточки из гуннских погребений I в. н. э. в Забайкалье (табл. IV—118)¹⁶. Возможно, туалетное же назначение имели и костяные *кружки* с короткими ручками, в которых просверлены отверстия для их подвешивания¹⁷. Они или гладкие или орнаментированные с одной стороны зигзагообразными нарезками¹⁸. В одном случае найден маленький бронзовый диск, может быть, зеркальце простейшей архаической формы¹⁹.

Упомянем здесь же находки кос. Три из них заплетены в три пряди из черных (2) и рыжих (1) волос²⁰. В другом склепе оказались тонкие обугленные до черноты косички, заплетенные в две и в три пряди, но так, что тонкие косоплетки из двух прядей еще раз переплетались между собой, или же две косы из трех прядей сплетались друг с другом (рис. 43—9)²¹. Напомним, что косы найдены в гуннских курганах Ноин-Улы I в. н. э.²².

* * *

Наступательное *оружие* в склепах Сырского этапа представлено деревянными моделями луков и стрел. *Луки* сделаны из прутьев, с оригинальными приспособлениями для укрепления тетивы: на загнутых концах вырезаны желоба для прохождения по ним тетивы и на самом конце выступ для ее привязывания (рис. 46—1—3)²³. Такое устройство резко отличает эти лучки от моделей луков из грунтовых погребений. Один лук был обнаружен почти целиком, в его первоначальном положении. Длина его около 60 см, толщина же 1—1,2 см. Он сделан из круглого прута, который с одной сторо-

¹ И. В. Синицын. К материалам по сарматской культуре на территории Нижнего Поволжья. С. А. VIII. М.—Л., 1946, стр. 92, рис. 25, 2.

² Найдено 4 экз. — хран. в отделе Востока Гос. Эрмитажа, шифр МР 2380—2384 — ср. С. Trever. Excavations in Northern Mongolia. Leningrad, 1932, стр. 14, t. 30.

³ Сыры, склеп № 1.

⁴ Усть-Тесь, № 1 (1928) — см. С. В. Киселев. Материалы археологической экспедиции в Минусинский край в 1928 г., табл. V, рис. 29.

⁵ Уйбат I, склеп № 8—4 экз. — хран. в ГИМ, инв. 79956, № 304, 327, 376.

⁶ Сыры, склеп № 1 (1 экз.); Уйбат I, склеп № 8 (2 экз.) и № 11 (60 экз.).

⁷ Сыры, склеп № 1 (1 экз.); Уйбат I, склеп № 8 (1 экз.) и № 11 (1 экз.).

⁸ Уйбат I, склеп № 7 (9 экз.).

⁹ Уйбат I, склеп № 11 (1 экз.).

¹⁰ Уйбат I, склеп № 11 (1 экз.).

¹¹ Уйбат I, склеп № 7 (9 экз.).

¹² Уйбат I, склеп № 8 (18 экз.) — хран. в ГИМ, инв. 79956.

¹³ Склеп «на увале» у д. Сарагаш — см. С. А. Теплоухов. Опыт классификации древних металлических культур Минусинского края. МЭ, т. IV, вып. 2. Л., 1929, стр. 57, табл. II, рис. 19 (реконструкция).

¹⁴ Уйбат I, склеп № 1 (2 экз.) и склеп № 6 (1 экз.).

¹⁵ Уйбат I, склеп № 7 (1 экз.) и склеп № 8 (1 экз.) — ДИЮС, табл. XXXVIII, 12, 13.

¹⁶ Г. П. Соколовский. Раскопки Ильмовой падьи. С. А. VIII. М.—Л., 1946, стр. 56, рис. 6 (7). Склеп № 8 Уйбата I (1 экз.) — хран. в ГИМ, инв. 79956—462.

¹⁷ Уйбат I, склеп № 7 (1 экз.) и № 8 (1 экз.) — хран. ГИМ, инв. 79956, № 2017.

¹⁸ ДИЮС, табл. XXXVIII, рис. 11.

¹⁹ Уйбат I, склеп № 1 — см. ДИЮС, стр. 440.

²⁰ Уйбат I, склеп № 11.

²¹ Сыры, склеп № 1.

²² С. Trever. Excavations in Northern Mongolia, t. 33.

²³ Луки найдены: Сыры, склеп № 1 (обломки от 3 экз.); Уйбат I, склеп № 1 (1 экз.) — ДИЮС, стр. 432.

ны (направленной к тетиве) имеет плоский срез, другая сторона осталась выпуклой. Концы лука круто загнуты, середина выгнута (рис. 43—15)¹. Если представить этот лучок с натянутой тетивой, то он примет точную форму сложных М-образных луков, которые известны в VI—X вв.². Это обстоятельство позволяет заключить, что на деле существовали сложные боевые луки М-образной формы, воспроизведенные в погребальном инвентаре дере-

стрельбе (рис. 46—4 и 7)³. Такие хвостовые части древков стрел встречаются и в сарматских погребениях I в. н. э., например: деревянные в Сусловском могильнике и костяные в курганах у с. Макаровка⁴. Древки стрел иногда украшались горизонтальными поясами, нанесенными красной краской, или же оклеивались золотыми листиками⁵. Выяснено, что древки нарочно ломались во время совершения погребений, до обугливания их при

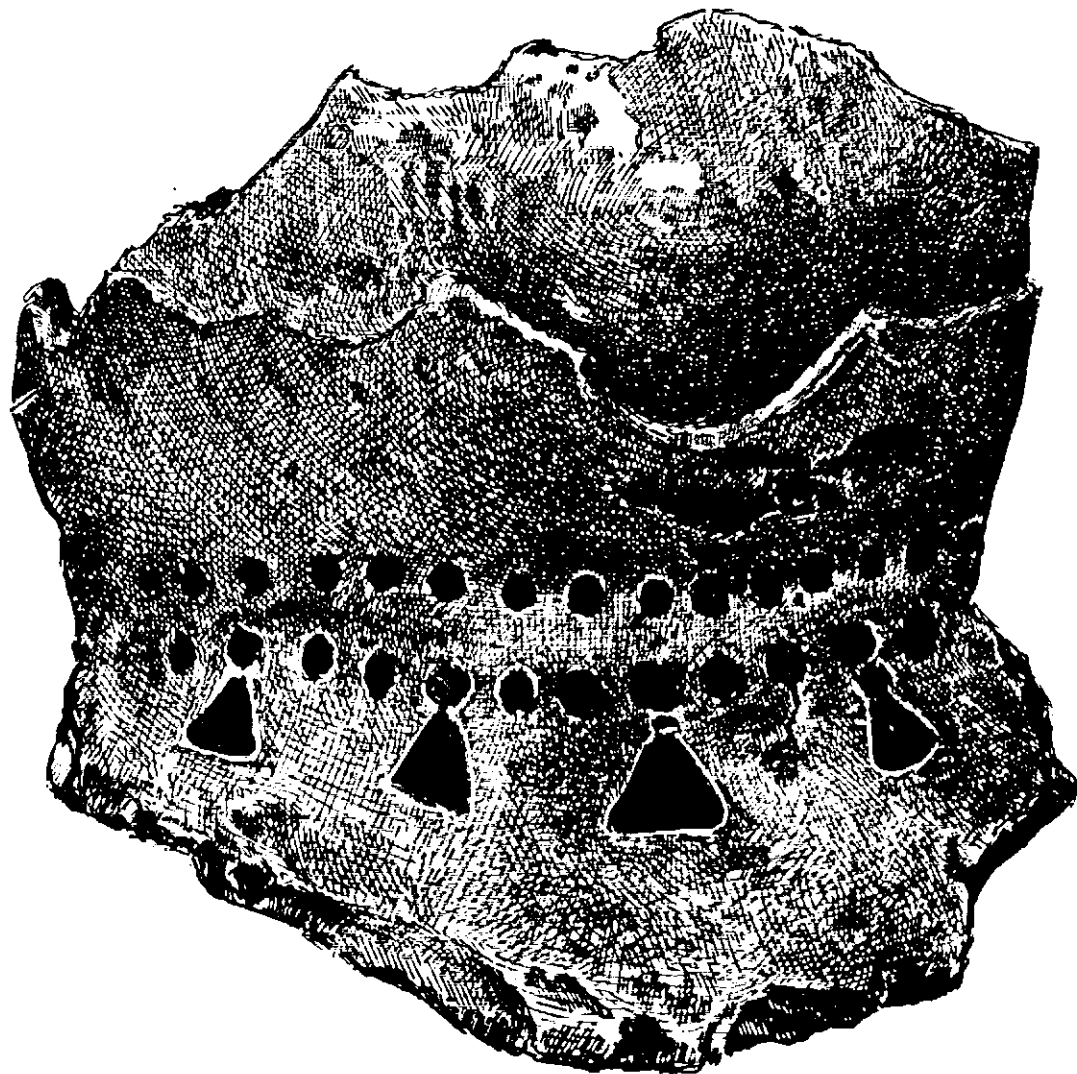

Рис. 45. Шея женской погребальной маски с изображением ожерелья из склепа № 1 Сырого чаа-таса

вянными модельками. Обломки древков стрел нормального размера встречаются часто³. Один конец таких древков заточен на конус для надевания втульчатых наконечников (рис. 46—4)⁴, а другой имеет арочные вырезы для вставления тетивы при

сожжении склепа. Такой обряд преломления стрел при похоронах дожил в этой местности до XIX века. Так, например, наблюдая похороны хакасов, Г. И. Спасский отмечал: «...при мужских телах,

³ Сыры, склеп № 1 — ср. ДИЮС, стр. 433 и табл. XXXVI, 7.

⁴ П. Степанов. Изделия из дерева в курганах Сусловского курганного могильника. Ученые записки Саратовского гос. университета, IV, вып. 3. Саратов, 1925, стр. 79 и И. В. Силицын. Археологические раскопки на территории Нижнего Поволжья. Саратов, 1947, стр. 78, рис. 51.

⁵ Уйбат 1, склеп № 1 — ср. ДИЮС, стр. 433.

¹ Сыры, склеп № 1.

² ДИЮС, табл. 57.

³ Сыры, склеп № 1; Уйбат 1, склепы № 1, 8, 11.

⁴ Сыры, склеп № 1 (1 экз.).

кроме лучших одежд и седел, кладут лук с колчаном и переломленными стрелами»¹.

В склепах Сырского этапа впервые найдены два *деревянных наконечника* стрел². Это даже не наконечники в прямом смысле слова, ибо они изготовлялись из одного куска дерева вместе со всем древком стрелы. Таким образом, эти стрелы были целиком деревянными. Найдены эти «наконечники» уже отломанными в силу вышеуказанного обычая (рис. 46—5 и 6). Стрелы эти явно не военные и не

камлали алтайские шаманы³. Можно было бы привести еще много примеров изготовления специальных луков и стрел для ритуальных целей⁴.

В этой связи правильным будет считать эти стрелы с необычными «наконечниками» шаманскими стрелами, возможно, служившими вместе с какими-то луками взамен бубнов таштыкским шаманам. Другие древки стрел для съемных наконечников, вместе с описанными луками, изготовлялись специально для погребального обряда, но они

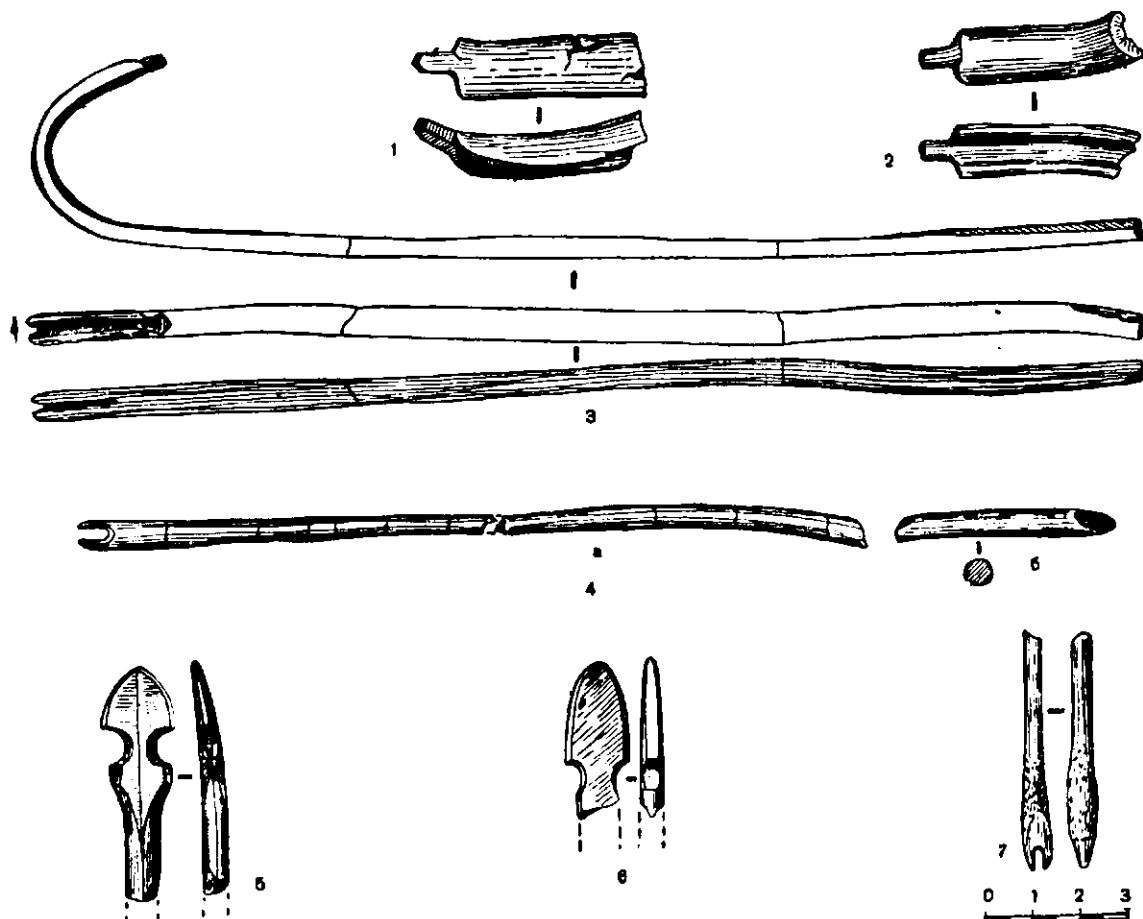

Рис. 46. Модели луков и стрел Сырского этапа (из склепа № 1 Сырского чаа-таса)

охотничьи, так как ими нельзя было поразить даже самую мелкую дичь. Это и не модели, заменяющие реальные стрелы, ибо ни железные, ни костяные наконечники таких форм нигде не существовали. Вероятно, это особые стрелы, специально изготовленные для ритуальных целей. Этнография дает большое количество примеров употребления таких стрел. Так, например, доказано, что в шаманстве алтайцев бубну предшествовал в качестве орудия культового действия лук со стрелой, с которым

точно воспроизводят реально существовавшие военные стрелы и боевые сложные луки. Но, очевидно, существовали все же цельнодеревянные стрелы употреблявшиеся при охоте на мелких зверьков и птиц. Деревянный наконечник такой стрелы обна-

¹ Л. П. Потапов. Лук и стрела в шаманстве алтайцев. СЭ, 1934, № 3, стр. 64—76.

² А. А. Кузнецова и П. Е. Кулаков. Минусинские и ачинские инородцы. Красноярск, 1898, стр. 130; ср. Л. А. Каруновская. Из алтайских верований и обрядов, связанных с ребенком. Сб. МАЭ, вып. VI. Л., 1927, стр. 19 и сл.; С. И. Иванов. Сибирские параллели к магическим изображениям из эпохи палеолита. СЭ, 1934, № 3—4, стр. 98; Г. Н. Прокофьев. Церемония оживления бубна у остяко-самоедов. Известия ЛГУ, т. II. Л., 1920, стр. 368 и см. Н. Н. Веселовский. Роль стрелы в обрядах и ее символическое значение. ЗВРАО, вып. XXV, 1921.

¹ Г. Спасский. Народы, кочующие в верьху реки Енисей. «Сибирский вестник», изд. Г. Спасским, ч. I. СПб., 1818, стр. 105; для XVIII в. то же см. в сообщении Георги «Описание всех в Российском государстве обитающих народов», ч. I. СПб., 1776, стр. 177.

² Сыры, склеп № 1.

ружен в склепе № 8 Уйбатского чаа-таса¹. Он имеет утолщение, несколько заостренное к концу (табл. IV—105). Такие стрелы, так называемые «томары», широко употреблялись некогда народами Сибири, например при охоте на белку, когда надо было поразить зверька лишь оглушив его, чтобы не испортить шкурку. Совершенно аналогичные по форме деревянные стрелы существовали, например, у хантов².

Стрелы носились в колчанах из бересты типа горитов, отличных от позднейших «колчанов с карманом». Такой колчан с горизонтально срезанным

нем находки точильных камней для точки ножей, имеющих сильные следы сработанности и отверстия для подвешивания к поясу (рис. 47—2)⁶, а также восьмеркообразные звенья железной цепочки, на которой, по-видимому, подвешивался к поясу нож в ножнах, как это выяснено при раскопках погребений на Верхней Оби (рис. 47—6 и 7)⁷.

Из частей конской сбруи в склепах Сырского этапа, так же как это было и в изыхское время,

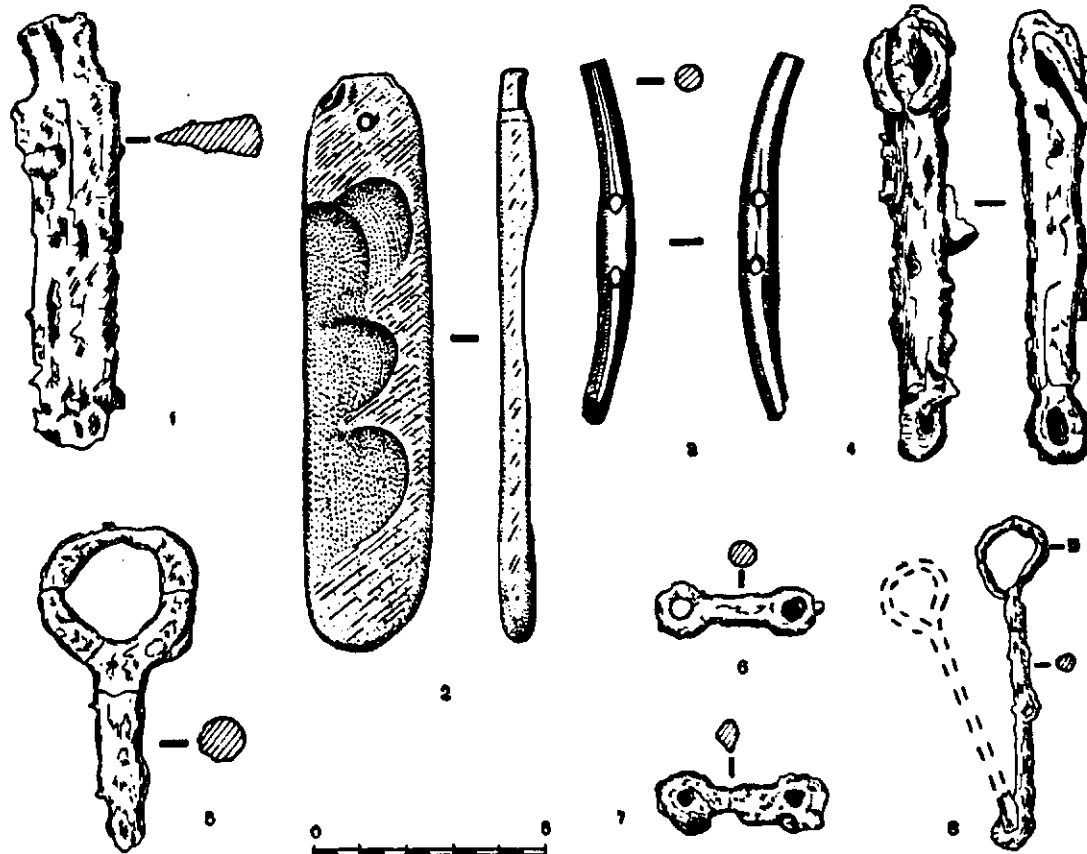

Рис. 47. Предметы Сырского этапа: 1, 4—8 — железо, 2 — камень, 3 — дерево (из склепа № 1 Сырского чаа-таса)

верхом оказался в склепе № 8 Уйбатского чаа-таса³.

По-прежнему часто в сырских склепах встречаются миниатюрные железные крючки от колчанов с поперечиной сверху (табл. IV—101)⁴. В одном склепе обнаружен обломок железного черешкового ножа с изогнутой ручкой, расположенной под углом к лезвию (рис. 47—1)⁵. Здесь же упомя-

чаще всего встречаются железные миниатюрные удила (рис. 47—8)⁸. Это двухсоставные кольчатые удила, такие же по форме, как и удила из гуннских курганов I в. н. э.⁹. Как уже говорилось, они явля-

⁶ Сыры, склеп № 1 (1 экз.) и Уйбат I, склеп № 11 (1 экз.).

⁷ 2 звена такой цепочки и обломок третьего найдены в склепе № 1 Сырского чаа-таса; ср. М. П. Грязнов. Археологическое исследование территории одного древнего поселения. КСИИМК, вып. 40, рис. 30, 113.

⁸ Усть-Тесь (1928), № 1 (6 обломков); Кривинское, № 1 (одни целые и еще 14 обломков) — С. В. Киселев. Материалы археолог. экспедиции., табл. V, рис. 18, 20 и 30; Уйбат I, № 1 (14 экз.), № 6 (51 обломок), № 7 (4 экз.), № 8 (5 экз.) и № 11 (11 экз.); Сыры, склеп № 1 (10 обломков от 5 экз.).

⁹ ПИДО, 1935, № 9—10, стр. 233, рис. 9.

¹ Хран. в ГИМ, инв. 79956, № 475.

² F. R. Martin, Sibirica. Ein Beitrag zur Kenntnis der Vorgeschichte und Kultur Sibirischer Völker. Stockholm, 1897, стр. 10, рис. 5, 9.

³ Хран. в ГИМ, инв. 79956, № 460.

⁴ Усть-Тесь, № 1, 1928 (2 экз.); Кривинское, № 1 (1 экз.); Уйбат I, № 6 (2 экз.), № 8 (3 экз.), № 11 (4 экз.).

⁵ Сыры, склеп № 1.

ются лишь остатками от *миниатюрных уздечек*, так как помимо сохранившихся в ряде случаев уздечных ремешков в склепах найдены и деревянные миниатюрные псалии, вырезанные из тонких палочек. Псалии эти прямые или слегка выгнутые в одну сторону, причем концы их утончены в сравнении со серединой, на которой имеются два овальных отверстия (рис. 47—3)¹. В отверстиях иногда сохраняются обрывки обугленных ремешков. Эти псалии воспроизводят настоящие, железные или костяные, употреблявшиеся в сырское время. Их форма совпадает с формой железных псалий из гуннских погребений I в. н. э. Ноин-Улы². Совершенно аналогичны им и выгнутые роговые псалии из гуннских могил № 9 и 10 Дэрестуйского Култука³. Таким образом, «таштыкцы» несомненно клали с погребенными миниатюрные узды-модели, сделанные точно по образцу настоящих узд (табл. IV—121).

Следует указать, что однажды найдены облом-

ки удила натуральных размеров, совершенно таких же по форме (рис. 47—5)⁷. Но в сырское время уже появляются удила и другого типа, которые свойственны эпохе VI—X вв. Это двухсоставные удила с добавочными подвижными кольцами на концах. Половина таких удила нормальных размеров обнаружена в склепе № 1 Сырского чаа-таса (рис. 47—4).

Интересно, что клались не одни узды, но и другое снаряжение верхового коня. Прежде всего упомянем *модели седел*. В склепе № 1 Уйбатского чаа-таса сохранилась берестяная обкладка передней луки седла⁸. Это уже было деревянное седло с высоко поднятой передней лукой арочной формы. Седла этого типа и поныне характерны для народов Южной Сибири. Клались также с погребенными, кроме узд и седел, миниатюрные воспроизведения *нагаек* — деревянные палочки с округлым набалдашником на конце (рис. 41—5)⁹.

ИСКУССТВО СЫРСКОГО ЭТАПА

В склепах этого времени по-прежнему часто встречаются *амулеты-обереги* в виде двух головок коней, обращенных в разные стороны. Среди них только один вырезан из кости⁴, а все остальные выбиты зубильцем из бронзовых пластинок⁵. При рассмотрении амулетов изыхского времени уже были выявлены их ранние формы, по которым мы можем судить об особенностях и признаках, отсутствующих в более позднее время. В сырских склепах продолжает сохраняться выработанный тип этих амулетов, который иногда имеет между головками изображение седла (рис. 48—5). Нововведением являются амулеты, у которых показаны не только пара конских головок, но, кроме того, высечены еще и передние ноги, по одной или по две под каждой головкой (рис. 48—6)⁶.

Если эти амулеты являлись оберегами, то становится понятным также, почему в склепе № 1 Сырского чаа-таса, который расположен на границе тайги и степи, впервые найдена бронзовая пластинка, силуэтно передающая фигурку сидящего медведя (рис. 48—9). Неудивительно, что в пограничном «таежно-степном» склепе к оберегам конников-степняков примешиваются и обереги таежных

охотников. Изображен самый сильный зверь сибирской тайги, который вместе с тем является и самым уважаемым. «Хозяин тайги», «дедушка» — так называют медведя охотники всех народов Сибири. Очевидно, у таежных охотников таштыкского времени существовал культ медведя.

По-прежнему встречаются в склепах силуэтные *полные фигурки коней*, выбитые из тонких бронзовых пластинок. Это те же стоящие или медленно идущие лошадки (рис. 48—10)¹⁰. Но среди них имеется замечательная фигурка бегущей лошади (рис. 48—1)¹¹. Движение здесь, как и вообще вся лошадка, передано с удивительным реализмом. По экстерьеру это небольшой плотный конёк, несомненно местной породы. Хвост его куцый, обрезанный. Задние ноги резко выброшены вперед. Из передних — одна вынесена вперед, другая назад. Шея изогнута и крупная голова наклонена, как обычно при беге. На голове изображен небольшой круглый султанчик. Замечательно здесь не только тонкое мастерство реализма, как бы прорвавшееся сквозь условные схемы подобных изображений, но и стилистическая близость к бронзовым фигуркам лошадок из гуннских памятников I в. н. э., что имеет датировочное значение. Они найдены в курганах Ильмовой пади в Забайкалье. Экстерьер, наклон крупной головы с султанчиком и выброшенная вперед нога — совпадают с таштыкским, правда, более живым изображением¹².

¹ Сыры, склеп № 1 (1 экз.); Уйбат I, склеп № 8 (2 экз. и обломок третьего).

² ПИДО, 1935, № 9—10, стр. 233, рис. 9.

³ Ю. Талько-Грынцевич. Материалы к палеонтологии Забайкалья. Труды ТКОПОРГО, т. III, вып. 2—3, Иркутск, 1902, стр. 26—27 и табл. III, рис. «И»; ср. Труды XII археол. съезда в Харькове, т. I, М., 1905, стр. 498, рис. 66.

⁴ Уйбат I, склеп № 7 — см. ДИЮС, табл. XXXVIII, рис. 3.

⁵ Тагарский о-в (Клеменц, 1888), № 1 (6 экз.) Усть-Тесь (1928), № 1 (3 экз.) — С. В. Киселев. Материалы, табл. V, рис. 34, 41 и 48; Уйбат I, склепы № 1 (3 экз.), № 6 (3 экз.), № 7 (3 экз.), № 8 (13 экз.), № 11 (10 экз.); Сыры, склеп № 1 (23 экз.).

⁶ Сыры, склеп № 1 (1 экз.); Уйбат I, склеп № 7 (1 экз.), № 11 (1 экз.).

⁷ Сыры, склеп № 1.

⁸ ДИЮС, табл. XXXVI, рис. 1. Высота — 14 см, ширина — 19 см.

⁹ Сыры, склеп № 1.

¹⁰ Тагарский о-в (Клеменц, 1888), № 1 (1 экз.); Уйбат I, склепы № 1 (3 экз.), № 7 (1 экз.), № 8 (3 экз.), № 11 (3 экз.); Сыры, склеп № 1 (4 экз.).

¹¹ Сыры, склеп № 1.

¹² Г. П. Сосновский. Раскопки Ильмовой пади. СА, VIII, 1946, стр. 56, рис. 6 (2).

Шесть экземпляров таких же лошадок найдены и в кургане Ноин-Улы, раскопанном в 1925 г.¹ Ценно также и то, что позднее у хакасов VI—X вв. распространены бронзовые фигурки таких же по экстерьеру коньков, с круглым налобным султанчиком, как у таштыкской лошадки, но уже со всадниками². Это лишний раз указывает на глубокие местные корни древнехакасского искусства.

На Сырском этапе, наряду с реалистическими изображениями, продолжают создаваться и схематические, выполненные уже в чисто декоративном плане. Так, например, получает дальнейшую разра-

Та же излюбленная в гунно-сарматском искусстве сцена терзания травоядного хищником воплощалась «таштыкцами» и в дереве. Сохранилась только одна фигурка от такой сложной композиции. Это деревянная плакетка, вырезанная в виде хищной птицы, со своеобразной передачей отдельных деталей. Необычен хвост в виде двух дисков, покрытых concentрическими кругами. Реальнее переданы крыло и маленькая головка на изогнутой шее. Снизу в туловище имеется паз для скрепления этой фигурки с другими изображениями сцены (табл. IV—115)³, обломки которых хотя и сохра-

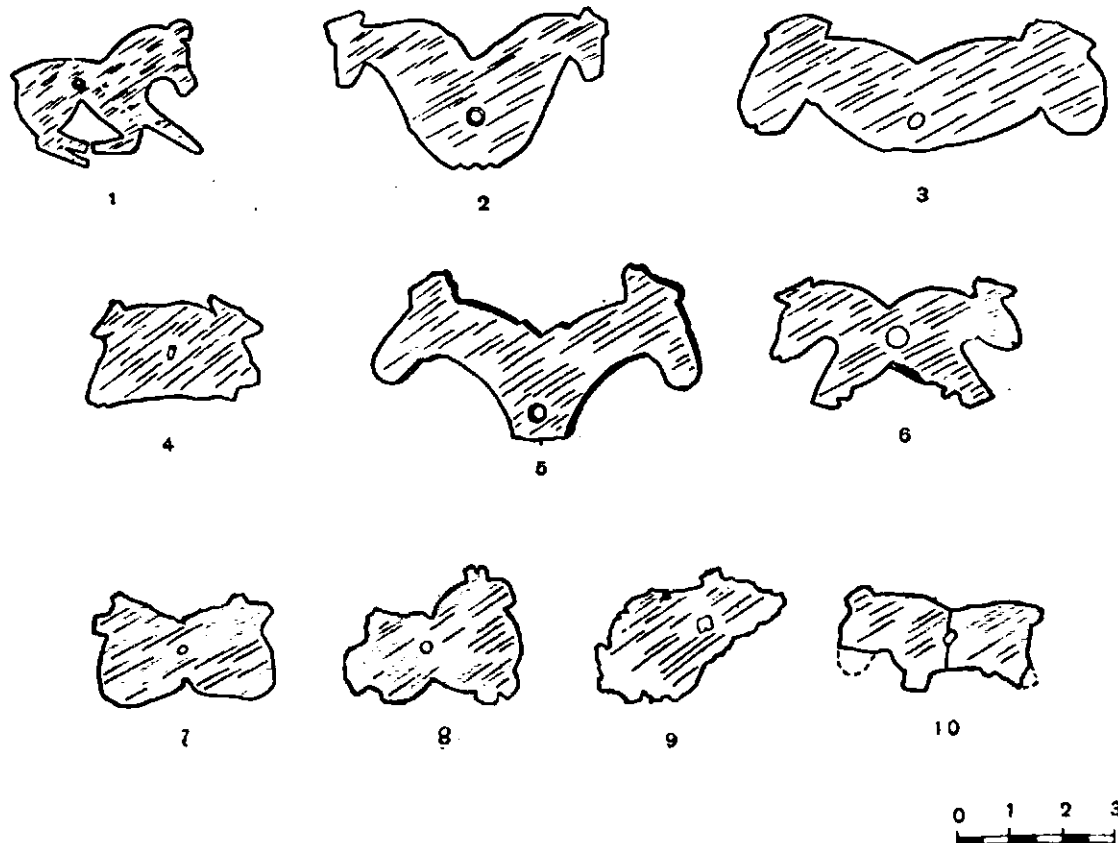

Рис. 48. Бронзовые амулеты Сырского этапа (из склепа № 1 Сырского чаа-таса)

ботку старый тагарский образ *грифа*. Найдена бронзовая пластинка, на которой в низком рельефе даны две головки грифов, смотрящих в разные стороны. Каждая из них накрыта крылом, а посредине между ними расположена круглая выпуклость с углублением в центре (рис. 43—2)⁴. С. В. Киселев видит в этой композиции сцену борьбы грифа с оленем, переданную в высокой степени условности: крыло трактуется в то же время и как рог оленя, глаз которого — центральная выпуклость⁴.

нились, но реставрировать их невозможно. Наиболее близкую аналогию дает гуннское искусство. Известна деревянная плакетка из Дэрестуйского могильника, покрытая листовым золотом, с изображением хищной птицы, терзающей аргали. Хвост этой птицы также передан двумя округлостями, в которые вписаны круги, означающие перья⁶.

Таким образом, в сырское время еще продолжали сохраняться, уже в пережиточном виде, характерные для гунно-сарматского искусства сцены борьбы животных. Встречаются также головки

¹ Г. П. Сосновский Я. Раскопки Ильмовой пати, стр. 65.

² Колмаковский всадник — В. П. Левашева. Из далекого прошлого южной части Красноярского края. Красноярск, 1939, табл. XVI, рис. 14. Утинский всадник — А. М. Тайлген. Collection Tovostine. Helsingfors, 1917, t. IX, рис. 10.

³ Уйбат I, склеп № 8 — ДИЮС, табл. XXXVIII, рис. 4.

⁴ ДИЮС, стр. 443.

⁵ Уйбат I, склеп № 8 — см. ДИЮС, табл. XXXVIII, рис. 8.

⁶ Г. П. Сосновский Дэрестуйский могильник. ПИДО. 1935, № 1—2, стр. 173, рис. 5.

ушастых графов, сделанные из срезанной боковинки бараньих астрагалов (рис. 43—1) ¹.

Наибольшее развитие на этом этапе получила *деревянная скульптура*. В сырских склепах часто встречаются статуэтки и статуи (к сожалению, чаще всего в обломках) баранов, лошадей, крупного рогатого скота, северных оленей и, наконец, людей. Скульптура эта полностью реалистична, так же как и в изыхское время. Она уже не опирается на традиции тагарского искусства, но безусловно отражает новые художественные связи с искусством Китая эпохи Хань. Проявлением этого является, очевидно, и само ее появление. По-прежнему встречаются *статуэтки баранов*, но это уже не лежащие, а прямо стоящие животные ².

Особенно много найдено фрагментов *конских статуэток*. В склепе № 7 Уйбатского чаа-таса сохранилась обугленная часть морды ³. В склепе № 8 — части от 2—3 статуэток коня: фрагмент головы, сильно обугленное туловище с вырезанными пазами для вставления шипов приставных ног (длина 26,6 см) и обломки семи ног, сохранившихся в разных частях — то в верхней с вырезанным шипом, то в средней, то в нижней вместе с тщательно вырезанным копытом (рис. 43—8).

Судя по сохранившимся фрагментам, статуэтки эти имели различные размеры, но не очень большие. Наибольшая длина таких статуэток достигала 30 см. Все они очень реалистично передавали фигуру стоящего коня. С. В. Киселев отметил одну важную особенность их. По фрагментам ног видно, что кони изображались стоящими на трех ногах, так как передняя правая нога поднята и вытянута вперед. Он совершенно справедливо указывает аналогию среди китайских погребальных статуэток коней, происходящих из ханьских погребений, где есть совершенно аналогичные терракотовые статуэтки коней с вытянутой вперед ногой, которой они как бы бьют в нетерпении о землю ⁴.

В склепе № 8 Уйбата оказались две ноги *статуэток крупного рогатого скота*, быть может быков. Одна передняя нога сохранилась целиком. Это короткая толстая нога с типичным бычьим раздвоенным копытом. Сверху она имеет маленький острый шипик для присоединения ноги к отдельно вырезанному туловищу (рис. 43—6) ⁵. Вторая нога, от другой статуэтки, вырезана более тщательно и имеет не только вырез парного копыта спереди, но и вырез, отмечающий задние копыта. Судя по резкой отогнутости копыта от верхней части ноги, и эта статуэтка парнокопытного животного имела поднятую переднюю ногу, т. е. быки несомненно изображались в той же позе, что и лошади (рис. 43—7) ⁶.

В сырское время существовали не только ста-

туэтки, но и крупные деревянные статуи. Статуэтки найдены в склепах Уйбатского чаа-таса, а статуи в склепе № 1 Сырского чаа-таса. Отличия, очевидно, объясняются тем, что памятники эти принадлежат разным племенам, жившим и хозяйничавшим на разных территориях. Но стилистические особенности и реализм тех и других едины.

В склепе № 1 Сырского чаа-таса нами найдены обугленные части шести статуй коней, случайно уцелевшие от огня при окончательном сожжении бревенчатой камеры склепа. Это главным образом конские ноги и их фрагменты ⁷.

Так, например, обнаружена целая передняя нога статуи лошади (рис. 50—1). Она имеет копыто, вырез сзади, обозначающий щетку, и сверху шип для вставления в туловище статуи. Хорошо сохранилась, что важно, красная краска, покрывавшая всю ногу. Длина ноги без шипа 22,5 см. Отсюда следует, как убедимся ниже на примере оленьих статуй, что высота всей статуи коня была около 45 см, при длине в 65 см. Это уже не статуэтка типа найденных в таштыкских склепах Уйбата ⁸.

Ценнейшей находкой являются две уникальные *статуи верховых оленей* — древнейшее доказательство оленеводства ⁹. Оленьи статуи, за исключением ног, вырезаны из целых обрубков кедра. Ноги же вырезаны из отдельных кусков дерева и имеют сверху шипы, которые вставлялись в выдолбленные пазы в туловищах статуй. Олени вырезаны очень искусно, с передачей всех характерных черт, присущих северному оленю (*Rangifer tarandus sibiricus*). Животные имеют ноги с парными копытцами, на которых показаны также по паре задних копытцев, характерный зад, отвисший показанный резбой подгрудок и типичные оленьи головы (рис. 49). Самые кончики морд (губы), к сожалению, не сохранились ни у одной из статуй, но все остальное, несмотря на полную обугленность, сохранилось довольно хорошо. Отсутствуют уши, рога и хвосты, так как они были вставными и обгорели, но для них есть маленькие выдолбленные четырехугольные отверстия ¹⁰. Самым значительным является то, что на мордах оленей вырезаны узды с набором круглых бляшек, что с несомненностью доказывает их одомашненность и транспортное назначение под верховую езду. Сохранность статуй настолько хорошая, что сохранилась, несмотря на полное обугливание, яркая красная краска, которой были окрашены обе фигуры животных (вероятно, киноварь). Поверхность статуй перед покраской была хорошо заполирована. Длина статуй: самца (рис. 49—1) — 66 см, самки (рис. 49—2) — 64 см. Высота (соответственно) — 46 и 45 см. Длина ног — 21,5; 22 см (без шипов).

¹ Уйбат I, склеп № 8 — хран. в ГИМ, инв. 79956.

² Уйбат I, склеп № 1 — хран. в ГИМ (неопубликована).

³ Хран. в ГИМ, инв. 79956, № 2044.

⁴ ДИЮС, стр. 442 и табл. XXXVI, рис. 8—9.

⁵ Хран. в ГИМ, инв. 79956, № 455.

⁶ Хран. в ГИМ.

⁷ Л. Р. Кызласов. Сырский чаа-тас. СА, т. XXIV, стр. 229, рис. 29—1, 2.

⁸ ДИЮС, стр. 441—442 и табл. XXXVI на стр. 425, рис. 9.

⁹ Л. Р. Кызласов. Древнейшее свидетельство об оленеводстве. СЭ, 1952, № 2, стр. 39—49.

¹⁰ Рога и уши были, вероятно, кожаными, а хвост — из меха, так как в отверстиях сохранились обгоревшие частички, напоминающие пережженную кожу.

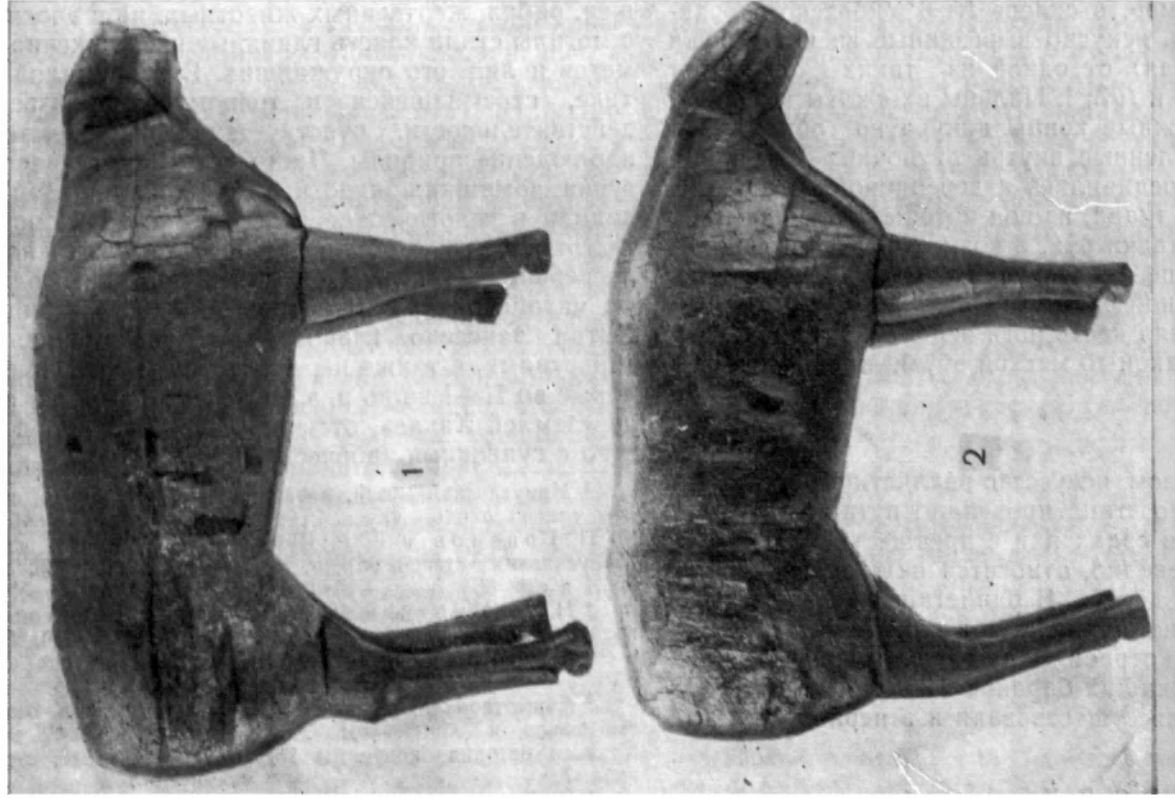

Рис. 49. Статуи домашних оленей из селена № 1 Сыржого чаа-таса: 1 — олень-бык, 2 — важенка

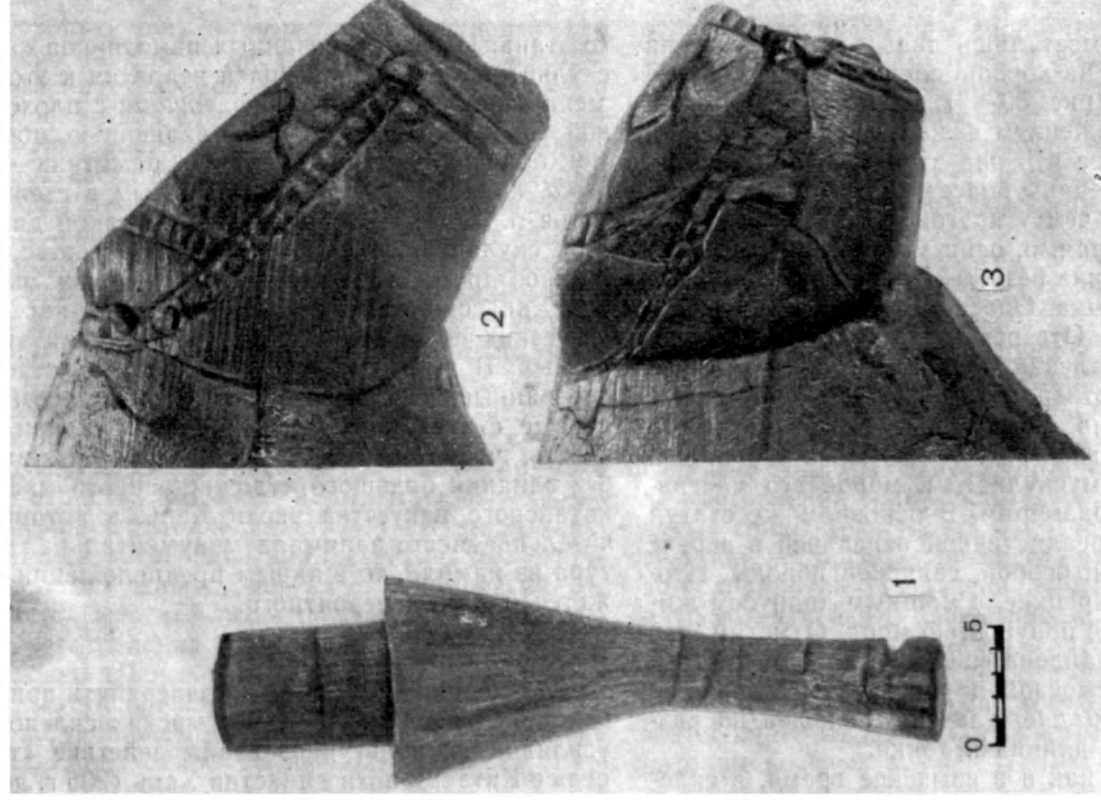

Рис. 50. Деревянные скульптуры Сыржого чаа-таса: 1 — нога статуи лошади, 2 — голова важенки в узде, 3 — голова олень-быка в узде (из селена № 1 Сыржого чаа-таса)

Одна статуя имеет лишь два отверстия для ушей, а для рогов на хорошо сохранившейся голове ее отверстий нет (рис. 50—2). Поэтому мы считаем эту статую изображением важеньки, самки северного оленя, тем более что она чуть меньше в размерах, формы ее переданы более облегченными и морда уже и меньше, чем у другой статуи. А между тем их вырезал, видимо, один мастер, судя по всем их деталям и технике резьбы. Другая статуя — изображение оленя-быка. Она имеет отверстия и для ушей и для рогов. Отверстия эти сохранились несмотря на то, что левая половина головы сильно обгорела. Кроме отверстий, рога переданы еще особыми выступами сверху лба, обозначающими костные пеньки рогов (рис. 50—3). Бык изображен более плотным и мускулистым, морда его массивнее и больше по размерам. В основном же статуи являются высоко реалистичной передачей в дереве северных оленей, но особой, саянской, породы. Изображены рослые, крепкие, с мощным корпусом животные, с некоторой понуростью морд. Отметим, что в этом же склепе найдена еще одна нога от третьей оленьей статуи с вырезом парного копыта спереди. Нога, видимо, принадлежала еще большей по размеру статуе — она длинна и тонка.

По-прежнему, как и в изыхское время, в склепах Сырского этапа встречаются и *статуэтки, изображавшие людей*. К сожалению, сохраняются от них лишь части. Это уже не только простые деревянные скульптурки, но и сложные составные статуэтки.

Так, например, в склепе № 8 Уйбатского чаатаса оказались искусно вырезанные из кости руки (левая и правая) от одной из таких статуэток (табл. IV—106 и 107)¹. Пальцы их сжаты в кулаки, а противоположные концы аккуратно обрезаны и имеют рассверленные внутрь втулочки. Очевидно, эти руки присоединялись к деревянной статуэтке, одевавшейся в ткани, из-под которых торчали лишь костяные надставки рук, а возможно, ног и головы. В том же склепе найден обломок второй, очевидно, цельнодеревянной статуэтки. Это схематически вырезанная нижняя часть ноги человека (стопа), изображенная в какой-то мягкой обуви, напоминающей валенок².

* * *

Таким образом, искусство реалистической скульптуры Сырского этапа проделало путь значительного развития в сравнении с предшествующим временем. Это, очевидно, относится не только к искусству резьбы по дереву. В раннетащтыкское время, как уже известно, появляется и объемная *каменная скульптура*, от которой до нас дошло лишь несколько изваяний лежащих баранов. Несомненно, что каменные изваяния существовали и в период Сырско-

го этапа. Из недатированных памятников каменной скульптуры с большой долей вероятности к этому времени можно отнести *голову лошади* с плохо заметной уздой, несомненно представляющую собой обломок большой статуи³. Другой памятник — *статуя быка*, виденная Н. М. Мартяновым в степи близ устья р. Ташебы⁴. Основанием для такой датировки этих скульптур является то обстоятельство, что ни в какое другое время в археологических памятниках Хакаско-Минусинской котловины нет реалистических скульптурных воспроизведений этих животных. В сырских же склепах часто встречаются деревянные, нередко с большим искусством выполненные статуи коней и быков. А если при этом учесть, что таштыкская скульптура возникает не без влияния большого художественного мастерства китайского искусства эпохи Хань, в котором значительное место занимала монументальная скульптура из камня⁵, то в нашем предположении не окажется ничего невероятного.

* * *

То основное, что хочется подчеркнуть при анализе приведенных материалов сырских склепов — это усилившееся культурное взаимодействие «тащтыкцев» с Китаем эпохи династии Хань (206 г. до н. э. — 220 г. н. э.) не только в творчестве и некоторых формах материальной культуры, но и в погребальном обряде.

Как известно, в Китае «в древности существовал обычай захоронения с знатным покойником его жен, рабов, жертвенных животных, но с эпохи Хань в могилы стали класть глиняные изображения предметов и лиц, его окружавших. В этой малой пластике, стремившейся к точному воспроизведению действительности, чувствуется непосредственное наблюдение природы. Часто встречаются здесь фигурки домашних животных (собак, лошадей); находили и человеческие изображения»⁶. И вот почти тот же самый обряд наблюдается в склепах при погребениях таштыкской знати, которая подражала китайской аристократии. Влияние ханьского Китая занесено главным образом пришельцами гяньгунями, а также передавалось через гуннов, которые во II—I вв до н. э. даже периодически владели «землей Хакас», откуда мы наблюдаем и сходство с гуннскими творческими приемами⁷.

¹ Минусинский музей, изваяние № 18. Найдена в мелком озере около улуса Тугужекова на р. Ташебе — см. М. П. Грязнов и Е. Р. Шнейдер. Древние изваяния Минусинских степей. МЭ, т. IV, вып. 2. Л., 1929, стр. 85, XVII и стр. 86.

² Н. М. Мартянов. Изваяния и изображения животных в Минусинском крае. ИВСОРО, XII, № 4—5, 1885, и ср. М. П. Грязнов и Е. Р. Шнейдер. Ук. соч., стр. 85, XVI.

³ Существовали и изображения животных, в особенности быков и коней — см. О. Глухарева, Б. Денике. Краткая история искусства Китая. М.—Л., 1948, стр. 19 и табл. 7.

⁴ О. Глухарева, Б. Денике. Ук. соч., стр. 20.

⁵ Ср. деревянную статуэтку оленя из Ноин-Улы — С. Grever. Excavations in Northern Mongolia. Leningrad, 1932, t. 32, рис. 1; Уши и рога этого оленя также вставные.

¹ Хран. в ГИМ; С. В. Киселев ошибочно указывает, что найдена лишь одна левая рука — ДИЮС, стр. 446 и табл. XXXVIII, рис. 6.

² Хран. в ГИМ, инв. 79956, № 368.

Некоторую роль в этом несомненно сыграло пребывание на Енисее и самих китайцев, находящихся в плену у гуннов, которые в начале I в. до н. э. построили для военнопленного китайского полководца Ли-Лина, посланного гуннами управлять «землей Хакас», китайский дворец, раскопанный близ современного г. Абакана¹. Новый обряд, возникший в ханьском Китае, на Енисее попал на подготовленную почву, ибо еще во вторую стадию тагарской эпохи (IV—III вв. до н. э.) возник обычай укладывать в могилу миниатюрные модели вещей. Конечно, многое здесь оставалось совершенно самобытным и многое приняло местные формы, но суть очевидна — и в таштыкских склепах встречаются модели вещей, статуи домашних животных и, наконец, людей. Покажем хотя бы на одном примере большое сходство ханьских и таштыкских технических приемов изготовления статуй. Итак, в ханьском Китае в погребение клались глиняные статуэтки домашних животных — здесь же деревянные, что является местной особенностью. Но единство приемов изготовления и реализм в передаче фигур животных одинаковы там и тут. Например, у таштыкских статуй оленей отъемные ноги вставлялись шипами в туловище; уши, хвост и рога — также вставные. То же самое у глиняных ханьских статуй. Так, у статуэтки лошади из погребения эпохи Хань отъемные ноги, вставлявшиеся в тело на шипах; таким же приемом скреплялась голова и шея с грудью, кроме того, имеются отверстия для вставных ушей². У статуэток быков также вставные ноги, рога и уши³. Если учесть, что статуэтки эти во всех частях своих состоят из глины, то такие приемы присоединения глиняных ушей, рогов и ног к глиняному же туловищу по меньшей мере странны и мало удобны. Для деревянных же статуй таштыкской эпохи это закономерно. Возможно, здесь мы видим обратное влияние творческих приемов племен Центральной Азии и Южной Сибири на скульптуру ханьского Китая, среди которой появляются также и деревянные статуэтки. Вместе с тем, развивая старые местные традиции, население Хакасско-Минусинской котловины в таштыкскую эпоху создавало новые формы самобытной аборигенной культуры в самых разнообразных ее проявлениях.

Таким образом, совершенно очевидно, что статуи животных из таштыкских склепов специально изготавливались для погребального обряда, чтобы заменять собой для упокоившейся знати в загробном мире живых, реально существовавших в действительности животных⁴. Исходя из этих задач,

¹ Л. А. Евтюхова и В. П. Левашева. Раскопки китайского дома близ Абакана. КСИИМК, вып. XII, 1946, стр. 72—84; Л. А. Евтюхова. Развалины дворца в «земле Хагас». КСИИМК, вып. XXI и ср. ДИОС, стр. 479 сл.

² A. Salmony. Chinesische Plastik. Berlin, 1925, стр. 16, рис. 13; ср. Revue des arts asiatiques, t. X, N 3, t. 50, a.

³ Там же, стр. 16.

⁴ Красной краской, которой окрашены все статуи, очевидно, старались подчеркнуть «жизнеспособность» вырезанных из дерева животных. Известно из многочисленных археолого-этнографических примеров, что красный цвет — цвет жизни в разные времена и у разных народов.

художники-скульпторы, творцы этих статуй, стремились к жизненной правде, к реалистическому воспроизведению в дереве привычных и хорошо знакомых для них самих объектов. Так как в склепе № 1 Сырского чаа-таса были погребены, очевидно, представители знати как степняков-скотоводов, так и таежников, то для первых вырезались статуи коней, для вторых — оленей.

* * *

Хорошим доказательством усиления связей с Китаем в сырское время служат находки остатков деревянных частей зонтов китайского типа, которых нет в раннетащтыкских склепах⁵. Сохраняются главным образом центральные втулки с пазами для вставления спиц, обломки обручей и сами изогнутые спицы (рис. 42—2, 3). Последние встречаются также в других склепах, где втулки почему-либо не сохранились. Назначение зонтов может быть понято из китайского церемониала, где с давних времен зонты служили знаком власти и, в зависимости от отделки и украшений, по зонту определялся ранг того или иного должностного лица. Такие зонты дарились китайскими императорами предводителям кочевых племен Центральной Азии, когда те вступали в союзнические отношения с Китаем. Ханьские династийные хроники часто упоминают о подарках гуннским шаньюям, в состав которых почти всегда входили церемониальные зонты. И действительно, такие китайские, покрытые черным лаком, зонты с бронзовыми втулками, украшенными лепестковыми розетками, которые надевались на концы спиц, найдены в могилах китаизированной гуннской знати I в. н. э. в Ноин-Ула⁶. Такие собственно китайские зонты попадали и на Енисей, ибо там встречаются в числе случайных находок совершенно аналогичные бронзовые втулки с лепестковыми розетками и крючками для закрепления натягивающейся на зонт ткани⁷. Таштыкская общественная верхушка, перенимая церемониал у китайцев, пыталась отличаться от рядовых соплеменников и зонтами, которые изготавливались на месте по образцу китайских. Остатки этих, иногда довольно грубых, зонтов были найдены при наиболее богатых погребениях сырских склепов.

* * *

При рассмотрении инвентаря раннетащтыкских памятников определилась датировка Изыхского этапа (с середины I в. до н. э. по середину I в. н. э.). Сырский этап, являясь новой ступенью развития эпохи, складывается соответственно в середине I в. н. э. Это подтверждено приведенными выше дати-

⁵ Уйбат I, склеп № 8 и № 11 (всего 3 экз.) — см. ДИОС, табл. XXXVI, рис. 11—13; Сыры, склеп № 1 (2 экз.).

⁶ Гос. Эрмитаж, отдел Востока, шифр МР

⁷ A. M. Tallgren. Trouvailles isolées sibériennes. SMYA, XXIX. Helsingfors, 1921, Pl. 1—9.

рующими аналогиями, из которых важнейшими являются следующие:

- а) Предметы, имеющие точные гуннские параллели:
 - полушарные золотые бляшки («пистоны») — I в.;
 - костяные туалетные «лопаточки» — I в.;
 - псалы — I в.;
 - фигурка бегущей лошади — I в.;
 - лировидная пряжка с подвижным язычком — I в.;
 - косы — I в.;
 - деревянная скульптура (прямо стоящие животные) — I в.;
 - зонты — I в.;
- б) Аналогии в сарматском мире:
 - лировидная железная пряжка с подвижным язычком — I—II вв.;
 - бронзовые пряжки без шитков с подвижными язычками — I—II вв.;
 - некоторые формы глиняной посуды (кружки с округлыми ручками и т. д.) — I—II вв.

Датирующее значение, вероятно, имеют и некоторые орнаменты на деревянных плакетках (например, «шашечный»), встречающиеся постоянно на ханьских каменных сооружениях I—II вв. Вместе с тем следует отметить, что железные цепочки с восьмеркообразными звеньями появляются на Верхней Оби во II в.

Все эти факты не оставляют сомнения, что Сырский этап относится ко времени I—II вв. н. э.

Что касается уточнения датировок отдельных склепов, то в настоящее время возможно выделить лишь два поздних памятника. Это склеп «на увале» у д. Сарагаш и склеп № 1 Сырского чаа-таса, которые по типу устройства занимают промежуточное место между IV и V (поздним) типами. Их мы отметили как самую позднюю вариацию IV типа. Такое обособление подтверждает и инвентарь. Это проявляется, например, уже в полном отсутствии в склепе № 1 Сырского чаа-таса бронзовых ранних пряжек со шпеньком I типа, которые все еще встречаются во всех других сырских склепах². Эти обстоятельства заставляют относить указанные два склепа ко II в.

УЙБАТСКИЙ ЭТАП

Рассмотрим материалы последнего этапа, в продолжение которого еще сооружались таштыкские склепы. Название ему дано по Уйбатскому чаа-тасу, где раскопано наибольшее количество склепов этого времени, правда, сильно разграбленных.

К Уйбатскому этапу относятся следующие склепы:

а) *левобережные* — № 1 Изыхского чаа-таса, № 2 Сырского чаа-таса, № 2, 3, 4, 9 Уйбатского чаа-таса. Примечательно, что последние на чаа-тасе, за исключением склепа № 9, были расположены в одной цепочке друг за другом. Это, вероятно, подтверждает их одновременность. То же самое можно сказать и о склепах Сырского этапа № 1, 7 и 8. В изыхское время таких закономерностей еще не было, и склепы этого чаа-таса, относящиеся к раннеташтыкскому этапу, расположены беспорядочно¹.

Все левобережные склепы Уйбатского этапа по своей конструкции относятся к выделенному нами V типу, что резко обособляет эту группу от всех предшествующих склепов, ибо V тип погребальных камер в изыхское и сырское время неизвестен;

б) *правобережные* — № 5 и 6 в логе Джесос (долина р. Тубы), раскопанные Адриановым в 1894 г., и Большой курган у с. Быстрая (Левашева, 1938).

Склепы под к. № 5 и 6 лога Джесос по конст-

руктивным особенностям относятся к II типу правобережных склепов, чем резко отличаются от предшествующих правобережных Изыхского и Сырского этапов, которые все относились к I типу.

Особняком в этом отношении стоит склеп под большим каменным курганом у с. Быстрая, ибо он является самым поздним из склепов и по устройству представляет собой переходную форму к погребениям следующего этапа, отмеченным на поверхности земли каменными выкладками.

В склепах по-прежнему находятся только кучки пережженных костей от трупосожжений, сошедших на стороне. Их также укладывали в траву, снабжали необходимым инвентарем, пищей в сосудах и масками³.

В склепе № 1 Изыхского чаа-таса под бревном одной из стен оказался берестяной короб (урна четырехугольной формы), наполненный белыми обломками пережженных костей. Короб этот имел размеры 0,5×0,2×0,15 м. Он был выкроен из одной пластины бересты и затем сшит в углах. Склепы перед окончательным закрытием по-прежнему поджигались изнутри, но не всегда⁴.

² В склепе «на увале» у д. Сарагаш, по указанию С. А. Теплоухова, найдены лишь маски и трупосожжения без инвентаря.

³ Изых, склеп № 1 (остатки 5 экз. масок и около 135 трупосожжений); Уйбат I, склепы № 2 (3 экз.), № 3 (6 экз.). Во всех остальных склепах этапа масок не обнаружено, кроме склепа у с. Быстрая, 1938 (22 маски на 34 трупосожжения).

⁴ Совершенно не были подожжены склеп № 1 Изыхского чаа-таса и № 2 Сырского чаа-таса.

¹ См. план Уйбатского чаа-таса у Л. А. Евтюховой. Археологические памятники енисейских кыргызов (хакасов). Абакан, 1948, стр. 19, рис. 19.

ИНВЕНТАРЬ

Посуда этого времени претерпела значительные изменения в сравнении с Сырским этапом (см. табл. II). Произошло дальнейшее сильное сокращение типов глиняных сосудов. В склепах Уйбатского этапа совсем не встречаются более характерные для сырского времени сосуды типов: кубковидный III (4), рюмочный (5), блюдообразный (17), кружковидный (18), кринкообразный (20), четырехгранный (21), биконический (24) и мискообразный (25). Продолжают употребляться лишь сосуды следующих типов: котловидный (1), кубковидный I (2), кубковидный II (3), чарковидный (6), бомбовидный (7), баночный I (8), баночный II (9), кувшины (10), горшковидный I (11), бочонковидный I (13) и круглодонный (16). Вероятно, также употреблялись сосуды типов: горшковидный II (12), подвесной I (22) и подвесной II (23). Хотя они не встретились в уйбатских склепах, но наличие их как в предшествующее, так и в последующее время заставляет предполагать их существование и на Уйбатском этапе.

Несомненно продолжала употребляться *деревянная посуда*, от которой сохранилось лишь очень немногое. Что касается *миниатюрных бронзовых воспроизведений котелков*, то имеются доказательства употребления их в качестве знака власти и в это время¹ (табл. IV—176).

Из *деревянных резных украшений* по-прежнему встречаются резные *спиральки*, оклеенные золотым листком,² и *бляшки* от одежды в форме шестигранных низких пирамидок³. Других остатков одежды не найдено, за исключением *пряжек* от поясов, а также небольших обрывков кожи и простых шерстяных тканей⁴. Пряжки Уйбатского этапа принадлежат уже совершенно новым типам (см. табл. I в главе I). Совсем нет уже более типично таштыкских пряжек I типа, которые встречались часто в склепах предшествующих этапов. Нет также распространенных в сырское время бронзовых пряжек 5—7 типов и железных 8—9 типов. Все новые формы пряжек (типы 10—13 бронзовых и 14—железных) несомненно произошли от предшествующих. Все они уже отличаются появившимися щитками. Так, 10 тип трапециевидных пряжек с неподвижными шпеньками (рис. 9—6 и 7) отличается от предшествующего, тоже трапециевидного (6) типа наличием пластинчатого подвижного щитка со скошенными гранями и заклепками для закрепления ремня. 11 тип, тоже трапециевидный, имеет уже

сердцевидный щиток с железной пластинкой с обратной стороны (рис. 9—3). Бронзовые пряжки с подвижными язычками имеют уже то пластинчатые подвижные щитки со скошенными гранями и заклепками (12 тип, рис. 9—1 и табл. IV—157, 158), то сердцевидные цельноотлитые, с железными язычками (13 тип, рис. 9—2). Такие пряжки с подвижными щитками и заклепками появляются в сарматских памятниках во II—III вв.⁵ Особого внимания заслуживает бронзовая пряжка из склепа № 3 Уйбатского чаа-таса, подвижной язычок которой оформлен в виде головки лосихи с настороженными ушами, выпуклыми глазами и сильно удлиненной горбоносой мордой⁶. Сделана она очень искусно. В это время такие пряжки в других местах неизвестны, зато позднее они получили широкое распространение среди поясных наборов IV—VII вв.⁷ На Уйбатском этапе зарождаются также железные пряжки в виде четырехугольной рамки с подвижным язычком (14 тип, рис. 9—5)⁸. Эта форма стала особенно характерной для VI—X вв. Вообще надо сказать, что и бронзовые пряжки 12—13 типов особенно широко распространяются как в Сибири, так и в Восточной Европе после IV в., вплоть до VIII—X вв.⁹, но появляются они во II—III вв. Исчезают позднее только типично таштыкские формы бронзовых пряжек с неподвижными шпеньками (10 и 11 типы). Их нет уже на последнем переходном этапе таштыкской эпохи.

Новостью является появление *наременных наконечников* из бронзы и на заклепочках (рис. 9—4)¹⁰ таких же форм, какие станут постоянной принадлежностью наборных поясов VI—X вв.

Может быть, украшением какой-либо детали одежды (нагрудника?) служили до сих пор не встречавшиеся бронзовые, очень тонкие и хрупкие штампованные нашивные *бляшки*. Они имеют круглую форму и от четырех до семи выпуклостей, а также по несколько мелких отверстий для пришивания к коже, на которой они были найдены

¹ Таркинский могильник — МИА СССР, № 23. М.—Л., 1951, стр. 217, рис. 8 (2); Поволжье — P. Rau. Die Hügelgräber römischer Zeit an der unteren Wolga. Pokrowsk. 1927, рис. 86 А.

² ДИЮС, табл. XXXVII, рис. 3.

³ Из Керчи и Суук-Су — хран. в ГИМ (см. Отчет Исторического музея за XXV лет. М., 1916 стр. 75, рис. 21 и ИАК, вып. 19, СПб., 1906, табл. VIII и IX). Для времени VI—VIII вв. аналогичная по форме пряжка (подвижной язычок утрачен) известна из Копенского чаа-таса: Л. А. Евтюхова. Археологические памятники енисейских кыргызов (хакасов), стр. 35, рис. 54.

⁴ Изых, склеп № 1 (1 экз.).

⁵ ИАК, вып. 19, табл. X; Тр. СА РАНИОН, т. IV, М. 1928, стр. 451, рис. 6 и 448, рис. 1; МАР, № 25. СПб., 1901, табл. XI, рис. 9 и 12, табл. XVII, рис. 1 и 2, табл. XX, рис. 13 и 16; МИА СССР, № 28, М., 1952, стр. 119, табл. XXIV, рис. 1—4.

¹⁰ Изых, склеп № 1 (1 экз.).

¹ Уйбат I, склеп № 9 — найден обломок ручки с тремя выступами от миниатюрного бронзового котелка — хран. в ГИМ.

² Уйбат I, склеп № 2 (2 экз.) — хран. в ГИМ.

³ Там же (17 экз.) — хран. в ГИМ.

⁴ Изых, склеп № 1 и склеп у с. Быстрая — КСИИМК, вып. XXV, стр. 94.

(рис. 51—6) ¹. В отверстиях некоторых из них сохранились тонкие шерстяные нитки. К одежде же, возможно, относятся бронзовая полушарная *бляшка* с круглым рантиком, сохранившая на выпукло-

была обтянута (рис. 52—14) ², и *колечки из бронзы* (рис. 52—7) ³. Из вещей личного обихода в одном из склепов найден деревянный *гребешок* в обломках (рис. 51—5) ⁴, единственная до сих пор наход-

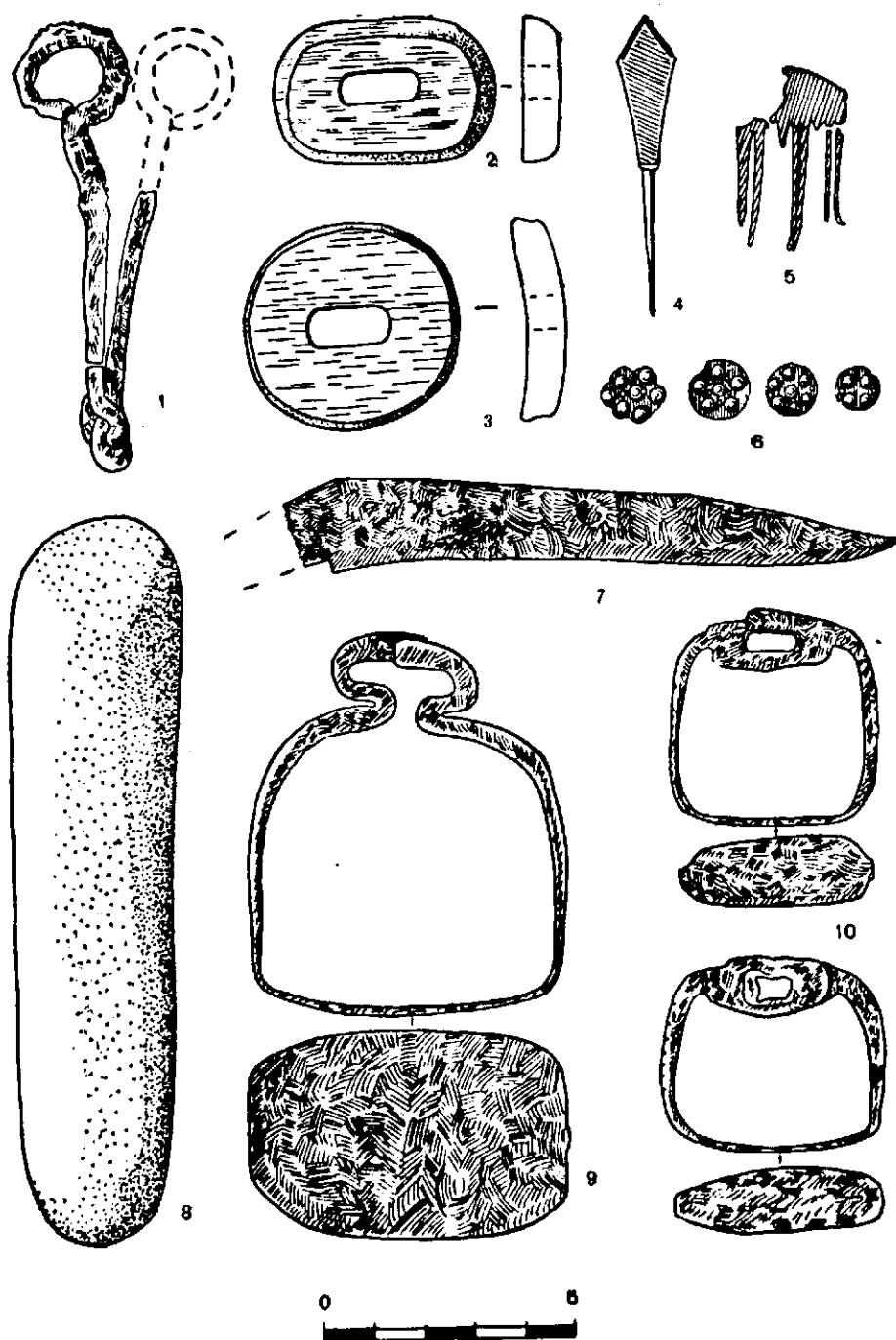

Рис. 51. Предметы Уйбатского этапа: 1, 4, 7, 9, 10 — железо; 2, 3 — кость; 5 — дерево; 6 — бронза; 8 — камень (1, 5, 6, 7, 8 — из склепа № 1 Изыхского чая-таса; 2, 3 — из склепа № 2 Уйбатского чая-таса; 4 — из к. № 5 Джесоса; 9, 10 — случайные находки из Гос. Эрмитажа)

сти два слоя тонкой кожи, которой она, очевидно,

ка гребня в таштыкских погребениях. Отметим так-

¹ Изых, склеп № 1 (свыше 23 экз.). Найдены расположенными подковообразно, сохраняя форму кожаной вещи (нагрудника?), которую они собой украшали.

² Изых, склеп № 1 (1 экз.).

³ Изых, склеп № 1 (1 экз.) и Быстрянский склеп (1 экз.) — КСИИМК. вып. XXV, стр. 95, рис. 36 (2).

⁴ Изых, № 1 (1 экз.).

же бронзовую *привеску* в форме ковшичка (?) со сквозным отверстием (рис. 52—4)¹ и бронзовое же «колесико» с четырьмя спицами, на стыках которых с одной стороны возвышаются четырехгранные со скругленными концами шипики (рис. 52—12)².

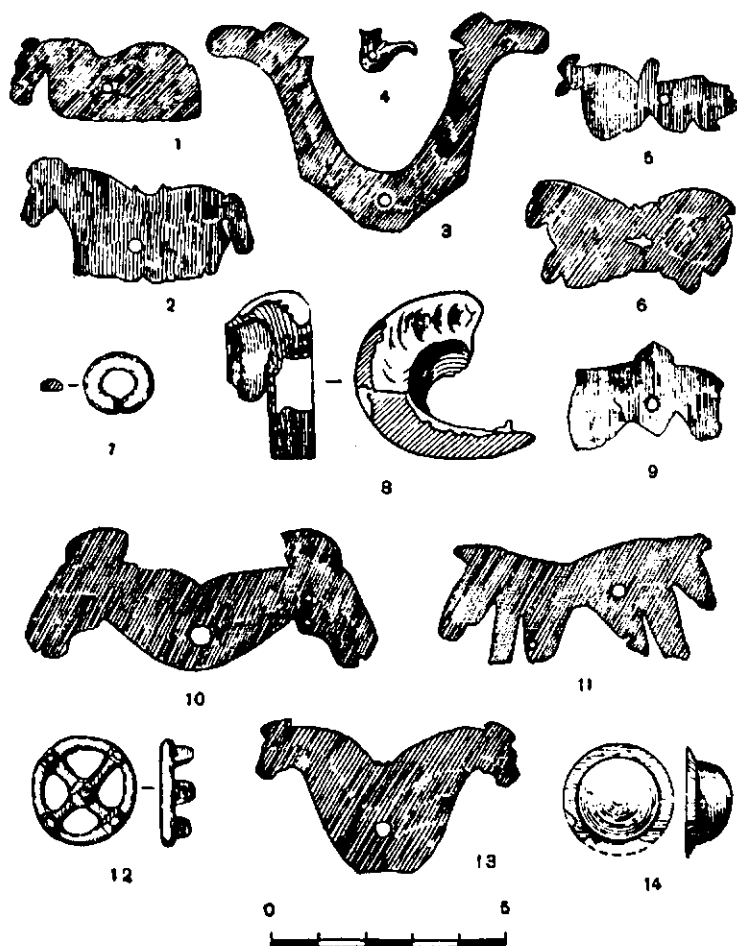

Рис. 52. Предметы Уйбатского этапа: 1—7, 9—14 — бронза, 8 — дерево и золото (1—10 и 12—14 — из склепа № 1 Изыхского чаа-таса, 11 — из склепа № 9 Уйбатского чаа-таса)

По-прежнему в склепах встречаются обрывки листов плющеного золота, которыми оклеивались разнообразные, главным образом деревянные, вещи.

Оружие представлено *древками стрел*, иногда оклеенными золотыми листками³. Очень редкой находкой является железный черешковый *наконечник стрелы*. Он имеет плоское, вытянуто-ромбическое острие, отделенное от черешка уступом (рис. 51—4)⁴. Близкие по времени аналогии этому наконечнику неизвестны. В числе случайных находок из Минусинской котловины подобные по форме и размерам железные наконечники стрел встречаются в больших количествах в любом музейном со-

брании⁵. В более позднее время такие наконечники распространены очень широко, а на Енисее они доживают вплоть до IX—X вв. (Тюхтатский клад)⁶. Эта находка позволяет, очевидно, отметить зарождение наконечников подобного типа к III в.

В уйбатских склепах, как и в предшествующее время, находят миниатюрные *железные крючки* от колчанов, той же устойчивой формы с поперечной перекладкой сверху⁷. Но вместе с тем найден уже крючок отличной формы с сердцевидным расширением на конце, нормальных размеров (табл. IV—166)⁸. В одном из склепов найдены *костяные округлые блоки* с четырехугольными отверстиями, заполированные с одной, несколько выпуклой стороны (рис. 51—2, 3)⁹. По форме они напоминают дальневосточные (Корея, Япония) эфесы мечей и кинжалов и, возможно, предназначались для той же цели. В таком случае таштыкские поздние мечи и кинжалы должны были иметь узкий черешок подобно найденным на жертвенном месте у д. Ишимки (р. Чулым)¹⁰. Здесь же отметим находки *железных черешковых ножей* характерной таштыкской формы с изогнутой спинкой и черешком, расположенным под углом к лезвию¹¹. На черешке одного из них сохранилась бронзовая втулка с заклепкой от деревянного черенка¹². Другой нож, сильно окисленный, был заключен в деревянные ножны, оклеенные листовым золотом¹³. Наиболее интересен третий нож, тяжелый с толстой спинкой, круто изогнутой у начала черешка. Своей формой он сильно напоминает еще карасукские тяжелые коленчатые ножи (рис. 51—7)¹⁴. Распространенность подобной формы ножей в таштыкскую эпоху хорошо объясняет теперь «необычную» форму коленчатого однолезвийного кинжала, найденного в одном из каменных курганов Уйбатского чаа-таса (VI—VIII вв.)¹⁵. В этом, несомненно, надо видеть еще одно свидетельство генетического происхождения древнехакасской культуры от таштыкской.

По-прежнему в склепах встречаются *точильные камни* из гальки и нередко без всяких отверстий¹⁶, так как они носились, очевидно, в чехлах подвязанными к поясу, как это имеет место, например, у хантов, оселки которых, кстати, совершенно сходны по форме с таштыкскими (рис. 51—8)¹⁷.

⁵ См., например, Гос. Эрмитаж ОИПК, кол. 325—58.

⁶ Л. А. Евтюхова. Археологические памятники енисейских кыргызов (хакасов), стр. 68, рис. 118.

⁷ Уйбат I, склеп № 2 (1 экз.); Изых, склеп № 1 (1 экз.).

⁸ Уйбат I, склеп № 2 (1 экз.) — хран. в ГИМ.

⁹ Уйбат I, склеп № 2 (2 экз.) — хран. в ГИМ.

¹⁰ А. Ермолаев. Ишимская коллекция. Красноярск, 1914, табл. I, рис. 1 и 11.

¹¹ Изых, склеп № 1 (3 экз.).

¹² Изых, склеп № 1.

¹³ Изых, склеп № 1.

¹⁴ Изых, склеп № 1.

¹⁵ Л. А. Евтюхова. Археологические памятники енисейских кыргызов (хакасов), стр. 24, рис. 30; ДИЮС, табл. 53, рис. 1.

¹⁶ Изых, склеп № 1 (2 экз.).

¹⁷ У. Д. Сирелнус. Домашние ремесла остяков и вогулов. Ежегодник Тобольского музея, вып. XV, Тобольск, 1906, стр. 69, рис. 107.

¹ Изых, склеп № 1 (1 экз.).

² Изых, склеп № 1 (1 экз.).

³ Уйбат I, склепы № 2 и 3.

⁴ Джесос, к. № 5 (1 экз.) — ОАК за 1894 г., стр. 108, рис. 179. В том же склепе найдены: сердцевидный бронзовый щиток от пряжки, два амулета с парными головками коней, кувшины (ОАК за 1894 г., стр. 107, рис. 178) и баночный сосуд.

Из частей конской сбруи в склепах Уйбатского этапа по-прежнему встречаются железные *миниатюрные удила* — все, что остается от миниатюрных *уздек*¹. Они сохраняют ту же традиционную двухсоставную форму (рис. 51—1).

К этому времени, очевидно, следует относить и начало первого применения металлических стремян при верховой езде. Это можно предположить по большому количеству железных миниатюрных стремян, случайно найденных на территории Хакасско-Минусинской котловины. Так как миниатюрные модели вещей не встречаются более ни в погребениях переходного этапа, ни в последующее время, то миниатюрные стремяна следует относить, самое позднее, к Уйбатскому этапу. Таким образом, таштыкские стремяна — древнейшее из известных².

Среди них имеются два типа. Первый из них ясно отражает первую попытку найти подходящую форму. Это четырехугольное стремя с узким подножьем, с насечками на боковых стерженьках и четырехугольным отверстием для привязывания ремня, образованным между расклепанными загнутыми концами стерженьков. Пара таких миниатюрных стремян коллекции Лопатина, несомненно, вышла из рук одного мастера и происходит из одного места (с. Батени). Возможно предположить, что они найдены в каком-нибудь разрушенном склепе (рис. 51—10)³. Это, может быть, самая ранняя форма стремян вообще, так как подобных форм нет среди всех известных более поздних стремян. Второй тип миниатюрных стремян представляет собой уже найденную форму, широко распространившуюся после VI в. Это стремя имеет вид восьмерки, так как верхняя петля выгнута из боковых стерженьков (рис. 51—9)⁴.

Появление стремян в столь раннее время было вызвано появлением нового типа седла с жесткой основой и цельной жесткой лукой арочного типа⁵. Берестяная обкладка такой луки, как уже указывалось, найдена в одном из склепов Сырского этапа⁶.

Общезвестно, что появление жесткого седла с высокой передней лукой арочного типа было вызва-

но сменой вооружения на рубеже скифского и сарматского времени на широких просторах между реками Волгой и Енисеем, когда на смену легкому луку и короткому мечу пришли длинные копья и мечи, требующие прочной посадки всадника. Стремена были последней необходимой деталью в новом конском снаряжении тяжело вооруженного воина-всадника и поэтому появление их в III в. н. э. на Енисее не является неожиданностью.

Продолжают употребляться и бронзовые пластинчатые *амулеты* с парными конскими головками, по-прежнему изготавливавшиеся индивидуально и потому очень разнообразными по форме (рис. 52—3, 10, 11, 13)⁷. Сохраняются и амулеты с парными головками, имеющие в добавление по паре передних ног (рис. 52—11)⁸. В отверстиях некоторых амулетов сохранились крученые шерстяные шнурки, на которых они подвешивались, но встретились также и лежащие на досках кожи, вероятно, первоначально нашитые на какие-то части костюма. Среди силуэтных фигурок коней⁹ нашлись образцы, не встречавшиеся в предшествующее время. Это фигурки с изображением седла с двумя жесткими луками (рис. 52—2, 6), или же коньки со схематично изображенными всадниками (рис. 52—5, 9). Если вспомнить, что позднее в искусстве VI—X вв. становятся особенно характерными односторонние бронзовые бляшки, изображающие всадников, то, очевидно, следует отнести зарождение этого сюжета еще к Уйбатскому этапу таштыкской эпохи¹⁰.

В это время продолжали развиваться и реалистические традиции *деревянной скульптуры*. К сожалению, целых статуэток животных в известных ныне склепах Уйбатского этапа до нас не дошло, но они, несомненно, были, во всяком случае — статуэтки баранов, существовавшие на всем протяжении эпохи. В этом убеждает сохранившийся в склепе № 1 Изыхского чаа-таса рог деревянной статуэтки барана с характерными вырезанными на нем кольцами (рис. 52—8). Рог был оклеен золотым листком и, судя по значительному количеству обрывков плющеного золота, найденных возле него, золотом была оклеена некогда вся статуэтка. Сравнительно большие размеры рога позволяют заключить, что эта статуэтка имела гораздо большую величину, чем небольшие статуэтки баранов из склепов Изыхского и Сырского этапов.

Такая непрерывная традиция скульптурных изображений барана, существовавшая в таштык-

¹ Изых, склеп № 1 (обломки 25 экз.); Уйбат I, склеп № 2 (1 экз.), № 3 (1 экз.), № 9 (1 экз.).

² На это уже указал С. В. Киселев — ДИЮС, стр. 516—518; очевидно стремяна появились уже в сырское время, так как в экспозиции Минусинского музея с материалами из склепа № 6 Уйбатского чаа-таса, раскопанного В. П. Левашевой, выставлены два подножия от железных миниатюрных стремян.

³ Гос. Эрмитаж, собрание Лопатина, кол. 5531—1818/1—2.

⁴ Гос. Эрмитаж, собрание Лопатина, кол. 5531—1817/1—2; в Минусинском музее хранится 11 экз. № 6374—6378, 6809—6810, 6827—6828, 7052 и 8290.

⁵ Появление этого типа седел лучше всего фиксируется по находкам в алтайских курганах эпохи Пазырык-Шибэ (Пазырыкские курганы № 3, 4, 5, 6; Башадар, Каракол, Шибэ).

⁶ ДИЮС, табл. XXXVI, рис. 1 (склеп № 1 Уйбатского чаа-таса).

⁷ Изых, склеп № 1 (41 экз.); Уйбат I, склеп № 2 (2 экз.), № 3 (2 экз.), № 9 (5 экз.); Джесос, к. № 5 (2 экз.), к. № 6 (2 экз.); склеп у с. Быстрая (1 экз.) — КСИИМК, вып. XXV, стр. 95, рис. 36(3).

⁸ Уйбат I, склеп № 9 (1 экз.).

⁹ Изых, склеп № 1 (6 экз.).

¹⁰ Колмаковский всадник — В. П. Левашева. Из далекого прошлого южной части Красноярского края, табл. XVI, рис. 14; Л. А. Евтюхова. Ук. соч., стр. 107, рис. 194; *Копенские всадники* — Л. А. Евтюхова и С. В. Киселев. Чаа-тас у с. Копены. Тр. ГИМ, вып. XI. М., 1940, рис. 54 и табл. VII—VIII; *Утинский всадник* — А. М. Tallgren. Collection Tovostine, t. 9, рис. 10.

скую эпоху, хорошо объясняет известные деревянные статуэтки баранов¹, также оклеенные золотом (головы), серебром или бронзой (туловища) из

погребений VI—VIII вв. Несомненно, здесь сказана прямая генетическая связь древнехакасских обрядовых скульптур с таштыкскими.

АСТРАГАЛЫ И ЗНАКИ НА НИХ

Следует остановиться еще на одной группе предметов, происходящих из таштыкских склепов — астрагалах баранов. Они постоянно встречаются не только на Уйбатском этапе, но и на всех предшествующих, начиная с раннеташтыкского времени. Для получения полного представления об этих предметах целесообразно рассмотреть их совместно, а не по этапам. Дело в том, что кроме большого количества бараньих астрагалов без всяких следов обработки в таштыкских склепах часто встречаются астрагалы, являющиеся игральными костями². Они покрыты различными знаками, имеют иногда на одном конце просверленное отверстие, нередко один бок их плоско сточен. Употребление бараньих астрагалов в качестве игровых костей известно и в более ранние эпохи. В тагарских погребениях найдены совершенно сходные с таштыкскими бараньи астрагалы с отверстиями³ и плоскими заполированными боками⁴. Эти находки доказывают прямую преемственность таштыкской игры в кости от тагарской. Как сказано, многие астрагалы имеют просверленное отверстие⁵, редко два (рис. 53—1, 2), причем часто они ничем более не отмечены и в этом случае не всегда, может быть, предназначались для игры⁶. Астрагалы с плоскими боками⁷ также иногда имеют сверлины и знаки, но встречаются кости и без других признаков. Это, несомненно, игральные альчики и их передвигающие, очевидно, на боку, отчего и возникала очень сильная сточенность косточки (рис. 53—3). Кроме того, многие из них покрыты счетными и тамгообразными знаками. Наиболее простые знаки счета — зарубки по боковому краю (рис. 53—4). Число их различно — 3, 8,

10, 14 и очень часто 26⁸. Счет велся также нанесением на выпуклую «спинку» астрагала точечных ямок в количестве 26 (рис. 53—5)⁹. Иногда ямки захватывают все четыре стороны кости — 52, а в одном случае на «спинке» оказалось 52 крупных ямки, а на обороте 26 очень маленьких точек (рис. 53—6).

Как видим, часто встречается число 52 или его половина — 26, но что это означало — пока неясно. Счетными же, по-видимому, следует считать знаки в виде прямого креста¹⁰ и его усложненное видоизменение — ромб, перекрещенный прямым крестом (рис. 53—7, 8, 17, 18). Они встречаются на астрагалах из разновременных склепов, расположенных к тому же на разных территориях. Перекрещенные ромбы встречаются как в одиночку, так и в сопровождении других тамгообразных знаков¹¹. Наиболее доказательно их счетный характер раскрывается на одном из астрагалов, где на боковой поверхности четко вырезаны десять подобных знаков, причем перекрещивающиеся ромбы сгруппированы в три группы по три соединенных знака и один знак (десятый) обособлен (рис. 53—8)¹².

Следует отметить еще один знак из этой же серии — половина прямого креста (рис. 53—9)¹³. Какие цифры скрываются под этими знаками — разгадать пока трудно. Может быть, к числу счетных знаков относятся также циркульные кружки с точками в центре (рис. 53—10)¹⁴.

Наиболее интересны встречающиеся на этих костях тамгообразные знаки, являющиеся личными или семейно-родовыми тамгами. В первую группу входят скобообразные знаки. Иногда это спаренные скобы¹⁵ или же сложные трехскобчатые фигуры (рис. 53—11—15)¹⁶. Характерно, что эти знаки трижды встречаются в склепе № 8 Уйбата I и в одном случае на астрагале из склепа № 1 Уйбата II (рис. 53—12—15). Может быть, прав С. В. Киселев, предполагая, что разновидности знаков этой группы представляют собой генеалогическую эволюцию семейных или родовых тамг¹⁷. Вторая группа тамгообразных знаков в наибольшем количестве встречена на астрагалах из склепа № 11 Уйбата I. Это, во-первых, знак в виде спаренных трезубцев, обра-

¹ 2 экз. из могильника Капчалы I — В. П. Левашева. Два могильника кыргыз-хакасов. МИА СССР, № 24, М., 1952, рис. 1 (3 и 4); 1 экз. из Уйбатского чаа-таса — Л. А. Евтюхова. Археологические памятники енисейских кыргызов (хакасов), стр. 24, рис. 28.

² Часто они лежат кучками возле отдельных погребений. В кучках встречается по 5 (№ 1 Изыха), 8, 10, 14 (Изых № 2) экземпляров сразу.

³ Д. Сарагаш. Гришкин лог, м. № 23 (Теплоухов, 1923) — хран. в Гос. Эрмитаже, кол. 4128—23.

⁴ Курган «на увале» у д. Сарагаш (Теплоухов) — хран. в Гос. Эрмитаже, кол. 4129—16.

⁵ Уйбат I, склеп № 2 (2 экз.), № 8 (29 экз.), № 11 (66 экз.); Уйбат II, № 1 (2 экз.); Сыры, № 1 (3 экз.); Изых, № 1 (3 экз.), № 2 (6 экз.).

⁶ У хакасов и сейчас такие астрагалы употребляются в качестве своеобразных «держалок». В отверстие пропускается и завязывается ремешок, на конце которого висит мешочек с огнивом, трютом и кремнем. Затем кость затыкается сбоку за опояску или ремень. Хакасы используют также астрагалы и как игральные кости (казых) и вообще, обыкновенно, берегут их дома, складывая в шкатулки, ибо считается, что бараньи астрагалы приносят счастье — см. А. А. Кузнецова и П. Е. Кулаков. Минусинские и ачинские инородцы. Красноярск, 1898, стр. 125.

⁷ Уйбат I, № 2 (5 экз.), № 8 (2 экз.), № 11 (2 экз.), з. к. № 2 (3 экз.); Уйбат II, № 1 (1 экз.); Изых, № 1 (4 экз.), № 2 (20 экз.).

⁸ Уйбат I, № 8 (3 экз.), № 11 (2 экз.), з. к. № 2 (1 экз.); Уйбат II, № 1 (2 экз.); Изых, № 1 (2 экз.), № 2 (1 экз.).

⁹ Уйбат I, № 8 (3 экз.), № 11 (1 экз.); Изых, № 1 (2 экз.), № 2 (1 экз.).

¹⁰ Уйбат I, № 2 (1 экз.), № 8 (1 экз.), № 10 (1 экз.).

¹¹ Уйбат I, № 1 (1 экз.), № 11 (2 экз.); Уйбат II, № 1 (1 экз.); Изых, № 1 (1 экз.).

¹² Уйбат I, № 1 (1 экз.).

¹³ Уйбат I, № 11 (1 экз.).

¹⁴ Уйбат I, № 8 (1 экз.).

¹⁵ Уйбат I, № 8 (2 экз.); Изых, № 2 (1 экз.).

¹⁶ Уйбат I, склеп № 8 (1 экз.); Уйбат II, склеп № 1 (1 экз.). Ср. Краенел. сб., № 1, Абакан, 1956, стр. 17, рис. 1 и 3.

¹⁷ ДИЮС, стр. 462.

шенных в разные стороны, с поперечной чертой между ними, и две очень близких к нему тамги (рис. 53—18—20). Возможно, и в этой близости нужно видеть тамги сородичей. Такие совпадения знаков по отдельным склепам делают правдоподобным предположение о погребении в склепах лиц

родственных друг другу, быть может относящихся к близко родственным родам. Между тем существуют знаки, которые в близких вариантах распространены довольно широко. Это прежде всего относится к знаку в виде спаренного трезубца. Аналогичные знаки за последнее время найдены на одной из

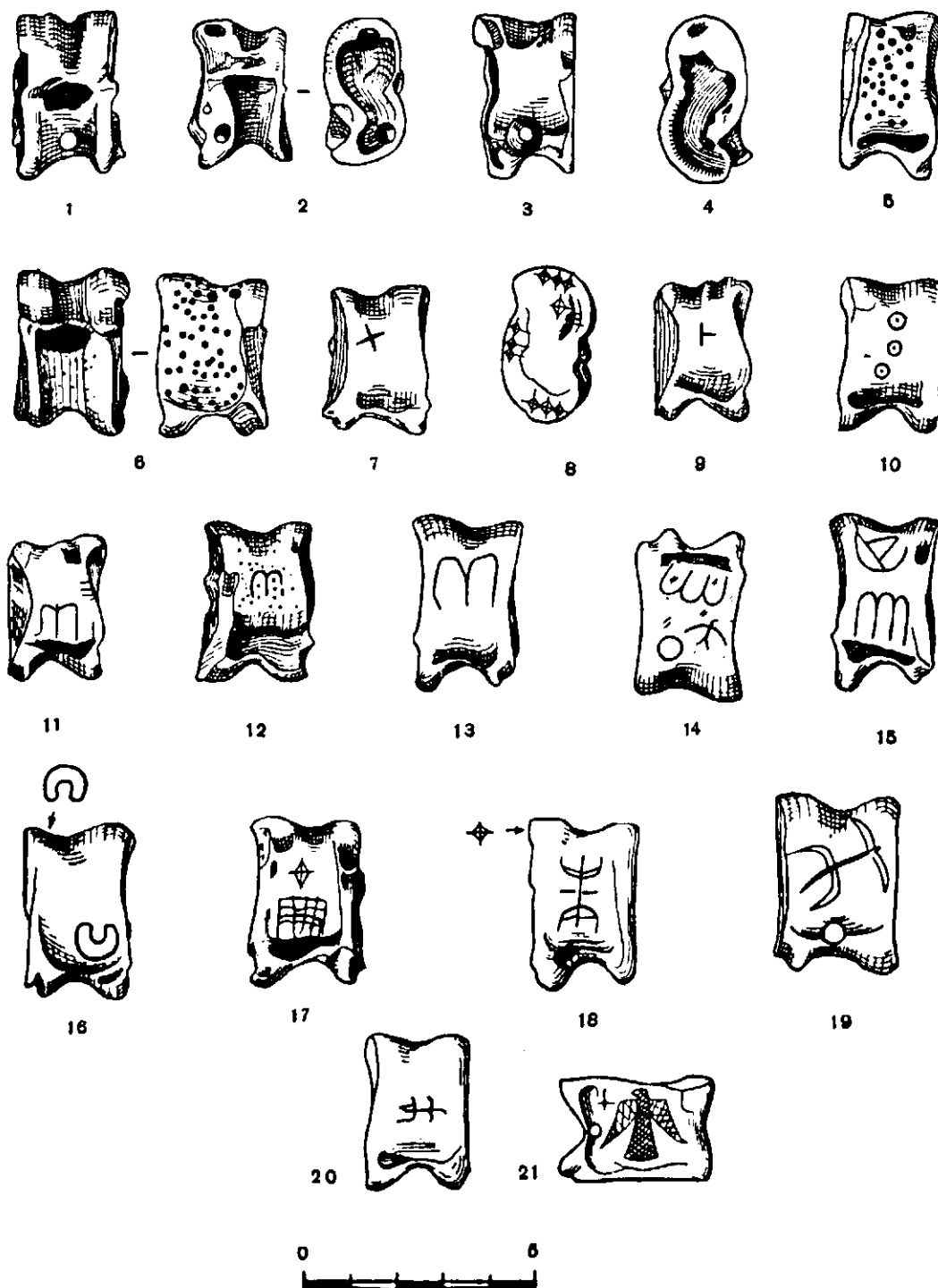

Рис. 53. Астргалы со знаками из таштыжских склепов: 2, 7, 11, 15, 16 — Изыхский этап; 1, 8—10, 12—14, 18—21 — Сырский этап; 3—6, 17 — Уйбатский этап (1 — склеп № 1 Сырского чаа-таса; 2 и 11 — склеп № 2 и 3—6, 17 — склеп № 1 Изыхского чаа-таса; из Уйбатского чаа-таса: 7 — склеп № 10; 8 — склеп № 1; 9, 18—20 — склеп № 11; 12—14, 10 и 21 — склеп № 8; 16 — склеп № 5 и 15 — из склепа № 1 Уйбата II)

вертикально установленных каменных плит Сырского чаа-таса, а также на астрагале, найденном в склепе № 1 Изыхского чаа-таса. В последнем случае

это «проросший» двухконечный трезубец (рис. 54—6), четко вырезанный на боковой сточенной плоскости астрагала. Факт находки вариан-

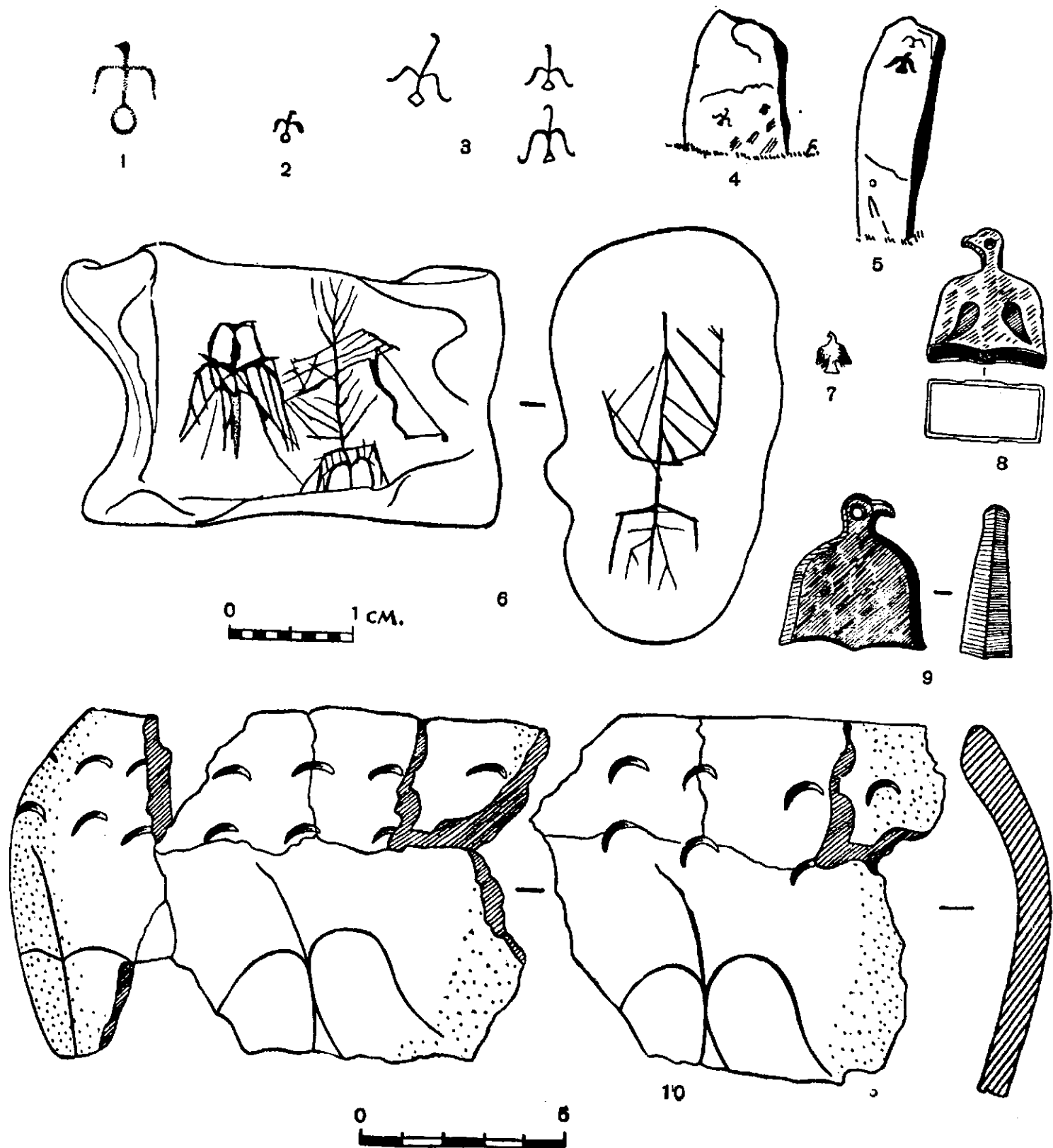

Рис. 54. Изображения птиц: 1—4 — на каменных плитах тагарских курганов, 5 — на плите кургана VI—VIII вв., 6 — астрагал барана из склепа № 1 Изыхского чаа-таса, 7 — на Сулекской писанице, 8—9 — случайные находки (бронза), 10 — птицы на баночном сосуде из грунтовой могилы Оглахтинского могильника (6 — сильно увеличено. Нижний масштаб — для рис. 9 и 10).

тов одного и того же знака в таштыкских памятниках трех удаленных друг от друга чаа-тасов свидетельствует, быть может, о том, что здесь мы имеем дело с тамгами близко родственных племен. Это тем более вероятно, что аналогичные трезубцы встречаются и в последующее время¹. Из других тамгообразных знаков на астрагалах отметим еще редко встречающиеся «подковки» (рис. 53—16)² и «решетки» (рис. 53—17)³.

Особый интерес вызывают встречающиеся на астрагалах, наряду со счетными и тамгообразными знаками, изображения птиц. Так, например, в склепе № 8 Уйбатского чаа-таса на спинке одного из астрагалов, вместе с трехскобчатой тамгой и кружком, вырезано схематичное изображение птицы (рис. 53—14)⁴. Распущенные в стороны крылья показаны дугой, крючок сверху — голова в профиль и внизу — раздвоенный хвостик⁵. Уже одна эта схема сразу заставляет вспомнить те геральдические изображения орлов в металле, которые появляются в скифское время как в собственно Скифии⁶, так и в памятниках ананьинской культуры Прикамья⁷.

Особенно широкое распространение, как известно, металлические фигурки птиц с распущенными крыльями и головой, повернутой в профиль, получили в синхронное таштыкскому пьяноборское время, встречаясь на всем протяжении от р. Камы на западе вплоть до р. Чулыма на востоке⁸. Однако хорошо известны подобные изображения птиц и в Хакасско-Минусинской котловине, на что до сих пор обращалось мало внимания. Первым указал на это еще Д. Н. Анучин, который опубликовал бронзовую летящую птичку из Минусинского округа, но он же отмечал, что «там такие фигуры сравнительно уже редки»⁹. Это мнение основано на действительно малом количестве воспроизведений указанного мотива в металле, но оно окажется неосновательным, если

привлечь все известные ныне геральдические изображения птиц, в том числе и выполненные на других материалах. Эти изображения восходят еще к тагарскому времени, так как совершенно аналогичная схематизированная птица с ногами, заканчивающимися кольцом, оказалась на одном из камней ограды тагарского правобережного кургана у с. Потрошилово. Датируется это изображение той характерной точечной техникой, которая широко применялась в тагарскую эпоху для нанесения наскальных рисунков (рис. 54—1)¹⁰. Подобные изображения были достаточно широко распространены, ибо как на правобережье Енисея, так и на левобережье на вертикальных плитах тагарских курганов часто встречаются схематизированные птички с ногами, заканчивающимися кольцом, ромбом или треугольниками. Такие изображения зафиксированы экспедицией Аспелина на Малом озере и в курганный группе у Божьего озера (рис. 54—2—4)¹¹. Особенность этих фигурок — своеобразное окончание ног кольцами, ромбом или треугольниками — заставляет вспомнить раннеташтыкскую бронзовую фигурку гуся, ноги которого также заканчиваются кольцом (рис. 33—8). Это сравнение, может быть, позволяет предполагать, во всяком случае для позднетагарского времени, наличие бронзовых фигурок птиц с кольцами, изображения которых собственно и выбивались на курганных камнях.

Но вернемся непосредственно к таштыкским изображениям птиц. Наиболее ранними из них, очевидно, являются схематические изображения летящих птиц с раздвоенными хвостами, нанесенные на закрытый баночный сосуд из Оглахтинского могильника. К сожалению, сосуд этот сохранился в обломках, но орнамент его может быть восстановлен. Вокруг горла он был украшен вдавлениями полулунного штампа в два ряда, а ниже вокруг сосуда шел замкнутый пояс из шести фигурок летящих птиц, нанесенных на глину каким-то острием (рис. 54—10)¹². Любопытно, что позднее (первые века н. э.) в Западной Сибири появляются сосуды, украшенные аналогичными шестью летящими птицами, вырезанными по плечу¹³.

Кроме уже отмеченной схематизированной птички, в том же склепе № 8 Уйбата I, на другом астрагале, оказался тонко и искусно выгравированный рисунок орла. Он изображен в той же стилистической манере, что и металлические фигурки хищных птиц пьяноборского времени. Развернутые крылья сверху подчеркнуты угловаты, хвост имеет расширение внизу, а голова с острым клювом повернута в сторону (рис. 53—21). Все изображение заштрихо-

¹ Например, на вертикально установленной плите одного из каменных курганов Изыхского чаа-таса.

² Уйбат I, оклеп № 5 (1 экз.).

³ Изых, оклеп № 1 (2 экз.).

⁴ ДИЮС, табл. XXXVIII, рис. 15.

⁵ Аналогичное изображение птицы в такой же схеме оказалось и на одном астрагале, найденном Липским в г. Абакане у Госбанка. Это изображение птицы ошибочно принято А. Н. Бернштамом за китайский иероглиф «да», что означает «большой, великий» — см. «Эпиграфика Востока», III, М.—Л., 1949, стр. 57. На деле никаких китайских иероглифов на таштыкских астрагалах нет и увидеть их в обычных знаках возможно лишь с помощью самого пылкого воображения.

⁶ Б. Граков. Скифы, Київ, 1947, стр. 77, рис. 45.

⁷ А. П. Смирнов. Очерки древней и средневековой истории народов Среднего Поволжья и Прикамья. МИА СССР, № 28. М., 1952, стр. 254 и табл. 64, рис. 1.

⁸ Там же, табл. XVIII, рис. 16, 17 и 23; табл. LXIV, рис. 2—8; Н. Н. Новокрещенных. Гляденовское когитище. Тр. Пермской ученой архивной комиссии, XI, Пермь, 1914, табл. III—V; И. М. Мягков. Древности Нарымского края. Тр. Томского краевого музея, т. II. Томск, 1929, табл. III, рис. 12—15, 17; Е. Г. же. Находка на горе Кулайке, там же, т. I, 1927, рис. 1 и 15; А. Ермолаев. Ишимская коллекция. Красноярск, табл. VI, рис. 1—9.

⁹ Д. Н. Анучин. К истории искусства и верований приуральской чуди. Чудотворные изображения летящих птиц и мифических крылатых существ. М., 1899 (отд. оттиск), рис. 84, стр. 125.

¹⁰ С. В. Киселев. Значение техники и приемов изображения некоторых енисейских писаниц. Тр. секции археологии РАНИОН, вып. V. М., 1930, стр. 95, рис. 6.

¹¹ H. Appelgren-Kivalo. Altaïtische Kunstdenkmäler. Helsingfors, 1931, Abb. 35, 37, 41.

¹² Хран. в Красноярском музее, среди обломков других сосудов из Оглахтов, в коробке 188 (ср. рис. 7—1, 2 и 5).

¹³ В. П. Левашева. Два сосуда из курганов Омской области. КСИИМК, вып. XX, стр. 87, рис. 43.

вано пересекающимися линиями. Эта находка уже не оставляет сомнения в том, что в таштыкскую эпоху население Хакасско-Минусинской котловины было хорошо знакомо с образом могучего божественного орла. Такие же по стилю изображения орлов по-прежнему вырезались на камнях и скалах (рис. 54—5)¹. Наиболее реалистично передан орел на знаменитой Сулекской писанице (рис. 54—7). Он, вероятно, относится к таштыкскому времени, так как несомненный «кыргызский» рисунок верблюда, везущего кибитку, уже пересекает частично это изображение².

Но такие изображения орлов с распростертыми крыльями и расширенным книзу хвостом не только вырезались на кости или камне, — они воспроизводились и в металле.

Среди случайных находок из Хакасско-Минусинской котловины встречаются бронзовые колокольчики, формой своей в точности передающие фигуру того же геральдического орла. Головка птицы с хищно изогнутым клювом, вместо глаза имеется отверстие для подвешивания этого полога внутри колокольчика с четырехугольным основанием. Изнутри его, в отверстие глаза, проходит узкий канал для подвешивания язычка. Три таких колокольчика хранятся в коллекции Товостина в музее г. Хельсинки (рис. 54—8)³, один в ГИМ (рис. 54—9)⁴, один в Гос. Эрмитаже⁵ и четырнадцать — в Минусинском музее⁶. Очевидно, это колокольчики, подвешивавшиеся к костюмам таштыкских шаманов, и поэтому они, конечно не случайно, отливались в форме божественной птицы, как это имело место и в недавнем прошлом у шаманских одежд большинства сибирских народов⁷. Таким образом, в таштыкскую эпоху, несомненно, существовал культ орла, широко распространенный в Сибири и впоследствии⁸. Это особенно хорошо раскрывается, если рассмотреть еще одну сцену, выгравированную также на одном из астрагалов, происходящем из позднетащтыкского склепа № 1 Изыхского чаа-гаса. На выпуклой «спинке» этого астрагала в центре вырезано дерево, стоящее на трехногой подставке, слева от него — схематически изображенная птица, все тот же орел, но, видимо, двухголовый, справа — натянутый лук, а на сучьях дерева, наискось, висит колчан с тремя стрелами в нем (рис. 54—6). На боковой сточенной плоскости этого же кости вырезан «проросший» трезубец, о котором уже говорилось выше.

Что же представляет собой основная сцена? На этот вопрос ответить довольно трудно. Совершенно

ясно, однако, что это не случайное нагромождение изображений, а сцена, имеющая определенный смысл, может быть пиктограмма. Несомненен ее ритуальный характер.

Мифические двуглавые птицы известны в ханьском искусстве⁹. Этнографически они зафиксированы в шаманстве многих азиатских народов. Так, например, двуглавая птица украшала головной убор маньчжурских шаманов¹⁰, употреблялась у якутов при жертвоприношениях¹¹ и двуглавые железные фигурки птиц с распушенными крыльями, изображающие орлов, подвешивались к бубнам шаманов у кетов¹². Наиболее интересны для нас совпадения с шаманскими представлениями якутов, касающиеся культа орла. Орел в представлениях якутов не только священная птица, которой приносят жертвы и убийство которой является тяжким грехом, но и — 1) творец, 2) хозяин и повелитель солнца, 3) хозяин огня, 4) возродитель природы и бог плодovitости, 5) тотем, 6) родоначальник и создатель шаманов. Так же, как и у кетов, орел якутами изображается двуглавым¹³. Крайне важно, что этот двуглавый орел «у якутов ассоциируется со специальным священным деревом, с которым он неразрывно связан, именно с березой (иногда вместо березы фигурирует лиственница)»¹⁴.

Таким образом, и на таштыкском астрагале изображен двуглавый священный орел рядом с неотъемлемым от него деревом жизни, а лук и колчан со стрелами вырезаны здесь в качестве основных шаманских принадлежностей. Выше уже указывалось, что лук и стрела иногда заменяли шаманский бубен и, как уже известно, в склепах Сырского этапа найдены подлинные деревянные шаманские стрелы.

Культ орла и его священного дерева распространен и у других народов Сибири. Наиболее хорошо он представлен у хантов, о чем сообщали еще авторы XVIII века¹⁵. Сохранился он и у хакасов, которые почитали орла как священную птицу — родоначальника шаманов и тотемного покровителя рода Пурът (беркут)¹⁶. Очень важно, что, по наблю-

⁹ B. Laufer. Chinese grave-sculptures of the Han period; London, New-York, Paris, 1911, Pl. III, 1—2.

¹⁰ Д. Н. Анучин. К истории искусства и верований у Приуральской чуди, стр. 140—141, рис. 105—106.

¹¹ Там же, стр. 143 и рис. 112.

¹² В. И. Анучин. Очерк шаманства у енисейских остяков. Сб. МАЭ, т. II, вып. 2. СПб., 1914, стр. 23 и рис. 43—44.

¹³ Л. Я. Штернберг. Культ орла у сибирских народов, стр. 721.

¹⁴ Там же, стр. 724.

¹⁵ В. Ф. Зуев. Материалы по этнографии Сибири XVIII века (1771—1772). М.—Л., 1947, стр. 42: «естли увидят орла, несколько лет на одном дереве гнездо вьющего, такое дерево, равным образом и место, своим шайтанам посвящают, а орла так берегут, что за великую себе обиду почитают, естли узнают, кто отважился разорить гнездо его». — Н. Г. Георги (Описание всех обитающих в Российском государстве народов. СПб., 1799) сообщает на стр. 87, что у хантов среди прочих почитаемых идолов имеются «растущие деревья, на коих орлы вьют себе гнезда». Ср. К. Кагья-лапен. Die Religion der Jugra—Völker. Bd. II, Porvoo, 1922, стр. 116, рис. 36.

¹⁶ Л. Я. Штернберг. Ук. соч., стр. 733.

¹ H. Appelgren-Kivalo. Ук. соч., рис. 261.

² Там же, рис. 77.

³ A. M. Tallgren. Collection Tovostine, Helsingfors. 1917, Pl. X, 19.

⁴ ГИМ, 85/86 — Коллекция Згерского-Струмчлло. см. Отчет Исторического музея за 1915 г. М., 1916, стр. 15, рис. 43

⁵ Собрание Лопатина, кол. 5531—1406.

⁶ № 12906—12909 и 10 экз. из деревни Брагиной (1901 г.) на планшете без номера.

⁷ Д. Н. Анучин. Ук. соч., стр. 139.

⁸ Л. Я. Штернберг. Культ орла у сибирских народов. Сб. МАЭ, т. V, вып. 2, Л., 1925, стр. 717—740.

лениям этнографа Е. Р. Шнейдер, в хакасском орнаментальном искусстве, а именно, в вышивке одежды, помимо растительных мотивов сохранились «также мотивы более древних геометрических форм, происходящих от изображения птицы в комбинации с деревом»¹.

Нередко вместе с тем встречаются не только рисунки птиц, но и изображения отдельных деревьев. Замечательно, что все известные ныне де-

вокруг горла которого шел обычный орнамент из треугольников, образованных остроугольно-тычковыми вдавливаниями, а сразу под ним, в одном месте, оказались два дерева на «трехногих подставках», нанесенные прочерчиванием перед обжигом сосуда (рис. 55—1)². Формы их различны и от других эти деревья отличаются тем, что кроны их замкнуты одной линией.

В 1950 г. на одной из плит, поставленных вокруг каменных курганов Сырского чаа-таса, также оказались древовидные знаки и деревья на подставках,

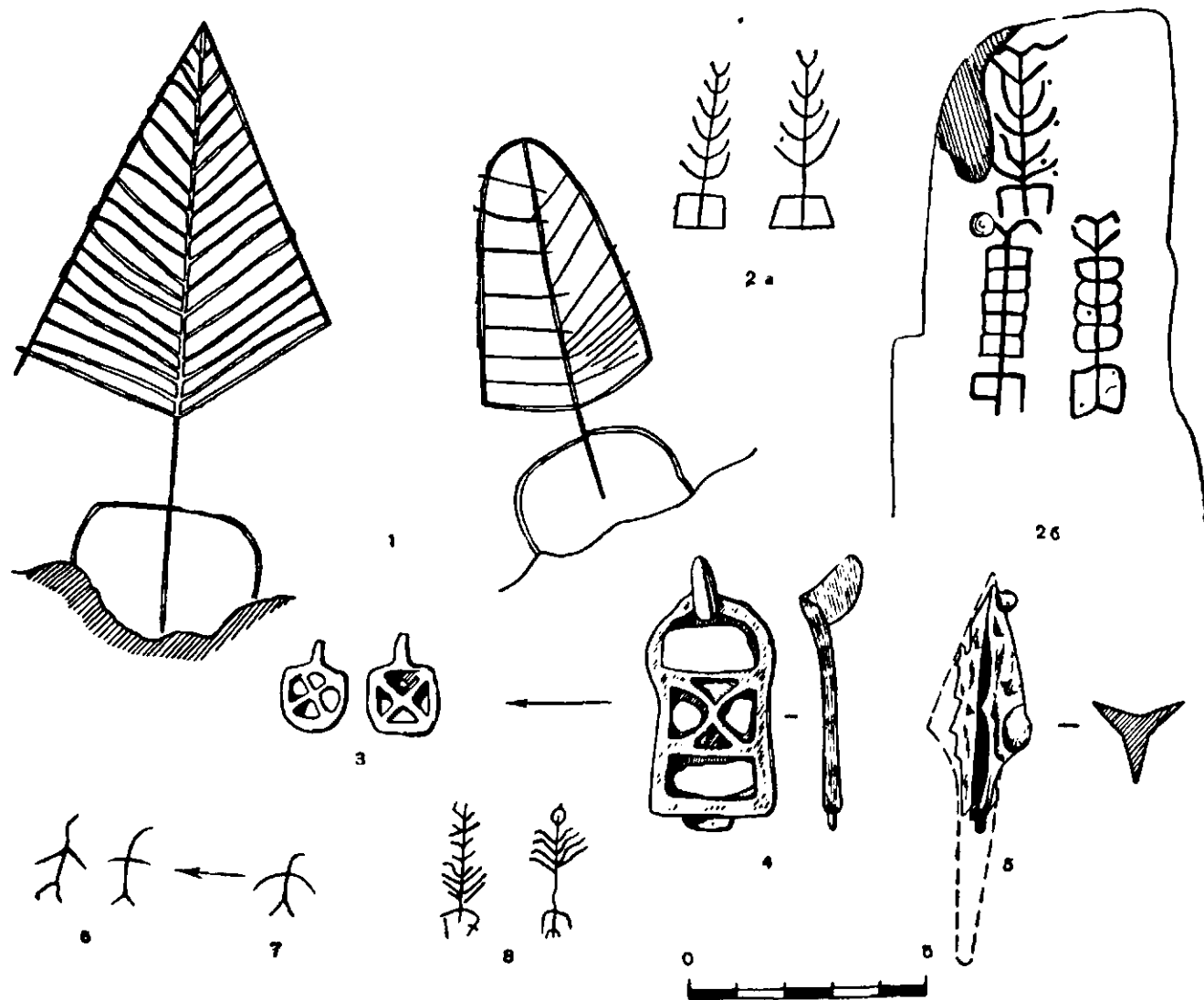

Рис. 55. 1 — изображения «деревьев» на сосудах из склепа №11 Уйбатского чаа-таса; 2 (а, б) — изображения на вертикальной плите Сырского чаа-таса; 3 — оловянные пряжки хантов (XVIII—XIX вв.); 4 — бронзовая таштыкская пряжка; 5 — железный наконечник стрелы из погребения под каменной выкладкой №1 Изыхского чаа-таса (IV—V вв.); 6 и 8 — родовые тамги хантов (XVII в.); 7 — таштыкская тамга (масштаб для рис. 1, 4 и 5)

рева показаны «на подставках», обычно трехногих. Кроме уже рассмотренного рисунка, на астрагале деревья изображались на сосудах, каменных стелах и т. д. Так, в склепе №11 Уйбатского чаа-таса обнаружены обломки большого баночного сосуда,

нанесенные, несомненно, в таштыкское время. На последнее указывает переиспользование плиты при сооружении каменного кургана, когда ее вкопали в землю тем концом, где были вырезаны три основных древовидных знака (рис. 55—2 б).

¹ Сибирская советская энциклопедия, т. 11, стр. 371.

² ГИМ, инв. 79956, № 6587.

Эти изображения деревьев, к тому же всегда отличающиеся чем-либо одно от другого, очевидно, нельзя рассматривать только как воспроизведения священного дерева. Для их понимания наиболее важен тот факт, что аналогичные деревья «на подставках» являлись у хантов родовыми «знаменами» — тамгами и у других народов Сибири в этом значении не употреблялись. Они известны нам не только по подлинным «знаменам» хантов, представленным вместо подписи на документах XVII века из Сибирского приказа (рис. 55—8)¹, но и по современным рисункам хантов, сделанным на бумаге по просьбе и в присутствии исследователей².

Такое совпадение, очевидно, не только позволяет считать таштыкские древовидные знаки также родовыми тамгами, но и при учете отсутствия их в других археологических культурах и у других сибирских народов является еще одним доказательством зарождения ранних угров на территории Хакасско-Минусинской котловины в раннеташтыкское время. Вместе с тем нахождение типичных древовидных тамг на предметах, происходящих из склепов Сырского и Уйбатского этапов, свиде-

тельствует о том, что угорские роды продолжали существовать на всем протяжении эпохи и вместе с гянгунями они заложили основы позднейшей древнехакасской государственности.

Совпадают с таштыкскими и другие тамги хантов. Так, среди «знамен» XVII в. имеются и схематичные изображения птиц, в точности совпадающие с выше отмеченными таштыкскими (рис. 55—6)³. Для хантов эта геральдическая манера изображения птиц вообще является характерной и традиционной. В той же схеме изображаются птицы в их графическом искусстве, в рисунках на бумаге, на бересте и в татуировке⁴. Исходя из этого, следует считать одиночные изображения птиц конца тагарского и таштыкского времени, известные по рисункам на курганных плитах и астрагалах, родовыми тамгами.

Таким образом, у ранних угров таштыкской эпохи так же существовал родовой культ общего предка — тотемного животного, птицы (орла, гуся и др.) или дерева, как это имело место у обских угров еще в недавнем прошлом⁵.

МАСКИ

Остановимся еще на одной группе предметов особого назначения, постоянно встречающихся как в грунтовых могилах, так и в таштыкских склепах — на погребальных масках. Изучению их посвящена уже довольно значительная литература⁶, в том числе очерк С. В. Киселева⁷. Нам остается внести некоторые дополнения, основанные на личных наблюдениях, полученных преимущественно при изучении новых материалов, а также в результате расклассифицирования таштыкских памятников.

Как известно, погребальные маски делались из белой гипсовидной терракоты смешанного состава,

куда входили каолиновые глины⁸, найденные ныне по р. Абакану и левому берегу Енисея. Способы изготовления и назначение их различны в разное время, а поэтому следует рассмотреть их в хронологической последовательности. При этом надо иметь в виду, что по внешнему виду маски разделяются на четыре типа: I — маски лица, II — маски передней половины головы (с ушами), III — маски передней половины головы с шеей и IV — маскабюст⁹.

А. Глиняные погребальные маски появляются, как известно, в курганах тагарско-таштыкского переходного этапа. Там они делались еще из желтой жирной глины¹⁰, или же слоеные: слой желтой глины, а поверх его уже намазывалась белая гипсовидная масса¹¹. Установлено, что в это время

¹ Н. Н. Оглоблин. «Знамена» сибирских инородцев XVII века. Зап. Уральского общества любителей естествознания, т. XIII, вып. I, Екатеринбург, 1891—1892, рис. 28; В. Н. Чернецов. К истории родового строя у обских угров. Сб. СЭ, т. VI—VII, М.—Л., 1947, стр. 164, табл. I, рис. 13—19.

² F. R. Martin. Sibirica. Ein Beitrag zur Kenntniss der Vorgeschichte und Kultur sibirischer Völker. Stockholm, 1897, t. 22 (вверху) и 23 (внизу).

³ К. Горощенко. Гипсовые погребальные маски и особый вид трепанации в курганах Минусинского округа. Тр. X археологического съезда, т. I, М., 1899, стр. 172—183; А. В. Адрианов. О древних погребениях с гипсовыми масками и с трепанированными черепами в Минусинском уезде (тезисы доклада). ИАК, прибавление к 10 выпуску, СПб., 1904; С. К. Кузнецов. Погребальные маски, их употребление и значение. ИОАИЭ, т. XXII, вып. 2, Казань, 1906, стр. 75—118; К. В. Харламович. К вопросу о погребальных масках и куклах. ИОАИЭ, т. XXIII, вып. 6, Казань, 1908, стр. 472—482; С. В. Киселев. Маски из древнейших чаа-тас. Изв. Гос. музея им. Н. М. Мартянова, № 1 (12). Минусинск, 1935, стр. 1—8; A. M. Tallgren. Gipsmaske. Reallexikon der Vorgeschichte v. M. Ebert, Bd. IV, 2. Hälfte, Berlin, 1926, стр. 338—339.

⁴ ДИЮС, раздел «Таштыкский портрет», стр. 446—459.

⁵ Н. Н. Оглоблин. Ук. соч., рис. 16; Его же. Остатки «знамен» XVII века. Исторический вестник, т. 38, СПб., 1889, стр. 141, рис.

⁶ В. Н. Чернецов. Ук. соч., стр. 168, табл. 3, рис. 12—21; Ср. С. И. Руденко. Графическое искусство остяков и вогулов. МЭ, т. IV, вып. 2, Л., 1929, стр. 15, табл. I, рис. 9—11, табл. IV, VII—VIII.

⁷ В. Н. Чернецов. Ук. соч., стр. 171; Его же. Фратеральное устройство обско-югорского общества. Сб. СЭ, т. II, М.—Л., 1939, стр. 20—42.

⁸ Спектральный анализ обломков масок из склепа № 1 Изыхского чаа-таса, произведенный в декабре 1955 г. в лаборатории кафедры археологии МГУ Ю. Л. Шаповой, выявил, что маски изготавливались из каолина с примесью известняка (кроме того, обнаружены следы меди, марганца и стронция).

⁹ ДИЮС, стр. 450.

¹⁰ Маски из кургана Клеменца на Уйбатском чаа-тасе. хран. в ГИМ, 85/326.

¹¹ Курган у с. Тесь (Аспелия) в курган № 8 Кызылкульского чаа-таса — см. К. Горощенко. Ук. соч.

глина в сыром виде накладывалась на лицо трупа¹, а иногда намазывалась прямо на череп, т. е. в этом случае погребение умерших в могилу было отделено значительным промежутком времени от момента смерти. Сначала труп, видимо, превращали в скелет, для чего производилась и посмертная трепанация черепа, которая имела целью удаление мозга, как особенно скоропортящегося вещества. Череп обмазывался глиной, причем глина затекала через носовую полость и глазницы внутрь черепа². Из этой же глины, в обоих случаях сверху вылепливалась маска. Это были искусственные воссоздания лиц, выполненные довольно искусно. Судя по фрагментам масок из кургана, раскопанного в 1889—1890 гг. Д. А. Клеменцом на Уйбатском чаа-тасе, изображались европеоиды с узкими и горбатыми носами³, но уже впервые появляются и маски с монголоидными чертами лица⁴. Подготовка трупа, его хранение до погребения в течение какого-то срока — все это является выражением почитания умерших сородичей, наличием культа мертвых.

Б. В таштыкскую эпоху, на раннем Изыхском этапе, эта традиция продолжается прежде всего в грунтовых могилах. Именно там встречаются мумифицированные трупы с трепанированными черепами и с масками на лицах. Но здесь уже все маски изготовлялись непосредственно на лицах умерших. Это доказывается изучением сохранившихся фрагментов масок из погребений Оглахтинского могильника. На оборотной стороне их ясно отпечаталась вся фактура мягких тканей, складки шеи и форма ушей. Отпечатались пряди волос и нередко сохраняются прилипшие к глине рыжие волосы⁵. Изготавливались эти маски таким образом: гипсовидная масса накладывалась на лицо трупа, которое целиком залеплялось, затем прямо на лице формовалась маска и верх ее отделялся скульптором уже произвольно. Это видно из нередких примеров, когда оборотная сторона маски имеет четкие отпечатки кожи, глазниц, губ, иногда с усами, носа с «полипами», получавшимися оттого, что жидкая масса проникала в ноздри трупа, а лицевая сторона — искусственно созданные черты лица, причем нос не имеет даже вдавлен ноздрей⁶. Совершенно очевидно, что такие маски никак не могли изготовляться механически, в форме, предварительно снятой с лица умершего, на манер современных посмертных масок. Это произведения искусства, но не только скульптурного, а и живописного, так как они, как и все остальные известные ныне маски из

переходных курганов и таштыкских могил, раскрашивались поверх узорами, нанесенными красной и черной краской. Узоры эти передавали татуировку лиц покойных.

Маски из грунтовых могил ни в коей мере не создавались только лишь из желания сохранить подлежащие разрушению черты лица умершего, ибо лица мумифицированных трупов были закреплены настолько хорошо, что сохраняются иногда в могилах вплоть до нашего времени⁷. Несомненно, основное назначение масок из грунтовых могил было иным. Оно раскрывается при сопоставлении их с погребальными масками хантов. У последних, как только умер человек, старухи, оставшиеся при покойном, немедленно наглухо перевязывают ему голову лоскутом выделанной оленьей шкуры, иногда платком или же зашивают в мешок. Затем на тех местах, против которых должны приходиться рот, нос, глаза и уши умершего, пришивается по одной медной пуговице или монете. По мнению хантов, умерший, переставая видеть, слышать, обонять, говорить и т. д., окончательно теряет всякую связь со здешним миром и, с другой стороны, тем самым преграждается путь для выхода его злого духа, который может вредить живым. Так с этой «маской» покойный и хоронится после совершения необходимых обрядов⁸. Этим же стремлением обособиться от умершего, который «вступает в новую жизнь», объясняется обязательное для всех присутствующих на похоронах хантов очищение, которое достигается прыганием через горящий костер и окуриванием бобровой струей.

Несомненно для тех же целей «изоляции» умершего от живых и предназначались в первую очередь маски из таштыкских грунтовых могил, которые налеплялись прямо на лицо мужчинам, женщинам и детям. Эта «изоляция» необходима была тем более, что, по существовавшему в то время обряду, мумифицированный труп должен был какое-то время находиться непогребенным для того, чтобы живые смогли выполнить все обряды, связанные с культом предков. С другой стороны, совершение обрядов, связанных с культом мертвых, всякий раз над трупом конкретного лица, хранившимся какой-то срок до его погребения, выдвигало требование портретности погребальной маски, наложенной на его лицо. И, действительно, таштыкские маски по возможности портретны благодаря высокому мастерству таштыкских скульпторов. Красками реставрировалась даже татуировка, бывшая на лице умершего.

Примером из угорской этнографии объясняется и еще одна терракотовая маска, найденная в одном грунтовом погребении Оглахтинского могильника.

¹ Д. А. Клеменцу встретились обломки масок с отчетливыми отпечатками подбородка и шеи — см. ОАК за 1890 г. СПб., 1893, стр. 72.

² К. Горощенко. Уж. соч. Ср. ДИЮС, стр. 279.

³ Хран. в ГИМ, 85/326.

⁴ А. М. Tallgren. Collection Tovostine, рис. 84 (маска из кургана у с. Тесь).

⁵ Хран. в Музее антропологии МГУ, кол. № 24; см. маски из могил 1—3.

⁶ Маски, хранящиеся в Музее антропологии МГУ, кол. 24, и см. Г. П. Сосновский. О лаходках Оглахтинского могильника, рис. на стр. 36.

⁷ Там же, рис. на стр. 35.

⁸ К. В. Харламович. К вопросу о погребальных масках и куклах, стр. 474—475; В. Бартенев. Погребальные обычаи обдорских остяков. «Живая старина», вып. 1—4, год V, 1895, стр. 488; К. F. Karjalainen. Die Religion der Jugra-Völker, Bd. I, Porvoo, 1921, стр. 93, рис. 3 на стр. 94.

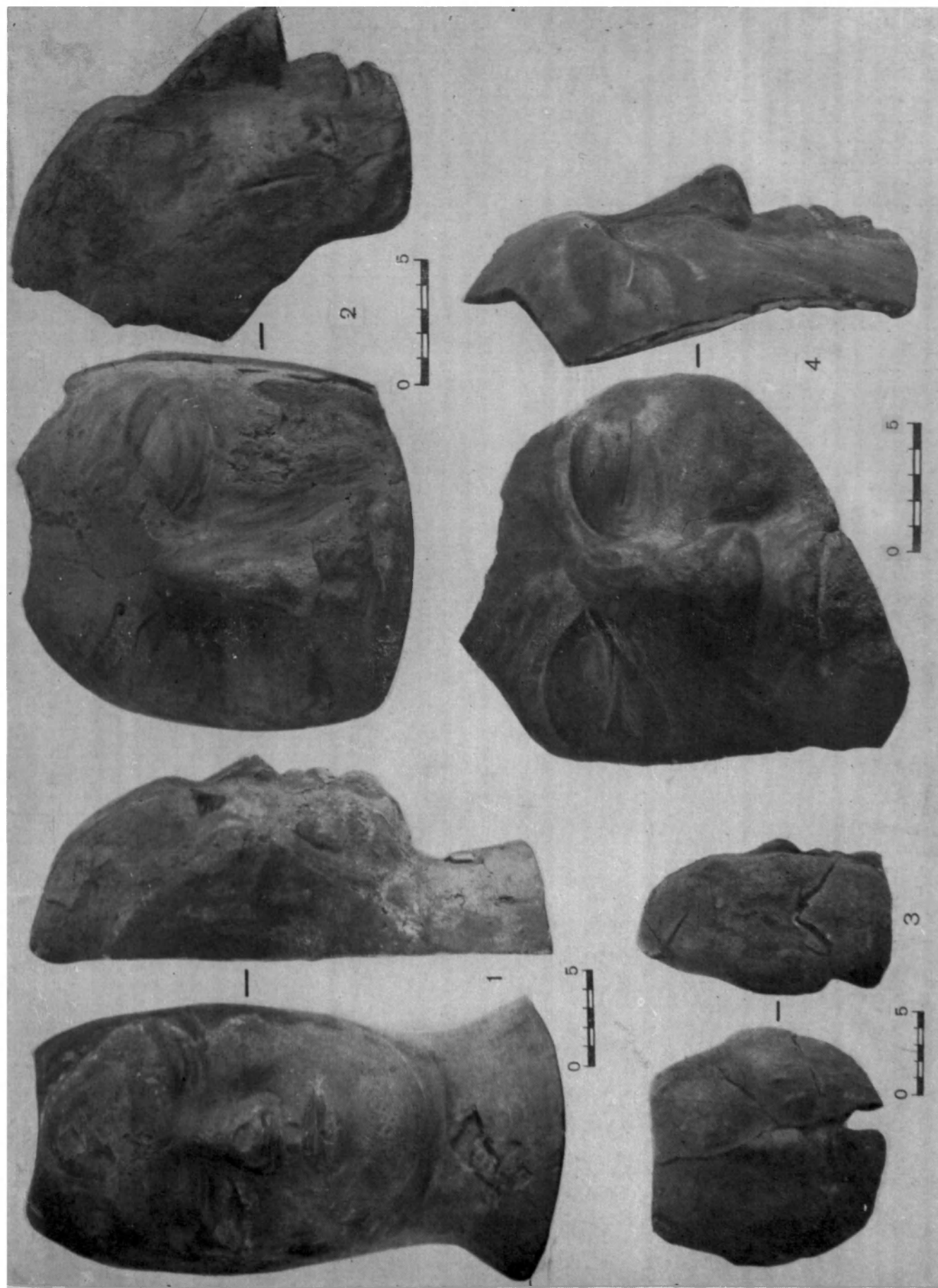

Рис. 56 Лицевые погребальные маски: 1 — женская, 2, 4 — мужские, 3 — детокая (фас и профиль; гипсовидная терракота). 1, 2 — европеоиды; 3, 4 — монголоиды (все из склепа № 1 Сырского чаа-гаса)

Ее своеобразие заключается в том, что она была надета на «лицо» головы погребальной куклы, сшитой из кожи¹. И в этом случае она была изготовлена прямо на той же кожаной голове куклы, что подтверждается отпечатками кожи на обратной стороне. Черты лица, к сожалению, не сохранились сколько-нибудь отчетливо. Выясняется, что и у обских угров встречаются такие погребальные куклы, на «лицо» которых привязаны погребальные маски из лоскута оленьей кожи с медными пуговицами вместо глаз². В данных случаях маски нужны были опять же для того, чтобы тень покойного, которая, как мы уже указывали выше, при изучении таштыкских погребальных кукол, иногда входит в куклу, не могла принести вреда живым людям своим выходом из нее. Заперев с помощью маски эту тень в кукле, ее затем окончательно возвращают к телу умершего, когда в его могилу погребается такая кукла.

Необходимо отметить, что только на Изыхском этапе, когда склепы сосуществовали с грунтовыми могилами, в склепах встречаются скелеты ранних угров с масками, наложенными на лицо. Позднее этого уже нет. Но обычай погребальных масок был воспринят пришельцами гянгунями и сохранен еще на долгое время. Этому способствовали те угорские элементы, которые остались жить в Хакасско-Минусинской котловине после ухода основной массы угров. Но маски склепов уже отличаются от масок предташтыкских и масок из грунтовых могил. Это отличие выражается даже чисто внешне. Если в тагарско-таштыкских переходных курганах встречались лишь маски типов I и II — маски лица и передней половины головы, то в таштыкских грунтовых могилах к I и II типам добавляется еще тип III — маски передней половины головы с шеей. IV тип — маска-бюст никогда не встречается в грунтовых и, наоборот, появляется в склепах уже с самого раннего времени.

В. В таштыкских склепах, таким образом, найдены маски всех четырех типов. Но они уже, в особенности после Изыхского этапа, резко отличаются по своему назначению от масок, встречавшихся в грунтовых могилах. Все маски, обнаруженные в склепах, при остатках трупосожжений, уже никогда не изготовлялись прямым наложением на лицо трупа. На оборотной стороне их нет отпечатков лиц, но зато всегда имеются следы оттисков бараньей кожи типа шагрень с шероховатой поверхностью. Очень часто имеются отпечатки швов, очевидно, куски кожи были сшиты в виде шара, возможно, набитого травой. Или эти маски делались на мягкой основе (кожаный шар), или же этим шаром гипсовидная масса вдавливалась в форму, предварительно снятую с лица умершего. Этот вопрос еще не может считаться решенным, хотя и имеются большие сомнения

в том, что маски изготовлялись механическим путем в форме. Эти сомнения основываются прежде всего на том, что часто почти все детали масок из склепов формовались отдельно: шея, грудь, подбородок, нос и уши, причем многие из них часто трактованы очень схематично (нос без ноздрей, шаблонные уши с условными завитками и т. д.)³. Понятнее для нас и переход от масок, прямо формируемых на лице, к маскам, формируемым на кожаных шарах, ибо здесь сначала трупы покойных, очевидно, сжигались и лишь затем формовались маски, когда самих лиц уже не было, но, конечно, предварительно мог сниматься слепок, служивший основой для формы. Как бы то ни было, — следует решительно отказаться от мнения, что маски обжигались при трупосожжениях, т. е. были наложены на лица сжигавшихся трупов. Против этого свидетельствуют многие очевидные факты. Понятно, что в грунтовых могилах встречаются лишь необожженные маски на трупоположениях, но ведь они же оказываются и в немногочисленных случаях, когда в грунтовых обнаруживаются и трупосожжения, совершенные на стороне. Очевидно, это зависит только от того, что срубы грунтовых могил никогда не подвергались сожжению перед окончательной засыпкой погребений, как это обычно делалось с камерами склепов. Непонятно также, почему тогда в склепах часто встречаются маски, которые обожжены лишь наполовину или же, наряду с полностью обожженными и хорошо сохранившимися, лежат лишь остатки совершенно необожженных масок в виде кучек или пластиков белой, легко рассыпающейся в пальцах массы? Окончательно решают этот вопрос наши раскопки склепов Изыхского чаатаса, которые, благодаря отступлению хоронившего там племени от общего обычая, совершенно не были сожжены, причем склепы относятся: один (№ 2) к Изыхскому (I в. до н. э. — I в. н. э.), а другой (№ 1) к Уйбатскому (III в. н. э.) этапам. Все маски их, которых было довольно большое количество⁴, совершенно не сохранились, так как обожжены не были.

Таким образом, маски обжигались только в склепах, а не на погребальных кострах. Это и понятно, так как не для этого они были предназначены и не для этого их разрисовывали яркими красными и черными красками, погибавшими при обжиге. Итак, маски употреблялись сразу же после того, как гипсовидная масса (для того и была нужна именно она, а не просто глина) затвердевала на воздухе. Может быть, их затем подсушивали на солнце или у огня. После этого — раскрашивали. Такими именно, без всякого обжига, их вносили в склепы и клали сверху на кучки пережженных костей. Только перед окончательным закрытием склеп поджигался, но вскоре же вход заваливался землей и все угасало. Маски, попавшие в сильный, но кратковременный огонь, твердели, так как об-

¹ Г. П. Сосновский. Ук. соч., стр. 37; сама «голова» куклы с маской хранится ныне в Музее антропологии МГУ, кол. 24.

² К. В. Харламович. Ук. соч., стр. 473.

³ ДИЮС, стр. 448; ср. Л. Р. Кызласов. Сырский чаатас, стр. 235, рис. 34 и 36.

⁴ См. данные при описании по этапам.

жигались или целиком или же только в той части, которая была открыта, и при этом теряли окраску. Вовсе не попавшие в огонь, чем-либо закрытые маски сохраняли яркие краски, но теряли со временем форму. Такая картина предстала перед нами, например, при раскопке склепа № 1 на Сырском чаа-тасе. При изучении масок этого склепа проявилась еще одна существенная деталь технологии их изготовления. Впервые установлено, что первоначальная поверхность маски после подсыхания расчерчивалась сеткой из нарезных перекрещивающихся линий для того, чтобы держался самый верхний, тонкий, позднее наносившийся слой (подгрунтовка) из тонко отмученной белой массы, который после просыхания и подвергался раскраске¹. Краски при этом пропитывали его насквозь. Обычно изображались спирали на лбу, висках и щеках, наносимые двумя красками рядом — красной и синевато-черной. Этими же цветами расписывались узорами шея и грудь бюстов. Кроме того, при росписи щек применялась голубая и зеленая краски. Все эти спирали и другие разнообразные узоры передавали собой татуировку, которая позднее применялась и древними хакасами. Об этом прямо сообщает «Таншу»: «Храбрые из них татуируют руки себе, а женщины, по выходе замуж, татуируют себе шею»². Однако красками восстанавливалась не только татуировка лица и шеи, но и другие детали. Так, например, краской наносились ресницы. Красной краской окрашивались губы масок, ею же рисовались ноздри, в тех случаях, когда они не были специально выдавлены, голубой полоской закрашивались прочерченные щели закрытых глаз. Оранжевой краской наносились на шею женских масок изображения ожерелий из бус и подвесок (рис. 45).

Маски, несомненно, делались предельно портретными. Среди множества известных ныне этих застывших лиц нет даже двух схожих. Портретность эта подчеркивается также специальными детскими небольшими масками, обнаруженными в склепе № 1 Сырского чаа-таса (рис. 56—3).

На женских масках, как уже указано, изображались ожерелья краской или же объемно, т. е. из наклепанных овальных бус, сделанных из той же массы, что и маски³. Замечательно, что в мочках ушей некоторых масок просверливались отверстия явно для подвесных подлинных сережек, снимавшихся перед тем как внести в склеп погребения, которые сопровождалась этими масками⁴.

Эти факты доказывают, что маски, находящиеся в таштыкских склепах, создавались прежде все-

го для каких-то обрядов, очевидно, связанных с культом мертвых, совершаемых после сожжения трупа и до его погребения. Надо полагать, что между двумя этими актами протекал какой-то, может быть значительный, промежуток времени. Это тем более вероятно, что, по сообщению той же «Таншу», у хакасов — прямых потомков «таштыкцев» — после смерти человека «сожигают его, сожженные же кости *чрез год* погребают»⁵.

Также и в таштыкскую эпоху трупосожжения где-то хранились какой-то срок, а маски, очевидно, находились в домах родичей покойных, которые совершали за это время все необходимые обряды. Для этого-то и нужны были портретные, наиболее индивидуализированные изображения лиц покойных⁶. Для этого же старались украшать маски женщин ожерельями из бус и серьгами, носившими ими и при жизни. Поэтому же нужны были не просто маски, а маски-бюсты, которые чаще всего могли хорошо стоять, ибо многие из них имеют снизу расширения, образующие подставку.

* * *

Разобрав назначение масок, происходящих из таштыкских склепов, нельзя не остановиться еще на одном факте. Речь идет о том, что во всех склепах количество масок всегда гораздо меньше общего количества погребенных, исчисляемого по отдельно лежащим кучкам пережженных косточек, более или менее одинаковых по объему. Несомненно, некоторая часть погребенных не была удостоена масок и, следовательно, для них не соблюдался сложный обряд, связанный с культом мертвых. Это не может быть отражением каких-либо половозрастных различий, ибо, как уже сказано, найдены маски не только мужские и женские, но и детские. Очевидно, что в различиях погребального обряда находят свое отражение действительные различия в общественном положении отдельных лиц и целых общественных групп⁷. Показательно, что при этих погребениях без масок оказывается и несравненно более бедный инвентарь, а иногда его нет совсем. Таким образом, и этот факт является свидетельством значительной социальной дифференциации общества, тем более что склепы являлись, очевидно, родоплеменными усыпальницами.

Наконец, таштыкские маски имеют для нас и еще одно очень важное значение. Являясь, благодаря особенностям своего назначения, «портретными» воспроизведениями реально существовавших некогда лиц, маски становятся единственным источником, при учете полного господства обряда трупосожжения, для суждения о физическом типе населения Хакасско-Минусинской котловины в эту эпоху (рис. 56—1, 2, 4). Как известно, специальное антропологическое изучение их показало, что «в общем таштыкские маски представляют смешение европеоидных и монголоидных черт, напоминая

¹ Эти насечки для закрепления верхнего слоя С. В. Киселев ошибочно принимает за имитацию ран — см. ДИЮС, стр. 449.

² Н. Я. Бичурин. Собрание сведений о народах, обитавших в Средней Азии в древние времена. М.—Л., 1950, т. I, стр. 351; ср. татуировку угров — МЭ, т. IV, вып. 2. Л., 1929, стр. 15—19.

³ Уйбат I, склеп № 8 (18 экз.) — хран. в ГИМ, инв. 79956.

⁴ Уйбат I, склеп № 1 (3 экз.) и склеп № 8 (1 экз.) — хран. в ГИМ.

⁵ Н. Я. Бичурин. Ук. соч., т. I, стр. 353.

⁶ Ср. ДИЮС, табл. I, 39—43.

⁷ ДИЮС, стр. 451—452.

больше всего современных шорцев и хакасов. Впрочем, среди последних удельный вес монголоидного компонента, по-видимому, несколько выше»¹. Этот вывод антрополога целиком совпадает и с археологическими, и с историческими фактами, о которых нам еще придется говорить. Он подтверждает проникновение новых монголоидных и смешанных типов на территорию Хакасско-Минусинской котловины и смешение их со старым европеоидным типом, господствовавшим там в тагарское время. Все это позволило С. В. Киселеву весьма справедливо утверждать, что «маски позволяют сделать вывод очень большого исторического значения: они дают основание *связать формирование современного хакасского населения со всей предшествующей историей Минусинской котловины*. Они позволяют тем самым и преемников таштыкского населения, предков современных хакасов, енисейских кыргызов VI—X вв., считать народом, сложившимся на том этническом материале, который пережил столь сложные изменения в таштыкское время»².

На этом закончим изучение Уйбатского этапа и вместе с тем изучение таштыкских склепов, кото-

рые позже уже не сооружались. Уйбатский этап, следовательно, является заключительным периодом развития таштыкской самобытной культуры и в последующее время, когда уже происходят значительные изменения, ярко отразившиеся в изменениях погребальных сооружений, начинается переход, приведший закономерно к формированию новой древнехакасской культуры, всеми корнями своими уходящей в таштыкскую древность.

Дата Уйбатского этапа определяется находками пряжек с подвижным язычком, имеющими, кроме того, подвижные щитки с заклепками. Такие пряжки, как сказано, в западных сарматских памятниках появляются во II—III вв. н. э. и в особенности характерны уже для III и IV вв. н. э. Ввиду того что уже на Сырском этапе единично встречаются такие пряжки, Уйбатский этап следует датировать III веком н. э., может быть, началом IV. Такую датировку подтверждает весь инвентарь уйбатского времени, среди которого уже имеются предметы поздних форм, получивших широкое распространение в VI—X вв.

Самый поздний из склепов — склеп под каменным курганом у с. Быстрая — относится к самому концу Уйбатского этапа.

КАМЕШКОВСКИЙ ПЕРЕХОДНЫЙ ЭТАП

Памятники Камешковского этапа таштыкской эпохи известны пока еще в относительно небольшом количестве — тридцать три погребения, раскопанных в разное время С. В. Киселевым (могильник Уйбат II, 1936 г.—6 могил, 1938 г.—5 могил), М. М. Герасимовым (Уйбат II, 1936 г.—4 могилы) и Л. Р. Кызласовым (Изыхский чаа-тас, 1951 г.—14 могил). К этому же числу относится одна могила, вскрытая на правом берегу Енисея Адриановым в 1895 году (Грива «Малый Камешек» кряжа Думной горы) и 3 могилы, раскопанные А. Н. Липским в г. Абакане у нефтебазы (1948 г., № 1, 3, 4).

Несмотря на небольшое количество погребений этого времени, все они достаточно обособляются от предшествующих и довольно отчетливо характеризуют заключительный этап таштыкской эпохи, являющийся уже переходным к древнехакасскому времени. Склепы на этом этапе не сооружались. Вместо них появились индивидуальные погребения в квадратных или прямоугольных ямах, под невысокими подквадратными каменными выкладками, описанными нами в I главе, и уже очень близкие к ранним каменным курганам³. Переход от склепов к поздне-таштыкским погребениям зафиксирован самым поздним из склепов, раскопанным В. П. Ле-

вашевой у с. Быстрая, отмеченным сверху каменным курганом, уже имеющим типичную для переходных могил выкладку.

Что касается погребального обряда, то на берестяном полу небольших погребальных камер этих могил находятся кучки индивидуальных сожжений. Только в одном случае в квадратной яме оказалась не трупосожжение, а уложенные очищенные кости ребенка, череп которого лежал сверху лицом на запад⁴. В данном случае мы, видимо, имеем дело с зарождением обычая, ставшего особенно распространенным в последующее время, когда всегда сжигали только трупы взрослых, а детей погребали по обряду трупоположения⁵. Очевидно, каждая могила предназначалась для праха одного покойного, сожженного на стороне. В отличие от склепов, камеры могил не поджигались изнутри и поэтому деревянные обкладки стенок ям сохраняются плохо. Погребения эти от всех предшествующих резко отличаются отсутствием масок, которых нет и в последующих могилах VI—VIII вв. Обряд погребальных масок исчезает, таким образом, вместе с прекращением сооружения склепов. Не встречаются более и ритуальные миниатюры.

Рядом с сожжением на полу ставились глиняные и деревянные сосуды с пищей, иногда числом

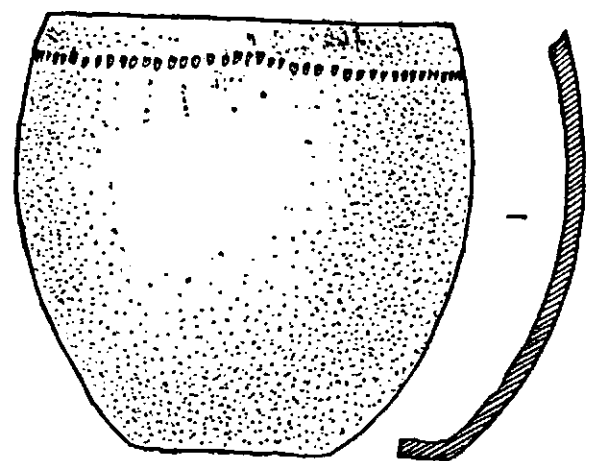
¹ Г. Ф. Дебец. Антропологическое исследование погребальных масок таштыкской культуры. Краткие сообщения о научных работах Научно-исследовательского института и Музея антропологии при МГУ за 1938—1939 гг. М., 1941, стр. 28—29.

² ДИОС, стр. 458.

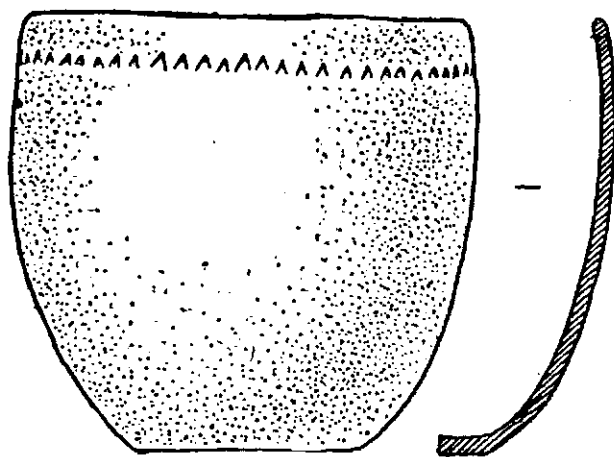
³ Л. А. Евтюхова. Археологические памятники енисейских кыргызов (хакасов), стр. 10.

⁴ М. № 4 нефтебазы в г. Абакане (Липский, 1948).

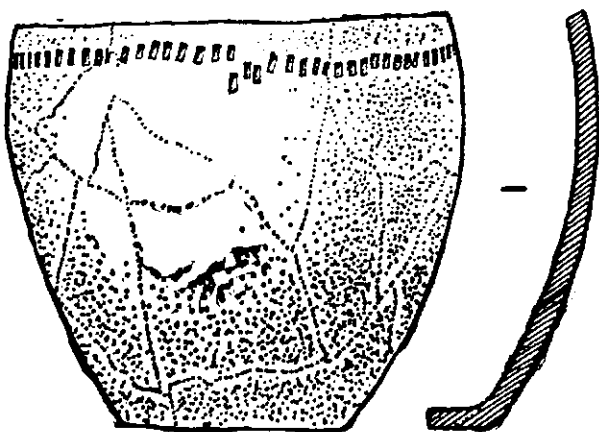
⁵ Такие погребения детей и подростков с «кыргызскими» баночными грубыми сосудами оказались, например, впущенными сверху в уже осыпавшийся склеп № 2 Изыхского чаа-таса, рядом с погребениями взрослых под каменными курганами (рис. 4а).

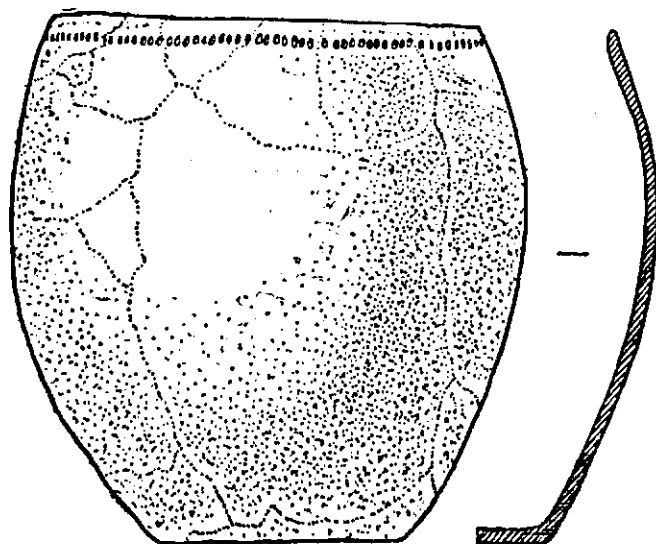
1

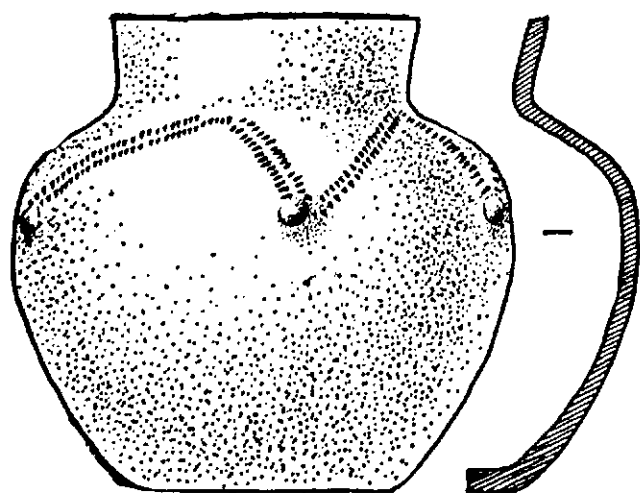
2

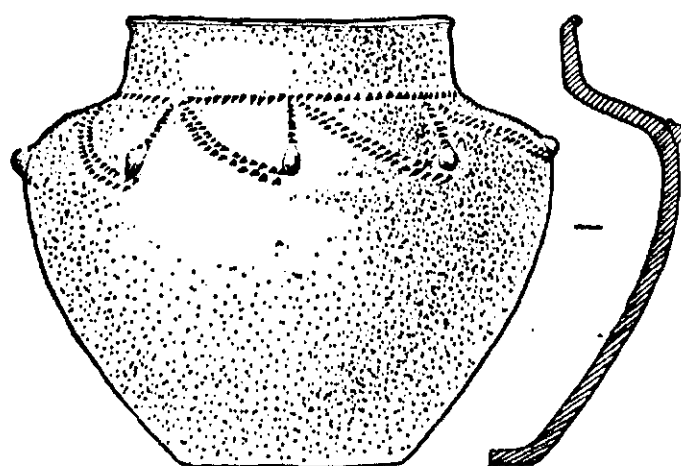
3

4

5

6

Рис. 57. Сосуды Камешковского этапа (каменные выкладки Изыхского чая-таса): 1 — к. в. № 1; 2 — к. в. № 2; 3, 5 — к. в. № 9; 4 — к. в. № 8; 6 — к. в. № 7

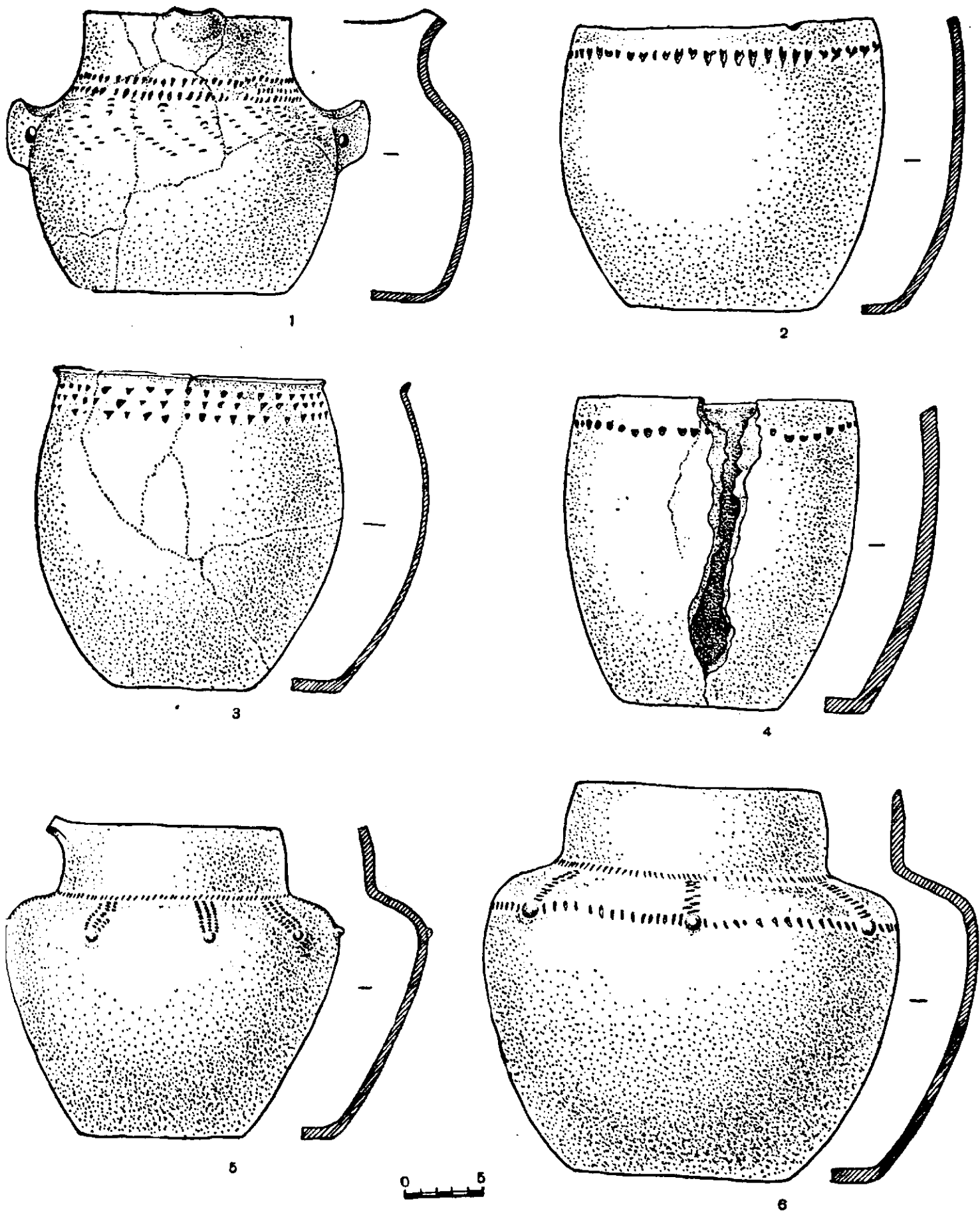

Рис. 58. Сосуды Камешковского этапа (каменные выкладки Изыховского чая-таса): 1, 2, 5 — к. в. № 11; 3 — к. в. № 12; 4 — к. в. № 8; 6 — к. в. № 14

до 10—15¹. На деревянных блюдах сохранялись остатки мяса в виде костей передней части барана или коровы. Дважды оказались целые скелеты овец, один раз кости косули. Костей лошади нет. В яме

№ 11 Изыхского чаа-таса кости овцы лежали в прямоугольном, плохо сохранившемся ящике из деревянных брусьев (рис. 5 в), а под выкладкой, раскопанной Адриановым на Думной горе, кости перед-

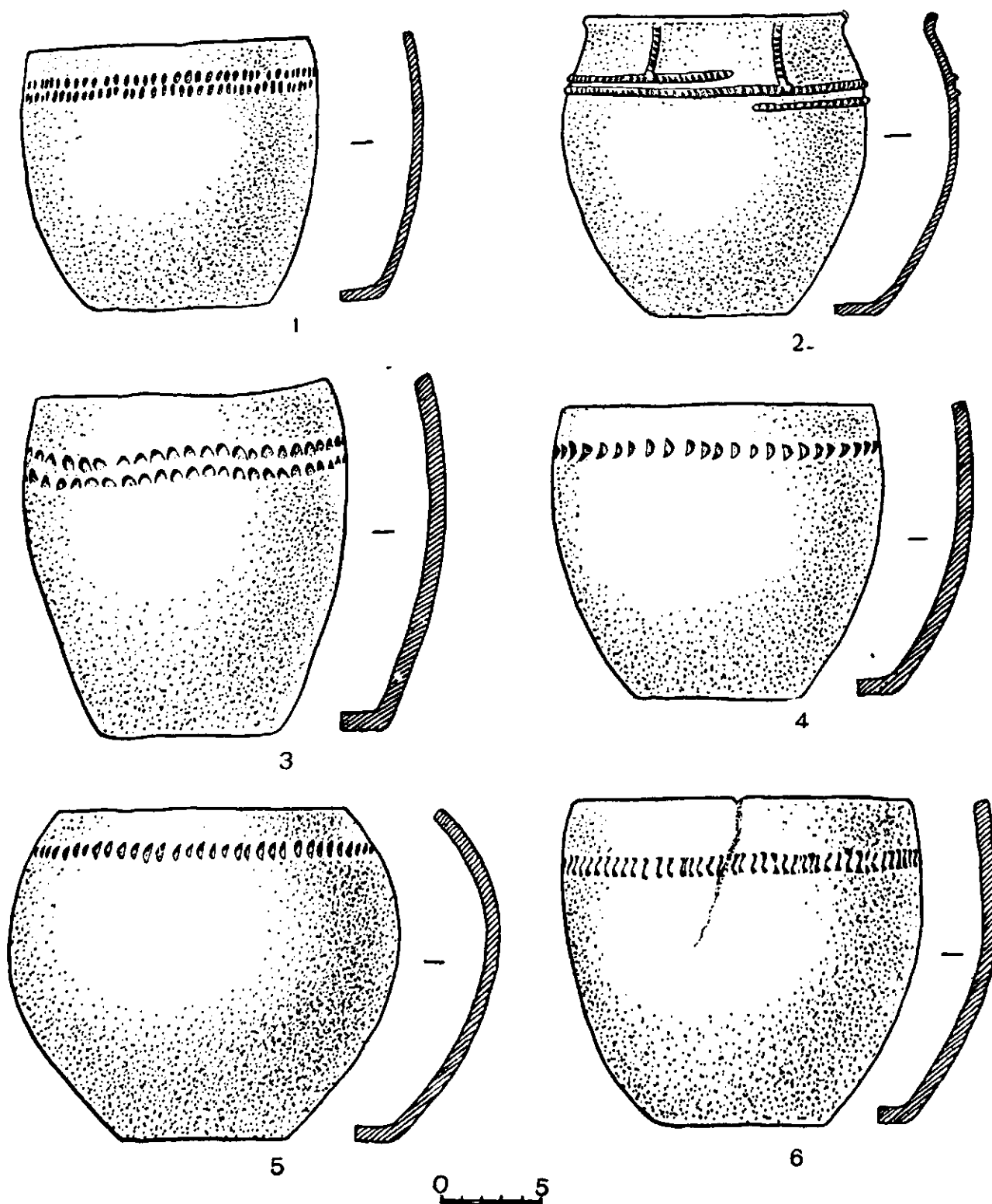

Рис. 59. Сосуды Камешковского этапа (каменные выкладки Изыхского чаа-таса): 1, 3 — к. в. № 5; 2 — к. в. № 10; 4 — к. в. № 3; 5, 6 — к. в. № 4

ДИУС, стр. 469.

ней половины туши барана лежали в пятигранном ящике из на ребро поставленных каменных плиток¹.

Вся эта картина очень напоминает уже древне-хакасские погребения, но инвентарь находится еще в ближайшем родстве с классическими таштыкскими памятниками.

бомбовидный (7) (рис. 57—5, 6 и 58—6), баночный I (8), баночный II (9) (рис. 57—1—4, 58—2—4, 59—1—4 и 6), кувшины (10) (рис. 58—1 и 5), бочонковидный I (13) (рис. 59—5), подвесной I (22) (рис. 60—2), подвесной II (23) (рис. 60—1) и горшковидный II (12) (рис. 60—3).

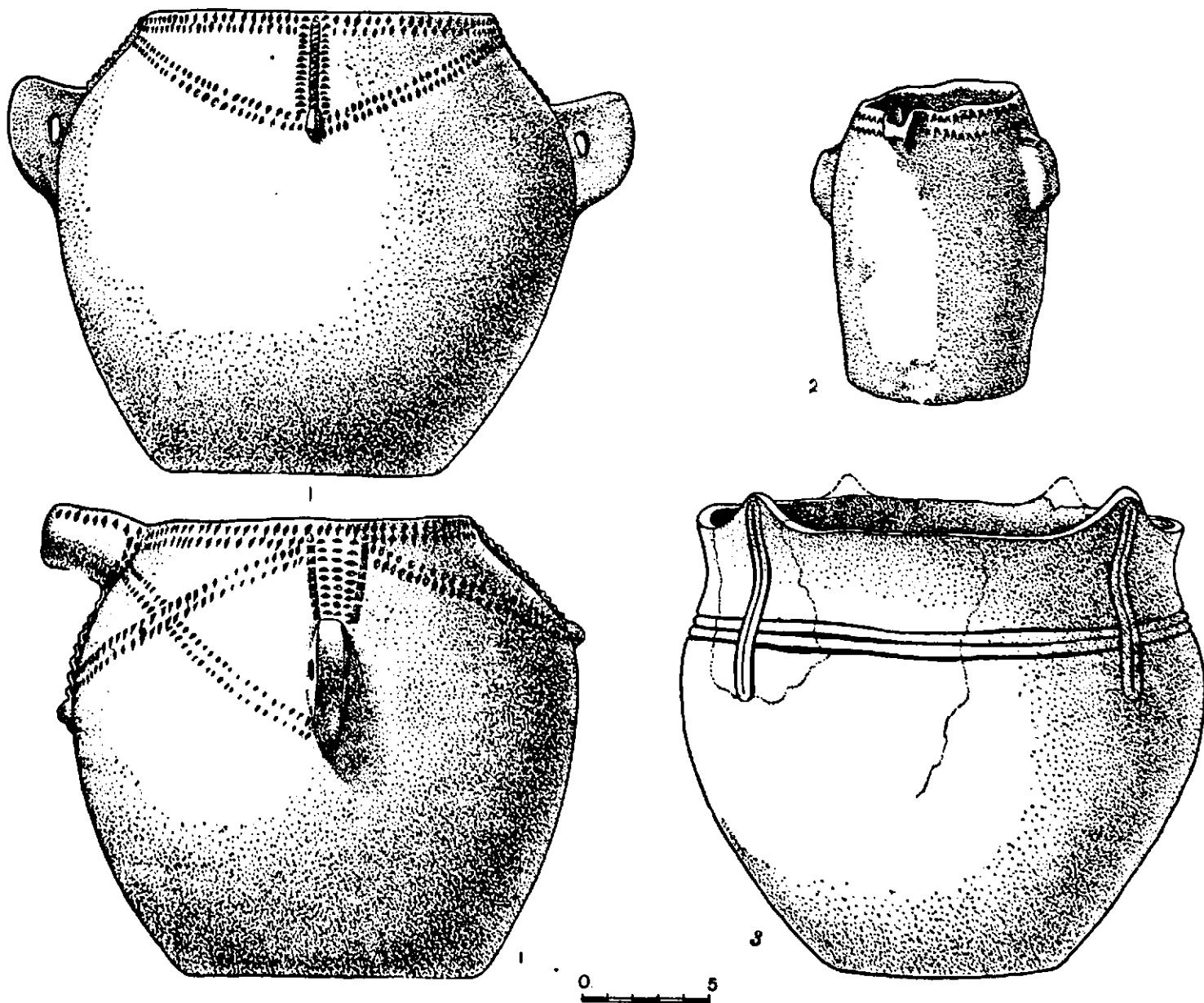

Рис. 60. Сосуды Камешковского этапа (каменные выкладки Изыхского чаа-таса): 1 — к. в. № 12; 2 — к. в. № 3; 3 — к. в. № 14

Посуда, как уже говорилось, прежде всего подтверждает это положение. В сравнении с Уйбатским этапом, в погребениях переходного времени встречается еще меньшее количество типов глиняных сосудов (см. табл. II). Их всего 9. Остаются пережившие всю эпоху типы: кубковидный (2),

¹ Архив ИИМК, д. № 72, 1895, л. 90 — могила «в двух сажнях к ЮЗ от кургана № 5».

Широко продолжала употребляться обычная для таштыкского времени деревянная посуда. Особенно хорошо сохранилась она в погребении № 14 Уйбата II. Там оказалось восемь овальных плоских блюд и два овальных более глубоких корытцеобразных сосуда². В других могилах, где дерево почти совершенно сгнило, сохранились обломки же-

² ДИЮС, стр. 469 и табл. XLIV, рис. 1.

лезных оковок и скобочек, при помощи которых производилась починка трещин этих сосудов¹.

Таким образом, посуда представляет собой основную массу находок в погребениях Камешковского этапа. В очень большом числе обнаружены глиняные сосуды.

Так, в раскопках С. В. Киселева в 11 погребениях встречено 32 сосуда², М. М. Герасимов в 4 могилах нашел 9 сосудов³, нами в 14 могилах Изыхского чаа-таса обнаружено 23 сосуда и разрозненные обломки еще от трех горшков⁴. Один нашел Адрианов⁵, 8 сосудов в 3 могилах обнаружил Липский. В итоге на 33 могилы приходится свыше 73 сосудов.

Из других предметов погребального инвентаря найдено до сих пор очень немного. Большое значение поэтому имеют две находки, сделанные нами в 1951 году в могилах под каменными выкладками на Изыхском чаа-тасе. Там в погребении № 1 обнаружен окислившийся обломок железного трехлопастного черешкового наконечника стрелы. Каждая лопасть его преломляется под углом у нижней трети высоты ударной головки и затем сходит к черешку на нет (рис. 55—5). Эта находка имеет важное датирующее значение, ибо такой тип наконечников стрел распространен в IV—V вв. в погребениях так называемой «эпохи переселения народов»⁶.

Такая датировка целиком и полностью соответствует времени Камешковского этапа и всем тем представлениям, которые складываются в результате изучения могил под каменными выкладками. Не противоречит ей и вторая находка. В могиле № 4 оказались остатки железной ударной части огнива, прямоугольной железной пряжки с тремя подвижными язычками и здесь же лежал кремь вместе с истлевшими остатками трута. Несомненно, некогда это был мешочек с пришитым снизу огнивом, в котором лежали трут и кремь, необходимые для высекания огня. К верхней части мешочка была пришита пряжка, с помощью которой он пристегивался к поясному ремню (табл. IV—192). Такие мешочки огнива широко распространены в Южной Сибири в VI—X вв.⁷, и совершенно так же по-

сился весь прибор для высекания огня у алтайцев и хакасов вплоть до современности. Наша находка, таким образом, является свидетельством того, что мешочки-огнива, носимые на поясе, появляются в конце таштыкской эпохи.

Других предметов материальной культуры Камешковского этапа до сих пор пока не найдено, но, несомненно, дальнейшие раскопки позднеаташтыкских могил со временем обогатят наши представления об этом этапе. Однако и сейчас уже можно предположить существование целого ряда типично таштыкских вещей. Этому способствуют те определенно таштыкские пережитки, которые имеются в материальной культуре древних хакасов. На Камешковском этапе, вероятно, существовали такие традиционные произведения таштыкского искусства, как деревянные статуэтки баранов, обложенные золотом. Их находят в склепах всех этапов эпохи и, как уже говорилось, три такие статуэтки оказались в могилах VI—VIII вв. Конечно, по-прежнему употреблялись бронзовые пластинчатые амулеты с парными конскими головками, так как они все чаще начинают встречаться и в погребениях VI—X вв. В настоящее время нам известно уже пять таких случаев⁸.

Несомненное генетическое происхождение культуры VI—X вв. от таштыкской доказано С. В. Киселевым весьма убедительно и никем не оспаривалось⁹. Лучшим свидетельством этого служат памятники Камешковского этапа IV—V вв., рассмотренные выше. Решается и мнимое противоречие, заключающееся во внешнем различии керамики, встречаемой в позднеаташтыкских и древнехакасских погребениях. Во-первых, нами уже указаны формы сосудов VI—VIII вв., явно связанных с таштыкскими в своем происхождении (кубки, банки, круглодонные чашечки, банки с налпами по венчику и т. д.); во-вторых, применение гончарного круга с VI в. естественно прервало эволюционное развитие позднеаташтыкской керамики; в-третьих, раскопки поселения VI—X вв. у с. Малые Копены доказали, что в быту древние хакасы употребляли лепные сосуды не только таштыкских, но еще и тагарских форм¹⁰.

¹ Найдены в могилах № 9, 10, 15, 19 Уйбата II (Киселев), а в могиле № 3 (Герасимов) оказались бронзовая оковка с остатками края деревянной чашечки; железные оказались также в могилах № 2 и 4 Изыхского чаа-таса.

² Хран. в ГИМ.

³ Хран. в Гос. Эрмитаже, кол. 1664.

⁴ Хран. на кафедре археологии МГУ.

⁵ Хран. в Минусинском музее, № 10619.

⁶ Т. Минаева. Погребения с сожжением близ г. Повровска. Ученые записки Саратовского университета, т. VI, вып. III. Саратов, 1927, стр. 91—123 и табл. I, рис. 2; сб. МАЭ, т. XIII. М.—Л., 1951, стр. 223, рис. 11.

⁷ ДИЮС, стр. 536—538 и табл. LI.

⁸ I Уйбатский чаа-тас: С. А. Теплоухов, 1928, к. № 24—см. МЭ, т. IV, вып. II, стр. 54 и табл. II, рис. 26; С. В. Киселев, 1938 — ДИЮС, табл. LIV, рис. 2; М. М. Герасимов, 1936, к. № 1 — хранится в Гос. Эрмитаже, № 1664, см. сб. «Археологические исследования в РСФСР 1934—1936 гг.», М.—Л., 1941, стр. 316—317. II. С. Тесь: С. В. Киселев, 1931, к. № 1 — ДИЮС, стр. 566 и табл. LIII, рис. 16. III. Сырский чаа-тас: Л. Р. Кызласов, 1950, к. № 2 — Его же. Сырский чаа-тас. СА. XXIV, М.—Л., 1955, стр. 245, рис. 40—1.

⁹ ДИЮС, стр. 564—567.

¹⁰ Л. А. Евтюхова. Археологические памятники енисейских кыргызов (хакасов), стр. 74—80; ср. Л. Р. Кызласов. Ук. соч., стр. 254, стр. 46.

ТАШТЫКСКИЕ КАМЕННЫЕ ИЗВАЯНИЯ С ИЗОБРАЖЕНИЯМИ ЛЮДЕЙ

Выше уже при изучении памятников таштыкского искусства показано, что, наряду со скульптурными реалистическими изображениями животных из дерева, в это время достигло небывалого расцвета и искусство объемной, не менее реалистической скульптуры из камня (изваяния лежащих баранов, статуи лошадей и быков). Вместе с тем нам известны и высокохудожественные скульптурные изображения человека. Это, во-первых, появляющиеся в раннеташтыкское время деревянные статуэтки, позднее, на Сырском этапе, нередко составные, части которых изготовлялись из различных материалов (кость и дерево). Во-вторых, это лицевые портретные погребальные маски, сделанные из гипсовидной терракоты.

И, наконец, таштыкские скульпторы с не меньшим искусством использовали для этих целей камень. Доказывается это наличием каменных изваяний с изображениями людей¹.

В 1948 г. в Хакасский областной музей краеведения была доставлена четырехгранная каменная стела, высеченная из девонского песчаника. Высота ее в настоящее время составляет 1,37 м, но первоначально стела имела несколько большую высоту². Грани этого каменного столба имеют среднюю ширину 30×18,5 см. В самом низу столба, на одной из его узких граней, имеется замечательное изображение передней половины головы человека с ушами и намеченной грудью. Высота лица от верха лба до подбородка 23 см, ширина скул 15 см. Изображение лица объемно, но оно не выдается над плоскостями камня, а выступает благодаря углублению поверхности камня вокруг него (рис. 61—1). Никаких других изображений на этом столбе нет.

Найден он был на р. Малая Есь у улуса Кызласова³. Первоначально столб стоял в ряду других вертикально вкопанных камней, причем врыт был вверх ногами, отчего изображенное лицо оказалось в перевернутом виде сверху столба. Ряд вертикально вкопанных камней тянулся на юго-восток от небольшой прямоугольной оградки типа тюркских поминальных, так широко распространенных на Алтае, в Туве, Монголии и Казахстане. Оградки эти сооружались тюркскими племенами, входящими в состав каганата VI—VIII вв. До сих пор на территории Хакасско-Минусинской котловины они обнаружены не были, ибо древние хакасы не имели обычая сооружать их. Тюркские ли это оградки — покажет их детальное обследование, которое необхо-

димо произвести, но ничего неожиданного в нахождении таковых нет, так как тюркские изваяния, прежде всего тувинского типа, в небольшом количестве в этой местности известны⁴.

Вхождение этого столба в поминальный комплекс VI—VIII вв. в перевернутом виде само по себе свидетельствует о его создании в более раннее время. Но важнее всего для датировки то необычайное сходство упомянутого изображения лица человека с таштыкскими масками, которое бросается в глаза с первого взгляда. В самом деле, и по стилю и по характеру изображения это типично таштыкская маска-бюст (IV тип масок по С. В. Киселеву), но изваянная из камня. Та же манера изображения только передней половины головы, с такими же плохо детализированными ушами, те же сощуренные глаза со щелевидным разрезом век и, наконец, тот же общий монголоидный тип лица, который имеют большинство бюстовых масок, найденных в таштыкских склепах⁵.

Все это определило, что уже при осмотре изваяния в 1950 г. оно было датировано нами таштыкским временем. Значение этой находки очень велико. Во-первых, она доказывает, что таштыкские скульпторы достигли подлинных вершин в создании реалистического портрета, с равным успехом подчиняя своему замыслу любой материал (дерево, керамическая масса, камень). Эта «каменная маска» изваяна с не меньшим искусством, чем маски из гипсовидной терракоты, а ведь при этом, конечно, не участвовали никакие формы, заранее снятые с лица умершего человека. Этот факт подтверждает справедливость нашего сомнения в том, что таштыкские маски изготовлялись механическим способом и не являются произведениями искусства. Ведь то, что можно было воплотить в камень, гораздо легче создать с помощью пластического материала.

Во-вторых, очень любопытно назначение этого изваяния. Оно, несомненно, вытекает из назначения погребальных масок из склепов, установленного нами выше, и в то же время подтверждает его. Ясно, что такое изваяние создано не для того, чтобы сопровождать прах покойного в могилу. Оно, как и маски, первоначально предназначено было для сошествия перед ним необходимого ритуала почитания умершего и, вероятно, стояло в каком-либо святилище, но не у склепа, в котором погребался прах большого количества людей. И если маски, в конечном итоге, погребались вместе с прахом, то изваяния такого рода, очевидно, предназначались для более длительного почитания каких-то особо

¹ Л. Р. Кызласов. Таштыкские каменные изваяния людей. КСИИМК, вып. 60. М.—Л., 1955.

² Доставлена А. Н. Липоким (см. КСИИМК, вып. 59).

³ См. карту, приложенную к работе М. П. Грязнова и Е. Р. Шнейдер. Древние изваяния Минусинских степей. МЭ, т. IV, вып. 2. Л., 1929, стр. 89.

⁴ Л. А. Евтюхова. Каменные изваяния Южной Сибири и Монголии. МИА СССР, № 24. М., 1952, стр. 94—96, рис. 42—43.

⁵ Ср. маску-бюст в ДИЮС, табл. XLIII.

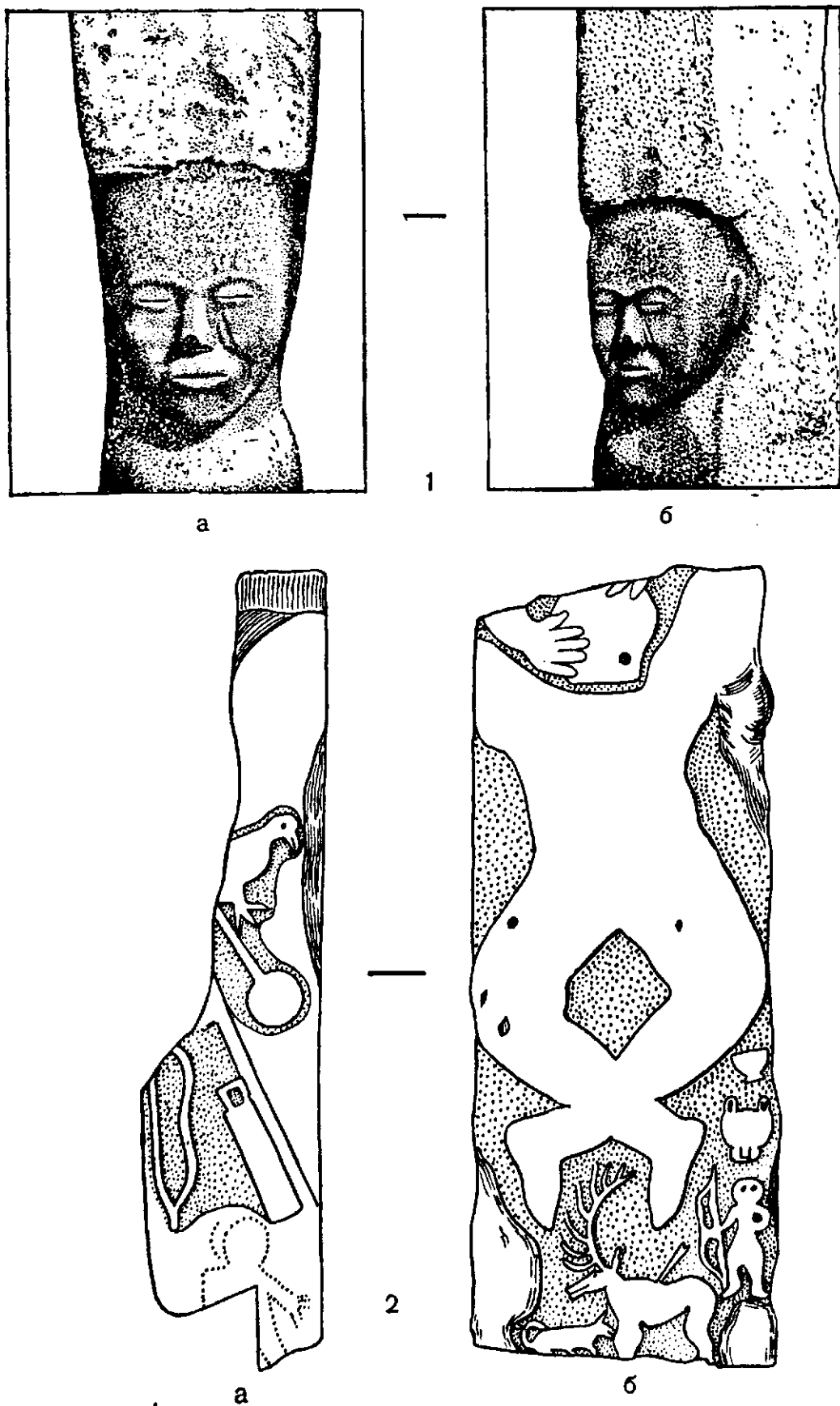

Рис. 61. Таштыкские каменные изваяния с изображением людей (Камешковский этап): 1 — из улуса Кызласова на р. М. Едь (а — фас, б — в три четверти). 2 — с р. Нени (а — левая плоскость, б — фас). Оба высечены из девонского песчаника

знаменитых, наиболее отличившихся и памятных предков. Таким образом, это несомненно портретное изображение реального лица, но не живого, а скончавшегося. Нет никакого сомнения в том, что это изваяние обязано своим происхождением таштыкским маскам. Оно совершенно определенно является переходным памятником от масок к каменным изваяниям и, с этой точки зрения, представляет интересное соединительное звено в генезисе каменных изваяний с изображениями человека, прежде всего покойного. Предшествующим звеном были маски-бюсты, которые предназначались для установления в вертикальном положении, для чего многие из них имеют снизу расширения, образующие подставку. Маски-бюсты, появляясь впервые в склепах Изыкского этапа, встречаются затем в склепах Сырского и Уйбатского этапов, т. е. существуют в пределах от I в. до н. э. до IV в. Правильнее, вероятно, считать, что такого рода изваяния пришли на смену терракотовым маскам, отслужившим к тому времени свою службу, т. е. они появились, может быть, в конце III в. или же уже в начале Камешковского этапа (IV в.). Такая точка зрения подтверждается и более поздними типами таштыкских каменных изваяний, открытых еще в конце XVIII в., но получающих свое хронологическое определение окончательно лишь благодаря находке описанного памятника с р. М. Есь. Мы имеем в виду прежде всего изваяния, известные в литературе под хакасскими названиями «Кизи-таш» (правильнее — «Кизи-тас», т. е. «каменный человек») и «Улу-Хыс-таш» (правильнее — «Улух-Хыс-тас», т. е. «большая каменная девушка»), найденные еще П. С. Палласом в 1772 г. на левом берегу р. Абакана, между селами Аскыз и Усть-Есь, в так называемой Могильной степи¹. До нашего времени они не сохранились и известны по несовершенным рисункам Г. И. Спасского (1818 г.) и И. Р. Аспелина (1887 г.), недавно переизданным М. П. Грязновым², да по описаниям Палласа и других авторов.

Это также столбообразные четырехгранные плиты, но с изображениями на трех гранях. Наверху средней широкой грани имеется погрудное изображение человека (лицо, грудь, руки), в одном случае (Кизи-тас) держащего в левой руке сосуд. На боковых узких гранях помещены различные мелкие рисунки. *Кизи-тас* на правой грани имеет сложный лук в налучье, а ниже всадника — на коне с копьем в руках, на конце которого висит трехлопастный флаг. На левой грани сверху такое же копьё с флагом, а ниже были изображения какого-то животного и фигурка ребенка³. *Улух-Хыс-тас* имеет на левой грани ряд из шести идущих друг за другом верблюдов, на правой же сверху вниз изображены:

тамгообразный знак, животное, фигурка ребенка и верблюд⁴.

Все фигуры этих памятников плоские и силуэтные, высеченные, несомненно, одновременно определенным техническим приемом, когда изображение выделялось на общей плоской поверхности камня с помощью углубления фона вокруг него, т. е. совершенно так же, как и у изваяния с реки М. Есь. Последнее, таким образом, сближается с изваяниями Кизи-тас и Улух-Хыс-тас, во-первых, единством техники нанесения изображений, во-вторых, бюстовыми изображениями основных человеческих фигур. Таким образом, не остается никаких сомнений в таштыкском возрасте и этих, открытых Палласом, каменных изваяний, тем более, что, по справедливому указанию М. П. Грязнова, в течение многих лет изучавшего известные каменные изваяния Хакасско-Минусинской котловины, такой техникой изготовлены лишь эти два изваяния (третье, открытое в 1948 г. на р. М. Есь, М. П. Грязнову известно не было)⁵. М. П. Грязнов высказал в основном правильное предположение, что «они относятся ко времени около нашей эры, или несколько позднее», причем предложил «считать их ранними формами каменных баб тюркского типа»⁶. При этом он справедливо опирается в качестве ближайшей аналогии на одно изваяние, по его данным привезенное Адриановым из Тувы и хранящееся ныне в Минусинском музее. Данные М. П. Грязнова о происхождении изваяния ошибочны. Оно было найдено в Хакасии, в пещере на левом берегу р. Нени против заимки Колпаковых, и без сомнения является таштыкским⁷. Факт нахождения его в пещере подтверждает мысль о том, что изваяния ставились в святилищах. Ввиду того что рисунок этого изваяния, приведенный в работе Грязнова, неточен, так как сделан не с оригинала, а по фотографии Адрианова⁸, помещаем рисунок, сделанный непосредственно с самого изваяния (рис. 61—2). Это — обломок четырехгранной плиты девонского песчаника высотой 0,7 м, шириной и толщиной, соответственно, около 0,3 и 0,13 м. Техника изображения та же, что и у других изваяний, близки также сюжет и композиция. На средней грани — крупная основная фигура человека (к сожалению, верх отбит и не сохранился) с сосудом в руках, сидящего сложив ноги «калачиком». Ниже его изображены два сосуда: кубок и, очевидно, котел гуннского типа. Еще ниже размещена сцена охоты: человек с луком в руках и марал, пораженный стрелой в спину, на последнего спереди нападает охотничья собака. На левой грани, сильно поврежденной, сверху вниз расположены следующие изображения: хищная птица с трехпа-

¹ П. С. Паллас. Путешествие по разным провинциям Российского государства, ч. III, половина I, 1772 и 1773 гг. Перевел В. Зуев. СПб., 1788, стр. 501.

² М. П. Грязнов. Минусинские каменные бабы в связи с некоторыми новыми материалами. СА, т. XII. М.—Л., 1950, стр. 146—147, рис. 15—16, здесь же см. историю изучения и библиографию.

³ М. П. Грязнов. Уж. соч., рис. 15.

⁴ Там же, рис. 16.

⁵ Там же, стр. 146.

⁶ Там же, стр. 148.

⁷ Минусинский музей, № 11; в инвентарной книге № 7 за 1934 г., кроме вышеуказанных сведений, сказано, что это изваяние привезено в музей миссионером Суховским (с. Сянвяно).

⁸ М. П. Грязнов. Минусинские каменные бабы в связи с некоторыми новыми материалами, стр. 148, рис. 17.

лой лапой, под нею непонятный предмет вроде булав, затем лук и рядом с ним колчан, в самом низу — полустертая, еле заметная фигурка человека.

Все изображения предварительно вычерчивались металлическим острием, а затем фон углублялся с помощью пробивки поверхности камня железным шпунтом, следы которого сохранились в виде многочисленных ямок.

Рассмотренные три изваяния (Кизи-тас, Улух-Хыс-тас и с р. Нени) несомненно входят в одну группу и относятся к одному времени. Они определены позднее мало-есинской «каменной маски» и уже предшествуют тюркским. Образуется любопытный генетический ряд: таштыкские погребальные маски лица — стоящие маски-бюсты — каменные бюстовые изображения (типа мало-есинского) — погрудные изображения с руками и сосудом (типа Кизи-тас) — тюркские каменные изваяния в виде круглой скульптуры человека с сосудом в руках¹. Таким образом, не подлежит сомнению, что тюркские каменные изваяния VI—VIII и последующих веков зарождаются еще в претюркское, таштыкское время. Любопытно, что центром их зарождения было Алтае-Саянское нагорье (Хакасско-Минусинская котловина и, вероятно, Алтай, на котором, правда, ранние изваяния еще не найдены).

Изваяния Кизи-тас, Улух-Хыс-тас и с р. Нени относятся ко времени Камешковского этапа таштыкской эпохи, т. е. к IV—V вв. Такой датировке не противоречат не только высказанные соображения о их генезисе, но и другие данные. Так, копья с лопастными флагами (Кизи-тас) широко представлены уже на писаницах VI—X вв., например Сулекской²; сосуды в руках (Кизи-тас и изваяние с р. Нени) и положение ног «калачиком» имеются у тюркских изваяний; кубковидные сосуды (изваяние с р. Нени) доживают, как показано выше, до конца таштыкской эпохи и даже встречаются в раннехакасских курганах, а котлы гуннского типа (изваяние с р. Нени) также характерны для IV—V вв. и, кроме того, несомненно, от них происходят железные клепаные котлы на таких же прорезных поддонах, встречающиеся в тюркских могилах VII в. на Алтае³. И по технике нанесения самих изображений эти изваяния также нельзя отдалять от тюркских, так как у последних эта же техника (пусть пережиточная, вспомогательная, редкая и т. д.) все же встречается. Примером может служить извая-

ние из Тувы с р. Торгалыка (уроч. Таарбол близ Арыг-Бажи), изданное Л. А. Евтюховой под № 34. Его руки, сосуд, наборный пояс и меч изображены еще именно этой техникой, т. е. благодаря углублению фона вокруг них, хотя голова изваяна объемно⁴.

Все эти факты, взятые вместе, определяют датировку этих изваяний в пределах IV—V вв.

Остается остановиться еще на одном каменном изваянии, вероятно, также относящемся к таштыкской эпохе. Изваяние это известно по фотографии Адрианова, обнаруженной мною в материалах бывшего архива Археологической комиссии⁵. Стояло оно на одном из курганов Уйбатского чаа-таса и сфотографировано Адриановым в июне 1893 г.⁶. Ввиду того что ни один из более поздних исследователей Уйбатского чаа-таса ничего о нем не сообщает, может быть, оно уже не существует. Изваяние это — единственное в своем роде. Это нетолстая и невысокая плита, резко расширяющаяся кверху, на верхнем поперечном крае которой выбит профиль лица человека, смотрящего вверх⁷. Других изображений на плите нет, кроме двух поперечных линий внизу на узкой грани. Это изваяние ничего общего не имеет ни с андроновско-карасукскими, ни с тюркскими скульптурами. Других, кроме выделенных нами, таштыкских изваяний в Хакасско-Минусинской котловине нет. С таштыкскими это изваяние сближает, во-первых, техника исполнения, ибо все выступающие части профиля (лоб, нос, губы и подбородок) выделены благодаря углублению фона; во-вторых, то обстоятельство, что лицо обязательно должно было быть лежащим, иначе его ведь можно было выбить и на боковой узкой грани. Последнее легко объясняется, так как в данном случае, очевидно, нужно было получить также своего рода каменную «маску», но не типа масок-бюстов, которые могли стоять, а простую маску одного лишь лица по образцу аналогичных погребальных терракотовых масок, употреблявшихся только в лежащем положении. Поэтому изображение и было выбито на верхней узкой грани низкой плиты, на которой можно было лишь условно наметить черты лица. Таким образом, и эта плита подтверждает, что таштыкские каменные изваяния с изображениями людей произошли от погребальных масок. Это изваяние является наиболее ранним из всех описанных выше.

⁴ Л. А. Евтюхова. Каменные изваяния Южной Сибири и Монголии, стр. 82, рис. 18.

⁵ Архив ИИМК, д. № 43, 1897, л. 27, фото 1.

⁶ Это изваяние также видел Аспелин и рисунок его воспроизведен в издании материалов его экспедиции — H. Arpelgren-Kivalo. Altaltaische Kunstdenkmäler. Helsingfors. 1931, рис. 183.

⁷ Л. Р. Кызласов. Таштыкские каменные изваяния людей, стр. 143, рис. 59—2.

¹ Л. А. Евтюхова. Каменные изваяния Южной Сибири и Монголии; см. также Л. Р. Кызласов. Памятники поздних кочевников Центрального Казахстана. Изв. АН Казахской ССР, № 108, сер. археологическая, вып. 3. Алма-Ата, 1950.

² Л. А. Евтюхова. Археологические памятники сибирских кыргызов (хакасов), рис. 187 и 193.

³ ДИЮС, табл. I, рис. 23.

ГЛАВА ПЯТАЯ

ИСТОРИЧЕСКИЙ ОЧЕРК ХАКАССКО-МИНУСИНСКОЙ КОТЛОВИНЫ В ТАШТЫКСКОЕ ВРЕМЯ

ДИНЛИНО-ГЯНЬГУНЬСКИЕ ПЛЕМЕНА И ГУННЫ

*

Обратимся теперь к тем немногочисленным фактам, проливающим свет на исторические события, происходившие в Хакаско-Минусинской котловине в таштыкскую эпоху, которые известны нам по единственному письменным источникам — китайским летописям. Согласно этим источникам, в самом конце III в. до н. э. произошло событие, имевшее значительные последствия для Центральной Азии. К 209 г. до н. э. окончательно оформился гуннский племенной союз. Это связано с приходом к власти шаньюя Модэ (209—174 гг. до н. э.). Гунны при Модэ захватили всю территорию Центральной Азии, вели непрерывные грабительские войны с ханьским Китаем и соседними народами. В Шиц-

зи (Исторические записки) Сы-ма Цянь, описывая завоевательные походы гуннов, отмечает, что «впоследствии на севере они покорили владения Хуньюй, Кюеше, Динлин, Гэгунь и Цайли; посему старейшины и вельможи повиновались Модэ-Шаньюю и признавали его мудрым»¹. Это событие произошло в 201 г. до н. э. В настоящее время установлено, что динлины, упоминающиеся в этом сообщении, проживали как раз на территории Хакаско-Минусинской котловины и прежде всего

¹ Н. Я. Бичурин. (Иакинф). Собрание сведений о народах, обитавших в Средней Азии в древние времена, ч. I. М.—Л., 1950, стр. 50.

могут быть отождествлены с «тагарцами»¹. Упомянутые рядом с динлинами гэгунь, или, в другой транскрипции, гяньгунь, связываются с позднейшими хакасами VI—X вв. «Владение Гэгунь», или Гяньгунь, впервые упоминающееся в связи с событием 201 г. до н. э. размещалось в то время южнее динлинов и обычно локализуется в районе озера Кыргыз-нур в Северо-Западной Монголии². К сожалению, из-за археологической неизученности Северо-Западной Монголии раннегяньгуньские памятники до сих пор не выявлены. Полагаем, исходя из указанного географического расположения этих «владений», что идущие с юга гунны, естественно, первоначально овладели гяньгунями и лишь затем, перейдя Саянский хребет, покорили динлин-тагарцев. Последовательность захвата важна для правильного понимания дальнейших событий.

Археологические материалы блестяще подтверждают это краткое указание Шицзи и проясняют ту сложную ситуацию, которая сложилась на территории Хакасско-Минусинской котловины в это время. Дата захвата динлинов гуннами (201 г. до н. э.) совпадает с концом тагарской эпохи. Как раз на рубеже III и II вв. до н. э. появляются памятники, характеризующие уже тагарско-таштыкский переходный этап (начало II в. до н. э.—середина I в. до н. э.). И в то же время, в начале II в. до н. э. впервые распространяются на север и северо-запад за пределы Хакасско-Минусинской котловины позднетагарские курганы с коллективными погребениями (район Красноярск—Марининск). Причем появляются эти курганы в несвойственных для тагарцев лесостепных и таежных районах, где до их прихода жили отличные в этническом отношении племена, с иной материальной культурой³.

Сопоставление фактов может привести к следующему выводу. Покорив в 201 г. до н. э. «владение» динлин-тагарцев, гунны вытеснили часть их на север. Оставшаяся значительная часть динлинов, находясь под верховной властью гуннского шаньюя, смешиваясь с пришельцами гяньгунями, положила начало новой археологической эпохе—таштыкской. Таким взаимодействием и объясняется все своеобразие памятников переходного тагарско-таштыкского этапа, в которых уже появляются почти все особенности, ставшие характерными для собственно таштыкской эпохи.

В это время вместе с гуннами впервые появляются в Хакасско-Минусинской котловине тюркоязычные гяньгуни с их во многом центрально-азиатской культурой, основанной на скотоводческом хо-

зяйстве, с их обрядом трупосожжений, не свойственным ни гуннам, памятники которых довольно хорошо известны, ни тагарским динлинам⁴. Гунны, очевидно, не задержались в Хакасско-Минусинской котловине и вернулись назад в Центральную Азию. Это доказывается полным отсутствием собственно гуннских погребальных памятников на этой территории. Они, конечно, еще могут быть открыты, но уже и сейчас ясно, что это будут лишь одиночные могилы, так как в настоящее время хорошо известна основная масса переходных тагарско-таштыкских погребальных сооружений. Это, во-первых, грунтовые могилы—погребения непосредственно тагарского, динлинского еще, населения с их обрядом и, во-вторых, склепы под большими пирамидами курганами—могилы уже динлино-гяньгуньские с двойственным обрядом: динлинские трупоположения и гяньгуньские трупосожжения, которых еще немного сравнительно с первыми.

В этих склепах нет никаких предметов, которые могли бы быть определены как собственно гуннские, зато встречаются несвойственные гуннам, но несомненно центральноазиатские по своему происхождению вазы, очень напоминающие по формам, тесту глины и орнаменту позднейшие так называемые «кыргызские» вазы VI—X вв.⁵ Их принесли с собой гяньгуни, переселению которых в Хакасско-Минусинскую котловину, вероятно, способствовали сами гунны, для того чтобы не позволить вновь усилиться тагарским динлинам. То же надо сказать и о многих появившихся лишь в раннеташтыкское время типах сосудов и их орнаментах, а также формах других вещей.

Характерно, что нам известны в Центральной Азии не только собственно гуннские погребальные сооружения с трупоположениями, но и могилы с трупосожжениями, несомненно, относящиеся к тому же гуннскому времени. Это не гуннские погребения, а могилы иных, очевидно, этнически отличных от гуннов племен. Такие курганы с трупосожжениями и инвентарем гуннского времени исследованы Г. Боровкой на р. Толе у Нантэ-суме⁶. Таким образом, наличие обряда трупосожжения в Центральной Азии того времени подтверждает наше мнение о трупосожжениях гяньгуней, т. е. том самом обряде,

⁴ Прямые потомки гяньгуней енисейские кыргызы VI—VIII вв. сохранили тот же обряд трупосожжений, о чем нам известно не только из археологических данных, но и из письменных источников—китайских (Таншу—см. Н. Я. Бичурин. Ук. соч., ч. I, стр. 353) и западных персоязычных (Гардизи XI в.—см. В. В. Бартольд. Отчет о поездке в Среднюю Азию с научною целью. СПб., 1897, стр. 111).

⁵ Они отличаются от последних лишь тем, что сделаны еще не на гончарном кругу, а от руки. Они резко отличаются от тагарско-таштыкской керамики своим аморфным тестом из тонко отмученной глины серого цвета—найжены в Большом кургане Уйбатского чаа-таса, раскопанном Клеменцом, в кургане на рч. Туим (1951) и в китайском доме близ Абакана. Ср. синхронную им вазу из Монголии—Сб. «Северная Монголия», вып. 2. Л., 1927, стр. 64—65 и табл. II, рис. 5.

⁶ Г. И. Боровка. Археологическое обследование среднего течения р. Толы. Сб. «Северная Монголия», вып. 2. Л., 1927, стр. 66—67.

¹ Не следует путать этих динлин китайских летописей III в. до н. э.—II в. н. э. с ди, ди-ли, дин-линами, известными с XV в. до н. э. в местности южнее Гоби, которые, по С. В. Киселеву, в XII в. до н. э. передвинулись в Южную Сибирь, заложив основы карасукской культуры—см. ДИЮС, стр. 180—183.

² В. В. Бартольд. Киргизы (исторический очерк). Фрунзе, 1927, стр. 7; ср. С. В. Киселев. ДИЮС, стр. 472—473 и особенно стр. 560—561.

³ В. Г. Карцов. Материалы к археологии Красноярского района. Красноярск, 1929, стр. 21—42.

который, как подробно разбиралось выше, постепенно вытесняет старый тагарский обряд труположений. Гяньгуни принесли с собой и заимствованный из Китая обряд установки в могилах сопровождающих статуэток людей и животных, а также многие центральноазиатские сюжеты в искусстве и детали в устройстве погребальных сооружений, подробно рассмотренные выше.

Проходя через территорию Тувинской котловины гяньгуни увлекли с собой и часть населения этой области¹.

Власть гуннов над Хакасско-Минусинской котловиной поддерживалась с помощью специальных наместников, которые, вероятно, опирались при этом на военные гарнизоны, не обязательно состоявшие из собственно гуннских воинов. По сообщению Таншу, в конце II в. до н. э. гунны поставили «государем у динлинов» Вей-люя, человека степного происхождения, но получившего китайское образование, долгое время бывшего советником шаньюев². В начале I в. до н. э. таким наместником был китайский полководец Ли Лин, разбитый гуннами в 99 г. до н. э. и взятый ими в плен. Гуннский шаньюй Цзюйдихэу женил его на своей дочери, возвел Ли Лина в достоинство западного Чжуки-князя и отдал ему «владение Хягас», где он и скончался в 74 г. до н. э.³

Этому гуннскому наместнику Ли Лину и принадлежал тот китайский по архитектуре дом, развалины которого были раскопаны Саяно-Алтайской археологической экспедицией ГИМ и ИИМК⁴. Датировка этого здания в связи с настоящей работой может быть определена более точно, чем прежде. Дом, несомненно, относится к переходному тагарско-таштыкскому этапу — к началу I в. до н. э., что совпадает со временем пребывания Ли Лина в этом крае. При анализе этого памятника следует иметь в виду, что, как нами установлено, собственно таштыкская эпоха, ее ранний, Изыхский этап, начинается в середине I в. до н. э. Основанием для датировки здания являются прежде всего стратиграфические наблюдения. Оказалось, что после того как здание разрушилось и превратилось в холм, в него были впущены две таштыкские грунтовые могилы, из которых одна даже перерезала стену здания⁵. При скелетах в этих погребениях найдены типичные для таштыкских грунтовых могил сосу-

ды⁶. Таштыкские грунтовые могилы, как доказано выше, относятся только к раннему Изыхскому этапу (середина I в. до н. э. — начало I в. н. э.), а поэтому здание существовало в доташтыкское время. О том же убедительно свидетельствует и обнаруженный в нем инвентарь, распадающийся на следующие группы предметов: а) вещи, характерные для тагарско-таштыкского переходного этапа, б) собственно китайские предметы, в) гуннские вещи.

Рассмотрим эти предметы по указанным группам:

а) В здании оказались следующие типичные для тагарско-таштыкского переходного этапа предметы. Это, во-первых, *железный нож* с кольцом на рукоятке⁷. Такие ножи найдены во всех ныне известных погребальных сооружениях переходного этапа, за исключением грунтовых могил⁸. Это, несомненно, местная форма, воспроизводящая в железе типично тагарские бронзовые ножи с кольцами⁹. Во-вторых, колунообразный *железный топор* с проухом¹⁰. Такие железные проушные топоры появляются, как показано мной, в конце тагарской эпохи, очевидно еще в III в. до н. э.¹¹. В последнее время получено доказательство широкого распространения топоров, аналогичных найденному в китайском доме. В 1950 г. в Хакасский областной музей краеведения поступил клад, случайно найденный в поселке Аскыровка, Усть-Абаканского района, при строительных работах. В состав этого клада, несомненно относящегося к тагарско-таштыкскому этапу (II—I вв. до н. э.), входит 11 экземпляров аналогичных железных топоров¹².

⁶ В одной из могил, например, оказались обломки сферического круглодонного сосуда с линейным орнаментом вокруг прямостоящей шейки — хран. в Красноярском музее, кол. 202, № 96.

⁷ Л. А. Евтюхова и В. П. Левашева. Раскопки китайского дома близ Абакана. КСИИМК, вып. XII. М.—Л., 1946, стр. 81, рис. 41 а.

⁸ Кызыл-кульский чаа-тас, к. № 8 (ОАК за 1897 г., стр. 54 — хран. в ГИМ, ср. ДИЮС, табл. XXIII, рис. 25), в Большом кургане Клеменца на Уйбатском чаа-тасе (ОАК за 1889 г., стр. 82), в кургане Аспелина у с. Тесь (СМЯ, XXIХ. Гельсингфорс, 1921, стр. 6, табл. IV, рис. 10), в кургане на рч. Туим (Архив ИИМК, д. № 573, стр. 104), в кургане № 1 близ улуса Мохова (В. П. Левашева, СА, 1958, № 1, стр. 173, рис. 2—1/3).

⁹ ДИЮС, табл. XXIII, рис. 10 и 12.

¹⁰ Хран. в ГИМ (экспозиция). Первоначально был выкован рубящий неширокий клин, к которому затем приварен проух из согнутой железной пластины. Бородки, как у современных топоров, не было.

¹¹ Л. Р. Кызласов. Железный топорик из Синяино. КСИИМК, вып. XX. М., 1948, стр. 82—85.

¹² В составе клада, кроме топоров, оказались типичные для переходного предташтыкского этапа вещи: 4 ложкообразные бронзовые подвески (аналогичная найдена в к. № 8 Кызыл-кульского чаа-таса — хран. в ГИМ и две — в могиле № 16 Дерестуйского Култука (II—I вв. до н. э.) в Забайкалье — см. ТТКОПОРГО, т. IV, вып. 2. М., 1902, стр. 36—37 и табл. II, рис. а, а'), бронзовая сбруйная бляха — втулка с тремя головками грифов, железный черешковый кинжал типа, найденного на жертвенном месте у д. Ишимки (А. Е. Ермаков. Ишимская коллекция, табл. I, рис. II), железные удила, бронзовые обойма (стилизованная в виде клюва грифа) и «утюжок» — втулка, железная накладка с кольцами.

¹ Об этом свидетельствуют: а) впервые появившиеся в Хакасии во II—I вв. до н. э. погребения в колодах, которые особенно характерны для тувинских погребений этого периода — см. А. В. Адрианов. Выборки из дневников..., стр. 69—70 (2 случая; дата основана на стратиграфии погребений); б) отмеченные выше совпадения в формах сосудов и их орнаментов; в) появление в грунтовых могилах тувинского обряда подкладывания под головы каменных плиток; г) антропологическое сходство части «таштыкцев» с населением уюкского времени Тувы.

² В. В. Бартольд. Киргизы, стр. 7.

³ Н. Я. Бичурин. Ук. соч., ч. I, стр. 73 и 351.

⁴ ДИЮС, стр. 479—484.

⁵ Л. Евтюхова и В. Левашева. Ответ А. Н. Бернштаму. Изв. АН СССР, сер. истории и философии, т. III, № 6, 1946, стр. 573—574.

Таштыкской керамики в этом здании не обнаружено, зато оказались обломки узкогорлой центральноазиатской вазы из серой аморфной глины и черепки тагарского баночного сосуда со скошенным наружу верхним краем. Тагарскими же по форме и технике изготовления являются обломки двух серых баночных сосудов, один из которых имел накладные валики¹. Именно керамика этого типа характерна для курганов переходного тагарско-таштыкского этапа, где обнаружены как обломки центральноазиатских узкогорлых vaz², так и тагарских еще по форме и орнаменту баночных сосудов со скошенным наружу венчиком и накладными валиками³.

б) Не говоря уже о том, что само здание по архитектуре является типичным китайским раннеханьского времени, в нем оказались следующие, подтверждающие датировку, китайские вещи: вазочка из зеленого нефрита⁴, бусина из розового коралла⁵, обломки сосудов великолепного обжига, сделанные на гончарном кругу, и обломки перламутровых морских раковин⁶.

в) Кроме того, в здании обнаружены обломки типично гуннских сосудов: горшкообразного с волнистым и характерным каннелированным орнаментом⁷ и такого же сосуда с бороздчатым узором⁸. Подобные сосуды найдены в древнейших гуннских погребениях Дэрестуйского могильника в Забайкалье (II—начало I в. до н. э.).

Точная принадлежность прочих предметов не ясна. Упомянем два из них, сохранившиеся целиком. Это бронзовая пряжка с неподвижным шпеньком⁹ и оселок для точки ножей, сделанный из гальки и имеющий просверленное отверстие¹⁰. Среди таштыкских подобных пряжек нет. Это, несомненно, пряжка еще тагарско-таштыкского переходного времени. Близкая пряжка найдена в одном из поздне-тагарских курганов I в. до н. э.¹¹. Что касается оселка, то подобные известны и в таштыкское и в тагарское время¹². Кроме того, найдены нефритовые когтевидные привески, безусловно, гуннского происхождения¹³.

¹ Хран. в ГИМ.

² Найдены в Большом кургане Уйбатского чаа-таса (хран. в ГИМ, 85/326) и в кургане на рч. Туим (1951, хран. в Абаканском музее), ср. синхронную им вазу из Монголии — Сб. «Северная Монголия», вып. 2. Л., 1927, табл. II, рис. 5.

³ Большой курган Уйбатского чаа-таса (Клеменц, 1889—1890) — хран. в ГИМ, 85/326. См. рис. 15—1.

⁴ Л. А. Евтюхова и В. П. Левашева. Ук. соч., стр. 81, рис. 416; ср. ДИЮС, табл. XLVI, рис. 7.

⁵ Л. А. Евтюхова и В. П. Левашева. Ук. соч., стр. 82.

⁶ Хран. в ГИМ.

⁷ ДИЮС, табл. XLV, рис. 6.

⁸ Хран. в ГИМ.

⁹ Л. А. Евтюхова и В. П. Левашева. Ук. соч., стр. 79, рис. 39.

¹⁰ Хран. в ГИМ.

¹¹ С. Барандат, курган «за поскотинной» (Оссовский, 1896) — хран. в ГИМ, № 35174—12 (рис. 29—5).

¹² Тагарские — ср. в МЭ, т. IV, вып. 2. Л., 1929, стр. 53, табл. I, рис. 93.

¹³ Хран. в ГИМ. Характерно, что аналогичная нефритовая когтевидная привеска нашлась в переходном тагарско-таштыкском кургане на рч. Туим (Архив ИИМК, д. 573, стр. 104).

Как видим, датировка китайского здания началом I в. до н. э. подтверждается и стратиграфическими условиями и всеми найденными в нем предметами. Такая дата здания совпадает со временем пребывания Ли Лина на Енисее и позволяет обоснованно считать этот дом специально для него построенным зданием. Находки обломков гуннских сосудов, нигде и ни в каких памятниках Хакасско-Минусинской котловины более не встреченные, подтверждают, во-первых, что сами гунны действительно бывали в этих местах, во-вторых, что в доме жил китаец — наместник гуннов. Таким китайцем и был уважаемый шаньюем Цзюйдихэу зять его, полководец Ли Лин.

Но власть гуннов на Среднем Енисее не имела прочной опоры. Сразу же после смерти наместника Ли Лина население Хакасско-Минусинской котловины, которое по традиции по-прежнему называется динлинами в китайских источниках, освободилось от гуннской зависимости. По сообщению Шицзи, около 69 г. до н. э. «динлины, пользуясь слабостью хуннов, напали на них с севера, ухуаньцы вступили в земли их с востока, усуньцы с запада. Сии три народа порубили несколько десятков тысяч человек, и в добычу получили несколько десятков тысяч лошадей и великое множество быков и овец»¹⁴.

Особенно сильным был их напор в 63—60 гг. до н. э., когда «динлины сряду три года производили набеги на земли хуннов, убили и в плен увели несколько тысяч человек, угнали множество лошадей и рогатого скота. Хунны посылали за ними 10 000 конницы, но без всякого успеха»¹⁵. Эти походы динлино-гяньгуньского населения Хакасско-Минусинской котловины, во-первых, способствовали проникновению туда новых масс населения с юга и в первую очередь гяньгуней, часть которых продолжала жить в Северо-Западной Монголии; во-вторых, они способствовали распаду гуннского союза, переживавшего в то время особенно острый кризис. В Цяньханьшу под 56 г. до н. э. упоминается сын Ли Лина, который вел интриги против Хуханье-шаньюя и, очевидно, возглавлял сокрушительные набеги динлино-гяньгуней на гуннские земли¹⁶. В 55 г. до н. э. гуннский союз распался на две части. Во главе южных гуннов продолжал оставаться Хуханье-шаньюй, поддавшийся Китаю, северных гуннов возглавил его старший брат и противник Чжицжи-шаньюй. В 49 г. до н. э. Чжицжи разбил и подчинил себе динлинов и гяньгуней и притом несколько лет со всей своей ордой прожил в земле Гяньгунь, той самой первоначальной родине гяньгуней, которая находилась у озера Кыргыз-нур в Монголии¹⁷. Это событие имело решающее значение для становления таштыкской культуры.

Найдены также в гуннском Иволгинском городище в Забайкалье.

¹⁴ Н. Я. Бичурин. Ук. соч., ч. I, стр. 82.

¹⁵ Там же, стр. 84.

¹⁶ Н. Я. Бичурин. Ук. соч., стр. 87.

¹⁷ Там же, стр. 91 и 93; ср. В. В. Бартольд. Киргизы, стр. 7, а также ДИЮС, стр. 560—561.

Действительно, как показано выше, собственно таштыкские памятники появляются в Хакасско-Минусинской котловине в середине I в. до н. э., что совпадает с захватом динлинов и гяньгуней северными гуннами. Но археологические материалы Изыхского этапа наглядно доказывают, что сами гунны в этом процессе не участвовали. Нет ни гуннских погребений, ни гуннских вещей. Культура таштыкской эпохи, как показано выше, складывается в основном на базе предшествующей культуры тагарско-таштыкского переходного этапа, при наличии нового большого притока гяньгуньского и тувинского населения с юга. Именно в середине I в. до н. э., в начале Изыхского этапа, появляются таштыкские склепы — под юртообразными курганами на правом берегу Енисея и под усеченно-пирамидальными курганами на левом берегу. Последние определенно связываются в своем происхождении с предшествующими тагарско-таштыкскими камерами под пирамидальными курганами, среди которых уже в конце переходного этапа появляются склепы с коридорообразными входами (курган на рч. Туим), что должно связываться с центральноазиатским влиянием. Таштыкские склепы имеют также много новых особенностей центральноазиатского происхождения (усеченно-пирамидальная насыпь, двойные стены камер и т. д.). Таштыкские же грунтовые могилы Изыхского этапа продолжают традицию позднединлинских грунтовых могил, появившихся в переходное время.

Новый массовый и окончательный переход гяньгуней из Центральной Азии на территорию Хакасско-Минусинской котловины вызван, как полагает С. В. Киселев¹, вытеснением их с территории первоначальной родины нахлынувшими ордами Чжичжи-шаньюя, который к тому же перед этим присоединил к своим войскам 50 000 воинов убитого им Илим-шаньюя. Естественно, что потерпевшие военное поражение гяньгуни бежали на север в Хакасско-Минусинскую котловину, где имела родственная для них среда: соплеменники гяньгуни, проникшие сюда впервые еще на рубеже III—II вв., и динлины — прямые противники гуннов. И на этот раз с Верхнего Енисея через Саяны на север проникает какая-то часть смешанного населения, что хорошо засвидетельствовано археологическими фактами².

Таким образом, процесс проникновения тюркоязычных гяньгуней в динлинскую европеоидную среду есть процесс длительный, продолжавшийся на всем протяжении тагарско-таштыкского переходного этапа и закончившийся в середине I в. до н. э., когда пришла основная и последняя часть гяньгуней, что и определило окончательное сложение таштыкской культуры. Возможно, что при всех этих

событиях на территорию Хакасско-Минусинской котловины проникли и некоторые элементы иного этнического происхождения, но они пока ни в археологических материалах, ни в письменных источниках не выявлены (за исключением проникновения из Тувы).

Зато все виды источников подтверждают наличие двух основных этнических компонентов — динлинов и гяньгуней. Более поздние сведения китайских хроник (Таншу) уже определенно указывают, что страна Гяньгунь, или Хагас (Хакас), находилась в VI—X вв. в Хакасско-Минусинской котловине, причем подчеркивается, что «их племена смешались с динлинами»³. Это указание подтверждает упомянутый выше приход гяньгуней в страну Динлин и их смешение с коренным местным населением. Тот же процесс хорошо зафиксирован и таштыкскими масками, среди которых уже с самого начала эпохи имеются и смешанные и европеоидные типы. Но наиболее важно, что маски с явным отпечатком монголоидности известны уже и из переходных тагарско-таштыкских могил, когда впервые появляются гяньгуни на Среднем Енисее⁴.

Приход основной массы гяньгуней в середине I в. до н. э. хорошо объясняет не только многие новые формы вещей, появившихся в инвентаре раннеташтыкских склепов, но и то обилие типов керамики и ее орнаментов, которое неожиданно появляется на Изыхском этапе. Потому же в раннеташтыкское время уже резко преобладает и обряд трупосожжений, вплоть до того, что сожжения появляются даже в грунтовых могилах потомков динлинского населения. Борьба обрядов, как уже показано, закончилась победой гяньгуньского обряда трупосожжений, ставшего единственно известным с Сырского этапа. С приходом гяньгуней в раннеташтыкских склепах появляется и тесно связанный с непосредственным китайским влиянием обряд сопровождения праха богатых статуэтками людей и животных, а также моделями вещей.

Пребывание динлинов и гяньгуней Среднего Енисея под властью северных гуннов продолжалось недолго, так как последние скоро откочевали в Среднюю Азию, где в 36 г. до н. э. были разбиты китайскими войсками, причем сам Чжичжи-шаньюй был казнен⁵.

Впоследствии имя «гяньгунь» исчезает со страниц китайских летописей и не встречается в течение первых пяти веков н. э., появляясь снова лишь в VI в., когда древние гяньгуни в Таншу отождествляются с хакасами. Это неупоминание гяньгуней в китайских источниках может быть объяснено как раз тем, что собственно «владение Гяньгунь» исчезло в связи с уходом всех гяньгуней с территории их родины и возникновением динлино-гяньгуньского

¹ ДИЮС, стр. 561.

² Появление в Изыхское время вазообразных сосудов с гладкими валиками шурмакского типа, а также аналогии в орнаментации синхронных сосудов из Тувы (орнаменты арочный, выпукло-налепной, спиральный, круглоямочный и линейный, в виде поясков вокруг горла сосудов) и т. д.

³ Проф. Н. В. Кюниер. Новые китайские материалы по этнографии кыргызов (хакасов) VII—VIII вв. н. э. Записки Хак. НИИЯЛИ, вып. II, Абакан, 1951, стр. 4.

⁴ А. М. Tallgren. Collection Tovostine. Helsingfors, 1917, рис. 84.

⁵ Н. Я. Бичурин. Уж. соч., ч. I, стр. 93.

антигуннского союза на территории Хакасско-Минусинской котловины. Этот союз продолжает встречаться в летописях под традиционным именем «динлин», хотя потомки тагарских динлинов уже не играли в нем руководящей роли. Такое понимание событий разъясняет теперь и недоумение, высказанное в свое время В. В. Бартольд о том, что в Хоу Ханьшу «динлины иногда упоминаются там, где мы скорее ожидаем встретить их южных соседей (т. е. гяньгуней. — Л. К.)»¹. Гяньгуни, таким образом, не упоминаются здесь потому, что их уже не было в это время в районах южнее Саян и Танну-ола. Владение Динлин упоминается позднее в опи-

саниях борьбы с гуннами китайского императора-узурпатора Ван Мана (8—25 гг. н. э.). Из этих сведений проистекает, во-первых, что динлино-гяньгуни уже давно освободились из-под власти северных гуннов, во-вторых, что они продолжали быть ярыми противниками гуннов. Именно поэтому китайцы в II в. н. э. предполагали «загнать хуннов в Динлин»² а Ван Ман, начиная войну с гуннами, «при составлении двенадцати корпусов войск, динлинов и ухуаньцев поставил в области Дай-гюнь под начальством военачальника Янь-Ю, а семейства их взяты в областные и уездные города в заложники»³.

СУДЬБЫ РАННИХ УГРОВ И ВОПРОС ОБ ЭТНОГЕНЕЗЕ УГОРСКИХ НАРОДОВ ЗАПАДНОЙ СИБИРИ

Дальнейшие события, происшедшие в раннеташтыкское время, имевшие важнейшее значение для истории ряда современных сибирских народов, рисуются лишь на основании археологических материалов, так как и без того скудные сообщения китайских источников не содержат никаких данных об этом. Выше, в соответствующих разделах, были приведены многочисленные конкретные факты, разобранные подробно в каждом отдельном случае, свидетельствующие о том, что к раннеташтыкскому времени (Изыхский этап) в пределах Хакасско-Минусинской котловины сложилась угорская этническая группа племен. Сформировалась эта этническая общность главным образом из потомков тагарских динлинов и археологически представлена в основном грунтовыми могилами Изыхского этапа. Процесс ее сложения, если не считать прямых предков — тагарских динлинов (VII—III вв. до н. э.), говоривших на угорском языке, начался в конце III в. до н. э. Естественно, что потомки динлинов — угры Изыхского этапа — за этот промежуток времени, сосуществуя на одной территории с пришлыми монголоидными племенами, изменили несколько свой антропологический тип в сторону, возможно незначительной, монголизации и представляли собой смешанную группу, сохранившую динлинский (угорский) язык⁴. Этническая самостоятельность и обособленность этих угорских племен, смеем надеяться, доказана при рассмотрении археологических материалов, происходящих из двух

основных групп раннеташтыкских памятников: грунтовых могил и склепов.

При определении этнической принадлежности населения, оставившего ту или иную группу археологических памятников, естественно, необходим комплексный подход, с учетом исторической взаимосвязи рассматриваемых вопросов, чему учил нас В. И. Ленин, указавший, что надо «не забывать основной исторической связи, смотреть на каждый вопрос с точки зрения того, как известное явление в истории возникло, какие главные этапы в своем развитии это явление проходило, и с точки зрения этого его развития смотреть, чем данная вещь стала теперь»⁵.

Рассмотрим первоначально всю ту совокупность археологических фактов, которая позволяет нам утверждать сложение раннеугорского ядра в Хакасско-Минусинской котловине на рубеже нашей эры. Это, прежде всего те удивительные по совпадениям параллели между материальной культурой, погребальными обычаями и верованиями обских угров (и прежде всего — хантов, в их недавнем прошлом), с одной стороны, и населением, оставившим раннеташтыкские грунтовые могилы, с другой. Неслучайность этих совпадений определяется тем, что ни у какого другого сибирского народа и ни в каких других известных ныне археологических культурах нет подобного большого *совпадающего комплекса* указанных явлений в материальной и духовной областях. Для того чтобы не повторяться, напомним лишь, подробно изученные выше, хантско-таштыкские аналогии. Во-первых, прямые аналогии в погребальном обряде хантов и в грунтовых моги-

¹ В. В. Бартольд. Киргизы, стр. 8.

² В связи с нашим пониманием, что тагарские динлины говорили на раннеугорских диалектах, особую важность приобретает вопрос о происхождении «тагарцев» и их культуры. Этот вопрос требует специального исследования.

³ Н. Я. Бичурин. Ук. соч., ч. I, стр. 107.

⁴ Там же, стр. 145.

⁵ В. И. Ленин. О государстве. Соч., т. 29, стр. 436.

лах (завертывание покойников в берестяной чехол, употребление одинаковых по назначению погребальных масок, погребальных кукол и кукол с масками)¹. Во-вторых, прямые совпадения в материальной культуре. Здесь, прежде всего, следует упомянуть найденные в грунтовых могилах берестяные туески с пришивными днищами, орнаментированные иногда звездчатым орнаментом². Аналогичные туески и коробки именно с пришивными днищами и звездчатым орнаментом характерны хантам и селькупам (последние заимствовали угорскую берестяную посуду и ее орнаменты)³. «Хантской» по форме и характерному орнаменту является берестяная овальная коробка с крышкой из Оглахтинского могильника, с пришивным дном, причем даже техника нанесения орнамента (из вписанных друг в друга углов) целиком совпадает с хантской (рис. 35)⁴. Так же как и «таштыкцы», ханты постоянно изготавливали из бересты и в особенности из дерева разнообразные сосуды (чашки, блюда, корытца и т. д.)⁵, ведра с пришивными берестяными днищами⁶, деревянные ложки и черпаки⁷. Так же как и «таштыкцы», ханты носили на поясах в специальных ножнах аналогичные таштыкским длинные оселки для точки ножей, с отверстием у одного конца; так же раскалывали стволы деревьев колотушками с помощью деревянных клиньев и т. д.⁸. Ханты, подобно «таштыкцам», нередко одевались в такие же куртки из замши или сшитые из отдельных шкурок; как женщины, так и мужчины носили косы. Наиболее важно сходство сохранившихся до современности собственно хантских пряжек с таштыкскими. Мы имеем в виду глубоко архаичные и традиционные по форме пряжки специальных женских поясов («вороп»). Они отливались хантами из олова, имели подквадратную форму и неподвижный шпенок для закрепления ремня, а посредине обязательный крест, выделяющийся благодаря треугольным отверстиям (рис. 55—3)⁹. Совершенно аналогичны им некоторые формы раннеташтыкских пряжек с неподвижным шпеньком и таким же крестом на щитке (рис. 55—4)¹⁰. Любопытно, что в

хантских могилах XIX в. встречаются костяные булавки или шилья с головками, близкие по форме таштыкским, характерным для грунтовых могил¹¹, а в одном из погребений нашлось даже вырезанное из бересты изображение оленя, быть может, свидетельствующее об отдаленном воспоминании обычая укладывать в могилы изображения животных¹². Характерно также, что древние погребальные сооружения обских угров представляли собой типичные грунтовые могилы со срубами и бревенчатыми перекрытиями¹³.

Явно не случайные совпадения отмечаются и в области верований хантов и «таштыкцев». Выше этот вопрос разбирался подробно при изучении ряда таштыкских вещей. Напомним полные совпадения бронзовых статуэток гусей с аналогичным древним божеством хантов, называвшимся «Гусь», а также небольших бронзовых фигурок гусей (с кольцом) с индивидуальными идолами остяков аналогичного вида. То же следует сказать о культе орла, родовом культе тотемных предков (орел, гусь, дерево) и культе умерших сородичей.

Очень важно полное совпадение таштыкских родовых тамг в виде деревьев «на подставках», обычно трехногих, с хантскими родовыми «знаменами» (тамгами), нигде более не встречающимися (в качестве тамг) ни в археологических культурах, ни у других народов Сибири. То же надо сказать и про тамги в виде геральдических изображений птиц (рис. 55—6, 7). Следует упомянуть, что как у «таштыкцев» (раскраска погребальных масок), так и у современных хантов была широко распространена татуировка¹⁴. При всем том необходимо напомнить всю сложность процесса угорско-гяньгунского взаимодействия, в особенности в раннеташтыкское время, когда известная часть угров, вступившая в наиболее тесный контакт с гяньгунами, хоронила своих покойных в склепах. Поэтому и в склепах мы находим некоторые таштыкско-хантские параллели. Это естественно, так как длительное сожительство ранних угров с гяньгунами наложило известный отпечаток на многое из того, что они вынесли с собой и сохранили после ухода из Хакасско-Минусинской котловины около середины I в. н. э. В этом смысле особенно важны совпадения плана и конструктивных особенностей старинных хантских жилищ землянок с левобережными таштыкскими склепами, которые воспроизводят еще не открытые таштыкские жилые землянки (усеченно-пирамидальная крыша, крытая жердями и берестой, над прямоугольной ямой с коридорообразным спускающимся входом; укрепление стенок ямы вертикально

¹ К. В. Харламович. К вопросу о погребальных масках и куклах. ИОАИЭ, т. XXIII, вып. 6. Казань, 1908, стр. 472—482.

² ДИЮС, табл. XXXVIII, рис. 20.

³ Е. Д. Прокофьева. Орнамент селькупов. Краткие сообщения Ин-та этнографии, вып. X, 1950, стр. 29—39 и рис. 6.

⁴ В. Н. Чернецов. Орнамент ленточного типа у обских угров. СЭ, 1948, № 1, стр. 141; ср. СЭ, 1949, № 3, стр. 126, рис. 26.

⁵ Г. Старцев. Остяки. Л., 1928, стр. 28.

⁶ U. T. Sirelius. Ornamente auf Birkenrinde und Fell bei den Ostjaken und Wogulen, Helsingfors, 1904, t. 1.

⁷ М. Б. Шатилов. Ваховские остяки. Тр. Томского краевого музея, т. IV. Томск, 1931, стр. 53.

⁸ У. Д. Сирелиус. Домашние ремесла остяков и вогулов. Ежегодник Тобольского музея, вып. XV. Тобольск, 1906, стр. 60—69 и рис. 82 и 107.

⁹ С. Руденко. Предметы из остяцкого могильника возле Обдорка. Отд. оттиск из II тома «Материалов по этнографии России». СПб., 1914, стр. 13 и рис. 25; ср. А. А. Душин-Горкавич. Тобольский север, т. III, рис. 36(28).

¹⁰ Гос. Эрмитаж, собрание Товостины, кол. 3975—318.

¹¹ Музей антропологии МГУ, кол. Д. Т. Яновича из раскопок в 1909 г. хантских могил XIX в. между Обдорком и р. Щучей, № VIII—149.

¹² А. А. Душин-Горкавич. Ук. соч., т. I, стр. 96.

¹³ В. Н. Чернецов. Командировка в Березовский район Остяко-Вогульского округа (1935 г.). СА, т. 3, М.—Л., 1937, стр. 255.

¹⁴ С. И. Руденко. Графическое искусство остяков и вогулов. МЭ, т. IV, вып. 2. Л., 1929, стр. 14—19.

установленными столбиками, сооружение полатей-лежанок и т. д.)¹.

Таким образом, нами изложена та сумма фактов в областях материальной и духовной культуры раннетащтыкского общества, которая имеет этнографическую реальность у хантов, сохранивших до сих пор весь этот весьма древний комплекс. Анализ археологических материалов прежде всего позволил выявить и определить угорскую группу племен среди населения раннетащтыкского времени в Хакасско-Минусинской котловине.

Но, как выясняется, это мнение может быть подтверждено не только археологическими материалами. Чрезвычайно важно, что этот факт подтверждается и палеоантропологическими исследованиями. Изучая черепа из грунтовых тащтыкских погребений, Г. Ф. Дебец установил, что они уже отличаются от тагарских большей грацильностью, объясняющейся как явлениями расогенетического процесса, так и метисацией. Указав, что «все черепа, взятые вместе, почти идентичны женским тагарским», он в то же время сделал вывод: «Краниологически они сходны скорее с остяками, чем с черепами тагарской стадии»². И далее, после изучения тащтыкских погребальных масок, Г. Ф. Дебец указывает: «Перед нами смешанная группа, состоящая из европеоидных и монголоидных элементов. Суммарная характеристика ближе всего к метаморфному уральскому типу, характерными представителями которого являются шорцы, барабинские татары и большинство обских угров. Изучение масок приводит, следовательно, к тем же выводам, что и изучение черепов. В тащтыкскую эпоху в Минусинский край проникают представители азиатского ствола, смешивающиеся с автохтонным европейским населением. В результате смешения создается метисный тип...»³. В другой своей работе Г. Ф. Дебец прямо указывает, что «элементы этнической и расовой преемственности между носителями тащтыкской и тагарской культуры не вызывают сомнения»⁴.

Как видим, эти выводы палеоантропологии целиком совпадают с выводами, полученными в результате исторического анализа археологических и письменных источников. Почему-то ранее на палеоантропологические указания сходства населения, оставившего грунтовые могилы, с остяками (хан-тами) не обращалось должного внимания.

В связи с угорской этногенетической проблемой любопытно обратиться также и к данным по антропологии современных народов Сибири. Оказывает-

ся и здесь выявляются интересные связи обских угров с некоторой частью современного населения Алтае-Саянского нагорья. Наиболее детально это выявлено антропологическими исследованиями народов Саяно-Алтая, производившимися в 1924—1927 гг. А. И. Ярхо. Им выделен урало-алтайский или же северно-азиатский тип, который «имеет центр локализации у шорцев, сильно распространен в Хакасии, проявляясь у бельтир и кызыльцев»⁵. Как выяснилось, этот тип идентичен типу обских угров и к нему относятся, прежде всего, северные алтайцы (шорцы, кумандинцы, шелканцы или ку-кижи, частично телеуты) и южные хакасы (сагайцы и бельтиры, частично кызыльцы)⁶.

На той же точке зрения стоит и Н. Н. Чебоксаров в своем очерке, посвященном проблеме этногенеза «угро-финской» языковой семьи⁷. Им выделяется «уральская» антропологическая группа, занимающая промежуточное место между монголоидами и европеоидами, представленная главным образом обскими уграми (ханты и маньси), причем он полагает, что смешанность этой антропологической группы относится к глубокой древности. Наиболее важен вывод: «Наличие в составе угро-финнов тех же уральских антропологических типов, что и в составе ненцев, селькупов, сибирских татар, шорцев, части алтайцев и хакасов, является отражением глубоких этногенетических связей между всеми этими народами»⁸.

Эти указания антропологической науки важны еще и в том отношении, что они указывают и географические районы, через которые установились древние генетические связи населения Западной Сибири с обитателями Алтае-Саянского нагорья. Образуется как бы непрерывная цепочка: Хакасско-Минусинская котловина (южные хакасы) — Северный Алтай (северные алтайцы) — р. Томь и Средняя Обь (телеуты и сибирские татары), а ниже — обские угры (в первую очередь ханты).

Это и есть путь движения раннеугорских племен из Хакасско-Минусинской котловины на Среднюю Обь.

Такой путь подтверждается и данными топонимики.

Общезвестно, что угорские термины «ас» или «ес» означают «река»⁹. По-хантски «ас», собственно, понимается как «большая река вообще» и, в частности, так называется река Обь («Ас» — «боль-

¹ Г. Старцев. Ук. соч., рис. на стр. 27; А. А. Дунин-Горкавич. Тобольский север, т. III. Тобольск, 1911, стр. 73; И. Г. Георги. Описание всех обитающих в Российском государстве народов. СПб., 1799, стр. 81 и, главное, см. U. T. Sirelius. Über die primitiven Wohnungen der finnischen und ob-ugrischen Völker. Finnisch-Ugrische Forschungen. Bd. VII, 1907, стр. 106—107.

² Г. Ф. Дебец. Палеоантропология СССР. М.—Л., 1948, стр. 129—130 (подчеркнуто мною. — Л. К.).

³ Г. Ф. Дебец. Ук. соч., стр. 134 (подчеркнуто мною. — Л. К.).

⁴ Г. Ф. Дебец. Селькупы (Антропологический очерк). Тр. Ин-та этнографии, новая сер., т. II, М.—Л., 1951, стр. 132.

⁵ Проф. А. И. Ярхо. Алтае-Саянские тюрки. Абакан, 1947, стр. 124—125.

⁶ Там же, стр. 127—136.

⁷ Н. Н. Чебоксаров. К вопросу о происхождении народов угро-финской языковой группы. СЭ, 1952, № 1, стр. 36—50.

⁸ Н. Н. Чебоксаров. Ук. соч., стр. 49; Ср. у Г. Ф. Дебец. Антропологические исследования в Камчатской области. М., 1951, стр. 71; характеристику обских угров см. на стр. 13—16.

⁹ СЭ, 1947, № 2 стр. 199.

шая река»)¹. Некоторые группы маньсей поэтому же и реку Иртыш тоже называют «Ас». Отсюда же происходит и одно из самоназваний хантов: «ас-хо» — «обский (речной) человек», во множественном числе: «ас-ях», т. е. «обский (речной) народ»². Некоторые исследователи полагают, что от этого «ас-ях», или «ась-ях», и происходит русское название хантов — «остяк»³. На ряде диалектов хантского языка (ваховский, васюганский, верхнекалымский) Обь называется не Ас, а Ес⁴. Точно так же на васюганском диалекте и в Тарской области р. Иртыш называют «Катан ес» (дословно: «татарская река»)⁵, на васюганском же диалекте и в Сургутском округе р. Енисей называют «Кокынг ес»⁶, а р. Таз — Тасмес⁷. Термины «ас» и «ес» входят, в том же значении, и в такие современные слова хантов, как «пас» — протока⁸, «оуес» — низовья реки⁹, «натес» — ручей¹⁰. Все это лишний раз доказывает, что в древности, очевидно, термины «ас» и «ес» в значении — «река» — «большая река», быть может, «вода»¹¹ в угорских диалектах были более широко распространены, чем в настоящее время.

Любопытно, что в Хакасско-Минусинской котловине встречаются очень древние названия рек, которые невозможно расшифровать непосредственно с тюркского языка. Среди них многие включают в себя элементы «ас» и «ес», причем надо указать, что все это в основном крупные притоки или же самостоятельные реки. Таковыми являются левые притоки р. Абакана: *Аскыз* и *Ес* (хакасское: Ес-сух, или Ис-сух, русское: р. Есь), образующая при слиянии рек М. Есь и Б. Есь. То же самое можно сказать и о реках: Тес-сух (русс. Тесь), Бес-сух, Магази-сух, Базы-сух (русс. База), Сарас (русс. Сереж, или Сераж), Избас, Албас и т. п.

Сохранившиеся названия рек в форме Ес-сух, Тес-сух, Бес-сух, Магази-сух, Базы-сух доказывают, что тюркский (хакасский) термин «сух» (вода — река), присоединен к более древней угорской основе, в которую входило угорское «ас» — «ес», само уже означающее «реку».

Аналогичное положение и на Северном Алтае, где имеются реки: Мрас-су, Тельбес-су, Терес-су, Кырмес, Тесь, Бадаяс, Каз, Тутуяс и севернее — Антибес (приток р. Кии), Кельбес (приток р. Яи)

¹ А. Ahlqvist. Ueber die Sprache der Nord-ostjaken. Helsingfors, 1880, стр. 66.

² Там же.

³ М. Б. Шатилов. Ваховские остяки. Тр. Томского краевого музея, т. IV. Томск, 1931, стр. 30.

⁴ K. F. Karjalainen's ostjakisches Wörterbuch bearbeitet und herausgegeben von J. H. Toivonen, Bd. I—II, Helsinki, 1948, стр. 84.

⁵ Там же, стр. 85.

⁶ Там же.

⁷ Там же, стр. 1026.

⁸ Там же, стр. 741.

⁹ Там же, стр. 17.

¹⁰ H. Raasonen. Ostjakisches Wörterbuch. Helsingfors, 1926, стр. 146.

¹¹ П. С. Паллас указывал, что «по-вогульски в Верхотурской округе «Ась» значит даже «море» — см. его «Сравнительный словарь всех языков и наречий, по азбучному порядку расположенный», ч. I, А-Д. СПб., 1790, стр. 109.

и т. д. Кроме Хакасско-Минусинской котловины и Северного Алтая подобная топонимика есть еще как раз в Западной Сибири, в местах, где жили раньше или же и сейчас живут ханты. Так, например, доказано Е. Д. Прокофьевой, что на территории расселения современных селькупов (Туруханский край и Нарым) селькупские названия рек сохраняют угорский термин реки «ас», «ес», хотя по-селькупски «река» называется «кы». Таковы реки: Нопас, Косес, Локес-кы и т. д.¹². То же самое имеется и на левобережье р. Оби, в частности по Васюгану и в других местах, где живут ханты. Например, реки: Тартас, Туртас, Таурас, Рогарес, Кутис, Атнис (ас — ес — ис) и т. д.¹³. Причем здесь уже угорское название не имеет более поздних наслоений вроде как в хакасском «сух», североалтайском «су» и в селькупском «кы». В древности, несомненно, на всех этих территориях названий рек с угорскими топонимами было неизмеримо больше. Так, можно отметить, что в «Чертежной книге Сибири», составленной С. Ремезовым в 1701 г., на «Чертеже земли Красноярского города» показаны левый приток Енисея р. Огр (Угр?) и правый — Язагал¹⁴. Последнее название состоит, очевидно, из «Ас+игал», что по-угорски значит «малый приток большой реки», ибо «игал» на ваховском диалекте хантского языка означает буквально «малый приток реки»¹⁵. Это, очевидно, подтверждает, что и ранние угры, некогда жившие на Енисее, называли его Ас, так же, как и современные их потомки.

На картах С. Ремезова наглядно показано, что сходные по топонимике территории Алтае-Саянского нагорья и Западной Сибири некогда не имели разрыва в этом отношении. Им, например, указаны р. Курбес, левый приток Оби (несколько выше впадения в нее Томи)¹⁶, а в бассейне р. Чаи — приток ее Чагас¹⁷. Кроме того, Ремезов указывает еще притоки Тыма: Пегас, Напас, Пактас¹⁸ и Коенсес¹⁹.

Исходя из этих наблюдений, следует признать, что Северный Алтай и Хакассия имеют угорскую топонимику, подтверждающую мнение о дотюркском угорском населении этих территорий, очевидно, в тагарское и раннетащтыкское время.

Однако есть еще одна топонимическая группа, которая подтверждает вышесказанное. Дело в том, что на юге Хакасско-Минусинской котловины и на Северном Алтае распространены, кроме того, небольшие речки, являющиеся, точнее говоря, небольшими притоками рек с названиями, оканчивающимися на «сос», «зос», «зас», «сас»: рч. Сос; Онзос, Кызас, Канзас (Хакассия), Пызас, Майзас, Узас,

¹² СЭ, 1947, № 2, стр. 199.

¹³ Уч. зап. ЛГУ, сер. востоковедческих наук, вып. 2. Л., 1948, стр. 292.

¹⁴ Чертежная книга Сибири, составленная Тобольским сыном боярским Семеном Ремезовым в 1701 г. СПб., 1882.

¹⁵ М. Б. Шатилов. Ук. соч., стр. 31.

¹⁶ «Чертеж земли Томского города».

¹⁷ Там же.

¹⁸ «Чертеж земли Сургутского города».

¹⁹ «Чертеж земли Нарымского города».

Калзас, Сынзас, Базас, Укзас и т. д. (Горная Шория) и севернее — рч. Барзас (приток р. Яи). Топонимы эти не тюркские и с тюркских языков непереводимы. Но те же топонимы известны также только в Западной Сибири: Майзасс, Исасс, Каинцасс, Арынцасс, Узас (притоки Тары), Каланцасс, Каинсасс, Исасс (притоки р. Уй), Айсаз (приток Чертала), Онзас (приток М. Сосьвы) и т. д.

Еще В. В. Радлов, отметив эти окончания названий рек Южной Хакассии и Северного Алтая, пытался объяснить их с кетского «сес» — река, ручей¹. Причем Радлов на основании их даже предлагал «признать кузнецких татар (т. е. шорцев. — Л. К.) енисейцами (т. е. кетами. — Л. К.)». Это совершенно некритически восприняли у Радлова занимавшиеся сибирской топонимикой В. Б. Шостакович² и А. П. Дульзон³, а также историк алтайцев Л. П. Потапов. Последний, отметив некоторую языковую общность северных алтайцев и угров, общность их антропологического типа, привел яркие и убедительные этнографические параллели, подтверждающие их близость, однако, поверив в топонимические указания Радлова, дальше этого не пошел, стараясь изыскать следы общности шорцев и кетов⁴. Однако Радлов ошибался в этом вопросе. Дело в том, что эти окончания рек не могут быть переводимы и отождествляемы с кетским «сес» — река. На то имеются несколько весьма существенных возражений.

1. По данным целого ряда авторов и в первую очередь такого лингвиста, как Кастрен, река по-кетски есть «сес»⁵, по Палласу — «сесь»⁶, по Каргеру — «шес»⁷. Кетское «сас» («шас») есть множественное число от «сес» и означает «реки»⁸. В этом значении оно никак не могло входить в окончание названия одной реки. В то время как «сос» и «зос», «зас» или «сас» (все-таки никогда не «сес») могут означать собой лишь «речка», несомненно, в единственном числе (например, Онзос — «речка Он», так

же как и Терес — «река Тер» или Тес-сух — «река Те», ср. хак. Тё-сух, русск. р. Тёя).

2. На территориях современного расселения кетов и в местах прежнего бытования кетоязычных племен (аринов, ассанов, коттов, части камасинцев и т. д.) нет названий рек с выше приведенными топонимами. Это правильно отмечено на карте топонимов в работе Дульзона, так как граница рек с окончаниями на «зос», «зас», «сас», распространенных в Хакассии и на Северном Алтае, не выходит севернее 55° широты, опускаясь острым языком вниз по течению реки Томи в направлении на р. Обь⁹. Это направление совпадает с путем движения угров из Хакасско-Минусинской котловины через Северный Алтай по Томи на Обь. Любопытно в этой связи предположение, высказанное еще в XVIII в. И. Г. Георги, что южные обские остяки (асьяхи) в древние времена перешли «с верхней Томи реки жить на север»¹⁰.

3. Современные данные по этнографии кетов (жилище, одежда, инвентарь, погребальный обряд и т. д.) не находят в настоящее время никаких связей с археологическими культурами Хакасско-Минусинской котловины, в особенности с памятниками тагарской эпохи, как бы этого ни хотелось некоторым этнографам. Весьма вероятно, кеты проникли в места своего теперешнего обитания довольно поздно и двигались они скорее всего с Восточного Саяна, из бассейнов рек Кана и Маны, а не из Хакасско-Минусинской котловины. Об этом свидетельствует целый ряд фактов. Во-первых, непрерывное расселение кетоязычных племен (кетов, аринов, ассанов, яринцев, коттов и др.) в XVII в. на территориях от Енисея (устье Подкаменной Тунгуски) до истоков рр. Кана и Уды¹¹, причем котты и часть других кетоязычных родов в составе камасинцев дожили в Канском округе до современности¹². Во-вторых, по свидетельству Кастрена, сами кеты в середине XIX в. называли себя Канас-кет, т. е. «Канский человек» — «человек с р. Кана»¹³ (причем «Кан» может объясняться с кетского — «дорога», «путь», очевидно водный «путь»). В-третьих, на этой же территории прежнего расселения кетоязычных племен имеется и кетская топонимика — речки с окончанием на «дат», «тет» (от коттского «сет» — речка)¹⁴, аринского «сат» — река (Итат, Чердат, Ирдет, Тюхтет, Тайшет и др.), а так же «ул» (от кетско-коттского «уль» — вода — Агул, Тагул, Ибрюль и др.)¹⁵.

Таким образом, очевидно, что топонимы «сос» — «зас», «сас» являются древнеугорскими.

¹ W. Radloff. Aus Sibirien. Bd. I. Leipzig, 1893, стр. 188—189. Ошибки Радлова заключаются в том, что, не владея кетским языком, он, во-первых, допускал, что по-кетски не только «сес», но и «сас» означает «река», во-вторых, он путал истинные названия речек Северного Алтая и писал ошибочно вместо: Пызас — «Пейзес», вместо Канзас — «Камзас», вместо Сынзас — «Синзес» и т. д., а затем переводил их с кетского, что недопустимо.

² В. Б. Шостакович. Историко-этнографическое значение названий рек Сибири. Изв. ВСОРО, т. 49, вып. 2. Иркутск, 1926, стр. 114—130.

³ А. П. Дульзон. Древние смены народов на территории Томской области по данным топонимики. Уч. зап. ТГПИ, т. VI, сер. физико-матем. и естественно-географ. наук. Томск, 1950, стр. 175—183.

⁴ Л. П. Потапов. Очерки по истории алтайцев, 2 изд. М.—Л., 1953, стр. 153—155. Ср. мою рецензию на это издание в ВИ, 1954, № 7, стр. 149—153.

⁵ M. A. Castren. Jénissei-ostjakischen und Kottischen Sprachlehre. St. Pbg. 1858, стр. 186, 232 и 238.

⁶ П. С. Паллас. Ук. соч., ч. IV, стр. 46.

⁷ Языки и письменность народов Севера, ч. III. М.—Л., 1934, стр. 228.

⁸ M. A. Castren. Ук. соч., стр. 186.

⁹ А. П. Дульзон. Ук. соч.

¹⁰ И. Г. Георги. Описание всех обитающих в Российском государстве народов. СПб., 1799, стр. 77.

¹¹ Б. О. Долгих. Племена Средней Сибири в XVII в. Краткие сообщения Ин-та этнографии, VIII. М.—Л., 1949, стр. 35—47 и карта.

¹² А. Я. Тугаринов. Последние калмажи. М., 1926, стр. 87—88.

¹³ M. A. Castren. Ук. соч., стр. 243.

¹⁴ Там же, стр. 238 и А. П. Дульзон. Ук. соч.

¹⁵ Там же, стр. 259 и А. П. Дульзон. Ук. соч.

И это находит себе подтверждение. Если термины «ас» и «ес» употреблялись (и употребляются ныне) для обозначения «большой реки вообще», то «сос» («зос» — «зас» — «сас») — термин для обозначения малых речек, небольших притоков. И, действительно, в мансийском языке сохранился до сих пор термин «сос» в значении «речка», «ручей»¹, в хантыйском же он произносится ныне «шош»². Теперь понятно, почему на Северном Алтае и в Хакасии реже встречается топоним «сос» («зос»), чем «сас» — «зас», ибо он в тюркском произношении, подчиняясь гармонии гласных, звучит ныне чаще как «сас» или «зас», имея довольно широкое распространение.

Из приведенного анализа топонимических материалов представляется несомненным, что некогда угры населяли Хакасско-Минусинскую котловину и Северный Алтай, что могло быть в таштыкскую и, еще раньше, в тагарскую эпохи. Угорские топонимы «ас» — «ес» и «сос» («зос», «сас», «зас»), распространенные в этих местах, имеют то чрезвычайно важное значение, что они доказывают наличие угорского языка у раннетащтыкских угров и у их непосредственных предков — тагарских динлин.

Имеются и некоторые археологические данные, к сожалению, еще недостаточные из-за неизученности долин рр. Томи и Средней Оби, но подтверждающие, что ранние угры двигались с берегов Енисея именно этим самым путем: через Томь на Обь, а также через районы по линии Ачинск — Новосибирск. До недавнего времени не было свидетельств распространения типично таштыкских вещей за пределы Хакасско-Минусинской котловины. В настоящее время, благодаря последним исследованиям М. П. Грязнова на Верхней Оби и под Новосибирском, такие свидетельства получены. Исследование разновременных могильников и синхронных им поселений позволило М. П. Грязнову создать классификационную схему, отражающую развитие местных культур на Верхней Оби³. При этом оказалось, что с VII в. до н. э. по I в. н. э. на Верхней Оби обитали племена одной и той же этнической группы (Большереченская культура), но со II в. появляются памятники Одинцовского этапа Верхнеобской культуры, которые, по М. П. Грязнову, не обнаруживают преемственности с предшествующей культурой. М. П. Грязнов полагает, что во II—IV вв. на Верхней Оби появляются значительные группы нового населения, которое, по его мнению, «надо связывать с группой угорских племен Западной

Сибири»⁴. По его мнению, одинцовские племена по общему облику культуры «резко» отличаются от южносибирских племен. М. П. Грязнов делит Верхнеобскую культуру на III этапа: Одинцовский (II—IV вв.), Переходный (V—VI вв.) и Фоминский (VII—VIII вв.). Датировка этих этапов требует еще уточнений, в особенности Переходного и Фоминского. С нашей точки зрения, погребения Переходного этапа по инвентарю и другим особенностям должны быть объединены с Одинцовскими в пределах II—IV вв. н. э. На приведенной таблице Переходного этапа нет ни одного предмета, который бы мог датироваться V—VI вв. Это несомненно ранние вещи, среди которых встретились, например, витая гривна, характерная для Изыхского этапа (I в. до н. э. — I в. н. э.) таштыкской эпохи⁵, типично таштыкская бронзовая подвеска в виде миниатюрного котелка «скифского» типа⁶, которые встречаются в таштыкских памятниках лишь с I в. до н. э. по III в. н. э., не позже и т. д. Не дают оснований для подобного обособления «переходных» могил и стратиграфические данные. Расположение четырех «переходных» могил по окраине Одинцовского могильника свидетельствует скорее об их одновременности, чем о более позднем времени, так как и одинцовские и «переходные» могилы являются грунтовыми и поэтому надо было знать, где располагаются более ранние погребения, чтобы не затронуть их. Особенно любопытно, что среди «переходных» есть могилы с трупосожжениями. Здесь впервые фиксируется появление этого совершенно нового для Верхней Оби обряда.

Как бы то ни было, эти племена «по общему облику культуры» никоим образом не отличаются «резко» от южносибирских племен, так как и формы погребальных сооружений, и обряд, и инвентарь близки раннетащтыкским.

Прежде всего одинцовские и переходные могилы — такие же грунтовые, как и таштыкские, со срубам и перекрытием из жердей и бересты, иногда с берестяной подстилкой. Ориентировка скелетов головой на северо-восток также совпадает с ориентировкой значительного количества таштыкских грунтовых погребений. Встречены и скелеты, завернутые в бересту, как это было в тагарских могилах и в таштыкских грунтовых, а позднее у хантов. Появились и погребения по обряду трупосожжений. Любопытно, что совпадает даже обряд намогильных тризн, благодаря чему в почвенном слое на Одинцовском могильнике найдены черепа и кости ног лошади, т. е. те же самые части конского скелета, которые встречаются в поминальных остатках, находимых в верхних слоях таштыкских грунтовых и ранних правобережных склепов⁷. Особенно характерно большое количество раннетащтыкских

¹ В. Н. Чернецов и И. Я. Чернецова. Краткий мансийско-русский словарь, стр. 98; ср. у Палласа (Ук. соч., ч. IV, стр. 83) «созым» — лить по-мансийски (у Чердыма).

² Отметим также, что в Западной Сибири, на правых притоках р. Тары, в названиях поселков встречаются топонимы, буквально аналогичные шорским: Узас, Майзас и др. — «Атлас СССР», М., 1954, л. 61—62.

³ М. П. Грязнов. Археологическое исследование территории одного древнего поселка. КСИИМК, вып. 40. М., 1951, стр. 105—113.

⁴ М. П. Грязнов. Ук. соч., стр. 111.

⁵ Там же, рис. 30—132.

⁶ Там же, рис. 30—138.

⁷ Горькое озеро, ур. «Копи» (1925), м., № 14—15; «Копи» у Горького озера (1928), м., № 33—34; с. Кривинское, ко № 3 и 5 (1928).

предметов в общем комплексе инвентаря этих погребений. Это, во-первых, типично таштыкские бронзовые пряжки I типа округлоконечные с неподвижным шпеньком (I в. до н. э. — II в. н. э.)¹, бронзовые миниатюрные котелки-подвески, носимые вверх ногами (I в. до н. э. — III в. н. э.)², ножи в ножнах с железной цепочкой из восьмеркообразных звеньев (I в. до н. э. — II в. н. э.)³, стеклянные позолоченные бусы, в том числе и слитые по 2—3 вместе⁴, распространенные также в гуннских погребениях Забайкалья⁵, а не столько на западе, как указывает М. П. Грязнов (I в. до н. э. — I в. н. э.), полушарные нашивные бляшки с двумя отверстиями (I в. до н. э. — II в. н. э.)⁶ и т. д. Совпадают с таштыкскими по формам и многие другие предметы: округлые железные пряжки с подвижными язычками (II в. до н. э. — II в. н. э.)⁷, костяные черешковые наконечники стрел (I в. до н. э. — I в. н. э.)⁸, бронзовые пряжки с хоботовидным подвижным язычком (I—II вв. н. э.)⁹ и т. д.

Что касается глиняных сосудов, то только одна форма может сближаться с таштыкской — это сферический сосуд с невысокой прямостоящей шейкой (тип 19), украшенный близким остроугольно-тычковым орнаментом (I в. до н. э. — I в. н. э.)¹⁰. В общем же керамика из этих памятников иная.

Как показано выше, к середине I в. н. э. в Хакаско-Минусинской котловине прекращаются погребения в грунтовых могилах. Это произошло потому, что угры — потомки тагарских динлинов — вытесняются нахлынувшими гянгунями, что подтверждается косвенно постепенной победой обряда трупосожжений. Поэтому в I в. н. э. раннетащтыкские угры в значительной своей части двинулись на запад через вышеуказанные районы. О многочисленности угорского населения Хакаско-Минусинской котловины свидетельствуют обычно большие размеры грунтовых могильников. Притом в это движение, очевидно, оказались втянутыми и динлинские племена, жившие в горно-таежной зоне.

Таким образом, в рассмотренных выше памятниках Верхней Оби мы имеем лишь известное отражение от более северного продвижения групп раннетащтыкских угров, которые, несомненно, по пути своего передвижения вступали в контакт с местными племенами, что и наложило известный отпечаток на культуру последних.

Следует полагать, при учете хронологического совпадения, что угры при своем движении на северо-запад отодвинули какую-то часть племен юга Западной Сибири на Верхнюю Обь и частично сме-

шались с ними, благодаря чему здесь во II в. появилась новая культура, во всех чертах которой отразилось ее взаимодействие с культурой раннетащтыкских угров.

Но мы располагаем и другими, пока еще немногочисленными, археологическими свидетельствами. Это в первую очередь керамика из раскопок М. П. Грязнова под Новосибирском в пункте Ирмень V в 1953 г.¹¹ Там найдены совершенно таштыкские по формам бочонкообразные и закрытые баночные сосуды с таким же лошением и такими же венчиками, срезанными внутрь. Конечно, только более широкие раскопки смогут окончательно разрешить этот вопрос и прояснить эту новую для Верхней Оби культуру.

С тем же продвижением надо связывать появляющиеся в это время в Барабинской степи и Нижнем Приобье бронзовые миниатюрные котлы той же формы, что и найденные в грунтовых могилах на Енисее (рис. 26—1)¹²; появляющиеся в районе Томска (Басандайское городище) бронзовые фигуры баранов, лежащих с поджатыми ногами и имеющих характерные прорезы снизу для насадки на какой-то предмет¹³. На это передвижение угров указывает и появление на Средней Оби, в районе Нарыма (Кулайка) около II в. н. э. минусинских бронзовых котлов и пластинчатых изображений, сохранивших, несмотря на проявляющееся своеобразие, раннетащтыкские черты. Это прежде всего бронзовые узкие подковообразные амулеты с парными головками животных, геральдические схематизированные изображения птиц с головой, повернутой в профиль, головки животных с характерным для таштыкских амулетов гребневидным султанчиком, а также сосуды с нарезным ромбовидным орнаментом изыхского типа¹⁴.

Заметим кстати, что в районе Томска угры (ханты) жили и в довольно позднее время. Доказательством тому служит, например, одно погребение из Басандайки. Скелет в нем находился в берестяном ладьевидном чехле, что характерно для древних хантских погребений и встречается еще в грунтовых могилах предтащтыкского¹⁵ и таштыкского времени¹⁶, а также в позднетагарских курганах у Красноярска. На лице сохранились остатки погребальной маски из ткани с нашивными бронзовыми бляшками и бисером на месте бровей, глаз и рта¹⁷. Это типичная для хантов погребальная маска.

¹¹ «Землянки в лесу». Материалы хран. в Гос. Эрмитаже.

¹² Хран. в ГИМ, VII, 47/156 и см. МИА СССР, № 35, М., 1953, стр. 147, табл. IX, рис. 7.

¹³ «Басандайка». Сб. материалов и исследований по археологии Томской области. Тр. ТГУ, т. 98. Томск, 1947, табл. 10, рис. 1—2.

¹⁴ И. М. Мягков. Находка на горе Кулайка. Тр. Томского краевого музея, т. I. Томск, 1927, рис. 10 и 15; Его же. Древности Нарынского края. Там же, т. III. Томск, 1929, табл. I, рис. 2; табл. II, рис. 15, табл. III, рис. 15 и 17.

¹⁵ «Басандайка», стр. 76—77; ср. ДИЮС, стр. 284.

¹⁶ Например, м. № 1 Сырского чая-таса и ср. курган у Военного городка (Карцов, 1928—Архив ЛОИИМК, д. № 129).

¹⁷ «Басандайка», табл. 66, 67; по К. Э. Гриневичу погребение № 5 из к. № 55 датируется XV—XVI вв., см. стр. 29.

¹ М. П. Грязнов. Ук. соч., рис. 30—109.

² Там же, рис. 30—138.

³ Там же, рис. 30—113.

⁴ Там же, рис. 30—125 и стр. 111.

⁵ Г. П. Сосновский. Дэрестуйский могильник, стр. 170.

⁶ М. П. Грязнов. Ук. соч., рис. 30—146.

⁷ Там же, рис. 30—111, 148.

⁸ Там же, рис. 30—116, 117, 136, 137.

⁹ Там же, рис. 30—110, 123.

¹⁰ Там же, рис. 30—100.

Здесь необходимо указать, что мы не можем согласиться с авторами (Н. Высоцкий и др.), рассматривающими угорские погребальные маски в качестве «прототипа» погребальных масок «более культурных» народов. Хантские маски происходят от раннетащтыкских масок, которые целиком совпадают с ними по назначению, но для изготовления которых употреблялся иной материал.

Изменения были вызваны тем, что ранние угры, покинув территорию Хакасско-Минусинской котловины, не нашли на новых местах своего обитания на Средней Оби тех необходимых для изготовления терракотовых масок белых каолиновых глин, которые в изобилии имеются по берегам Енисея и Абакана. Вместе с тем требования их погребальных верований привели к замене терракотовых масок импровизированными масками из тканей или кожи со схематической передачей черт лица путем нашивания бляшек и бисера. Не исключена возможность употребления масок, вырезанных из бересты, наподобие церемониальных и шаманских берестяных масок тех же хантов¹, а также северных алтайцев².

К сожалению, из-за плохой археологической изученности Западной Сибири, в особенности районов среднего течения р. Оби, мы не имеем еще возможности во всех деталях проследить процесс расселения ранних угров в Западной Сибири и выявить характер их взаимоотношений с аборигенными племенами. Это дело будущего.

Положение осложняется, кроме того, тем, что исследователи, работающие в области археологии Западной Сибири, не имеют еще сколько-нибудь единого мнения по вопросу о датировке целого ряда важнейших памятников, что делает сомнительными их исторические выводы, построенные на материалах такого рода. Так, например, безусловно интереснейшие материалы Усть-Полуйского поселения В. Н. Чернецов использовал для воссоздания усть-полуйской культуры, датируемой им IV в. до н. э. — I в. н. э. Этими материалами он оперирует в качестве доказательства появления угров в Западной Сибири в указанный промежуток времени³. Между тем М. П. Грязнов считает, что Усть-Полуйское поселение и культура относятся к VII—VIII в. н. э. и что на их основе вообще нельзя говорить об истории формирования культуры угорских племен Западной Сибири⁴.

Как бы там ни было, однако следует согласиться с В. Н. Чернецовым и В. И. Мошинской, что «в комплексах памятников усть-полуйского времени систематически повторяются многие тагарские вещи»⁵, в особенности позднетагарские предметы из

восточной группы памятников вроде Басандайского городища у Томска⁶ и Новосибирского могильника⁷. Верно также, что ближайшие аналогии валютно-образным наворачиям кинжалов Усть-Полуя «можно указать среди миниатюрных ножей позднетагарского времени»⁸, что «сосуды на поддонах, более близких к усть-полуйским формам, известны в тагарской и таштыкской культурах»⁹. Добавим, что аналогии железному ножу с кольцом на рукоятке из Усть-Полуя¹⁰ дадут позднетагарские ножи, а миниатюрному бронзовому котелку¹¹ — котелки из раннетащтыкских грунтовых могил и т. д. Одним словом, отрицать сильнейшее воздействие позднетагарской и раннетащтыкской культур Енисея на синхронные культуры Западной Сибири в настоящее время уже невозможно. Восточные влияния ясно выражены также в появлении там китайских ханьских зеркал и «прорезных» блях из бронзы гунно-сибирского типа.

Недаром В. Н. Чернецов в своей последней работе останавливается «на довольно отчетливо прослеживаемом, но далеко еще не ясном явлении — на связях между культурами Обь-Иртышья, с одной стороны, и Южной Сибирию раннетащтыкского времени и Китаем — с другой»¹². Полагаем, что предлагаемая работа устраним многие неясности, а окончательно прояснит этот вопрос памятники I—IV вв. н. э. и в особенности грунтовые могилы этого времени в районе Средней Оби, в разыскании и исследовании которых мы видим важнейшую задачу археологов Западной Сибири.

Примечательно, что в это время палеоантропологически фиксируется в Западной Сибири уже население с европеоидно-монголоидными смешанными признаками (Усть-Тартасский могильник)¹³. Г. Ф. Дебец считает возможным даже прямо говорить, что «примерно к началу нашей эры относится распространение каких-то этнических волн из Южной Сибири и Алтае-Саянского нагорья на северо-запад. По всей вероятности, именно в это время происходит инфильтрация европеоидных элементов на северо-запад Сибири в область расселения современных хантов — манси и племен самодийской группы»¹⁴.

Эти данные палеоантропологии целиком совпадают с нашими представлениями о продвижении позднетагарских и раннетащтыкских угров с Енисея в Западную Сибирь. Что касается вещей переходного тагарско-тащтыкского этапа, то их появление в Приобье может объясняться тем, что в движение

¹ Там же, стр. 223.

² Там же, стр. 174.

³ Там же, стр. 156.

⁴ Там же, стр. 118, прим. 3.

⁵ Там же, стр. 90.

⁶ Там же, стр. 147, табл. IX, рис. 7 и ср. стр. 230.

⁷ В. Н. Чернецов. Усть-полуйское время в Приобье. МИА СССР, № 35, М., 1953, стр. 241.

⁸ Г. Ф. Дебец. Палеоантропология СССР. М., 1948, стр. 151.

⁹ Его же Проблема заселения Северо-Западной Сибири по данным палеоантропологии. КСИИМК, вып. IX, стр. 18.

¹ K. F. Karjalainen. Die Religion der Jugra-Völker, Bd. III, Porvoo, 1927, рис. 55 и 56.

² Г. Н. Потанин. Очерки северо-западной Монголии, вып. IV. СПб., 1883, табл. XIX, рис. 81; ср. Л. П. Потанов. Уж. соч., стр. 154.

³ Древняя история Нижнего Приобья. МИА СССР № 35. М., 1953, стр. 221—241.

⁴ М. П. Грязнов. Некоторые итоги трехлетних археологических работ на Верхней Оби. КСИИМК, вып. 48.

⁵ Древняя история Нижнего Приобья, стр. 226.

раннеташтыкских угров включились и родственные им племена, оставившие позднетагарские курганы в лесных районах по линии Красноярск — Мариинск во II—I вв. до н. э. Вероятно, эти «тагарцы» проникли на Обь и несколько раньше, чем основная масса угров, так как к концу I в. до н. э. позднетагарские курганы на севере уже не сооружались.

Между тем В. Н. Чернецов, указав попутно, что в то же время в Приобье появляется и «звериный» стиль, ближе всего (и по формам и по сюжетам) стоящий к произведениям «скифского типа из Сибири»¹, делает в своих работах вывод о том, что угры первоначально входили «в состав скифо-сарматского мира, насыщенного иранскими «элементами»². Основания для такого вывода он видит, во-первых, в первоначальном коневодческом быте угров, о чем у хантов и манси сохранились воспоминания в фольклоре, изобразительном искусстве и обрядах. Но это как раз не противоречит и нашим представлениям, ибо раннеташтыкские угры, наряду с земледелием, занимались и скотоводством, в том числе и коневодством.

Во-вторых, Чернецов ссылается на наличие многих иранских черт в языке. Здесь нельзя путать вопросы происхождения двух конкретных народов: хантов, с одной стороны, и мансей — с другой. Несмотря на всю общность, приобретенную продолжительной совместной жизнью, ханты и манси имеют, быть может, различное происхождение. *Везде, где говорится об уграх в настоящей работе, под ними разумеются ханты и их отдаленные предки, говорившие уже на угорском языке и вышедшие из Хакасско-Минусинской котловины*, так как только ханты имеют тот основной комплекс культурно-бытовых и обрядовых особенностей, который сложился в раннеташтыкское время. То, что проявляется из всего этого комплекса у манси, вероятно, есть хантское воздействие. Возможна и языковая ассимиляция древнемансийского языка угорским. Однако разрешение этих вопросов, встающих перед нами, является задачей лингвистов-угроведов в первую очередь. В настоящее время известно, что языки хантов и мансей различаются между собой настолько, что они друг друга совершенно не понимают³. Манси, может быть, первоначально действительно входили в состав «сарматского ираноязычного мира», чем и объясняются сохранившиеся в их языке термины иранского происхождения, из которых лишь некоторые попали в язык хантов. Однако примеры «иранизмов», общих для языков мансей и хантов, приведенные В. Н. Чернецовым, малоубедительны⁴. Можно ли, например, утверждать, что такое слово, как «нан» — «хлеб», свидетельствует о выходе угров некогда из «скифо-сарматского мира, насыщенного иранскими элементами»? Нет, это-

го утверждать нельзя, ибо это очень широко распространенное слово. «Нан» — «хлеб», кроме собственно иранских языков, входит в словарный запас языков тюркских народов Средней Азии (казахи, узбеки, туркмены, киргизы), самодийских народов Сибири (ненцы⁵, селькупы⁶), входит в состав изолированного в лингвистическом отношении кетского языка⁷, а также в языки обских угров. Не думаем, чтобы это явление можно было бы объяснить первоначальным исходом всех этих разноязычных народов из «скифо-сарматского мира», народов, имеющих к тому же совершенно различное происхождение.

Сейчас трудно решать в целом сложную проблему происхождения современных обских угров — эта тема специального исследования, для которого, очевидно, в настоящее время еще нет достаточных материалов ввиду слабой археологической изученности территории Западной Сибири, во-первых, и ввиду отсутствия серьезных лингвистических исследований, посвященных истории сложения языков мансей и хантов, во-вторых. Вероятно, однако, что угры, вышедшие на Обь из Алтае-Саянского нагорья, явились основным ядром дальнейшего этногенетического процесса у племен Западной Сибири, ибо они принесли с собой язык, оказавшийся в конечном итоге языком-победителем. Попав на север и смешавшись с аборигенами, обские угры утратили навыки земледелия и скотоводства и постепенно восприняли быт охотников и рыболовов. Но, как правильно указал В. Н. Чернецов, угры оказали очень глубокое влияние на технику (в Приобье начинает развиваться металлургия), общественный строй, идеологию местных племен, включив их в свой состав. Естественно, что при движении на север угры понемногу теряли и характерные черты таштыкской материальной культуры.

* * *

В наши задачи не входит ставить здесь вопрос о первичном возникновении так называемой финно-угорской языковой общности (разумеется устанавливаемое некоторыми лингвистами языковое родство между финноязычными, угорязычными и самодоязычными народами). Если такая общность и существовала, то в очень глубокой древности, вероятно, гораздо ранее начала тагарской эпохи (до VII в. до н. э.). Здесь же речь идет о более позднем явлении, о происхождении современных обских угров. Следует признать на основании изложенных выше фактов, что раннеугорская этническая общность впервые фиксируется в Хакасско-Минусинской котловине в раннеташтыкское время. Тогда же сформировался и раннеугорский язык — основа для современной обско-угорской языковой семьи. В этом отношении археологам, антропологам

¹ В. Н. Чернецов. К вопросу о проникновении восточного серебра в Приобье ТИЭ, новая серия, т. I. М.—Л., 1947, стр. 114.

² Там же, стр. 115.

³ Сб. «Советское финноугроведение». Л., 1948, стр. 300.

⁴ В. Н. Чернецов. Уж. соч., стр. 115.

⁵ M. A. Castren. Wörterverzeichnis aus den Samojedischen Sprachen. St. Pbg., 1855, стр. 210.

⁶ Там же, стр. 210.

⁷ M. A. Castren. Jenissei-ostiakischen und kottischen Sprachlehre. St. Pbg., 1858, стр. 234.

и этнографам надо обратить особое внимание на данные лингвистической науки, в которой все чаще указывается на обособленность отдельных групп финно-угорских языков. Например, по мнению Б. А. Серебренникова, «отдельные группы финно-угорских языков — пермские, западнофинские, обско-угорские и др. представляют характер почти самостоятельных языковых семей»¹. Тот же автор указывает, что «требуется особого изучения вопрос об утрате, по-видимому, никогда не существовавшего языкового родства (так называемые урало-алтайские языки, языки Кавказа и др.)...»². Наиболее полное изложение теории происхождения финно-угров, как она представляется по современным лингвистическим данным, приведена в одной из недавних работ венгерского ученого Петера Хайду³.

Автор считает, что угры и самоеды первоначально проникли в Сибирь из Восточной Европы, переселившись через Урал, что центром первоначального обитания финно-угров, до их расселения, была р. Кама и среднее течение Волги.

Этот важный вывод основан на биогеографии животных и растений, в соответствии с языковыми данными. Опираясь еще на взгляды Кёппена, автор находит в угорских языках, в том числе в венгерском, целый ряд изначальных слов (мед, пихта, вяз, бобер и т. д.), которые не могли бы возникнуть, «если бы угры долгое время прожили в Сибири», так как в Сибири якобы этих растений и животных не было. В особенности упор делается на наличие в венгерском языке слов «пчела» и «мед», которые не смогли бы появиться так рано в языке венгров, если бы угры происходили из Сибири, так как в Сибири до XVIII в. якобы пчел не существовало⁴.

Нетрудно видеть, что этот основной довод для определения первоначальной территории расселения угров не выдерживает критики в свете современных знаний. Коренное население Сибири задолго до появления русских знало и пчел и мед, так как пчелы искони водились в Сибири. Свидетельством тому являются следующие факты.

1. Алтайские тюрки VI—VIII вв. занимались бортничеством и добывали мед и воск, разоряя гнезда диких пчел⁵. Об этом косвенно сообщает и Таншу, указывая, что у тюрков «вместо предписания на бумаге, употребляется стрела с золотым копьецом, с восчанною печатью»⁶.

2. Современные тюркоязычные народы Сибири

имеют слова для обозначения меда и пчел, которые восходят к языку древних тюрков (древнее «ары», «ару» — «пчела», ср. алтайское «ару» и хакасское «аар») ⁷.

Вряд ли требуются серьезные доказательства того, что в Сибири и сейчас, в том числе и в Саяно-Алтае, растет пихта и водились бобры, шкурки которых входили в обычный ясак, вносившийся сибирскими народами в царскую казну в XVII в.

Что касается границ распространения вяза, то сам же П. Хайду указывает, что он растет на восточных склонах Урала⁸, и кроме того, не надо забывать о реликтовых лиственных лесах Сибири, о том, что даже реликтовая липа растет и поныне в Томской и Кемеровской областях.

Одним словом, если опираться на биографию по угорским языкам, то ничего противоречащего сибирскому происхождению угров нет⁹. Даже древнеугорская ветвь, язык которой послужил основой для современного венгерского языка, вполне могла происходить из Сибири¹⁰. Ведь лингвисты-угроведы (начиная с Мункачи) все более и более подчеркивают раннее взаимодействие угров и тюрков, отмечая в угорских языках многие раннетюркские элементы. В этом отношении очень интересен, пока еще не изданный, доклад венгерского академика Г. Барци «О древнейших венгерских заимствованиях из тюркских языков», в котором, как сообщает П. Хайду, подчеркнуто, что «сношения между уграми и тюркскими народностями носили непосредственный характер»¹¹.

Любопытно, что М. Кишпаль, выступавшая на обсуждении доклада Г. Барци, утверждала, что заимствования эти произошли около рубежа н. э. «из языка дин-лин»¹². Нам неизвестно, что имеет в виду М. Кишпаль под языком динлин, о котором нет прямых данных, и на чем основывается ее утверждение, однако при любых обстоятельствах интересно определение времени и места появления тюркских заимствований в угорских языках, которое близко и нашим представлениям.

Весьма важны в этой связи и обратные данные — данные тюркологии о взаимодействии тюркских и угорских языков. При обращении к этим материалам оказывается, что тюркологи отмечают значительные следы скрещения как хакасского, так и северноалтайских тюркских языков (шорский, кумандинский, чалканский, туба) с остяцким¹³. Это скре-

¹ Б. А. Серебренников. Проблемы сравнительно-исторического метода и происхождение языковых семей. Сб. «Доклады и сообщения, прочитанные на научной конференции по языкознанию», изд. МГУ, 1952, стр. 213.

² Там же, стр. 223.

³ П. Хайду. К этногенезу венгерского народа. Acta linguistica, t. 2, f. 3—4, Budapest, 1953.

⁴ П. Хайду. Ук. соч., стр. 262—263 и 301.

⁵ Изображения пчел, с различием особенностей в формах пчелы-матки и рабочей пчелы, известны на бляшках тюркских наборных поясов VI—VIII вв. из погребений на Алтае — см. ДИЮС, табл. L, рис. 21.

⁶ Н. Я. Бичурин. Собрание сведений..., ч. I, стр. 229—230.

⁷ С. Е. Малов. Памятники древнетюркской письменности. М.—Л., 1951, стр. 318, 320 и 360.

⁸ П. Хайду. Ук. соч., стр. 302.

⁹ См. критику биогеографического метода в книге венгерского академика Э. Мольнара «Проблемы этногенеза и древней истории венгерского народа». Studia Historica, 13, Budapestini, 1955.

¹⁰ Ср. новую теорию о саяно-алтайском происхождении угров — Э. Мольнар. Ук. соч.

¹¹ П. Хайду. Ук. соч., стр. 303.

¹² Там же.

¹³ Н. А. Баскаков. К истории изучения хакасского языка. Записки Хак. НИИЯЛИ, вып. 2, Абакан, 1951, стр. 86; в других тюркских языках, насколько известно, нет следов скрещения с угорскими языками.

шение происходило в основном еще в глубокой древности, видимо, в период первого проникновения тюркоязычного населения на Саяно-Алтайское нагорье, когда ранние угры и тюрки жили на одной территории и когда часть угров начала подвергаться тюркизации, а другая часть двинулась на запад.

Скорее всего к этому времени (II в. до н. э. — I в. н. э.) относятся и древнейшие венгерские заимствования из тюркских языков. Таким образом, догадки П. Хайду о том, что монголоиды ананьинской культуры были тюрками по языку¹ и именно теми, которые раскололи в Восточной Европе угорщину, являются недостаточно обоснованными.

Ананьинская и пьяноборская культуры связаны скорее всего с этногенезом тех восточноевропейских финноязычных народов, которые и по сей день проживают на бывшей территории распространения этих культур, и в их материалах нет до сих пор ничего, что могло бы связываться с уграми, не говоря уже о целом этнографическом угорском комплексе, подобном раннетащтыкскому.

* * *

Наряду со всем сказанным выше следует отметить также некоторые этнографические параллели между современными обскими уграми и населением Алтае-Саянского нагорья. Укажем лишь наиболее существенные из них, так как в целом они хорошо выявлены Л. П. Потаповым². При этом любопытно, что эти параллели в основном совпадают с той же территорией, которая очерчена антропологическими данными: Западная Сибирь (Приобье), Сев. Алтай и Хакассия.

Так, например, изучение угорских орнаментов, сделанное С. В. Ивановым, показывает, что ряд выделенных им типов (III, V) имеют распространение и у народов Северного Алтая (шорцы, кумандинцы), у хакасов, а также у барабинских татар, которые в настоящее время являются связующим звеном между Приобьем и Саяно-Алтаем³. Особый интерес имеет тип угорского орнамента, в настоящее время исчезающего, характерного для изделий из дерева и кости. Это «трехгранно-выемчатые треугольники», т. е. древний треугольный и остроугольно-тычковый орнамент тащтыкских сосудов, впоследствии сохранившийся не только у обских угров, но и у шорцев, хакасов, чулымских татар, а также у некоторых соседних народов, которые заимствовали его⁴.

Выяснено также, что поныне у хантов, томских татар и северных алтайцев (шорцы, кумандинцы, челканцы) распространен один и тот же тип распашной одежды (халат, шуба одного покрова)⁵, до-

бавим, кстати, встречающийся и у хакасов и, что особенно интересно, совпадающий по покрою с замшевой курткой, найденной в тащтыкской грунтовой могиле Оглахтов⁶.

Некоторый интерес представляют собой и наблюдения над этнонимами. Еще Георги, указав, что в самоназвание сургутских остяков входит этноним «шуй», предположил, что они в древние времена перешли «с верхней Томи реки жить на север»⁷. И действительно, в б. Кузнецком округе существовала даже особая Шуйская волость, называемая по роду «шуй»⁸. Шуйская волость существовала в начале XIX в. и в Северной Хакассии, так как и там среди кызыльцев имеется род (сеок) шуй⁹. Загадочно до сих пор и происхождение койбалского сеока «ингра», название которого еще Костров отождествлял с «югра» (угры)¹⁰. Он уже указал, что в старинных сказаниях сагайцев очень часто упоминается богатырь по имени Матур, что может быть сопоставлено с угорским «мадур» — богатырь¹¹. Очень вероятно, что в составе койбалов до XIX в. дожили какие-то осколки угров, сохранившие свой язык. Об этом сообщает Г. И. Спасский, первым из ученых собравший в 1806 г. большие словари койбалского и маторского языков. Он указывал, что койбалы в языке имеют сходство «с жителями отдаленной Сибири, каковы самоеды и остяки»¹². Он же, обследовавший эти племена за 40 лет до Кастрена, когда еще имелась возможность найти людей, знавших свой старый язык, дает указания, что и некоторые другие народцы, жившие в прилегающих к Хакасско-Минусинской котловине местах, имели в своем составе угорские элементы. Они были, например, кроме койбалов еще и в составе аринов, ныне почему-то считающихся безоговорочно только кетоязычными. Отметим сходство их языка с кетоязычными народцами (хайдыны, коты, асаны), Спасский, вместе с тем, указывает, что арины «по языку сходятся с остяками, живущими в нижних местах реки Оби»¹³. То же самое он отмечает и в отношении камасинцев, которые «по языку наиболее сближаются с койбалами и остяками нарымскими»¹⁴. Это же отражено в приведенном им небольшом сравнительном словаре числительных первого десятка на языке самое-

Сибири. Краткие сообщения Ин-та этнографии, XV, 1952, стр. 19—22 (тип. IV).

¹ Хран. в Красноярском музее.

² И. Г. Георги. Описание всех обитающих в Российском государстве народов. СПб., 1799, стр. 77.

³ В. И. Вербицкий. Алтайские инородцы. М., 1893, стр. 7.

⁴ И. Пестов. Записки об Енисейской губернии Восточной Сибири. М., 1833, стр. 127; А. А. Ярилов. Кызыльцы и их хозяйство. Юрьев, 1899, стр. 1.

⁵ Н. Костров. Койбалы, Зап. СОРГО, кн. VI. Иркутск, 1863, стр. 114.

⁶ Там же; и ср. «Матор» — сеок койбалов и племя XVII в.

⁷ Г. Спасский. Народы, кочующие в верьху реки Енисей. Сибирский вестник, изд. Г. Спасским. ч. V, СПб. 1819, стр. 2.

⁸ Г. Спасский. Ук. соч., стр. 5—6.

⁹ Там же, стр. 7.

¹ П. Хайду. Ук. соч., стр. 315.

² Л. П. Потапов. Очерки по истории алтайцев, стр. 153—155.

³ С. В. Иванов. Материалы орнамента к проблеме культурно-исторических связей хантов и манси. СЭ, 1952, № 3, стр. 85—99.

⁴ С. В. Иванов. Ук. соч., стр. 88—89 и табл. V.

⁵ Н. Ф. Прыткова. Типы верхней одежды народов

дов, койбалов, остяков, камасинцев, остяков енисейских (т. е. кетов), аринов, качинцев и др. Из этого словарика действительно видно, что числительные первого десятка хантов, камасинцев, койбалов и частично моторов почти совпадают¹.

Удивительно, что эти указания Г. И. Спасского не привлекли к себе внимание исследователей и в первую очередь лингвистов, которые до последнего времени незаслуженно приписывают открытие самодое-язычных народцев Саяно-Алтая М. А. Кастрену, посетившему койбалов лишь через 40 лет после Г. И. Спасского, в 1847 г.

Материалы Спасского важны для нас тем, что они доказывают сохранение последних угорязычных элементов в Хакасско-Минусинской котловине и прилегающих горно-таежных местах вплоть до начала XIX в. Это понятно при учете лучших возможностей изоляции в горных странах, где всегда имеется лингвистическая пестрота населения. Кроме того, лингвистические материалы, приведенные Спасским, подтверждают как нельзя лучше и выше изложенные свидетельства топонимики.

Отметим еще два этнографических факта, известные как у обских угров, так и у тех же самых народов Саяно-Алтая. Это, во-первых, сохранившиеся у северных алтайцев и у кызыльцев землянки с характерными каминнообразными очагами (наз. «кебе», «кеме» — тюркск. «лодка»), которые имели плетенные из веток трубы, обмазанные глиной². Подобные очаги-«чувалы» распространены у обских угров, селькупов (у которых эти «чувалы» действительно делались из старых лодок) и якутов. Во-вторых, так же как обские угры, при жертвоприношениях вешают на дерево шкуры оленей с головой, рогами и копытами³, так же вывешивают на деревьях или шестах конские шкуры с черепом и копытами (тайэлга) алтайцы и хакасы⁴. Наконец отметим, что в преданиях ненцев, записанных свыше ста лет назад, упорно утверждается, что остяки (ханты) прибыли («приплыли на плотах») на север «из вершин реки Оби»⁵.

* * *

Таким образом, самые разнообразные параллели, даже существовавшие еще в недавнем прошлом, между обскими уграми, а также барабинцами, се-

¹ Г. Спасский. Ук. соч., стр. 12.

² А. В. Адрианов Путешествие на Алтай и за Саяны, совершенное в 1881 г. Зап. РГО по общей географии, т. XI. СПб., 1888, стр. 294—295; И. Корнилов. Воспоминания о Вост. Сибири. Магазин земледелия и путешествий. Географ. сборник, изд. Н. Фроловым, т. III. М., 1854, стр. 638 — ср. «Этнография», 1928, № 2, стр. 94.

³ И. Г. Георги. Ук. соч., стр. 88.

⁴ А. Н. Глухов. Тайэлга. МЭ, т. III, вып. I Л., 1926, стр. 95—100; «Сибирский вестник», изд. Г. Спасским, ч. I. СПб., 1818, стр. 105; причем везде одинаков способ предварительного удушения животных.

⁵ Ю. И. Кушелевский. Северный полюс и земля Ялмал. СПб., 1868, стр. 55 и 118.

верными алтайцами и хакасами, во-первых, подтверждают наше мнение о пути и времени движения угров на запад, во-вторых, способствуют выявлению древнеугорской основы у ряда современных народов, живущих ныне в районах этого передвижения. Необходимо постоянно учитывать всю динамику наблюдаемого процесса, ибо существовавшая некогда языковая общность впоследствии оказывается разорванной, так как у значительной части живущих в этих районах народов (барабинцы, северные алтайцы, хакасы) наука застала уже тюркские языки. Вероятнее всего здесь следует допустить языковую ассимиляцию без особенных изменений как физического типа (сохранение «уральского» антропологического типа: барабинцы, северные алтайцы и часть хакасов — сагайцы, бельтиры, кызыльцы), так и целого ряда этнографических особенностей. И действительно, в этнографической науке существуют мнения, что барабинские татары есть отюреченные угры⁶, а для шорцев (Северный Алтай) допускается внедрение нового языка (отюречивание) в сложившуюся историко-этнографическую область (охотничье-рыболовецкое хозяйство и культура) путем заимствования тюркской речи от южных тюркоязычных соседей «без больших переселений»⁷. Все это, взятое комплексно, как нельзя лучше подтверждает наше мнение о первоначальном *вхождении всех выше перечисленных народов в угорскую этническую общность*.

Вероятно, в настоящий момент можно наметить и время отюречивания этих народов. В недавно опубликованной С. Е. Маловым классификации всех тюркских языков в историческом отношении шорский и хакасский языки отнесены к группе «древних тюркских языков», наряду с языком памятников орхоно-енисейской письменности⁸. Отсюда можно заключить, что в эпоху древнехакасского государства (VI—X вв.) они уже существовали, а отюречивание угорских предков шорцев и некоторой части других северных алтайцев падает в основном на конец таштыкской эпохи. Барабинцы, видимо, отюречены еще позже. Археологически, например, тюрки впервые появляются на Верхней Оби лишь в IX—X вв.⁹.

Так замыкается цепь комплексного изучения вопроса о судьбах ранних угров и о происхождении целого ряда не только угорских, но и тюркоязычных ныне народов Сибири.

Так изучение конкретной истории этих сибирских народностей наглядно показывает, как своеобразен и сложен был их исторический путь.

⁶ СЭ, 1952, №3, стр. 95.

⁷ С. А. Токарев и Н. Н. Чебоксаров. Методология этногенетических исследований на материале этнографии. СЭ, 1951, № 4, стр. 18.

⁸ С. Е. Малов. Памятники древнетюркской письменности. М.—Л., 1951, стр. 7; Ср. С. Е. Малов. Древние и новые тюркские языки. Изв. АН СССР, отд. литературы и языка, т. XI, вып. 2. М., 1952, стр. 135—143.

⁹ КСИМК, вып. 40. М., 1951, стр. 112.

ХОЗЯЙСТВО И ОСОБЕННОСТИ ПРОИЗВОДСТВА

Хозяйство динлино-гяньгуньских племен было комплексным. Оно базировалось в основном на скотоводстве и земледелии. Так было и в предшествующие эпохи и, прежде всего, в тагарское время. Но в таштыкскую эпоху общественное разделение труда между земледельцами и скотоводами достигло уже значительных размеров. Появляются обособленные производственные группы с различным направлением хозяйства: скотоводы, земледельцы по преимуществу (сохраняющие пастушеское разведение скота) и таежные оленеводы-охотники. В связи с этим различные группы населения вели и различный образ жизни. Скотоводы и оленеводы были полукочевниками, а земледельцы — оседлыми. В этом отношении к динлино-гяньгуньским племенам как нельзя лучше применимо положение К. Маркса, указавшего, что «у всех восточных племен можно... установить *общее* взаимоотношение между оседлостью одной части этих племен и продолжающимся кочевничеством другой части»¹.

Скотоводство в таштыкскую эпоху становится полукочевым в отличие от пастушеского скотоводства тагарцев. Это, конечно, связано с приходом кочевых гяньгуньских племен. Для тагарско-таштыкского переходного этапа мы имеем даже один письменный источник — письма в Китай пленного полководца Ли Лина, которого гунны поставили наместником в стране Хакас. Как бы критически мы ни относились к преувеличенным жалобам оторванного от родины представителя военной знати, но все же весьма вероятно, что именно гяньгуней он имел в виду, когда писал о чуждых ему вещах в этой стране: «Весь день не вижу никого, одно отродье лишь чужое. В кафтане кожаном и в юрте войлочной, чтоб защищать себя от ветров и дождей. Вонючая баранина, кумыс — вот чем свой голод, жажду утоляю... Я ночью уж спать не могу и, ухом склонив, слышу где-то вдали переливы свистулек номадов. Здесь кони пасутся и жалобно ржут, так звонко и резко в своих табунах...»². Из этих немногих строк достаточно ясно видно, что гяньгуни первоначально были типичными кочевниками, жившими в войлочных юртах, питавшимися в основном продуктами скотоводческого хозяйства. Это наглядно выявляется и в погребальных памятниках. Если в тагарских могилах нет предметов конского снаряжения (уздечных наборов и удила), которые мы знаем лишь по случайно найденным предметам, то в таштыкских склепах они встречаются почти при каж-

дой кучке пережженных костей. Особенно часто находят миниатюрные железные удила (сохраняющиеся от укладываемых в могилы миниатюрных уздечек с деревянными псалиями), модели седел, миниатюрные нагайки. Эти находки свидетельствуют о конном быте большинства погребенных, о том, что конь — этот неотъемлемый спутник в жизни «таштыкцев», по их представлениям, должен был быть таким же спутником человека и в «загробном мире». Вместе с тем сожжения наиболее богатых скотом людей сопровождаются и статуэтками домашних животных и, прежде всего, коней, которые должны были в погребальных церемониях символизировать богатство этих таштыкских аристократов конскими табунами. При этом изображались, как уже говорилось, горячие скакуны в нетерпении бьющие копытами о землю. Большое значение лошади в жизни таштыкцев подчеркивают и бронзовые амулеты в виде фигурок коней или парных конских голов, десятками находимые в склепах. Все это достаточно ясно свидетельствует о большом значении лошади, служившей не только основным и незаменимым средством быстрого передвижения, но и поставлявшей скотоводу такие продукты, как мясо, шкуры, волос для арканов и кобылье молоко, которое превращали в кумыс.

Не менее важным животным была овца. Постоянный поставщик высокосортного мяса, шерсти для производства тканей, войлока, фетра, овчин и кожи — овца была наряду с лошадью основным богатством таштыкских скотоводов. Кроме того, молоко овцы шло на производство сыра и других молочных продуктов, а овечьи астрагалы, постоянно встречаемые в склепах, использовались для излюбленной среди скотоводов игры в кости, для чего они просверливались, метились разнообразными счетными знаками и семейно-родовыми тамгами. Особое значение овцы подчеркивается в погребальном ритуале тем, что на всем протяжении эпохи при погребениях знати находят статуэтки баранов, всегда оклеенные листовым золотом, что придавало им вид массивных золотых скульптур. Эта символизация богатства отдельного лица стадами овец тем более выделяется, что статуи остальных домашних животных никогда золотом не оклеивались, а лишь красились в красный цвет.

Кроме лошадей и овец разводился и крупный рогатый скот, значение которого также выделяется находимыми в склепах остатками статуй коров и быков. Но кроме деревянных статуй всех этих животных, как теперь известно, специальные скульпторы высекали из камня и более грандиозные скульптуры коней, быков и баранов. Каково бы ни было их значение (а оно пока неясно), несомненно, что и эти

¹ К. Маркс и Ф. Энгельс. Сочинения, т. XXI, стр. 488.

² В. П. Алексеев. Китайская классическая проза. М., 1958, стр. 157.

путем старались показать значение наиболее необходимых для скотоводов животных.

Из других домашних животных разводились козы и, вероятно, верблюды. Такой состав стад хорошо подтверждается находками костей домашних животных в склепах. К сожалению, нет данных определения костного материала по большинству таштыкских погребальных памятников, за исключением раскопанных нами. Но и эти данные достаточно характерны, ибо это материалы из памятников всех четырех этапов эпохи. При определении костей выяснилось, что они не могут дать сколько-нибудь объективные показатели процентного соотношения животных в составе таштыкских стад. Выяснилась любопытная подробность: с прахом покойных в основном редко клались куски мяса, но лишь отдельные, специально выбиравшиеся кости, главным образом кости нижнего отдела конечностей (в определенном наборе) и лопатки¹.

Изыхский этап. В склепе № 2 Изыхского чаа-таса определенными оказались:

1) Лошадь — 57 костей от 14 особей как молодых, так и старых животных. Это главным образом кости задних конечностей и очень немного костей передних конечностей (24 астрагала и 21 пяточная кость). Совсем нет длинных трубчатых костей конечностей. Таким образом, *в склеп клались лишь нижние части ног.*

2) Крупный рогатый скот — 146 костей от 58 особей. Это исключительно таранные (астрагалы) и пяточные кости, т. е. *в склеп клались лишь кости нижнего отдела ног коров и быков в определенном наборе.*

3) Мелкий рогатый скот — 203 кости от 25 особей. Из них 22 пяточных, 105 таранных или астрагалов (61 астрагал — игральные кости со срезами и знаками), 33 лопатки, 8 плечевых, 35 позвонков и фаланг. Таким образом, *в склеп клались специальные игральные астрагалы, отдельные лопатки и плечевые кости, нижние отделы конечностей и, может быть, куски мяса.*

Кроме домашних животных, оказались еще кости сибирской косули в том же наборе.

4) Косуля — 86 костей от 23 особей, из них 9 плечевых, 45 астрагалов и 32 лопатки.

Сырский этап. В склепе № 1 Сырского чаа-таса оказалось то же самое:

1) Лошадь — *нижние отделы 3 конских ног, лежавших в естественном сочленении* (копыта и фаланги), а всего 9 фаланг, 1 пяточная кость и 4 копыта.

2) Крупный рогатый скот — 7 таранных костей (астрагалов).

3) Овца — 25 лопаток, 12 астрагалов (из них только 3 просверленных), кости нижнего отдела конечностей: 1 пяточная, 27 фаланг, 5 половинок копыт. Кроме того, обломки ребер (17) и трубчатых костей (12).

¹ Все определения, за исключением костей из склепа № 1 Сырского чаа-таса, сделаны В. И. Цалкиным, за что приносим ему нашу благодарность.

Уйбатский этап. Склеп № 1 Изыхского чаа-таса:

1) Лошадь — 1 клык и путовые косточки маленького жеребенка.

2) Овца — 90 костей от 13 особей, из них 27 лопаток, 33 астрагала, фаланги пальцев и ребра (30).

3) Коза — 3 лопатки.

Камешковский этап. Погребения под каменными выкладками Изыхского чаа-таса дали значительную разницу в костных материалах по сравнению с предыдущими склепами:

1) Нет костей лошади совсем.

2) Крупный рогатый скот и овцы представлены различными костями, так что *в каждую могилу их клали крупными частями туши.* В могиле № 13 находилась целая туша овцы, а в могиле № 4 оказались только две кости косули от 1 особи.

Итак, в состав таштыкских стад входили лошадь, крупный рогатый скот, овцы, козы и верблюды². Из других домашних животных известны были собаки, трупы которых иногда клались и в могилы вместе с покойными³.

Земледелие, наряду со скотоводством, также играло очень важную роль в хозяйстве таштыкских племен, обитавших в степной зоне. Весьма вероятно, что с приходом кочевников гянгуней и уходом значительной массы прежнего угорского населения скотоводство в начале эпохи получило некоторое преобладание. Но у нас нет никаких данных считать, что в эту эпоху было заторможено развитие земледелия. Поступательному развитию земледелия в Хакасско-Минусинской котловине способствовал разнообразный и богатый почвенный покров, наличие тучных, среднетучных и более бедных южных черноземов. Уже в тагарскую эпоху, при мотыжной обработке почвы, потребовалось расширение обрабатываемых участков земли, что привело к появлению поливного земледелия с сооружением первых оросительных каналов, ибо общая сухость климата, при малом количестве осадков, сильно препятствовала иному, не основанному на поливе, расширению площади обрабатываемой земли⁴. В таштыкскую эпоху сеть оросительных каналов значительно увеличивается и становится особенно развитой в последующее время. К сожалению, до сих пор не проделана очень важная работа по выявлению хронологии развивающейся и все более увеличивавшейся от эпохи к эпохе сети древнего орошения в этой области и поэтому в настоящее время нет еще возможности составить карту распространения собственно

² Известны бронзовые изображения людей, едущих на верблюдах, относящиеся к II—I вв. до н. э. — см. МЭ, т. IV, вып. 2. Л., 1929, стр. 53, рис. 101, а также изображения верблюдов на каменных изваяниях IV—V вв. — СА, т. XII, М.—Л., 1950, стр. 146—147, рис. 15—16.

³ Целые скелеты собак найдены в склепе № 5 Уйбатского чаа-таса и в грунтовой могиле № 17 на Горьком озере в урочище «Копи» (Теплоухов, 1925); ср. изображение собаки на изваянии с рч. Нени (рис. 61—2 б).

⁴ О тагарских каналах см. В. И. Федоров. Древнее искусственное орошение в районе Минусинского понижения, МИА СССР, № 24, стр. 137, сл.

таштыкских ирригационных сооружений, которые несомненно существовали.

Сооружение оросительных систем и поддержание их в действенном состоянии возможно было лишь при коллективных усилиях и это в какой-то степени помогало сохранять старую сплоченность земледельческих общин. Но в эту эпоху непрерывных войн все чаще применяется для тяжелых земледельческих работ подневольный труд захваченных в боевых походах военнопленных, которых, согласно сообщениям китайских летописей, обращали в рабство¹. Именно сильное увеличение применения рабского труда в таштыкскую эпоху позволило, очевидно, значительно расширить оросительную сеть в сравнении с тагарским временем. Но особенно важным сдвигом является усовершенствование самих сельскохозяйственных орудий, технический прогресс в земледелии, связанный с особенно широким применением железа, которое внедряется лишь в конце тагарского времени. Внедрение железа в технику производства орудий труда привело к появлению новых, весьма совершенных типов орудий. Так, уже в III—I вв. до н. э. появляются железные проушные топоры почти современного типа, которые даже подразделялись на два вида: небольшие топоры ритуального назначения² и простые рабочие топоры³. В то же время появляются железные наконечники мотыг для обработки земли, втулка которых образовывалась двумя закраинами, как у пальштаба⁴. В таштыкскую эпоху усовершенствование орудий труда продолжалось. Еще Г. П. Сосновский высказал весьма правдоподобное предположение, что в это время применялась плужная обработка почвы, а в качестве тягловой силы использовался скот⁵. Отсутствие исследованных земледельческих поселений таштыкского времени, в которых могли бы быть обнаружены сошники от сох, не клавшиеся в погребения, крайне затрудняет выяснение этого вопроса. Но несмотря на это, предположение Г. П. Сосновского надо считать правильным с той, однако, поправкой, что употреблялась соха, а не плуг. Оно подтверждается типологическим анализом железных сошников из числа случайно найденных предметов. Как известно, в VI—VIII вв. при пахоте применялся уже весьма сложный плуг с отвалом китайского происхождения. Он имел крупные железные лемехи с широкой режущей плоскостью, идущей кругом втул-

ки для насада на деревянную часть плуга, и массивные чугунные, литые отвалы с китайскими иероглифами и изображениями⁶. Вместе с тем известны и собственно древнехакасские железные сошники — наконечники сох, которые имели не цельные втулки, как у китайских лемехов, а пазы, образованные двумя несходящимися вместе закраинами, и треугольные, короткие и широкие лопасти. Особенно характерна одна особенность. Рабочим концом их являлся один угол треугольной лопасти, причем сама лопасть сверху заканчивалась двумя симметрично расположенными с двух сторон втулки выступающими плечиками⁷. Точно такие по форме сошники в Восточной Европе распространяются в VI—IX вв., т. е. как раз в синхронное время⁸. Но среди железных сошников, найденных на территории Хакасско-Минусинской котловины при случайных обстоятельствах, есть и другой, более архаичный и примитивный тип наконечников деревянных сох, который некоторые исследователи неправомерно относят только к VI—IX вв. Это узкий и длинный сошник, выкованный из железной пластины, имеющий форму равнобедренного треугольника, вершина которого являлась рабочим концом, а края основания загибались, образуя закраины (рис. 62—2)⁹. Примитивность и архаичность этой формы сошника заключается в прямом переходе от втулки к узкой лопасти, в отсутствии расширяющейся лопасти с плечиками, как у древнехакасских сошников. Сошники такой формы при работе должны находиться только в наклонном положении, так как если лопасть не шире втулки, то она не может проделать борозду достаточной ширины, чтобы свободно проходила втулка вместе с вбитой в нее деревянной частью пашенного орудия. Такой сошник не подрезал почву горизонтально, а лишь разрыхлял ее, вклиниваясь сверху. Таким образом, вспашка поля не могла быть достаточно глубокой и эффективной и требовалась еще повторная поперечная пропашка. Кроме того, недостатком этого типа сошника являлось и то, что он не переворачивал пласты почвы и не подрезал корней сорняков, в результате чего посевы затем зарастали сорняками, не образовывался перегной и плодородие земли быстро истощалось, ибо эксплуатировался при этом лишь верхний тонкий слой почвы.

Все это свидетельствует о примитивности и архаичности этого типа сошников и заставляет не согласиться с мнением, что древние хакасы, обладавшие более совершенными сошниками с плечиками и тем более китайскими плугами с отвалами, могли употреблять этот мало эффективный тип сошников.

⁶ Л. А. Евтюхова, Археологические памятники енисейских кыргызов (хакасов). Абакан, 1948, стр. 82, рис. 164—165; см. также В. П. Левашева. Из далекого прошлого южной части Красноярского края. Красноярск, 1939, табл. XII, рис. 4—5.

⁷ Л. А. Евтюхова. Ук. соч., стр. 83, рис. 163 (справа).

⁸ «Материалы по истории земледелия СССР», изд. АН СССР, сб. I. М., 1952, стр. 127, рис. 3; стр. 139, рис. 5.

⁹ Л. А. Евтюхова. Ук. соч., стр. 83, рис. 163 (слева).

¹ В Цяньхяньшу указывается, например, что еще в 63—60 гг. до н.э. «единицы сряду три года производили набеги на земли хуннов, убили и в плен увели несколько тысяч человек». См. Н. Я. Бичурин. Собрание сведений о народах, обитавших в Средней Азии в древние времена, ч. I. М., 1950, стр. 84.

² Л. Р. Кызласов. Железный топорик из Сиявинно. КСИИМК, вып. XX. М., 1948. В Минусинском музее хранятся бронзовый (№ 456) и железный (№ 6825) топоры того же типа.

³ Один найден в китайском доме близ Абакана — хран. в ГИМ, и II топоры в кургане у пос. Аскровка — в Хакасском обл. музее. Топор того же типа хранится в Минусинском музее (№ 7906).

⁴ Курган у с. Тесь (Аспелин, 1880) — SMYA, XXIX, 1922, стр. 6, рис. 4—11 (рис. 62—3).

⁵ Г. П. Сосновский. О находках Оглахтинского могильника. ПИДО, 1933, № 7—8, стр. 41.

Это тем более очевидно, что ведь не надо ни большего количества железа, ни особых навыков мастерства, чтобы выковать гораздо более совершен-

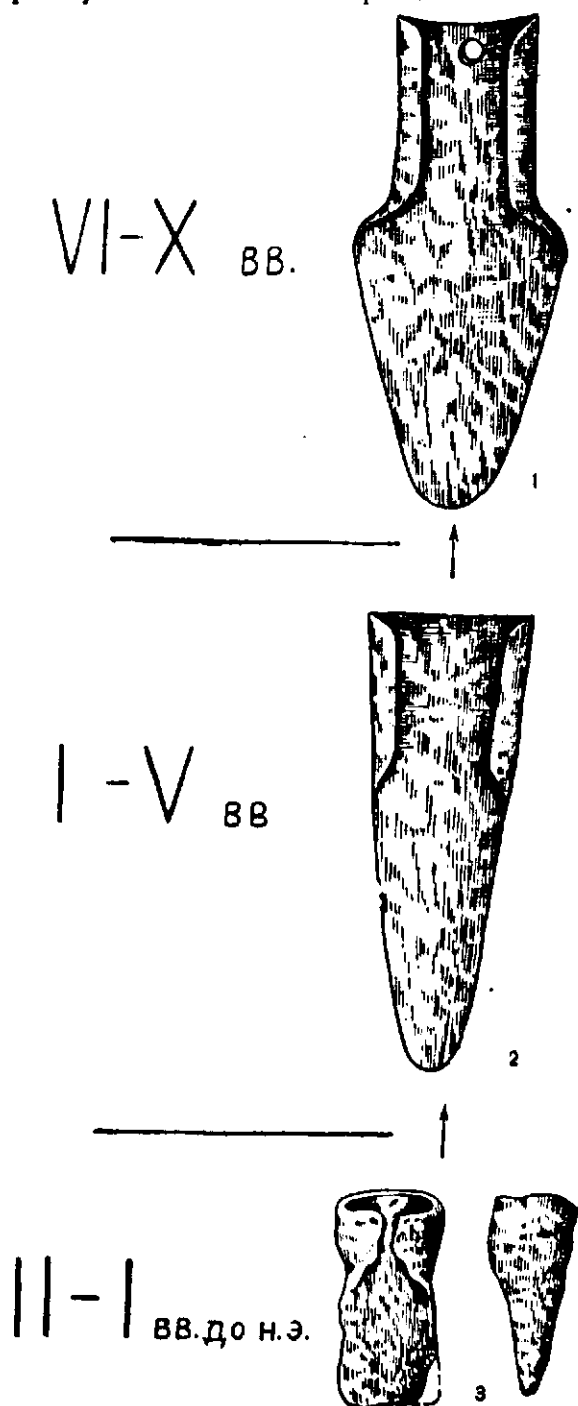

Рис. 62. Эволюция железных сошников: 1 — сошник VI—X вв., 2 — сошник таштыкской эпохи, 3 — мотыжка тагарско-таштыкского переходного этапа (из кургана И. Р. Аспелина у с. Тесь)

ный сошник с плечиками. И еще одно обстоятельство. Сошник с плечиками, находящий себе полную аналогию в форме сошников VI—IX вв. из Восточной Европы, явно не зародился в таком виде

(рис. 62—1). Ему должны были предшествовать и действительно предшествовали более примитивные сошники более примитивных пашенных орудий, чем плуг, а именно: вышеописанные архаичные сошники без плечиков, имеющие форму клина. Обращаясь к материалам из Восточной Европы, мы обнаруживаем полное совпадение процесса развития форм этих орудий. Точно такие же клиновидные наральники без плечиков являются там древнейшими и найдены они на поселениях «культуры полей погребений», относящихся к первым пяти векам н. э., т. е. ко времени, синхронному таштыкской эпохе¹.

Таким образом, проделанный типологический анализ заставляет полагать, что примитивные клиновидные сошники без плечиков, из числа случайных находок в Хакасско-Минусинской котловине, относятся к таштыкскому времени. Это тем более очевидно, что они вполне могли развиваться из упомянутых железных наконечников мотыг с закраинами, которые также не имели плечиков и были известны еще в предташтыкское время (рис. 62—3). Увеличилась лишь длина и заострился рабочий конец, но при этом резко менялось функциональное назначение орудия (рис. 62).

За отсутствием деревянных частей трудно что-либо сказать о конструкции этого древнейшего пашенного орудия. Скорее всего оно имело ту же простейшую форму, что и «рало», известное нам по этнографическим материалам. Это длинная, слегка изогнутая жердь, с одной стороны которой прикреплялось ярмо для пары быков, а с другой — ручка для управления, отходящая вверх, и снизу, чуть впереди, деревянный ральник, вделанный в жердь под углом в 45°, на конец которого и мог надеваться такой сошник-наральник². Однако как бы не был примитивен древнейший таштыкский «плуг», введение его ознаменовало огромный прогресс в сельскохозяйственной технике того времени, в сравнении с мотыжной обработкой почвы тагарскими динлинами. Он привел к облегчению труда человека и использованию площади пахотных земель, к улучшению всей системы земледелия и более широкому введению в севооборот зерновых культур. «Благодаря ему, — указывает Ф. Энгельс, — стало возможно в крупном размере земледелие, *полеводство*, а вместе с тем и практически неограниченное для тогдашних условий увеличение жизненных припасов»³. Резко повышается в связи с этим производительность труда и урожайность полей, появляется излишек продуктов. Такое развитие производительных сил не могло не оказать и действительно оказало большое влияние на производственные отношения и социальную структуру таштыкского общества, о чем будет сказано особо.

¹ «Материалы по истории земледелия СССР», сб. I, стр. 118, рис. 1 и см. стр. 119—120.

² Там же, стр. 120, рис. 2.

³ Ф. Энгельс. Происхождение семьи, частной собственности и государства. Госполитиздат, 1950, стр. 25.

Однако следует полагать, что появление примитивной сохи в это время не могло еще вытеснить целиком ручной способ обработки полей. Наряду с сохой, продолжала существовать и железная мотыга той же, очевидно, формы, что и в предташтыкское время¹.

Очевидно также, что в таштыкскую эпоху (или в предташтыкское время) произошла и замена тагарского бронзового серпа железным серпом. Втульчатые и черешковые серпы хорошо известны в VI—X вв. не только по большому количеству случайных находок, но и по серпам в составе Тюхтятского клада². К таштыкскому времени, очевидно, относятся железные слабоизогнутые серпы (с коротким черешком), по форме переходные между бронзовыми и поздними железными³.

Других земледельческих орудий, употреблявшихся таштыкскими земледельцами, мы не знаем, также не найдены пока и какие-либо приспособления для размолота муки. Однако теперь уже можно сказать, что это были ручные мельницы, состоявшие из парных каменных круглых жерновов, подобных употреблявшимся и позднее в VI—X вв. Такие жернова появились уже в конце тагарской культуры, когда они еще сосуществовали с зернотерками, что теперь доказано находками и тех и других в большом Салбыкском кургане в 1956 г.⁴

Представляется, что в это время в Хакасско-Минусинской котловине уже возделывались основные культурные злаковые растения: просо, ячмень и пшеница. О хакасах Таншу подробно сообщает, что они «сеют просо, ячмень, пшеницу и гималайский ячмень. Муку мелют ручными мельницами; хлеб сеют в третьей, а убирают в девятой луне. Вино квасят из каши». Во всяком случае, уже для раннеташтыкского времени достоверно известно просо, сохранившиеся зерна которого оказались в изобилии подсыпанными под головы скелетов в грунтовых погребениях Оглахтинского могильника⁵.

Дальнейшие поиски и раскопки таштыкских оседлых земледельческих поселений несомненно во многом уточнят и дополнят наши знания о развитии земледелия в таштыкскую эпоху. О значительности оседлости части населения этого времени свидетельствуют и другие материалы, позволяющие утверждать, что земледельцы имели в своем хозяйстве и домашнюю птицу, в частности кур.

Куроводство имело значительное распространение, о чем в настоящее время есть вполне досто-

верные свидетельства. Выяснилось, что в состав съестных припасов, которыми снабжались погребенные в склепах, входили и куриные яйца. В 1951 г. в склепе № 1 Изыхского чаа-таса (III—IV вв.) при значительной части сожженных в большом количестве найдена нами скорлупа куриных яиц, залегавшая нередко целым слоем⁶. При любом самом скромном подсчете, количество положенных в свое время в склеп яиц превышало сотню. При пересмотре материалов из раскопок наших предшественников выяснилось, что обломки скорлупы куриных яиц были найдены также в склепах № 5 (I в. до н. э. — Киселев С. В., 1936) и № 6 (II в. н. э. — В. П. Левашева, 1936)⁷ Уйбатского чаа-таса, но в результате того, что скорлупа яиц не была передана на определение специалистам, она фигурировала в рукописных отчетах исследователей как скорлупа «птичьих» яиц и не упоминалась в их печатных работах. Нахождение остатков куриных яиц в разновременных склепах трех этапов эпохи, расположенных к тому же на разных территориях, уже достаточно хорошо свидетельствует о широком распространении куроводства в хозяйственных целях на Среднем Енисее в таштыкское время. Возможно, что куриными являются и обуглившиеся, до сих пор не определенные, кости птиц, обнаруженные С. В. Киселевым в склепах № 5 и под з. к. № 1 на Уйбатском чаа-тасе.

Домашние куры и утки имелись и в Китае ханьского времени, с которым Южная Сибирь имела тесные связи. Известны, например, их глиняные скульптурки⁸. Может быть, куроводство было и на соседнем Алтае, где в Пазырыкских курганах найдены кожаные аппликации, изображающие петухов⁹. По мнению М. П. Грязнова, художественный образ петуха создан в обществе, которое знало петуха в натуре. Теперь нет оснований предполагать, как это сделал М. П. Грязнов, что отдельные живые экземпляры петуха попадали на Алтай через Среднюю Азию, когда кур разводили¹⁰ в соседней Хакасско-Минусинской котловине. И если куры на Алтае разводились, то уже, конечно, в хозяйственных целях из-за мяса и яиц, как и в Хакасско-Минусинской котловине, а не «вследствие особого качества петуха, возвещающего, по представлению древних, своим криком наступление рассвета и разгоняющего злых духов ночи», — как пишет С. И. Руденко¹¹.

Куроводством в Хакасско-Минусинской котловине занимались, очевидно, и предшественники «таштыкцев» — тагарские динлины. Во всяком слу-

¹ К таштыкскому времени, очевидно, относятся миннаторные модели таких мотыг, известные по случайным находкам и хранящиеся в ГИМ.

² Л. А. Евтюхова. Ук. соч., рис. 124 и 166—167.

³ 6 серпов этого типа выставлены В. П. Левашевой в таштыкской витрине Минусинского музея (№ 1226).

⁴ Сообщено С. В. Киселевым.

⁵ Зерна проса из Оглахтов хран. в Музее антропологии МГУ, кол. № 24; мной была предпринята попытка определения зерен у специалистов биологического факультета МГУ, которая закончилась подтверждением определения зерен как простое просо. Указание Адрианова на сходство с китайской чумизой не подтвердилось.

⁶ Скорлупа из этого склепа была передана на определение ст. научному сотруднику Зоологического музея МГУ орнитологу Е. П. Спангенбергу, по авторитетному мнению которого найденная скорлупа происходит от куриных яиц.

⁷ Хран. в Минусинском музее, инв. 12519, № 1211.

⁸ В. Laufer. Chinese Pottery of the Han dynasty. Leiden, 1909, табл. 63.

⁹ М. П. Грязнов. Первый Пазырыкский курган. Л.: 1950; С. И. Руденко. Горноалтайские находки и скифы. М.—Л., 1952.

¹⁰ М. П. Грязнов. Ук. соч., стр. 79.

¹¹ С. И. Руденко. Ук. соч., стр. 39.

чае, для тагарско-таштыкского переходного этапа это установить возможно. Среди случайных находок имеются бронзовые булавки, завершающиеся объемным или уплощенным изображением сидящего петуха (рис. 29—1, 2)¹. Эти булавки находят себе определение во времени. Они встречаются в памятниках III—I вв. до н. э.² и в особенности в усуньских памятниках Семиречья, где найдены аналогичные бронзовые булавки, заканчивающиеся фигурами сидящих птиц³.

Археологически, таким образом, начало куроводства в Хакасско-Минусинской котловине устанавливается, до получения новых материалов, уже с тагарского времени. Существовало оно и у древних хакасов в VI—X вв., подтверждением чему является изображение целого ряда куриц на известной Сулекской писанице, относящейся к этому времени⁴. Надо полагать, что самобытное куроводство существовало в этой области вплоть до современности. Ведь еще П. С. Паллас, побывавший в этих краях в 1772—1773 гг., описывая койбалов, отметил: «Многие из них имеют деревянные на зиму дома, да из тех, кои живут в юртах, некоторые содержат кур»⁵. В этнографической литературе конца XIX в. имеются более подробные указания, что хакасы разводили разнообразную домашнюю птицу: гусей, уток, индеек и кур, которые имеют свое хакасское название «тагах»⁶. Любопытно отметить параллель с хантами, которые, по указанию ряда авторов, уже в XVIII в. «петухов и куриц для яиц содержат»⁷. Интерес же заключается в почти совпадающем термине-названии. По-хантски курица — «тавах»⁸, по-хакасски — «тагах». В этом совпадении, очевидно, надо видеть указание на то, что хантские и хакасские термины для обозначения кур восходят к одному общему древнему термину, восходящему к тагарскому времени. Если это так, то тем самым мы находим еще одно подтверждение наличию самобытного куроводства в тагарскую эпоху.

Оленеводство, которым занимались отдельные родовые группы из состава динлино-гянгуньских племен, жившие в горно-таежной зоне котловины, выявлено благодаря находкам хорошо сохранившихся

статуй оленей с искусно вырезанными узлами на их мордах в склепе № 1 пограничного «таежно-степного» Сырского чаа-таса (рис. 49)⁹.

И в настоящее время оленеводство известно в Алтае-Саянском нагорье. По Восточному Саяну и его отрогам, по соседству с Хакасией, оленеводством занимаются карагасы¹⁰. К югу от них, по ту сторону Саян, домашних оленей держат оленные тувинцы-тоджинцы¹¹. Еще в недавнем прошлом к северо-западу от карагасов по рекам Мане и Кану оленеводством занимались ныне обрусевшие камасинцы¹².

Алтайцы и хакасы оленеводством не занимаются. Однако есть данные, говорящие о том, что в XVII в. оленеводством занималось население Тубинского княжества, а в XVIII в. одно из хакасских племен — койбалы — держало домашних оленей¹³.

Во множестве обитает в настоящее время в Саянах и дикий северный олень. Известен он также в Хакасии, особенно в верховьях рек Черного и Белого Июсов¹⁴, а на Алтае — на территории Алтайского заповедника¹⁵. Таковы сведения о северном олене Саяно-Алтайского района в настоящем.

Важно отметить, что карагасы и тувинцы, как в прошлом камасинцы и койбалы, ездят на олене только верхом и совершенно не знают оленьей санной упряжки, которая распространена столь широко у северных оленеводов. Это понятно, если учесть горно-таежный ландшафт Саянского района. Но вместе с тем это находит ныне и историческое объяснение. В самом деле, аккуратное воспроизведение на статуях двух совершенно одинаковых узд, вернее оленьих недоуздов (так как удил у них не было — не изображены совсем ременные отводы к ним — см. рис. 50 — 2, 3), свидетельствует о том, что таштыкские художники стремились к точной передаче натуры и изображением уздечек подчеркивали хозяйственное назначение оленей под верховую езду.

Таким образом, эти находки, не являясь большой неожиданностью для районов Южной Сибири, в то же время поражают доказательством столь глубокой древности оленеводства в этих местах. Теперь становится ясным, что в таштыкскую эпоху племена, жившие в горно-таежных районах Саянского хребта и его отрогов, имели домашних оленей, которые стали уже привычными, а вместе с тем и надежными верховыми и выючными животными. Это подтверж-

¹ Гос. Эрмитаж, ОИПК, собрание В. Радлова, № 1123—81 и собрание И. Товостиной, № 3975—287; Минусинский музей, 4 экз. — № 8040, 8051, 9221, 12534.

² Ср. бронзовую булавку с совершенно еще тагарской фигуркой косули, стоящей собрав ноги, на шаровидном завершении стерженька булавки — хран. в Минусинском музее, № 9229.

³ М. В. Воеводский и М. П. Грязнов. Усуньские могильники на территории Киргизской ССР. ВДИ, № 3 1938, стр. 169, рис. 28; ср. МИА СССР, № 14. М.—Л., 1950, табл. 43, рис. 3—5.

⁴ Л. А. Евтюхова. Археологические памятники енисейских кыргызов (хакасов), рис. 180.

⁵ П. С. Паллас. Путешествие по разным провинциям Российского государства, ч. III, пол. I. СПб., 1788, стр. 527.

⁶ А. А. Кузнецова и П. Е. Кулаков. Минусинские и Ачинские инородцы. Красноярск, 1898, стр. 192.

⁷ В. Ф. Зуев. Материалы по этнографии Сибири XVIII века. М.—Л., 1947, стр. 84.

⁸ М. А. Кастрен. Опыт перевода остяцкой грамматики. Тобольск, 1902, стр. 119.

⁹ Ср. Л. Р. Кызласов. Древнейшее свидетельство об оленеводстве. СЭ, 1952, № 2 и его же. Сырский чаа-тас. СА, XXIV, 1955.

¹⁰ С. Керцелли. Карагасский олень и его хозяйственное значение. «Северная Азия», кн. 3, 1925, стр. 87—92.

¹¹ П. Е. Островских. Оленные тувинцы. «Северная Азия», № 5—6, 1927, стр. 79—94.

¹² А. Я. Тугаринов. Последние калмажи. М., 1926.

¹³ P. Pallas. Russische Reih, Th. III, стр. 376. Об этом же упоминает А. Миддендорф. Путешествие на север и восток Сибири, ч. II, СПб., 1877, стр. 561.

¹⁴ Труды Енисейского губернского лесного отдела, т. I, вып. 2. «Материалы к познанию охотничьего дела Енисейской губернии». Красноярск, 1925, стр. 16.

¹⁵ А. А. Машковцев. Саянский дикий реликтовый северный олень. Доклады АН СССР, т. XXVII, № 1. М., 1940, стр. 78—80.

дается и особой, именно оленьей, формой узды, выработанной в течение времени. Ни в таштыкское время, ни позже конских узд такого типа не было. Прежде всего, узды оленьих статуй отличаются от конских отсутствием удила. Главное в том, что у конских узд всегда обязателен подшейный ремень (так называемый подбородник), а у оленьих уздечек его нет. Далее, у оленьих узд налобный поперечный ремень соединен с ремнем, охватывающим переносье. И этого не бывало у конских узд. Чтобы в этом убедиться, достаточно просмотреть изображение верховых коней, относящихся к гунно-сарматскому времени. Например, это четко видно на знаменитых золотых бляхах сибирского собрания Гос. Эрмитажа¹. Это узды наиболее распространенного типа, хорошо изученного в натуре по находкам в Пазырыкских курганах Алтая².

Впрочем, надо сказать, что в настоящее время уздечек такого типа никакой из современных оленеводческих народов не применяет. Многовековой опыт привел оленеводов к разумному упрощению оленьей узды до степени недоуздки, в виде петли с завязками³. В раннетащтыкское же время такая форма уздечки, какая изображена на оленьих статуях, была создана на предшествующем этапе и являлась специфической формой оленьей узды⁴. Это обстоятельство заставляет полагать, что одомашнивание оленя произошло в Хакассии в гораздо более раннее время.

Необходимо далее отметить, что, судя по уздечкам, обильно украшенным набором круглых, вероятно, блестящих бляшек (на стыках ремней бляшки были больше других), оленей любили и украшали не менее лошадей. Таежники и охотники ценили оленя так же, как степняки и скотоводы ценили коня. В этом смысле пограничный «таежно-степной» сырский склеп дает нам примеры и того и другого.

В степи олень жить не может. Только в горной тайге имеется основная его пища — лишайник. Поэтому нет ничего удивительного в том, что археологи, изучавшие лишь древности степной зоны Хакасско-Минусинской котловины, не находили до сих пор почти никаких следов оленеводства. А такие следы все же были и сохранили их наскальные рисунки древних обитателей этой области, например: стадо оленей, которое гонит пастух с лошадью по

направлению к поселку, изображенное на Боярской писанице⁵. Издавший эту писаницу М. П. Грязнов напрасно сомневался в реальности оленьего стада. Боярская писаница датируется первыми веками до нашей эры и, следовательно, немного старше сырского склепа⁶. Второй пример — несправедливо забытые рисунки писаниц, сделанные Титовым в 1850 г. и изданные Г. И. Спасским⁷. Среди них есть изображения перекочевки с оленями на Майдашинской писанице и, в особенности, сцена угона быков оленеводом, сидящим верхом на олене, на Тепсейской писанице и др.⁸. Изображения эти датируются тем же переходным тагарско-тащтыкским временем, что и Боярская писаница.

Таковы факты, которые вместе с ныне найденными статуями доказывают наличие оленеводства в горно-таежных районах Хакассии в тагарско-тащтыкское время. Такая древность оленеводства в Саяно-Алтае объясняет теперь и удивительные качества саянского оленя, выработанные тысячелетиями. Их отмечают все зоологи, занимавшиеся оленями карагасов и тувинцев. Во-первых, все северные олени слабы для верховой езды — седло у них кладется только на передние лопатки, а не на спину, которая легко переламывается под седоком. На карагасского же оленя садятся, как на лошадь, в седло, положенное на спину, и даже употребляют стремена. «Карагасские олени значительно отличаются, как от тунгусских, так и северных тундряных, значительно большим ростом и силою»⁹, — пишет специалист по оленеводству С. Керцелли. — «Кроме того, карагасский олень действительно является вполне одомашненным животным, чего нельзя сказать о большинстве других (подчеркнуто мной — Л. К.)»¹⁰. Последнее обстоятельство особенно важно. То же самое характеризует и тувинского оленя, который одного вида с карагасским и имеет одно с ним происхождение. Так, некоторые авторы сообщают, что тувинские олени не уступают по росту тофаларским (т. е. карагасским. — Л. К.)¹¹ и что на тувинском олене «легко делаются переходы через горы до 70 верст в день»¹².

Итак, саянский олень — особая порода северного оленя, отличающегося исключительной выносливостью и работоспособностью, свободно выдерживающая конкуренцию с конем, является вместе с тем домашней породой древнейшего происхождения. Следует отметить в этой связи еще один поразитель-

⁵ М. П. Грязнов, Боярская писаница. ПИМК, 1933, № 7—8, стр. 41.

⁶ Там же, стр. 45.

⁷ Г. Спасский, О достопримечательнейших памятниках Сибирских древностей и сходстве некоторых из них с восточными. ЗРГО, кн. XII. СПб., 1857, стр. 147 и табл. IV, рис. 1 и рис. 4.

⁸ Л. Р. Кызласов, Древнейшее свидетельство об оленеводстве. СЭ, 1952, № 2, стр. 39—49 и рис. 8—9.

⁹ С. Керцелли, Карагасский олень и его хозяйственное значение. «Северная Азия», кн. 3, 1925, стр. 89.

¹⁰ Там же, стр. 91.

¹¹ Советское оленеводство, вып. 6. Л., 1936, стр. 77.

¹² М. И. Сжабеев, Промысловая охота в Урянхайском крае и ее особенности. «Северная Азия», кн. 5—6, 1929, стр. 116.

¹ И. Толстой и Н. Кондаков, Русские древности в памятниках искусства, вып. III. СПб., 1890, рис. 69—71; ср. иранскую узду — там же, рис. 84. Ближе к оленьим уздам верблюда, но она, не имея подшейного ремня, не имеет и налобного — там же, рис. 97 на стр. 92.

² М. П. Грязнов, Первый Пазырыкский курган. Л., 1950, стр. 55, рис. 20 и рис. 6—9, 11—15, 17, 21 и др.

³ См. статью «Типы оленеводства и их происхождение», СЭ, 1951, № 1, стр. 67.

⁴ Хорошим подтверждением различия оленьих узд от конских, для того времени, служит тот факт, что такие же узды, как и у наших оленей, были только у быков. Например, известны ханьские терракотовые статуэтки быков с уздами, имеющими продольный ремень, соединяющий поперечные на лбу. У этих узд также не имеется подбородника и на стыках ремней расположены такие же круглые бляшки — см. O. Si-g'én. Histoire des arts anciens de la Chine, II, L'époque Han et les six dynasties. Paris et Bruxelles, 1929. t. 74, рис. C.

ный факт. Общеизвестно, что у северных оленей самцы и самки имеют рога. Исключением здесь является снова саянский олень. Лишь недавно А. А. Машковцев доказал, что у саянского оленя очень много комолых самок и что это присуще только ему¹.

Таким образом, одна из наших статуй, изображающая безрогую самку, становится важным свидетельством того, что уже около двух тысяч лет тому назад и, очевидно, ранее саянскому оленю была действительно присуща комолость самок. К этому можно прибавить, что наскальные рисунки тагарской эпохи очень часто имеют изображение именно безрогих самок оленя².

В настоящее время, до получения еще более древних археологических фактов, поднимать вопрос о происхождении и древности оленеводства вообще было бы преждевременно. Об этом существует большая литература, но до сих пор авторы, исследующие эту проблему, за неимением конкретных фактов дальше догадок и гипотез не уходят, а вопросы датировки иногда стараются обойти молчанием³. Древнейшие письменные указания об оленеводстве северных народов (например, Увань — очевидно, эвенки) дают китайские летописи, но эти сообщения восходят только к V—VI вв. н. э.⁴. Для Саяно-Алтайского нагорья лишь «История династии Юань» (XIII—XIV вв.) сообщает, что туvinцы перевозят свои пожитки на «белых оленях»⁵, которые действительно довольно часто встречаются в стадах оленеводов-тоджинцев и сейчас. Таким образом, только археологические факты помогают разрешению вопроса о древности оленеводства.

Благодаря открытию таштыкских статуй теперь становится ясным, что для Саяно-Алтайского нагорья оленеводство в тагарско-таштыкское время является фактом. А начало освоения этого необходимого для горно-таежных охотничьих племен животного, очевидно, относится к более раннему времени, во всяком случае к эпохе бронзы.

Значительную роль в хозяйстве горно-таежных оленеводов играла, несомненно, и охота. Продукты собственно оленеводческого хозяйства: мясо, шкуры, молоко, волос и т. д. имели значительный вес в

их экономике, но, конечно, не единственный. Горно-таежный, резко изрезанный рельеф местности препятствовал неограниченному количественному расширению оленьих стад, что возможно в большей степени в зоне тундры. При сравнительно ограниченном же количестве оленей, оленеводам необходимо изыскивать дополнительные источники существования, что хорошо подтверждается этнографически. Большое количество диких животных и зверей в зоне тайги создает прекрасные возможности для комплексного оленеводческо-охотничьего и просто охотничье-рыболовческого хозяйства. Объектами охоты служили такие животные, как лось, дикий северный олень, марал, кабарга, горный козел и медведь, которые и поныне обитают в таежной зоне Саяно-Алтайского нагорья. Находки бронзовых пластинчатых амулетов в виде фигурки сидящего медведя в пограничном «таежно-степном» склепе № 1 Сырского чаа-таса позволяют предполагать существование культа медведя у таежников, который этнографически зафиксирован почти у всех жителей сибирской тайги еще в недавнем прошлом. Но наибольшее значение, естественно, имел промысел пушных зверей, таких, как соболь, белка, бобр, снежный барс, куница, рысь и т. д. мех их ценился и в древности, о чем свидетельствуют находки роскошных меховых одежд в погребениях племенной знати, например в Пазырыкских курганах соседнего Алтая. мех ценных пушных зверей служил для обмена охотников-таежников со скотоводческими и земледельческими племенами степной зоны, а в условиях разложения первобытнообщинного строя он, несомненно, являлся одним из видов подношения рядового населения своим все более обособляющимся родоплеменным владыкам. Добыча охоты, особенно шкурки ценных пушных зверей, служили, кроме того, целям широкой торговли за рамками динлино-гяньгуньского племенного союза и для выплаты дани в те редкие периоды подчинения иноземцам, которые, например, были в самом начале таштыкской эпохи. О том, что покоренные народы часто выплачивали дань мехами, сообщают китайские летописи. Такую же дань мехами собирали и сами динлино-гяньгуни с покоренных ими соседних племен, особенно в эпоху их борьбы с гуннами. Основными орудиями охоты служили луки и стрелы, костяные наконечники которых найдены в раннеташтыкских склепах. Надо полагать, что применялись вместе с тем разнообразные ловушки, примитивные капканы и пасти. Для охоты на мелких пушных зверей, чтобы не портить их шкурки, употреблялись стрелы с деревянным притупленным ударным концом, находимые в склепах. Охотой занимались не только жители тайги, но и население степной зоны в качестве подсобного промысла. Это видно по уже перечисленным находкам охотничьего вооружения в склепах. Объектами охоты служили здесь, прежде всего, представители степной фауны и в особенности разнообразная пернатая дичь: гуси, утки, дрофы и боровая птица. Особое значение имел промысел водоплавающей птицы, обладательницы

¹ А. А. Машковцев. Саянский дикий реликтовый северный олень. Доклады АН СССР, т. XXVII, № 1. М., 1940, стр. 78—80.

² Сб. МАЭ, т. XII. М.—Л., 1949, стр. 435 LVI—6, стр. 437 LVI—9, стр. 441 LVI—13, стр. 461 LVI—44, стр. 467 LVI—55, стр. 473 LVI—69 и др.

³ См. основные работы советских ученых и в них всю литературу вопроса: А. Н. Максимов. Происхождение оленеводства. Уч. записки Ин-та истории РАН ИОН, т. VI. М., 1928, стр. 3—34; А. М. Золотарев и М. Г. Левин. К вопросу о древности и происхождении оленеводства. Сб. Проблемы происхождения, эволюции и породообразования домашних животных, т. I. М.—Л., 1940, стр. 171—189; Г. П. Соколовский. К истории оленеводства в Сибири. Там же, стр. 135—149; Последней работой является статья: «Типы оленеводства и их происхождение». СЭ, 1951, № 1, стр. 63—87.

⁴ Н. Я. Бичурин. Собрание сведений о народах, обитавших в Средней Азии в древние времена, ч. I. М.—Л., 1950, стр. 350.

⁵ W. Schott. Über die ichtigen Kirgisen. Abhandlungen der königlichen Akademie der Wissenschaften zu Berlin, 1865, стр. 437.

лакомого мяса и ценного пуха. Находки бронзовых литых фигурок и статуэток гусей ритуального характера позволяют даже зафиксировать особый культ гуся в качестве верховного покровителя охотников на водоплавающую дичь.

В особенности, очевидно, большое значение имела охота на косулю, обитательницу лесостепных окраин и многочисленных сосновых боров Хакасско-Минусинской котловины. Кости косули неоднократно найдены в степных погребениях, что свидетельствует о постоянном промысле косуль и употреблении их мяса в пищу¹. Возможно, косули добывались с помощью конной облавной охоты, как это было в последующее время, судя по рисункам на Сулекской писанице. Несомненно, при охоте широко применялись собаки. Напомним, что на каменном изваянии с рч. Нени изображена великолепная сцена охоты на марала с собакой (рис. 61—26).

ОБЩИННОЕ ПРОИЗВОДСТВО

Все имеющиеся в настоящее время данные о производстве в таштыкскую эпоху позволяют заключить, что в это время не произошло еще отделения ремесла от земледелия и скотоводства, выделение особой категории людей, специализирующихся на ремесленном производстве. Допустимо лишь считать, что этот процесс происходил; усилившийся к концу таштыкского времени, он привел в конечном итоге ко второму крупному общественному разделению труда уже в VI—VIII вв. Таким образом, в рамках данного времени речь может идти лишь о производстве, носящем еще в значительной мере общинный характер, «но в этот производственный процесс медленно проникает разделение труда. Оно подрывает общность производства и присвоения, оно делает преобладающим правилом частное присвоение и вместе с тем порождает обмен между отдельными лицами»².

Таштыкская эпоха выгодно отличается от тагарской широким применением нового металла — железа, которое внедряется в конце последней, около III в. до н. э. Как указывает Ф. Энгельс, железо есть «последнее и важнейшее из всех видов сырья, сыгравших революционную роль в истории»³. Еще в предташтыкское время железо целиком вытеснило производство орудий труда и оружия из бронзы. Появились более совершенные железные топоры, мотыги, разнообразное оружие, ножи и т. д. Дальнейший прогресс сельскохозяйственной техники, приведший к появлению первых пашенных орудий, вызвал необходимость производ-

ства железных сошников, серпов и других сельскохозяйственных орудий. Но специализация производства еще не имела подразделений на отдельные отрасли. Металлургом, выплавлявшим железо «сыродутным» способом из железной руды, был тот же кузнец, изготавливавший разнообразные орудия труда, оружие, предметы конского снаряжения и другие железные вещи, в том числе и предметы ритуального назначения, находимые в таштыкских погребениях. Те же общинные кузнецы, по-видимому, были бронзолитейщиками, отливавшими из меди и бронзы самые разнообразные поясные пряжки, украшения конской сбруи, ритуальные миниатюры, поясные бляшки и целые наборные пояса. Ими же было освоено и художественное литье из меди и бронзы, а также изготовление довольно тонкого листового золота, не превышавшего по толщине 4—5 микрон. Несомненно, что этим общинным мастерам была знакома также плавка золота и серебра. На такой же характер домашнего производства, доступного еще сравнительно широкому кругу общинников, в котором различались только более или менее искусные исполнители, иногда художники, указывают уже рассмотренные особенности техники изготовления керамических погребальных масок и многочисленных бронзовых амулетов. Здесь хорошо отразились индивидуальные художественные способности каждого мастера. При их рассмотрении особенно четко выявляется отсутствие стандартизации производства, что характерно уже для развитого специализированного ремесла. Делали сами, кто как мог, и поэтому наряду с грубыми и схематизированными изделиями встречаются, впрочем нередко, высокохудожественные и реалистические образцы. То же мы видим и в других об-

¹ В склепе № 2 Изыхожского чаа-таса оказались кости от 23 особей косули (I в. до н. э.), а в погребении под каменной выкладкой № 4 того же чаа-таса (IV—V вв.) — кости одной особи косули, положенные в составе мясной пищи.

² Ф. Энгельс. Происхождение семьи, частной собственности и государства. Госполитиздат, 1950, стр. 181.

³ Там же, стр. 168.

⁴ ДИЮС, стр. 461.

⁵ Н. Я. Бичурин. Ук. соч., ч. I, стр. 352.

ластях таштыкского искусства, например в скульптуре, где творческие возможности отдельных мастеров запечатлены прекрасно. Однако надо особо отметить, что изобразительное и прикладное искусство поднимается в эту эпоху на значительную высоту.

В гончарном производстве также хорошо фиксируется общинное мастерство. Только оно, при отсутствии гончарного круга, могло привести к огромному разнообразию форм сосудов и их ornamentации. И лишь в IV—V вв., в позднеташтыкское время, появляются примитивные приспособления для выделки сосудов — деревянные подставки с невысокими шипами для закрепления сосудов и, видимо, ручной гончарный круг.

В общинном производстве таштыкской эпохи значительную роль играл женский труд. Женщины занимались домашним изготовлением глиняной, деревянной и берестяной посуды, изготовлением пряжи и шерстяных тканей для одежды, выделкой мехов и кож, изготовлением широко употреблявшихся войлока, фетра, кошм, ремней, волосяных арканов, пошивкой одежды и обуви, производством разнообразных продуктов питания и т. д.

* * *

Рассмотрение сфер хозяйственной деятельности динлино-гяньгуньских племен приводит к выводу, что основными средствами производства были у них земля (пашни, пастбища) и скот. Имущество в виде скота имеет то важное преимущество, что оно «при известной величине стада регулярно доставляет некоторый излишек над собственной потребностью»¹. Скотоводство в Хакасско-Минусинской котловине поэтому сыграло важную роль в процессе становления классового общества. Необходимой предпосылкой распада первобытнообщинных отношений был такой рост производительных сил, при котором стал появляться излишек продуктов сверх собственной потребности производителя. Но до тех пор, пока этот излишек продуктов выступает только в форме средств потребления, он не может стать основой имущественного расслоения. Преимущество скотоводческого хозяйства состоит в том, что скот в одно и то же время является продуктом хозяйства, т. е. предметом потребления, и средством производства. Это обстоятельство значительно облегчало переход от присвоения предметов потребления к присвоению средств производства в частную собственность. Таким образом, скот становился богатством и с появлением частной собственности он определял социальную дифференциацию населения и способствовал появлению различных форм зависимости. Все имеющиеся материалы таштыкской эпохи, в особенности статуи домашних животных, находимые при погребениях знати, подчеркивают значение скота как основного богатства, которым славились и гордились представители

таштыкской социальной верхушки, обособляясь даже в погребальном ритуале.

Вместе с тем технический прогресс в таштыкском земледелии также свидетельствует о бурном развитии производительных сил. Появление сохи вызвало резкое повышение производительности труда, улучшение системы земледелия и увеличение урожайности полей. Все это также вело к тому, что начинает вырабатываться гораздо больше продуктов, чем необходимо для потребления производителя, к накоплению богатств, к появлению частной собственности.

Как указывает Ф. Энгельс, частная собственность появляется в истории «по экономическим причинам» и «ни в каком случае не является результатом грабежа и насилия. Напротив, она существует уже в древней, первобытной общине... уже внутри этой общины частная собственность развивается в форму товара, сначала в обмене с чужестранцами. Чем больше продукты общины принимают товарную форму, т. е. чем меньшая часть их производится для собственного потребления производителя и чем большая — для целей обмена, чем больше обмен вытесняет и внутри общины первоначальное, стихийно сложившееся разделение труда, — тем более неравным становится также имущественное положение отдельных членов общины, тем глубже подрывается старое общинное землевладение, тем быстрее община идет навстречу своему разложению...»².

В конкретных условиях Хакасско-Минусинской котловины таштыкского времени особая роль выпала на долю земледельческих общин в постепенном развитии товарного производства, зарождающегося как раз в условиях разложения первобытнообщинного строя.

Появление избыточного продукта земледельческого хозяйства позволяло развивать не только внутриплеменной обмен, или же обмен между отдельными разными производственными группами внутри динлино-гяньгуньского племенного союза, но и уже внешний обмен. Если учесть, что кругом Хакасско-Минусинской котловины в эту эпоху жили, главным образом, скотоводческие племена, не нуждавшиеся в продуктах скотоводства, то роль таштыкского земледельческого очага становится особенно очевидной. Скотоводы Центральной Азии и Южной Сибири всегда нуждались в земледельческих продуктах и платили за них дорого. Этим в основном надо объяснять широкое проникновение китайских шелковых тканей, великолепных ханьских зеркал из белого сплава, лаковых чашечек и других вещей китайского происхождения в среду «таштыкских» племен. Их поставляли центральноазиатские кочевники (сначала гунны, а затем, с конца I в., сменившие их сяньбийцы), которые приобретали китайские товары во время своих захватнических набегов на провинции Китая, обменом на

¹ Ф. Энгельс. Уж. соч., стр. 171.

² Ф. Энгельс. Анти-Дюринг. М., 1948, стр. 151 (подчеркнуто мною. — Л. К.).

захваченных ими китайских военнопленных и иным путем.

Это возросшее значение хлеба как главного товара (вывозились, несомненно, кроме того и меха ценных пушных зверей и др.) стимулировало более решительное втягивание рядового земледельческого населения в зависимость от руководящей верхушки богатых «таштыкских» скотоводов, опиравшихся все более на новую молодую общественную группу — военных дружинников. Таким образом, устройство «таштыкского» общества, особенно к концу эпохи, представляется уже значительно усложненным в сравнении с предыдущим временем.

Возникшая частная собственность приводила к обогащению и обособлению отдельных семей (что отражено в исчезновении коллективных родоплеменных склепов и появлении индивидуальных могил на последнем переходном этапе).

Производительные силы все более приобретают частный характер, чему противоречит старая первобытнообщинная общественная форма собст-

венности. Это приводит к назреванию конфликта между старыми производственными отношениями и новыми производительными силами. В исход этого конфликта особую ясность вносит объективный экономический закон *обязательного соответствия производственных отношений характеру производительных сил*. Именно этот экономический закон привел в конце таштыкской эпохи к ниспровержению первобытнообщинных производственных отношений и созданию новых производственных отношений классового общества, к приведению этих производственных отношений в соответствие с характером производительных сил, выросших в недрах первобытнообщинного строя. Поэтому-то в последующую эпоху (VI—X вв.) мы уже наблюдаем на Среднем Енисее сложившееся классовое общество и государство древних хакасов, дальнейший процесс разделения труда, приведший к отделению ремесла от земледелия и вместе с тем к широкому внедрению товарного производства.

ЭТНОГЕНЕЗ ХАКАСОВ И ОБЩЕСТВЕННЫЙ СТРОЙ ДИНЛИНО-ГЯНЬГУНЬСКИХ ПЛЕМЕН

После того как около середины I в. н. э. основная масса ранних угров, потомков древних тагарских динлинов, удалась из Хакаско-Минусинской котловины в Западную Сибирь, часть их продолжала оставаться, смешавшись с гяньгунами и войдя в их племенной состав. Свидетельством тому являются приведенные выше факты сохранения в материальной культуре и искусстве Сырского и Уйбатского этапов сильных тагарских традиций и в особенности таких специфично угорских черт, как редко встречающиеся в склепах погребальные куклы (Сырский этап)¹ или изображения птиц и деревьев «на подставках» (родовые тамги — Сырский и Уйбатский этапы), а также сохранение погребальных масок, но с изменением их назначения. Вместе с тем некоторые угорские родовые группы продолжали жить, в особенности в подтаежных и таежных местах, сохраняя в относительной чистоте свой физический тип и язык благодаря изоляции от гяньгунского тюркоязычного населения. Но и в собственно динлино-гяньгунском племенном союзе процесс ассимиляции потомков тагарцев протекал, видимо, довольно замедленно, так как даже в самых поздних склепах Уйбатского этапа, наряду с монголоидными, продолжают встречаться и типично европеоидные маски².

Это объясняется относительной малочисленностью тюркоязычного кыргызского населения.

Этническая карта Хакаско-Минусинской котловины в таштыкскую эпоху не может быть полной без указания на еще одну древнюю аборигенную группу. Это самодийские племена, проживавшие по Восточному Саяну и правобережью Енисея еще задолго до прихода тюркоязычных гяньгуней. Свидетельством тому является дотюркская самодийская топонимика этого района.

По-самодийски: «бю» (тазовские), «би» (энцы), «бу» (койбалы и маторы) — «вода». Этот топоним носит следующие названия рек: Холба, Тайба, Колба, Салба (приток Убея), Карасиба, Тебе, Сейба, Буйба, Ирба, Туба, Салба (приток Кебежа), Анбу, Тихтиба, Цинзыба, Танзыба, Аба, Абакан (его древнее название — Абу).

Эти названия рек встречаются на единой территории, которая охватывает целиком Восточные Саяны (от р. Оки на востоке и до Енисея на западе), часть Западно-Саянского хребта, где они заходят на левобережье Енисея.

Такая географическая локализация этих топонимов преимущественно в горно-таежном районе енисейского правобережья, т. е. как раз на территории исторически зафиксированного расселения ныне полностью отореченных, но еще до начала XIX в. сохранявших элементы родного языка, самодийских групп (койбалы, маторы, карагасы, часть камасинцев), свидетельствует об исконном заселении самодийцами этого района.

К сожалению, археологически Восточный Саян еще не изучен. Однако, как было показано выше,

¹ Склеп № 1 Сырского чва-таса.

² КСИИМК, вып. XXV, стр. 94, рис. 35.

различие памятников правого берега Енисея от левобережных позволяет предполагать этническую обособленность оставившего их населения.

Наиболее важным археологическим свидетельством присутствия самодийцев являются найденные нами две статуи взнузданных северных оленей, подтверждающих, что в горно-таежном окружении Хакасско-Минусинской котловины в первые века н. э. жили охотники-оленоводы, а таковыми всегда, за всю их историю, были самодийские племена, впоследствии распространившие оленеводство по всему сибирскому северу.

Итак, в период первых пяти веков нашей эры, следует констатировать этническую неоднородность и пестроту родового состава у населения Хакасско-Минусинской котловины, где, наряду с тюркоязычными кыргызами-гянгунями, продолжали жить угрозоязычные потомки динлинов и самодийские группы. Эта особенность этногенетического процесса таштыкской эпохи наложила яркий отпечаток на все дальнейшее его развитие вплоть до образования современного хакасского народа.

В этом отношении показательно неоднократно высказанное мнение известного антрополога профессора Г. Ф. Дебеч о том, что «относительно слабая монголоидность хакасов, по всей вероятности, объясняется сохранением в их составе древнего европеоидного типа минусинских степей, господствовавшего там в тагарское время. Погребальные маски таштыкской культуры характеризуются теми же признаками, что современные сагайцы и бельтыры»¹. Ассимиляция усилилась, но не закончилась полностью и в VI—X вв. Имеется целый ряд свидетельств того, что древние хакасы не были чем-то цельным в этническом отношении, а состояли из ряда племен, различающихся между собой и по происхождению и по языку. Близкую, хотя, конечно, и не тождественную картину застали на Среднем Енисее первые русские землепроходцы в начале XVII века, когда наряду с тюркоязычными енисейскими кыргызами и целым рядом других оторченных к тому времени племен, составлявших основное население «кыргызских» княжеств, здесь продолжали обитать самоедоязычные (в основном Тубинское княжество), кетоязычные (район Красноярска) и угрозоязычные мелкие этнические группы, которые вошли в состав современных хакасов.

Что касается древних хакасов VI—X вв., то их этническая неоднородность проявляется в целом ряде фактов. Так, например, общеизвестно, что в енисейских письменных памятниках (эпитафиях на каменных стелах, надписях на скалах и отдельных предметах), найденных в Хакасско-Минусинской котловине в большом числе, ни разу не упоминается имени кыргыз, но всегда лишь названия отдельных племен². Фактически нет никаких данных считать, что термин «кыргыз» является самоназванием всех племен, входивших в состав древнехакасского

государства. Тюркоязычные кыргызские племена, продолжая оставаться малочисленными, являлись, очевидно, основным ядром, объединявшим и возглавлявшим разноязычные племена, входившие в одно государственное целое. Поэтому-то тюрки-ту-гу, арабские и персидские авторы называли все эти племена кыргызами, но по той же причине хорошо осведомленные китайцы в эпоху Тан называли их не кыргызами, а хакасами³. Китайское «хакас» не может являться транскрипцией тюркского «кыргыз», которое китайцы передавали как гяньгунь, а позднее (в Юаньши) писали гораздо ближе в форме «ки-ли-ки-цзе» (цзилицзисы)⁴. Китайский термин «хакас» гораздо шире, чем «кыргыз» и точнее, ибо это название действительно охватывало все, в том числе и кыргызские, разноязычные племена, входившие в древнехакасское государство. По недавно высказанному предположению С. Е. Малова, китайское «хакас» происходит от «карагас»: «Ведь китайцы под хакасами—карагасами—могли вполне понимать киргизское государство с разными подчиненными ему народами»⁵. Это мнение С. Е. Малова уже близко к истине. Однако решение вопроса зависит от результатов тщательного выяснения значения термина «хакас»⁶. Сейчас, по моему мнению, совершенно ясно, что местный по происхождению, но сохраненный китайской летописью, термин «хакас» состоит из «ха» (значение предстоит выяснить) и этнонима «кас», равно как «карагас»—«харакас» в переводе с тюркского означает «черный кас». Примечательно, что термин «хакас», как доказывают лингвисты, дожил до современности.

Как известно, долгие гласные в современном хакасском языке имеют вторичное образование в результате стяжения двух гласных вследствие выпадения согласного между ними, чаще всего Г, Ғ, К, Х и НЪ. Сравните: ха-к. «оол» и древнетюркское «огул» в значении «сын», «парень»; ха-к. «аас» и древнетюркское «агыз» в значении «рот».

Исходя из этого мы полагаем, что совершенно прав тюрколог Н. Г. Доможаков, выявивший недавно, что древнее «хакас» является нестяженной фор-

¹ Н. Я. Бичурин. Собрание сведений о народах, обитавших в Средней Азии в древние времена, ч. I, М.—Л., 1950, стр. 350.

² Придя к этому выводу (опубликованному кратко в моей рецензии на книгу Л. П. Потапова. Очерки по истории алтайцев; 2-й изд. — см. ВП, 1954, № 7, стр. 151), я обратился за консультацией к известному синологу покойному профессору Н. В. Кюнеру, который любезно ответил на мои вопросы в письме от 30 марта 1954 г. В своем письме Н. В. Кюнер, подтверждая мою мысль относительно наименования «хакас», указывал: «Да, если судить по китайскому тексту, то не является китайской транскрипцией («кыргыз».— Л. К.), которой раньше было гянь-гунь, гэгунь и другие, а позже цзилицзисы».

³ С. Е. Малов. Енисейская письменность тюрков. М.—Л., 1952, стр. 7.

⁴ Касаясь этого термина, Н. В. Кюнер отмечал, что «во всяком случае китайский язык к нему не имеет никакого отношения, так как в китайской транскрипции иероглифы употреблены исключительно в фонетической роли, поэтому варьируются и утрачивают собственный смысл» и далее он полагал, что «значение слова хакас следует искать в уйгурском (старо-уйгурском) языке» — письмо автору от 30. III. 1954 г.

¹ ТИЭ. новая серия, т. II, М.—Л., 1951, стр. 131.

² ДИОС, стр. 561—562.

мой слова «хаас», в котором теперь выпал звук «к» или «г». А «хаас», как известно, есть самоназвание одной из групп хакасов, неточно по-русски называемых качинцами¹.

При всем том и древнее «хакас» и современное «хаас» не являются изначально тюркскими терминами, так же, как и «карагас», так как они не переводятся и не осмысляются с тюркских языков. Это термины самодийские.

Здесь большую важность имеет доказанный исследователем самодийских народов Г. Н. Прокофьевым факт, что термин «кас» — «хас» является самодийским в значении «человек, мужчина, люди» и что он входит в самоназвание ряда самодийских племен, в древности распространившихся на север с Алтая-Саянского нагорья (сравни: «хасава» у ненцев и «каса» у энцев). По Г. Н. Прокофьеву «карагас» просто переводится «журавлиные люди»².

Помимо самоназвания «хаас», основное ядро группы хаасов, как известно, составляют сеоки и их подразделения с наименованиями «хасха»: ах-хасха, паратан-хасха, тайджен-хасха и ус-хасха, в которые также входит этноним «хас». Этот этноним входит и в отмеченные Н. Г. Доможаковым наименования групп, не являющихся родовыми: хара хаас, көк хаас, хыр хаас (черный, синий и седой хаасы) и т. д. Следовательно, широко распространенная у хакасов, этноним «хаас» имеет несомненно самодийское происхождение, так же как и самоназвание ныне тюркоязычных, а прежде, как это исторически нам известно, в основном самоедоязычных, соседних с хакасами карагасов (сеоки: «каш» и «сарыг каш») и кашинцев XVII в. Это только доказывает, что основное ядро качинцев является отторженными в глубокой древности самодийцами, сохранившими до нашего времени свое самоназвание. Судя по древности качинского языка этот процесс проходил еще в эпоху древнехакасского государства VI—X вв.

Таким образом, древний термин «хакас» правильно характеризует разноязычное население этого государства, ибо в нем содержится первое свидетельство наличия, наряду с кыргызами-гянгунями «касских», самодийских по происхождению племен.

Прямые, на этот раз языковые подтверждения этому, мы находим в Таншу и других китайских источниках VI—X вв.

Там, с одной стороны, среди упоминаемых хакасских слов, имеются явно тюркские, по-китайски транскрибированные, слова: «гань» (кам) — шаман, «бей» — бег, «ай» — месяц, «сзе-му» (сын) — марал, «меу-сзе» (мус) — лед, «сю» (сол) — левый и т. п.

Но в то же время рядом с ними фигурируют и самодийские слова. Так, например, указывается в Таншу, что хакасы получают железо, которое назы-

вают «кя-са»³ (иное чтение: «цзя-ша») ⁴. Это слово не может быть транскрипцией тюркского «тимир» — «темир» — железо. Аналогии приводят к выводу, что «кя-са» слово самодийское (ср. у селькупов «кысе» — железо)⁵.

Известный немецкий синолог конца XIX в. В. Шотт (обосновавший фонетически, с помощью южно-китайских диалектов, правильность чтения и произношения термина «хакас», а не «хягас» или «хагас») вполне обоснованно указывал, что слово Мидичжи (Мидичжита), обозначающее в Таншу дом (войлочную юрту) хакасского государя (по Таншу: Ажо) происходит от самодийского «миди» («меади») — «место палатки», а сам титул Ажо он сопоставлял с самоедским «ассе» — «отец» в значении «отец страны»⁶.

Остается прибавить, что Таншу и другие более ранние китайские источники называют современную реку Абакан — «А-бу», т. е. она тогда имела самодийское имя с явным топонимом «бу» — «вода». Весьма вероятно, что и приводимое китайцами название Енисея «Кян», которое с помощью южно-китайских диалектов читается и как Кем или Ким, происходит от самоедского «ке» или «кы» — река (ср. хака. «Ким» — Енисей, тувинское и карагасское «хем» — река, «Улуг Хем» — Енисей), так как и в тюркских языках, кроме языков современных тувинцев, карагасов и хакасов, такого термина в значении «реки» или «воды» нет, а на территории самоедоязычных селькупов имеются названия рек: Кем и Кемчик (по-русски Кемчуг).

Исходя из этого, необходимо признать, что в VI—X вв. наряду с тюркоязычными кыргызами и уграми в Хакасско-Минусинской котловине жили и самодийские племена, входившие в древнехакасское государство, которые сохранились на этой территории вплоть до современности⁷. Очевидно, что самодийские племена и в таштыкское время жили в горно-таежных районах Саян, прилегающих к Хакасско-Минусинской котловине по правобережью Енисея.

Потомки тагарских динлинов — остатки раннеташтыкских угров, так же, как и многие самодийцы, вливались в гянгунские (кыргызские) племена в виде родов (сеоков), как это обычно было и позднее с целым рядом иноязычных родов, влившихся, например, в состав современных алтайцев⁸. Естественно, что при этом они были постепенно отторжены. Так появились качинцы, сагайцы, кызыльцы и другие группы современных хакасов⁹.

¹ W. Schott. Ober die ächten Kirgisen, стр. 438.

² Н. Я. Бичурин. Указ. соч., ч. I, стр. 352.

³ Известия ЛГУ, т. II, Л., 1930, стр. 370.

⁴ W. Schott. Указ. соч., стр. 442.

⁵ Отметим, что вплоть до XVII в. в княжествах енисейских кыргызов сохранился и нетюркский термин Ажо («ожо») — в значении судьи — «Памятники Сибирской истории XVIII в.», т. I, Сиб., 1882, № 15 и 37.

⁶ Ср. например, С. А. Токарев. Пережитки родового культа у алтайцев. ТИЭ, т. I, М.—Л., 1947, стр. 155—156.

⁷ См. Л. Р. Кызласов. К вопросу об этногенезе хакасов. «Ученые записки» ХНИИЯЛИ, вып. VII, Абакан, 1959.

¹ Н. Г. Доможаков. О некоторых особенностях сагайского и хакасского (качинского) диалектов. Записки ХакНИИЯЛИ, вып. IV, Абакан, 1956, стр. 65.

² Г. Н. Прокофьев. Этногония народностей Обь-Енисейского бассейна. Сб. СЭ, т. III, М.—Л., 1940, стр. 69—74.

Это смешение, однако, сильно отразилось и на физическом облике хакасов.

Все известные нам письменные источники (арабские, персидские, китайские, тибетские) единодушны в описании внешности хакасов или «кыргызов» VI—X вв. Так, например, в Таншу говорится: «Жители вообще рослы, с рыжими волосами, с румяным лицом и голубыми глазами. Черные волосы считались не хорошим признаком, а с карими глазами почитались потомками Ли-Лин»¹. Напомним, что рыжие и каштановые волосы имели потомки динлинов. Они были в большом количестве, в виде кос и отдельных волос, прилипших к маскам, найдены в погребениях Оглахтинского могильника. Вообще в этом отрывке Таншу хорошо отражен смешанный состав хакасов, среди которых наряду с рыжеволосыми и голубоглазыми были черноволосые и кареглазые люди.

О том, что у кыргызов «красные волосы и белая кожа», сообщал также, например, персидский автор XI в. Гардизи, заимствовавший свои данные у арабского географа VIII в. Ибн-Мукаффы². Самые поздние сообщения об этом содержат тибетские источники, в одном из которых о кыргызах говорится: «Люди этой земли в большинстве своем богаты. Именно многие из них были владельцами десяти тысяч прекрасных лошадей. Они имели голубые глаза и рыжие волосы, были безобразны по виду (с точки зрения тибетцев. — Л. К.) и постоянно навешивали (надевали) на себя оружие различного рода»³.

Как видим, эти данные отмечают значительные своеобразия во внешнем виде древних хакасов, отличающие их от типичных монголоидов, но свидетельствуют о смешении монголоидных гяньгуней (кыргызов) с европеоидными динлинами в период II в. до н. э. — V в. н. э. и в то же время фиксируют устойчивость черт старого динлинского типа.

* * *

Погребальные памятники таштыкской эпохи — склепы — свидетельствуют о родоплеменном устройстве общества. Эти обширные погребальные камеры, в которых погребались сожженные останки, нередко свыше сотни людей, несомненно служили родоплеменными усыпальницами. Об этом свидетельствуют и родовые тамги на ряде предметов, происходящих из них. Очевидно, отдельные племена, жившие на обособленных территориях, имели и свои племенные кладбища, позднее у их потомков, древнехакасских племен, превратившиеся в чаа-тасы. Поэтому-то на каждом чаа-тасе имеются разновременные таштыкские склепы, обычно расположенные цепочкой. Наличие подобных общеплеменных кладбищ в эпоху разложения первобытнообщинно-

го строя известно и зафиксировано этнографически, например у североамериканских индейцев (туска-рора, онондага и др.), Морганом⁴. В таштыкскую эпоху такая сплоченность племени подчеркивает еще господство первобытнообщинных порядков, а также необходимость постоянной военной борьбы с захватчиками гуннами, пытавшимися поработить динлино-гяньгуньские племена, о чем сообщают китайские источники. Территориальная разбросанность кладбищ отдельных таштыкских племен свидетельствует о том, что каждое племя имело свою собственную территорию, очевидно, особое имя и, может быть, диалект (или даже язык) при известной обособленности религиозных представлений и культовых обрядов. Археологически выделяется, например, племя, жившее в Койбальской степи между Абаканом и Енисеем и имевшее племенное кладбище на горе Изых-тах (Изыхский чаа-тас). Это племя не имело общераспространенного обычая поджигать камеры склепов перед их окончательной засыпкой, что доказано исследованием двух разновременных склепов № 2 (I в. до н. э. — I в. н. э.) и № 1 (III в. н. э.), которые оказались совершенно необожженными. Локальные племенные особенности прослеживаются во всех таштыкских кладбищах, хотя они проявляются неярко и по большей части в малозначительных уклонениях от общей картины (например, большие деревянные статуи животных на Сырах и мелкие статуэтки в склепах на р. Уйбате). В особенности резко различались от остальных, судя по погребальным сооружениям, племена, жившие по правому берегу Енисея (юртообразные курганы, склепы без входов, отличия в керамике, отсутствие статуй животных и людей и вообще деревянных предметов, в том числе зонтов, отсутствие миниатюрных бронзовых воспроизведений сосудов, большая скромность инвентаря и т. д.). Чем объясняются эти различия левобережных и правобережных племен — в настоящее время, опираясь лишь на археологические факты, установить невозможно. Вероятнее всего, учитывая полную территориальную разобщенность, можно предполагать значительную этническую обособленность правобережных племен от левобережного населения.

При всем этом левобережные племена играли доминирующую роль в общем динлино-гяньгуньском племенном союзе, центр которого находился в степях по р. Уйбату, где сохранился основной некрополь таштыкского времени (на территории Уйбатского чаа-таса). С этой точки зрения представляется особо интересным, что на Уйбатском этапе правобережные склепы имеют уже вместо юртообразных насыпей курганы усеченно-пирамидальной формы, что, несомненно, может связываться с усилением влияния левобережного населения.

Динлино-гяньгуньские племена распадалась на

¹ Н. Я. Бичурин. Ук. соч., ч. I, стр. 351.

² В. В. Бартольд. Отчет о поездке в Среднюю Азию с научною целью. СПб., 1897, стр. 109.

³ G. Huth. Geschichte des Buddhismus in der Mongolei, II, Strassburg, 1896, стр. 33. Данные XIII—XIV вв.

⁴ Л. Морган. Первобытное общество. СПб., 1900, стр. 82.

отдельные родовые группы, далеко не всегда имевшие одинаковую экономическую базу и единое направление хозяйства при вхождении их в один племенной союз. В этом отношении особенно интересны материалы, обнаруженные в склепе № 1 Сырского чаа-таса. Как говорилось выше, там оказались свидетельства того, что в одном и том же склепе погребены представители, с одной стороны, таежников-оленоводов и охотников, с другой — степняков-скотоводов, т. е. люди, имевшие совершенно разные хозяйственные уклады, разную экономическую базу своей жизни. При одних погребениях помещались деревянные статуи верховых северных оленей и бронзовые амулеты в виде фигурки «хозяина тайги» — медведя, при других же, — которых большинство, — статуи коней и амулеты в виде фигурок лошадей или парных конских головок. Этот редкий в археологической практике случай нахождения совмещенных погребений в одной могиле (склепе) представителей двух различных типов хозяйства важен нам как свидетельство родоплеменного характера таштыкских склепов, как свидетельство того, что в динлино-гяньгуньский союз входили не только степные племена, но и роды, населявшие горно-таежные районы, прилегающие к Хакасско-Минусинской котловине; группы, основывающие, очевидно с древности, свое хозяйство на оленеводстве и охоте. Конечно, в наиболее тесных отношениях с таежниками были те степняки, которые жили в районах подтаежных, поэтому не случайно, что в «чистых степных» таштыкских склепах этого не наблюдается, зато выявлено в склепе Сырского чаа-таса, расположенном в пограничном районе между горно-таежной зоной (отроги Кузнецкого Ала-Тау и Абаканского хребта) и последними «заливами» хакасских степей в горные котловины. Этнографически для более позднего времени хорошо известны отдельные географические группы даже одной и той же народности, имевшие сильные различия в основных направлениях их хозяйственной деятельности. Таковы, например, различия между северо-западными и восточными башкирами, из которых первые издавна являлись оседлыми земледельцами, вторые — кочевниками-скотоводами. Не меньшие различия имелись также между отдельными группами чукчей и коряков, одни из которых являлись морскими охотниками и рыболовами, другие — оленеводами-кочевниками¹. Подобные различия в экономике приводили вместе с тем и к различиям в культуре этих географических групп одного этнического происхождения.

В «таштыкское» общество, по имеющимся данным, входили, кроме таежных оленеводов-охотников, в основном степные скотоводы, ведущие полукочевой образ жизни, и оседлые земледельцы, имевшие, кроме того, в качестве подсобного занятия пастушеское скотоводство.

Вместе с тем изучение родоплеменных коллек-

тивных усыпальниц-склепов наглядно показывает, что это общество уже находилось на грани крушения первобытнообщинных отношений, разложение которых зашло очень далеко. Анализ размещения погребального инвентаря при отдельных погребениях приводит к выводу, что в социальном отношении общество расслаивалось на три основные группы: свободное рядовое население, которое составляло большинство, бесправная группа зависимых соплеменников и все более обособляющаяся группа знати. Наряду с погребениями рядовых соплеменников, сопровождающимися в достаточной мере скромным и обычным инвентарем и погребальными масками, встречаются погребения, немногочисленные в общей массе, ритуал и инвентарь которых значительно отличаются от рядовых. Именно при этих погребениях оказывается многочисленный, очень разнообразный и богатый инвентарь (остатки роскошных, бутафорских погребальных одежд из шелка и меха, обшитых бесчисленными деревянными бляшками, каждая из которых оклеивалась листовым золотом; оклеенные золотом древки стрел, деревянные плакетки, ритуальные сосудики, наборные пояса и т. д.). При этих же погребениях находят также и вещи, свидетельствующие о подражании ритуалу китайской знати: разнообразные статуэтки домашних животных, которые сопровождают покойного и в то же время символизируют богатство скотом их обладателей, для чего даже, например, статуэтки баранов, целиком оклеивались плущеным золотом. Подле этих же сожженных ставились и человеческие статуэтки, символизирующие целиком зависимых от своих хозяев людей, следующих за ними. При них же встречаются и особые знаки их знатного положения: зонты китайского типа и миниатюрные подвески в форме бронзовых котлов. Нередко вместо обычных масок подобные погребения сопровождаются масками-бюстами с особыми подставками.

Особенно многочисленны, подобные по инвентарю и ритуалу, погребения аристократической верхушки «таштыкского» общества в некоторых склепах Уйбатского чаа-таса (№ 7, 8 и 11). Ведь только в склепах на Уйбате найдены и котловиные бронзовые привески и статуэтки, изображающие «сопровождающих» людей. Все это подтверждает, наряду с находками остатков зонтов китайского типа², что в склепах на р. Уйбате погребались представители самых знатных родов, что в Уйбатских степях, и поныне считающихся лучшими пастбищами Хакасско-Минусинской котловины, находился центр динлино-гяньгуньского племенного союза, были расположены стойбища самых богатых скотоводов, возглавлявших этот союз.

Вместе с тем в таштыкских склепах встречаются погребения людей, явно стоявших на самой нижней ступени социальной лестницы. Они не имеют нередко ни масок, ни какого-либо сопровождающего

¹ С. А. Токарев. К постановке проблем этногенеза. СЭ, 1949, № 3, стр. 20.

² Зонты, кроме этих уйбатских склепов, найдены еще только в склепе № 1 Сырского чаа-таса и нигде более.

инвентаря. Мало того, прах их чаще всего не уда-
стаивался даже положения в общей погребальной
камере. Такие сожжения обычно заполняют пол
дромоса склепа (на левобережье), причем наблю-
дения показывают, что основные погребения про-
должают после этого вноситься в склеп, а те затап-
тываются. Нередко, для того чтобы их как-то все
же предохранить от затаптывания, они прикрыва-
лись сверху каменными плитками. Эти кучки переж-
женных косточек людей под плитками встречаются
не только в коридоре входа, но и в самих дверях
и даже снаружи у дверей склепа. Такого рода по-
гребения, по-видимому, являются захоронениями
соплеменников, впавших уже в сильную зависи-
мость от «сильных мира сего», лишившихся даже
самых обычных прав, находившихся почти на раб-
ском положении. Были, конечно, и рабы, главным
образом из числа военнопленных.

Такая картина, раскрывающаяся при изучении
погребений, наглядно свидетельствует о сильном
разложении общества, когда богатства уже все
сильнее начинают скапливаться в руках немногих,
но когда еще социальная верхушка продолжает ря-
диться в традиционные патриархально-родовые
одежды, очень удобные для прикрытия зародив-
шейся эксплуатации соплеменников. Существует
частная собственность отдельных патриархальных
семей на средства производства и прежде всего на
скот, и, очевидно, на земельные участки (пашни,
лучшие пастбища). Вместе с тем в «таштыкском»
обществе богатства (прежде всего скот) уже пере-
давались по наследству, что, вероятно, находит так-
же свое отражение и в погребальном обряде, когда
вместе с прахом богатых покойников кладутся не
сами вещи, а лишь их заменители, символизирую-
щие богатства, остающиеся в руках наследников.

У нас нет еще данных о столкновениях «таш-
тыкской знати» с массой соплеменников. Несомнен-
но, знать стремилась влиять на рядовых членов об-
щества и с помощью религиозных действий. Много-
численные находки шаманских принадлежностей в
погребениях с очевидностью свидетельствуют о ша-
манстве динлино-гяньгуней, в котором знать при-
нимала самое активное участие. Вместе с тем сред-
ством разрядки противоречий между знатью и
рядовыми соплеменниками служила война, воен-
ные походы за добычей, делившейся между их
участниками.

Вокруг динлино-гяньгунских племенных вож-
дей и родовых старейшин, являвшихся в то же вре-
мя и военными предводителями, группируется воен-
ная знать, эта новая молодая общественная группа
постепенно обособляющихся богатых воинов-конни-
ков.

Эта военно-аристократическая верхушка и воз-
главляла динлино-гяньгунский племенной союз в
эпоху его борьбы с гуннами, вплоть до окончатель-
ного разгрома племенного союза гуннов в Централь-
ной Азии. Китайские источники по-прежнему, по
старой традиции, называют динлино-гяньгуней про-
сто динлинами, главным образом потому, что речь

всякий раз шла о населении той территории, кото-
рая издавна у них называлась «владением Динлин».
Подобное явление сохранения старого названия за
новыми обитателями одного и того же места, хотя
они нередко абсолютно не связаны этнически, часто
встречается в ранней историографии. Общеизвест-
но, например, что византийские источники называ-
ли долгое время западных гуннов (IV в.) скифами,
а позднее появившихся у Каспийского моря тюрок
(в эпоху тюркского каганата VI—VIII вв.) называ-
ли гуннами¹ и т. д. В Хоуханьшу под 85 г. н. э. в
период упадка соевых гуннов указывается, что
«южные поколения напали на них с лица; динлины
произвели набеги с тыла (т. е. с севера. — Л. К.);
сяньбийцы ударили с восточной, владения Запад-
ного края с западной стороны»². Эти набеги дин-
лино-гяньгуней, наряду с освободительно-оборони-
тельным характером их вековой борьбы с централь-
ноазиатскими гуннами, имели еще и другую сто-
рону, связанную с переживаемым ими периодом
распада первобытнообщинных отношений. Общеиз-
вестно, что эпоха перехода патриархально-родового
общества в общество классовое характеризуется ог-
ромным усилением межплеменных военных стол-
кновений, что именно в это время война «становится
постоянным промыслом»³.

Это подтверждается и последним упоминанием
динлин в китайских летописях между 147 и 156 гг.
В конце I в. н. э. вместо гуннов в Центральной Азии
появляются новые властители — восточные племена
сяньби, которые окончательно разбили гуннов в
87—91 гг. Наибольшего расцвета и могущества
сяньбийские племена достигли во II в. при их пред-
водителе Тяньшихае (или Тяньшихуае — 147—
181 гг.). В повествовании о завоеваниях этого Тянь-
шихая и упоминает в последний раз Хоуханьшу
динлин между 147 и 156 гг.: «Все старейшины на
востоке и западе поддались ему (Тяньшихаю. —
Л. К.). Почему он на юге грабил пограничные ме-
ста, на севере остановил динлинов, на востоке
отразил фуую, на западе поразил усунь и овладел
всеми землями, бывшими под державою хуннов, от
востока к западу на 14 000 ли, со всеми горами, ре-
ками и соляными озерами»⁴. Это сообщение Хоу-
ханьшу важно по двум обстоятельствам. Во-первых,
оно свидетельствует о том, что сяньбийцы, заняв
земли гуннов, не захватили Хакасско-Минусинской
котловины, где никаких изменений в это время не
произошло, что хорошо подтверждается анализом
археологических материалов. Во-вторых, это сооб-
щение свидетельствует также о том, что и после
разгрома гуннов динлино-гяньгунские племена
продолжали свои военные походы в Центральную
Азию, очевидно, в погоне за захватом добычи и

¹ Византийские историки, перевод с греч. С. Дестуниса. СПб., 1861. Иногда и китайцы называли тюрок гуннами.

² Н. Я. Бичурин. Ук. соч., ч. I, стр. 126.

³ Ф. Энгельс. Происхождение семьи, частной соб-
ственности и государства. Госполитиздат, 1950, стр. 170.

⁴ Н. Я. Бичурин. Ук. соч., ч. I, стр. 154.

рабов. Одно из таких их наступлений и «остановил» Таньшихай.

Никаких письменных сообщений о населении Хакасско-Минусинской котловины в III—V вв. мы не имеем. Единственные источники, дошедшие до нас от этого времени, это археологические памятники. Их анализ приводит к выводу, что никаких изменений в составе динлино-гяньгуньских племен за это время не произошло — никаких внедрений новых этнических элементов на занимаемую ими территорию не было, так же как не было, очевидно, их подчинения ни сяньбийцам, ни другим завоевателям. Кризис первобытнообщинных отношений в динлино-гяньгуньском обществе углубился в конечном итоге настолько, что родоплеменные связи оказались нарушенными. «Имущественные различия между отдельными главами семей взрывают старую коммунистическую домашнюю общину... вместе с ней исчезает и совместная обработка земли за счет

этой общины. Пахотная земля предоставляется в пользование отдельным семьям — сперва на время, потом раз навсегда, переход к полной частной собственности совершается постепенно... *отдельная семья становится хозяйственной единицей общества*»¹. Этот процесс хорошо зафиксирован археологическими памятниками: в конце Уйбатского этапа, около начала IV в., навсегда исчезают в Хакасско-Минусинской котловине коллективные усыпальницы, которые повсеместно заменяются индивидуальными погребениями последнего, Камешковского этапа таштыкской эпохи.

На смену одряхлевшей первобытности приходит классовое общество, складывается первое в истории Хакасско-Минусинской котловины государство древних хакасов.

¹ Ф. Энгельс. Ук. соч., стр. 169 (подчеркнутой. — Л. К.).

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

*

Все основные выводы, к которым привело нас исследование особенностей исторического развития, протекавшего в таштыкскую эпоху в Хакасско-Минусинской котловине, уже изложены в последней главе настоящей работы. Важнейшие экономические и социальные сдвиги, происшедшие в это время, привели к образованию классового общества и сложению древнего государства хакасов, но вместе с тем они же явились и причиной этнических сдвигов, наложивших определенный отпечаток на весь дальнейший этногенетический процесс населения не только Южной, как считалось до сих пор, но и в значительной мере Западной Сибири, вплоть до сложения современных народов на этих территориях: хакасов, северных алтайцев, барабинцев,

обских угров и др. В период разложения первобытнообщинного строя и зарождения классового общества особенно усиливаются передвижения и военные столкновения отдельных племен и племенных объединений, ведущие к смешиванию и скрещиванию разнородных этнических групп. В этом заключаются основы возникновения тех особенностей этногенетического процесса, которые установлены в предлагаемой работе. Эти особенности наглядно показывают, как с глубокой древности закладывались тесные культурные и этнические связи между народами нашей многонациональной Родины, объединившимися в результате исторической победы Великой Октябрьской социалистической революции в единое государство победившего социализма.

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

*

ВДИ	Вестник древней истории	МЭ	Материалы по этнографии
ВИ	Вопросы истории	МЭН СССР	Музей этнографии народов СССР
ГИМ	Государственный исторический музей	ОАК	Отчеты Археологической комиссии
ДИЮС	С. В. Киселев. Древняя история Южной Сибири. 2 изд., М., 1951	ПИМК	Проблемы истории материальной культуры
ЗВОРАО	Записки Восточного отделения Русского археологического общества	ПИДО	Проблемы истории докапиталистических обществ
ЗЗСОРГО	Записки Западно-Сибирского отделения Русского географического общества	СА	Советская археология
ЗРАО	Записки Русского археологического общества	СЭ	Советская этнография
ЗРГО	Записки Русского географического общества	Сб. СЭ	Сборник «Советская этнография»
ЗСОРГО	Записки Сибирского отделения Русского географического общества	Сб. МАЭ	Сборник «Музея антропологии и этнографии»
ИАК	Известия археологической комиссии	ТГПИ	Томский государственный педагогический институт
ИВСОРГО	Известия Восточно-Сибирского отделения Русского географического общества	ТИЭ	Труды Института этнографии
ИГАИМК	Известия Государственной Академии истории материальной культуры	ТОИПК	Труды отдела истории первобытной культуры Государственного Эрмитажа
ИОАИЭКУ	Известия общества археологии, истории и этнографии при Казанском университете	ТТКОПОРГО	Труды Троицкосавско-Кяхтинского отдела Приамурского отделения Русского географического общества
ИРГО	Известия Русского географического общества	ХНИИЯЛИ	Хакасский научно-исследовательский институт языка, литературы, истории
КСИИМК	Краткие сообщения Института истории материальной культуры АН СССР	ЕСА	Eurasia Septentrionalis Antiqua
МАР	Материалы по археологии России	SMYA	Suomen Muinaismuistoyhdistyksen Aika-kauskirja
МИА	Материалы и исследования по археологии СССР	КО	Кольцо
		К	Курган
		ЗК	Земляной курган
		М	Могила.

ОГЛАВЛЕНИЕ

Введение	3	Глава IV. ПОСЛЕДУЮЩИЕ ЭТАПЫ ТАШТЫКСКОЙ ЭПОХИ	
Глава I. ТИПЫ ПОГРЕБАЛЬНЫХ СООРУЖЕНИЙ		Сырский этап. (Склепы и погребальный обряд. Посуда. Деревянные предметы. Одежда и украшения. Ору- жие и сбруя)	117
Грунтовые могилы	9	Искусство Сырского этапа	130
Склепы под юртообразными земляными курганами с ка- менными отвесными стенками	13	Усиление связей с Китаем	134
Склепы под усеченно-пирамидальными земляными кур- ганами	15	Дата этапа	135
Погребения под каменными выкладками	28	Уйбатский этап	136
Глава II. ХРОНОЛОГИЧЕСКАЯ ПЕРИОДИЗАЦИЯ ТАШТЫКСКИХ ПАМЯТНИКОВ		Инвентарь	137
О хронологии	35	Астрагалы и знаки на них	141
Пряжки	36	Маски	147
Керамика. Формы	40	Дата	151
Керамика. Орнаменты и техника изготовления сосудов	57	Камешковский переходный этап	151
Различия керамики правобережных и левобережных склепов	65	Инвентарь и датировка	155
Сосуды из грунтовых погребений	67	Таштыкские каменные изваяния с изображениями лю- дей	157
О Лугавском поселении	73	Глава V. ИСТОРИЧЕСКИЙ ОЧЕРК ХАКАССКО- МИНУСИНСКОЙ КОТЛОВИНЫ В ТАШТЫКСКОЕ ВРЕМЯ	
Глава III. РАННЕТАШТЫКСКОЕ ВРЕМЯ (ИЗЫХСКИЙ ЭТАП)		Динлино-гянгуньские племена и гуяны	161
Памятники Изыхского этапа	75	Судьбы ранних угров и вопрос об этногенезе угорских народов Западной Сибири	166
Погребальный обряд	76	Хозяйство и особенности производства	178
Инвентарь Изыхского этапа	78	Общинное производство	186
Раннеташтыкское искусство	88	Этногенез хакасов и общественный строй динлино-гянь- гуньских племен	188
Грунтовые погребения. Обряд и инвентарь	98	Заклучение	195
Дата Изыхского этапа	115	Список сокращений	196

Леонид Романович Кызласов
ТАШТЫКСКАЯ ЭПОХА В ИСТОРИИ ХАКАССКО-МИНУСИНСКОЙ
КОТЛОВИНЫ
(I в. до н. э.— V в. н. э.)

• • •

Редакторы: Л. В. Маланчев и С. А. Пустовойт
Технический редактор В. П. Гурьянов

• • •

Сдано в набор 26 января 1959 г. Подписа-
но к печати 24 октября 1959 г. Л-120018.
Изд. № 770. Заказ 194. Формат 60×92/8.
Печ. л. 24,75. Уч.-изд. л. 27,9. Тираж 1100.
Цена 17 руб.

• • •

Издательство Московского университета.
Москва, В-234, Ленинские горы, Административный корпус
Полиграфический комбинат Ярославского совнархоза,
г. Ярославль, ул. Свободы, 97.
Набрано и сматрицировано в Полиграфическом комбинате Яросла-
вского совнархоза. Г. Ярославль, ул. Свободы, 57. Отпечатано в ги-
пография издательства МГУ. Москва, Ленинские горы

ЭТАПЫ ТАШТЫКСКОЙ ЭПОХИ

(I в. до н. э. - начало V в. н. э.)

БРОНЗА : NN 1-4, 10-18, 20, 22-24, 29, 30, 56, 71, 74, 88-98, 108, 111-114, 156-159, 163, 164, 168-170, 172-178, 181-183, 30a.

ЖЕЛЕЗО : 5, 7, 9, 25-27, 60, 61, 68-70, 99-101, 116, 119, 121, 122, 161, 165-167, 179, 192-193.

БРОНЗА И ЖЕЛЕЗО : 160, 162

БЕЛЫЙ МЕТАЛЛ : 28.

ЗОЛОТО : 65.

ДЕРЕВО : 19, 21, 31-33, 66, 67, 72-73, 75-77, 80, 102-105, 109, 110, 115, 120, 124-130, 132-136, 171, 180.

ГЛИНА : 36-55, 79, 81-87, 131, 137-155, 184-191, 195-202.

КОСТЬ : 6, 8, 57, 58, 106, 107, 117, 118.

СТЕКЛО : 34, 62, 64, 123.

КАМЕНЬ : 35, 194.

БЕРЕСТА : 78.

МАСШТАБЫ.

ПОСУДА (дерево и глина) и N 130: 0 5 10 15 см ВЕЩИ: 0 5 10 см
БЕЗ МАСШТАБА NN 109, 115, 194, 66, 67, 69, 70.

